

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ
NAUCHNYI DIALOG

Включен в Перечень ВАК

Научный диалог

2020. № 12

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	12 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	<ul style="list-style-type: none"> • WoS <Emerging Sources Citation Index> • Международная база ERIH PLUS с 11 июня 2015 года • Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/) • EBSCO • Index Copernicus • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Импакт-фактор РИНЦ 2019	0,357
ICV 2019 Index Copernicus	98.91
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620050, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620098, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	snior@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	07.00.00 Исторические науки	
	10.01.00 Литературоведение	
	10.02.00 Языкознание	
География авторов выпуска	Арзамас	Петрозаводск
	Архангельск	Пятигорск
	Екатеринбург	Самара
	Елец	Санкт-Петербург
	Ереван (Армения)	Стерлитамак
	Москва	Тобольск
	Нерюнгри	Тюмень
Авторы, имеющие ученую степень	Нижний Новгород	Улан-Удэ
	Омск	Чебоксары
	81 %	

Дата выхода в свет 25.12.2020

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

2020. № 12

Impact factor RSCI 2019	0,357
ICV 2019 Index Copernicus	98.91
	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Informa- tion Technologies and Mass Com- munications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Presence in Citation Bases, indexation	<ul style="list-style-type: none"> • WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/) • Science Index (Rus) • Index Copernicus • CyberLeninka
Text Presentation Form	<ul style="list-style-type: none"> • EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the jour- nal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Главный редактор

Татьяна Валерьевна Леонтьева, д-р филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, канд. филологических наук (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, д-р педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

Редакционный совет**10.02.00 Языкознание**

Александр Константинович Киклевич, д-р филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Арто Мустайоки, д-р философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Билиана Марич, д-р филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Вадим Витальевич Сдобников, д-р филологических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Евгения Викторовна Терехова, д-р филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, д-р филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Татьяна Николаевна Бунчук, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Тимур Беньюминович Радбиль, д-р филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

10.01.00 Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, д-р филологических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)
Андреана Борисова Ефимова, д-р наук, профессор (Болгария, София)
Галина Ивановна Родина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Евгения Николаевна Кузьмина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
Иво Поспишил, д-р наук (Чешская Республика, Брно)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Павел Федорович Лимеров, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Алексеевна Савоскина, канд. филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

07.00.00 Исторические науки. Этнография. Этнология

Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, д-р исторических наук, профессор (Казахстан, Усть-Каменогорск)
Андрей Александрович Иванов, д-р исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, д-р исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

EDITOR-IN-CHIEF:

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

SCIENCE EDITORS

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL BOARD**LINGUISTICS**

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Tatyana Nikolayevna Bunchuk, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)

Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

Vadim Vitalevich Sdobnikov, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Galina Ivanovna Rodina, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Arzamas)

Evgenia Nikolayevna Kuzmina, Doctor of Philology, professor (Russia, Novosibirsk)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Pavel Fyodorovich Limerov, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)

Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

HISTORY. ETHNOGRAPHY. ETHNOLOGY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

Andrey Aleksandrovich Ivanov, Doctor of History, professor (Russia, St. Petersburg)

Yuri Dmitriyevich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

Содержание

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Андреева В. А., Копчук Л. Б.</i> Научная коммуникация 2.0: особенности представления научного контента на немецкоязычных научно-популярных YouTube-каналах	9
<i>Афанасьева Н. А., Афанасьева Л. П.</i> Формирование культурного кода поколения: ключевые слова поэтических текстов в начальной школе (Российская Империя — СССР)	26
<i>Димитриева О. А.</i> Вербализация вакхических действий в художественном мире Фёдора Абрамова	39
<i>Иванова Е. Э., Лань Лин.</i> Годонимия Чэнду и Екатеринбурга: сопоставительный аспект.....	54
<i>Ларцева Е. В., Гафурова Ю. Р.</i> К вопросу о переводе сложносоставных окказионализмов в современных англоязычных романах	74
<i>Лату М. Н.</i> Частотно актуализируемые смысловые компоненты в мемах и демотиваторах, посвященных самоизоляции.....	85
<i>Мурзина О. В.</i> Импликационные приемы построения текстов современных молодежных СМИ сквозь призму риторической традиции.....	99
<i>Терских М. В.</i> Информация на упаковке как поликодовый рекламный текст: инструменты воздействия	111

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Борунов А. Б.</i> Сквозные образы как циклообразующие скрепы «фандоринского корпуса»: концепт правителя	123
<i>Иванян Е. П., Айрян З. Г.</i> Стихотворение Г. Алишана «Раздан»: поливариантность смыслов, интерпретаций, переводов	133
<i>Кудряшов И. В., Пяткин С. Н.</i> Отчего сдохла канарейка? (Сергей Есенин о Николае Клюеве)	151
<i>Лебедева В. Ю.</i> Феномен суицида в русскоязычных рассказах В. Набокова	163
<i>Маркова Е. А.</i> Творчество С. Беккета в контексте «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского.....	174
<i>Меркель Е. В., Тулушева Е. С.</i> Персонажная систематика в трилогиях Дины Рубиной 2000—2010-х годов.....	185
<i>Сафрон Е. А.</i> Наследие немецкого романтизма в отечественном городском фэнтези	196

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Актамов И. Г., Банзаракцаев Б. Ц., Дагбаева Н. Ж.</i> Реализация принципов устойчивого развития в Байкальском регионе: исторические и культурно-образовательные аспекты.....	209
---	-----

<i>Валитов А. А., Федотова Д. Ю.</i> Политические события февраля 1917 года в епархиальной периодической печати Западной Сибири.....	227
<i>Кантимирова Р. И., Павлова О. С.</i> Деятельность Уфимского местного отделения Российского общества Красного Креста в период Первой мировой войны	239
<i>Кондратьев С. В.</i> Въезд в Исфахан русского посольства и дипломатические приемы в Сефевидском государстве (по воспоминаниям Джона Белла).....	252
<i>Левин Я. А.</i> Провозглашение КНР: реакция американской прессы	262
<i>Метель О. В.</i> Эволюция «академического сектора» советской исторической науки в 1920—1960-е годы	271
<i>Попов И. Д.</i> Конференции премьер-министров германских земель в 1945—1947 годах как предпосылка становления Федеративной Республики Германия ..	290
<i>Скипина И. В., Дубницкая Е. И.</i> Переписка фронтовиков с тюменцами как источник по истории повседневности в годы Великой Отечественной войны (1941—1945)	308
<i>Сорокин А. А.</i> Реформа земского представительства: разработка и корректировка проекта П. А. Столыпина в 1906—1907 годах	322
<i>Тропов И. А., Федькин А. В., Конкин А. А.</i> Женщины-работницы Санкт-Петербурга в конце XIX — начале XX века	335
<i>Тычинских З. А.</i> Институт татарских голов в Западной Сибири в XVII—XIX веках: формирование и эволюция	349
<i>Чемакин А. А.</i> Деятельность П. Б. Струве как министра иностранных дел правительства Юга России (1920).....	362
<i>Чернов А. В., Блохин В. В.</i> Периодизация правления Александра I в советской историографии.....	378
АВТОРАМ.....	394
CONTENTS.....	399

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Валерия Анатольевна Андреева, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Екатерина Владимировна Ларцева, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Елена Эдуардовна Иванова, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Лань Лин, аспирант (Екатеринбург)
Любовь Борисовна Копчук, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Любовь Петровна Афанасьева, магистрант (Санкт-Петербург)
Максим Николаевич Лату, канд. филол. наук (Пятигорск)
Марина Викторовна Терских, канд. филол. наук (Омск)
Наталья Андреевна Афанасьева, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Ольга Альбертовна Димитриева, канд. филол. наук (Чебоксары)
Ольга Викторовна Мурзина, канд. пед. наук (Москва)
Юлия Радиковна Гафурова, преподаватель (Екатеринбург)

Андреева В. А. Научная коммуникация 2.0: особенности представления научного контента на немецкоязычных научно-популярных YouTube-каналах / В. А. Андреева, Л. Б. Копчук // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 9—25. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-9-25.

Andreeva, V. A., Korchuk, L. B. (2020). Scientific Communication 2.0: Features of Presenting Scientific Content on German Popular Science YouTube Channels. *Nauchnyi dialog*, 12: 9-25. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-9-25. (In Russ.).

УДК 811.112.2:659.11+001.92

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-9-25

НАУЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ 2.0: ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАУЧНОГО КОНТЕНТА НА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ YOUTUBE-КАНАЛАХ

© Андреева Валерия Анатольевна (2020), orcid.org/0000-0002-3433-4792, Researcher ID C-5040-2019, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (Санкт-Петербург, Россия), valeryandreeva@gmail.com.

© Копчук Любовь Борисовна (2020), orcid.org/0000-0002-1885-2047, Researcher ID Z-3938-2019, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (Санкт-Петербург, Россия), korchuk.ljubov@gmail.com.

Статья посвящена анализу особенностей представления научного контента на немецкоязычных научно-популярных YouTube-каналах *mailLab* и *Terra X Lesch & Co*. Установлено, что в целом научно-популярные YouTube-каналы *mailLab* и *Terra X Lesch & Co* ориентируются на принятые в сфере науки стратегии и формы представления научного контента: используются характерные для теоретического дискурса типы тематической прогрессии (дескриптивный, экспликативный и аргументативный), а также схема аргументативного высказывания. Показано, что в отличие от механизма объективации информационного обмена, определяющего представление научного контента внутри научного сообщества, в сетевой научно-популярной коммуникации действует механизм персонализации, что определяется особенностями интеракции участников сетевой коммуникации и полимодальностью Интернета как медиума. Авторы подробно рассматривают техники интимизации, эмоционализации, диалогизации, метафоризации, визуализации и внедрения нарративного паттерна. Отмечается, что эти техники позволяют блогерам поддерживать внимание и интерес подписчиков своих каналов, а также упрощать представление научного контента, облегчая его восприятие. Доказано, что использование стратегии персонализации информационного обмена, характерной для массмедийного дискурса, приводит к последовательному нарушению существующих в теоретическом дискурсе запретов на любое эксплицитное проявление субъекта речи в высказывании. Анализ материала позволяет авторам прийти к выводу об активном взаимодействии разных дискурсов — теоретического и массмедийного — в их периферийных зонах и описать механизмы этого взаимодействия.

Ключевые слова: научная коммуникация 2.0; сетевая научно-популярная коммуникация; полимодальность; теоретический дискурс; массмедийный дискурс; стратегия персонализации, техника интимизации.

1. Постановка проблемы

Стремительно разворачивающаяся цифровая трансформация общества и все возрастающая значимость Интернета для осуществления взаимодействия как об-

ществленных институтов, социальных групп, так и частных лиц не могут не оказывать влияния на сложившиеся формы и нормы общения в интернет-пространстве указанных субъектов и стратегии использования ими языка. При этом в сетевую коммуникацию оказываются вовлеченными все сферы деятельности, в которых происходит вербальный обмен информацией, включая деловую и научную, традиционно считающиеся в силу своей строгой регламентированности наиболее закрытыми для «внешнего» воздействия, проникновения элементов из других сфер. Разумеется, речь идет о влиянии сетевой коммуникации на периферию соответствующих дискурсивных практик.

К такой периферии относится сетевая научно-популярная коммуникация, или сетевая научная журналистика. Особенности сетевой научной коммуникации, или *научной коммуникации 2.0* (название отсылает к *Web 2.0*, для которого характерно участие акторов сетевой коммуникации в наполнении и многократной выверке контента), еще только начинают привлекать внимание экспертного сообщества. Среди наиболее значительных исследований можно назвать проект *Audio-Visuelle Wissenschaftsvermittlung* (Аудиовизуальный трансфер научных знаний), осуществляемый с 2017 года медиалингвистами Трирского университета (Германия) под руководством профессора Х.-Ю. Бухера [*AudioVisuelle ...*]. В задачи проекта входит анализ аудиовизуальной продукции на телевидении и в Интернете, с целью выявления наиболее эффективных форматов интеракции научного сообщества как эмитента научного знания и общества как его потребителя.

Мотивацией к написанию настоящей статьи стал интерес к научно-популярной коммуникации на немецкоязычном *YouTube*, который активно используется как канал интеракции научного сообщества с аудиторией, заинтересованной в понимании значения научных достижений и, главное, последствий их внедрения в разные сферы жизни. В фокусе нашего интереса, в частности, находятся особенности представления научного контента в условиях мультимодального сетевого общения.

2. Теоретические предпосылки исследования

Научно-популярная коммуникация как периферия научного и массмедийного дискурсов. Научная коммуникация внутри научного сообщества и научно-популярная коммуникация, в том числе во Всемирной паутине, конституируют научный дискурс и соотносятся друг с другом как его ядро и периферия. Вместе с тем научно-популярная коммуникация является периферией медиадискурса, а именно — той его области, которая называется научной журналистикой.

Таким образом, научно-популярную коммуникацию необходимо рассматривать, с одной стороны, в ее связи с научной сферой, с другой — в ее соотношении с медиакоммуникацией. Факторами, позволяющими противопоставить научно-популярную коммуникацию ядру научного и ядру массмедийного дискурсов, являются (1) функция, или специфическая задача, (2) целевая группа.

Специфической задачей науки является конституирование нового знания и его трансфер прежде всего внутри научного сообщества. Интерсубъективный характер научного знания требует, с одной стороны, публикации научного результата,

с другой — его критического анализа. Авторитетный немецкий филолог и философ Х. Вайнрих возводит эти аспекты научной деятельности в этический принцип, или «заповедь», для ученого «публиковать и критиковать» полученные научные результаты (*Veröffentlichungs- und Kritikgebot*) [Weinrich, 1995, S. 1—13].

Специфической задачей массмедиа является информирование широких слоев общества об актуальных социально-политических процессах и событиях, сопряженное с формированием общественного мнения через создание определенного ракурса видения этих процессов и событий. Массмедиа принадлежат сфере массовой коммуникации как социально значимой сфере речевой деятельности общества: «Особенности речеупотребления в этой социально-значимой сфере обусловлены типическими особенностями самой массовой коммуникации, к которым в первую очередь относятся коллективный, коллегиальный характер производства текстов и направленность текста массовой информации на огромную рассредоточенную в пространстве аудиторию» [Добросклонская, 2008, с. 27].

В отличие от научной коммуникации внутри научного сообщества функция научно-популярной коммуникации или научной журналистики состоит исключительно в распространении результатов научного знания. Эта сфера получила в конце прошлого века и особенно в XXI веке мощный импульс, во-первых, в связи с запросами общества, связанными, например, с его озабоченностью по поводу состояния окружающей среды, изменений климата, использования достижений генной инженерии, пандемии коронавируса и т. п., во-вторых, в связи с развитием Интернета. Научную журналистику с научным дискурсом объединяет, таким образом, научный контент. Что касается участников коммуникации, то научно-популярная коммуникация представляет собой интеракцию экспертного сообщества с широкими кругами общественности, от которых исходит запрос на информацию об актуальных научных разработках, их внедрении, а также о последствиях трансфера научных результатов в разные сферы жизни общества. Таким образом, реципиентом научной информации в массмедийном пространстве является «огромная, рассредоточенная в пространстве аудитория». В роли представителя экспертного сообщества или медиатора выступает чаще всего ученый, выбравший сферу научной журналистики или совмещающий свою научно-просветительскую деятельность с исследованием и / или преподаванием в университете. В идеале цель популяризации научного знания заключается в том, чтобы, как еще в 1754 году писал М. В. Ломоносов, «давать ясные и верные краткие изложения содержания появляющихся сочинений, иногда с добавлением справедливого суждения либо по существу дела, либо о некоторых подробностях выполнения» [Ломоносов, 1952, с. 217], — ожидание, которое является актуальным и в наше время, когда позиция участников научной коммуникации по отношению к научной истине, особенно в зоне соприкосновения науки и массмедиа, зачастую зависит от влияния политики и экономики.

Речевые стратегии и языковые особенности научного и массмедийного дискурсов. Если применить к анализу научной коммуникации риторическую модель дискурсивных компетенций, параметризующую высказывания по признакам референтности, рецептивности и креативности, то любое научное суждение следует от-

нести к теоретическому дискурсу, или *ментативу*, суть которого состоит в том, что его референтную компетенцию составляет не знание «о существовании явлений и деятельности», а понимание их сущности [Тюпа, 2006, с. 41]. Понимание, в отличие от знания с его независимостью от сознания говорящего, связано с интенциональностью последнего. Как заметил один из создателей квантовой физики, нобелевский лауреат В. Гейнзберг, «мы должны помнить, что то, что мы наблюдаем, — это не сама природа, а природа, которая выступает в том виде, в каком она выявляется благодаря нашему способу постановки вопросов» [Гейнзберг, 1989, с. 27]. Понимание intersубъективно и направлено на изменение картины мира реципиента через воздействие на его рациональную сферу, отсюда важность аргументативной стратегии для теоретического дискурса. Рецептивная компетенция научного дискурса представляет собой очерчиваемый научным текстом круг реципиентов, обладающих достаточным коммуникативным ресурсом, чтобы «постичь ментальность самого теоретизирующего субъекта» [Тюпа, 2006, с. 43].

Дискурсивные компетенции теоретического (иначе: научного) дискурса обнаруживают себя в модусе формулирования: научное познание неразрывно связано с языком, более того, его результат конструируется в языке в виде новых категорий и терминов, начиная с момента формулирования гипотезы, планирования и постановки эксперимента для ее верификации или фальсификации до интерпретации результатов [Thiel et al., 2001, S. 117]. Креативность субъекта состоит «в инновационности научного языка (научного диалекта), на котором осуществляется высказывание» и которым должен владеть / овладеть реципиент этого высказывания [Тюпа, 2006, с. 42].

Научный язык характеризуется высокой степенью абстрактности и отвлеченности (предмет науки — сущность явлений и процессов), объективности и анонимности (понимание как цель «теоретизирующего субъекта» является intersубъективным), основным способом реализации интенции говорящего является аргументация («теоретизирующий субъект» ставит целью изменить ментальную картину мира реципиента).

Если интенциональность научной коммуникации направлена на создание научной картины мира, которая затрагивает сущности явлений и процессов, подвергаемых в научных высказываниях логическим процедурам верификации или фальсификации как рациональных оценок, массмедийная коммуникация, даже если она использует данные науки, ставит целью «создание картины мира с точки зрения человека в обществе» [Солганик, 2000], апеллируя при этом не только к рациональной, но и к эмоциональной сферам сознания, не только к сознанию, но и к подсознанию. При этом даже так называемые информационные жанры массмедиа не представляют контент нейтрально, поскольку включают факты после их предварительного отбора, в то время как аналитические жанры содержат прямые оценки. Стратегия оценивания является важной составляющей речевого воздействия вообще и в массовой коммуникации, в частности. Как справедливо заметил Р. Хэар, «язык оценок удивительно хорошо приспособлен к употреблению в ситуации принятия решения, при инструкции о выборе или в целях изменения принципов

выбора или модификации стандартов» [цит. по: Арутюнова, 1988, с. 53]. Несмотря на то, что отдельные типы массмедийных текстов являются анонимными или имеют коллективного автора (в качестве источника указывается, например, название информагентства), их можно соотнести с определенной субъектной позицией и с определенным дискурсом (например, с дискурсами отрицания или, наоборот, признания изменения климата и т. п.), так что креативность массмедийного дискурса связана со стратегией оценивания. Рецептивная компетенция зависит от широты социокультурных характеристик и рассредоточенности адресата.

Для модуса формулирования массмедийного дискурса, язык которого отмечен усредненностью (массмедийные тексты ориентированы на широкую аудиторию), характерны апеллятивность (цель массмедийного высказывания — оказание воздействия на общественное мнение), эмоциональность (оценочность и эмотивность тесным образом связаны) [Лукьянова, 1986, с. 4]) и экспрессивность (наличие эмоциональной коннотации «почти всегда влечет за собой экспрессивность, но обратное неверно» [Эмоции ...]), основным способом реализации интенции говорящего являются интенции персуазивности и суггестии (целью массмедийной коммуникации является формирование у реципиента такого отношения к миру, в котором заинтересован адресант). Персуазивное воздействие направлено «на регулирование поведения реципиента в условиях свободного выбора» [Голоднов, 2011, с. 114], суггестивное воздействие является не чем иным, как манипулированием сознанием и чувствами реципиента, поскольку не осознается реципиентом как воздействие.

Очевидно, что научно-популярная коммуникация, которая в настоящей статье идентифицируется с научной журналистикой, как периферийная зона двух дискурсов использует речевые стратегии каждого и демонстрирует комбинацию их языковых особенностей.

Специфика *Научной коммуникации 2.0* напрямую связана с характеристикой медиума, которая заключается в *мульти-* или *полимодальности*. Полимодальность означает взаимодействие нескольких семиотических модусов в процессе коммуникации: вербального (языковой код), визуального (использование цвета, изображений, в том числе динамических), аудитивного (музыка, разнообразные звуки и шумы), паравербального (мимика, жесты, интонация). Трансфер знания в научно-популярной интернет-коммуникации осуществляется во взаимодействии всех семиотических каналов, тем не менее решающую роль в процессе смыслообразования и смысловосприятия играет языковой код. Настоящее исследование базируется на анализе вербального компонента, но учитывает и влияние других кодов на модификацию порождаемых им смыслов и их прагматическое воздействие.

3. Videоблоги немецкоязычных научно-популярных YouTube-каналах *maiLab* и *Terra X Lesch & Co* как материал исследования

В качестве материала исследования были использованы, главным образом, видеоблоги канала *maiLab* (более 1 млн подписчиков, 170 видео — данные от 30.10.2020), а также (в интересах сравнения) канала *Terra X Lesch & Co.* (776 тысяч

подписчиков, 246 видео — данные от 30.10.2020). Канал *maiLab* является частью сетевой платформы *funk.net* — совместного проекта *ZDF* (Общественной телекомпании Германии) и *ARD* (Ассоциации региональных общественных телерадиокомпаний Германии). Разнообразный контент *funk.net* обращен к целевой аудитории в возрасте от 14 до 29 лет, а именно: к поколению цифровой эпохи, ищущему и находящему информацию исключительно в Интернете. Канал *Terra X Lesch & Co.* продюсируется *ZDF* при сотрудничестве с *objektiv media* и имеет отношение к научно-популярной телевизионной программе *Terra X*. Отдельные выпуски этого YouTube-канала дублируют телевизионные передачи, его подписчики принадлежат к разным возрастным группам. Можно предположить, что к аудитории этого канала относятся и поколение старше 29 лет, для которого источники информации не ограничиваются Интернетом.

4. Трансфер знания в научно-популярной интернет-коммуникации (на примере немецкоязычных научно-популярных YouTube-каналов)

Научный контент обоих каналов связан с той областью научного знания, которая в современном немецком языке обозначается аббревиатурой *MINT*: *Mathematik* (математика), *Informatik* (информатика), *Naturwissenschaften* (естественные науки), *Technik* (техника). Их ведущие (или, если использовать язык Интернета, научпопблогеры) являются квалифицированными специалистами в своих областях: профессор Харальд Леш (*Terra X Lesch & Co.*) преподает теоретическую астрофизику в институте астрономии и астрофизики Мюнхенского университета Людвиг-Максимилиана и философию в Мюнхенской высшей школе философии; Май Тхи Нгуен-Ким (*maiLab*), будучи обладательницей ученой степени по химии, несколько лет специализируется в области научной журналистики.

Очевидно, что сферы научных интересов блогеров влияют на отбор научного контента, о чем свидетельствуют названия выпусков на этих каналах:

Hat Licht ein Gewicht? / Есть ли у света вес?; *Wie groß ist ein Atomkern?* / Каков размер ядра атома?; *Physik Nobelpreis 2020 — Harald Lesch erklärt* / Нобелевская премия 2020 по физике — Харальд Леш разъясняет [Terra X ...];

Alu-Deos sind unbedenklich. Parabene, Silikone, Aluminium wissenschaftlich geprüft / Алюминийсодержащие дезодоранты не вызывают опасений. Научная проверка парабенов, силиконов, алюминия; *Fluoride & Zahnpasta — Die ganze Wahrheit* / Флюориды и зубная паста — Вся правда; *Milch ist GIFT! wissenschaftlich geprüft* / Молоко — ЯД! научная проверка [maiLab].

Обращает на себя внимание, что тематика канала *Terra X Lesch & Co* ориентирована на разъяснение вопросов, относящихся к фундаментальному научному знанию, носит общеобразовательный характер и не фокусируется на какой-либо определенной целевой аудитории. На канале *maiLab* обсуждаются вопросы прикладного характера, которые связаны с использованием достижений науки в повседневной жизни и отвечают запросам поколений миллениалов и центениалов с их установкой на здоровый образ жизни и скептическим отношением к бездумному потреблению.

В целом структура выпусков обоих научно-популярных блогов ориентируется на принятые в науке стратегии представления научного контента. Видеоролики в той или иной степени воспроизводят прототипическую структуру аргументативного текста: сначала обозначается тема, затем путем столкновения двух противоположных точек зрения формулируется проблема и создается ситуация когнитивного конфликта (тезис — антитезис). В дальнейшем когнитивный конфликт разрешается через последовательность утверждений, которые должны доказать истинность одной из позиций. В завершении формулируется вывод. В видеороликах используются разные типы тематического развертывания, или, по К. Бринкеру, тематической прогрессии (*thematische Progression*), характерные для теоретического (научного) дискурса: дескриптивный, экспликативный и аргументативный [Brinker, 1988, S. 65—82], которые интегрируются в общую стратегию аргументации. Однако в отличие от коммуникации в научном сообществе в целях упрощенного представления научного контента в научно-популярной коммуникации велик удельный вес дескриптивных (в виде дефиниций научных терминов) и экспликативных (в виде разъяснений закономерностей и взаимосвязей) фрагментов.

Рассмотрим в качестве примера выпуск *Antidepressiva — ja oder nein?* / Антидепрессанты — да или нет? (от 11.06.2020, 851438 просмотров — данные от 30.10.2020) на канале *maiLab*, в котором с научных позиций анализируется проблема эффективности медикаментозного лечения депрессии. При представлении научного контента используются все перечисленные выше типы тематической прогрессии.

Дескриптивный модус представления научного контента

Классический пример дескриптива — дефиниция, реализующая паттерн установления родо-видовых отношений. Наиболее адекватным способом воплощения этого паттерна являются, по В. Г. Адмони, предложения с семантикой включения и отождествления, в которых используется существительное в именительном падеже в функции предикатива [Адмони, 1986, с. 241]: *Iproniazid ist sogenannter Monoaminoxidase-Hemmer, kurz MAO-Hemmer* / Ипрониазид — это так называемый ингибитор моноаминоксидазы, коротко ИМАО. Отметим, что в собственно научной коммуникации дефиниции даются новым или спорным терминам. Признанная научным сообществом терминология не нуждается в определении, поскольку входит в научный обиход, а ее использование создает асимметрию плана выражения и плана содержания научного текста, что соответствует требованию краткости в сочетании с информативной ёмкостью высказывания (*prägnante Kürze* / лаконичность).

Экпликативный модус представления научного контента

Блогер не ограничивается определением биохимических терминов, но и объясняет их (экпликативная тематическая прогрессия), используя при этом инфографику как средство, обеспечивающее быструю и наглядную, но в то же время упрощенную подачу информации:

Приведенное высказывание содержит конструктивные элементы, характерные для экспликативного паттерна (Ср.: схема Гемпеля-Оппенгейма [Brinker, 1988, S. 70]), а именно:

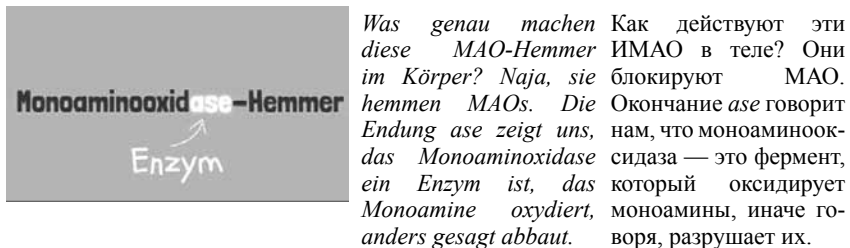

Рис. 1. Пример объяснения с использованием графики

— некий феномен (в данном случае (*MAO-Hemmer* / ингибитор MAO),
 — объясняемое положение, или экспланандум (*Was genau machen diese MAO-Hemmer im Körper?*),

— объясняющее положение, или экспланант (*Naja, sie hemmen MAOs.*).

Объяснение — важный компонент научного высказывания, однако, как и дефиниции терминов, оно используется в отношении новых компонентов знания или методов доказательства их истинности.

Аргументативный модус представления научного контента

Аргументативный паттерн (ср.: схема Тулмина [Brinker, 1988, S. 75] используется в резюмирующей части видеоролика:

Тезис (*Claim*): Решая вопрос об использовании антидепрессантов, необходимо исходить из степени тяжести этого заболевания (*Antidepressiva sind keine Wundermittel. <...> Das heißt aber gleichzeitig, dass man nicht grundsätzlich vor Antidepressiva Angst haben muss oder dass man sie definitiv als wirkungslos abstempeln kann. Letztendlich muss man alles im Kontext der Schwere der Krankheit sehen, also wie gut oder schlecht euch damit geht* / Антидепрессанты не являются чудодейственным средством. Но это не значит, что надо их бояться или решительно отвергнуть по причине их бесполезности. В конце концов, надо все рассматривать в контексте тяжести болезни, то есть насколько они полезны или бесполезны именно для вас).

Основание (*Grounds*): Депрессия — это серьезное заболевание, которое подлечит лечению (*Gleichzeitig ist eine Depression ja auch komplizierter als das, was wir unter einer rein „körperlichen“ Krankheit verstehen. Während dort zum Beispiel die Behandlung mit Medikamenten meist Standard ist, sind Antidepressiva umstrittene Glücksbringer* / Между тем депрессия сложнее того, что мы называем чисто «телесной» болезнью. Если применение медикаментов является стандартом ее лечения, то действенность антидепрессантов в облегчении страданий вызывает сомнения).

Гарантия (*Warrant*): Практика применения антидепрессантов показывает, что они приносят облегчение если не всем, то некоторым пациентам (*Die Studienlage mag unklar sein, aber in der Praxis sehen wir doch ganz deutlich, dass die Antidepressiva wenn auch nicht allen einigen Menschen sehr klar helfen und das ist doch was zählt* / Даже если положение дел неопределенное, но на практике мы видим, что антидепрессанты точно помогают если не всем, то некоторым людям, и это что-то значит).

Поддержка (*Backing*): В отличие от нетрадиционной медицины, идущей от практических результатов, медицина в лечении депрессивных состояний основывается на клинических исследованиях и процедурах допуска (*Antidepressiva basieren auf ordentlicher Forschung, sind aber noch nicht ausreichend verstanden / Антидепрессанты базируются на серьезных исследованиях, но еще недостаточно поняты*).

Показатель модальности (*Modal qualifier*): Биохимия депрессии не до конца изучена. Отдельные клинические исследования не столь убедительны, как хотелось бы (*Die Biochemie einer Depression verstehen wir bisher noch nicht, zumindest noch nicht gut genug. Wir haben einzelne Puzzleteile, uns fehlt noch definitiv ein großes Bild. Viele der klinischen Studien über die Antidepressiva sind nicht so aussagekräftig oder verlässlich wie angenommen / Мы до сих пор не понимаем биохимию депрессии, как минимум еще недостаточно хорошо <понимаем>. Многие из клинических исследований не так убедительны и надежны, как предполагалось*).

Опровержение, оговорка (*Rebuttal*): Подход к лечению депрессии должен быть индивидуальным (*In der Praxis werden Depressionen sehr individuell behandelt. Aber dass eine Krankheit so individuell ist, dass man sie nicht wissenschaftlich ordentlich nicht untersuchen könnte, das kann man so nicht sagen / На практике депрессии лечат индивидуально. Но эта болезнь не настолько индивидуальна, чтобы не было возможным ее изучение с научных позиций*).

Использование традиционных для теоретического (научного) дискурса модулов представления контента в научно-популярных блогах нельзя рассматривать без учета характеристик и способов взаимодействия участников коммуникации, которые находятся под влиянием двух факторов:

- необходимости упрощения научного контента;
- необходимости удержания интереса аудитории.

Эффективность научно-популярного канала измеряется количеством подписчиков, количеством просмотров и количеством «лайков» — значка кнопки 👍, которая используется пользователями социальных сетей для выражения позитивного отношения к тому или иному контенту. Эти показатели являются основанием для YouTube поднимать видео канала в топ списка своих рекомендаций.

В связи с этим очень важно, как блогер выстраивает (инсценирует) свой образ, как бы он хотел быть воспринят своими подписчиками (креативная компетенция дискурса).

Так, Харальд Леш ведет свой видеоблог, как правило, из рабочего кабинета, сидя за письменным столом (рис. 2). Подписчики канала, судя по тому, что они пишут даже в ироничных комментариях, воспринимают его как ученого-просветителя, учителя, университетского профессора:

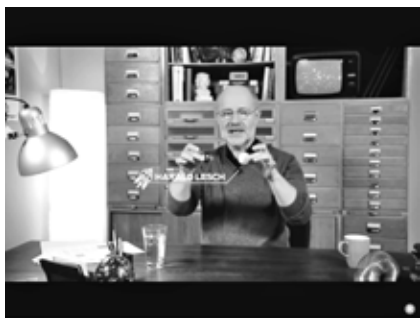
Der Herr Lesch ist der Grund warum ich mich seit 20 Jahren für Astrophysik interessiere. Bester Lehrer! / Благодаря господину Лешу я уже 20 лет интересуюсь астрофизикой. Лучший учитель!

Prof. Lesch ist der beste Prof.; diese pragmatischen Darstellungen und praktischen Beispiele von physikalischen Themen sind einfach genial! / Проф. Леш — лучший

проф.; эти прагматичные объяснения и практические примеры физических тем просто гениальны!

Herr Lesch sollte Ausbilder für Lehrer werden. Menschlich .... didaktisch ... kommunikativ alles 100 % ein Vorbild! / Господин Леш должен бы стать учителем для учителей. Гуманно ... дидактично ... коммуникативно ... образцово на все 100 %!

Май Тхи Нгуен-Ким выстраивает более доверительные отношения со своими подписчиками, визуально сокращая дистанцию между собой и ими. Как правило, свои видео она записывает в домашней студии, стоя максимально близко к камере (рис. 2). Блогер себя называет «Ваш доверенный химик» (*Eure Chemikerin des Vertrauens*), а в обращении к своим подписчикам использует выражение «друзья Солнца» / *Freunde der Sonne* (отсылка к одному из ранних выпусков видеоблога), традиционно приглашая их заварить себя чая и поудобней устроиться у монитора своего компьютера. Как вариант обращения: *Holt euch einen Tee, Freunde der Sonne, macht es euch gemütlich — Zeit für Science!* / Принесите себе чая, друзья Солнца, и устройтесь поудобней — начинается время для науки!

Профессор Харальд Леш

Май Тхи Нгуен-Ким

Рис. 2. Скриншоты выпусков на каналах *Terra X Lesch & Co.* и *maiLab*

Основной стратегией, определяющей способ подачи научного контента в научно-популярных блогах, является стратегия персонализации, заключающаяся в создании связи между знанием и человеком как его носителем [Армстронг-Смит и др. 2004]. К приему персонализации относятся:

Индивидуализация процесса представления научного контента в сетевой научно-популярной коммуникации, когда позиция адресанта входит в актуальное пространство адресата, влияя на его видение мира и оценки (ср.: [Руднев, 1997, с. 119]). Использование форм первого лица и прямые обращения к адресату выводят коммуникацию за рамки чисто информационного обмена.

Эмоционализация процесса представления научного контента, сигнализирующая об ориентации адресанта на ожидание аудитории, интерес которой надо завоевать (рецептивная компетенция дискурса). Оба блогера используют в этих целях, в частности, приемы диалогизации, которые создают у адресата когни-

тивный конфликт, требующий разрешения. Диалогизация отсылает нас к так называемому методу Сократа (сократическому диалогу), который основывается на проведении диалога в целях либо развенчания самоуверенности собеседника (ирония), либо подведения его к истине (майевтика).

Пример иронии:

Schule, Bildung oder Ausbildung? Das ist die Frage. Oder? Something is rotten in the state of Denmark. Von wem ist das? / Школа, образование или обучение? Вот в чем вопрос. Не правда ли? Прогнило что-то в Датском государстве. Кто это сказал?

Так начинается один из выпусков на канале *Terra X Lesch & Co.*, посвященных современной немецкой школе (*Unsere Schule ist Mist!* /Наша школа — баракло!). Характеризуя состояние немецкого образования, профессор Леш использует ставшую крылатой фразу из трагедии У. Шекспира «Гамлет», получившую ироничное переосмысление и содержащую намек на проявления неблагополучия где-либо, причины которого либо еще не ясны, либо злонамеренно утаиваются. Вопрос *Von wem ist das?* (Кто это сказал?) выражает иронию говорящего, сомневающегося в осведомленности выпускника современной немецкой школы (или адресата).

Пример майевтики:

Auch wenn immer häufiger über psychische Gesundheit gesprochen wird, leidet das Thema „Depression“ immer noch unter viel Stigmatisierung oder falschen Vorurteilen. Also Depressionen werden nicht als Krankheit ernst genommen oder nach dem Motto: „Sei doch nicht immer so negativ. Du musst dich besser ernähren. Und joggen. Joggen hat mir total geholfen.“ — „Ja, good for you, aber dann hast du keine Depression!“ / Несмотря на то, что о психическом здоровье говорится все чаще, тема депрессии очень стигматизирована или страдает от большого количества ложных предубеждений. То есть к депрессии не относятся как к болезни, или сводят ее к следующим суждениям: «Ну не будь ты таким мрачным. Тебе надо лучше питаться. И бегать трусцой. Бег трусцой мне отлично помог!» — «Ну что же, рада за тебя, но тогда у тебя не было никакой депрессии».

Блогер Май Тхи Нгуен Ким начинает видеоролик на тему *Antidepressiva — ja oder nein?* (Антидепрессанты — да или нет?) с инсценированного диалога со своим *alter ego*, сталкивая две противоположные позиции: депрессия — не болезнь, а состояние, с которым можно справиться, изменив свои привычки и отношение к жизни; депрессия — это болезнь, которая подлежит лечению. Этот диалог отражает личный опыт отдельных людей, или обыденное знание о депрессии. Он моделирует когнитивный конфликт, требующий разрешения, и становится, таким образом, исходной точкой для обсуждения научного знания о депрессии, которое опирается на многочисленные наблюдения и клинические эксперименты. Обращает на себя внимание использование в одной из реплик инсценированного диалога английского выражения *good for you* (рада за тебя, тебе повезло), которое маркирует язык молодого поколения, активно использующего слова и выражения из английского языка. Средства других семиотических каналов придают диалогу экспрессивность и эмоциональность, а именно: мимика, интонация, жесты (паравербальный канал),

цветовая символика (рис. 3): фиолетовый, или лиловый, согласно некоторым исследованиям, является цветом депрессии (визуальный канал).

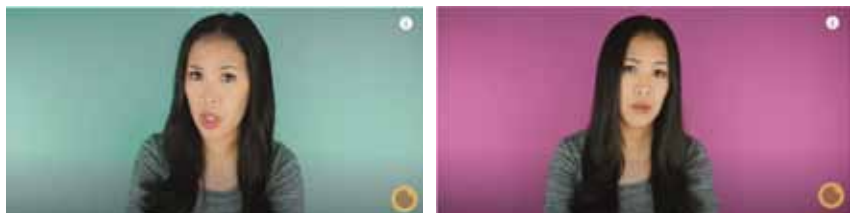

Рис. 3. Пример использования цветовой символики

Включение говорящего субъекта в представление научного контента оказывается возможным с помощью метафор. Полиmodalная среда позволяет одновременно упрощать научный контент с помощью визуальных метафор. Идеальный пример находим на YouTube-канале *Terra X Lesch & Co.* (рис. 4): профессор Леш посвящает один из выпусков визуализации размеров планет солнечной системы и расстояний между ними, используя при этом сравнение солнечной системы с футбольным полем (*Wenn das Sonnensystem Fußballfeld wäre ...*), а планет, входящих в нее, — с шариками для игры марблс (*Murmelsteine*):

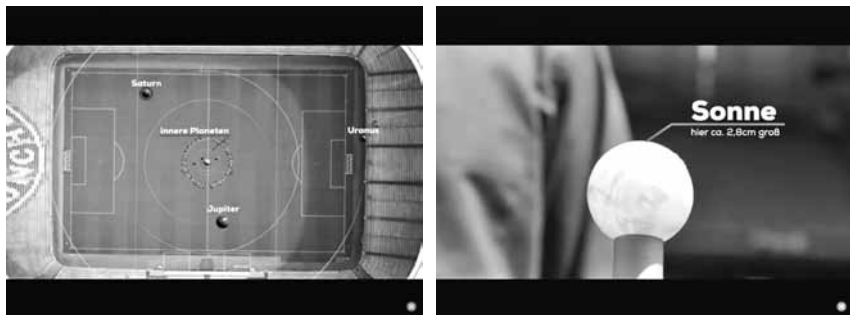

Рис. 4. Пример визуальной метафоры

Еще одним способом персонализации представления научного контента является использование нарратива. Запрет на использование нарратива в собственно научной коммуникации связан с тем, что он неизбежно включает точку зрения адресанта при отборе (выбор одних и отклонение других фактов), ранжировании (установление степени важности отобранных фактов), аранжировке (определение последовательности отобранных фактов) и оценке фактов, что противоречит требованию объективности и анонимности представления научного контента в собственно научной коммуникации. Содержание нарративных фрагментов составляют, как правило, экскурсы в историю вопроса:

Die Geschichte der Antidepressanten begann mit einer zufälligen Entdeckung einer interessanten Nebenwirkung. 1952 wurde ein neuer Stoff gegen Tuberkulose getestet: Iproniazid. Dieser Stoff löste bei einigen Tuberkulosepatienten solche Euphorien aus, dass sie, ich zitiere frei, „trotz Löchern in der Lunge über die Fluren tanzten“. Es wurde zunächst erst mal nur als ungewöhnliche Nebenwirkung registriert und Iproniazid wäre sogar fast als Medikament zurückgezogen worden. Aber nach und nach stellte sich heraus, das Zeug half Patienten, die neben Tuberkulose oder einer chronischen Erkrankung unter weiteren Problemen wie Ängstlichkeit, Erschöpfung oder Depressionen litten. Man fand daraus, Iproniazid ist sogenannter Monoaminoxidase-Hemmer, kurz MAO-Hemmer, und diese MAO-Hemmer wurden weiterentwickelt, getestet und ab Ende der fünfziger Jahre als Antidepressiva eingesetzt ... / История антидепрессантов началась со случайного открытия необычного побочного действия. В 1952 году тестировалось новое лекарство против туберкулеза: ипрониазид. Это средство вызывало у некоторых больных туберкулезом такую эйфорию, что они, я цитирую свободно, «несмотря на дырки в легких, танцевали в коридорах». Сначала это было зафиксировано как необычное побочное действие, и ипрониазид как медикамент был чуть ли не отозван. Но со временем выяснилось, что ипрониазид — это ингибитор моноаминоксидазы, коротко ИМАО. И эти ИМАО стали разрабатываться, тестироваться и с конца пятидесятых годов начали использоваться как антидепрессанты.

В основе приведенного фрагмента лежит характерный для нарратива паттерн: хронологическая последовательность равновесных состояний, которые нарушаются в результате каких-либо действий, ведущих к установлению новых равновесных состояний. Изменения фиксируются с помощью средств темпорального дейксиса (1952, *zunächst einmal, nach und nach, ab Ende der fünfziger Jahre*) и глаголов в прошедшем времени. Субъективность представления контента связана в данном случае с отбором фактов: экскурс в историю не является полным и не дает подробных объяснений наблюдениям врачей над действием препарата, что понятно: видеоролик не может быть перегружен информацией, он является базой для перехода к аргументативной части высказывания. Субъективность связана и с паравербальными средствами, сопровождающими речь блогера: интонацией, мимикой, жестами. Кроме того, повествование сопровождается иллюстративным материалом: сканами страниц научных отчетов с выделенной желтым хайлайтером цитатой.

5. Выводы

Анализ показал, что в целом научно-популярные YouTube-каналы *mailLab* и *Terra X Lesch & Co* ориентируются на принятые в сфере науки стратегии и формы представления научного контекста: используется схема аргументативного высказывания и характерные для теоретического дискурса типы тематической прогрессии (дескриптивный, экспликативный и аргументативный). Однако в отличие от механизма объективации и информационного обмена, определяющего научную коммуникацию внутри научного сообщества, в сетевой научно-популярной коммуникации действует механизм персонализации. Признаком объективного представления научного контента является исключение любых эксплицитных про-

явлений в высказывании субъекта речи. Уже упоминавшийся Харальд Вайнрих сформулировал эту особенность научного дискурса в виде трех запретов или табу [Weinrich, 2001, S. 232—235]:

Ein Wissenschaftler sagt nicht „ich“ / Ученый не говорит «я».

Ein Wissenschaftler erzählt nicht / Ученый не рассказывает.

Ein Wissenschaftler benutzt keine Metaphern / Ученый не использует метафор.

На представление научного контента в научно-популярных видеоблогах существенным образом влияют особенности интеракции участников сетевой коммуникации. Здесь используются описанные в статье техники интимизации, эмоционализации, диалогизации, метафоризации, визуализации, использования нарративного паттерна. Названные техники позволяют блогерам поддерживать внимание и интерес подписчиков канала, а также упрощать представление научного контента, облегчая его восприятие (рецептивная компетенция дискурса). Использование стратегии персонализации информационного обмена, характерной для массмедийного дискурса, приводит к последовательному нарушению существующих в научном дискурсе табу. Данное обстоятельство позволяет рассматривать этот сегмент речевой деятельности общества как периферию сразу двух активно взаимодействующих дискурсов — научного и массмедийного.

Источники

1. *Канал MaiLab* : [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.youtube.com/channel/UCyHDQ5C6z1NDmJ4g6SerW8g> (accessed 30.10.2020).

2. *Канал Terra X Lesch & Co.* : [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.youtube.com/channel/UC5E9-r42JlymHLpDv2wHuA> (accessed 30.10.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адмони А. Г.* Синтаксис немецкого языка : Система отношений и система построения / А. Г. Адмони. — Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1973. — 366 с.

2. *Армстронг-Смит М.* Практика управления человеческими ресурсами : учебник для слушателей, обучающихся по программе «Мастер делового администрирования» [Электронный ресурс] / М. Армстронг-Смит, С. Тейлор. — Санкт-Петербург : Питер, 2004. 1038 с. — Режим доступа : www.ml.miit-ief.ru (дата обращения 30.10.2020).

3. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — 338 с.

4. *Гейнзберг В.* Физика и философия. Часть и целое : перевод с немецкого / В. Гейнзберг. — Москва : Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1989. — 400 с.

5. *Голоднов А. В.* Риторический метадискурс : основания прагматического моделирования и социокультурной реализации (на материале современного немецкого языка) / А. В. Голоднов. — Санкт-Петербург : Астерон, 2011. — 344 с.

6. *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика : Системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 263 с.

7. *Ломоносов М. В.* Рассуждения об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободы философии / М. В. Ломоносов // Полное собрание сочинений в 10 тт. — Москва—Ленинград, 1952. — Т. 3. — С. 217—231.

8. *Лукьянова Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики / Н. А. Лукьянова. — Новосибирск : Наука, 1986. — 227 с.

9. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. — Москва : Аграф, 1997. — 381 с.
10. Солганик Г. Я. Современная публицистическая картина мира [Электронный ресурс] / Г. Я. Солганик // Публицистика и информация в современном обществе. — Режим доступа : http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_6 (дата обращения 30.10.2020).
11. Тюпа В. И. Коммуникативные стратегии теоретического дискурса / В. И. Тюпа // Критика и семиотика. Институт филологии СО РАН. — 2006. — Выпуск 10. — С. 36—45.
12. Эмоции и оценка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.azps.ru> (дата обращения 01.10.2020).
13. *AudioVisuelle* Wissenschaftsvermittlung [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.uni-trier.de/index.php?id=64032> (accessed 30.10.2020).
14. Brinker K. Linguistische Textanalyse : eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden / K. Brinker. — K Berlin : E. Schmidt, 1988. — 151 S.
15. Thiel F. Wissenschaftssprache und Wissenschaftsstil / F. Thiel, F. Rost // Einführung in das wissenschaftliche Arbeiten. — Baltmannsweiler : Schneider Hohengehren, 2001. — Bd. 4 : Einführung in die Wissenschaftstheorie und Wissenschaftsforschung. — S. 117—134.
16. Weinrich H. Sprache und Wissenschaft / H. Weinrich // Linguistik der Wissenschaftssprache / H. L. Kretzenbacher und H. Weinrich (Hg.). — Berlin, New York : de Gruyter (Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Forschungsbericht, 10), 1995. — S. 3—13.
17. Weinrich H. Formen der Wissenschaftssprache / H. Weinrich // Weinrich H. Sprache, das heißt Sprachen. Mit einem vollständigen Schriftenverzeichnis des Autors 1956—2001. — Tübingen : Narr, 2001. — S. 221—252.

SCIENTIFIC COMMUNICATION 2.0: FEATURES OF PRESENTING SCIENTIFIC CONTENT ON GERMAN POPULAR SCIENCE YOUTUBE CHANNELS

© Valeria A. Andreeva (2020), orcid.org/0000-0002-3433-4792, Researcher ID C-5040-2019, Doctor of Philology, Associate Professor, The Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia), valeryandreeva@gmail.com.

© Lyubov B. Kopchuk (2020), orcid.org/0000-0002-1885-2047, Researcher ID Z-3938-2019, Doctor of Philology, Professor, The Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia), kopchuk.ljubov@gmail.com.

The article is devoted to the feature's analysis of the presentation of scientific content on the German-language popular science YouTube channels *mailLab* and *Terra X Lesch & Co*. It has been established that, in general, the popular science YouTube channels *mailLab* and *Terra X Lesch & Co*. are oriented towards the strategies and forms of presentation of scientific content adopted in the field of science: types of thematic progression characteristic of theoretical discourse (descriptive, explicative and argumentative) are used, as well as scheme of an argumentative statement. It is shown that, in contrast to the objectification mechanism of information exchange, which determines the presentation of scientific content within the scientific community, a personalization mechanism operates in the network of popular science communication, which is determined by the peculiarities of the interaction of the participants in network communication and the polymodality of the Internet as a medium. The authors consider in detail the techniques of intimization, emotionalization, dialogization, metaphORIZATION, visualization and implementation of a narrative pattern. It is noted that these techniques allow bloggers to maintain the attention and interest of their channel subscribers, as well as simplify the presentation of scientific content, making it easier to understand. It is proved that the use of the strategy of personalization of information exchange, which is characteristic of mass media discourse, leads to a consistent violation of the prohibitions existing in theoretical discourse on any explicit

manifestation of the subject of speech in a statement. The analysis of the material allows the authors to conclude about the active interaction of different discourses — theoretical and mass media — in their peripheral zones and describe the mechanisms of this interaction.

Key words: scientific communication 2.0; network popular science communication; polymodality; theoretical discourse; mass media discourse; personalization strategy, intimization technique.

MATERIAL RESOURCES

Kanal MaiLab: Available at: <https://www.youtube.com/channel/UCyHDQ5C6z1NDmJ4g6SerW8g> (accessed 30.10.2020). (In Germ.).

Kanal Terra X Lesch & Co.: Available at: <https://www.youtube.com/channel/UC5E9-r42Jlym-hLPnDv2wHuA> (accessed 30.10.2020). (In Germ.).

REFERENCES

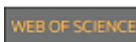
- Admoni, A. G. (1973). *Sintaksis nemetskogo yazyka: Sistema otnosheniy i sistema postroyeniya* [Syntax of the German language: The system of relations and the system of construction]. Leningrad: Nauka. Leningr. Otdeleniye. 366 p. (In Russ.).
- Armstrong-Smit, M., Teylor, S. (2004). *Praktika upravleniya chelovecheskimi resursami: uchebnik dlya slushateley, obuchayushchikhsya po programme «Master delovogo administrirovaniya»* [The practice of human resource management: a textbook for students studying under the Master of Business Administration program]. Sankt-Peterburg: Piter. 1038 p. Available at: www.ml.mit-ief.ru (accessed 30.10.2020). (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytiye. Fakt* [Types of language meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moskva: Nauka. 338 p. (In Russ.).
- AudioVisuelle Wissenschaftsvermittlung*. Available at: <https://www.uni-trier.de/index.php?id=64032> (accessed 30.10.2020). (In Germ.).
- Brinker, K. (1988). *Linguistische Textanalyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. K Berlin: E. Schmidt. 151 S. (In Germ.).
- Dobrosklonskaya, T. G. (2008). *Medialingvistika: Sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI* [Metalinguistic: a Systematic approach to the study of language and society]. Moskva: Flinta: Nauka. 263 p. (In Russ.).
- Emotsii i otsenka* [Emotions and evaluation]. Available at: <http://www.azps.ru> (accessed 01.10.2020). (In Russ.).
- Geynzberg, V. (1989). *Fizika i filosofiya. Chast' i tseloye: perevod s nemetskogo* [Physics and philosophy. The part and the whole: translation from German]. Moskva: Nauka. Gl. red. fiz.-mat. lit. 400 p. (In Russ.).
- Golodnov, A. V. (2011). *Ritoricheskiy metadiskurs: osnovaniya pragmalingvisticheskogo modelirovaniya i sotsiokulturnoy realizatsii (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Rhetorical meta-discourse: the foundations of pragmalinguistic modeling and socio-cultural realization (based on the material of the modern German language)]. Sankt-Peterburg: Asteron. 344 p. (In Russ.).
- Lomonosov, M. V. (1952). *Rassuzhdeniya ob obyazannostyakh zhurnalistov pri izlozhenii imi sochineniy, prednaznachennykh dlya podderzhaniya svobody filosofii* [Reasoning about the duties of journalists when presenting their works intended to maintain the freedom of philosophy]. In: *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete works], 10 (3). Moskva-Leningrad. 217—231. (In Russ.).
- Lukeyanova, N. A. (1986). *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya. Problemy semantiki* [Expressive vocabulary of colloquial use. problems of semantics]. Novosibirsk: Nauka. 227 p. (In Russ.).

- Rudnev, V. P. (1997). *Slovar' kultury XX veka. Klyucheverye ponyatiya i teksty* [Dictionary of culture of the twentieth century. Key concepts and Texts]. Moskva: Agraf. 381 p. (In Russ.).
- Solganik, G. Ya. *Sovremennaya publitsisticheskaya kartina mira* [Modern journalistic picture of the world]. In: *Publitsistika i informatsiya v sovremennom obshchestve* [Publicism and information in modern society]. Available at: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_6 (accessed 30.10.2020). (In Russ.).
- Thiel, F., Rost, F. (2001). Wissenschaftssprache und Wissenschaftsstil. In: *Einführung in das wissenschaftliche Arbeiten, 4: Einführung in die Wissenschaftstheorie und Wissenschaftsforschung*. Baltmannsweiler: Schneider Hohengehren. 117—134. (In Germ).
- Tyupa, V. I. (2006). Kommunikativnyye strategii teoreticheskogo diskursa [Communicative strategies of theoretical discourse]. *Kritika i semiotika. Institut filologii SO RAN* [Critique and Semiotics. Institute of Philology SB RAS], 10: 36—45. (In Russ.).
- Weinrich, H. (1995). *Sprache und Wissenschaft. Linguistik der Wissenschaftssprache*. Berlin, New York: de Gruyter (Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Forschungsbericht, 10). 3—13. (In Germ).
- Weinrich, H. (2001). Formen der Wissenschaftssprache. In: *Sprache, das heißt Sprachen. Mit einem vollständigen Schriftenverzeichnis des Autors 1956—2001*. Tübingen: Narr. 221—252. (In Germ).

Афанасьева Н. А. Формирование культурного кода поколения: ключевые слова поэтических текстов в начальной школе (Российская Империя — СССР) / Н. А. Афанасьева, Л. П. Афанасьева // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 26—38. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-26-38.

Afanasyeva, N. A., Afanasyeva, L. P. (2020). Formation of the Cultural Code of a Generation: Keywords of Poetic Texts in Elementary School (Russian Empire — USSR). *Nauchnyi dialog*, 12: 26-38. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-26-38. (In Russ.).

УДК 811.161.1'33+811.161.1'42:372.416.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-26-38

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОДА ПОКОЛЕНИЯ: КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ (РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ — СССР)

© Афанасьева Наталья Андреевна (2020), orcid.org/0000-0001-7253-1968, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), nat31371@mail.ru.

© Афанасьева Любовь Петровна (2020), orcid.org/0000-0003-1721-8658, магистрант, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет ИТМО» (Санкт-Петербург, Россия), liubov97@mail.ru.

Рассматривается вопрос о возможности анализа текстов для выявления их аксиологического содержания на основе ключевых слов. Утверждается, что языковые единицы, характеризующиеся высокой частотностью и обозначающие аксиологически важные понятия, формируют у читателя культурные установки. Определяются характерные особенности общего для нации культурного кода и его уникальные черты в определенную эпоху. Проанализированы поэтические тексты выдержавших много изданий хрестоматий по литературе XIX — начала XX веков, а также учебников 1930—1940-х и 1970—1980-х годов для начальной школы. Исследование показало, что общими для поэтических текстов, изучавшихся в младших классах, стали ключевые слова лексико-семантических групп «Природа» (*лес, земля, поле, море*); «Свет» (*свет, солнце, день*), «Народ» (*человек, ребенок, народ, страна*); то есть это те слова, которые являются ведущими в формировании культурного кода русского человека XIX—XX века. «Ключевыми словами эпохи» для Российской империи являются слова *душа, царь, бог*; для 1920-х годов — *труд*; 1930-х годов — *песня, Сталин*; 1970-х годов — *мама, весна*. Актуальность исследования состоит в его направленности на выявление основных понятий, смыслов и ценностей, формирующих культурный код нации, а также на описание динамики культурного кода в разные исторические эпохи.

Ключевые слова: аксиология; ценности; Россия; культурный код нации; поколения; ключевые слова; хрестоматийные тексты.

1. Вводные замечания

В последнее время сочетание «культурный код нации» используется не только в гуманитарной исследовательской литературе, но и звучит с высоких трибун [Меркулова, 2015, с. 188]. В работах Ю. М. Лотмана «культурный код — это своеобразный “фильтр”, соотносящий возможные и действительные сюжеты поведения членов данной социальной группы» [Айтов].

Терминологическое разнообразие, которое имеет место в гуманитарных науках, требует разведения таких понятий, как *культурный код* и *код культуры*: «за терми-

ном “культурный код” представляется возможным закрепить общий метафорический смысл “‘группа крови’ культуры и народа’, ибо за ним стоит более широкое понятие, нежели то, что мы вкладываем в код культуры» [Красных, 2017, с. 253—256]; а также *менталитет — культурный код — язык культуры*: «культурный код как набор основных понятий, установок, ценностей и норм (элемент психики человека) входит в структуру ментальности конкретной человеческой общности, позволяет перейти от значения (общепризнанного обозначения какого-либо предмета или явления) к смыслу (элементу языка конкретной культуры)» [Меркулова, 2015, с. 194].

Культурный код исследуется с разных позиций: онтологической, гносеологической, аксиологической и антропологической [Букина, 2008]. Лингвисты обращаются к понятию культурного кода, изучая цветообозначение [Новиков, 2012], фразеологизмы [Рэнчин, 2010] и т.д.

Исследователи полагают, что культурный код нации претерпевает с течением времени определенные изменения: «культурные коды не статичны <...> в их основе лежат языковые структуры, в которых аккумулируется передающееся из поколения в поколения поступательное наращивание знаний» [Новиков, 2012, с. 47]. Кроме поступательного наращивания знания, как представляется, идет и другой процесс — выдвижение значимых для определенного поколения ценностей, что позволяет говорить о специфике культурного кода определенного времени. Формирование культурного кода начинается в детском возрасте, и те песни, сказки, литературные произведения, та информация и образы, что доносятся до детского сознания, имеют, по мнению психологов, особое значение для формирования системы ценностей, норм и смыслов молодого поколения; именно поэтому уже с середины XIX века в России большое внимание уделялось отбору произведений для детского чтения, а потом и созданию собственно детской литературы. Отбор произведений характеризует еще и то, что представлялось значимым, важным педагогам — представителям старшего поколения.

Сказанное определяет актуальность настоящего исследования, цель которого — выявить посредством анализа ключевых слов хрестоматий и книг для чтения младших школьников XIX—XX веков закладываемые в сознание подрастающего поколения ценностные ориентиры и смыслы, формирующие культурный код нации в целом, а также специфику этого кода определенных поколений.

К терминологическому сочетанию *ключевые слова* обращаются исследователи художественной речи, понимая под ними языковые единицы, выражающие главную идею текста; лексикографы, определяя их как опорные слова. В исследованиях национальной ментальности ключевые слова русского менталитета — «это лексика, выражающая опорные понятия и символы, определяющие идеи и представления традиционного русского национального мировоззрения и мирозерцания» [СЭСРЯ, с. 153]. Термин *ключевые слова* в значении ‘опорные, обобщающие, отражающие тему текста слова’ используется в области информационного поиска [Виноградова и др., 2016].

А. Вежицкая пишет о трех принципах, связывающих лексический состав языка и культуру: «культурную разработанность», «частотность», «ключевые слова», где

ключевые слова — «слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [Вежбицкая, 2001, с. 35]. В своей статье А. Сасновская называет два параметра выделения ключевых слов: количественные характеристики (частотность слова) и качественные — «быть носителем целого пучка значений» [Сасновская, 2011, с. 98].

В настоящем исследовании мы будем придерживаться представления, что среди частотных слов значимого для нации корпуса текстов, присутствуют те, которые являются «носителем целого пучка значений», отражают значимые для культуры и менталитета народа смыслы и представления. Поскольку у каждого поколения есть «свои» тексты в общем для нации корпусе, то ключевые слова и стоящие за ними смыслы могут несколько отличаться.

Выявление ключевых слов в поэтических произведениях корпуса текстов связано с решением ряда задач. Во-первых, составление корпуса с учетом всех характерных особенностей текстов. В данном исследовании были учтены все сокращения и изменения оригинальных авторских текстов, внесенные составителями хрестоматий. Во-вторых, выявление самых частотных слов с помощью seo-анализа текста (в нашем исследовании seo-анализ проведен на ресурсе [Miratext]). В-третьих, анализ полученного списка с целью выявления ключевых слов, то есть слов, отражающих ценности эпохи.

Были выработаны следующие принципы анализа: не учитывать слова высокой частотности, если они встречаются только в одном стихотворении; избирательно отнестись к именам персонажей сюжетных произведений; учитывать не только существенные, которые несут основную семантическую нагрузку, но и слова других частей речи.

Очевидно, что составители хрестоматий в XIX—XX веках не определяли частотные слова предлагаемых ими детскому вниманию поэтических текстов, однако следовали определенным критериям отбора произведений для детского чтения (такие издания могли быть одобрены, например, Ученым комитетом Министерства Народного Просвещения в XIX веке, а в период стабильных школьных учебников утверждались Министерством Просвещения РСФСР), однако ключевые слова могут свидетельствовать как о следовании определенным идеологическим требованиям, так и о субъективном представлении составителя хрестоматии о том, что необходимо детям.

В научном сообществе внимание к учебной литературе XIX—XX веков достаточно велико, она изучается с разных позиций, например, истории книги, генезиса педагогических идей, развития методики, находится в предметном поле литературоведения (интересна работа тартуских исследователей в рамках гранта «Формирование русского литературного канона» [Хрестоматийные тексты ..., 2013]). Большую помощь настоящему исследованию в выборе для сопоставительного анализа книг для чтения XIX—XX веков оказал проект «Азбуки, буквари и книги для чтения» Научной педагогической библиотеки им. К. Д. Ушинского Российской академии образования [Азбуки ...]. Критериями отбора учебных пособий для нашего анализа (до появления *стабильных* учебников — см. об этом далее) было частое переиздание книг, а также упоминание их в критической литературе.

2. Учебная литература первой половины XIX века

Среди хрестоматий XIX века, но адресованных юношеству, а не младшим школьникам, были «Учебная книга российской словесности» Н. И. Греча [Греч, 1819—1922] и хрестоматия В. А. Золотова [Золотов, 1829]. Первой из них посвятил свой весьма критический отзыв Н. Некрасов [Некрасов, 1842—1861], В. Г. Белинский же охарактеризовал эту книгу как «труд не блестящий, но бесценный» [Белинский, 1953, с. 534].

На протяжении сорока лет с 1830-х до начала 1880-х годов переиздавалось пособие П. П. Максимовича «Друг детей, книга для первоначального чтения» [Максимович, 1844], которое представляло собой переводной вариант немецкого учебника «Der Deutsche Kinderfreund». В издании 1844 года в конце книги представлены двенадцать русских поэтических текстов. Мы составили список из двадцати слов, самых частотных в этом корпусе текстов: *весь, быть, конь, мой, так, там, видеть, какой, другой, птичка, где, петь, говорить, осел, душа, давать, сказать, глаз, пойти, воз*. В списке много наименований персонажей басен и стихотворений, поэтому единственное существительное, которое можно отнести к ключевым словам, — слово *душа*.

3. Учебная литература второй половины XIX века

Во второй половине XIX века происходит демократизация учебников [Макеев и др., 2013]. В числе первых массовых общедоступных учебников — «Детский мир и Хрестоматия» К. Ушинского [Ушинский, 1861].

Наше исследование проводилось по первой и второй частям издания, были учтены поэтические тексты, представленные не только в разделе «Стихи», но и в разделах «Из русской истории», «География». Приведем первые двадцать по числу вхождений слов первой части: *быть, весь, мой, так, рыбка, море, говорить, становиться, Балда, старуха, старик, свой, видеть, золотой, пойти, хотеть, сам, твой, бог, какой*. Во второй части выявляется следующий набор слов: *весь, быть, мой, так, свой, Роберт, где, капитан, сказать, день, бог, знать, один, становиться, наш, твой, человек, земля, идти, рука*.

Чаще других в этом издании повторяются слова из «Сказки о рыбаке и рыбке» А. Пушкина (*рыбка, море, старуха, старик, золотой*), «Сказки о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде» А. Пушкина в редакции В. Жуковского (*Балда*), стихотворной повести «Капитан Бопп» В. Жуковского (*Роберт, капитан*). Общую для обеих частей самую большую повторяемость демонстрируют слова *бог* (39 словоупотреблений, 5 из них в «Сказке о рыбаке и рыбке»), *день* (32), *земля* (26).

Лексема *бог* встречается как в устойчивых сочетаниях: *с богом; бог даст; избави, бог; ради бога; бог с тобой; на бога роптать* и др.; так и вне их: *к престолу бога отнесет, о щедрый бог, моляся богу, гласу бога внемлет* и др. Тот факт, что языковая единица *бог* имеет статус ключевого слова в произведениях, выбранных К. Ушинским для детского чтения, говорит не только о том, что в хрестоматии много текстов, где стилизована народная речь, богатая фразеологизмами, но и о значимости слова *бог* и роли религии в системе К. Ушинского (об этом см., например: [Аринин и др., 2018]).

Вторая половина XIX века была отмечена появлением большого количества хрестоматий и книг для чтения, поэтому нами было принято решение обратиться к «Примерному списку стихотворений, предлагаемых для заучивания ученикам приготовительного и низших четырех классов» для мужских гимназий 1888 года [Свод ..., 1888, с. 270]. Первые двадцать по числу вхождений слова: *весь, мой, быть, твой, наш, так, свой, где, тот, царь, друг, там, конь, становится, идти, говорить, рука, дело, человек, сказать*. На первом месте оказывается слово *царь* (24), далее *друг* (20), *конь* (19), *дело* (16), *человек* (16). Лексема *царь* встречается в таких произведениях, как народные песни «Не шуми, мати зеленая дубравушка», «Слава Богу на земле», а также «Песнь Русскому Царю» и «Лесной царь» В. Жуковского. Кажется знаковым и соответствующим духу эпохи, что для воспитания юношей, будущих защитников страны, были выбраны тексты, где ведущими оказались существительные *царь, друг, конь, дело*.

4. Учебная литература послереволюционного периода

Смена исторических эпох в 1917 году продиктовала и потребность в новых учебниках. Среди новых для того времени книг для чтения заметное место занимает учебник П. Блонского для сельских школ «Красная зорька» [Блонский, 1925], высоко отмеченный Н. К. Крупской [Крупская, 1959] и многократно переиздававшийся. Издания разных лет данной книги для чтения могут быть наглядным примером развития педагогической мысли того времени. И хотя предметом нашего исследования являются только поэтические произведения, хочется обратить внимание и на прозаические тексты разных изданий книги П. Блонского.

Учебник 1923 года начинается небольшой рассказ о мальчике Ване, в котором есть строчки: *У него были братья — Коля и Вася. У него были и сестры — Маруся и Феня. Они все поумирали. Умерли также его дяди и тети*. Следующие тексты учебника называются «От чего умер Ванин дядя?», «От чего умерли братья и сестры Вани?». Ни одного из этих произведений нет уже в издании 1925 года, где первый текст называется «Кто что может!». В нем говорится о том, как после рассказа учителя о тяжелых последствиях землетрясения в Японии дети собрали вещи, деньги (2 рубля), а маленькая девочка принесла горсть риса, чтобы учитель передал все нуждающимся в этой стране. За текстом следует стихотворение «Я хочу быть сильным и могучим». И хотя многое в книгах по чтению 1923 и 1925 годов является общим, открывающие учебник рассказы и стихотворения демонстрируют изменение взглядов на воспитание нового человека; изображение страданий народа сменяется другой риторикой: «мы (все в нашей стране) сильные и должны помогать слабым».

Ключевые слова собственно поэтических произведений были выявлены по изданию 1925 года. Первые двадцать по числу вхождений слов: *весь, быть, мой, лес, становится, труд, наш, ленок* (в значении 'лён'), *свой, ребенок, идти, стучать, вода, друг, жизнь, красный, солнце, чебот, земля, приговаривать*. Ведущими являются такие лексемы, как *лес* (19), *труд* (17), *ребенок* (12). Обращают на себя внимание в этом ряду слово *труд* и прилагательное *красный* — оба слова характеризуют

свое время, в том числе будущие пятилетки. Слово *труд* встречается в следующих контекстах: *мир свободного труда, будем готовы к труду и бою, будем примером борьбы и трудов, вольный труд ему куем, праздник труда и паденья оков* и др.

5. Стабильные учебники 1930—1940-х годов

Многообразие учебных пособий и учебников 1920-х годов для сельских, городских и краевых школ и широкое их обсуждение [Крупская, 1959] привели к пониманию необходимости так называемых стабильных учебников [Журавлев, 2010]. В приложении к постановлению ЦК ВКП(б) 1933 года «О характере и содержании учебников для начальной и средней школы» поручалось книги для чтения первого и второго класса создать Флерову, для третьего и четвертого — Рыбниковой и Браиловской. Поскольку книги для чтения О. Флерова содержали в основном прозаические тексты по обществознанию, истории и т. д., то рассмотрим ключевые слова поэтических текстов «Хрестоматий по литературе» С. Браиловской [Браиловская и др., 1938] и «Книги для чтения» под авторством Е. Соловьевой и др. [Книга ..., 1938], которая должна была изучаться параллельно.

Анализ поэтических текстов из хрестоматий по литературе, подготовленных С. Браиловской, выявляет список из имен персонажей больших произведений: «Сказки о рыбаке и рыбке», «Сказки о царе Салтане», «Сказки о попе и работнике его Балде» А. Пушкина, поэмы С. Маршака «Мистер Твистер» и «Пекинской колыбельной» (произведения китайской литературы — тоже знак времени). В списке наименований персонажей этих учебников первые места занимают слова *князь, царь* из «Сказки о царе Салтане» А. Пушкина, что в период расцвета «культы личности» может быть показательным, хотя слова и отсылают к сказке XIX века.

Анализ самых частотных лексем стихотворных произведений без названных текстов показал следующий результат: *весь, мой, поле, быть, так, Чан, тот, большой, какой, умирать, день, свой, стучать, идти, где, глядеть, Ленин, глаз, ребенок, солнце*. Слова *Чан* (13 из 13), *умирать* (4 из 9), *Ленин* (7 из 7) повторяются в китайском стихотворении «О Ленине и Ли Чане» (автор Исбах). Высокую частотность употребления демонстрируют слова *день* (8), *ребенок* (7), *солнце* (7).

В «Книгах для чтения» двадцать самых частотных слов (3 кл.): *весь, наш, песня, Сталин, страна, поле, родной, лес, счастливый, человек, советский, самый, где, земля, мой, степь, тот, ясный, товарищ*; (4 кл.): *наш, весь, этот, где, песня, быть, река, Сталин, земля, мой, Волга, пойти, счастье, поле, лес, слава, свой, там*. Важно отметить, что самым частотным из притяжательных впервые становится местоимение *наш*, ранее в исследуемых учебных книгах первое место занимало местоимение *мой*. Первое место местоимение *наш* будет сохранять и в хрестоматийных текстах учебников 1970—1980-х годов. Частотность этих местоимений в книгах для чтения разных эпох может стать аргументом в дискуссии о соборности как русской идее.

Общий свод частотных существительных поэтических текстов учебников 1930-х годов С. Браиловской и Е. Соловьевой без учета имен персонажей: *море* (103), *песня* (44), *поле* (42), *день* (39), *Сталин* (38), *дом* (31), *свет* (29), *солнце* (28), *человек / люди* (28), *народ* (27), *лес* (23). Самыми частотными наименованиями пер-

сонажей являются слова *князь* (59), *царь* (53). Впервые появляется в списке частотных глаголов слово *умирать* (11): *умер Ленин; И за желанную свободу / Мы все боролись и умрем, умрем, умрем!* Предвоенные годы известны своими песнями, музыкальными фильмами, всеобщее воспевание советского образа жизни нашло отражение и в книгах для детей: одно из первых мест в списке занимает слово *песня*. Объяснимо появление в перечне и имени И. Сталина.

6. Стабильные учебники 1970—1980-х годов

Период зрелого социализма характеризовался стабильными учебниками. «Родная речь», подготовленная коллективом под руководством М. Васильевой, переиздавалась в 1970—1980-е годы. Наиболее частотные слова в учебнике для 1 класса [Родная речь ..., 1977]: *весь, наш, мама, весна, мой, быть, поле, лес, солнце, небо, рука, свой, день, говорить, земля, снег*. Самые частотные существительные: *мама* (28), *весна* (22), *поле* (21), по-прежнему на первом месте среди притяжательных местоимений местоимение *наш*. В учебнике для 2 класса [Родная речь ..., 1974а] двадцать выдающихся по частотности слов: *весь, наш, идти, народ, быть, лес, где, день, поле, свой, небо, весна, страна, любить, лед, снег, вода, петь, белый, река*. На первое место выходит существительное *народ*. Впервые в списке частотных слов детских хрестоматий появляется глагол *любить* (30). В учебнике для 3 класса [Родная речь ..., 1974б] самые частотные слова без учета «Сказки о рыбаке и рыбке»: *весь, быть, лес, идти, наш, дом, свой, год, где, человек, стоять, страна, мой, рука, небо, видеть, дорога, ребенок, день*.

Общий свод самых частотных существительных поэтических текстов учебников 1970—1980-х годов М. Васильевой: *лес* (89); *дети* (58); *дом* (56); *земля* (55); *день* (54); *поле* (51); *небо* (50); *снег* (47); *народ* (47); *солнце* (46); *море* (44); *мама* (42); *весна* (41); *руки* (41); *свет* (35). Для сравнения приведем цифры, характеризующие повторяемость слов, называющих советскую символику: *Ленин* (15), *пионеры* (14), *октябрята* (11), а значит, несмотря на то что идеологическому воспитанию в те годы уделялось серьезное внимание, социалистическую символику в поэтических текстах тех лет нельзя отнести к ключевым словам по количественному признаку, поскольку большое количество стихотворений о природе, семье вытесняли идеологические произведения на второй план.

7. Заключение

Итак, мы провели анализ ключевых слов в поэтических текстах, включенных в хрестоматию и книги для чтения XIX—XX веков, адресованные младшим школьникам. Установленные различия в перечнях ключевых слов, изменение частотности одного слова в разные эпохи следует считать свидетельством того, что менялись закладываемые в сознание подрастающего поколения ценностные ориентиры и смыслы, формирующие культурный код нации в целом, а также специфику этого кода у определенных поколений.

Общими для XIX—XX веков ключевыми словами русских поэтических текстов книг для чтения в начальной школе, и шире — ключевыми словами, форми-

рующими вообще культурный код русского человека двух веков, — можно назвать слова следующих лексико-семантических групп: «Природа» (*лес, земля, поле, море*); «Свет» (*свет, солнце, день*), «Народ» (*человек, ребенок, народ, страна*). Среди имен персонажей литературных произведений самую высокую повторяемость имеет *золотая рыбка*.

Однако книги для чтения определенного периода характеризуются своеобразием набора ключевых слов, уникальной частотностью отдельных слов, которые в ряде случаев отражают особенности эпохи, педагогические идеи этого времени и собственно личность составителя: П. Максимович (1844 г.) — *душа*; К. Ушинский (1861, 1865 гг.) — *бог*; Примерный список (1888 г.) — *царь, друг*; П. Блонский (1825 г.) — *труд, жизнь, красный*; учебники 1930-х годов — *песня, Сталин, наш, умирать* (персонажи: *князь, царь*); учебники 1970—80-х годов — *мама, весна, наш, любить*.

Под влиянием детской школьной литературы выросло поколение, чей культурный код формировался в том числе благодаря ключевым словам поэтических произведений, включенных в хрестоматии для чтения.

Смысл большинства ключевых слов очевиден, а также очевидно, как проявил себя сформированный теми или иными ключевыми словами культурный код в судьбе определенного поколения. Например, можно сделать вывод, что особое место в культурном коде русского человека XIX—XX веков занимает природа: лес как кормилец, защитник и вдохновитель русского человека, поле — место единения сил природы и человека. Значима для русского человека и вера в чудеса — волшебного помощника, который будет награждать только достойного.

Однако сопоставление «наборов» ключевых слов поколений вызывает вопросы и предположения. Так, показательно, что во второй половине XX века в демократических учебниках К. Ушинского ведущим ключевым словом было слово *бог*, а в предлагаемых к изучению в гимназиях поэтических текстах — *царь*. Можно задаться вопросом: не могло ли и это различие сыграть свою роль в расколе российского общества в начале XX века? Возникают и другие вопросы: не повлияли ли учебники К. Ушинского, не потерявшие свою актуальность и в послереволюционные годы, на сохранение в русском народе веры в течение семидесяти лет насаждаемого атеизма? Как соотносится представление о соборности русского человека и идея коллективизма в советские годы с результатами исследования: местоимение *наш* выходит на первое место только в учебниках 1930—1980-х годов, до этого времени первые позиции занимало местоимение *мой*? Безусловно, что составители книг для чтения 1920-х и 1930-х годов понимали требования времени и стоящие перед страной задачи, поэтому, по сути, воспитали и подготовили молодое поколение к трудовым свершениям и героизму в годы войны; возможно, что авторы стабильных учебников 1970—1980-х годов столь же осознанно старались выдвинуть на первый план не собственно советские, а общечеловеческие ценности. Все это, то есть корректная интерпретация и дальнейшее уточнение влияния ключевых слов на «сюжеты поведения» разных поколений XIX—XX веков, требует особого исследования специалистами в области педагогики, психологии, истории.

Источники и принятые сокращения

1. *Азбуки, буквари и книги для чтения* : база данных Научной педагогической библиотеки им. К. Д. Ушинского Российской академии образования [Электронный ресурс]. — Access mode : <http://www.abc.gnpbu.ru/index.html> (accessed 08.08.2020).
2. *Блонский П. П.* Красная зорька : первая книга для чтения в сельской школе / П. П. Блонский. — Москва ; Ленинград : Госиздат, 1925. — 256 с.
3. *Браиловская С. М.* Хрестоматия по литературе для начальной школы. / С. М. Браиловская, М. А. Рыбникова. — Москва : Учпедгиз, 1938. — Ч. 1: 3-й год обучения. — 1938 — 104 с. — Ч. 2: 4-й год обучения. — 1938. — 104 с.
4. *Греч Н. И.* Учебная книга российской словесности или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе. С присовокуплением кратких правил риторики и петики, и истории российской словесности. Ч. 1—4 / Н. И. Греч. — Санкт-Петербург, 1819 — 1822.
5. *Золотов В. А.* Русская стихотворная хрестоматия. Ч. 1—2 / В. А. Золотов. — Москва, 1829. — Ч. 1. — 1829. — 315 с. — Ч. 2. — 1829. — 407 с.
6. *Книга для чтения* : для 3-го кл. нач. шк. / Е. Е. Соловьева, В. И. Волинская и др. — Москва : Учпедгиз, 1938. — 96 с.
7. *Книга для чтения* : для 4-го кл. нач. шк. / Е. Е. Соловьева, В. И. Волинская и др. — Москва : Учпедгиз, 1938. — 112 с.
8. *Максимович П. П.* Друг детей, книга для первоначального чтения / П. П. Максимович. — Санкт-Петербург : Тип. Акад. наук, 1844. — 142 с.
9. *Родная речь* : книга для чтения в 1 кл. / сост. М. С. Васильева, Л. А. Горбушина и др. — Москва : Просвещение, 1977. — 208 с.
10. *Родная речь* : книга для чтения во 2 кл. / сост. М. С. Васильева, Л. А. Горбушина и др. — Москва : Просвещение, 1974а. — 272 с.
11. *Родная речь* : книга для чтения в 3 кл. / сост. М. С. Васильева, Л. А. Горбушина и др. — Москва : Просвещение, 1974б. — 384 с.
12. *Свод постановлений и распоряжений по гимназиям и прогимназиям ведомства министерства народного просвещения.* — Санкт-Петербург : Типография В. С. Балашева, 1888. — 480 с.
13. *СЭСРЯ* — Стилистический энциклопедический словарь русского языка / ред. М. Н. Кожина. — Москва : Флинта : Наука, 2003. — 696 с.
14. *Ушинский К. Д.* Детский мир и Хрестоматия / К. Д. Ушинский. — Санкт-Петербург : Тип. Т-ва “Обществ. Польза”, 1861. — 562 с.
15. *Miratext* : биржа копирайтеров: полный семантический анализ текста [Electronic resource]. — Access mode : https://miratext.ru/seo_analiz_text (accessed 08.08.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айтов С. Ш.* Историко-антропологические и семиотические аспекты философии культуры Ю. М. Лотмана [Электронный ресурс] / С. Ш. Айтов. — Режим доступа : <http://eadnurt.diit.edu.ua/bitstream/123456789/1686/1/Lotman.pdf> (дата обращения 08.08.2020).
2. *Аринин Е. И.* Образы «религиозного образования» в России и «Проект К. Д. Ушинского» / Е. И. Аринин, Н. М. Маркова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2018. — Т. 43, № 1. — С. 84—90. — DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-1-84-90.
3. *Белинский В. Г.* Сочинения Николая Греча / В. Г. Белинский // Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 2 : Статьи и рецензии. Основания русской грамматики. 1836—1838. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. — С. 530—541.

4. Букина Н. В. Культурный код как язык культуры / Н. В. Букина // Вестник ЧитГУ. — 2008. — № 2. — С. 69—73.
5. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 288 с.
6. Виноградова Н. В. Современные методы автоматизированного извлечения ключевых слов из текста / Н. В. Виноградова, В. К. Иванов // Информационные ресурсы России. — 2016. — № 4 (152). — С. 13—18.
7. Журавлев В. П. Первые стабильные учебники (30—40-е годы XX века) как этап в развитии отечественных школьных учебных средств по литературе / В. П. Журавлев // Преподаватель XXI век. — 2010. — № 1. — С. 105—114.
8. Красных В. В. Психолингвокультурология как наука о человеке говорящем сквозь призму лингвокультуры / В. В. Красных // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем : коллективная монография. — Москва : Гнозис, 2017. — С. 183—261.
9. Крупская Н. К. Педагогические сочинения : в 10 т. Т. 3 : Обучение и воспитание в школе / Н. К. Крупская. — Москва : Акад. пед. наук РСФСР, 1959. — 798 с.
10. Макеев М. Стихотворение Н. А. Некрасова «Школьник» и проблема «демократизации» канона в русской школе 1860-х годов / М. Макеев, К. Герасимова // Хрестоматийные тексты : русская педагогическая практика XIX века и поэтический канон. — Tartu : University of Tartu, 2013. — С. 188—202.
11. Меркулова Н. Г. Менталитет — культурный код — язык культуры : к вопросу о корреляции понятий / Н. Г. Меркулова // Регинология. — 2015. — № 2. — С. 188—196.
12. Некрасов Н. Учебная книга русской словесности / Н. Некрасов // Сочинения. Критика 1842—1861 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005429523/ (дата обращения 04.10.2020).
13. Новиков Ф. Н. Динамика культурных кодов и ее отражение в семантическом поле цветообозначения (в русском, английском и французском языках) : диссертация ... кандидата филологических наук / Ф. Н. Новиков. — Москва, 2012. — 229 с.
14. Рэнчин Б. Отображение универсальных и этноспецифических черт языковой картины мира в фразеологических фондах английского, русского и монгольского языков: на материале фразеологизмов-соматизмов и зоонимов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Б. Рэнчин. — Саратов, 2010. — 26 с.
15. Сасновская А. В. Ключевые слова в поэтическом тексте: параметры их выделения и особенности перевода / А. В. Сасновская // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. — 2011. — С. 98—102.
16. Хрестоматийные тексты : русская педагогическая практика XIX века и поэтический канон / ред. А. Вдовин, Р. Лейбов. — Tartu : University of Tartu, 2013. — 345 с.

FORMATION OF THE CULTURAL CODE OF A GENERATION: KEYWORDS OF POETIC TEXTS IN ELEMENTARY SCHOOL (RUSSIAN EMPIRE — USSR)

© Natalia A. Afanasyeva (2020), orcid.org/0000-0001-7253-1968, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), nat31371@mail.ru.

© Lyubov P. Afanasyeva (2020), orcid.org/0000-0003-1721-8658, Master's degree student, ITMO University (St. Petersburg, Russia), liubov97@mail.ru.

The question of the possibility of analyzing texts to identify their axiological content based on keywords is considered. It is argued that linguistic units characterized by high frequency denote axiologically important concepts and form cultural attitudes in the reader. The characteristic features of the common cultural code for the nation and its unique features in a particular era are determined. The poetic texts of anthologies on literature of the 19th — early 20th centuries that have survived many editions, as well as textbooks of the 1930 — 1940s and 1970-1980s for primary school are analyzed. The research showed that the keywords of the lexical-semantic groups “Nature” (*forest, land, field, sea*) became common for the poetic texts studied in the elementary grades; “Light” (*light, sun, day*), “People” (*person, child, people, country*); that is, these are the words that are leading in the formation of the cultural code of the Russian people of the XIX—XX centuries. The “key words of the era” for the Russian Empire are the words *soul, tsar, god*; for the 1920s — *labor*; 1930s — *song, Stalin*; 1970s — *mother, spring*. The relevance of the study lies in its focus on identifying the basic concepts, meanings and values that form the cultural code of the nation, as well as on describing the dynamics of the cultural code in different historical eras.

Key words: axiology; values; Russia; the cultural code of the nation; generations; keywords; anthology texts.

MATERIAL RESOURCES

- Azbuki, bukvari i knigi dlya chteniya : baza dannyyh Nauchnoy pedagogicheskoy biblioteki im. K. D. Ushinskogo Rossiyskoy akademii obrazovaniya [Alphabets, primers and books for reading: database of the Scientific Pedagogical Library named after K. D. Ushinsky Russian Academy of Education]. — Available at: <http://www.abc.gnpbu.ru/index.html> (accessed 08.08.2020). (In Russ.).
- Blonskiy, P. P. (1925). *Krasnaya zor'ka: pervaya kniga dlya chteniya v selskoy shkole* [Red dawn: The first book to read in a rural school]. Moskva; Leningrad: Gosizdat. 256 p. (In Russ.).
- Brailovskaya, S. M., Rybnikova, M. A. (1938a). *Khrestomatiya po literature dlya nachalnoy shkoly: 3 god obucheniya* [Reader on literature for primary school: 3th year of study]. Moskva: Uchpedgiz. 2/1. 104 p. (In Russ.).
- Brailovskaya, S. M., Rybnikova, M. A. (1938b). *Khrestomatiya po literature dlya nachalnoy shkoly: 4 god obucheniya* [Reader on literature for primary school: 4th year of study]. Moskva: Uchpedgiz. 2/2. 104 p. (In Russ.).
- Grech, N. I. (1819—1822). *Uchebnaya kniga rossiyskoy slovesnosti ili Izbrannyya mesta iz ruskikh sochineniy i perevodov v stikhakh i proze. S prisovokupleniem kratkikh pravil ritoriki i piitiki, i istorii rossiyskoy slovesnosti* [Educational book of Russian literature or Selected passages from Russian works and translations in verse and prose]. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Maksimovich, P. P. (1844). *Drug detey, Kniga dlya pervonachalnogo chteniya* [Friend of children, Initial Reading Book]. Sankt-Peterburg: Tip. Akad. nauk. 142 p. (In Russ.).
- Miratext: *birzha kopirayterov: polnyy semanticheskyy analiz teksta* [Miratext: copywriter exchange: full semantic analysis of the text]. Available at: https://miratext.ru/seo_analiz_text (accessed 08.08.2020). (In Russ.).
- SESRYa — Kozhina, M. N. (ed.). (2003). *Stilisticheskyy entsiklopedicheskyy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian]. Moskva: Flinta: Nauka. 696 p. (In Russ.).
- Solovyeva, E. E., Volynskaya, V. I. (1938). *Kniga dlya chteniya: dlya 3 kl. nach. shk.* [Book for reading: for 3 class]. Moskva: Uchpedgiz. 96 p. (In Russ.).
- Solovyeva, E. E., Volynskaya, V. I. (1938). *Kniga dlya chteniya: dlya 4 kl. nach. shk.* [Book for reading: for 4 class]. Moskva: Uchpedgiz. 112 p. (In Russ.).
- Svod postanovleniy i rasporyazheniy po gimnaziyam i progimnaziyam vedomstva ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Set of resolutions and orders for gymnasiums and pro-

- gymnasiums of the department of the ministry of public education]. 1888. Sankt-Peterburg: Tipografiya V. S. Balashova. 480 p. (In Russ.).
- Ushinskiy, K. D. (1861). *Detskiy mir i Khrestomatiya* [Children's World and Reader]. Sankt-Peterburg: Obshchestv. polza. 562 p. (In Russ.).
- Vasilieva, M. S., Gorbushina, L. A. (eds.). (1974). *Rodnaya rech: kniga dlya chteniya vo 2 kl.* [Native speech. Book for reading in grade 2]. Moskva: Prosveshchenie. 272 p. (In Russ.).
- Vasilieva, M. S., Gorbushina, L. A. (eds.). (1974). *Rodnaya rech: kniga dlya chteniya v 3 kl.* [Native speech. Book for reading in grade 3]. Moskva: Prosveshchenie. 384 p. (In Russ.).
- Vasilieva, M. S., Gorbushina, L. A. (eds.). (1977). *Rodnaya rech: kniga dlya chteniya v 1 kl.* [Native speech. Book for reading in grade 1]. Moskva: Prosveshchenie. 208 p. (In Russ.).
- Zolotov, V. A. (1829). *Russkaya stikhotvornaya khrestomatiya* [Russian poetry reader]. Moskva. 2/1. 315 p. 2/2. 407 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Arinin, E. I., Markova, N. M. (2018). Obrazy «religioznogo obrazovaniya» v Rossii i «Projekt K. D. Ushinskogo» [Images of “religious education” in Russia and “Project of K. D. Ushinsky”]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law], 43 (1): 84—90. (In Russ.).
- Aytov, S. Sh. *Istoriko-antropologicheskie i semioticheskie aspekty filosofii kultury Yu. M. Lotmana* [Historical, anthropological and semiotic aspects of the philosophy of culture of Yu. M. Lotman]. Available at: <http://eadnurt.diit.edu.ua/bitstream/123456789/1686/1/Lotman.pdf> (accessed 08.08.2020). (In Russ.).
- Belinskiy, V. G. (1953). Sochineniya Nikolaya Grecha [Works of Nikolai Grech]. In: *Polnoye sobranie sochineniy. Statyi i retsenzii. Osnovaniya russkoy grammatiki. 1836—1838* [Full composition of writings. Articles and reviews. Foundations of Russian grammar. 1836—1838]. Moskva: Izd-vo Akad. nauk SSSR. 13/2. 530—541. (In Russ.).
- Bukina, N. V. (2008). Kulturnyy kod kak yazyk kultury [Cultural code as a language of culture]. *Vestnik ChitGU* [Bulletin of the Chita State University], (2): 69—73. (In Russ.).
- Krasnykh, V. V. (2017). Psikholingvokulturologiya kak nauka o cheloveke govoryashchem skvoz' prizmu lingvokultury [Psycholinguoculturology as a science of a person speaking through the prism of linguoculture]. In: *(Neo)psikholingvistika i (psikho)lingvokulturologiya: novye nauki o cheloveke govoryashchem* [(Neo) psycholinguistics and (psycho) cultural linguistics: new sciences about a person speaking]. Moskva: Gnozis. 183—261. (In Russ.).
- Krupskaya, N. K. (1959). *Pedagogicheskie sochineniya. Obuchenie i vospitanie v shkole* [Pedagogical essays. Education and upbringing at school]. Moskva: Akad. ped. nauk RSFSR. 10/3. 798 p. (In Russ.).
- Makeev, M., Gerasimova, K. (2013). Stikhotvorenie N. A. Nekrasova «Shkolnik» i problema «demokratizatsii» kanona v russkoy shkole 1860-kh godov [Poem by N. A. Nekrasov “Schoolboy” and the problem of “democratization” of the canon in the Russian school of the 1860s]. In: *Khrestomatiynye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika XIX veka i poeticheskiiy kanon* [Textbook texts: Russian pedagogical practice of the twentieth century and the poetic canon]. Tartu: University of Tartu. 188—202. (In Russ.).
- Merkulova, N. G. (2015). Mentalitet — kulturnyy kod — yazyk kultury: k voprosu o korrelyatsii ponyatiy [Mentality — cultural code — language of culture: to the question of the correlation of concepts]. *Regionologiya* [Regionology], 2: 188—196. (In Russ.).

- Nekrasov, N. Uchebnaya kniga russkoy slovesnosti [Educational book of Russian literature]. In: *Sochineniya. Kritika 1842—1861* [Compositions. Criticism 1842—1861]. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005429523/ (accessed 04.10.2020). (In Russ.).
- Novikov, F. N. (2012). *Dinamika kulturnykh kodov i ee otrazhenie v semanticheskom pole tsvetooboznacheniya (v russkom, angliyskom i frantsuzskom yazykakh): PhD Diss.* [The dynamics of cultural codes and its reflection in the semantic field of color designation (in Russian, English and French). PhD Diss.]. Moskva. 229 p. (In Russ.).
- Renchin, B. (2010). *Otobrazhenie universalnykh i etnospetsificheskikh chert yazykovoy kartiny mira v frazeologicheskikh fondakh angliyskogo, russkogo i mongolskogo yazykov: na materiale frazeologizmov-somatizmov i zoonimov: author's abstract of PhD Diss.* [Display of universal and ethnospecific features of the linguistic picture of the world in the phraseological funds of the English, Russian and Mongolian languages: on the material of phraseological units-somatisms and zoonyms, author's abstract of PhD Diss.]. Saratov. 26 p. (In Russ.).
- Sasnovskaya, A. V. (2011). Klyuchevyye slova v poeticheskom tekste: parametry ikh vydeleniya i osobennosti perevoda [Keywords in poetic text: parameters of their selection and translation features]. *Vesnik Mazyrskaga dzyarzhaynaga pedagogichnaga yuniversiteta imya I. P. Shamyakina* [Bulletin of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shemyakin], 4 (33): 98—102. (In Russ.).
- Vdovin, A., Leybov, R. (2013). *Khrestomatiynnye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika XIX veka i poeticheskiy kanon* [Textbook texts: Russian pedagogical practice of the XIX century and the poetic canon]. Tartu: University of Tartu. 345 p. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (2001). *Ponimanie kultur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through keywords]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kutury. 288 p. (In Russ.).
- Vinogradova, N. V., Ivanov, V. K. (2016). Sovremennyye metody avtomatizirovannogo izvlecheniya klyuchevykh slov iz teksta [Modern methods of automated extraction of keywords from text]. *Informatsionnyye resursy Rossii* [Information resources of Russia], 4 (152): 13—18. (In Russ.).
- Zhuravlev, V. P. (2010). Pervyye stabilnyye uchebniki (30—40-e gody XX veka) kak etap v razvitiy otechestvennykh shkolnykh uchebnykh sredstv po literature [The first stable textbooks (30—40-s of the twentieth century) as a stage in the development of domestic school teaching aids for literature]. *Prepodavatel XXI vek* [Teacher of the 21st century], 1: 105—114. (In Russ.).

Димитриева О. А. Вербализация вакхических действий в художественном мире Фёдора Абрамова / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 39—53. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-39-53.

Dimitrieva, O. A. (2020). Verbalization of Bacchic Actions in the Artistic World of Fyodor Abramov. *Nauchnyi dialog*, 12: 39-53. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-39-53. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'37:392.86+821.161.1Абрамов.08

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-39-53

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ВАКХИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ФЁДОРА АБРАМОВА

© Димитриева Ольга Альбертовна (2020), orcid.org/0000-0003-2734-640X, ResearcherID AAZ-3038-2020, SPIN 9686-0190, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков; старший научный сотрудник научно-исследовательского института этнопедагогике имени академика РАО Г. Н. Волкова, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева» (Чебоксары, Россия), olgaal_79@mail.ru.

Рассматриваются особенности вербализации вакхических действий в произведениях Фёдора Абрамова (тетралогии «Братья и сестры», повестях «Пелагея», «Алька», «Мамониха», «Деревянные кони» и рассказах). Анализируются языковые средства индивидуально-авторской интерпретации сферы «Винопитие» как фрагмента семантического поля художественного текста. Исследуется вакхическое действие с точки зрения проявления в нем той или иной семантики культуры (по М. Л. Ковшовой): утилитарной, функциональной, эстетической, социально-иерархической, идейно-духовной. Отмечается, что в художественном мире Абрамова утилитарный и функциональный аспекты в целом соответствуют общекультурным, отраженным в паремиях. Выявлено, что социально-иерархический культурный слой имеет свою специфику, проявляющуюся в двух оппозициях: «деревня — город», «колхозник-крестьянин — сельская интеллигенция». Автор отмечает, что идейно-духовный компонент в осмыслении ситуации винопития связан с выражением авторского отношения, его мировидения сквозь призму мнения персонажа. Сделан вывод о том, что вербализация вакхического действия отличается образной интерпретацией, привлечением компонентов из различных сфер: это использование выражений, содержащих соматизмы, анимализмы, перцептивную лексику, глаголы физического воздействия и др. При анализе социального компонента некоторых вакхических выражений отмечается, что объекты винопития (сосуды) осмысливаются как субъекты межличностных взаимоотношений.

Ключевые слова: Ф. Абрамов; семантика; культура винопития; национальный менталитет; национальный характер; идиостиль; индивидуально-авторская картина мира.

1. Вводные замечания

В современном языкознании актуальными являются исследования, посвященные извлечению индивидуально-авторского облика концепта на фоне универсальных черт, причем не только рассматриваются общетеоретические положения о типах художественного концепта (например, онтологический, гносеологический, аксиологема, «стандартизированные этнокультурно обусловленные интерпретации» [Миллер, 2000; Миллер, 2004, с. 19]), о способах определения и выявления концепта, о его маркерах — высокой семантической плотности, многомерности, цен-

ности, трехкомпонентности и др.) [Карасик, 2005, с. 13—15; Воркачев, 2005], о его репрезентации лексическими средствами (оязыковление) [Болотнова, 2005], но и проводятся исследования эмпирического материала, посвященные описанию концептов БОГАТСТВО, СВОБОДА, ВЕРА, ЧЕСТЬ, ГРЕХ и др. на основе выборки из корпусов или анализа произведений какого-либо автора и выявлению черт его идиостиля (например, [Степанов, 1997; Туктангулова, 2005]).

Данная статья является продолжением серии работ, посвященных исследованию индивидуально-авторской интерпретации ситуации винопития в мире художественного произведения [Димитриева, 2019а, Димитриева, 2019б; Димитриева, 2020]. В литературе второй половины XIX века представление о вакхическом человеке отличается от созданного в литературе XX—XXI веков. Это отчетливо видно на примере женских персонажей: сравним образ Екатерины Масловой (роман «Воскресение» Л. Н. Толстого) и актрисы Любови Онисимовны (рассказ «Тупейный художник» Н. С. Лескова): (1) *В ней [Масловой] шла мучительная работа. То, что ей сказал Нехлюдов, вызывало ее в тот мир, в котором она страдала и из которого она ушла, не поняв и возненавидев его. Она теперь потеряла то забвение, в котором жила, а жить с ясной памятью о том, что было, было слишком мучительно. Вечером она опять купила вина и напилась вместе с своими товарками [Толстой, 1978, с. 173]; (2) «Не могу, теточка [плакать], — сердце у меня как уголь горит, и истоку нет». А она [Дросида Петровна] говорит: «Ну, значит теперь плаконе [с водкой] не миновать». Налила мне из своей бутылочки и говорит: «Прежде я сама тебя до этого не допускала и отговаривала, а теперь делать нечего: облей уголь — пососи» <...> «Дурочка, — говорит, — да кому же сначала хотелось. Ведь оно горе горькое, а яд горевой еще горче, а облить уголь этим ядом — на минуту гаснет. Соси скорее, соси!» [Лесков, т. 7, с. 241].*

В приведенных примерах на первый план выступает душевное состояние героинь, постигшее их горе, эксплицированы внутренние переживания, при которых невозможно *жить с ясной памятью* (1), плакать, когда *сердце горит* (2). В первом примере вводятся два мира Масловой: *мир, в котором она страдала*, — это ее прошлое — и мир настоящего — забвения. Во втором примере состояние Любови Онисимовны — это переживание *горя горького*, осознание невозможности жить как прежде. Спиртное является средством ухода в другой мир (*купила вина и напилась; облей уголь — пососи*).

Несколько иной женский вакхический образ появляется в XX веке: *Подружками в деревне называли Маню-большую и Маню-маленькую. Две старухи бобылки. Одна медведица, под потолок, — это Маня-маленькая. А другая — ветошная, рвань-старушонка, да, как говорится, себе на уме. Потому и прозвище — большая. К примеру, пенсия. Дождется Маня-большая этого праздника — сперва закупит чаю, сахару, крупы, буханок десять хлеба, а потом уж пропивает что останется. А Маня-маленькая не так. Маня-маленькая, как зубоскалили в деревне, жила одну неделю в месяц — первую неделю после получения пенсии. Тут уж она развертывалась: и день, и ночь шлепала в своих кирзовых сапожищах по улице, да с песнями, от которых стекла лопались в рамах. А потом Мани-маленькой не видно и*

не слышно было три недели. Холодная печь, три котла голодных вокруг да уголь на брус, которым она отмечала на потолке оставшиеся до получки дни (Пелагея) [Абрамов, 1985, с. 38]. Описывается взгляд со стороны, без эксплицирования причин образа действия и душевного состояния, как образчик постоянной манеры поведения — текущий ход событий (подробнее об образе вакхического человека в прозе Абрамова см. [Димитриева, 2020]).

Материалом для данного исследования послужили художественные произведения Ф. Абрамова, а именно его тетралогия «Братья и сестры» [Абрамов, 2018, 1987], повести «Пелагея», «Алька», «Мамониха», «Деревянные кони» и рассказы, представленные в сборнике [Абрамов, 1985]. В настоящем исследовании вакхическое действие рассматривается с точки зрения семантики культуры, далее — образной его интерпретации и социального компонента некоторых вакхических выражений.

2. Семантика деталей вакхического мира как отражение семантики культуры

За ситуацией винопития стоит семантика культуры, выделение в ней оценочных планов и соотнесение вина в широком смысле со шкалой ценностей. М. Л. Ковшова, говоря о семантике головного убора в культуре, отмечает, что ее составляют: 1) утилитарная семантика, 2) функциональная семантика, 3) социально-иерархическая семантика, 4) эстетическая, 5) духовно-идейная семантика [Ковшова, 2015, с. 24]. Подобные составляющие, на наш взгляд, являются универсальными. Их можно рассмотреть на примере ситуации винопития на лексическом уровне в стереотипах, репрезентированных во фразеологическом и паремиологическом фондах, а также на уровне художественного произведения, в их индивидуально-авторском преломлении.

Приведем иллюстрации к вышесказанному положению: утилитарная семантика (оценка в аспекте пользы) — *Первая чарка крепит, вторая веселит, а третья морит*; функциональная семантика (использование в той или иной функции), например, в функции ритуала — *обмыть покупку, выпить на посошок* и т. п.; социально-иерархическая (определяемая социальным статусом участников) — *Для почину выпить по чину; Сапожник накуликался, портной наутюжился, кучик начокался, приказный нахлестался, чиновник нахрюкался, служивый подгулял*; эстетическая — *Где вино, тут и праздничек*; духовно-идейный аспект — *Пьяного грехи, да трезвого ответ; Надо пить, да правду молотить; Без вина правды не скажешь*. Ясно, что выделенные аспекты могут пересекаться и взаимодополняться.

Что касается художественного мира в произведениях Ф. Абрамова и осмысления в нем вакхической ситуации, то функциональный и утилитарный аспекты совпадают с уже приведенными, а социально-иерархический ракурс имеет свои особенности, связанные с расслоением деревенского сообщества (деревенская интеллигенция и колхозники-крестьяне), с одной стороны, и противопоставлением деревенского мира урбанистическому, с другой:

(1) *Стол ломился от вина и яств. Петр Иванович все рассчитал, все усмотрел. Жена директора школы белого не пьет — пожалуйте шинпанского, Роза*

Митревна. Лет десять, наверно, а то и больше темная бутылка с серебряным горлышком пылилась в лавке на полке — никто не брал, а вот пригодилась: спотешила себя Роза Митревна, обмочила зубочки крашенные... (Пелагея) [Абрамов, 1985, с. 44]. Здесь находятся в оппозиции два полюса сельского социума. С одной стороны, изображен деревенский мир колхозника: упоминается общепринятый и общедоступный вид спиртного — *белое* (в значении *водка*); шампанское названо таким способом, как его произносит обычный деревенский житель через «н» — *шинпанское*; описана бутылка (*темная бутылка с серебряным горлышком*); подчеркнута неостребованность этого напитка жителями деревни (*пылилась в лавке на полке*). С другой стороны, сообщается о том, что среди собравшихся за столом присутствует сельская интеллигенция (*жена директора школы*), при этом дама выделяется внешним обликом (*зубочки крашенные*) и манерой питания (*обмочила*).

(2) *Новый год не торопился. Стрелка на часах — они сонно потикивали на дощатой заборке за спиной — никак не могла перевалить за десять. А ведь есть, есть на земле люди, думал Михаил, которые сейчас с минуты на минуту ожидают прихода Нового года. И сами они такие же нарядные, как та елка, которую он видел на днях на обложке «Огонька». И в их квартирах столы с белыми скатертями, вино, всякая жратва. И вот они сядут за эти столы и поднимут бокалы под звон кремлевских курантов... Дрова прогорели. Михаил помешал кочергой в печке. Подложит еще?* (Братья и сестры. Кн. 2. Две зимы и три лета) [Абрамов, 2018, с. 362—363]. В этом примере содержится своеобразный алгоритм празднования Нового года в городе (*ожидают прихода; столы с белыми скатертями; сядут, поднимут бокалы под звон кремлевских курантов* и т. д.), который развернут на фоне описания отсутствия праздничной атмосферы в доме Пряслиных, недостатка простой еды (*Новый год не торопился; дрова прогорели; Михаил помешал кочергой*). Слова, маркирующие эстетическую оценку (*белая скатерть, бокалы* и т. п.), в рамках антитезы соотносятся со словами, репрезентирующими деревенский быт (*дощатая заборка, кочерга, печка*).

Проявление духовно-идейной семантики предметов винопития или действий в художественном произведении сопряжено непосредственно с персонажем, который является выразителем оценки как собственной, так и авторской: — *Вот и дождался я тебя, Миша, — вдруг заговорил Евсей и, к великому изумлению Егорши, даже открыл глаза. — Все люди бензином да вином пропахли, а от тебя дух травяной, вольный. С поля, видно?* (Братья и сестры. Кн. 4. Дом) [Абрамов, 1987, с. 435]. Ольфакторная оценка Миши Пряслина Евсеем Мошкиным является одновременно этической оценкой Михаила, его жизненной позиции и трудовых подвигов.

Приведем еще один пример: *От Альки пришло письмо. Короткое, без объяснений. Как приказ: дом на задворках продать и деньги немедля выслать ей. За всю жизнь Анисья ни разу не перечила ни Алькиной матери, ни ей самой. Все делала по их первому слову, сама угадывала их желания. А тут уперлась, встала на дыбы: покуда жива, не бывать дому в чужих руках <...> Осенний дождик тихо, как мышь, скребся в окошко за кроватью, железное кольцо чуть слышно позвякивало*

на крыльце... Знала, понимала — не Алька там, ветер. А вот поди ты, в каждый шорох со страхом вслушивалась, ждала: вот-вот откроется дверь и на пороге появится беззаботная, улыбающаяся Алька. — **Тетка, а я ведь нашла покупателя. Ну-ко, собирай скорее на стол, обмоем это дело...** (Алька) [Абрамов, 1985, с. 144]. Образ Анисьи, Алькиной тетки, вырисовывается в двух ракурсах: с одной стороны, с помощью глаголов НСВ, употребленных в аспектуальной ситуации повторяющегося действия, характеризующих привычки, узуальные поступки героини (*не перечила / делала по первому слову / сама угадывала их желания*), с другой — глаголами СВ, выражающими изменение привычного порядка и несогласие Анисьи с продажей племянницей отчего дома (*уперлась / встала на дыбы*). Образ беззаботной Альки в этой сцене, как и в целом во всей повести, часто воссоздается через ее отношение к жизни, способность устраивать застолье для того, чтобы разрешать свои дела. Таким образом, в произведениях Ф. Абрамова вакхическая сфера получает идейно-духовную интерпретацию: автор акцентирует внимание на разных аспектах (текущее действие; узуальное, которое впоследствии может стать этапом, вехой в жизни героя) и соотносит с аксиологической шкалой, при этом эксплицитно или имплицитно выражая свое отношение к действительности.

3. О некоторых «параметрах» вакхического действия или состояния в произведениях Ф. Абрамова

А. В. Петров, исследуя язык произведений Ф. Абрамова, отмечает, что писатель «активно и мастерски использовал в своем творчестве богатство народного языка во всем его разнообразии» [Петров, 2020, с. 53] (см. также [Тарасова, 2019]). Сам Федор Абрамов в одном из своих интервью писал, что разговорная речь «объединяет в себе и коренное старинное слово, и диалектные речения, и фразеологизмы, и жаргонные обороты, и наиболее популярную терминологию, и речь современной литературы, газет, радио, телевидения <...> язык современной деревни — яркий, сочный, забористый и задиристый» [Абрамов, 1986, с. 449].

Рассмотрим на примере вакхических действий разнообразные средства их вербализации в народной речи, воссоздаваемой автором в своих произведениях.

Соматизмы (*нос, горло*) включены в структуру выражений *ульнуть* ('увязнуть' [Подвысоцкий, 1885, с. 178]) *носом в бутылке, прищемить нос, смочить горло, означающих 'выпить': И потребовала от тетки бутылку — нуцай старухи горло смочат* (Алька) [Абрамов, 1985, с. 133]; *И вот этот-то самый нужный человек в колхозе [Вороницын], можно сказать — главная опора председателя, запил <...> Раз бригадир ульнул носом в бутылке, то что же с остальных спрашивать?* (Вокруг да около) [Там же, с. 155]; [Клавдий] — *Полинушка, Виктор! Вы не ругайте меня, ну? Я маленько нос прищемил... Понимаете, ха-ха? <...> Виктор удушливо закашлял, натужно задышал. Клавдий Иванович вмиг отрезвел* (Мамониха) [Там же, с. 257].

Автор употребляет выражения с анимализмами (*зеленый змий; под мухой*): — *Парень у меня погибает... <...> Змий этот зеленый сосет, вот что...* (Пелагея) [Там же, с. 91]; *Такие, такие у меня дети. А отца ни во что не ставят. Да тот*

и сам не больно их сторожит. Придет домой **под мухой**: «Ребята, давайте шалить» (За мужика в доме) [Там же, с. 352]. Первое выражение свидетельствует о постоянной привычке героя, второе — о временном состоянии. Следует отметить, что В. В. Виноградов писал о выражении *под мухой*, что оно метафорически переосмыслено применительно к пьяному человеку, «заимствовано из терминологии картежной игры *в муху* <...> и собственно обозначало ‘с выигрышем, с удачей, с победой’ [Виноградов, 1968, с. 88].

Наименования частей одежды (меронимы *воротник*, *пояс*) выступили материалом для образования выражений *закладывать за воротник* (характеристика привычек героя) и *опоясать стакан* (как описание действия, текущего хода дел): *А потом, когда [Анисья] опоясала с горя второй стакан, и семгу бросила на по траву...* (Пелагея) [Абрамов, 1985, с. 41]; *Серезжа нравился Пелагее — простой, бесхитростный, — и она не ради Петра Ивановича, а ради самого Серезжи стала вразумлять его: нехорошо, мол, Сергей Петрович, так за воротник закладывать, рано тебе еще с бутылкой дружить...* (Пелагея) [Там же, с. 86].

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ характеристики вакхического действия часто связываются с визуальным восприятием, которое переосмысливается как регулярное употребление спиртного (*глядеть / заглядывать в бутылку*): — *Пошли с женой в Русский музей на выставку. Картины смотреть. Суббота — делать нечего, не все же на бутылку глядеть* (Редкое единогласие) [Там же, с. 363]; *И вот, смотрю, у меня Лидия Павловна уж в бутылку заглядывать стала да курить почала, худым словом кидаться...* (Мамониха) [Там же, с. 256]; *И я поклялся про себя еще в детстве никогда в бутылку не заглядывать* (Обет) [Там же, с. 333].

Глаголы с семантикой физического воздействия, такие как *опрокинуть*, *раздавить*, *рвануть*, *расправиться*, *заправляться*, *потягивать*, *жахнуть*, *добавить*, метафорически переосмысленные в ситуации винопития, как правило, характеризуют конкретные действия и имеют значение ‘выпить’ (не обозначают состояние).

КАЧЕСТВЕННАЯ сторона действия отражается в глаголах и глагольных выражениях, для которых мотивационными признаками являются следующие: «пустой» (*опорожнить*, *опустошить*, *опростать*), «сухой» (*осушить*, *засушить*, *просыхать*, *вставать на просушку*, *спрыснуть засуху*, *томиться от засухи*, *насухо*), «теплый» (*отогреться*, *согреть* и производная номинация *зайцы-сугревники*). Рассмотрим следующий пример: *Больше всех праздников любила она [Пелагея] Октябрьскую. Целый день, бывало, с раннего утра звенит радость в ихнем доме. Сперва сборы на демонстрацию Павла да Альки, примерка обнов — это уж обязательно: к каждому празднику обновы! — потом, часов с одиннадцати, когда демонстрация появлялась в ихнем околотке, **зайцы-сугревники** (так Пелагея про себя называла начальство, которое забегало к ней **пропустить рюмочку для тепла**): **Петр Иванович, председатель сельсовета, колхозный председатель...** Да каждый тайком, с олядом, чтобы разговоров лишних не было. А в избу-то забежали — тоже с потехой. Кто дьячком, кто козой проблеет от порога: **«Не согреют ли в этом доме плоть мою промерзшую?»**» (Пелагея) [Абрамов, 1985, с. 75]. Образ *зайца-сугревника* включает в себя черты, присущие этому виду животного*

в русской культуре, такие как трусость (ср. *дрожит как заяц, труслив как заяц, заячья душа*), быстрый бег и проворство (ср. *прошмыгнуть как заяц, проскочить зайцем*) [Северская, 2008]. Помимо родового наименования, зайцев часто именуют по видовому признаку: *заяц-русак, заяц-беляк*. В нашем отрывке гости Пелагеи (*деревенское начальство*) с манерой поведения животного *забега́ли / забежали / тайком / с оглядом* и сообразно их цели прихода (*пропустить рюмочку для тепла; не согреют ли..?*) получают наименование *зайцы-сугревники*.

Как видно из примеров, воссоздание образа *винопития* и вакхической деятельности выполняется посредством привлечения компонентов из разных сфер, тем или иным способом связанных с человеком (окружающий мир физической природы, артефактный и психологический).

3. Социальный аспект ситуации *винопития*

Одной из отличительных особенностей представления ситуации винопития в произведениях Ф. Абрамова является ее образная интерпретация, использование широкого спектра возможностей ее репрезентации. Нами ранее уже отмечалось, что спиртное может являться, с одной стороны, визитной карточкой героя, своеобразным индексом его пристрастий (например, персонажи детективов Бориса Акунина [Димитриева, 2019а]), с другой стороны — маркером социального статуса, ранга участника процесса винопития (в повести Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот» автор, характеризует главного героя генерала Ивана Ильича Пралинского, пишет о том, что тот никогда не употреблял водки [Димитриева, 2019б]). Это так называемый внешне обусловленный аспект ситуации, который объясняется экстралингвистическими факторами, такими как исторические и социальные традиции, личные предпочтения, авторские интенции и др. Что касается внутривидовой языковой составляющей и возможности проявления в ней социального аспекта ситуации (прежде всего на лексическом уровне), здесь следует отметить следующие социально обусловленные метафорические модели.

ОБРАЗ межличностных взаимоотношений. Отождествление спиртного и человека, а значит, признание своего рода «личных отношений» с ним, таких как дружба, любовь и т. д. можно проследить в следующих примерах:

(1) *Как-то зимой, недели две спустя после Нового года, к ней зашел Сережа Петра Ивановича — пьяный, еле на ногах стоит. Сережа нравился Пелагее — простой, бесхитростный, — и она не ради Петра Ивановича, а ради самого Сережи стала вразумлять его: нехорошо, мол, Сергей Петрович, так за воротник закладывать, рано тебе еще с бутылкой дружить...* (Пелагея) [Абрамов, 1985, с. 86];

(2) *В тридцатые годы Виталий Витальевич гремел на всю область, в больших мужиках ходил, одно время даже заместителем председателя исполкома был. А потом круто покати́лся вниз. Из-за дружбы с зеленым змием. И сейчас, увидев его в ресторане, Подрезов несколько не удивился* (Братья и сестры. Кн. 3. Пути-перепутья) [Абрамов, 1987, с. 187].

В первом и втором примерах глагол *дружить* и существительное *дружба* употребляются в сочетании с существительным в творительном падеже с пред-

логом *с* в значении совместного осуществления действия, соучастником которого предполагается субъект 2. Номинация субъекта 2 в первом случае представлена наименованием сосуда (*с бутылкой*), который является здесь генерализованным объектом, номинирующим спиртное (осуществляется метонимический перенос по смежности *бутылка — спиртное*). Во втором примере существительное *дружба* сочетается с фразеологизмом *зеленый змий* в значении 'спиртное'. Отметим также, что для русского выражения *дружить с* характерно сочетание с существительным или выражением, которое выделяет какую-либо сущность или свойство человека в отдельную «субстанцию» и подчеркивает при этом связь с ней или, наоборот, ее отсутствие, например, (*не*) *дружить со здоровым смыслом, мозгами* и т. п., то есть *быть здоровомыслящим, умным*. В нашем же случае это скорее указание на образ жизни человека и его времяпрепровождение.

Следующая группа высказываний связана с указанием на долговременные отношения. В высказываниях глаголами *жить с (без) — расстаться с* в сочетании с существительными с семантикой объекта винопития маркируются стиль жизни героя, его взаимоотношения с окружающим миром и выделяется ценностный приоритет. Приведем примеры:

— *Ну уж это не дело, Сергей Петрович, не дело... Надо жениться. Тогда и с бутылкой скорее расстанешься...* (Пелагея) [Абрамов, 1985, с. 86]; *...выдала ему, Михаилу («А ты чего не отговаривал? Али тоже без рюмки жить не можешь?»), затем подошла к столу, кивнула: — Вставай. И Петр Житов — вечная для всех загадка! — встал и, не говоря ни слова, поковылял на выход* (Братя и сестры. Кн. 2. Две зимы и три лета) [Абрамов, 2018, с. 374].

В словарях современного русского языка глагол *расстаться* имеет следующие значения: «*с кем-чем*. 1. Уйти от кого-чего-н., откуда-н., перестать видеться <...> 2. Лишиться кого-чего-н.» [Ожегов, 1988, с. 542]; «1. *С кем и без доп.* Разойтись, попрощавшись; 2. *С кем*. Отпустить от себя, уволить и т. п. кого-л., отказаться от чьих-л. услуг» [СЛРЯ, т. 3, с. 666]. Как видно из дефиниций, изначально глагол *расстаться* связывается с одушевленным субъектом, который является участником взаимоотношений.

Что касается глагола *жить*, то среди многих его значений можно выделить те, которые маркируют взаимодействие с окружающим миром, социумом: «Проводить жизнь в каком-н. месте, среди кого-н., обитать; *с кем*. Быть в каких-н. отношениях с кем-н.» [Ожегов, 1988, с. 159].

Оба глагола обозначают действия, которые в той или иной степени соотносятся с одушевленными субъектами.

В приведенных примерах «взаимоотношения» со спиртным (в творительном субъекта *с рюмкой / с бутылкой*) оцениваются говорящими как негативные. В первом случае высказывание носит рекомендательный характер *скорее расстанешься*, во втором — задаваемый риторический вопрос (*Али тоже без рюмки жить не можешь?*) содержит вполне подразумеваемый ответ и усиливает отношение говорящего к осмысливаемой ситуации.

В. В. Сайгин, анализируя концепт ГРЕХ, отмечает, что его одноименный репрезентант «демонстрирует многочисленные рефлексии концептуально-метафо-

рического одушевления», в частности, грех в языке может получать образное воплощение как «живой, активно и целесообразно действующий субъект» [Сайгин, 2019, с. 541]. Нечто подобное происходит и с образом винопития, в частности, его объекты осмысливаются как субъекты межличностных взаимоотношений, причем оцениваемых как нежелательные, используется прием персонификации, иногда даже конструируются черты внешности, например, *зеленые глаза*, или характера (*стерва*). Приведем иллюстрации:

Замечательно, в самую точку сказала Марья Федоровна: одной силой бутылку не сокрушишь. Она сама кого хошь с ног валит. Надо, понимаете ли, культуру двинуть на эту зеленоглазую стерву (Братья и сестры. Кн. 4. Дом) [Абрамов, 1987, с. 359];

Петр подошел к левому окошку, у которого в погожие вечера любил посидеть Калина Иванович, уткнулся лбом в холодное стекло, а Михаил смотрел-смотрел прямо перед собой и вдруг потянулся к водке: может, от нее, стервы, полегче станет? (Там же) [Абрамов, 1987, с. 462].

Если выражения типа *дружить с*, *расстаться с*, *жить без* служили для введения высказываний обобщенного плана, характеризующих с позиции внешнего наблюдателя стиль жизни и привычки героя, степень его привязанности и зависимости, то черты внешности и характера, приписанные спиртному, выражают личностное отношение самого говорящего как взгляд изнутри (*может, от нее, стервы, полегче станет?*).

САКРАЛЬНАЯ СФЕРА. Понятия сакральной сферы при переходе в бытовую часто профанизируются, приобретая при этом оценку противоположного полюса. Так, в религиозном дискурсе лексемы *чревоугодничать* и *чревоугодие* имеют негативный оттенок, связываются со смертным грехом и употребляются в высказываниях прохибитивного или рекомендательного характера (*нельзя / не следует чревоугодничать*). В кулинарном дискурсе данные слова вводят, напротив, эстетическую оценку (*чем сегодня будем чревоугодничать?*). Нечто похожее происходит и со словами типа *причастие*, *причащаться / причаститься*. В «Словаре русского языка» дана следующая дефиниция: «1. К чему и чему. Устар. И высок. Сделаться участником чего-л., приобщиться к чему-л. <...> 2. чего и без доп. Церк. Принять причастие, подвергнуться обряду причастия» [СлРЯ, т. 3, с. 456—457].

(1) *Выпили по рюмашечке. «Что, парень? — крикнул от удовольствия Трофим. — Небось как Христос по сердцу прошел? У Трохи не вино — причастье!»* (Братья и сестры. Кн. 1. Братья и сестры) [Абрамов, 2018, с. 207]; (2) *Василий Игнатьевич — это уж на улице, когда машина с доярками за поворотом дороги скрылась, — вынул из кармана трояк, подал Мите: «Бежи-ко к Дуньке за причастием, засушили гостью...»* (Алька) [Абрамов, 1985, с. 133]; (3) *Дяде Котя ни в чем не отказывал. Что сам с семьей ел, то и дяде в чашку. И даже рюмочкой не обносил, ежели когда сам причащался. — Ешь, пей, дядя! Я родню не забываю, — приговаривал всякий раз Котя* (Котина доброта) [Абрамов, 1985, с. 312].

Как видно из примеров, у лексемы *причастие* (ее фонетического варианта *причастье*) и видовой глагольной пары *причаститься / причащаться* исчезает

этическая оценка и появляется положительная (эмоциональная) «бытовая» характеристика. Первое высказывание имеет косвенное отношение к религиозной тематике: выражение *как Христос по сердцу прошел* (такого рода приговаривания используются при застольях в народной культуре) используется для своеобразного перевода области физиологии в сферу эмоциональную и обуславливает появление следующего оценочного суждения *У Трохи не вино — причастье!*, для говорящего являющегося наивысшей похвалой. Второй и третий примеры никак не связаны с сакральной сферой, но рассматриваемые лексемы в целом содержат положительную коннотацию: в примере (2) эксплицируется идея угощения и чествования гостя (*бежи-ко за причастием*), хозяин выражает неудовольствие тем, что гостю не угостили (*засушили гостью*); пример (3) содержит характеристику отношения героя к дяде через посредство зарисовки быта Коти (*Не отказывал... не обносил... Ешь, пей, дядя! Я родню не забываю*). Усилительная частица *даже* в сочетании с существительным *рюмочкой* подчеркивает и выделяет значимость последней составляющей в отношении Коти к родственнику; далее автор использует глагол *причащаться*, имеющий положительную семантику, для выражения ироничной оценки действий Коти. Отметим, что в произведениях XIX века «профанное» употребление лексем *причащаться*, *причастие* не встречается: в романе Толстого «Воскресение», например, в сцене посещения заключенными церкви автор рассуждает о причастии: *После этого священник отдернул занавеску, отворил средние двери и, взяв в руки золоченую чашку, вышел с нею в средние двери и пригласил желающих тоже поест тела и крови Бога, находившихся в чашке* [Толстой, 1978, с. 140—141]. Изменение отношения в литературе XX века связано со сменой идеологии, утверждением в обществе атеистического мировоззрения.

Пространственные отношения. При интерпретации ситуации винопития задеваются статический (глагол *сидеть*, *посидеть*) и динамический (глагол движения *обходить*, *прийти с*, *плясать вокруг*) образы пространства:

(1) *Не нравилась ей [Анфисе] эта дружба Ивана — ни раньше не нравилась, ни теперь. Она еще как-то понимала съездить вместе на рыбалку, при случае **посидеть вдвоем за бутылкой**, а как понять, к примеру, сегодняшний фокус Подрезова? (Братья и сестры. Кн. 3. Пути-перепутья) [Абрамов, 1987, с. 69]; (2) *А кроме того, у тетки всегда люди — не то что у них на задворках. Бабы тащатся из лавки — кому похвастаться покупкой? Тетке. Рабочие на выходной пришли из заречья — где **посидеть за бутылкой**? У тетки (Пелагея) [Абрамов, 1985, с. 38]; (3) — *Михаил заходит сюда? — На глаза Петру попала с детства памятная консервная банка с окурками. — Заходит. Это вот он курил. А иной раз и с **бутылкой посидит**. Немало тут пережито* (Братья и сестры. Кн. 4. Дом) [Абрамов, 1987, с. 295]. В первых двух примерах использование статического глагола с семантикой расположения в пространстве *сидеть* в сочетании с предлогом *за* и существительным со значением ‘наименование сосуда’ в творительном падеже (*за рюмкой, за бутылкой*) свидетельствует о деятельности, занятии субъекта действия (ср. *за книгой, за статьей*). В таких примерах часто предполагается множественный субъект (*вдвоем; рабочие*). В примере (3), напротив, предполагается единичный субъект,**

выражение *с бутылкой* употреблено в творительном падеже в значении совместного осуществления действия, одновременно маркируется времяпрепровождение героя и его одиночество в описываемой ситуации. Интересно, что Ф. М. Достоевский для своих героев маркером состояния одиночества использует предлог *перед*: *Был тут и еще один человек, с виду похожий как бы на отставного чиновника. Он сидел особо перед своею посудинкой, изредка отпивая и поглядывая кругом* [Достоевский, 1993, с. 10].

(4) *Но и порядки тоже новые. Бывало, в старенькой колхозной кузне самый-пресамый азарт в это время. Кузнец за ночь силенок поднакопил — просто пляшет вокруг наковальни. А нынче вокруг чего пляшет Зотья? Вокруг бутылки. Очередную совхозную годовщину справляет (Братья и сестры. Кн. 4. Дом) [Абрамов, 1987, с. 404].* Если с помощью выражения *плясать вокруг наковальни* описывается занятость кузнеца, его азартная кипящая работа и центр притяжения — наковальня, то в выражении *плясать вокруг бутылки* акцентирована смена центра действий и, соответственно, занятий нового кузнеца.

Итак, в прозе Ф. Абрамова существительное, называющее сосуд, в сочетании с предлогами *за, с, вокруг* и глаголы расположения в пространстве и движения частотно используются для описания пристрастия человека к выпивке.

4. Выводы

Семантика винопития в мире художественного произведения отчасти соотнобразуется с общекультурным пластом языковых образов, отчасти преобразуется автором-творцом. В произведениях Абрамова утилитарный и функциональный аспекты культуры винопития в целом соответствуют общекультурным, отмечаемым в паремиях. Социально-иерархический культурный слой имеет свою специфику, проявляющуюся в противопоставлении деревни и города и расслоении сельской общины на колхозников и сельскую интеллигенцию. Идейно-духовный компонент в семантике винопития может быть выявлен в ходе анализа интерпретаций, вложенных в «уста» персонажа, что получает выражение в выборе писателем тех или иных языковых средств и в модусе высказывания. Для Н. С. Лескова это комический модус высказывания и языковая игра с обозначениями объекта (*разговорец из пузыречка; безделица; клюко; лампоно*) и субъекта винопития (*глас выпивающий*), для Ф. М. Достоевского — прилагательное как способ обозначения состояния (широкий синонимический ряд — *пьяный, пьяненький (пьяненькой), полупьяный, мертво-пьяный, хмельной, (не)тверезый, вакхический* и др.) и разные аффиксы субъективно-эмоциональной оценки, для Л. Н. Толстого — экспликация этической оценки при употреблении стилистически нейтральной лексики, введение слов с семантикой отношения *любить*; оценки *с безнравственными правилами* и др.

В художественном пространстве произведений Ф. Абрамова вербализация вакхического действия отличается образностью, которая обеспечивается привлечением таких средств, как соматизмы, анимализмы, перцептивная лексика, глаголы физического воздействия и др. При анализе социального компонента некоторых вакхических выражений на первый план выходит осмысление человека и объекта

винопития (напитков и сосудов) как субъектов межличностных взаимоотношений (*жить без бутылки / расстаться с бутылкой; посидеть с бутылкой* и др.). Автор вводит одушевленный образ пристрастия к вину (*зеленоглазая; стерва*).

Источники и принятые сокращения

1. *Абрамов Ф. А.* Братья и сестры: роман в 4 книгах / Ф. А. Абрамов. — Москва : Вече, 2018. — Книга первая: Братья и сестры. Книга вторая: Две зимы и три лета. — 512 с.
2. *Абрамов Ф. А.* Братья и сестры: роман в 4 книгах / Ф. А. Абрамов. — Москва : Сов. Россия, 1987. — Книга 3, 4. — 496 с.
3. *Абрамов Ф. А.* Повести и рассказы / Ф. А. Абрамов. — Ленинград : Лениздат, 1985. — 383 с.
4. *Абрамов Ф. А.* Чем живём-кормимся: очерки. Статьи. Воспоминания. Литературные портреты. Заметки. Размышления. Беседы. Интервью. Выступления / Ф. А. Абрамов. — Ленинград : Советский писатель, Ленинградское отделение, 1986. — 526 с.
5. *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. — Москва : Славянка, 1993. — 335 с.
6. *Лесков Н. С.* Собрание сочинений [Электронный ресурс] : в 11 томах / Н. С. Лесков. — Москва : ГИХЛ, 1956—1958. — Режим доступа : <https://rvb.ru/leskov/toc.htm> (дата обращения: 30.11.2020)
7. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — Москва : Русский язык, 1988. — 750 с.
8. *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. И. Подвысоцкий. — Санкт-Петербург : Издание 2-го отд. Императорской АН, 1885. — 208 с.
9. СлРЯ — *Словарь русского языка* : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. — Том 3 : П—Р. — 750 с.
10. *Толстой Л. Н.* Воскресение / Л. Н. Толстой. — Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1978. — 464 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болотнова Н. С.* Лексические средства репрезентации художественных концептов в поэтическом тексте / Н. С. Болотнова // Вестник ТГПУ. — 2005. — № 3 (47). — С. 18—24.
2. *Виноградов В. В.* О серии выражений: муху зашибать, муху задавить, муху раздавить, муху убить, с мухой, под мухой / В. В. Виноградов // Русская речь. — 1968. — № 1. — С. 83—90.
3. *Воркачев С. Г.* Постулаты лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Антология концептов. — Волгоград : Парадигма, 2005. — Том 1. — С. 10—13.
4. *Димитриева О. А.* «В России пьяные люди у нас самые добрые...» (Об образе пьяного человека в произведениях Ф. М. Достоевского) / О. А. Димитриева // Мир русского слова. — 2019б. — № 3. — С. 56—61. — DOI: 10.24411/1811-1629-2019-13056.
5. *Димитриева О. А.* Репрезентация ситуации винопития в художественном мире Федора Абрамова / О. А. Димитриева // Русистика без границ. — 2020. — № 3. — С. 43—50.
6. *Димитриева О. А.* Художественная интерпретация концепта ВИНОПИТИЕ в серии детективных романов Бориса Акунина «Приключения Эраста Фандорина» / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2019а. — № 9. — С. 56—72. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-56-72.
7. *Карасик В. И.* Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов. — Волгоград : Парадигма, 2005. — Том 1. — С. 13—15.
8. *Ковшова М. Л.* Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры / М. Л. Ковшова. — Москва : Гнозис, 2015. — 368 с.

9. *Миллер Л. В.* Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира: на материале русской литературы : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Л. В. Миллер. — Санкт-Петербург, 2004. — 44 с.

10. *Миллер Л. В.* Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л. В. Миллер // Мир русского слова. — 2000. — № 4. — С. 39—45.

11. *Петров А. В.* Выразительный потенциал диалектизмов в прозе Федора Абрамова (к 100-летию со дня рождения) / А. В. Петров // Русский язык в школе. — 2020. — № 81 (1). — С. 53—60. — DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-1-53-60.

12. *Петров А. В.* Родниковое слово Федора Абрамова: к 100-летию со дня рождения Фёдора Александровича Абрамова / А. В. Петров. — Архангельск : КИРА, 2020. — 172 с.

13. *Сайгин В. В.* Мифологизация концепта «грех» как отражение особенностей его репрезентации в русской языковой картине мира / В. В. Сайгин // Русское слово в многоязычном мире : материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ (г. Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля — 3 мая 2019 года). — Санкт-Петербург : МАПРЯЛ, 2019. — С. 540—544.

14. *Северская О. И.* Почему безбилетников называют зайцами [Электронный ресурс] / О. И. Северская // Русский язык. — 2008. — № 14 (566). — Режим доступа : https://rus.lsept.ru/view_article.php?ID=200801413 (дата обращения: 30.11.2020).

15. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Языки славянской культуры, 1997. — 825 с.

16. *Тарасова Г. И.* Запечатленное слово народа / Г. И. Тарасова // Филология и культура. Philology and Culture. — 2019. — № 3(57). — С. 188—191. — DOI: 10.26907/2074-0239-2019-57-3-188-191.

17. *Туктангулова Е. В.* Репрезентация художественного концепта «жизнь» в идиостиле Н. А. Заболоцкого (на материале цикла «Городские столбцы») / Е. В. Туктангулова // Вестник Удмуртского университета. — 2005. — № 5 (2). — С. 53—56.

VERBALIZATION OF BACCHIC ACTIONS IN THE ARTISTIC WORLD OF FYODOR ABRAMOV

© **Olga A. Dimitrieva (2020)**, orcid.org/0000-0003-2734-640X, ResearcherID AAZ-3038-2020, SPIN 9686-0190, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian and Chuvash Languages; senior researcher, Research Institute of Ethnopedagogy named after Academician RAO G. N. Volkov, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University” (Cheboksary, Russia), olgaal_79@mail.ru.

The features of verbalization of Bacchic actions in the works of Fyodor Abramov (tetralogy “Brothers and Sisters”, novels “Pelageya”, “Alka”, “Mamonikha”, “Wooden Horses” and stories) are considered. The linguistic means of the individual author’s interpretation of the “Wine Drinking” sphere as a fragment of the semantic field of a literary text are analyzed. Bacchic action from the point of view of manifestation of one or another cultural semantics in it (according to M. L. Kovshova): utilitarian, functional, aesthetic, social hierarchical, ideological and spiritual is studied. It is noted that in the artistic world of Abramov, the utilitarian and functional aspects generally correspond to the general cultural ones, reflected in the paremias. It was revealed that the social-hierarchical cultural layer has its own specificity, which manifests itself in two oppositions: “village — city”, “collective farmer-peasant — rural intellectuals”. The author notes that the ideological and spiritual component in understanding the situation of wine drinking is associated with the expression of the author’s attitude, his worldview through the prism of the character’s opinion. It is concluded that the verbalization of Bacchic action is distinguished by figurative interpretation, the attraction of components from various spheres: the use of expressions containing somatisms, animalisms, perceptual vocabulary, verbs of physical impact, etc. When analyzing the social component of some Bacchic expressions, it is noted that the objects of wine drinking (vessels) are interpreted as subjects of interpersonal relationships.

Key words: F. Abramov; semantics; wine drinking culture; national mentality; national character; idiosyncrasy; individual author's picture of the world.

MATERIAL RESOURCES

- Abramov, F. A. (1985). *Povesti i rasskazy* [Stories and stories]. Leningrad: Lenizdat. 383 p. (In Russ.).
- Abramov, F. A. (1986). *Chem zhivem-kormimsya: ocherki. Statyi. Vospominaniya. Literaturnye portrety. Zametki. Razmyshleniya. Besedy. Intervyu. Vystupleniya* [What we live and feed on: essays. Articles. Memories. Literary portraits. Notes. Reflections. Conversations. Interview. Speeches]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', Leningradskoye otdeleniye. 526 p. (In Russ.).
- Abramov, F. A. (1987). *Bratya i sestry* [Brothers and sisters], 3—4. Moskva: Sov. Rossiya. 496 p. (In Russ.).
- Abramov, F. A. (2018). *Bratya i sestry, 1. Kniga pervaya: Bratya i sestry; 2. Dve zimy i tri leta* [Brothers and sisters, 1. Brothers and Sisters; 2. Two winters and three summers]. Moskva: Veche. 512 p. (In Russ.).
- Dostoevskiy, F. M. (1993). *Prestupleniye i nakazaniye* [Crime and Punishment]. Moskva: Slavyanka. 335 p. (In Russ.).
- Leskov, N. S. (1956—1958). *Sobraniye sochineniy* [Collected works], II. Moskva: GIKhL. Available at: <https://rvb.ru/leskov/toc.htm> (accessed: 30.11.2020). (In Russ.).
- Ozhegov, S. I. (1988). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moskva: Russkiy yazyk. 750 p. (In Russ.).
- Podvysotskiy, A. I. (1885). *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic application]. Sankt-Peterburg: Izdaniye 2-go otd. Imperatorskoy AN. 208 p. (In Russ.).
- SIRYA — Evgenyeva, A. P. (ed.). (1999). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian]. Moskva: Russkiy yazyk; Poligrafresursy. 3: 750 p. (In Russ.).
- Tolstoy, L. N. (1978). *Voskreseniye* [Resurrection]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatelstvo. 464 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Bolotnova, N. S. (2005). Leksicheskiye sredstva reprezentatsii khudozhestvennykh kontseptov v poeticheskom tekste [Lexical means of representing artistic concepts in a poetic text]. *Vestnik TGPU* [Bulletin of TSPU], 3 (47): 18—24. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2019a). Khudozhestvennaya interpretatsiya kontsepta VINOPITIE v serii detektivnykh romanov Borisa Akunina «Priklyucheniya Erasta Fandorina» [Artistic interpretation of the concept of wine drinking in a series of detective novels by Boris Akunin “The Adventures of Erast Fandorin”]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 9: 56—72. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-56-72. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2019b). «V Rossii pyanyye lyudi u nas samye dobrye...» (Ob obraze pyanogo cheloveka v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo) [“In Russia, drunk people we have the kindest...” (On the image of a drunk man in the works of FM Dostoevsky)]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian word], 3: 56—61. DOI: 10.24411/1811-1629-2019-13056. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2020). Reprerentatsiya situatsii vinopitiya v khudozhestvennom mire Fedora Abramova [Representation of the situation of wine drinking in the artistic world of Fyodor Abramov]. *Rusistika bez granits* [Russistics without borders], 3: 43—50. (In Russ.).

- Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2005). Bazovyye kharakteristiki lingvokulturnykh kontseptov [Basic characteristics of linguocultural concepts]. In: *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts], 1. Volgograd: Paradigma. 13—15. (In Russ.).
- Kovshova, M. L. (2015). *Semantika golovnogo ubora v kulture i yazyke. Kostyumnyy kod kulture* [Semantics of a headdress in culture and language. Costume code of culture]. Moskva: Gnozis. 368 p. (In Russ.).
- Miller, L. V. (2000). Khudozhestvennyy kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya [Art concept as a semantic and aesthetic category]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian word], 4: 39—45. (In Russ.).
- Miller, L. V. (2004.). *Lingvokognitivnyye mekhanizmy formirovaniya khudozhestvennoy kartiny mira: na materiale russkoy literatury: author's abstract of Doct. Diss.* [Linguocognitive mechanisms of the formation of an artistic picture of the world: on the material of Russian literature: author's abstract of Doct. Diss]. Sankt-Peterburg. 44 p. (In Russ.).
- Petrov, A. V. (2020). *Rodnikovoye slovo Fedora Abramova: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Fedora Aleksandrovicha Abramova* [Spring's word of Fyodor Abramov: to the 100th anniversary of the birth of Fyodor Alexandrovich Abramov]. Arkhangel'sk: KIRA. 172 p. (In Russ.).
- Petrov, A. V. (2020). Vyrazitelnyy potentsial dialektizmov v proze Fedora Abramova (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [The expressive potential of dialectisms in the prose of Fyodor Abramov (to the 100th anniversary of his birth)]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school], 81 (1): 53—60. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-1-53-60. (In Russ.).
- Saygin, V. V. (2019). Mifologizatsiya kontsepta «grekh» kak otrazhenie osobennostey ego reprezentatsii v russkoy yazykovoy kartine mira [Mythologization of the concept “sin” as a reflection of the peculiarities of its representation in the Russian linguistic picture of the world]. In: *Russkoye slovo v mnogoyazychnom mire: materialy XIV Kongressa MAPRYaL (g. Nur-Sultan, Kazakhstan, 29 aprelya — 3 maya 2019 goda)* [Russian word in the multilingual world]. Sankt-Peterburg: MAPRYaL. 540—544. (In Russ.).
- Severskaya, O. I. (2008). Pochemu bezbiletnikov nazyvayut zaytsami [Why free riders are called hares]. *Russkiy yazyk* [Russian language], 14(566). Available at: https://rus.1sept.ru/view_article.php?ID=200801413 (accessed: 30.11.2020). (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoy kulture: opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture: research experience]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kulture. 825 p. (In Russ.).
- Tarasova, G. I. (2019). Zapechatlennoye slovo naroda [The captured word of the people]. *Filologiya i kultura* [Philology and culture], 3 (57): 188—191. DOI: 10.26907/2074-0239-2019-57-3-188-191. (In Russ.).
- Tuktangulova, E. V. (2005). Reprezentatsiya khudozhestvennogo kontsepta «zhizn'» v idiosstile N. A. Zabolotskogo (na materiale tsikla «Gorodskie stolbtsy») [Representation of the artistic concept “life” in the idiosstyle of N. A. Zabolotsky (based on the cycle “City columns”)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 5 (2): 53—56. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1968). O serii vyrazheniy: mukhu zashibat', mukhu zadavit', mukhu razdavit', mukhu ubit', s mukhoy, pod mukhoy [About a series of expressions: hitting a fly, crushing a fly, crushing a fly, killing a fly, with a fly, under a fly]. *Russkaya rech* [Russian speech], 1: 83—90. (In Russ.).
- Vorkachev, S. G. (2005). Postulaty lingvokontseptologii [Postulates of linguoconceptology]. In: *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts], 1. Volgograd: Paradigma. 10—13. (In Russ.).

Иванова Е. Э. Годонимия Чэнду и Екатеринбурга : сопоставительный аспект / Е. Э. Иванова, Лань Лин // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 54—73. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-54-73.

Ivanova, E. E., Lan Ling. (2020). Hodonymy of Chengdu and Yekaterinburg: a Comparative Aspect. *Nauchnyi dialog*, 12: 54-73. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-54-73. (In Russ.).

УДК 811.581'373.211.5+811.161.1'373.211.5+81:39

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-54-73

Годонимия Чэнду и Екатеринбурга: сопоставительный аспект¹

© **Иванова Елена Эдуардовна (2020)**, orcid.org/0000-0002-7761-3265, SPIN 1740-4480, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), paklina.len@yandex.ru.

© **Лань Лин (Lan Ling, 2020)**, orcid.org/0000-0001-6821-9787, аспирант, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), klarodice@gmail.com.

В статье производится сопоставление номинативных типов и моделей годонимов Чэнду и Екатеринбурга, ставится задача поиска универсалий в годонимии. Выделяются три основных типа годонимов: дескриптивные, мемориальные и условно-символические. Сравнительный анализ показал, что дескриптивный тип можно признать универсальным, так как он наиболее полно отражает основную функцию годонимов: указание на местоположение объекта и его характеристику. Авторы отмечают, что это самый древний тип для стихийно формирующегося годонимикона любого города. Доказано, что в Екатеринбурге в советскую эпоху дескриптивные годонимы вытесняются мемориальными, это прежде всего названия — посвящения памятным датам и вехам отечественной истории, конкретным лицам, связанным с историей страны и города. Установлено, что в Чэнду дескриптивные названия остаются самыми распространенными, также популярны годонимы условно-символического типа, среди которых преобладают наименования, включающие традиционные символы китайской культуры, благопожелания, а также отвлеченные понятия, выражающие различные положительные качества. В статье подчеркивается, что годонимы мемориального и условно-символического типа в Чэнду и Екатеринбурге принципиально отличаются, являясь отражением истории и культуры своих стран.

Ключевые слова: ономастика; урбанонимия; годонимия; семантика онимов; номинативный тип; номинативная модель; Чэнду; Екатеринбург.

1. Вводные замечания

Годонимы — имена линейных городских объектов (проспектов, дорог, улиц, переулков, бульваров) — давно интересуют лингвистов, историков, краеведов. В последнее время появляются сопоставительные исследования, в которых сравнивается семантика годонимов в родственных [Сизова, 2004] и неродственных [Ван Ли, 2007; Ван Хуа, 2014; Ли Мо и др., 2020] языках.

1 Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00586 «Урбанонимы как часть языкового ландшафта города: традиции и перспективы рационального развития».

Привлекательность таких исследований вызвана тем, что урбанонимы «являются зеркалом национальной культуры, содержат большой объем информации о традициях, устоях, своеобразии менталитета и особенностях миропонимания, характеризующих то или иное языковое сообщество» [Сизова, 2004, с. 3].

При сопоставлении русской и китайской годонимии в качестве объекта исследования всегда привлекаются названия улиц Шанхая или Пекина — городов, испытавших западное влияние, в том числе и при формировании урбанимикона. Мы обратились к годонимикону Чэнду [Список улиц г. Чэнду] — древнего города с сохранной исторической годонимией, не испытавшей влияния Запада. Чэнду — административный, экономический и культурный центр провинции Сычуань. Основан в IV веке до н. э., на протяжении долгой истории являлся столицей различных государственных образований.

Следует обратить внимание, что при формировании урбанимикона любого города выделяется два этапа — стихийный и административный. На первом этапе преобладают стихийные процессы, на втором — сознательный процесс номинации, регулируемый административными структурами.

В годонимиконе Чэнду (прежде всего имеются в виду названия объектов, расположенных в центральной части города) преобладают старые наименования, возникшие стихийно. В отличие от Чэнду Екатеринбург — молодой город, основанный в 1723 году как железоделательный завод. После революции 1917 года практически все улицы были переименованы, поэтому годонимикон современного Екатеринбурга [Список улиц г. Екатеринбурга] — это продукт осознанной, целенаправленной деятельности. Таким образом, мы сравниваем наименования улиц в неродственных языках, у народов с разной историей, культурой, мировоззрением, в городах с разными принципами формирования годонимикона.

Сопоставительный анализ столь разных годонимических систем предполагает возможность поиска универсалий в годонимии, а также позволяет выявить этнокультурную специфику этого разряда собственных имен, обусловленную культурно-историческими различиями стран.

При анализе материала в качестве основного был избран подход, направленный на поиск и обобщение положенных в основу именовании номинативных установок. Ю. А. Качалкова выделяет три типа годонимов Екатеринбурга: дескриптивные (характеризующие объект с точки зрения его свойств и качеств), мемориальные (названия-посвящения) и условно-символические [Качалкова, 2013б]. Также надо учитывать, что среди названий дескриптивного типа существуют годонимы с двойной мотивацией, например, могут сочетаться указание на расположение относительно строения и указание на сторону света: 站东路 (Чжаньдун дорога) *Дорога на востоке от ЖД вокзала*, 站西路 (Чжаньси дорога) *Дорога на западе от ЖД вокзала*¹; на особенности рельефа и очередность застройки: *Гористый 1-й — 3-й* и т. д. Произведем сопоставление годонимии Чэнду и Екатеринбурга, опираясь на данную классификацию.

1 В статье дается перевод китайских годонимов при помощи транскрипции, а также адаптированный перевод на русский язык.

2. Дескриптивные названия

Дескриптивные названия — это самый распространенный тип в китайской топонимии, в Чэнду такого рода номинации составляют 52 %. Выделяются следующие модели, описывающие расположение улицы:

— относительно сторон света: 新南路 (Синьнань дорога) *Новая южная дорога*, 西城巷 (Сичэн переулок) *Переулок в западной части города*, 东胜街 (Дуншэн улица) *Восточная улица победы*, 西胜街 (Сишэн улица) *Западная улица победы*, 西御街 (Сиюй улица) *Западная имперская улица*, 东御街 (Дунюй улица) *Восточная имперская улица*;

— относительно смежного природного объекта: улицы идут вдоль реки или находятся рядом с горой: 大渡河街 (Дадухэ улица) *Улица реки Даду*, 岷江街 (Миньцзян улица) *Улица реки Минь*, 华山路 (Хуашань дорога) *Дорога горы Хуашань*, 清溪路 (Цинси дорога) *Дорога реки Цинси*, 锦江大道 (Цзиньцзян проспект) *Проспект реки Цзиньцзян*, 小河街 (Сяохэ улица) *Улица маленькой реки*;

— относительно смежных строений и сооружений — эти топонимы свидетельствуют о том, что на ранних этапах формирования урбанимической системы строения были важнейшими ориентирами в городе.

Так, иногда в самом названии указывается на точное положение улицы относительно другого объекта: 文庙前街 (Вэньмяо Цянь улица) *Улица за храмом Конфуция*, 文庙后街 (Вэньмяо Хоу улица) *Улица перед храмом Конфуция*, 东城根街 (Дунчэнгэнь улица) *Улица вдоль восточной городской стены*, 顺城大道 (Шуньчэн проспект) *Проспект вдоль городской стены*, 体育场路 (Тиюйчан дорога) *Дорога (ведущая) к стадиону*.

Наименования улиц сохраняют сведения о таких объектах, как городские ворота, мосты, отдельные значимые здания, которые стоят или стояли раньше на этих улицах: 西华门街 (Сихуамэнь улица) *Улица западных ворот*, 东华门街 (Дунхуамэнь улица) *Улица восточных ворот*, 青石桥街 (Циншицяо улица) *Улица зелёного каменного моста*, 磨坊街 (Мофан улица) *Улица мельницы*, 染坊街 (Жаньфан улица) *Улица красильни* — на улице стояла красильня, в которой красили ткани, 岳府街 (Юе Фу улица) *Улица жилища Юе Фэй* — на улице находился дом национального героя Китая — генерала Юе Фэй (1103—1141).

Некоторые топонимы отсылают нас к преданиям, значимым для истории города:

(1) 通惠门街 (Тунхуймэнь улица) *Улица ворот Тунхуй*. История топонима такова: в 1913 году военный губернатор провинции Сычуань заставил людей построить новые городские ворота и назвал их *Тунхуймэнь*. Значение слова *тунхуй* ‘делать торговлю бесперебойной и давать промышленникам и торговцам выгоду’. Название ворот можно рассматривать как название-пожелание.

(2) 红牌楼街 (Хунпайлоу улица) *Улица красного здания*. Во времена династии Мин (1368—1644) здесь построили здание для выходцев из Тибета, по тибетской традиции здание выкрасили в красный цвет.

(3) 茶店子街 (Чадяньцзы улица) *Улица чайная*. По преданию, давным-давно рядом с этой улицей было кладбище. Каждый год в праздник Цинмин много людей

приезжало сюда, чтобы посетить могилы родственников. Недалеко от кладбища жила бедная семья, они устроили чайную на улице рядом с кладбищем, поэтому улица стала называться *Чадяньцзы*.

(4) 字库街 (Цзыку улица) *Улица склада иероглифов*. В древнем Китае иероглифы считались святыми, ненужные бумаги и книги с иероглифами нельзя было просто выкинуть, их сжигали в «складе иероглифов», который представлял собой здание в форме башни. В дальнейшем склад стал символом иероглифов и книжной культуры.

Многие улицы получали названия по храмам и монастырям, расположенным на них:

(1) 红庙子街 (Хунмяоцзы улица) *Улица Красного монастыря* — на улице находится монастырь с красными стенами.

(2) 小关庙街 (Сяогуаньмяо улица) *Улица Маленького монастыря в честь Гуань Юй*. Гуань Юй — известный военачальник царства Шу (221—263 гг.) и один из главных героев средневекового романа «Троецарствие».

(3) 祠堂街 (Цыган улица) *Улица Храма предков*. Подобные храмы воздвигали в честь предков (предка) семьи. На этой улице находился храм в честь известного военачальника Нян Гэньяо (1679—1726), участвовавшего в присоединении Восточного Тибета к Китаю.

(4) 四圣祠街 (Сишэнцзы улица) *Улица Храма предков четырёх совершенномудрых* — раньше на этой улице был Храм предков четырёх совершенномудрых (учеников Конфуция: Цзэн Шэнь, Янь Хуй, Цзы Лу, Цзы Ю).

(5) 金像寺路 (дорога Цзиньсянсы) *Дорога Монастыря Золотой статуи*.

Несколько улиц получили название по рынкам, на которых продавали те или иные продукты: 肥猪市街 (Фэйчжуши улица) *Улица рынка толстой свинины*, 米市街 (Миши улица) *Улица рынка риса*, 果市巷 (Гуоши аллея) *Аллея рынка фруктов*, 鹅市巷 (Эши аллея) *Аллея рынка гусей*, 海椒市街 (Хайцзяоши улица) *Улица рынка перца*.

Годонимы, описывающие положение улицы относительно смежных строений и сооружений, — древняя модель, преобладающая на начальных этапах формирования годонимикона, сегодня она используется редко: 交大路 (Цзяода дорога) *Дорога Университета коммуникации*.

К числу дескриптивных названий относят годонимы, описывающие занятия жителей. В городах с хорошо развитыми ремеслами места, где жили и работали ремесленники, были важными ориентирами: на *Улице стирки* 浆洗街 (Цзянши улица) жили и работали прачки, на *Улице фонарей* 灯笼街 (Дэнлун улица) была мастерская по производству фонарей. В *Переулке сковороды* 镬锅巷 (Луогуо переулок) в древности было развито бронзовое производство, жители производили посуду, в том числе лоугуо. *Луогуо* — необходимая посуда в древней китайской армии, днём её использовали для приготовления пищи, а ночью можно было «отбить лоугуо», чтобы передать сигналы времени. В случае чрезвычайной ситуации сигнал *лоугуо* извещал об опасности.

Кроме того, годонимы могут указывать на фамилии жителей, которые проживают или проживали на этих улицах. Обычно это небольшие улицы в несколько до-

мов: 王家巷 (Ванцзя переулок) *Переулок семьи Ван*, 焦家巷 (Цзяо переулок) *Переулок семьи Цзяо*, 包家巷 (Баоцзя переулок) *Переулок семьи Бао*, 张家巷 (Чжанцзя переулок) *Переулок семьи Чжан*, 金家街 (Цзиньцзя улица) *Улица семьи Цзинь*, 孟家巷 (Мэнцзя переулок) *Переулок семьи Мэн*.

К дескриптивному типу относятся годонимы, описывающие качества и свойства объекта, а именно:

(1) указывающие на величину улицы (протяженность или ширину): 一里街 (Или улица) *Улица одного километра*, 七里街 (Цили улица) *Улица семи километров*, 康庄街 (Канчжуан улица) *Улица очень широкая*;

(2) отсылающие к названиям растений, произрастающим или произраставшим на этих улицах: 莲桂路 (Ляньгуй дорога) *Дорога лотоса и душистого османтуса*, 香木林路 (Сянму дорога) *Дорога алойного дерева*, 绿杨路 (Люйян дорога) *Дорога зелёного тополя*, 桂花巷 (Гуйхуа переулок) *Переулок душистого османтуса*, 冬青树街 (Дунциншу улица) *Улица замерзшего зелёного дерева*, 枫树街 (Фэншу улица) *Улица клена*.

(3) описывающие другие качества и свойства объекта: 滴水街 (Дишуй улица) *Улица стекающей воды* / *Водосточная улица*, 白沙街 (Байша улица) *Улица белого песка*, 大平街 (Дапин улица) *Улица очень ровная*.

В отличие от Чэнду, в Екатеринбурге дескриптивные названия — самый редкий номинативный тип: 25,6 %. Выделяются следующие модели,

(1) описывающие расположение объекта:

— относительно смежного антропогенного объекта: *Амбулаторная ул., Аптекарская ул., Банковский пер.*

— относительно смежного природного объекта: *Береговая ул., Бережная ул., ул. Березовый ключ, Болотная ул., Боровая ул.*

— относительно сторон света: *Восточная ул., ул. Восточное кольцо, Западная ул., Северный пер., Южная ул., Южный пер.*

(2) описывающие качества и свойства объекта: *Узкий пер., Широкий пер., Большая ул., Безлесная ул., ул. Пески, Черноземный пер, Дальняя ул.*

(3) описывающие функцию объекта: *Выражный пер., Встречный пер., Выходной пер., Обходной пер, Проезжий пер.*

Отметим, что только последняя модель не встречается в китайской годонимии.

В дореволюционном Екатеринбурге дескриптивные урбанонимы представлены шире. Номинация «по занятиям жителей» не используется в современном Екатеринбурге, однако в XVIII веке модель встречалась при наименовании слобод: *Кузнецкая* (жили и работали кузнецы), *Купеческая* (поселение торговцев и вольных ремесленников), *Секретарская*, *Лекарская*, *Подъяческая*, *Заимка Сальников* (жители топили сало и изготавливали из него свечи). В XIX веке эта модель прослеживается при номинации улиц: *Архиерейская, Архитекторская, Городническая, Кузнечная, Офицерская, Протопопская*.

Кроме того, на первых этапах застройки Екатеринбурга использовалась номинативная модель «по фамилиям домовладельцев»: *Абрамовская, Байнуховская, Бармина, Гилева / Гилевская, Денисова, Дубровинская, Коробковская, Манакова*,

Турчаниновская, Харчевникова и т. д. По подсчетам Ю. А. Качалковой, так называлось около 25 % улиц старого Екатеринбурга [Качалкова, 2013, с. 94].

Как и в Чэнду, в дореволюционном Екатеринбурге улицы получали названия по храмам и монастырям, расположенным на них: *Богоявленская, Вознесенская, Никольская, Спасская, Успенская*.

Для наименования площадей Екатеринбурга раньше использовалась модель «по названию рынка». На *Хлебной* площади был рынок, на котором торговали не только хлебом, но и зерном и мукой. На *Сенную* площадь из прилегающих к Екатеринбургу деревень свозилось для продажи сено. На *Дровяной* площади торговали дровами и строительным лесом, на *Щепной* продавали «щепной» товар — таковым считались любые изделия из дерева: от шкатулок, гребешков и веретен до бочек и сундуков и даже деревянных деталей телег, ткацких и других станков. Самый большой рынок города находился на *Торговой* площади (ныне Площадь 1905 года) — здесь находились также Гостиный и Мытный дворы.

Дескриптивный тип можно признать универсальным, так как он наиболее полно реализует основную функцию топонимов: указание на местоположение объекта и его характеристику. Это самый древний тип для естественно формирующегося топонимикона: «Исторически топонимия сложилась как система принципиально семантическая: имена улиц в своей совокупности были своеобразным путеводителем по городу, информируя о его ландшафте, основных сооружениях, жителях и их занятиях, направлениях к соседним городам» [Шмелева, 2008, с. 2].

Мы видим, что практически все модели русских и китайских дескриптивных топонимов совпадают. Уникальными являются две модели: топонимы, указывающие на названия растений, произрастающих или произраставших на этих улицах, — в Чэнду¹, топонимы, описывающие функцию объекта, — в Екатеринбурге.

3. Мемориальные названия

В топонимии Чэнду мемориальные номинации — это самый редкий номинативный тип (12 %). Наиболее распространенная модель — посвящения географическим объектам: 黄海路 (Хуанхай дорога) *Дорога Жёлтого моря*, 东海路 (Дунхай дорога) *Дорога Восточно-Китайского моря*, 陝西街 (Шаньси улица) *Улица Шаньси* (название провинции), 蜀都大道 (Шуду проспект) *Проспект столицы царства Шу*, 大庆路 (Дацин дорога) *Дорога Дацин*, 玉林街 (Юйлинь дорога) *Дорога Юйлинь*, 晋阳路 (Цзиньян дорога) *Дорога Цзиньян*. В последних трех топонимах отражены названия городов.

Остальные модели представлены единичными названиями:

(1) Посвящения известным лицам: 黄忠街 (Хуанчжун улица) *Улица Хуан Чжунна*, Хуан Чжун — генерал династии Хань; 文翁路 (Вэньвэн дорога) *Дорога Вэньвэна*, Вэньвэн — известный педагог династии Хань; 天祥街 (Тяньсян улица) *Улица Тяньсяна*, Вэнь Тяньсян — поэт, педагог и военный деятель времён правления ди-

¹ Для выявления этой модели в топонимии Екатеринбурга нужны дополнительные исследования (подробнее см. Условно-символический тип, модель 2.2. Топонимы, связанные с образами растительного мира).

насти Наньсун. Отметим, что все годонимы этой группы отсылают к древней истории: к временам династии Хань (206 год до н. э. — 220 год н. э.) и династии Наньсун (1127—1279 годы н. э.).

Причина непопулярности данной модели «связана с экстралингвистическими факторами: существующим в Китае запретом именовать внутригородские объекты именами руководителей государства, а также необходимостью каждое новое название, связанное с именем человека, выносить на утверждение Госсовета» [Ван Ли, 2007, с. 10]. Подобный этический запрет не действует в России: в городе Грозном есть проспект Путина, ныне действующего президента РФ, также есть улицы Путина в населенных пунктах Дагестана, Ингушетии, Чеченской республики¹.

(2) Посвящения официальным должностям императорского Китая: 将军街 (Цзянцзюнь улица) *Генеральская улица / Улица генерала*; 提督街 (улица Тиду) *Улица командующего войсками провинции* — в династии Мин (1368—1644 годы) военная должность, командующий сухопутным и морским войском всей провинции; 指挥街 (Чжихуй улица) *Улица командира / Командирская* — военная и административная должность в династии Мин.

(3) Посвящения историческим событиям: 光华街 (Гуанхуа улица) *Улица освобождения Китая*, 新光街 (Синь Гуанхуа улица) *Новая улица освобождения Китая* — посвящение освобождению Северо-Востока Китая советскими войсками в 1945 году; 八一街 (Баи улица) *Улица Первого августа* — посвящение Дню создания Народно-освободительной армии Китая, основанной в 1927 году.

(4) Годонимы, посвященные профессиям, представлены в нашем материале единичным наименованием: 教师街 (Цзяоши улица) *Улица учителей*.

В годонимии Екатеринбурга мемориальные названия — самый распространенный тип — 52,9 %. Можно выделить следующие модели:

— посвящения географическим объектам (населенным пунктам, регионам, гидрообъектам): *Алтайская ул., Байкальская ул., Донская ул., Омская ул.*

— посвящения социальным группам и институтам: *Академическая ул., Депутатская ул., Профсоюзная ул., ул. Туристов, ул. Пионеров, ул. Школьников, Студенческая ул.*

— посвящения памятным датам и вехам отечественной истории: *ул. 8 Марта, ул. Гражданской Войны, ул. Победы, ул. 40-летия Октября, ул. Третьей Пятилетки.*

— посвящения различным странам / народам (этносам): *Армянский пер., Башкирский пер., Вогульский пер., Китайский пер., Украинская ул.*

— посвящения известным лицам: деятелям культуры (ул. *Айвазовского*, бульвар *Архитектора Малахова*, ул. *Бажова*, ул. *Высоцкого*), деятелям науки (*Боткинская ул.*, ул. *Кулибина*, ул. *Ломоносова*, ул. *Менделеева*), летчикам и космонавтам (ул. *Бахчиванджи*, ул. *Водопьянова*, ул. *Гагарина*), героям труда и рабочим династиям (ул. *Лоцмановых*, ул. *Лукиных*, ул. *Стаханова* и *Стахановская ул.*), героям Великой отечественной войны (ул. *Гастелло*, ул. *Зои Космодемьянской*, ул. *Кузне-*

1 В с. Ольгети, Ингушетия, Джейрахский район; в с. Центора-Юрт, Грозненский район Чеченской республики; в с. Хаджалмахи, Левашинский район республики Дагестан.

цова, ул. *Маршала Жукова*), историческим деятелям России (ул. *Адмирала Ушакова*, ул. *В. де Геннина*, пер. *Суворовский*, ул. *Татищева*).

Самая распространенная модель среди мемориальных названий — посвящения деятелям революции и гражданской войны, партийным и государственным лидерам (96 годонимов). Массово такие названия появляются после Октябрьской революции 1917 года. 6 ноября 1919 года было объявлено о переименовании всех главных улиц и площадей Екатеринбурга в честь вождей пролетарской революции и наиболее видных екатеринбургских «товарищей». Появились улицы *Ленина*, *Мальшева*, *Свердлова*, а также улицы, названные именами местных революционеров: ул. *Бычковой*, ул. *Викулова*, ул. *Вилонова*, ул. *Толмачева*, ул. *Вайнера*, ул. *Серафимы Дерябиной* и др. Если революционер подвергался репрессии или «попадал в опалу», то улицу переименовывали. Так, ул. *Уктусская* в 1919 году была переименована в ул. *Троцкого*. Когда Л. Д. Троцкий был заклеен как предатель, улицу переименовали в ул. *8 Марта*. Списки людей, достойных увековечивания, периодически пересматривались и пополнялись, что вело к серийным переименованиям: в 1919, 1921, 1937, 1958, 1962 годах и далее.

С приходом к власти Никиты Хрущева продолжились вычеркивания с карты города имен политически неудобных. Ул. *Молотова* становится ул. *40-летия Октября*, с карты города исчезают все четыре улицы *Сталина*¹.

В 1989 году 18 января выходит постановление ЦК КПСС «Об отмене правовых актов, связанных с увековечением памяти А. А. Жданова». После этого улица *Жданова* в Свердловске обретает свое дореволюционное название и становится *Мельковской*.

12 декабря 1993 года во время выборов губернатора в области провели официальный референдум, на котором решали вопрос о возвращении улицам исторических имен. По результатам референдума голоса между сторонниками переименования, противниками и воздержавшимися разделились на три равные части, поэтому изменений не произошло.

История города после 1993 года знает лишь отдельные примеры переименований по идеологическому принципу. Например, в 1995 году улица *Ермакова*, названная в честь революционера и участника расстрела царской семьи, вернула свое историческое название — *Ключевская*. Улицу *Голощекина*, уральского большевика, также причастного к расстрелу царской семьи, переименовали в улицу *Даниила Зверева*, горщика и камнереза.

Последнее предложение о переименовании улицы было в 2016 году. Улицу Толмачёва, названную в честь большевика Н. Г. Толмачёва, предложили переименовать в Царскую, так как на этой улице стоял дом Ипатьева, в подвале которого была расстреляна семья последнего царя, а сегодня находится Храм-на-Крови. «Однако

1 Изначально эти улицы получили своё название в разных пригородах: Уктус, Нижне-Исетск, Уралмаш и Втузгородок, — но при включении этих пригородов в границы единого административной единицы «город Свердловск» переименовывать их рука ни у кого не поднялась. Улица на Уралмаше в дальнейшем становится проспектом *Орджоникидзе*, на Уктусе появляется ул. *Роцинская*, в Нижне-Исетске — ул. *Димитрова*, а во ВТУЗгородке — ул. *Мира*.

жители улицы проголосовали против переименования. В итоге 27.05.2016 г. была переименована только часть улицы, не содержащая жилых домов» [Качалкова и др., 2019, с. 181].

Итак, при почти полном совпадении перечня номинативных моделей мемориальных топонимов их наполняемость существенно отличается. Полностью соотносимыми друг с другом следует признать топонимы, которые посвящены географическим объектам, в остальном же наблюдаем существенные различия. В топонимии Екатеринбурга преобладают названия, связанные с идеологией советского государства, при этом наблюдается тенденция к переименованию. Среди топонимов Чэнду в основном встречаются названия, отражающие историю древнего Китая. Китайцы очень трепетно относятся к своей истории, стараются не осуждать и не критиковать ее, а принимать такой, как есть, извлекать из истории самое лучшее для дня сегодняшнего. Также бережно они относятся к топонимам. Жители города гордятся тем, что им удастся сохранять исторические названия улиц. Для примера приведем топоним 督院街 (Дуюань улица) — *Улица резиденции генерал-губернатора*. На этой улице находилась резиденция генерал-губернатора — высочайшего должностного лица, ведающего военными и гражданскими делами в провинции во времена династий Мин (1368—1644) и Цин (1644—1912). В дальнейшем на этой улице были построены различные правительственные учреждения феодальной династии, наконец, в 1949 году здесь построено здание Правительства провинции. Жители города считают, что сохранение названия этой улицы является не только свидетельством исторической преемственности, но и хорошим примером для воспитания молодежи, которая должна уважать историю страны.

Единственная «мемориальная» модель, не представленная в топонимиконе Чэнду, — посвящения различным странам / народам (этносам). Это легко объясняется отношением китайцев к соседним народам. «Характерными для древнего Китая можно считать два основных типа межгосударственных отношений: в основе первого лежит концепция “ди го” — “равных государств”, второй базируется на конфуцианской доктрине “мироустроительной монархии”, которая рассматривала все другие страны в качестве потенциальных данников по отношению к Китаю. Именно эта синоцентрическая концепция и теория этнокультурного превосходства жителей “Срединных царств” над окружающим окраинным миром “варваров четырех стран света” стала распространяться на межгосударственные отношения и дипломатию Китая со странами и народами, расположенными за его пределами» [Баринава, 2014, с. 28].

В российских городах указанная модель является достаточно популярной, в Екатеринбурге насчитывается 29 подобных топонимов. Это объясняется тем, что Российское государство всегда было многонациональным, в СССР межнациональные отношения были приоритетным направлением для государства, добрососедские отношения между народами всячески пропагандировались. В топонимии отразилась политика партии и государства: названия улиц посвящались как местным этносам (*Башкирский пер.*, *Татарский пер.*), так и народам СССР (*Грузинский пер.*, *Киргизский пер.*) и «братских» стран (*Болгарский пер.*, *Монгольская ул.*).

4. Условно-символические названия

Условно-символические названия — это коннотативно нагруженные номинации, произвольно соотносящиеся с объектами. Условно-символические топонимы имеют популярность в Чэнду (36 %). К их числу относятся названия, включающие слова — символы китайской культуры. В Китае, отметим, большое внимание уделяется символизму, «причем он выражен не только в религии, магии, обрядах, ритуалах, но и в музыке, поэзии, живописи, архитектуре, скульптуре, в одежде и предметах домашнего обихода» [Махортова и др., 2011, с. 137]. Символизм основывается на многочисленных легендах, мифах, сказаниях, которые варьировались по регионам и претерпевали определенные изменения с течением времени, поэтому и некоторые символы многозначны¹.

Названия улиц содержат отсылки к распространенным символам китайской культуры.

Символы неба. Небо (天 *тянь*) — одна из основополагающих категорий китайской философии, религии и культуры. Существовал культ неба, и все, что находится на нем, было предметом обожествления: солнце, луна, звезды, облака [Сидихменов, 2000, с. 1—3]. Впоследствии все небесные явления нашли отражение в китайской символике. Хорошо известно, что солнце считается воплощением мужского начала в природе, а луна — женского. Облака символизируют счастье, добрые дела, жизненную силу, звезды — свет и надежду, радуга — красоту и силу природы. Так, в топонимии Чэнду встречаем: 日月大道 (Жиюэ проспект) *Улица солнца и луны*, 彩虹街 (Цайхун улица) *Улица цветной радуги*, 朝阳街 (Чжаоян улица) *Улица первых лучей солнца*, 晨曦街 (Чэньши улица) *Улица рассвета*, 晨辉路 (Чэньхуй дорога) *Дорога утренних лучей солнца*, 云霞路 (Юйся дорога) *Дорога облака и зари*, 星辉街 (Синхуй улица) *Улица блеска звезды*, 星河街 (Синхэ улица) *Улица Млечного Пути*.

Зооморфные символы. Большинство символов связано с образами мифологических животных: 金鹏街 (Цзиньпэн улица) *Улица золотой птицы Пэн*, птица Пэн — это гигантская мифическая птица, символизирующая величие, большие перспективы, великие свершения; 金凤街 (Цзиньфэн улица) *Улица золотого Феникса*, птица Феникс, возрождающаяся из пепла, символизирует торжество новой жизни, победившей смерть, а также тепло солнца и огня.

Большинство топонимов связано с образом дракона. Дракон в китайской культуре — символ процветания, удачи и доброго начала (в отличие от дракона европейского). Мифы повествуют о разных драконах, но самый главный из них — водяной, так как, согласно древним китайским поверьям, он подарил людям влагу и его почитают как божество дождя, он зачастую изображается в окружении облаков: 蛟龙街 (Цзяолун улица) *Улица водяного дракона*, 云龙街 (Юньлун улица) *Улица облака и дракона*, 青龙街 (Цинлун улица) *Улица зеленого дракона*, 土龙路 (Тулун дорога) *Дорога земляного дракона*.

¹ Значение символов далее приводится по книге: Уильямс Ч. Китайская культура: мифы, герои, символы. При необходимости данные дополняются другими источниками, на которые даются ссылки.

Также китайцы наделяли мистическими свойствами реальных животных: 白鹤街 (Байхэ улица) *Улица белого журавля* — журавль после феникса считается самой почитаемой птицей в китайской мифологии. Птица является одной из самых распространенных эмблем долголетия; 狮马路 (Шима дорога) *Дорога льва и лошади* — лев выступает как апологет закона и защитник зданий, лошадь считается символом скорости и упорства; 蝶飞街 (Дефей улица) *Улица полета бабочки* — бабочка воспринимается китайцами как эмблема радости, символ удачного брака.

Растительные символы. Следующие номинации мы отнесли к условно-символическим по двум основаниям: в основе годонимов — названия растений, являющихся известными символами китайской культуры, при этом растения не произрастают на данных улицах (также нет сведений о произрастании их в этих местах в прошлом): 苍松街 (Цансун улица) *Улица пышной сосны* — сосна как вечнозеленое дерево является символом долголетия и бессмертия души; 桃子街 (Таоцзы улица) *Улица персика* — с персиком в Китае связаны многочисленные легенды, поскольку, по преданию, волшебные персики, растущие в небесных садах, давали бессмертие, плод персика считался символом вечной жизни, весны и удачного брака; 柳荫街 (Люинь) *Улица тенистой ивы* — в буддизме ива обозначает смирение, она, как и персик, в китайских ритуалах часто употребляется для изгнания нечистых духов [Го Жунжун и др., 2020, с. 7]; 牡丹街 (Муданьулица) *Улица пиона оревовидного*. Пион считается царем цветов, а также символом весны, богатства, славы, здоровья, процветания [Махортова и др., 2011, с. 138].

Символы «камень» и «яшма». Камень считается символом надежности и твердости. С данной символикой связана традиция «поклонения большому камню»: в древности люди ставили возле домов большие камни или каменные стелы для подавления демонов и защиты от зла. Эта традиция нашла отражение в годонимах: 大石街 (Даши улица) *Улица большого камня*, 五块石街 (Вукайши улица) *Улица пяти камней*, 万石街 (Ваньши улица) *Улица десяти тысяч камней*, 大石东路 (Даши Дун дорога) *Восточная дорога камня*.

Из минералов китайцы особенно ценят *яшму*, которая «олицетворяет целый ряд добродетелей: моральную чистоту, справедливость, искренность, мужество, гармонию, преданность, благожелательность и мудрость» [Филимонова, 2004, с. 7]. При описании идеальной картины природы яшма выступает символом чистоты [Там же, с. 8]. Ср.: 玉洁巷 (Юйцзе переулок) *Переулок чистый, как яшма*.

Вещественные символы. К ним относятся, например: 金盾路 (Цзиньдунь дорога) *Дорога золотого щита* — щит является символом защиты¹; 白丝街 (Байсы улица) *Улица белого шёлка*, 金丝街 (Узиньсы улица) *Улица золотого шёлка* — шелкопряд считается эмблемой трудолюбия, шёлк символизирует необычайную чистоту и добродетель; 黄金伞街 (Хуанцзиньсань улица) *Улица золотого зонтика* — зонт относится к «восми сокровищам» и символизирует защиту буддийского учения [ФуС., 2010, с. 89], также считается символом уважения, чисто-

1 Ср.: Проект «Золотой щит» — система фильтрации содержимого интернета в КНР.

ты, достоинства и высокого положения; 芳草街 (Фанцао улица) *Улица ароматных трав*¹ — культура благовоний и ароматов (香文化 *сян вэньхуа*) — неотъемлемая часть китайской культуры, в рамках которой «много внимания уделяли вопросу развития нравственных качеств человека, воспитанию его сознания и психики, распространению и пропаганде “элегантного стиля жизни”, подразумевающего наслаждение ароматами» [Войтишек и др., 2018, с. 510]. Ароматные травы — символ высоких нравственных качеств людей.

Символика цвета. Целый ряд годонимов Чэнду связан с символикой цвета, чаще всего встречаются лексемы *золотой* и *белый*.

Золотой цвет — символ благородства, богатства, процветания. Кроме вышеперечисленных годонимов, встречаем: 黄金街 (Хуанцзинь улица) *Улица золота*, 金源街 (Цзинъюань улица) *Улица золотого источника*, 金瓦路 (Цзиньва улица) *Улица золотого черепка*, 金履街 (Цзиньлюй улица) *Улица золотых туфель*, 金花街 (Цзиньхуа улица) *Улица золотых цветов*, 金光街 (Цзиньгуан улица) *Улица золотого света*.

Белый цвет в китайской символике самый многозначный, изначально он был связан со смертью и похоронами, траурный цвет белой одежды выражал почтение мёртвому и глубокое соболезнование близким. Позднее он стал восприниматься как указание на моральную чистоту. Кроме *Улицы белого шёлка* и *Улицы белого журавля*, в Чэнду есть 白马街 (Байма улица) *Улица белой лошади* и 白衣街 (Байи улица) *Улица белой одежды*.

Символика чисел. В китайских годонимах часто используется число 8, так как оно является символом наивысшей гармонии, богатства и процветания. Культ числа 8 пронизывает всю китайскую философию, мифологию и религию: 8 сезонов, 8 годовых праздников, 8 сокровищ, 8 божественных ветров, 8 бессмертных, 8 драгоценностей [Антонова, 2012, с. 201]. В годонимии Чэнду находим: 八步街 (Бабу улица) *Улица восьми шагов*, 八角街 (Бацзяо улица) *Улица восьми углов*, 八里桥街 (Балицяо улица) *Улица моста восьми километров*.

Названия, связанные с мифами, легендами и преданиями. Приведем ряд примеров:

长发街 (улица Чжанфа) *Улица длинных волос*. Согласно преданию, раньше на этой улице стоял женский монастырь, у одной монахини были длинные волосы (по традиции у них не должно быть волос). Она отпустила длинные волосы, чтобы годовой год закончился и люди собрали большой урожай (продуцирующая магия), также её волосы могли изгонять зло и излечивать болезни.

送仙桥路 (улица Сунсяньцяо) *Улица прощания с богами*. В Чэнду известна легенда: 3 марта по китайскому календарю в монастыре, который находился на этой улице, проводилась ярмарка, много богов в тот день собралось в монастыре. Ночью, перед возвращением на небо, они стояли на мосту, рассыпали сокровища, и люди прощались с ними. Благодаря этой истории появилось название моста — *Мост прощания с богами*, а улица стала называться *Улица прощания с богами*.

1 Ароматные травы понимаются здесь как вещество для возжигания благовоний.

玉宇路 (Юйюй дорога) *Дорога Яшмового дворца* — в китайских мифах боги-небожители жили в яшмовом дворце.

神仙树街 (Шэньсяньшу улица) *Улица божественного дерева* — божественное дерево считалось местом обитания богов, согласно мифам, оно связывает небо и землю, человек через него общается с небесными императорами и богами [Го Жунжун и др., 2020, с. 7].

Названия, включающие в себя лексические единицы с положительной семантикой. Прежде всего это отвлеченные понятия, выражающие различные положительные качества, добродетели, идеалы. Давая такие названия, люди пытались предопределить благоприятное развитие и достойное будущее улицы: 仁厚街 (Жэньхоу улица) *Улица великодушия*, 平安巷 (Пинань переулок) *Переулок благополучия*, 锦兴路 (Циньсин дорога) *Дорога процветания Чэнду*, 福宁路 (Фуниин дорога) *Дорога счастья и спокойствия*, 福康路 (Фукан дорога) *Дорога счастья и здоровья*, 永兴巷 (Юнсин переулок) *Переулок вечного процветания*, 百寿 (Байшоу дорога) *Дорога долголетия*.

Некоторые из этих годонимов отражают конфуцианские моральные установки, которые стали основой традиционной морали в Китае: 正义路 (Чжэни дорога) *Дорога справедливости*, 盛德巷 (Шэндэ переулок) *Переулок Великой добродетели*, 劳动路 (Лаодун дорога) *Дорога труда*, 信义路 (Синьи дорога) *Дорога верности*, 仁爱路 (Жэньай дорога) *Дорога человеколюбия*, 忠孝巷 (Чжунсяо переулок) *Переулок преданности и почтения*.

Встречаются названия улиц, соответствующие традиционным китайским благопожеланиям. «Благопожелания — неотъемлемый элемент интеракции в любой культуре, однако в Китае эта традиция достигла без преувеличения всеохватного масштаба. Помимо актов дарения и здравий, благопожелательные формулы, воплощенные в вербальной, графической и скульптурной форме, встречаются в литературе, искусстве, в декоративных элементах, предметах быта, детских игрушках, рекламных слоганах, на обрядовом и государственном уровнях, одним словом — везде» [Сомкина, 2009, с. 77]. В годонимии Чэнду находим, например, 多子巷 (Дуоцзы переулок) *Переулок «много сынов»* — в древнем Китае люди ценили мальчиков и радовались их появлению, «много сынов» — традиционное китайское пожелание; 三多里 (Саньдо переулок) *Переулок трёх благословений* — это название выражает древнее китайское пожелание «три много»: много счастья, много лет и много потомков. Некоторые из вышеперечисленных годонимов данной модели также воспринимаются как пожелания: *Дорога процветания Чэнду, Дорога счастья и здоровья, Переулок вечного процветания, Дорога долголетия*.

Следующие модели представлены единичными годонимами.

Названия, использующие коммунистические идеологемы: 大业路 (Дае дорога) *Дорога Великого дела* — в древнем Китае понятие *Великое дело* обозначало объединение всей страны, коммунисты заимствовали эту идеологему, сейчас она обозначает успешную карьеру и учёбу; 红星路 (Хунсин дорога) *Дорога Красной звезды*; в Китае *Красная звезда* — это символ коммунистической партии;

义学巷 (Исюе переулок) *Переулок бесплатного образования* — бесплатное образование является одним из достижений коммунизма.

Наименования, соответствующие названию стихотворения (цитате из стихотворения):

春晓路 (Чуньсяо дорога) *Дорога «Весенний рассвет»*. Название дороги соответствует названию известного китайского стихотворения *Весенний рассвет*:

Весенний сон не чувствует рассвета,

Но всюду слышно щебетанье птиц.

Пронесся ночью шум дождя и ветра,

И сколько упало цветов — никто не знает.

鸣翠路 (Минцуй улица) *Улица «Щебетать в изумрудной иве»*. Название улицы — строка из известного китайского стихотворения жанра *цзюэцзюй*¹:

Две черноголовых иволги щебечут в изумрудной иве,

Вереница белых цапель взлетела в лазурное небо.

Из окна открывается тысячелетний снег на Западном крыже,

У ворот причалила лодка с империи Восточного У,

прошедшая тысячи километров.

Сравним традиции использования условно-символических названий в китайской и российской урбанистике. В Екатеринбурге этот тип годонимов является самым редким номинативным типом (21,5 %).

Роль символов в русской и китайской культурах неодинакова. Китайская культура изобилует разного рода символической, символы играют значимую роль в повседневной жизни людей, они «призваны охранять благополучие человека и гармонизировать окружающее пространство» [Махортова и др., 2011, с. 138]. В русской культуре символика не имеет такой значимости, особенно это касается современности. Даже в тех редких случаях, когда мы можем определить понятие как *символ* (например, символы революции — *красное знамя, баррикады, стачки*; символы Урала — *самоцвет, малахит*), он имеет отличное от китайской культуры наполнение. Так, революционные символы воплощают идеи и идеалы определенной эпохи, а «минеральные символы» Урала воспринимаются сегодня как культурный бренд территории. Поэтому в отношении русских годонимов мы предпочитаем говорить об отражении «социально значимых смыслов» [Шмелева, 2008, с. 1].

Годонимы, отражающие социально значимые смыслы:

— идеологемы советской эпохи: *Авангардная ул., пер. Активистов, ул. Баррикадная, ул. Красных командиров, ул. Красных партизан, Коммунистическая ул., Красная ул., Краснознаменная ул., ул. Стачек, ул. Уральских коммунаров.*

— названия драгоценных и поделочных камней: *Агатовая ул., Аквамариновая ул., Самоцветный бульвар, Изумрудный пер., Малахитовый пер., Опаловый пер.*

— названия пород и минералов: *Апатитовая ул., Бокситовый проезд, Тальковая ул., Медная ул., Слюдяной пер.*

1 Цзюэцзюй («оборванные строки») — жанр китайской поэзии, стихотворение с определенной системой рифмовки и обязательной строго выраженной композицией.

— названия различных материалов: *Полимерный пер., Силикатный пер., Каменный пер., Кирпичный пер.*

— названия технических артефактов и процессов: *Автогенный пер., Автоматральная ул., Газовый пер., Трубный пер.*

— названия, отражающие регуляцию производственного процесса: *Накладная ул., Опытная ул., Режимный пер., Сверхурочная ул.*

Именно эта группа годонимов, воплощающих социально значимые смыслы, создает образ Екатеринбурга как города заводов и трудовой доблести, города на Уральских горах, богатых полезными ископаемыми и драгоценными камнями.

Годонимы, использующие лексику с положительной семантикой:

— образованные от лексем с абстрактным значением: *Бесшумный пер., Богатырская ул., Бодрый пер., Отрадная ул., Приветливый пер., Светлый пер., Уютный пер.*

— образованные от названий временных периодов: *Зимняя ул., Августовский пер., Летняя ул., Апрельская ул., Июльская ул., Майская ул., Мартовская ул., Сентябрьский пер., Вечерний пер., Утренний пер.;*

— образованные от цветообозначений: *Лазурный пер., Червонная ул., Алая ул., Багровая ул., Белый пер.;*

— связанные с образами животного мира: *Бобровая ул., Голубиный пер., Соловьиный пер., Соколиный пер., Соколиная ул.;*

— связанные с образами растительного мира: в целом согласимся с утверждением Ю. А. Качалковой, которая все годонимы с этой семантикой относит к условно-символическим [Качалкова, 2013б, с. 98]. В новых микрорайонах города можно найти микросистемы годонимов, образованных по данной модели, например, в коттеджном поселке *Лиственный* встречаем улицы *Васильковая, Лиственная, Брусничная, Ландышевая, Черничная, Голубичная, Смородиновая.*

Однако мотивации у внешне схожих названий могут различаться. Некоторые годонимы могут являться дескриптивными: *Моховой* переулок недалеко от болота *Шувакиши* мог получить наименование по *мху*, а *Крапивный* переулок с частными домами — по произрастающей там *крапиве*, тем более что данные лексемы вряд ли можно отнести к положительно маркированным, поскольку они связываются в сознании русского человека с запущенностью, неухоженностью места.

Интересна история известного в городе *Сиреневого бульвара*. Изначально на нем не росла сирень (то есть название возникло как условно-символическое), но в мае 2013 года была проведена акция «Сиреневый — не серый» по высадке кустов сирени, и сегодня бульвар оправдывает свое имя.

Годонимы Чэнду, связанные с образами растительного мира, удалось поделить на дескриптивные и условно-символические, однако анализ наименований улиц в Екатеринбурге, в частности история *Сиреневого бульвара*, показывает, что границу между этими группами нельзя признать четкой.

Условно-символические названия Чэнду и Екатеринбурга принципиально отличаются друг от друга, так как они отражают историю и культуру своих стран. Среди

китайских топонимов распространенными являются следующие модели: названия, включающие слова — символы китайской культуры, названия, связанные с легендами и преданиями, названия — благопожелания; уникальными являются топонимы, соответствующие названию стихотворения или цитате из него. Русские условно-символические топонимы отражают социально значимые смыслы, среди них преобладают названия, содержащие отсылки к идеологемам советской эпохи. В последние десятилетия в новых районах появляются топонимы, образованные от лексем с положительной семантикой. По подсчетам Ю. А. Качалковой, на сегодняшний день это одна из самых актуальных в нашем городе моделей номинации [Качалкова, 2013б, с. 95].

Отметим, что даже при внешней схожести моделей условно-символического типа суть их абсолютно разная. Так, русские топонимы, связанные с образами животного и растительного мира или образованные от цветообозначений, — это условные номинации. В Китае это апелляция к значимому символу (журавль, лев, персик, сосна, золотой, белый и др.).

4. Заключение

Анализ материала показал, что в топонимиконах городов с разными историческими традициями и культурой наблюдаются общие номинативные модели топонимов.

Как в русской, так и в китайской топонимии распространены дескриптивные названия. Этот тип можно признать универсальным, так как он наиболее полно реализует основную функцию номинаций: указание на местоположение объекта и его характеристику. Топонимия неизбежно вбирает в себя названия физико-географических объектов городской территории, прежде всего гидронимы и оронимы, маркирует важные для горожан строения и сооружения (ворота, мосты, церкви, рынки), ориентирует относительно сторон света. Также в ранние периоды формирования топонимикона важно было указать, где живут ремесленники, и охарактеризовать улицу по ее качествам (величине, характеру почвы и др.). Это универсальные модели, возникающие на самых ранних этапах развития городов.

Важно отметить, что в Екатеринбурге (как и в других российских городах) в советскую эпоху сменился ведущий принцип формирования топонимии: ориентирующе-семантическая система топонимии превратилась в семиотическую [Шмелева, 2008, с. 2], дескриптивные топонимы вытеснились прежде всего мемориальными, имеющими идеологический характер, что приводило к переименованию улиц после смены политического режима или изменения курса государства. И лишь в последнее время в новых районах Екатеринбурга становятся популярными топонимы условно-символического типа, образованные от положительно маркируемых лексем.

В Чэнду дескриптивные названия остаются самыми распространенными, также популярны топонимы условно-символического типа, среди которых преобладают наименования, включающие традиционные символы китайской культуры, традиционные благопожелания, а также отвлеченные понятия, выражающие различные положительные качества. Историческая преемственность и верность этическим идеалам способствуют сохранению исконных названий улиц в Чэнду.

Мемориальные и условно-символические номинации, не имеющие отношения к основным функциям топонимов (ориентирующей и характеризующей), являются зеркалом истории и культуры своих стран. Так, топонимы Чэнду включают в свой состав лексемы, отражающие духовную жизнь китайского народа: религиозно-идеологические традиции, философские воззрения, мифические представления. На топонимии Екатеринбурга в большей степени оказывает влияние история страны и города, природная среда, а также политический строй и идеология.

Источники

1. *Список улиц г. Екатеринбурга* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://street-viewer.ru/ekaterinburg/all-street/> (дата обращения 15.01.2020).
2. *Список улиц г. Чэнду*. 图吧, 成都市 mapbar г. Чэнду [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://poi.mapbar.com/chengdu/G70/> (дата обращения 10.09.2019).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антонова Ю. А.* Символика китайских чисел в рамках теории и практики межкультурной коммуникации / Ю. А. Антонова // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (40). — С. 200—202.
2. *Барينو́ва Е. Б.* Этнокультурные отношения Китая с народами Центральной Азии в древности и средневековье / Е. Б. Барино́ва // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2014. — № 13 (135). — С. 23—36.
3. *Войтишек Е. Э.* Курильницы бошаньлу в ароматической культуре Китая : символика и социальные функции / Е. Э. Войтишек, С. Яо // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. — 2018. — Т. 10. — Выпуск 4. — С. 510—524. — DOI : 10.21638/spbu13.2018.408.
4. *Ван Ли* Русскоязычная урбанонимия Беларуси в сопоставлении с китайской : структура, номинация : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.02 ; 10.02.20 / Ли Ван. — Минск, 2007. — 20 с.
5. *Ван Хуа* Сопоставление названий улиц в китайской и русской лингвокультурах (на материале названий по именам исторических лиц) / Ван Хуа // Вестник Московского университета. «Филология». — 2014. — Серия 9. — № 1. — С. 219—230.
6. *Го Жунжун* Культ дерева в китайской национальной культуре / Жунжун Го, Хайюнь Ян // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — Выпуск 5—1 (44). — С. 6—9. — DOI : 10.24411/2500-1000-2020-10436.
7. *Качалкова Ю. А.* Из истории урбанонимии Екатеринбурга / Ю. А. Качалкова // Филологический класс. — 2013. — № 2 (32). — С. 94—96.
8. *Качалкова Ю. А.* Урбанонимическое пространство современного Екатеринбурга / Ю. А. Качалкова // Вопросы ономастики. — 2013. — № 1. — С. 88—104.
9. *Качалкова Ю. А.* «Идеологические» урбанонимы и переименование городских объектов / Ю. А. Качалкова, М. Э. Рут // Вопросы ономастики. — 2019. — № 16 (3). — С. 179—192. — DOI : 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.038.
10. *Ли Мо.* Топонимия Шанхая и Екатеринбурга : сопоставительный аспект / Ли Мо, Е. С. Рябцева // Вопросы ономастики. — 2020. — Т. 17. — № 1. — С. 136—149. — DOI : 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.007.
11. *Махортова О. В.* Особенности символики и знаковости Китая / О. В. Махортова, Л. В. Мордовина // Аналитика культурологии. — 2011. — № 1 (19). — С. 137—139.

12. *Пэн Сяо* Обзорные культурные особенности города Чэнду с помощью анализа изменения названий улиц [Электронный ресурс] / Пэн Сяо // Журнал Сичуанского института. — 2014. — № 4. — С. 59—62. — Режим доступа : <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-XCSF201404017.htm> (дата обращения 20.09.2019) (彭晓.从街道名称的流变看成都市的文化特色.西昌学院报,2014年.第59—62页)
13. *Сидихменов В. Я.* Китай : страницы прошлого [Электронный ресурс] / В. Я. Сидихменов. — Смоленск : Русич, 2000. — 540 с. — Режим доступа : https://royallib.com/book/sidihmenov_vasily/kitay_stranitsi_proshlogo.html (дата обращения 23.09.2019).
14. *Сизова Е. А.* Лингвокультурологический анализ урбанонимов : на материале русского, английского и французского языков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. А. Сизова. — Пятигорск, 2004. — 16 с.
15. *Сомкина Н. А.* Китайская традиция благопожеланий : символика животных и растений / Н. А. Сомкина // Вестник СПбГУ. — 2009. — Серия 13 : Востоковедение. Африканистика. — Выпуск 2. — С. 77—86.
16. *Уильямс Ч.* Китайская культура : мифы, герои, символы / Ч. Уильямс. — Москва : Центр-полиграф, 2011. — 478 с.
17. *Филимонова Е. Н.* Образ камня в традиционных представлениях некоторых народов Дальнего Востока / Е. Н. Филимонова // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей / Ответственный редактор В. В. Красных, А. И. Изотов. — Москва : МАКС Пресс, 2004. — Выпуск 28. — С. 5—25. ISBN 5-317-01182-5.
18. *Фу С.* Тайна и символика китайского благопожелательного рисунка [Электронный ресурс] / С. Фу // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/tayna-i-simvolika-kitayskogo-blagopozhelatel'nogo-risunka> (дата обращения 16.09.2019).
19. *Шмелева Т. В.* Советское наследие в новгородской годонимии [Электронный ресурс] / Т. В. Шмелева // Советская культура в современном социопропространстве России : трансформации и перспективы : Материалы научной интернет-конференции. Екатеринбург 28—29 мая 2008 г. — Екатеринбург : [б. и.], 2008. — С. 1—20. — Режим доступа : <http://hdl.handle.net/10995/1797> (дата обращения 16.09.2019).

HODONYMY OF CHENGDU AND YEKATERINBURG: A COMPARATIVE ASPECT¹

© **Elena E. Ivanova** (2020), orcid.org/0000-0002-7761-3265, SPIN 1740-4480, PhD in Philology, Associate Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), paklina.len@yandex.ru.

© **Lan Ling** (2020), orcid.org/0000-0001-6821-9787, Post-graduate student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), klarodice@gmail.com.

The nominative types and models of the hodonyms of Chengdu and Yekaterinburg is compared in the article, the task of finding universals in the hodonymy is set. There are three main types of hodonyms: descriptive, memorial, and conventionally symbolic. Comparative analysis has shown that the descriptive type can be recognized as universal, since it most fully reflects the main function of the hodonyms: an indication of the location of the object and its characteristics. The authors note that this

1 The study is supported by the RFBR grant No. 18-012-00586 “Urbanonyms as part of the city’s linguistic landscape: traditions and prospects for rational development.”

is the most ancient type for the spontaneously forming hodonymicon of any city. It has been proved that in Yekaterinburg in the Soviet era, descriptive hodonyms are supplanted by memorial ones, these are, first of all, names — dedications to memorable dates and milestones in national history, to specific persons associated with the history of the country and the city. It has been established that descriptive names remain the most widespread in Chengdu, and conventionally symbolic type hodonyms are also popular, among which names, including traditional symbols of Chinese culture, good wishes, as well as abstract concepts expressing various positive qualities predominate. It is emphasized in the article that the hodonyms of the memorial and conditionally symbolic type in Chengdu and Yekaterinburg are fundamentally different, being a reflection of the history and culture of their countries.

Key words: onomastics; urbanonymy; hodonymy; semantics of onyms; nominative type; nominative model; Chengdu; Yekaterinburg.

MATERIAL RESOURCES

Spisok ulits g. Ekaterinburga [List of streets in Ekaterinburg]. Available at: <https://street-viewer.ru/ekaterinburg/all-street/> (accessed 15.01.2020). (In Russ.).

Spisok ulits g. Chendu. 图吧, 成都市 mapbar g. Chendu [List of streets in Chengdu. Chengdu mapbar]. Available at: <https://poi.mapbar.com/chengdu/G70/> (accessed 10.09.2019). (In Russ.).

REFERENCES

- Antonova, Yu. A. (2012). Simvolika kitayskikh chisel v ramkakh teorii i praktiki mezhkulturnoy kommunikatsii [Symbols Chinese numbers in the framework of the theory and practice of intercultural communication]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2 (40): 200—202. (In Russ.).
- Barinova, E. B. (2014). Etnokulturnyye otnosheniya Kitaya s narodami Tsentralnoy Azii v drevnosti i srednevekovye [Ethnocultural relations of China with the peoples of Central Asia in antiquity and the middle ages]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedeniye* [Bulletin of RSUH. Series: History. Philology. Culturology. Orientalism], 13 (135): 23—36. (In Russ.).
- Filimonova, E. N. (2004). Obraz kamnya v traditsionnykh predstavleniyakh nekotorykh narodov Dalnego Vostoka [The Image of stone in the traditional representations of some peoples of the Far East]. In: *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: sbornik statey* [Language, consciousness, communication: Collection of articles], 28. Moskva: MAKS Press. 5—25. ISBN 5-317-01182-5. (In Russ.).
- Fu, S. (2010). Tayna i simvolika kitayskogo blagopozhelatelnogo risunka [The Mystery and symbolism of the Chinese benevolent drawing]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state University]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tayna-i-simvolika-kitayskogo-blagopozhelatelnogorisunka> (accessed 16.09.2019). (In Russ.).
- Go Zhunzhun, Khayyun' Yan. (2020). Kult dereva v kitayskoy natsionalnoy kulture [Tree Cult in Chinese national culture]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnyykh i yestestvennykh nauk* [International journal of Humanities and natural Sciences], 5—1 (44): 6—9. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10436. (In Russ.).
- Kachalkova, Yu. A. (2013). Iz istorii urbanonimii Ekaterinburga [From the history of urbanonymy Ekaterinburg]. *Filologicheskiy klass* [Philological class], 2 (32): 94—96. (In Russ.).
- Kachalkova, Yu. A. (2013). Urbanonimicheskoye prostranstvo sovremennogo Ekaterinburga [Urbanonymics contemporary Yekaterinburg]. *Voprosy onomastiki* [Questions about onomastics], 1: 88—104. (In Russ.).
- Kachalkova, Yu. A., Rut, M. E. (2019). «Ideologicheskiye» urbanonimy i pereimenovaniye gorodskikh obektov [“Ideological” urbanity and renaming city facilities]. *Voprosy*

- onomastiki* [Questions about onomastics], 16 (3): 179—192. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.038. (In Russ.).
- Li Mo, Ryabtseva, E. S. (2020). Godonimiya Shankhaya i Ekaterinburga: сопоставительный аспект [Goodanime Shanghai and Ekaterinburg: comparative aspect]. *Voprosy onomastiki* [Questions about onomastics], 17 (1): 136—149. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.007. (In Russ.).
- Makhortova, O. V., Mordovina, L. V. (2011). Osobennosti simvoliki i znakovosti Kitaya [Features of symbols and signs of China]. *Analitika kulturologii* [Analysis of cultural studies], 1 (19): 137—139. (In Russ.).
- Pen Syao. (2014). Obzreniye kulturnykh osobennostey goroda Chendu s pomoshchyu analiza izmeneniya nazvaniy ulits [Review of cultural features of the city of Chengdu by analyzing changes in street names]. *Zhurnal Sichuanskogo instituta* [Journal of the Sichuan Institute], 4: 59—62. Available at: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-XCSF201404017.htm> (accessed 20.09.2019) (In Chin.).
- Shmeleva, T. V. (2008). Sovetskoye naslediye v novgorodskoy godonimii [The Soviet legacy in the Novgorod godonii]. In: *Sovetskaya kultura v sovremennom sotsioprostranstve Rossii: transformatsii i perspektivy: Materialy nauchnoy internet-konferentsii. Ekaterinburg 28—29 maya 2008 g* [Soviet culture in the modern social space of Russia: transformations and prospects: Materials of the scientific Internet conference. Yekaterinburg may 28—29, 2008]. Ekaterinburg: [b. i.]. 1—20. Available at: <http://hdl.handle.net/10995/1797> (accessed 16.09.2019). (In Russ.).
- Sidikhmenov, V. Ya. (2000). *Kitay: stranitsy proshlogo* [China: pages of the past]. Smolensk: Rusich. 540 p. Available at: https://royallib.com/book/sidihmenov_vasily/kitay_stranitsi_proshlogo.html (accessed 23.09.2019). (In Russ.).
- Sizova, E. A. (2004). *Lingvokulturologicheskiy analiz urbanonimov: na materiale russkogo, angliyskogo i frantsuzskogo yazykov*. Author's abstract of PhD Diss. [Linguoculturological analysis of urbanonyms: based on the material of Russian, English and French languages. Author's abstract of PhD Diss.]. Pyatigorsk. 16 p. (In Russ.).
- Somkina, N. A. (2009). Kitayskaya traditsiya blagopozhelaniy: simvolika zhivotnykh i rasteniy [Chinese tradition of good wishes: symbolism of animals and plants]. *Vestnik SPbGU* [Vestnik SPBU], 13 (2): 77—86. (In Russ.).
- Uilyams, Ch. (2011). *Kitayskaya kultura: mify, geroi, simvoliy* [Chinese culture: myths, heroes, symbols]. Moskva: Tsentr-poligraf. 478 p. (In Russ.).
- Van Khua. (2014). Sopostavleniye nazvaniy ulits v kitayskoy i russkoy lingvokulturakh (na materiale nazvaniy po imenam istoricheskikh lits) [The comparison of street names in Chinese and Russian linguistic cultures (on the material of names according to the names of historical persons)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. «Filologiya»* [Bulletin of the Moscow University. «Philology»], 9 (1): 219—230. (In Russ.).
- Van Li. (2007). *Russkoyazychnaya urbanonimiya Belarusi v sopostavlenii s kitayskoy: struktura, nominatsiya*. Author's abstract of PhD Diss. [Russian-language urbanonymy of Belarus in comparison with Chinese: structure, nomination. Author's abstract of PhD Diss.]. Minsk. 20 p. (In Russ.).
- Voytishchek, E. E., Yao, C. (2018). Kurilnitsy boshanlu v aromatcheskoy kulture Kitaya: simvolika i sotsialnyye funktsii [Boshanlu incense Burners in the aromatic culture of China: symbolism and social functions]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedeniye i afrikanistika* [Bulletin of Saint Petersburg University. Oriental and African studies], 10 (4): 510—524. — DOI: 10.21638/spbu.3.2018.408. (In Russ.).

Ларцева Е. В. К вопросу о переводе сложносоставных окказионализмов в современных англоязычных романах / Е. В. Ларцева, Ю. Р. Гафурова // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 74—84. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-74-84.

Lartseva, E. V., Gafurova, Yu. R. (2020). Translation of Complex Occasionalisms in Modern English Novels. *Nauchnyi dialog*, 12: 74-84. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-74-84. (In Russ.).

УДК 811.111'255.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-74-84

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ СЛОЖНОСОСТАВНЫХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РОМАНАХ

© Ларцева Екатерина Владимировна (2020), orcid.org/0000-0002-0441-6308, Researcher ID B-8223-2019, SPIN 7790-4257, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), ekalartseva@yandex.ru.

© Гафурова Юлия Радиковна (2020), orcid.org/0000-0002-9148-6418, Researcher ID AAX-6619-2020, SPIN 9839-3310, преподаватель английского языка, Частное образовательное учреждение дополнительного образования «Алибра» (Екатеринбург, Россия), gafurova.y@mail.ru.

Под сложносоставным окказионализмом понимается новообразование, в основе которого лежит синтаксический комплекс, выступающий как многокомпонентное единство и характеризующийся дефисным соединением элементов (например, *how-to-win-that-job articles*, *last-Friday-before-a-vacation feeling*). В статье рассматриваются способы перевода сложносоставных окказионализмов в современных англоязычных романах на русский язык. Представлены результаты сопоставительного анализа на материале пяти романов и их русских переводов: «White Teeth» З. Смит (2000) — «Белые зубы» (пер. О. Л. Качановой, М. А. Мельниченко, 2005), «On Beauty» З. Смит (2005) — «О красоте» (пер. О. Л. Качановой, А. Н. Власовой, 2010), «Can You Keep a Secret?» С. Кинселлы (2003) — «А ты умеешь хранить секреты?» (пер. Т. А. Перцевой, 2019), «Love, Rosie» С. Ахерн (2005) — «Не верю. Не надеюсь. Люблю» (пер. В. И. Лавроненко, 2009) и «Juliet, Naked» Н. Хорнби (2009) — «Голая Джульетта» (пер. Ю. А. Балаяна, 2010). Выполнен обзор следующих приемов перевода: описательный перевод с утратой лексической «конденсации», калькирование, замена сложносоставной окказиональной единицы одним словом, графико-пунктуационная передача, опущение окказиональной единицы в тексте перевода или ее неполная передача.

Ключевые слова: окказионализм; сложносоставной окказионализм; перевод; англоязычная литература.

1. Введение: окказионализмы в русле теории и практики перевода

Одной из актуальных проблем переводоведения остается передача окказиональных образований в художественной литературе. Авторы современных англоязычных романов обращаются к новым средствам языковой выразительности и новым способам словообразования с целью более точного отображения действительности, создания ярких образов персонажей и формирования эмоционального фона произведения. Результатом лингвокреативной деятельности писателя нередко становятся окказионализмы. Являясь продуктом авторского словотворчества, своеобразным языковым экспериментом, созданным применительно к какому-либо

случаю, в условиях определенного контекста, окказионализмы отсутствуют в толковых словарях и не имеют эквивалентов в языке перевода. Это ведет к значительным трудностям при их передаче на другие языки. Между тем сохранение стилистического эффекта, созданного включением в текст окказионализмов, и авторских интенций, стоящих за ними, напрямую связаны с точностью и адекватностью перевода в целом, его правильным восприятием читателем.

Объектом изучения в настоящей статье являются англоязычные окказионализмы особого типа — сложносоставные окказионализмы, в основе которых лежит синтаксический комплекс, представляющий собой многокомпонентное единство и характеризующийся дефисным соединением элементов (например, *how-to-win-that-job articles* [Kinsella, 2003, p. 4], *last-Friday-before-a-vacation feeling* [Smith, 2005, p. 405]). Источником материала служат тексты пяти современных романов на английском языке и их переводы на русский язык: «White Teeth» З. Смит (2000) — «Белые зубы» (пер. О. Л. Качановой, М. А. Мельниченко, 2005), «On Beauty» З. Смит (2005) — «О красоте» (пер. О. Л. Качановой, А. Н. Власовой, 2010), «Can You Keep a Secret?» С. Кинселлы (2003) — «А ты умеешь хранить секреты?» (пер. Т. А. Перцевой, 2019), «Love, Rosie» С. Ахерн (2005) — «Не верю. Не надеюсь. Люблю» (пер. В. И. Лавроненко, 2009) и «Juliet, Naked» Н. Хорнби (2009) — «Голая Джульетта» (пер. Ю. А. Балаяна, 2010). Цель статьи — на основе анализа переводов данных романов на русский язык и оценки степени их эквивалентности фрагментам оригинала, содержащим сложносоставные окказионализмы, выявить основные способы перевода авторских конструкций и рассмотреть переводческие трудности, связанные с передачей сложносоставных окказионализмов в тексте-реципиенте. Всего нами было проанализировано 144 контекста (72 оригинальных и 72 переводных).

2. Понятие о сложносоставных окказионализмах

Сложносоставные окказионализмы, рассматриваемые в настоящей статье, можно отнести к новому и не вполне исследованному феномену современного английского языка. На это, в частности, указывает тот факт, что в научной литературе отсутствует однозначное толкование единиц подобного типа. В русскоязычных работах, посвященных различным аспектам словообразования в английском языке, такие лексические явления определяют как *свернутые конструкции* [Петрова, 2004], *многокомпонентные композиции* [Ищенко, 2016], *комплексные окказиональные образования* [Несветаило 2010], *голофрастические конструкции* [Майба, 2018] и др. В зарубежных исследованиях встречаются термины *nonce compounds* [Kane, 2000], *phrasal compounds* [Štekauer, 2002; Meibauer 2007; Bauer et al. 2013], *hyphenated phrasal expressions* [Camiciottoli, 2016] и др.

Под всеми этими терминами понимаются окказиональные конструкции, возникающие в результате соединения компонентов словосочетания или предложения (повествовательного, повелительного или вопросительного) в однословную единицу. Такой окказионализм обладает смысловым единством и цельнооформленностью, выступает в предложении как одна синтаксическая единица. Признаками такихokka-

зиональных образований являются емкость, эмоциональность, экспрессивность. Эти единицы служат для выражения эмоций, чувств, физического состояния человека, его субъективного отношения к фактам действительности, а также поступкам и действиям собеседника, выражения критики, совета, наставления и пр.

В настоящей работе для обозначения таких единиц мы будем использовать термин *сложносоставной окказионализм*, который, на наш взгляд, отражает наиболее важные свойства подобных образований — с одной стороны, их окказиональную, индивидуально-авторскую природу и отличие от обычных, канонических слов, зафиксированных в нормативных толковых словарях, а с другой стороны, специфику механизма образования: сложная, протяженная конструкция составляется из компонентов словосочетания или целого предложения и обычно оформляется графически при помощи дефисов. Отметим, что основными способами создания таких окказионализмов в английском языке являются субстантивация (например, *an ordinary girl-on-the-street* [Kinsella, 2003, p. 184]) и адъективация (например, *a little I'm-not-actually-interested shrug* [Kinsella, 2003, p. 220]).

Интересно, что тенденция к образованию аналогичных конструкций наблюдается и в современном русском языке. Так, они были замечены в текстах СМИ, художественных произведениях и даже научных текстах [Занегина, 2012]. Как подчеркивает Н. Н. Занегина, в русском языке компоненты сложносоставных окказионализмов могут быть соединены при помощи дефиса, знака «нижнее подчеркивание» или же путем написания конструкции слитно, без пробелов (например, *самаябольшаялюбовьмоейжизни*) [Там же, с. 703—705]. Исследовательница отмечает, что составные слова английского языка, являющиеся закономерным развитием языка аналитического типа, могли повлиять на возникновение подобных новообразований в русском языке [Там же, с. 698].

3. Анализ переводческих решений при передаче сложносоставных окказионализмов в англоязычных романах на русский язык

Обратимся к рассмотрению перевода английских сложносоставных окказионализмов на русский язык. Анализ пяти романов и сравнение их с русскими переводами позволил определить основные стратегии, применяемые для передачи сложносоставных окказионализмов: описательный перевод с утратой лексической «конденсации», калькирование, замена сложносоставной окказиональной единицы одним словом, графико-пунктуационная передача, опущение окказиональной единицы в тексте перевода или ее неполная передача. Рассмотрим данные переводческие решения более подробно и проиллюстрируем их примерами.

4. Описательный перевод с утратой лексической «конденсации»

Описательный перевод с утратой лексической «конденсации» является наиболее частотным способом передачи сложносоставных окказионализмов на русский язык (33 случая), поскольку использование развернутого словосочетания позволяет переводчику раскрыть наиболее существенные признаки явления, обозначенного сложной окказиональной единицей в тексте оригинала. Для примера можно

привести передачу сложносоставного окказионализма *last-Friday-before-a-vacation* словосочетанием *последней пятницы перед каникулами* переводчицами О. Л. Качановой и А. Н. Власовой в романе «On Beauty»: «*The department had that last-Friday-before-a-vacation feeling — people hurrying to finish off their odds and ends*» [Smith, 2005, p. 405]. / «*На кафедре царила суматоха последней пятницы перед каникулами: люди спешили доделать дела*» [Смит, 2010б, с. 505].

Аналогичным образом при помощи развернутого словосочетания передано значение сложносоставного окказионализма *those-in-the-simmering-melting-pot* в романе «White Teeth» переводчицами О. Л. Качановой и М. А. Мельниченко: «*But multiplicity is no illusion. Nor is the speed with which those-in-the-simmering-melting-pot are dashing towards it*» [Smith, 2002, p. 466]. / «*Но множественность не иллюзорна. Так же как и скромность, с которой люди в кипящем котле жизни стремятся к ней*» [Смит, 2010а, с. 482].

Рассмотрим еще один пример применения описательного перевода при передаче сложносоставного окказионализма на русский язык: «*He's swaying ever so slightly in his seat, and Archie can't catch his eye for a you-all-right-mate-look because his eyes are locked on to something*» [Smith, 2002, p. 532]. / «*Арчи пытается заглянуть ему в глаза, спросить взглядом, что с ним такое, но Миллат пристально куда-то смотрит, покачиваясь на стуле*» [Смит, 2010а, с. 559]. Окказиональное образование в тексте оригинала содержит компоненты разговорной лексики (обращение *mate* и конструкцию *you all right*). Его перевод на русский язык осуществляется с помощью нейтрального словосочетания *спросить взглядом, что с ним такое*, которое отражает смысл оригинала, однако не передает авторской стилистики.

Особый случай представляет собой перевод сложносоставного окказионализма *once-a-week-in-the-pub* в романе «A Long Way Down»: «*The opposite of marriage. A non-matrimonial, nonsexual, once-a-week-in-the-pub friendship*» [Hornby, 2009, p. 117]. / «*Противоположность браку. Общение без всякого сексуального налета. Дружба, встречи в пабе раз в неделю по выходным*» [Хорнби, 2013, с. 167]. Данный пример демонстрирует одновременное использование описательного перевода и приема конкретизации за счет добавления в развернутое словосочетание *встречи в пабе раз в неделю* уточняющей фразы *по выходным*.

Итак, при сопоставлении оригинальных контекстов, содержащих сложносоставные окказионализмы, и соответствующих им переводных отрывков, демонстрирующих применение описательного перевода, не наблюдается грубых нарушений, поскольку данный способ перевода является адекватным и позволяет в полной мере передать смысл исходного окказионализма. Между тем существенным недостатком такого способа представляется потеря особой «слиянности» авторской конструкции, а также ее новизны и необычности.

5. Калькирование

Второе место занимает перевод сложносоставных окказиональных конструкций с помощью калькирования (всего 13 случаев), при котором переводчик соединяет предложение на русском языке в единое целое с помощью дефисов, сохраняя

графический облик единицы в оригинальном тексте. Отметим, что такие дефисные конструкции в тексте перевода, как правило, заключены в кавычки. Приведем наиболее яркие примеры для иллюстрации: «*I'm not talking about big, earth-shattering secrets. No the **president-is-planning-to-bomb-Japan-and-only-Will-Smith-can-save-the-world** type secrets*» [Kinsella, 2003, p. 2—3]. / «Я имею в виду не глобальные, эпохальные секреты. Не типа **“президент-задумал-бомбить-Японию-и-только-Уилл-Смит-способен-спасти-мир”**» [Кинселла, 2019, с. 6]. «*My hair is straightened, I'm wearing discreet earrings like they tell you to in **How-to-win-that-job** articles, and I've got on my smart new Jigsaw suit*» [Kinsella, 2003, p. 4]. / «Волосы выпрямлены, в ушах скромные серьги, в точности как советуют носить в статьях **“Как-получить-престижную-работу”**, и еще на мне шикарный новый костюм» [Кинселла, 2019, с. 6].

В переводных контекстах единицы построены по модели, аналогичной той, которая была использована автором в тексте оригинала — эквивалент сложносоставного окказионализма образуется посредством сложения его составных компонентов с помощью дефисов: *президент-задумал-бомбить-Японию-и-только-Уилл-Смит-способен-спасти-мир, как-получить-престижную-работу*.

Любопытный феномен в тексте перевода представляют собой дефисные образования-предложения, используемые в атрибутивной функции, не свойственной русскому языку: *an **awful-dirty-disgusting-very-ugly-I've-just-realized-I'm-beginning-to-sound-like-you-mother** kind of tattoo* [Ahern, 2005, p. 343] — *ужасно-отвратительно-уродливая-да-мама-я-уже-начинаю-говорить-как-ты татуировка* [Ахерн, 2009, с. 368]; *we're-all-professionals-together smile* [Kinsella, 2003, p. 6] — *«мы-профессионалы-должны-держаться-вместе» улыбка* [Кинселла, 2019, с. 8]; *'who's-travelled-the-most' conversation* [Kinsella, 2003, p. 4] — *«кто-путешествовал-больше» беседы* [Кинселла, 2019, с. 7].

Выражения *ужасно-отвратительно-уродливая-да-мама-я-уже-начинаю-говорить-как-ты татуировка*, *«мы-профессионалы-должны-держаться-вместе» улыбка* и *«кто-путешествовал-больше» беседы* воспроизводят структуру, типичную для английского языка, — они образованы по конверсии неморфологическим способом. В русском языке подобные атрибутивные отношения без согласования с определяемым словом воспринимаются как отклонение от нормы — это дополнительно усиливает экспрессию, заложенную в самом окказиональном образовании.

В целом проанализированные примеры передачи сложносоставных окказионализмов с помощью калькирования позволяют считать данный способ перевода удачным, поскольку он позволяет переводчику в сжатой форме передать суть оригинала, сохранив при этом необычный графический облик исходной единицы, ее образность и оригинальность.

6. Замена сложносоставной окказиональной единицы одним словом

Третью позицию занимает замена сложносоставного окказионального комплекса одним словом (всего нами было выявлено 11 таких примеров). Следует отметить, что наиболее употребительна данная стратегия перевода при передаче образований

адъективного типа: «*I meet Jack's eye and he gives me a tiny, way-to-go smile*» [Kinsella, 2003, p. 159]. / «*Но тут я встречаюсь взглядом с Джеком, и он ободряюще улыбается*» [Кинселла, 2019, с. 133]. «*Annie shrugged, an it-was-nothing gesture that capped what she felt had been a flawless couple of minutes*» [Hornby, 2009, p. 86]. / «*Энни пожала плечами, и ее безразличный жест, наглядно демонстрирующий отношение к Дункану, доставил ей самой удовольствие*» [Хорнби, 2013, с. 124].

Окказиональные образования в приведенных иллюстративных контекстах содержат в своей основе устойчивые выражения, сопровождающиеся в словарях пометой «разговорное» [LDOCE; MD]: это фразы *way to go* ‘так держать’ (*a way-to-go smile*) и *it was nothing* ‘пустяк, ничего особенного’ (*an it-was-nothing gesture*). В тексте перевода они переданы лексемами *ободряюще* и *безразличной*, не имеющими разговорного оттенка.

На наш взгляд, перевод сложного окказионального образования с помощью несоставной лексической единицы не позволяет передать всю гамму оттенков смысла, которая вложена автором в исходную единицу. Кроме того, лексемы утрачивают экспрессивность, яркость, необычность, эстетическую нагрузку, свойственные единицам в тексте оригинала.

7. Графико-пунктуационная передача

Нами были обнаружено 10 контекстов со сложносоставными окказиональными образованиями, переводы которых выделены графически с помощью кавычек, при этом дефисное написание, свойственное окказионализмам в тексте оригинала, в тексте перевода не было сохранено. Приведем примеры: «*You think those “serial-killer-looking-guys” are usually as friendly to love women in pubs as they were to you?*» [Ahern, 2005, p. 274]. / «*Ты правда считаешь, что “парни, похожие на наемных убийц”, всегда так внимательно относятся к одиноким женщинам в ночных барах?*» [Ахерн, 2009, с. 296]. «*Is this some kind of how-to-fire-people training?*» [Kinsella, 2003, p. 93]. / «*Это что-то типа мастер-класса на тему “как выставлять людей за дверь”?*» [Кинселла, 2019, с. 80]. «*Tucker made a be-my-guest gesture*» [Hornby, 2009, p. 161]. / «*Такер задержался и сделал мину “Я весь внимание”*» [Хорнби, 2013, с. 231].

Следует отметить, что при передаче окказионализмов данным способом переводчик нередко изменяет синтаксическую функцию исходной единицы: так, атрибутивная функция может быть изменена на номинативную (например, *a be-my-guest gesture* в оригинале и *мина «Я весь внимание»* в переводе).

Особый случай графического выделения представляет собой использование в тексте перевода заглавных букв: «*So! Miss I-never-borrow-your-clothes*» [Kinsella, 2003, p. 185]. / «*Как же! Мисс Я Никогда Не Беру Твою Одежду!*» [Кинселла, 2019, с. 154]. Как мы видим, графическое выделение авторского новообразования в тексте перевода осуществляется не за счет его дефисного оформления (*Miss I-never-borrow-your-clothes*), а путем написания всех его элементов заглавными буквами (*Мисс Я Никогда Не Беру Твою Одежду*). Такой прием позволяет переводчику сохранить эмоционально-экспрессивную нагрузку исходного авторского окказионализма.

Исходя из проанализированных контекстов, можно заключить, что при использовании графико-пунктуационной передачи единицы в тексте перевода полностью эквивалентны сложносоставным окказиональным образованиям в оригинале, отличие состоит только в их графическом облике.

8. Опущение окказиональной единицы в тексте перевода или ее неполная передача

Анализ выявленных контекстов показал, что наименее употребительны варианты опущения авторских окказионализмов или их неполной передачи (всего было выявлено 5 подобных случаев). Приведем пример: «*But the card came. The happy-new-year-make-me-gag card <...> they were standing outside in a park that was covered in snow with their arms wrapped around ... a snowman. A bloody snowman. They looked so sickeningly happy. Two little happy Harvard-heads. Uugh*» [Ahern, 2005, p. 62]. / «*Но тут пришла открытка <...> они стоят в парке, вокруг снег, и они вдвоем обнимают ... снеговика. Снеговика, черт возьми. И выглядят счастливыми до тошноты. Выпускнички Гарварда. Тьфу*» [Ахерн, 2009, с. 68—69]. В тексте оригинала окказионализм *happy-new-year-make-me-gag*, в основе которого лежит выражение *make smb. gag* ‘быть противным, вызывать тошноту’, выполняет стилистическую и экспрессивную функции. Он имеет субъективно-оценочное значение и выражает негативное отношение героини к полученной новогодней открытке. По всей видимости, переводчица В. И. Лавроненко приняла решение опустить окказионализм, посчитав, что отношение героини к ситуации будет понятно из более широкого контекста, выходящего за рамки предложения (такое выражение, как *счастливыми до тошноты*, стилистически сниженное слово *выпускнички*, междометия *черт возьми* и *тьфу* компенсируют потерю и помогают читателю понять эмоциональный фон отрывка). Тем не менее, экспрессивно-стилистическая окраска, которую несет окказионализм в тексте оригинала, оказывается недостаточно отраженной в тексте перевода.

Рассмотрим еще один контекст: «*He got the feeling that there had been some information given to him that he hadn't processed properly yet. Maybe he shouldn't treat these getting-to-know-you conversations as a genre*» [Hornby, 2009, p. 59]. / «*У Тера появилось ощущение, что он получил какое-то сообщение с ненулевой информационной нагрузкой. Оставалось обработать его и извлечь полезную суть. Но надо ли? Мало ему своей информации?»* [Хорнби, 2013, с. 88—89]. Окказионализм *getting-to-know-you*, описывающий характер разговоров главных героев, опущен в переводе Ю. А. Балаяна, а само предложение, содержащее окказиональную единицу в тексте оригинала, передано широко и обобщенно (*Но надо ли? Мало ему своей информации?*)

В следующем примере представлена неполная передача окказионализма в тексте перевода: «*Oh, dear God. Why on earth was she giving this woman information about their sexual timetable? "Oh. He's a Saturday-night man, is he?"*» [Hornby, 2009, p. 69]. / «*Черт, зачем она это ляпнула? Кто ее за язык тянул? — Ага, так он по субботам ...*» [Хорнби, 2013, с. 101]. Составной окказионализм *Saturday-night* пе-

редан не полностью, поскольку в переводе опущен его второй элемент *night*. Такое опущение, вероятно, вызвано стремлением переводчика Ю. А. Балаяна избежать деликатной темы, которая в оригинальном тексте подана прямо — например, в вопросе, представляющем внутренний монолог героини, содержится выражение *sexual timetable* (оно опущено при переводе), а далее не передано и слово *nights* ночи.

При опущении или неполной передаче сложносоставных окказионализмов текст перевода так или иначе утрачивает экспрессивность и образность, заложенную автором. Это приводит к искажению общего настроения оригинального текста и утрате специфических компонентов стиля писателя.

9. Заключение

Итак, в результате анализа приемов перевода сложносоставных окказионализмов на русский язык нам удалось установить, что основными способами их передачи являются описательный перевод с утратой лексической «конденсации» (46 % от общего числа проанализированных контекстов), калькирование (18 %), замена сложносоставного окказионализма одним словом (15 %), графико-пунктуационная передача (14 %) и опущение (7 %). Применение приемов описательного перевода, графико-пунктуационной передачи и калькирования позволяет переводчику не только передать смысловое содержание исходной единицы в полной мере, но также сохранить ее прагматический потенциал, воссоздать стилистический эффект, который достигается за счет включения в текст сложносоставного окказионализма. Между тем замена сложносоставной окказиональной конструкции одним словом или ее опущение приводит к утрате экспрессивности, яркости и образности художественного текста, а также потере части его смысла.

Источники и принятые сокращения

1. *Ahern C.* Не верю. Не надеюсь. Люблю / С. Ахерн ; пер. с англ. В. И. Лавроненко. — Москва : Астрель, 2009 — 462 с.
2. *Kinsella C.* А ты умеешь хранить секреты? / С. Кинселла ; пер. с англ. Т. А. Перцевой. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.
3. *Смит З.* Белые зубы : роман / З. Смит ; пер. с англ. О. Л. Качановой, М. А. Мельниченко. — Москва : Издательство Ольги Морозовой, 2010а. — 672 с.
4. *Смит З.* О красоте : роман / З. Смит ; пер. с англ. О. Л. Качановой, А. Н. Власовой. — Москва : Издательство Ольги Морозовой, 2010б. — 560 с.
5. *Хорнби Н.* Голая Джульетта / Н. Хорнби ; пер. с англ. Ю. А. Балаяна. — Санкт-Петербург : Амфора. ТИД Амфора, 2013. — 351 с.
6. *Ahern C.* Love, Rosie / С. Ahern. — New York : Hyperion, 2005. — 434 p.
7. *Hornby N.* Juliet, Naked / N. Hornby. — London : Penguin Books Ltd, 2009. — 247 p.
8. *Kinsella S.* Can You Keep a Secret? / S. Kinsella. — London : Dial Press Trade Paperback, 2003. — 368 p.
9. LDOCE — *Longman Dictionary of Contemporary English* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.ldoceonline.com> (accessed 13.09.2020).
10. MD — *Macmillan Dictionary* [Electronic resource] // Free English Dictionary and Thesaurus. — Access mode : <https://www.macmillandictionary.com> (accessed 22.08.2020).
11. *Smith Z.* On Beauty / Z. Smith. — London : Penguin Books Ltd, 2005. — 445 p.

12. *Smith Z. White Teeth / Z. Smith.* — London : Penguin Books Ltd, 2002. — 560 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Занегина Н. Н.* Словосочетания-записанные-через-дефис как способ категоризации и новый прием языковой выразительности [Электронный ресурс] / Н. Н. Занегина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». — 2012. — Вып. 11, т. 1. — С. 696—706. — Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/media/1374/131.pdf> (accessed 06.09.2020).

2. *Ищенко И. Г.* Окказиональные многокомпонентные композиты в английском языке : структурный аспект / И. Г. Ищенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 4 (58), Ч. 3. — С. 91—94.

3. *Майба В. В.* Голофрастические конструкции в переводе романа «Waterland» Грэма Свифта на русский язык / В. В. Майба // *Litera*. — 2018. — № 2. — С. 184—193. — DOI: 10.25136/2409-8698.2018.2.25880.

4. *Несветайло Ю. Н.* Неологизмы и окказионализмы как конститuentы лексического макрополя современного английского языка: системный и словообразовательный аспекты : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Ю. Н. Несветайло. — Ростов-на-Дону, 2010. — 26 с.

5. *Петрова Т. А.* Свернутые конструкции как тип сложных номинативных единиц в современном английском языке : диссертация ... кандидата филологических наук / Т. А. Петрова. — Иркутск, 2004. — 145 с.

6. *Bauer L.* The Oxford reference guide to English morphology / L. Bauer, R. Lieber, I. Plag. — Oxford : Oxford University Press, 2013. — 704 p.

7. *Camicciottoli B. C.* ‘My almost-leggings-so-I’m-kind-of-cheating jeans’: Exploring hyphenated phrasal expressions in fashion discourse / B. C. Camicciottoli // *Text and Talk*. — 2019. — № 39 (1). — P. 1—24. — DOI: 10.1515/text-2018-2016.

8. *Kane Th. S.* The Oxford essential guide to writing / Th. S. Kane. — New York : Berkley Books, 2000. — 464 p.

9. *Meibauer J.* How marginal are phrasal compounds? Generalized insertion, expressivity, and I/Q-Interaction / J. Meibauer // *Morphology*. — 2007. — № 17 (2). — P. 233—259. — DOI: 10.1007/s11525-008-9118-1.

10. *Štekauer P.* On the theory of neologisms and nonce-formations / P. Štekauer // *Australian Journal of Linguistics*. — 2002. — № 22 (1). — P. 97—112.

TRANSLATION OF COMPLEX OCCASIONALISMS IN MODERN ENGLISH NOVELS

© **Ekaterina V. Lartseva (2020)**, orcid.org/0000-0002-0441-6308, Researcher ID B-8223-2019, SPIN-code 7790-4257, PhD in Philology, Associate Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), ekalarceva@yandex.ru.

© **Yulia R. Gafurova (2020)**, orcid.org/0000-0002-9148-6418, Researcher ID AAX-6619-2020, SPIN-code 9839-3310, English teacher, Private educational institution of additional education “Alibra” (Yekaterinburg, Russia), gafurova.y@mail.ru.

Composite occasionalism is understood as a new formation, which is based on a syntactic complex acting as a multicomponent unity and characterized by a hyphenated connection of elements (for example, *how-to-win-that-job* articles, *last-Friday-before-a-vacation* feeling). The ways of

translating complex occasionalisms in modern English-language novels into Russian are discussed in the article. The results of a comparative analysis on the material of five novels and their Russian translations are presented: "White Teeth" by Z. Smith (2000) — "Belye zuby" (translated by O. L. Kachanova, M. A. Melnichenko, 2005), "About beauty" by Z. Smith (2005) — "O krasote" (translated by O. L. Kachanova, A. N. Vlasova, 2010), "Do you know how to keep secrets?" by S. Kinsella (2003) — "A ty umeesh khranit' sekrety?" (translated by T. A. Pertseva, 2019), "Love, Rosie" by S. Ahern (2005) — "Ne veruyu. Ne nadeyus'. Lyublyu" ["I don't believe. I hope not. I love"] (translated by V. I. Lavronenko, 2009) and "Juliet, Naked" by N. Hornby (2009) — "Golaya Dzhulyetta" (translated by Yu. A. Balayan, 2010). The following translation techniques were reviewed: descriptive translation with the loss of lexical "condensation", calquing, replacement of a complex occasional unit in one word, graphic-punctuation transfer, omission of the occasional unit in the translation text or its incomplete transfer.

Key words: occasionalism; complex occasionalism; transfer; English-language literature.

MATERIAL RESOURCES

- Ahern, C. (2005). *Love, Rosie*. New York: Hyperion. 434 p.
- Ahern, C. (2009). *Ne veruyu. Ne nadeyus'. Lyublyu* [I don't believe. I hope not. I love]. Moskva: Astrel. 462 p. (In Russ.).
- Hornby, N. (2009). *Juliet, Naked*. London: Penguin Books Ltd. 247 p.
- Hornby, N. (2013). *Golaya Dzhulyetta* [Juliet, Naked]. Sankt-Peterburg: Amfora. TID Amfora. 351 p. (In Russ.).
- Kinsella, S. (2003). *Can You Keep a Secret?* London: Dial Press Trade Paperback. 368 p.
- Kinsella, S. (2019). A ty umeesh khranit' sekrety? [Do you know how to keep secrets?]. Moskva: Eksmo. 384 p. (In Russ.).
- LDOCE — *Longman Dictionary of Contemporary English*. Available at: <https://www.ldoceonline.com> (accessed 13.09.2020).
- MD — Macmillan Dictionary. In: *Free English Dictionary and Thesaurus*. Available at: <https://www.macmillandictionary.com> (accessed 22.08.2020).
- Smith, Z. (2002). *White Teeth*. London: Penguin Books Ltd. 560 p.
- Smith, Z. (2005) *On Beauty*. London : Penguin Books Ltd. 445 p.
- Smit, Z. (2010a). *Belye zuby: roman* [White Teeth]. Moskva: Izdatelstvo Olgi Morozovoy. 672 p. (In Russ.).
- Smit, Z. (2010b). *O krasote: roman* [On Beauty]. Moskva: Izdatelstvo Olgi Morozovoy. 560 p. (In Russ.).

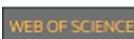
REFERENCES

- Bauer, L., Lieber, R., Plag, I. (2013). *The Oxford reference guide to English morphology*. Oxford: Oxford University Press. 704 p.
- Camicciotoli, B. C. (2019). 'My almost-leggings-so-I'm-kind-of-cheating jeans': Exploring hyphenated phrasal expressions in fashion discourse. *Text and Talk*, 39 (1): 1—24.
- Ishchenko, I. G. (2016). Okkazionalnyye mnogokomponentnyye kompozity v angliyskom yazyke : strukturnyy aspekt [Occasional multicomponent composites in English: a structural aspect]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 4 (58)/3: 91—94. (In Russ.).
- Kane, Th. S. (2000). *The Oxford essential guide to writing*. New York: Berkley Books. 464 p.
- Mayba, V. V. (2018). Golofrasticheskie konstruksii v perevode romana «Waterland» Grema Svifta na russkiy yazyk [Holophrastic constructions in the translation of the novel "Waterland" by Graham Swift into Russian]. *Litera*, 2: 184—193. (In Russ.).
- Meibauer, J. (2007). How marginal are phrasal compounds? Generalized insertion, expressivity, and I/Q-Interaction. *Morphology*, 17 (2): 233—259.

- Nesvetaylo, Yu. N. (2010). *Neologizmy i okkazionalizmy kak konstituenty leksicheskogo makropolya sovremenogo angliyskogo yazyka: sistemnyy i slovoobrazovatelnyy aspekty: author's abstract of PhD Diss.* [Neologisms and occasionalisms as constituents of the lexical macropolis of modern English: systemic and derivational aspects, author's abstract of PhD Diss]. Rostov-na-Donu. 26 p. (In Russ.).
- Petrova, T. A. (2004). *Svernutyye konstruksii kak tip slozhnykh nominativnykh edinit v sovremenom angliyskom yazyke: PhD Diss.* [Folded constructions as a type of complex nominative units in modern English. PhD Diss.]. Irkutsk. 145 p. (In Russ.).
- Štekauer, P. (2002). On the theory of neologisms and nonce-formations. *Australian Journal of Linguistics*, 22 (1): 97—112.
- Zanagina, N. N. (2012). Slovochetaniya-zapicannyye-cherez-defis kak sposob kategorizatsii i novyi priem yazykovo vyrazitel'nosti [Improvised-temporary-compounds as a new expressive mean in Russian]. In: *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii: po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog»* [Computer linguistics and intelligent technologies: materials of the annual international conference “Dialogue”], II (1): 696—706. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/1374/131.pdf> (accessed 06.09.2020).

Лату М. Н. Частотно актуализируемые смысловые компоненты в мемах и демотиваторах, посвященных самоизоляции / М. Н. Лату // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 85—98. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-85-98.

Latu, M. N. (2020). Frequently Represented Sense Components in Memes and Demotivators Dedicated to Lockdown. *Nauchnyi dialog*, 12: 85-98. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-85-98. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42:004.738.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-85-98

ЧАСТОТНО АКТУАЛИЗИРУЕМЫЕ СМЫСЛОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ В МЕМАХ И ДЕМОТИВАТОРАХ, ПОСВЯЩЕННЫХ САМОИЗОЛЯЦИИ¹

© Лату Максим Николаевич (2020), orcid.org/0000-0002-6313-5637, ScopusID 55782052700, ResearcherID S-1014-2016, кандидат филологических наук, профессор кафедры западноевропейских языков и культур, ведущий научный сотрудник, директор научно-образовательного центра «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет» (Россия, Пятигорск), laatu@yandex.ru.

Настоящая статья посвящена исследованию смысловых компонентов, которые часто актуализируются в содержании статических поликодовых текстов, в частности, демотиваторов и мемов, посвященных феномену массовой самоизоляции. Целью работы является установление элементов знания, представляющих собой опорные понятия и используемых при построении сообщений, осмыслении специфики данного режима, трансляции мнений. Анализируются средства их выражения в составе вербальной и невербальной частей поликодовых текстов. Устанавливается разная степень их репрезентативности в зависимости от частотности используемых языковых средств и невербальных элементов. Обработка статистических данных осуществлялась с использованием программы-анализатора корпусов текстов AntConc 3.5.8 с применением стоп-листа слов. Внимание уделяется различиям в актуализации выявленных ментальных конструктов в вербальной и невербальной частях мемов и демотиваторов. Проведена их систематизация в соответствии с данным критерием. Оценивается в сопоставительном ключе частотность использования вербальных и невербальных средств для передачи одного и того же смыслового компонента. Охарактеризовано разнообразие языковых средств, привлекаемых авторами мемов и демотиваторов изучаемой группы.

Ключевые слова: поликодовый текст; демотиватор; мем; самоизоляция; смысловой компонент; понятие; репрезентация; вербальный; невербальный; креолизация.

1. Введение

Одной из мер противодействия распространению заболевания COVID-19 стало введение режима массовой самоизоляции, особенности восприятия которого проявились в том числе и в активном создании пользователями интернета большого количества мемов и демотиваторов, посвященных этому социальному явлению. Данным жанрам присущи те же особенности, которыми обладают все статические поликодовые тексты. В их структуру включаются компоненты разных семиотиче-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31693. Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 20-011-31693

ских систем [Сонин, 2005; Davison 2012], кроме того, поликодовые тексты характеризуются семиотической неоднородностью и гибридностью [Большакова, 2008; Ворошилова, 2013; Чернявская, 2008]. При этом вербальная и невербальная части такого текста не являются случайными [Викторова, 2014], а находятся в тесном взаимодействии [Marsh et al., 2003; Терских, 2019], образуют единое целое [Каленых, 2012], дополняют и акцентируют друг друга [Пищальникова и др., 2020], воспроизводя картину мира, шкалу ценностей, эстетические идеалы и т. д. [Анисимова, 2003]. Как справедливо отмечают Ю. М. Сергеев и Е. А. Уварова, «восприятие данных компонентов в комплексе позволяет автору максимально точно передать все те идеи, которые он хотел воплотить в данном тексте» [Сергеев и др., 2014, с. 133].

Поликодовые тексты, посвященные вопросам самоизоляции, характеризуются как разнообразием транслируемых смыслов, так и спецификой выбора вербальных и невербальных средств их выражения. В связи с этим когнитивный анализ их содержания позволяет выявить набор часто актуализируемых значимых смысловых компонентов, которые имеют непосредственное отношение к массовой самоизоляции и представляют собой опорные понятия, используемые для осмысления специфики данного режима, выражения мнений и особенностей восприятия, а также исследовать их репрезентативность, что является целью данного исследования. При этом под репрезентативностью понятия понимается частотность его выражения в содержании данных текстов посредством определенных языковых и иконических средств. Репрезентация понятий в составе вербальной и невербальной частей текста представляется весьма неоднозначной и характеризуется рядом особенностей.

В настоящем исследовании в фокусе внимания находятся мемы и демотиваторы как графико-вербальные поликодовые тексты, состоящие из сопровождающих друг друга статичного изображения и печатного текста [Злоказов, 2018]. Объем проанализированного языкового материала составил 1550 текстов данных жанров, посвященных массовой самоизоляции, выступающих способом отражения и инструментом формирования общественного мнения, полученных методом сплошной выборки со страниц в социальных сетях в Интернете в период с марта по сентябрь 2020 года. В процессе исследования вербальной и невербальной частей поликодовых текстов применялись методы контент-анализа и семиотического анализа для установления часто репрезентируемых в них смысловых компонентов. Данные, полученные с помощью сравнительно-сопоставительного и количественного анализа используемых вербальных и невербальных средств, позволили выявить часто актуализируемые ключевые смысловые компоненты содержания текстов, посвященных самоизоляции, и установить степень их репрезентативности. Обработка данных осуществлялась с помощью программы AntConc 3.5.8. с применением стоп-листа слов.

2. Центральный смысловой компонент содержания мемов и демотиваторов, посвященных периоду самоизоляции

Как показывает анализ, языковые средства, используемые в вербальной части рассматриваемых поликодовых текстов, являются преимущественно единицами

общеупотребительной и в меньшей степени специализированной лексики, которые относятся к определенным лексико-семантическим полям. Их центральным смысловым компонентом стало понятие «самоизоляция», поскольку анализируемые тексты посвящены вопросам, связанным именно с данным режимом. Вербальные и невербальные репрезентации этого понятия совокупно составляют 45 % от общего числа проанализированных поликодовых текстов. В первую очередь, обращает на себя внимание тот факт, что сама лексема *самоизоляция* не является наиболее часто актуализируемой (встречается в 13 % анализируемых текстов выборки). Как показывает анализ, по частотности она уступает лексеме *карантин*, которая в данных текстах употребляется как ее синоним. Представленность последней в составе рассматриваемых поликодовых текстов составляет 27 %, что в целом более чем в два раза выше частотности использования в проанализированном контенте лексемы *самоизоляция* за время существования ограничений, в том числе когда режим карантина на отдельных территориях не вводился. Последнее может объясняться смешением данных понятий, которые все же имеют ряд отличий, в коллективном сознании социума, в связи с чем они используются как взаимозаменяемые. Причинами последнего можно назвать недостаточное понимание их специфики и различий, наличие общих признаков, содержательную близость, стирание границ между ними при реализации ограничительных мер, относительную внезапность их появления в медийном дискурсе, стремительный рост популярности и новизну для большей части общества, недостаточную разработанность определения слова *самоизоляция*, различия режимов в России и за рубежом. Помимо термина *карантин*, для репрезентации понятия «самоизоляция» также нередко используется лексема *изоляция* (5 %), выражающая, по сути, родовое понятие, что указывает на понимание самоизоляции, в первую очередь, как ограничительной меры, предполагающей обособление и дистанцирование от других членов общества.

3. Репрезентативные смысловые компоненты, связанные с пребыванием дома

Как показывает анализ, одним из наиболее репрезентативных основных смысловых компонентов в анализируемых текстах и демотиваторах является понятие «дом» — 47 %, которое указывает на локацию, наиболее часто ассоциируемую с режимом самоизоляции. Данный смысловой компонент находит выражение в текстах, поскольку весьма актуальными были вопросы, связанные с нахождением дома, организацией досуга и работы в домашних условиях, а также ограничениями, обстоятельствами или невозможностью нахождения вне дома. Репрезентативность данного понятия в вербальной части составляет 32 %, где оно выражается посредством существительного *дом* и наречия *дома*, которые также нередко используются в составе словосочетаний *сидеть дома*, *находиться дома*, *быть дома*, *не выходить из дома* и др. При этом достаточно репрезентативным является сочетание наречия *дома* именно с глаголом *сидеть*. Рассматриваемый смысловой компонент также вербализуется посредством лексем *квартира*, *гараж* (в текстах ироничного содержания гараж упоминается как место проживания на время самоизоляции),

многоэтажка и др. В невербальной части понятие «дом» репрезентируется в 38 % случаев, как правило, посредством изображения не дома, а комнаты (спальни или гостиной) как его составляющей, реже — балкона, кухни, коридора, ванной комнаты, гаража, лестничной клетки, подъезда, какого-либо закрытого помещения. При этом комната является одним из ключевых и наиболее продуктивных образов (32 %), представленных в невербальной части рассматриваемых текстов (см. рис. 1). Таким образом, указание на нахождение дома содержится в тексте сообщения или проиллюстрировано картинкой более чем в каждом третьем поликодовом тексте выборки.

Еще одним весьма репрезентативным смысловым компонентом, характерным для анализируемых текстов, является понятие «работа» — 22 %. При этом оно выражается практически с одинаковой частотностью как вербально (18 %), так и невербально (16 %). В вербальной части данное понятие представлено такими языковыми единицами, как *работа*, *работать*, *удаленная работа*, *удаленка* и др. При этом речь идет преимущественно об удаленной работе, в связи с чем частотными становятся словосочетания *работать дома*, *работать из дома*, также выражается желание выйти на работу. Отсутствие работы нередко репрезентируется сочетанием данного глагола с частицей *не*, вследствие чего формируется оппозиция, представленная парой *работать и не работать*. Она выражается и посредством производных лексем *работающий и безработный* и др. В невербальной части, как правило, изображается процесс удаленной работы за компьютером или ноутбуком, а также в ряде текстов — не всегда удачная попытка людей определенных профессий выполнять привычную им работу в домашних условиях. Последнее делается для создания комического эффекта и указания на трудности или отсутствие у людей возможности работать удаленно.

Как показывает анализ, следующим часто актуализируемым смысловым компонентом является понятие «диван». Его референт представляет собой один из ключевых объектов в пространстве дома, указывающих на особенности восприятия самоизоляции как периода, когда человек проводит много времени дома, лежа на диване. Степень репрезентативности данного понятия в анализируемых текстах составляет 18 %. При этом оно также преимущественно представлено в невербальной части — 14 %, в вербальной — 5 % (для сравнения отметим, что понятие «кресло» отмечено только в 5 % текстов, также преимущественно в их невербальной части). Нередко понятие «диван» вербализуется в составе словосочетаний *лежать на диване*, *спать на диване* и других выражений, отчасти раскрывая представления о пассивном времяпровождении и отдыхе в период самоизоляции, где последнее образует оппозицию с понятием «работа». Само действие, передаваемое глаголом *лежать*, репрезентируется в текстах в 13 % случаев, также преимущественно в невербальной их части — 11 %, в вербальной — 4 %. В связи с этим примечательно, что лексема *сидеть*, напротив, обладает такой же высокой частотностью в вербальной части, при этом в отдельных случаях она используется в значении 'находиться' в составе таких словосочетаний, как *сидеть на самоизоляции*, *сидеть на карантине*, *сидеть дома*, где последнее обладает наибольшей репрезентатив-

ностью — 11 %, и лежит в основе ставшего популярным слогана и хештега *сидим дома*. В невербальной части непосредственное действие, передаваемое глаголом *сидеть*, зачастую актуализируется посредством изображения субъекта, работающего удаленно за компьютером или одиноко сидящего в бездействии.

Следующим смысловым компонентом, отражающим весьма распространенные представления о действиях на самоизоляции, является «прием пищи» — 12 %. В анализируемых текстах данное понятие выражается как в вербальной (9 %), так и невербальной части (4 %) посредством лексем *есть, жрать, пожирать, откармливать*, а также изображения человека, выполняющего это действие. При этом в невербальной части указанные лексемы чаще сопровождаются изображением еды или располневшего от еды человека. Понятие «еда» также является одним из ключевых для рассматриваемых текстов. При этом в них упоминаются весьма конкретные продукты питания, нередко несколько одновременно в рамках одного контекста.

Понятие «дистанционное обучение» актуализируется в текстах чуть реже — 11 %. Данный смысловой компонент также указывает на один из видов активности, осуществляемой в домашних условиях в период самоизоляции, в который вовлечены не только преподаватели и обучающиеся, но также родители учеников. В вербальной части оно выражается в 9 % текстов посредством таких языковых единиц, как *дистанционное обучение, дистанционное образование, онлайн-обучение, дистант, дистанционка*. Невербально данный процесс нередко репрезентируется в 7 % текстов посредством изображения работающего за компьютером субъекта (преподавателя, ученика, студента), родителя, занимающегося с ребенком (рис. 2),

Планы на время карантина:

1. Заняться фигурой
2. Подтянуть английский и начать изучение нового языка
3. Сделать лёгкий ремонт

Реальность:

Рис. 1

Рис. 2

или экрана монитора с открытым окном программы видеосвязи аналогично понятию «удаленная работа». Понятие «компьютер» репрезентируется в 8,4 % текстов.

К понятиям, отражающим популярные представления о пребывании дома в период самоизоляции, относится и действие «спать» — 8 % (вербально — 6 %, невербально — 7 %). В невербальной части данный процесс иллюстрируется изображением лежащего или сидящего субъекта с закрытыми глазами. Чуть менее репрезентативным является смысловой компонент «употребление алкоголя». Данное понятие выражается в 7,7 % выборки посредством лексем и словосочетаний *выпивать, пить водку, бухать, запой, спиваться* и др. В невербальной части, как правило, представлено изображение употребляющего алкоголь мужчины, а также одной или нескольких бутылок, банок, бокалов с алкоголем, ящика с такими бутылками для акцента на большом его количестве и создания комического эффекта.

4. Репрезентативные смысловые компоненты, связанные с нахождением вне дома и соблюдением режима самоизоляции

Понятие «улица» представлено в 18 % анализируемых поликодовых текстов, но, как правило, является тематически обусловленным, характерным для сообщений, где затрагиваются вопросы нахождения вне дома: похода в магазин, введенных ограничений, их нарушения и т. д. Преимущественно оно репрезентируется в вербальной части — 17,2 % (в невербальной — 3,1 %). Также в контекстах, где речь идет о нахождении вне дома и существующих ограничениях, значимым является понятие «прогулка», которое актуализируется в 12,9 % рассматриваемых текстов и в большинстве случаев выражается именно в вербальной части — 11,4 % (в невербальной — 2,1 %) посредством глаголов *гулять, выгуливать* и существительных *прогулка, гулянка* (в том числе в составе словосочетаний *гулять с детьми, выгуливать собаку*). При этом обращает на себя внимание отсутствие изображений гуляющих людей в невербальной части анализируемых текстов за исключением случаев прогулки с собакой, что может являться отражением существовавшего запрета и системы ограничений.

Действие, передаваемое глаголом *выходить*, также является высокочастотным — 9,3 % и преимущественно представлено в вербальной части поликодовых текстов — 9,1 % (в невербальной — 1,2 %), в том числе в составе словосочетаний *выходит на улицу, выйти некуда, выйти на волю*, а также лексемой *вылазить* и др. При этом во многих случаях речь идет о трудностях постоянного нахождения дома, существующих ограничениях и желании прогуляться по улице. Интерес в этом отношении представляет и репрезентация понятия «окно» в 8,2 % текстов. При этом в иконической части представлено изображение окна с видом на улицу, субъект (человек или животное), выглядывающий из окна и др. В вербальной части данная лексема также представлена в составе словосочетаний *открыть окно, смотреть из окна* и др.

Также обращает на себя внимание и репрезентативность понятия «шашлыки» — 5,2 %, которое в большей степени представлено в вербальной части — 4,9 % (в невербальной — 2,3 %). Соответствующая лексема употребляется в форме мно-

жественного числа, в частности, она функционирует в составе словосочетаний *сгонять на шашлыки, жарить шашлыки* (Рис. 3). На необходимость следования предписаниям указывает репрезентация понятия «соблюдать» — 4,6 %, соответствующий глагол включается в состав словосочетаний *соблюдать карантин, соблюдать дистанцию*.

Кто-то: погнали на шашлыки?

Я:

Рис. 3

5. Репрезентативные смысловые компоненты, связанные со здоровьесбережением во время самоизоляции

Отдельную группу продуктивных смысловых компонентов образуют понятия, репрезентируемые медицинскими терминами, лексемами, характерными для медицинского дискурса, а также изображением их референтов. К ним преимущественно относятся лексические единицы, вербализирующие представления о средствах и способах защиты здоровья. Наиболее часто воплощается понятие «*медицинская маска*» — 18,6 %, которое в анализируемых текстах в подавляющем большинстве случаев выражено лексемой *маска*, являющейся усеченным вариантом соответствующего термина. Нередко она включается в состав словосочетания *носить маску*, несколько реже используется в составе словосочетания *надеть маску*. В связи с этим весьма любопытно, что частотность репрезентация данного смыслового компонента в невербальной части анализируемых поликодовых текстов в несколько раз выше (17,8 %), чем в составе вербального компонента (4,5 %). Столь же примечательно присутствие данного понятийного слота в текстах различных тематик, касающихся самоизоляции, а не только там, где речь идет о здоровьесбережении (рис. 3 и 4).

Все вышесказанное справедливо и в отношении действия «ношение маски», репрезентативность которого в целом составляет 16 %, и также преимущественно оно реализуется в невербальной части текстов (16 % против 1,9 % в вербальной). Все это указывает на то, что понятия «медицинская маска» и «ношение маски» входят в число ключевых символов режима самоизоляции. С другой стороны, обращает на себя внимание отсутствие в изучаемых поликодовых текстах термина *респиратор*, несмотря на то что многие люди использовали его как альтернативное средство защиты органов дыхания. В составе невербального компонента изображения данного средства представлено весьма незначительно. Для сравнения отметим, что отличительной чертой рассматриваемых мемов и демотиваторов также являются изображения противогаза или костюма химзащиты — 6,6 % (рис. 5), которые репрезентируют соответствующие понятия только через посредство иконических знаков (комический эффект достигается за счет гиперболы). Кроме того, часто вводятся изображения предметов, используемых не по своему прямому назначению, а вместо маски, например, пакет, крышка от сковородки и т. д.

Как показывает анализ, несмотря на популярность, понятие «коронавирус» представлено только в 6,8 % анализируемых текстов и репрезентируется преимущественно в вербальной их части — 6,3 % (в невербальной — 1,4 %). Это объясняется тем, что данное понятие скорее является базовым для текстов, посвященных именно эпидемиологической обстановке, а не самоизоляции. Одним из основных аспектов, определяющих специфику периода самоизоляции, также является соблюдение «безопасного расстояния» — 4,2 %, в связи с этим в текстах функционируют такие языковые единицы как *дистанция*, *дистанцирование*, *соблюдать дистанцию*, а также сочетания с числительными, указывающими на сложившееся представление о том, каким оно должно быть: *1,5 метра*, *2 метра* и *2,5 метра*.

ЕЩЕ НЕДЕЛЯ КАРАНТИНА И МАСКА МНЕ БУДЕТ МАЛА

Рис. 4

Рис. 5

6. Репрезентативные смысловые компоненты, связанные с продолжительностью самоизоляции

Понятия о времени, сроках, датах и временных отрезках представлены только в вербальной части рассматриваемых мемов и демотиваторов. Наиболее частотными здесь являются смысловые компоненты «месяц» и «день» (10 % в каждом случае). Репрезентирующие их лексемы нередко представлены в составе словосочетаний *после месяца, второй месяц, первый день, седьмой день* и др.. При этом речь, как правило, идет о событиях в первый и второй месяцы режима, в связи с чем используются существительное *месяц* в форме единственного числа, словосочетание *второй месяц*, в то время как лексема *день* нередко употребляется и в форме множественного числа, указывая на неопределенность и размытость сроков. Причиной первого отчасти может являться тот факт, что в сознании общества «самоизоляция» ассоциируется именно с периодом нерабочих дней. По мере его завершения острота обсуждения отдельных вопросов стала постепенно угасать, что еще раз указывает на значимость работы в жизни каждого человека, где каждый проводит большую часть своего времени, и объясняет высокую репрезентативность данного понятия.

Важным для осмысления самоизоляции оказывается и компонент «окончание срока» (9,6 %), вербализуемый глаголом *заканчиваться* и существительными *конец, окончание*, которые употребляются с названиями промежутков времени и лексемой *самоизоляция*, например, в составе словосочетаний *конец самоизоляции, конец недели* и др. В текстах выражается оппозиция «заканчиваться — не заканчиваться». В них, с одной стороны, высказывается пожелание, чтобы срок самоизоляции скорее закончился, а с другой стороны, констатируется факт, что он не подходит к концу и неизвестно, когда закончится. При этом столь же репрезентативным является и понятие «время», вербализуемое соответствующей лексемой, которая также функционирует в составе словосочетаний *в последнее время, период времени* и др., а также словом *времена*. Все вышесказанное свидетельствует о том, что фактор времени является весьма значимым при восприятии самоизоляции и формирует отношение к ней.

7. Репрезентативные смысловые компоненты, связанные с финансовым благополучием и приобретением товаров

Возникшие в период самоизоляции вопросы финансового благополучия способствовали включению в рассматриваемые тексты понятия «деньги» — 4,9 %, как вербально (3,8 %), в том числе посредством лексемы *рубли* во множественном числе при указании конкретных сумм, так и невербально (2,1 %) путем изображения одной или нескольких денежных купюр. Еще одним частотным действием, ассоциируемым с периодом самоизоляции, является смысловой компонент «покупать», вербализуемый лексемами *покупать, купить, раскупить, скупить*, степень репрезентативности которого составляет 9,1 %. Данное понятие тесно связано с понятием «магазин» (9 %) и нередко представлено совместно с ним в невербальной части мемов и демотиваторов, поскольку магазин является местом, где совершаются покупки.

Наиболее часто упоминаемым продуктом является гречка. Частотность актуализации данного смыслового компонента составляет 8 %. При этом в большей степени он характерен для текстов начала периода самоизоляции, этот продукт стал одним из его основных символов в общественном сознании. Данное понятие представлено как в вербальной (6,2 %), так и невербальной (3,1 %) частях поликодовых текстов ироничного содержания посредством соответствующей лексики, а также словосочетания *гречневая крупа*, изображения упаковки данного продукта, тарелки с гречкой и др., нередко с акцентом на большом ее количестве (рис. 6). При этом частотным является изображение нескольких упаковок гречки. Наряду с гречкой своеобразным символом периода начала самоизоляции стал такой товар, как туалетная бумага. Данное понятие репрезентируется как вербально, так и невербально в 6,7 % анализируемых текстов.

Отметим также, что в исследуемых текстах финансовые трудности, которые люди испытывали, и связанные с ними страхи и опасения отразились в актуализации действия, вербализируемого лексемой *выживать* — 5,2 %.

Рис. 6

8. Частотно репрезентируемые понятия из сферы «Субъекты действий»

Отдельного рассмотрения заслуживают упоминаемые в анализируемых текстах субъекты и их характеристики. Часть из них находит выражение только в составе невербальной части текста, где может быть представлен как один, так и несколько субъектов действия. Весьма распространенными являются изображения с одним субъектом — 40 %, который, находясь в помещении в одиночестве, не проявляет признаков активности (пассивно сидит на диване) или выполняет одно из рассмотренных выше действий, реже — стоит один на улице. Мемы и демотиваторы с одним субъектом создаются, на наш взгляд, для иллюстрации изолированности, дистанцирования от других людей и чувства одиночества, что нередко также находит выражение и в вербальной части. В текстах, где представлено более одного субъекта, важная роль отводится определенным членам семьи и их роли. Наибольшей частотностью актуализации в текстах характеризуется понятие «родители» — 11,2 %. Кроме того, в полисубъектные изображения включаются репрезентанты понятия «жена» — 13 %, «муж» — 7 %, «мама» — 5,7 %, «папа» — 5,5 %, «ребенок / дети» — 21, «сын» — 1 %, «дочь» — 2 %, «сестра» — 1 %. Отсутствие упоминания дальних родственников является весьма ожидаемым фактом. При этом само комплексное понятие «семья» обладает достаточно высокой степенью репрезентативности — 20 % и в невербальной части выражается посредством изображения двух супругов вместе — 9 %, супругов с детьми — 5 % или одного из супругов с ребенком — 4 %. Репрезентация понятия «соседи» была выявлена только в вербальной части — 4 %. Частотным является образ полицейского — 5,4 %. Отметим, что отсылка к персонажам фильмов и мультфильмов, а также к образам животных (преимущественно котов), выступающих условно в роли человека, является типичной особенностью демотиваторов и мемов.

9. Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить элементы знания, представляющие собой опорные смысловые компоненты содержания поликодовых текстов, характеризуемые различной степенью репрезентативности, отражающей их востребованность при конструировании сообщений. В мемах и демотиваторах центральный смысловой компонент «самоизоляция» нередко подразумевает массовую самоизоляцию, ассоциируется с периодом нерабочих дней и часто репрезентируется посредством лексемы *карантин* вследствие сближения и отождествления их референтов. Разнообразие репрезентируемых смысловых компонентов указывает на то, что круг волнующих людей вопросов достаточно широк и затрагивает проблемы здоровьесбережения, времяпровождения в домашних условиях, нахождения вне дома и соблюдения условий самоизоляции, приобретения необходимых товаров и финансового благосостояния в данный период. Смысловые компоненты отражают общие представления о наиболее часто упоминаемых желаемых и вынужденных действиях или активности («лежать», «сидеть», «спать», «удаленная работа», «дистанционное обучение», «прием пищи», «употребление алкоголя», «покупать», «прогулка», «выживать»), ассоциируемых с режимом самоизоляции, а

также локациях («дом», «магазин», «улица» и др.). При этом смысловой компонент «улица», как правило, репрезентируется в текстах, посвященных нахождению вне дома, соблюдению ограничений и их нарушению. Также смысловые компоненты раскрывают представления о субъектах, о которых говорится в сообщении («родители», «дети», «семья», «полицейский» и др.), предметах, которые использует или с которыми взаимодействует человек, находясь на самоизоляции («диван», «компьютер», «окно», «маска», «гречка»), желаемых событиях («окончание срока», «шашлыки»), опасностях («коронавирус») и др. Значимым при восприятии самоизоляции оказывается и фактор времени, в связи с чем частотна актуализация таких смысловых компонентов, как «день», «месяц», «время».

Ряд понятий репрезентируются почти в равной степени вербальными и невербальными средствами («работа», «дом», «маска»); другие актуализируются в большей степени вербально («прогулка», «гречка») либо в большей степени невербально («лежать», «окно»); наконец, есть понятия, которые получают только вербальное воплощение («месяц», «заканчиваться») или только невербальное («костюм химзащиты»).

Наиболее репрезентативными смысловыми компонентами, представленными в невербальной части, являются «дом», «улица», «маска», «ношение маски», «работать», «семья», «лежать», «сидеть», «диван», «муж»; в вербальной части к наиболее репрезентативным относятся «карантин», «дом», «работать», «семья», «прогулка», «сидеть», «самоизоляция», «коронавирус», «заканчиваться», «выходить», «маска», «месяц», «гречка», «родители». При этом текст может конструироваться с использованием сразу нескольких данных смысловых компонентов, которые могут быть выражены как в вербальной, так и изобразительной части, дополняя или дублируя друг друга. В целом перечень языковых средств, используемых в данных текстах, шире и разнообразнее, чем невербальных элементов. Такие смысловые компоненты, как «противогаз», «костюм химзащиты», а также «гречка», «туалетная бумага» (изображенные в большом количестве), используются для создания комического эффекта. Интерес в связи с этим представляет установление особенностей совместного употребления выделенных смысловых компонентов в содержательном пространстве текста, анализ мнений, выражаемых с их использованием и отражающих особенности восприятия самоизоляции, а также определение продуктивных тем сообщений, что выходит за рамки настоящей статьи и представляет собой дальнейшие направления исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. — Москва : Academia, 2003. — 128 с.
2. Большакова Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» / Л. С. Большакова // Вестник СамГУ. — 2008. — № 4 (63). — С. 19—24.
3. Викторова О. А. Демотивационный постер как поликодовый текст / О. А. Викторова // Слово и текст : психолингвистический подход. — 2014. — № 14. — С. 103—107.
4. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст : ключи к прочтению / М. Б. Ворошилова. — Екатеринбург : ФГБОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т», 2013. — 194 с.

5. Злоказов К. В. Системно-функциональный семиотический подход к анализу поликодового текста : современное состояние и перспективы / К. В. Злоказов // Юрислингвистика. — 2018. — № 9-10 (20-21). — С. 126—133.
6. Каленых Е. В. Текст как предмет психолингвистического исследования : природа текста, взаимодействие «автор — читатель» и читательские оценки / Е. В. Каленых // Наука и школа. — 2012. — № 6. — С. 71—73.
7. Пищальникова В. А. Антикоррупционная реклама как поликодовый текст / В. А. Пищальникова, П. Цайс // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2020. — № 4 (833). — С. 80—90.
8. Сергеева Ю. М. Поликодовый текст : особенности построения и восприятия / Ю. М. Сергеева, Е. А. Уварова // Наука и школа. — 2014. — № 4. — С. 128—134.
9. Сонин А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов : основные направления / А. Г. Сонин // Вопросы языкознания. — 2005. — № 6. — С. 115—123.
10. Терских М. В. Вербально-визуальные средства репрезентации гендерных стереотипов в современной рекламе / М. И. Терских // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 86—99. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-86-99.
11. Чернявская В. Е. Какие текстовые границы нужны лингвисту? Поликодовые и гибридные тексты / В. Е. Чернявская // СТИЛЬ. — 2008. — № 9. — С. 105—120.
12. Davison P. The language of internet memes / P. Davison // The Social Media Reader. — 2012. — Pp. 120—134.
13. Marsh E. E. A taxonomy of relationships between images and text / E. E. Marsh, M. D. White // Journal of Documentations. — 2003. — Vol. 6. — Pp. 647—672.

FREQUENTLY REPRESENTED SENSE COMPONENTS IN MEMES AND DEMOTIVATORS DEDICATED TO LOCKDOWN¹

© Maxim N. Latu (2020), orcid.org/0000-0002-6313-5637, ScopusID 55782052700, ResearcherID S-1014-2016, PhD in Philology, Professor, Department of Western European Languages and Cultures, Leading Researcher, Director of the Scientific and Educational Center “Applied Linguistics, Terminology and Linguocognitive Technologies”, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Pyatigorsk State University” (Russia, Pyatigorsk), laatu@yandex.ru.

The article is devoted to the study of sense components that are often represented in the content of static polycode texts, in particular, demotivators and memes devoted to the phenomenon of mass lockdown. The aim of the study is to establish the elements of knowledge, which are basic concepts and are used in the construction of messages, understanding the specifics of this mode, broadcasting opinions. The means of their expression in the verbal and non-verbal parts of polycode texts are analyzed. A different degree of their representativeness is established, depending on the frequency of the used linguistic means and non-verbal elements. The statistical data were processed using the AntConc 3.5.8 text corpus analyzer program, using the stop-list of words. Attention is paid to the differences in the actualization of the identified mental constructs in the verbal and non-verbal parts of memes and demotivators. They were systematized in accordance with this criterion. The frequency of the use of verbal and non-verbal means to convey the same semantic component is assessed in a comparative manner. The diversity of linguistic means used by the authors of memes and demotivators of the studied group is characterized.

1 Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 20-011-31693.

Key words: polycode text; demotivator; meme; lockdown; sense component; concept; representation; verbal; non-verbal; creolization.

REFERENCES

- Anisimova, E. E. (2003). *Lingvistika teksta i mezhkulturnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Linguistics of the text and intercultural communication (on the material of creolized texts)]. Moskva: Academia. 128 p. (In Russ.).
- Bolshakova, L. S. (2008). O soderzhanii ponyatiya «polikodovyy tekst» [On the content of the concept of “polycode text”]. *Vestnik SmaGU* [Bulletin of samsu], 4 (63): 19—24. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2008). Kakiye tekstovyye granitsy nuzhny lingvistu? Polikodovyye i gibridnyye teksty [What text boundaries do a linguist need? Polycode and hybrid texts]. *Stil'* [Style], 9: 105—120. (In Russ.).
- Davison, P. (2012). The language of internet memes. *The Social Media Reader*. 120—134.
- Kalenykh, E. V. (2012). Tekst kak predmet psikholingvisticheskogo issledovaniya: priroda teksta, vzaimodeystviye «avtor — chitatel'» i chitatelskiye otsenki [Text as a subject of psycholinguistic research: the nature of the text, interaction “author-reader” and reader’s assessments]. *Nauka i shkola* [Nauka i shkola], 6: 71—73. (In Russ.).
- Marsh, E. E., White, M. D. (2003). A taxonomy of relationships between images and text. *Journal of Documentations*, 6: 647—672. (In Russ.).
- Pishchalnikova, V. A., Tsaysya, P. (2020). *Antikorruptsionnaya reklama kak polikodovyy tekst* [Anti-corruption advertising as a polycode text]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities], 4 (833): 80—90. (In Russ.).
- Sergeyeva, Yu. M., Uvarova, E. A. (2014). Polikodovyy tekst: osobennosti postroyeniya i vospriyatiya [Polycode text: features of construction and perception]. *Nauka i shkola* [Nauka i shkola], 4: 128—134. (In Russ.).
- Sonin, A. G. (2005). Eksperimentalnoe issledovanie polikodovykh tekstov: osnovnye napravleniya [Experimental research of polycode texts: main directions]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of linguistics], 6: 115—123. (In Russ.).
- Terskikh, M. V. (2019). Verbal-Visual Means of Representing Gender Stereotypes in Modern Advertising. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 11: 86—99. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-86-99. (In Russ.).
- Viktorova, O. A. (2014). Demotivatsionnyy poster kak polikodovyy tekst [Demotivation poster as a polycode text]. *Slovo i tekst: psikholingvisticheskiy podkhod* [Word and text: psycholinguistic approach], 14: 103—107. (In Russ.).
- Voroshilova, M. B. (2013). *Politicheskyy kreolizovannyy tekst: klyuchi k prochteniyu* [Political creolized text: keys to reading]. Ekaterinburg: FGBOU VPO «Uralskiy gos. ped. un-t». 194 p. (In Russ.).
- Zlokazov, K. (2018). Sistemno-funktsionalnyy semioticheskiy podkhod k analizu polikodovogo teksta: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy [System-functional semiotic approach to analysis of polycode text: current state and future perspectives]. *Yurislilingvistika* [Jurislingvistika], 9—10 (20—21): 126—133. (In Russ.).

Мурзина О. В. Импликационные приемы построения текстов современных молодежных СМИ сквозь призму риторической традиции / О. В. Мурзина // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 99—110. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-99-110.

Murzina, O. V. (2020). Implication Techniques for Constructing Texts of Modern Youth Media through the Prism of Rhetorical Tradition. *Nauchnyi dialog*, 12: 99-110. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-99-110. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42:070+808.5:792.073

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-99-110

ИМПЛИКАЦИОННЫЕ ПРИЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННЫХ МОЛОДЕЖНЫХ СМИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РИТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

© Мурзина Ольга Викторовна (2020), <https://orcid.org/0000-0001-9134-5570>, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики и телевизионных технологий, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина» (Технологии. Дизайн. Искусство) (Москва, Россия), 210978@list.ru.

Рассматриваются принципы построения текста и воздействия на молодежную аудиторию современных средств массовой информации на примере радиостанции «Новое радио». Поднимается вопрос об актуальности использования в современном виртуальном пространстве классической технологии порождения текста, основанной на греко-римской риторике. Представлены результаты сопоставительного анализа технологии порождения текста в периоды античности и возрождения данной технологии в «новой риторике» второй половины XX века. Актуальность исследования обусловлена отмечающейся диверсификацией СМИ, которая приобретает более яркий характер в молодежных средствах массовой информации: распространение контента в социальных сетях позволяет каждому СМИ становиться все более специализированным и все больше координировать контент с потребностями целевой аудитории. Новизна исследования видится в том, что автор рассматривает контент современных СМИ как корпус энтимематической аргументации, который позволяет вывести элиминированные в импликацию большие послылки силлогизма. Автор останавливается на вопросах трансформации классической аристотелевской риторики в современной технологии взаимодействия с целевой аудиторией. Особое внимание уделяется аксиологии набора энтимем, который целевая аудитория потенциально может восстановить.

Ключевые слова: средства массовой информации; социальные сети; целевая аудитория; новая риторика; топосы.

1. Введение

Современные средства массовой информации, взаимодействующие с молодой аудиторией, вынуждены учитывать важнейший фактор: молодая аудитория (до 20—25 лет) — это люди, никогда не жившие в мире без социальных сетей [Murphy], подавляющее большинство имеет свой аккаунт в одной или нескольких сетях и воспринимает значительный объем информации именно через социальные сети. В социологическом исследовании так называемых «миллениалов» — вошедших в активный жизненный период в новом тысячелетии молодых людей (от 1980

и позже года рождения) — выделяются четыре категории молодых людей применительно к их взаимодействию со средствами массовой информации: 1) незаинтересованные — те, кто ориентирован на развлекательный контент СМИ, а новости узнает случайно, в выдаче лент социальных сетей; 2) исследователи — люди с активной гражданской позицией, использующие интернет и социальные сети не только как источник развлечения, но и как способ узнать информацию о мире и последних событиях; 3) отвлеченные — люди, которые уже работают и / или имеют семью, не имеют большого количества времени для развлечения с помощью интернета и, как правило, подобно первой категории, stalkиваются с информацией случайно; 4) активисты — люди, для которых интернет в принципе является полем гражданской активности, и в первую очередь именно средством массовой информации [Rosenstiel et al., 2015]. СМИ борются за целевую аудиторию молодых людей, учитывая тот факт, что потребление информации среди нового поколения принципиально изменилось: человек сам настраивает те каналы получения информационного и развлекательного контента, которые ему интересны, и в дальнейшем использует рекомендации друзей и одобрительные суждения пользователей социальных сетей, чтобы пополнить свои каналы потребления информации [Armstrong et al.; Baume; Poynitz et al.].

Входя в виртуальный мир «с нуля», регистрируясь в социальных сетях и настраивая соответствующие каналы, человек опирается на рекомендации своих друзей и на рекламные посты. Популярность контента, определяемая «лайками» и сходными способами выражения одобрения, провоцирует еще большую популярность, при этом постоянно возникают новые типы контента от пользователей и организаций, которые стараются «пробиться» к целевой аудитории.

Мир социальной сети, объединяющий людей, физически находящихся в различных локациях, представляет собой своего рода «электронный полис», в котором актуальны те же способы привлечения внимания и завоевания аудитории, которые были распространены в классической греческой и римской риторике [Анисимов и др., 2019, с. 8]. Изменение технологий вернуло человечество к стартовой точке разработки вопроса о привлечении внимания аудитории: электронная среда превратилась в поле абсолютных возможностей, в котором любой контент востребован при условии наличия целевой аудитории. Среди отмеченных выше четырех категорий борьба идет за каждую, и решающую роль в этой борьбе играют их психологические характеристики и разнообразные предпочтения [Богданова, 2016; Сулова, 2018].

В связи с этим новую актуальность приобретают разработки Аристотеля [Аристотель, 2015], Марка Фабия Квинтилиана [Quintilian] и пересмотр этих установок в неориторике Хаима Перельмана и Люси Ольбрехт-Гытека [Perelman et al., 1958]. Основным постулатом классической риторики было отсутствие универсальных рецептов убеждения (распространившихся впоследствии в риторике картезианской и последующей [Безменова 1991]) и «настройка» контента под нужды именно тех людей, которые будут его воспринимать и принимать решение. Греческая и римская риторика опиралась на институт состязательного красноречия и последующего голосования: публичные суды, принятие решений на площади — агоре и пр.

Для достижения эффекта требовалось произвести впечатление не на обобщенную, а на данную, конкретную аудиторию, состав которой оратору, как правило, был приблизительно известен.

Во второй половине XX столетия данный способ подготовки текста был реанимирован Хаимом Перельманом [Perelman et al., 1958] в связи с развитием широковещательных средств массовой информации и появлением рекламного контента. Чтобы реклама реализовала свои функции и обеспечила увеличение продаж товара или услуги, необходимо ориентироваться не на все человечество, а на конкретную категорию потребителей: женщин с детьми, спортсменов и пр. Это привело к появлению «неориторики» и возрождению категорий классической риторики.

2. Подготовка контента для целевой аудитории: классическая риторика

«Риторика» Аристотеля и труды его последователей основаны на следующем принципе подготовки текста. Первоначально оратор обдумывает предстоящее выступление, ориентируясь на так называемые «топосы» («общие места») — категории, представляющие собой систему параметров, каждый из которых позволяет обеспечить порождение определенной идеи [Шуйская, 2017, с. 302]. Исходной точкой является тема предполагаемого выступления, топосы «время», «место», «субъект», «объект» и другие (всего количество топосов варьируется от 42 у Аристотеля и во многих других риториках до 3 в риториках XIX века [Аннушкин 2016]). Оратор аккумулирует потенциальные варианты развития темы, рассматривая варианты потенциальной амплификации через сетку общих мест, и в результате получает набор идей, которые могут лечь в основу будущего текста.

Для Аристотеля принципиально важно именно рассмотреть все возможные общие места, хотя некоторые из них могут оказаться слабыми и несостоятельными в свете данной темы выступления (например, не каждая тема располагает к использованию идеи инструмента). В результате такого рассмотрения черновик будущего текста выступления представляет собой корпус идей, из которых в итоговый текст войдут 3—4, наиболее убедительных именно для данного состава аудитории.

Римская риторика унаследовала греческую парадигму и развила ее [Clarke, 1953]. Однако в дальнейшем концепция разработки текста для нужд конкретной аудитории стала использоваться механически, без понимания назначения общих мест как таковых [Шуйская, 2017, с. 305], что закономерно привело к ее деградации: уже в эпоху Возрождения технология изобретения речи, разработанная Аристотелем, считалась чересчур громоздкой [Cossutta, 1984]. Картезианская риторика конца XVII века окончательно утвердила технологию работы с аудиторией не «от аудитории», а «от оратора»: иными словами, создатель текста вкладывает в текст именно то, что убеждает и восхищает его самого, а не производит отбор из большого корпуса идей [Пастернак, 2002]. В основе этой концепции лежал тезис «мышление универсально»: предполагалось, что мышление любого слушателя подчиняется той же логике, что и мышление оратора.

К XX веку данный подход исчерпал свой потенциал в силу вовлечения в процесс принятия решений людей разного возраста и социального положения (изме-

нения государственного строя, движение суффражизма и пр.), и ответом на новые потребности общества стала «новая риторика»: возрождение идей Аристотеля о ценности частной аудитории, предпринятое Хаимом Перельманом [Perelman et al., 1958].

3. Обращение к целевой аудитории на основе энтимемы

При сходстве идей Хаима Перельмана с идеями классической греческой риторики в работе с аудиторией наблюдаются и значительные различия. Так, аргументация Аристотеля была силлогистической, и его «Риторика» составляла часть единой системы трактатов, в которую входили также «Логика», «Топика», две «Аналитики» и трактат «О софистических опровержениях». Доказывая свою точку зрения, оратор выстраивал аргумент по силлогизму, и аргумент мог быть признан верным при условии соблюдения правил построения силлогизма. Система аргументации на основе силлогизма была в дальнейшем широко разработана в средневековой словесности [Зубов, 1961].

В «новой риторике», рассчитанной на современные реалии, и в первую очередь — на дискурс средств массовой информации, силлогизм заменяется энтимемой: силлогизмом с пропущенной большей посылкой. Так, когда какой-то товар рекламируется как позволяющий сэкономить 25 % или 50 % стоимости, за этим аргументом стоит посылка «экономить деньги — хорошо», а, к примеру, за рекламными объявлениями, призывающими избавиться от перхоти, стоит посылка «перхоть — это плохо».

Многие имплицитные посылки энтимем являются бесспорными и скрываются в импликатуру дискурса именно по причине своей бесспорности: предполагается, что не стоит лишний раз повторять целевой аудитории прописные истины. Однако именно в этом и кроется опасность энтимематической аргументации: в импликатуре далеко не всегда оказываются бесспорные посылки. Более того, энтимематическая аргументация может сама формировать ложную посылку на основе импликатуры. В этом случае в роли «общих мест» выступают не аристотелевские «место», «время», «причина», «цель» и пр., а набор суждений, составляющий фонд ценностей данного общества («путешествовать хорошо», «сидеть дома плохо», «ограничивать себя в питании хорошо», «есть все, что захочется, плохо» и пр.). Перельман называл эти аксиологические формулы «объектами соглашения».

Нишевая структура современных молодежных СМИ и их тесное взаимодействие с социальными сетями приводит к появлению у каждого такого СМИ своего набора «объектов соглашения». Выскажем гипотезу, что именно этот набор становится своего рода способом идентификации и привлечения внимания новых пользователей.

4. Импликатура антитезы «старого» и «нового» на примере радиостанции «Новое радио»

Рассмотрим примеры имплицитных «больших посылок» свернутых силлогизмов на примере радиостанции «Новое радио». Радиостанция существует с 30 ноября 2015 года, вещает в FM-диапазоне и в интернете, имеет аккаунты в социальных

сетях Facebook, Instagram, Youtube и ВКонтакте. Подавляющее большинство контента радиостанции — это современные русские и зарубежные песни, и по времени они занимают до 90 % эфира: на этой радиостанции практически нет новостей, политических программ и т. п. Музыкальный эфир перемежается с немногочисленными шоу-программами, которые также основаны, главным образом, на прослушивании музыки: это музыкальные чарты, рейтинги и пр.

Корпус импликатур, заложенных в основу концепции данного радио, основан на антитезе, проявляющей себя уже в названии: «новое» предполагает противопоставление «старому». На сайте радиостанции указано: «Утреннее ток-шоу, информационно-развлекательные выпуски новостей — всё самое эксклюзивное и важное в режиме нон-стоп. Выбор названия был обусловлен целью избежать каких-либо аналогий. По словам генерального продюсера Романа Емельянова, перед радиостанцией стоит задача реализовать множество задумок, которые ранее, по разным причинам, воплотить не удалось» [Новое радио].

Предположим, что конечным выводом силлогизма, который мог бы стоять за этим текстом, будет суждение «Новое радио — это хорошо». Привести к этой мысли, среди прочего, должна указанная выше фраза о задумках, которые ранее воплотить не удалось. Следовательно, силлогизм будет выглядеть так:

Реализовать ранее не выполненные задумки — хорошо.

«Новое радио» реализует ранее не выполненные задумки.

Следовательно, «Новое радио» — это хорошо.

Это силлогизм вида А есть В, С есть А, следовательно, С есть В — модус BARII в I фигуре в соответствии с классическим логическим устройством аргумента, восходящим к трактатам Аристотеля. При этом большая посылка может оказаться и ложной: кто сказал, что реализовать не выполненные ранее задумки — это хорошо? Возможно, как раз хорошо, что они остались нереализованными?

Если большая посылка уходит в импликатуру и аргументация становится энтимематичной, то проверить ложность или истинность посылки не представляется возможным: текст подает ее как бесспорную. Безусловно, потребитель текста не принимает на веру все имплицитные посылки безоговорочно: так, если бы на сайте и в социальных сетях радиостанции значилась информация, например, «Только мы являемся истинными последователями Гитлера», имплицитно скрывающая посылку «Истинный последователь Гитлера — это хороший человек», вряд ли такой текст привлек бы большое количество слушателей и фанатов.

Между тем радиостанция популярна и вызывает положительные эмоции. Интересно, что ее аудитория неоднородна: так, на ее аккаунт в Facebook подписано 15 тысяч человек, а ВКонтакте — 442 тысячи, то есть практически в 30 раз больше. Это говорит о большой популярности радиостанции именно среди молодежи: так, по данным исследования 2019 года, «ВКонтакте и Instagram наиболее популярны у аудитории 16—24 лет, а Facebook — у аудитории старше 45 лет» [Аудитория социальных сетей в России 2019]. Это говорит о «попадании» в цель импликатур: музыкальный контент, представленный на данном радио, во многом совпадает с ротацией других радиостанций.

5. Импликатура противопоставления музыки молодежи популярной музыке исполнителей старшего поколения

Помимо имплицитной оппозиции «новое — старое», в приоритетах радиостанции можно увидеть противопоставление современной музыки, распространяемой через социальные сети и через нее же приобретающей популярность, «старой» поп-музыке. В сетку вещания входит программа «Светлый Хайп» — «Программа про музыкантов, к которым пришла известность через социальные сети и выступления в маленьких клубах, а не через конкурсы в больших телепроектах и продюсерские центры. Некоторые из них уже в мейнстриме, некоторые по-прежнему в андеграунде, но, как и раньше, они хайпуют исключительно на творчестве, а не на скандалах, интригах и расследованиях» [Светлый хайп]. Как можно видеть из описания программы, ее идея основана на антитезе — музыканты противопоставляют себя знаменитостям, которые приобретают популярность с помощью публично освещаемых скандалов, то есть формулировка «светлый хайп» подразумевает, что хайп может быть и темным. Целевой аудитории вполне понятно, что такое «темный хайп» (при том, что такая формулировка даже не используется) — это многочисленные попытки повысить свою популярность за счет рассказов о подробностях личной жизни, раскрытия тайн других знаменитостей, откровенных фото и пр. Фраза «хайпуют исключительно на творчестве, а не на скандалах, интригах и расследованиях» фактически сообщает о музыкантах из ротации «Нового радио» и еще одну немаловажную имплицитную посылку: эти люди не только не эксплуатируют «темную сторону» своей личной и семейной жизни, а, возможно, и вовсе не имеют ее. В «подводную часть айсберга» облика СМИ, таким образом, включается мысль о том, что хороший музыкант сегодня — еще и прекрасный семьянин, ведущий здоровый образ жизни и не употребляющий алкоголь и наркотики (что, к примеру, кардинально противоположно информации о музыкантах второй половины XX века, которые не только не скрывали своих привычек, но и зачастую бравировали ими).

Наиболее ярким признаком имплицитной данной радиостанции, привлекающей к ней большое количество пользователей, является идея антитезы, соревнования и борьбы. Это можно увидеть на примере контента утреннего шоу «STARПерцы»: положение в сетке вещания — 4 часа эфирного времени каждый будний день и выбор времени, когда достаточно большой процент слушателей собирается на работу или на учебу либо уже добирается туда и параллельно слушает музыку, — позволяет говорить о большой популярности данной программы. Контент, кроме музыкального, включает в себя интерактивные конкурсы, каждый из которых предполагает соревнование между дозвонившимися на радиостанцию слушателями: в конкурсе «Пиу-пиу» слушатели вспоминают как можно больше слов, начинающихся на определенную букву, в конкурсе «Обзови меня!» два слушателя называют друг друга различными словами, также на определенную букву, в конкурсе «Тройничок» — вспоминают по три песни с определенными словами и пр. Призы за победу не так значительны (футболка, кружка, билеты на концерт), как преувеличенное восхищение ведущих, которые своими высказываниями вводят импликатуру антитезы, противопоставления победителя — побежденному.

В целом многие приемы, используемые «Новым радио», характерны и для других молодежных СМИ, что позволяет говорить о популярности идеи противопоставления, причем используемые антитезы выстраиваются в параллельный ряд: новое, светлое, позитивное противопоставлено старому, темному, негативному. Любопытно, что подавляющее большинство композиций и исполнителей ротации «Нового радио» не являются «новыми» в прямом смысле данного слова — в эфире часто звучат уже известные песни, однако подача ведущих и тексты, используемые на сайте радиостанции и в социальных сетях, подчеркивают их новизну, имплицитно постулируя «новый значит хороший».

6. Импликатура противопоставления «свой — чужой» на примере радиостанции «Наше радио»

Рассмотрим импликатуру противопоставления на примере радиостанции, которая опирается на другую антитезу: «наш — не наш». «Наше радио» — радиостанция, которая возникла в FM-формате в 1998 году [Наше радио] и в самом своем названии обозначила имплицитное противопоставление «нашего» «чужому, враждебному». Контентом радиостанции является российская рок-музыка, что позволяет прочесть имплицитное применение понятия «чужой» не только к зарубежной музыке, но и к музыке других направлений.

Слово *наш* интересно двумя вариантами импликаций — в силу наличия так называемого «мы инклюзивного» и «мы эксклюзивного» [Даниэль] можно рассматривать «мы» в контексте «мы вместе с вами» либо как «мы без вас». Соответственно, наименование «Наше радио» может восприниматься как «наше с вами в отличие от них» либо «наше в отличие от вас».

Позиционирование радиостанции «Наше радио» в социальных сетях опирается на представление о «нашем» как о некоем закрытом клубе для посвященных, то есть ближе к «мы эксклюзивному». Так, в группах «Нашего радио» слово *наш* в любом контексте — и при описании передачи в эфире, и при обращении к слушателям — пишется прописными буквами: «Это официальная группа НАШЕго радио в г. Перми, созданная для общения и информирования НАШИХ людей обо всех акциях и конкурсах. <...> Победителем в игре «Угадай НАШУ» за 18 ноября становится Андрей Хром поздравляем! Вы получаете фирменную шапку от НАШЕго Радио! Как вы можете получить приз, мы напишем в ЛС» [Наше радио Пермь].

При этом в названиях передач, входящих в сетку «Нашего радио», элемент эксклюзивности отсутствует. Напротив, названия шоу («Подъемники», «Тариф “дневной”», «10 баллов», «Пятница», «По будням» и пр.) практически не акцентируют имплицитное противопоставление «нашего» и «чужого»: эта импликатура используется, главным образом, в контенте социальных сетей и в высказываниях ведущих.

Как и на «Новом радио», ведущие различных шоу на «Нашем радио» проводят постоянные интерактивные конкурсы с участием дозвонившихся в студию, зачитывают комментарии из социальных сетей. Однако конкурсы основаны в большей степени не на игре слов, как на «Новом радио», а на различных способах иденти-

фикации «своего». Так, слушателям предлагается быстро угадать слова какой-то рок-песни, вспомнить малоизвестный факт из биографии какого-либо исполнителя — то есть так или иначе продемонстрировать, что они «наши», «свои». Взаимодействие со слушателями напоминает систему «пароль — отзыв», когда человек, дозвонившийся в студию, должен назвать какую-то информацию, известную только «нашим».

Это позволяет говорить об энтимеме «Наши лучше чужих» с имплицитной большей посылкой «Наши — положительно, чужие — отрицательно». Поскольку соответствующее восприятие заложено в коннотации слов *наш* и *чужой* в русском языке, импликатура является вариабельной не в оценке, а в понимании слова *наш* — в силу дуальной природы самого местоимения *мы*, с которым соотносится соответствующее притяжательное местоимение, в данном случае возможны различные варианты.

7. Заключение

Современные молодежные средства массовой информации взаимодействуют со своей целевой аудиторией через социальные сети и интернет и часто вынуждены решать задачу привлечения новых зрителей и слушателей и поддержания лояльности старых. Инструментом такого взаимодействия с аудиторией является набор аксиологических импликатур, изменяющийся и варьирующийся от одного СМИ к другому. Наиболее интересными в данном контексте являются не высказываемые прямо суждения, которые являются, в терминологии современной риторики, большей посылкой того силлогизма, который стоит за высказанной энтимемой.

Классическая концепция порождения воздействующего текста, основанного на топике, предполагала обращение к категориям, позволяющим сгенерировать и амплифицировать корпус идей. В современных реалиях, когда типичный потребитель контента СМИ часто воспринимает несколько информационных потоков одновременно, СМИ реализуют задачу преодоления эффекта «белого шума»: им необходимо «достучаться» до пользователя, «пробиться» к нему.

Способом решения указанной задачи становится уникальный набор «объектов соглашения»: импликатур, которые вызывают подсознательное одобрение потенциального пользователя и считываются им через потребление устного или письменного текста. Многие импликатуры такого типа являются общими для всех современных СМИ (поощрение здорового образа жизни, семейных ценностей и пр.), другие же свойственны только данному конкретному СМИ. Так, краткий анализ контента сайта радиостанции «Новое радио» выявил идею борьбы, противопоставления как ключевую для размещенных текстов. Опираясь на антитезу «старого» и «нового», СМИ развивает импликатуру, основанную на представлении о преимуществе нового, его положительных характеристиках, транслируя идею с помощью текстов, высказываний в социальных сетях и в эфире. Анализ контента радиостанции «Наше радио» и высказываний его ведущих в социальных сетях и в эфире выявляет антитезу «наш — чужой», которая транслирует аксиологическую установку, варьирующуюся по признаку «наш». Вне зависимости от контента радиостанции

член русскоязычного языкового коллектива оценивает «нашего» положительно, а «чужого» — отрицательно, однако вариабельность имплицатуры связана с подвижным денотатом местоимения *наш*.

Источники

1. Наше радио [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.nashe.ru/> (дата обращения 10.09.2020).
2. Наше радио Пермь [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://vk.com/nashe_perm (дата обращения 10.09.2020).
3. Новое радио [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://newradio.ru/radio-station/about> (дата обращения 12.09.2020).
4. Светлый хайп [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://newradio.ru/air/programs/svetlyj-hajp> (дата обращения 12.09.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Р. Ю. Средства объединения аудитории в политическом медийном дискурсе / Р. Ю. Анисимов, О. С. Кудимова // Казанская наука. — 2019. — № 1. — С. 7—9.
2. Аннушкин В. И. История русской риторики / В. И. Аннушкин. — Москва : Флинта, 2016. — 416 с. — ISBN 978-5-89349-244-6.
3. Аристотель Риторика. Не убеждать, но в каждом отдельном случае находить способы убеждения / Аристотель ; перевод М. Платоновой. — Москва : Эксмо Пресс, 2015. — 256 с. — ISBN 978-5-699-82974-3.
4. Аудитория социальных сетей в России 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://popsters.ru/blog/post/auditoriya-socsetey-v-rossii> (дата обращения 10.09.2020).
5. Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики / Н. А. Безменова. — Москва : Наука, 1991. — 158 с.
6. Богданова А. А. Типология молодежных СМИ. Современное состояние молодежных СМИ / А. А. Богданова // Скориновские чтения 2016 : книга как феномен культуры, искусства, технологии : материалы II Международного форума, 6—7 сентября 2016 г. / Белорусский государственный технологический университет. — Минск : БГТУ, 2016. — С. 98—101.
7. Даниэль М. А. Является ли инклюзив местоимением первого лица? (терминологический экскурс в типологической перспективе) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/articles/daniel/Daniel%20Inclusive.pdf> (дата обращения 10.09.2020).
8. Джохадзе Д. В. Диалектика Аристотеля / Д. В. Джохадзе. — Москва : Наука, 1971. — 264 с.
9. Зубов В. П. К истории русского ораторского искусства конца XVII — первой половины XVIII в. (русская люллианская литература и ее назначение) / В. П. Зубов // Труды отдела древнерусской литературы. — Москва—Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1960. — Т. 16. — С. 288—303.
10. Пастернак Е. Л. «Риторика» Бернара Лами в истории французской филологии / Е. Л. Пастернак. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 328 с. ISBN 5-94457-069-5.
11. Сулова О. В. Молодежные издания в современной России / О. В. Сулова. — Москва : Норма, 2018. — 316 с.
12. Шуйская Ю. В. Динамика риторической диспозиции от античности до наших дней / Ю. В. Шуйская // Культура и цивилизация. — 2017. — № 1. — С. 301—309.
13. Armstrong C. L. Hazy habits : What kinds of news do young people want? [Electronic resource] / C. L. Armstrong, M. J. McAdams, J. Cain. — Access mode : <http://swecjmc.wp.txstate.edu/files/2016/04/Armstrong.pdf> (accessed 10.09.2020).

14. *Baume M.* 10 Ways to Attract Younger News Consumers / M. Baume [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.poynter.org/reporting-editing/2010/10-ways-to-attract-younger-news-consumers/> (accessed 10.09.2020).
15. *Clarke M. L.* Rhetoric at Rome. A Historical Survey / M. L. Clarke. — London : Cohen & West ltd. The University Press, Glasgow, 1953. — 213 p.
16. *Cossutta F.* Gli Umanisti e la Retorica / F. Cossutta. — Roma : Università degli studi di Trieste, facoltà di lettere e filosofia, a, Edizioni dell'ateneo, 1984. — 230 p.
17. *Harris L. B.* How young adults define 'news' : 7 good questions with Data & Society's Mary Madden [Electronic resource] / L. B. Harris. — Access mode : <https://www.americanpressinstitute.org/publications/good-questions/young-adults-news-mary-madden/> (accessed 12.09.2020).
18. *Murphy Z.* Beyond 800 Words : What User Testing Taught Me About Writing News for Young People [Electronic resource] / Z. Murphy. — Access mode : <https://www.bbc.co.uk/rd/blog/2018-12-news-user-testing-young-people> (accessed 12.09.2020).
19. *Perelman Ch.* The New Rhetoric. A Treatise On Argumentation / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. — Translated by John Wilkinson & Purcell Weaver, Center for the Study of Democratic Institution. — London : Notre Dame Press, 1958. — 508 p.
20. *Poyntz S. R.* Youth and Media Culture [Electronic resource] / S. R. Poyntz, J. Pedri. — 2018. — 24 January. — Access mode : <http://oxfordre.com/education/view/10.1093/acrefore/9780190264093.001.0001/acrefore-9780190264093-e-75> (accessed 10.09.2020).
21. *Quintilian M. F.* Institutio Oratoria [Electronic resource] / M. F. Quintilian. — Access mode : http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Quintilian/Institutio_Oratoria/home.html (accessed 12.09.2020).
22. *Rosenstiel T.* Breaking Down The Millennial Generation : A Typology Of Young News Consumers [Electronic resource] / T. Rosenstiel, J. Sonderman, K. Loker, L. Worthington, E. Swanson, D. Sterett, J. Benz, T. Tompson. — Access mode : <http://www.mediainsight.org/PDFs/Typology/MillennialTypologyFinal.pdf> (accessed 12.09.2020).

IMPLICATION TECHNIQUES FOR CONSTRUCTING TEXTS OF MODERN YOUTH MEDIA THROUGH THE PRISM OF RHETORICAL TRADITION

© **Olga V. Murzina (2020)**, <https://orcid.org/0000-0001-9134-5570>, PhD in Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Journalism and Television Technologies, The Kosygin State University of Russia (Moscow, Russia), 210978@list.ru.

The principles of text construction and influence on the youth audience of modern mass media are considered on the example of the radio station "New Radio". The question is raised about the relevance of the use in the modern virtual space of the classical technology of text generation, based on Greco-Roman rhetoric. The results of a comparative analysis of the technology of generating a text in the periods of antiquity and the revival of this technology in the "new rhetoric" of the second half of the twentieth century is presented in the article. The relevance of the study is due to the observed diversification of the media, which is becoming more prominent in youth media: the distribution of content on social networks allows each media to become more specialized and coordinate content with the needs of the target audience. The novelty of the research is seen in the fact that the author considers the content of modern media as a corpus of entimematic argumentation, which allows one to deduce the large premises of the syllogism eliminated into implication. The novelty of the research is in the fact that the author considers the content of modern media as a corpus of entimematic argumentation, which allows one to deduce the large premises of the syllogism eliminated into implication. Particular attention is paid to the axiology of a set of enthymemes that the target audience can potentially restore.

Key words: mass media; social networks; the target audience; new rhetoric; topoi.

MATERIAL RESOURCES

- Nashe radio* [Our radio]. Available at: <https://www.nashe.ru/> (accessed 10.09.2020). (In Russ.).
- Nashe radio Perm'* [Nashe radio Perm]. Available at: https://vk.com/nashe_perm (accessed 10.09.2020). (In Russ.).
- Novoye radio* [New radio]. Available at: <https://newradio.ru/radio-station/about> (accessed 12.09.2020). (In Russ.).
- Svetlyy khayp* [Light HYIP]. Available at: <https://newradio.ru/air/programs/svetlyj-hajp> (accessed 12.09.2020). (In Russ.).

REFERENCES

- Anisimov, R. Yu., Kudimova, O. S. (2019). Sredstva obedineniya auditorii v politicheskom mediy-nom diskurse [Means of uniting the audience in political media discourse]. *Kazanskaya nauka* [Kazan science], 1: 7—9. (In Russ.).
- Annushkin, V. I. (2016). *Istoriya russkoy ritoriki* [History of Russian rhetoric]. Moskva: Flinta. 416 p. ISBN 978-5-89349-244-6. (In Russ.).
- Aristotel'. (2015). *Ritorika. Ne ubezhdai', no v kazhdom otdelnom sluchaye nakhodit' sposoby ubezhdeniya* [Rhetoric. Not to convince, but in each individual case to find ways to convince]. Moskva: Eksmo Press. 256 p. ISBN 978-5-699-82974-3. (In Russ.).
- Armstrong, C. L., McAdams, M. J., Cain, J. *Hazy habits: What kinds of news do young people want?* Available at: <http://swecjmc.wp.txstate.edu/files/2016/04/Armstrong.pdf> (accessed 10.09.2020).
- Auditoriya sotsialnykh setey v Rossii 2019* [Audience of social networks in Russia 2019]. Available at: <https://popsters.ru/blog/post/auditoriya-socsetey-v-rossii> (accessed 10.09.2020). (In Russ.).
- Baume, M. *10 Ways to Attract Younger News Consumers*. Available at: <https://www.poynter.org/reporting-editing/2010/10-ways-to-attract-younger-news-consumers/> (accessed 10.09.2020).
- Bezmenova, N. A. (1991). *Ocherki po teorii i istorii ritoriki* [Essays on the theory and history of rhetoric]. Moskva: Nauka. 158 p. (In Russ.).
- Bogdanova, A. A. (2016). Tipologiya molodezhnykh SMI. Sovremennoye sostoyaniye molodezhnykh SMI [Typology of youth media. Current state of youth media]. In: *Skorinovskiy chteniya 2016: kniga kak fenomen kultury, iskusstva, tekhnologii: materialy II Mezhdunarodnogo foruma, 6—7 sentyabrya 2016 g* [Skarinovsky readings 2016: book as a phenomenon of culture, art, technology: materials of the II International forum, September 6—7, 2016]. Minsk: BGTU. 98—101. (In Russ.).
- Clarke, M. L. (1953). *Rhetoric at Rome. A Historical Survey*. London: Cohen & West Ltd. The University Press, Glasgow. 213 p.
- Cossutta, F. (1984). *Gli Umanisti e la Retorica*. Roma: Università degli studi di Trieste, facoltà di lettere e filosofia. a, Edizioni dell'ateneo. 230 p. (In Ital).
- Daniel', M. A. *Yavlyaetsya li inklyuziv mestoimeniem pervogo litsa? (terminologicheskoy ekskurs v tipologicheskoy perspektive)* [Is an inclusive first-person pronoun? (terminological digression in typological perspective)]. Available at: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/articles/daniel/Daniel%20Inclusive.pdf> (accessed 10.09.2020). (In Russ.).
- Dzhokhadze, D. V. (1971). *Dialektika Aristotelya* [Dialectics Of Aristotle]. Moskva: Nauka. 264 p. (In Russ.).
- Harris, L. B. *How young adults define 'news': 7 good questions with Data & Society's Mary Madden*. Available at: <https://www.americanpressinstitute.org/publications/good-questions/young-adults-news-mary-madden/> (accessed 12.09.2020).

- Murphy, Z. *Beyond 800 Words: What User Testing Taught Me About Writing News for Young People*. Available at: <https://www.bbc.co.uk/rd/blog/2018-12-news-user-testing-young-people> (accessed 10.09.2020).
- Pasternak, E. L. (2002). «Ritorika» Bernara Lami v istorii frantsuzskoy filologii [“Rhetoric” of Bernard Lamy in the history of French Philology]. Moskva: Yazyki slavyanskoj kultury. 328 p. ISBN 5-94457-069-5. (In Russ.).
- Perelman, Ch., Olbrechts-Tyteca, L. (1958). *The New Rhetoric. A Treatise On Argumentation*. London: Notre Dame Press. 508 p.
- Poyntz, S. R., Pedri, J. (2018). *Youth and Media Culture*. Available at: <http://oxfordre.com/education/view/10.1093/acrefore/9780190264093.001.0001/acrefore-9780190264093-e-75> (accessed 10.09.2020).
- Quintilian, M. F. *Institutio Oratoria*. Available at: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Quintilian/Institutio_Oratoria/home.html (accessed 12.09.2020).
- Rosenstiel, T., Sonderman, J., Loker, K., Worthington, L., Swanson, E., Sterett, D., Benz, J., Tompson, T. *Breaking Down The Millenial Generation: A Typology Of Young News Consumers*. Available at: <http://www.mediainsight.org/PDFs/Typology/MillennialTypologyFinal.pdf> (accessed 12.09.2020).
- Shuyskaya, Yu. V. (2017). Dinamika ritoricheskoy dispozitsii ot antichnosti do nashikh dney [Dynamics of rhetorical disposition from antiquity to the present day]. *Kultura i tsivilizatsiya* [Culture and civilization], 1: 301—309. (In Russ.).
- Suslova, O. V. (2018). *Molodezhnyye izdaniya v sovremennoy Rossii* [Youth publications in modern Russia]. Moskva: Norma. 316 p. (In Russ.).
- Zubov, V. P. (1960). K istorii russkogo oratorskogo iskusstva kontsa XVII — pervoy poloviny XVIII v. (russkaya lyullianskaya literatura i yeye naznacheniyе) [On the history of Russian oratory of the late XVII — first half of the XVIII century. (Russian lullian literature and its purpose)]. In: *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of old Russian literature], 16: Moskva—Leningrad: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR. 288—303. (In Russ.).

Терских М. В. Информация на упаковке как поликодовый рекламный текст : инструменты воздействия / М. В. Терских // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 111—121. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-111-121.

Terskih, M. V. (2020). Packaging Information as a Polycode Advertising Text: Impact Tools. *Nauchnyi dialog*, 12: 111-121. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-111-121. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42:659.157.94

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-111-121

ИНФОРМАЦИЯ НА УПАКОВКЕ КАК ПОЛИКОДОВЫЙ РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ: ИНСТРУМЕНТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ

© Терских Марина Викторовна (2020), orcid.org/0000-0003-0127-6917, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского» (Омск, Россия), terskih@mail.ru.

Статья посвящена анализу рекламных поликодовых текстов, размещенных на упаковке продуктов питания. Актуальность исследования определяется тем, что в настоящее время, когда решение о покупке зачастую принимается непосредственно на месте продажи, роль информации на упаковке многократно возросла. Этот факт обуславливает необходимость анализа современных технологий воздействия и манипулирования, актуальных для данного типа дискурса. Автор рассматривает текст на упаковке как целостное в коммуникативном и структурном плане сообщение, состоящее из семиотически неоднородных элементов, характеризующееся высокой прагматической и экспрессивной насыщенностью, направленное на стимулирование потребителей совершить покупку того или иного товара. Предлагается типология функций, которые выполняет информация на упаковке. Рассматриваются основные поликодовые средства, обеспечивающие эффективную реализацию данных функций. В качестве наиболее частотных поликодовых приемов, используемых в тексте на упаковке продуктов питания, автор выделяет следующие: акцент на уникальном компоненте в составе, категоризация целевой аудитории по определенным критериям, использование средств выразительности, в том числе провокативной метафоризации, апелляция к авторитетному мнению, использование стилистической визуализации, технологии нарратива и сторителлинга и др.

Ключевые слова: рекламный текст; информация на упаковке; поликодовый текст; речевое воздействие; речевое манипулирование; провокативная реклама.

1. Введение

В настоящее время упаковка, являясь сложной вербально-визуальной системой, компоненты которой частично или полностью участвуют в создании имиджа торговой марки и контакта с покупателями, предстает как эффективный рекламодатель. Одна из функций упаковки всегда состояла в том, чтобы быть инструментом передачи рекламной информации, однако сейчас, когда решение о покупке зачастую принимается непосредственно на месте продажи, роль информации на упаковке продукта многократно возросла.

В данной статье информация на упаковке товаров будет рассматриваться как *поликодовый рекламный текст*. В первую очередь постараемся аргументировать, что информацию на упаковке целесообразно относить к рекламному тексту. С одной стороны, как текст любого типа, информация на упаковке характеризуется

связностью, цельностью, определенной композиционной структурой; с другой — имеет признаки рекламного сообщения. В широком смысле рекламный текст «обладает обязательной информационной составляющей (эксплицитной или имплицитной), включающей ключевые данные о типе продукта и возможности его приобретения или реализации [Гаспарян, 2017, с. 32]. С точки зрения Л.Г. Фещенко, рекламный текст представляет собой «коммуникативную единицу, функционирующую в сфере маркетинговой коммуникации для неличного оплаченного продвижения товара, услуги, лица или субъекта, идеи, социальной ценности, имеющую в структуре формальный признак — сигнализирование о характере информации, обязательное по закону о рекламе, один или несколько компонентов бренда и / или рекламные реквизиты и отличающуюся равной значимостью вербально и невербально выраженного смысла» [Фещенко, 2003, с. 27].

2. Информация на упаковке как рекламный текст

Если обобщить подходы к рекламному тексту как феномену, обладающему не только всеми признаками текста как такового, но и рядом отличительных особенностей [Фещенко, 2003; Куликова, 2008; Морозов, 2009; Пядышева, 2016 и др.], можно отметить, что специфику рекламного текста можно охарактеризовать согласно таким критериям, как (1) сфера функционирования; (2) интенция адресанта; (3) определенный выбор языковых средств; (4) поликодовый характер сообщения (вербалика, графика, звуковое сопровождение и т. п.).

Как и рекламный текст в целом, информация на упаковке функционирует в сфере маркетинговой коммуникации, ориентирована на получение коммерческой выгоды и установление долгосрочных коммерческих отношений с потребителем, базируется на определенном наборе вербальных и визуальных средств воздействия и манипулирования.

Если говорить о современном научном контексте, связанном с анализом информации на упаковке, то можно выделить ряд научных работ, рассматривающих как визуальные, так и вербальные компоненты, размещенные на упаковке и влияющие на намерения покупателей [Agariya et al., 2012; Javed et. al., 2015; Mutsikiwa et al., 2013; Sundar et al., 2014; Product ..., 2020; Колышкина и др., 2013], однако отметим, что работ обобщающего характера, выполненных на современном материале, пока нет.

Текст на упаковке, таким образом, предстает как целостное в коммуникативном и структурном плане сообщение, состоящее из семиотически неоднородных элементов, характеризующееся высокой прагматической и экспрессивной насыщенностью, направленное на стимулирование потребителей совершить покупку того или иного товара.

Материалом для исследования послужили более 200 поликодовых текстов, размещенных на упаковке продуктов питания (2019—2020 годы).

3. Поликодовые инструменты воздействия в тексте на упаковке

С точки зрения восприятия текст на упаковке вызывает больше доверия, чем собственно рекламные сообщения, поскольку воспринимается как информация

нейтрального характера. Это касается в первую очередь состава продукта, но именно акцент на уникальном ингредиенте становится наиболее распространенным манипулятивным ресурсом.

АКЦЕНТ НА УНИКАЛЬНОМ КОМПОНЕНТЕ В СОСТАВЕ

Уникальный компонент в составе какой-либо продукции — чаще всего натуральный, реже созданный синтетическим путем ингредиент или целый комплекс, добавляемый для улучшения качества продукта или его полезных свойств, оказывающих благотворное влияние на организм потребителя после употребления «усовершенствованного» таким образом продукта.

Применение «химических» понятий является абсолютно мотивированным в текстах на упаковках; кроме того, частотны нарративы, сообщающие о лечебных свойствах и клиническом тестировании продукта.

Так, в рекламе компании «Nestle» сообщается, что в какао-напиток добавлен «opti-start»; как утверждает сам производитель, это особый витаминно-минеральный комплекс, который обеспечивает организмы как детей, так и взрослых жизненно важными макро- и микроэлементами. Помимо этого, важную роль в продвижении сыграла яркая упаковка, которая притягивала внимание проходящих мимо прилавков покупателей.

Позиционирование кисломолочной продукции в настоящее время часто строится именно на идее присутствия в составе продукта какого-то специфического компонента, укрепляющего иммунитет, улучшающего пищеварение и т. п. Так, заявлено, что напиток «Actimel» содержит пробиотик *L.casei immuniss*, а йогурт «Активиа» — бифидобактерии *Actiregularis*. В составе фруктового йогурта «Источник здоровья» присутствует «лактозуза», о свойствах и пользе которой большинству населения, скорее всего, не известно, однако, добавив в текст фразу «для здоровья», рекламист формирует в сознании потребителей ассоциативную цепочку «лактозуза = здоровье». Иногда же, наоборот, акцентируется отсутствие какого-либо компонента, оказывающего вредное влияние; так, подчеркивается, что в ромашковом чае Alokzozaу отсутствует «кофеин».

Нередко уникальным компонент становится в том случае, если рекламист прибегает к медицинской терминологии, мало понятной значительной части потребительской аудитории. Так, на полках магазинов мы встречаем товары с пометкой «протеин», «протеиновый», «еще больше протеина» и т. д. Термин *протеин* принадлежит к медицинской терминологии и обозначает в целом хорошо известный потребителю белок.

На упаковках детского питания также принято писать о присутствии в составе натуральных компонентов, например, на этикетке творога «Агуша» подчеркнуто, что продукт «помогает усваивать Са» и «содержит натуральный витамин К2».

На крышке мороженого «АйсКро» приклеена этикетка, на которой указано: «с L-карнитином». Вряд ли потребитель имеет представление о том, что так называется вещество, родственное витаминам группы В, однако любая отсылка к понятию «витамины» побуждает покупателя считать, что речь идет о полезных свойствах продукта.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ РЕЧЕВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

Средства речевой выразительности всегда в арсенале авторов рекламных сообщений любого типа [Амири, 2014; Куликова, 2018], поэтому и информация на упаковке изобилует тропами и стилистическими фигурами. Примеров использования эпитетов, сравнений, синтаксического параллелизма и т. п. можно привести большое количество, но остановимся на метафоризации как инструменте создания провокативного контента.

Метафора, независимо от того, реализована она вербально или визуально, представляет собой один из самых распространенных инструментов имплицитного манипулирования общественным сознанием, она воздействует на подсознание аудитории, скрывая в себе призыв к каким-либо действиям — в нашем случае покупке товара.

Отдельно хотим отметить достаточно редкий для информации на упаковке прием *провокативной метафоризации*, в основе которой лежит метафорический перенос, ориентированный на привлечение повышенного внимания к сообщению за счет раздражающего характера вербальных и визуальных кодов, что проявляется в нарушении этических запретов на использование в публичной коммуникации бранной, обсценной лексики, обыгрывании сексуальной тематики, нарушении речевых табу на определенные темы, не обсуждаемые публично, и т. п. — то есть в нарушении норм общепринятой морали как на вербальном, так и на визуальном уровнях.

Примером провокативной метафоризации может служить информация на упаковке йогурта торговой марки «Versa», принадлежащей компании «Danone». Йогурт «Versa» позиционируется как первый «фудпорн бренд». В 2020 году компания «Яндекс» представила список наиболее популярных слов десятилетия, одним из которых стало слово *фудпорн* — обозначение кулинарного шедевра, способного вызвать самые яркие чувства и воспоминания у человека, пробующего блюдо [Мамина, 2020]. Такой маркетинговый ход позволил компании «Danone» создать таргетированный продукт, чье позиционирование соответствует современным трендам (на 2019 год в социальных сетях было размещено около 200 миллионов постов с хэштегом #foodporn), а сам товар за счет провокативного контента на упаковке стал привлекать внимание потребителей непосредственно на местах продаж. Провокативность обеспечивается двусмысленностью утверждений, размещенных на упаковке товара: «Я — Versa. Я — фудпорн. Я люблю пожестче» («Мои фрукты больше»; «Я за безумный микс»; «Я сочная и упругая» и т. п.); «Я — Versa. Моя сочность сводит с ума. Я натуральна. Я — фудпорн».

Анализ отзывов в сети Интернет подтверждает идею о том, что нестандартный, провокативный формат упаковки может стать стимулом для покупки: 1) «Начать стоит с того, что я не очень люблю йогурты. Но пройти мимо полки со стильными минималистичными черными баночками я не смогла. А чего стоят провокационные надписи на упаковке... Маркетологи, сегодня вы честно заработали свой хлеб»; 2) «Кокосовый и манго прям очень вкусные! Купила из-за упаковки, но в итоге очень понравилось»; 3) «Сходила, купила, попробовала — нормас. Упаковка

веселит»; 4) «Конечно, сразу же привлекает внимание упаковка, это полностью черные пластиковые стаканчики. Как правило, упаковки йогуртов белые, а тут наоборот, и это выглядит достаточно вызывающе. А ко всему прочему, производители решили «добить» покупателя и добавили вот такие слоганы...».

Категоризация целевой аудитории по определенным критериям

Один из способов привлечения внимания целевой аудитории к продукту — использование разного рода вербальных инструментов, обеспечивающих категоризацию потребительской аудитории по тому или иному критерию. Очевидно, что любой рекламный текст, в том числе размещенный на упаковке товара, ориентирован на определенную целевую аудиторию, в которую входит группа людей, объединенных одними характеристиками или намерениями.

Для покупателей, ориентированных на здоровый образ жизни и потребление полезных продуктов, компания «Danone» создала слоган «*Культура здорового питания*» и стала использовать его на йогуртах и твороге. Кроме того, был разработан хештег «*#МамаЯПоел*», апеллирующий к представлениям о том, что родители, особенно мама, всегда тревожатся о своих детях, их регулярном питании, и одновременно способствующий утверждению культуры отношения ребенка к родителям, поскольку он должен понимать тревогу родителей и заботиться о спокойствии мамы.

Компания «Мистраль» использует на упаковке своих продуктов фразу «*Источник белка без лишнего жира*». Бренд Mr. Ricco, чтобы сформировать отношение к своему майонезу как полезному продукту, использует слова «*organic*», «*100 % натуральный продукт*».

Упаковки разрабатываются с учетом возрастного фактора. Важным в дизайне упаковки детской продукции является использование изображения персонажей, созданных специально для товара либо «позаимствованных» из мультфильмов, уже любившихся младшему поколению.

Бренд «Erisa», создавая продукт для подрастающего поколения, разработал образ «мамы Ламы», и, так как малыши любят мультипликацию, персонаж им сразу понравился, что положительно отразилось на продажах. На упаковке бренда «Растишка» уже достаточно длительное время используются изображения известных детям героев сериала «Щенячий патруль». Создатель продукции «Chiriso» сделал «своим персонажем» Губку Боба, известного населению не один десяток лет. Для рекламного продвижения коктейля «Френдики» компания-изготовитель выбрала троллей из одноименного мультфильма.

Данный прием работает и применительно к взрослым покупателям. Так, бренд «Actimel» разместил на своих бутылочках героев космической саги «Звездные войны», что повлекло за собой увеличение продаж: фанаты фильма увлечены различной атрибутикой, связанной с этим творением кинематографа.

Апелляция к авторитетному мнению

Амбассадоры — это так называемые «послы» бренда, которые нанимаются компанией, чтобы повысить доверие к торговой марке, сформировать определенное представление о ней, повысить узнаваемость товаров, обеспечить рост продаж.

Весной 2020 года бренд «Lay's» в очередной раз провел акцию «Футбол вкуснее с Lay's», в которой в качестве авторитетных личностей были задействованы футболисты с мировым именем (Лионель Месси, Поль Погба), информация об этой акции была представлена на упаковке чипсов. Эти же футболисты являются амбассадорами напитка Pepsi, и в апреле 2020 года на полках магазинов появились стилизованные баночки с их портретами.

Российские бренды также активно применяют данный инструмент продвижения для своих товаров. Весной 2020 года компания «Мистраль» проводила акцию, в которой был задействован актер Игорь Верник. Довольно активным амбассадором в сфере продуктов питания является актриса и телеведущая Юлия Высоцкая: она представляет товары от компаний «Ого!» и «Сибирский гурман».

Футболисты нашей сборной также являются амбассадорами таких известных продуктовых брендов, как «Alpen Gold», «Tuc», «Halls», «Dirob».

Использование стилистической визуализации

Если рассматривать текст в максимально широком семиотическом значении, то к визуальным инструментам привлечения внимания к упаковке и формирования определенного отношения к предлагаемому продукту можно отнести и стилистическую визуализацию — создание упаковки в виде представленного в ней продукта либо в виде предметов, относящихся к тематике, с которой необходимо ассоциировать данный товар.

К этому инструменту обращаются преимущественно при изготовлении упаковок для шоколада, подарочных наборов конфет, а также напитков.

Примером такого рода является продукция «Коркунов»: коробки конфет представлены в виде звезд, сердец, шкатулок и т. д. Изготовитель шоколада «Детский+1» представил свой продукт в форме шкатулки, которая хранит в себе шоколадные кубики, «содержащие силу, ум, ловкость, здоровье» и т. д.

Бренд «Hochland» выпускает творожный сыр «Almette» в баночках в виде кадучек, в которых хранились молочные продукты в старые времена. Молочный завод «Лужайкино» взял кувшин за основу дизайна тары для молока. Много лет назад изготовитель молочных продуктов «Danone» придумал оригинальную упаковку для своих йогуртов — бутылочку с силуэтом женского тела (грудь — талия — бедра) и таким образом ориентировал товар на аудиторию женщин, уделяющих внимание своей фигуре и здоровью.

Коллаборация, кобрендинг

Коллаборация (совместная работа) — коллективная деятельность в той или иной области двух или более людей или организаций, направленная на достижение единых задач. Кобрендинг дословно переводится как «объединение брендов» — действие, при котором в рекламном поле размещается сразу два или более бренда, связанных одной целью, а также оповещающих потребителей о специализированных программах и обоудовыгодных предложениях.

Ярким примером коллабораций в пищевой промышленности являются продукты крупных марок. Возможно, это связано с тем, что потребителей на постоянной основе нужно удивлять новыми сочетаниями, чтобы поддерживать интерес

к своей продукции. Крупным брендом, использующим этот инструмент продвижения, является «Milka», объединившая свои усилия по продвижению товаров с марками «Tus», «Lu», «Oreo» и т. д.

Компания «СибХолод», сотрудничая с представительством мультфильма «Тайная жизнь домашних животных 2», выпустила мороженое, на упаковке которого разместились герои данного мультипликационного фильма.

Примером коллаборации также может послужить эксклюзивная серия конфет «Вдохновение», разработанная совместно с популярным художником Никасом Сафроновым. Целевой аудиторией конфет в классических коробках являются в большей степени женщины, как получающие их в подарок, так и дарящие. Никас Сафронов пользуется определенной популярностью, что гарантирует интерес к новинке. Помимо этого, подобная упаковка увеличивает потребительскую ценность бренда благодаря сочетанию не только вкусового, но и эстетического удовольствия.

Амбассадор может рекламировать свой товар, или услугу, или творческий продукт, вступив в коллаборацию с производителями других товаров. Таким примером может служить продвижение Юлией Высоцкой ее кулинарного телешоу через размещение информации о нем на упаковке круп и смесей для приготовления «Ярмарка».

Интересным примером является коллаборация дизайнера Алены Ахмадулиной с брендом кофе «Moccona»: она разработала эксклюзивное дизайнерское решение для оформления стеклянной банки растворимого напитка — наклейку с цветочным принтом.

НАРРАТИВ, СТОРИТЕЛЛИНГ

Д. Шиффрин определила нарратив как «форму дискурса, через которую мы реконструируем и репрезентуем прошлый опыт для себя и для других» [Schiffirin, 2006, с. 321]. Сторителлинг — это передача информации через придуманную либо реально существующую историю.

Использование данных приемов помогает потребителю осознать, какой путь становления прошла компания, узнать, кем и в каких условиях создается продукт, сколько сил вкладывается в его производство.

Известный российский бренд кофе уже не первый год использует для продвижения рассказ о том, где и как изготавливается кофе «Черная Карта»: *«Зерна, из которых делается этот кофе, согреты золотыми лучами солнца, тщательно отобраны нашими экспертами и заботливо обжарены до благородного золотистого цвета. Наши кофейные эксперты гарантируют его классический сбалансированный вкус и насыщенный аромат. С этим кофе приятно насладиться минутой отдыха и помечтать о чем-то приятном!»*.

Изготовитель сока «Сады Придонья» рассказывает на упаковке своего продукта подобную историю: *«Мы — САДЫ ПРИДОНЬЯ. Производим продукты для детей и взрослых, используем фрукты и овощи, выращенные в наших хозяйствах. Мы сами выбираем сорта, выращиваем и перерабатываем фрукты и овощи, сохраняем их пользу в соках и гарантируем Качество из первых рук! Качество и происхождение сырья — это вкус продукта и его безопасность. Сады Придонья — это сок, который МЫ ВЫРАСТИЛИ!»*.

Аналогичного рода нарратив представлен на упаковке хлопьев «Любятово»: *«10 лет. Качество, подтвержденное временем. Самая лучшая проверка — это проверка временем. Поэтому мы так гордимся тем, что Вы доверяете **качеству** продуктов «Любятово» уже 10 лет, и считаем это нашим лучшим достижением! Мы вкладываем сердце в свои продукты и готовим их с той же заботой и вниманием, как делаете это вы для своей семьи. Для нас важна каждая мелочь, поскольку мы дорожим Вашим доверием. Мы контролируем качество продукции на каждом этапе производства. Мы бережно упаковываем и храним наш продукт, как это делают заботливые мамы».*

Приведем также содержание надписи на упаковке известного бренда по производству макаронных изделий «Barilla»: *«Мы предлагаем людям то, чем накормили бы своих детей». Пьетро Барилла, основатель компании, 1877 г. В ваших руках не просто упаковка пасты, это **история** четырех поколений семьи Барилла, воплощенная в **опыте** и **умении** изготовлять пасту высокого качества для Вас и Ваших близких».*

4. Выводы

В целом можно говорить о том, что функциональность вербально-визуально-го инструментария, используемого в текстах на упаковке, связана с актуализацией определенного набора когнитивных категорий, формированием в сознании потребительской аудитории необходимого видения продукта, попыткой обеспечить «отстройку» от конкурентных товаров. Регулярно реализуемым в текстах на упаковке продуктов питания можно считать гиперконцепт КАЧЕСТВО, реализуемый имплицитно и эксплицитно, вербально и визуально. Функциональная нагрузка текста современной упаковки в значительной степени определяется теми маркетинговыми задачами, которые решает ее разработчик. Выделим ключевые **функции** информации на упаковке:

— привлечение внимания к продукту (нестандартное оформление упаковки: стилистическая визуализация, коллаборация с известными художниками / дизайнерами и т. п., провокативный контент и др.);

— «отстройка» от товаров-конкурентов (наличие уникального компонента в составе продукта, категоризация целевой аудитории по тому или иному критерию и т. п.);

— формирование доверия к торговой марке и бренду-производителю (информация о проведенных исследованиях, соответствии необходимым стандартам, нарратив с целью подчеркнуть традиционность, высокое качество, индивидуальный подход изготовителя к каждому отдельно взятому продукту; свидетельства в пользу продукта от лица амбассадоров бренда и т. п.);

— стимулирование сбыта (специальные предложения, лимитированный выпуск продукта и др.), мотивация к совершению покупки.

Таким образом, информация, размещенная на упаковке, выступает инструментом рекламной коммуникации и направлена на создание позитивного имиджа продукта и его производителя, формирование мотивации к совершению покупки непосредственно на местах продаж.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амири Л. П.* Образные средства выразительности поэтического синтаксиса в игровом рекламном дискурсе / Л. П. Амири // Известия Саратовского университета. Серия, Филология. Журналистика. — 2014. — Том 14, Выпуск 4. — С. 16—22.
2. *Гаспарян О. Т.* Интенциональные стратегии современного рекламного дискурса : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / О. Т. Гаспарян. — Москва, 2017. — 154 с.
3. *Кольшикина Т. Б.* Рекламная информация в тексте на упаковке соков / Т. Б. Кольшикина, И. В. Шустина // Ярославский педагогический вестник. — 2013. — Том 1, № 4. — С. 207—211.
4. *Куликова Е. В.* Языковая специфика рекламного дискурса / Е. В. Куликова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2008. — № 4. — С. 197—205.
5. *Куликова О. Ф.* Лексические средства выразительности в рекламном тексте (на материале телевизионной рекламы) / О. Ф. Куликова // Эпоха науки. — 2018. — № 14. — С. 249—252.
6. *Мамина А.* Яндекс составил топ новых слов десятилетия [Электронный ресурс] / А. Мамина // Профиль. — 2020. — 6 июня. — Режим доступа : https://profile.ru/news/society/yandeks-sostavil-top-novyx-slov-desyatiletiya-331282/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 12.11.2020).
7. *Морозов Ю. А.* Функциональная специфика рекламного текста / Ю. А. Морозов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2009. — Том 11, № 4. — С. 232—237.
8. *Пядышева Т. Г.* Специфика рекламного текста как основной коммуникативной единицы маркетинговых коммуникаций / Т. Г. Пядышева // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. — 2016. — № 1. — С. 65—71.
9. *Фещенко Л. Г.* Структура рекламного текста / Л. Г. Фещенко. — Санкт-Петербург : Петербургский институт печати, 2003. — 232 с.
10. *Javed S. A.* The impact of product's packaging color on customers' buying preferences under time pressure / S. A. Javed, S. Javed // Marketing and Branding Research. — 2015. — № 2. — P. 4—14.
11. *Mutsikiwa M.* The impact of aesthetics package design elements on consumer purchase decisions: A case of locally produced dairy products / M. Mutsikiwa, J. Marumbwa // Journal of Business and Management. — 2013. — Volume 8, Issue 5. — P. 64—71.
12. *Product packaging: impact on customers' purchase intention* / S. F. Yeo, C. L. Tan, K. B. Lim, Y-H. Khoo // International Journal of Business and Society. — 2020. — № 21 (2). — P. 857—864.
13. *Schiffrin D.* In other words: Variation in reference and narrative [Electronic resource] / D. Schiffrin. — Cambridge, 2006. — Access mode : <https://www.cambridge.org/core/books/in-other-words/43B9E2F4D99018D9D8C4AFF6B18B8F4B#fndtn-references> (дата обращения: 12.11.2020).
14. *Sundar A.* Place the logo high or low? Using conceptual metaphors of power in packaging design / A. Sundar, T. J. Noseworthy // Journal of Marketing. — 2014. — № 78 (5). — P. 138—151.
15. *The role of packaging in brand communication* / A. K. Agariya, A. Johari, H. K. Sharma, U. N. Chandraul, D. Singh // International Journal of Scientific & Engineering Research. — 2012. — № 3 (2). — P. 1—13.

PACKAGING INFORMATION AS A POLYCODE ADVERTISING TEXT: IMPACT TOOLS

© Marina V. Terskikh (2020), orcid.org/0000-0003-0127-6917, PhD in Philology, associate professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Dostoevsky Omsk State University” (Omsk, Russia), terskih@mail.ru.

The article is devoted to the analysis of polycode advertising texts placed on food packaging. The relevance of the study is determined by the fact that at present, when the decision to purchase is often made directly at the point of sale, the role of information on the packaging has increased many times over. This fact makes it necessary to analyze modern technologies of influence and manipulation that are relevant for this type of discourse. The author considers the text on the packaging as a communicative and structural holistic message, consisting of semiotically heterogeneous elements, characterized by high pragmatic and expressive saturation, aimed at encouraging consumers to make a purchase of a particular product. A typology of functions performed by the information on the packaging is proposed. The main polycode tools that ensure the effective implementation of these functions are considered. As the most frequent polycode techniques used in the text on food packaging, the author identifies the following: an emphasis is made on a unique component in the composition, categorization of the target audience according to certain criteria, the use of means of expression, including provocative metaphorization, appeal to authoritative opinion, the use of stylistic visualization, technologies of narrative and storytelling, etc.

Key words: advertising text; information on the packaging; polycode text; speech impact; speech manipulation; provocative advertising.

REFERENCES

- Agariya, A. K., Johari, A., Sharma, H. K., Chandraul, U. N., Singh, D. (2012). The role of packaging in brand communication. *International Journal of Scientific & Engineering Research*, 3 (2): 1—13.
- Amiri, L. P. (2014). Obraznyye sredstva vyrazitelnosti poeticheskogo sintaksisa v igrovom reklamnom diskurse [Figurative means of expressiveness of poetic syntax in the game advertising discourse]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya, Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya Saratov University. Series, Philology. Journalism], 14/4: 16—22. (In Russ.).
- Feshchenko, L. G. (2003). *Struktura reklamno teksta* [The structure of advertising text]. Sankt-Peterburg: Peterburgskiy institut pechati. 232 p. (In Russ.).
- Gasparyan, O. T. (2017). *Intentsionalnyye strategii sovremennogo reklamno diskursa*. PhD Diss [Intentional strategies of modern advertising discourse. PhD Diss]. Moskva. 154 p. (In Russ.).
- Javed, S. A., Javed, S. (2015). The impact of product's packaging color on customers' buying preferences under time pressure. *Marketing and Branding Research*, 2: 4—14.
- Kolyshkina, T. B., Shustina, I. V. (2013). Reklamnaya informatsiya v tekste na upakovke sokov [Advertising information in the text on the packaging of juices]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 1/4: 207—211. (In Russ.).
- Kulikova, E. V. (2008). Yazykovaya spetsifika reklamno diskursa [Linguistic specificity of advertising discourse]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky], 4: 197—205. (In Russ.).
- Kulikova, O. F. (2018). Leksicheskiye sredstva vyrazitelnosti v reklamnom tekste (na materiale televizionnoy reklamy) [Lexical means of expressiveness in the advertising text (based on the material of television advertising)]. *Epokha nauki* [The Age of Science], 14: 249—252. (In Russ.).
- Mamina, A. (2020). Yandeks sostavil top novykh slov desyatiletiya [Yandex compiled the top new words of the decade]. *Profil* [Profile], 6 iyunya. Available at: https://profil.ru/news/society/yandeks-sostavil-top-novykh-slov-desyatiletiya-331282/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed: 12.11.2020). (In Russ.).
- Morozov, Yu. A. (2009). Funktsionalnaya spetsifika reklamno teksta [Functional specificity of advertising text]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*

- [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.], 11/4: 232—237. (In Russ.).
- Mutsikiwa, M., Marumbwa, J. (2013). The impact of aesthetics package design elements on consumer purchase decisions: A case of locally produced dairy products. *Journal of Business and Management*, 8/5: 64—71.
- Pyadysheva, T. G. (2016). Spetsifika reklamnogo teksta kak osnovnoy kommunikativnoy edinitsy marketingovykh kommunikatsiy [Specificity of advertising text as the main communicative unit of marketing communications]. *Almanakh teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy reklamy* [Almanac of theoretical and applied research of advertising], 1: 65—71. (In Russ.).
- Schiffrin, D. (2006). *In other words: Variation in reference and narrative*. Cambridge. Available at: <https://www.cambridge.org/core/books/in-other-words/43B9E2F4D99018D9D8C4AFF6B18B8F4B#fndtn-references> (accessed: 12.11.2020).
- Sundar, A., Noseworthy, T. J. (2014). Place the logo high or low? Using conceptual metaphors of power in packaging design. *Journal of Marketing*, 78 (5): 138—151.
- Yeo, S. F., Tan, C. L., Lim, K. B., Khoo, Y-H. (2020). Product packaging: impact on customers' purchase intention. *International Journal of Business and Society*, 21 (2): 857—864.

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА.
ФОЛЬКЛОРИСТИКА
LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE**

Артем Борисович Борунов, канд. филол. наук (Москва)
Виктория Юрьевна Лебедева, канд. филол. наук (Елец)
Екатерина Александровна Маркова, канд. филол. наук (Москва)
Елена Александровна Сафрон, канд. филол. наук (Петрозаводск)
Елена Владимировна Меркель, д-р филол. наук (Нерюнгри)
Елена Павловна Иванян, д-р филол. наук (Самара)
Елена Сергеевна Тулушева, преподаватель (Москва)
Заруи Геворковна Айрян, канд. филол. наук (Ереван, Республика Армения)
Кудряшов Игорь Васильевич, д-р филол. наук (Арзамас)
Сергей Николаевич Пяткин, д-р филол. наук (Арзамас)

Борунов А. Б. Сквозные образы как циклообразующие скрепы «фандоринского корпуса»: концепт правителя / А. Б. Борунов // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 123—132. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-123-132.

Borunov, A. B. (2020). Cross-Cutting Images as Cyclo-Forming Foundations of the “Fandorin Corps”: Concept of a Ruler. *Nauchnyi dialog*, 12: 123-132. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-123-132. (In Russ.).

УДК 821.161.1Акунин.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-123-132

СКВОЗНЫЕ ОБРАЗЫ КАК ЦИКЛООБРАЗУЮЩИЕ СКРЕПЫ «ФАНДОРИНСКОГО КОРПУСА»: КОНЦЕПТ ПРАВИТЕЛЯ

© **Борунов Артем Борисович (2020)**, orcid.org/0000-0003-2507-7218, кандидат филологических наук, преподаватель, кафедра методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Москва, Россия), borunov.artem@yandex.ru.

Рассматривается образ царя как сквозной циклообразующий в фандоринском корпусе Бориса Акунина. Представлены результаты сопоставительного анализа образов трех императоров, со временем правления которых хронологически совпадает активная деятельность Фандорина. Автор останавливается на сопоставлении образов императоров с образами царей в «Детской книге для мальчиков» и образами революционеров, будущих лидеров Советской России, в повести «Куда ж нам плыть?». Уделяется внимание подчеркиваемому несоответствию: выведенные в текстах правители отнюдь не царственны, их внешность и манеры описаны отталкивающе, применяются уничижительные сравнения. Поднимается вопрос о противопоставлении такой трактовки образа царя альтернативному варианту: значимому отсутствию царя как персонажа либо описанию человека, которому только суждено стать царем в будущем. Новизна исследования видится в том, что автор характеризует циклообразующие мотивы и их раскрытие в текстах об Эрасте Фандорине, привлекая не только образцы детективного жанра, но и тексты-спутники. Актуальность исследования обусловлена комплексным анализом обширного корпуса текстов и выделением сквозных архетипических образов.

Ключевые слова: Акунин; цикл; архетип; циклообразующие мотивы; образ царя; архетип правителя.

1. Введение

«Фандоринский корпус», к которому следует отнести совокупность прозаических, драматических и стихотворных произведений, написанных Б. Акуниным и посвященных Эрасту Фандорину, характеризуется рядом сквозных персонажей, действующих в большинстве текстов. При этом единственным «стопроцентно» сквозным персонажем является сам Фандорин, чья личность и является «точкой сборки» данного корпуса текстов. Начиная с романа «Смерть Ахиллеса» в фандоринском корпусе присутствует Масахиро Сибата — вассал и друг Эраста Петровича Фандорина.

Многочисленные исследования, посвященные специфике детективов об Эрасте Фандорине, как правило, затрагивают вопрос о постмодернистских связях текстов с другими детективами [Бобкова, 2010; Герейханова, 2017, с. 182—189], об общей стратегии взаимодействия текстов Акунина с текстами классической лите-

ратуры и его игре с читателем [Волкова, 2007; Головачева, 2016; Казачкова, 2015; Кирилленко, 2016; Снигирева и др., 2017].

По нашей гипотезе, к числу сквозных образов фандоринского корпуса можно отнести архетипический образ царя / правителя — главы государства. Хронологически фандоринский корпус охватывает период с 1876 года (время действия романа «Азазель») по 1925 год (время действия романа «Просто Маса») — то есть практически 50 лет. За этот период Россией правили Александр II (выведенный в романе «Турецкий гамбит»), Александр III (не изображаемый в фандоринском корпусе), Николай II (выведенный в романе «Коронация»), Ленин и Сталин (образы присутствуют в повести «Куда ж нам плыть?»).

Действие детективных романов «Смерть Ахиллеса» и «Статский советник», повестей «Пиковый валет», «Декоратор» и «Долина мечты» и рассказов «Сигумо», «Table-talk 1882 года», «Из жизни щепок», «Нефритовые четки», «Скарпея Баскаковых», «Одна десятая процента» и «Чаепитие в Бристоле» хронологически совпадает со временем правления Александра III (1881—1894). В соответствии с сюжетом указанных произведений, Фандорин пребывает, главным образом, в Москве до 1891 года («Статский советник»), и с царем не пересекается физически — он расследует дела об убийцах и мошенниках Москвы, а в повести «Декоратор» из-за появления в Москве Джека Потрошителя срывается высочайший визит — царь не приезжает в Москву. В 1891 году, по результатам расследования деятельности Боевой Группы, Фандорин оказывается в немилости и уезжает за границу, и действие «Чаепития в Бристоле» происходит в Великобритании, а «Долины мечты» — в США. Далее Фандорина привлекают к расследованию перед коронацией Николая II — в романе «Коронация». В связи с этим образ Александра III представляет скорее «значимое отсутствие» царя, коррелирующее с общим представлением архетипа правителя в фандоринском корпусе.

2. «Царь не настоящий»: образы Александра II и Николая II в текстах об Эрасте Фандорине

При постоянно упоминаемой в фандоринском корпусе близости Фандорина к правящим кругам и важности того, что он делает, для России, личная встреча с царем происходит в жизни Эраста Петровича всего дважды: это диалог с Александром II в «Турецком гамбите» и тесное общение с семьей Николая II в «Коронации». В «Турецком гамбите» царь показан глазами Варвары Суворовой, которая видит в нем отнюдь не царские черты:

Наблюдение первое: да он совсем старик! Набрякшие веки, бакенбарды и подкрученные усы с сильной проседью, пальцы узловатые, подагрические. Да ведь и то — в следующем году шестьдесят. Почти бабушкин ровесник.

Наблюдение второе: не такой добрый, как пишут в газетах. Скорее, равнодушный, усталый. Все на свете повидал, ничему не удивится, ничему особенно не обрадуется.

Наблюдение третье, самое интересное: несмотря на возраст и порфириность, равнодушен к женскому полу. А иначе зачем, ваше величество, по груди и

талии взглядом рыскать? Видно, правду говорят про него и княжну Долгорукову, которая вдвое моложе. И Варя окончательно перестала бояться Царя-Освободителя [Акунин, 2005, с. 266].

В кратком описании царя внимание привлекается к его «не-царственным» чертам: глазами Варвары описан похотливый старик, не вызывающий в ней ни трепета, ни уважения. Упомянуто о его морганатическом браке и слабом здоровье, что также воссоздает образ не самодержца, а человека.

В «Коронации» Николай II выглядит еще менее царственным, чем его дед в «Турецком гамбите»: постоянно упоминается о неуважении к нему со стороны дядей — братьев Александра III, непочтительно и грубо разговаривающих с племянником, несмотря на то, что последний является императором. В конце романа рассказчик Афанасий Зюкин, испытывающий трепет перед царской семьей и уважающий каждого ее представителя, тем не менее, думает о следующем: *Рядом с высокими, осанистыми дядьями его величество смотрелся совсем неимпозантно, словно шотландский пони среди чистокровных скакунов. Поистине неисповедим промысел Божий, подумал я. Из всех Романовых Господь зачем-то избрал именно этого, чтобы возложить на его некрепкие плечи тяжкое бремя ответственности за судьбу монархии* [Акунин, 2006, с. 439]. В сюжете романа постоянно акцентируется не только слабость и нерешительность Николая II как правителя, но и многочисленные его ошибки во взаимодействии с народом: так, Афанасий Зюкин отрицательно оценивает реакцию царя на Ходынскую катастрофу, подробно распространяется о его взаимодействии со Снежной — балериной, в которую Николай был влюблен, и пр. Иными словами, обе встречи с императорами, описанные в фандоринском корпусе, формируют впечатление об императоре как о очень подходящем для роли правителя человеке.

Интересно в этом контексте значимое отсутствие в фандоринском корпусе Александра III — императора, который, по суждению И. В. Зимина [Зимин, 2016], как раз производил наиболее величественное впечатление из всех описываемых в фандоринском корпусе — крупный, рослый, физически чрезвычайно сильный Александр III вряд ли мог произвести на собеседника впечатление «недо-царя».

Следует отметить, что Ленин и Сталин, эпизодически выведенные в повести «Куда ж нам плыть?», также не производят впечатление сильных лидеров: Фандорин застаёт их в дешёвом кабаке в Кракове в момент празднования Нового года, описаны их насмешки и пошловатые шутки:

— Ну его к чегту, ваш двенадцатый. Год был говёный, на гадость бугжуáзии. Лично я символически пойду пговожу его в отхожем месте.

— Володя! — укоризненно воскликнула одутловатая дама, но остальные расхохотались, а Володя, он же Ильич (Владимир Ильич?) с шутовской раскачкой направился в сторону коридора [Акунин, 2006, с. 408].

Сталин, названный в тексте по имени, практически не описан, однако к нему и к Ленину Фандорин обращается на правах лидера, угрожая сдать их полиции. Иными словами, в тексте выведены все лидеры государства за более чем 50 лет, однако лишь тот один из них, который, по свидетельству современников, обладал

и твердым характером, и внушительным видом, тщательно обойден вниманием автора — а с ним и читателей.

Вероятно, этому есть несколько причин. Во-первых, архетипический образ частного детектива, сыщика, наследующий образам Шерлока Холмса, Эркюля Пуаро, мисс Марпл [Алексеев, 2017] и прочим, предполагает некоторую противопоставленность официальным властям, в частности полиции. В текстах Акунина подчеркивается неразрывная связанность стражей порядка с властью, их постоянная оглядка на своих начальников, все выше и выше, вплоть до самого Императора, который если и не появляется лично, то незримо присутствует. Расследования Фандорина, хотя и призваны охранить власть и всю Россию от страшных преступлений, в то же время подразумевают, что истинным лидером, спасителем и избавителем от зла является не помазанник Божий, а сам Эраст Петрович.

Во-вторых, тексты фандоринского корпуса глубоко связаны с российской историей и отличаются тщательной проработкой исторического фона. Концепт «ненастоящего царя» глубоко укоренен в сознании русского человека: из-за этого возникают и многочисленные цари-самозванцы, и слухи о подмене наследника. Парадоксальным образом наиболее жесткой и властной манерой правления отличались именно те самодержцы, которые в принципе не должны были оказаться на престоле — Николай I (чей легендарный «взгляд василиска» упоминается практически во всех текстах Акунина, где фигурирует образ императора) стал императором после отречения старшего брата Константина, Александр III первоначально не был предполагаемым наследником престола, и лишь после трагической ранней смерти его старшего брата Николая Александровича стал основным претендентом на престол.

Для углубления образа «ненастоящего царя» целесообразным представляется обратиться к «спутнику» фандоринского корпуса — книге «Детская книга для мальчиков», главный герой которой, правнук и тезка Эраста Фандорина, используя путешествия во времени, оказывается в 1605 году, знаковым для российской истории: это год гибели Бориса Годунова и воцарения Лжедмитрия.

3. Образ царя в «Детской книге для мальчиков» как углубление концепта правителя в фандоринском корпусе

По сюжету «Детской книги для мальчиков», Эраст Фандорин-младший (Ластик) оказывается в начале XVII столетия, и его глазами показаны три человека, каждый из которых был царем: это Борис Годунов, Лжедмитрий I и Василий Шуйский. В книге показан период от момента смерти Годунова до смерти Лжедмитрия — о том, что Шуйский станет царем, Ластик узнает из взятого им с собой электронного справочника — унибука.

Борис Годунов описан так: *низенький, животастый, лоб в глубоченных морщинах, лицо опухшее, заплывшие глазки так и шныряют туда-сюда, а мясистые, унизанные перстнями пальцы, что сжимают посох, все время шевелятся, будто червяки* [Акунин, 2020, с. 234]. Увидев Ластика, которого выдают за нетленного царевича Дмитрия, Годунов рыдает и молится, а когда притворившийся мертвым мальчик хихаёт и тем самым выдает себя, Годунов от потрясения умирает на месте,

передавая власть Ластик: «Пусть правит чудесно воскресшее дитя и пусть рассеются враги Русской земли!» [Акунин, 2020, с. 244]. То есть, если следовать воле умирающего Годунова (который и сам узурпировал власть, не имея на нее законного права), далее на протяжении всех событий, происходящих в 1605—1606 годах, истинным царем является правнук Фандорина (что коррелирует с образом Фандорина-старшего как спасителя державы — не случайно его верный вассал Масахино постоянно подчеркивает, что господин спасает Россию).

Лжедмитрий же, в котором Ластик также не обнаруживает ничего царственного (*ничего особенно царственного в облике Дмитрия не было, скорее наоборот. Вместо величавости — быстрые, ловкие движения, свободная, даже небрежная манера держаться* [Акунин, 2020, с. 299]), оказывается и вовсе таким же путешественником во времени, случайно провалившимся в так называемую хронодыру. Лжедмитрий, по версии «Детской книги», — это пионер Юрий Отрепьев, ученик 5 класса, попавший в XVI столетие из 1967 года и уже в прошлом повзрослевший и возмужавший (в ходе разговора с Ластиком Отрепьев сообщает, что попал в 1592 год и тринадцать лет рос, приняв монашество, поддержал легенду о том, что он — пропавший и чудом спасшийся сын Ивана Грозного).

Лжедмитрий описан как живой, веселый и озорной юноша, с пытливым умом, интересующийся изобретениями, увлекающийся техническими новинками и стремящийся преобразовать средневековую Русь в прогрессивное государство. Это роднит его с другими «ненастоящими царями» фандоринского корпуса — Освободителем Александром II, автором Манифеста 17 октября 1905 Николаем II.

Лжедмитрий оказывается неравнодушен и к женщинам (что подчеркивается также в образах Александра II и Николая II) — его безумная любовь к Марине Мнишек в итоге усыпляет его бдительность, и в результате заговора он погибает, а Ластик успевает в последний момент прыгнуть в хронодыру, ведущую в будущее, и не застает момента, когда царем после Лжедмитрия становится Василий Шуйский. При этом Шуйский подробно описан в книге — именно к нему привозят найденного на кладбище Ластика, и в нем как раз подчеркиваются «традиционно царские» черты — величавость, медлительность, степенность:

В кресле сидел дядька с длиннющей, наполовину седой бородой. Голова у него была прикрыта облегающей черной шапочкой, вытирающее брюхо высоко, под самой грудью, перехвачено широким парчовым поясом. Прочие детали одежды Ластик толком не разглядел — так его поразило лицо князя.

Левая бровь была опущена совсем низко, так что под ней сгустилась тень, а глаза не было вовсе, зато широко раскрытый правый блестел и посверкивал, будто зажженная лампочка. ... Но здесь князь опустил правую бровь, и глаз потух. Зато открылся левый. Правда, не сверкал, а был тускл и темен.

Выходит, оба глаза на месте?! [Акунин, 2020, с. 217].

В описании Н. М. Карамзина Василий Шуйский аттестован как «несановитый»: *Шуйский славился однако же разумом мужа думного и сведениями книжными, столь удивительными для тогдашних суеверов, что его считали волхвом; с наружностью невыгодною (будучи роста малого, толст, несановит и лицом*

смугл; имея взор суровый, глаза красноватые и подслепые, рот широкий), даже с качествами вообще нелюбезными, с холодным сердцем и чрезмерною скупостию, умел, как Вельможа, снискать любовь граждан честною жизнью, ревностным наблюдением старых обычаев, доступностию, ласковым обхождением [Карамзин, 2015]. Парадоксальным образом из всех анализируемых персонажей-царей, именно он в фандоринском корпусе представлен как наиболее царственный — хотя формально царем становится уже за пределами хронологических рамок текста. Эраст Фандорин-младший с уважением отзывается о его уме и изворотливости, хотя и возмущен хитростями Василия Ивановича и его скверным характером. Любовь к Эрасту-младшему дочери Шуйского Соломонии (Соломки) также могла бы привести к воцарению Фандорина на русском престоле: Шуйский не имеет сыновей, и в дочери видит свою потенциальную наследницу.

4. Заключение

Образ царя, правителя, самодержца в «фандоринском корпусе» является противоречивым и двояким: существует две его части, своеобразные Ян и Инь, которые, как многократно отмечается в текстах, должны дополнять и уравновешивать друг друга.

С одной стороны, в текстах с учетом «Детской книги» выведены четыре человека, действительно в течение определенного периода возглавлявшие Русь и Россию — это Александр II, Николай II, Борис Годунов и Лжедмитрий. Все эти образы представлены как подчеркнута «не-царственные», описание их внешности физиологично (подчеркиваются похотливый взгляд, набрякшие веки, жирные пальцы, некрасивое лицо и пр.). В их образах отмечаются склонность к женщинам (у всех, кроме Бориса Годунова, который действует в «Детской книге» только в одном эпизоде), слабость, жалкость. За рамками текста остается тот факт, что все эти правители старались вести страну к прогрессу, вводили многочисленные послабления, старались улучшить жизнь народа. Все они при этом погибли насильственной смертью, и после их гибели к власти пришли более жестокие по сравнению с предшественниками люди: при Александре III началась реакция, правление Николая II сменилось военным коммунизмом и кровавым террором, а Василий Шуйский отменил все новшества, введенные Лжедмитрием).

Образ «царя явного, но нецарственного» оттенен его отражением, Инь — образом «царя неявного, но царственного». В этой функции в фандоринском корпусе фигурирует «значимое отсутствие» Александра III — при многочисленных упоминаниях о предстоящем визите Императора, его указах, отражении его воли и пр. — сам Император на страницах так и не появляется. Это, впрочем, никак не отменяет крепости и силы его власти: из разговоров между персонажами явствует, что Императора бояться, его воле беспрекословно подчиняются, что он действительно производит вполне царственное впечатление.

Попадая в Смутное время, Эраст Фандорин-младший оказывается в той эпохе, когда вопрос о настоящем / ненастоящем царе был особенно актуален: после смерти Ивана Грозного многочисленные претенденты на престол пытались оспорить право на власть. Одним из претендентов был Василий Шуйский, также относящийся к дина-

стии Рюриковичей, о чем упоминает в романе сам Шуйский: «А только знай, потомок достославного Рюрика: Васька Шуйский, тож Рюрикович, ради тебя не то что живота не пожалеет — готов душу свою продать» [Акунин, 2020, с. 304]. В пределах текста претендующий на престол Шуйский царем не становится: о его воцарении и последующем пленении становится известно из исторической справки, приведенной в романе. Однако именно в нем, формально не управляющем страной в хронологических пределах текста, подчеркивается и величавость, и степенность, и государственный ум.

В приведенных сопоставлениях, вероятнее всего, автором зашифровано своего рода послание к читателю, которое можно расшифровать приблизительно следующим образом: настоящего царя в России во «вселенной Фандорина» нет. Есть слабые и недостойные самодержцы, занимающие царский престол, но не способные управлять, а также есть цари, отличающиеся и царским достоинством, и царской статью, но не выведенные в качестве правителей на страницах текстов. Истинным лидером страны мог бы стать ее таинственный спаситель, расследовавший десятки громких дел, совмещающий в себе достоинство и привлекательную внешность со стремлением к прогрессу и техническим новинкам, — то есть Фандорин. Однако Фандорин предпочитает оставаться в тени, а его потомок Ластик дважды отказывается от престола — он не становится ни чудесно воскресшим царевичем Дмитрием, ни супругом дочери Шуйского, осуществляя такой же благородный отказ от власти и уход в тень, как его тезка и прадед.

В то же время в рамках текстов Акунина Фандорин не становится лидером и многократно отказывается от каких-либо почестей, наград и должностей, что также отражает глубинное понимание образа царя в русском сознании: как доказывают исследования зарождения и формирования образа царя [Цицинов и др., 2019, с. 166—167; Шуйская и др., 2015, с. 182—188], ключевым моментом для признания лидерства становится именно «богопомазанничество», данность власти Богом: существующий в народном сознании архетип «добротого царя и злых бояр» формирует архетип царя-Бога, борющегося со злом. При этом многократно в русской истории обострялся вопрос о законности престолонаследия и легитимности передачи власти правителю, что также нашло свое отражение в сквозном циклообразующем образе царя-правителя в фандоринском корпусе.

Источники

1. Акунин Б. Детская книга для мальчиков / Б. Акунин. — Москва : АСТ, 2020. — 509 с.
2. Акунин Б. Коронация, или последний из романов / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2006. — 448 с.
3. Акунин Б. Куда ж нам плыть? / Б. Акунин // Планета вода. — Москва : Захаров, 2019. — С. 361—414.
4. Акунин Б. Турецкий гамбит / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2005. — 274 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н. Русско-японский сыщик [Электронный ресурс] / Н. Алексеев // Иностранец. — 2000. — № 5. — Режим доступа: http://www.inostranets.ru/archive/2000/0209_5/ (дата обращения: 21.11.2020).

2. *Бобкова Н. Г.* Функции постмодернистского дискурса в детективных романах Бориса Акунина о Фандорине и Пелагии : диссертация ... кандидата филологических наук / Н. Г. Бобкова. — Улан-Удэ, 2010. — 189 с. —
3. *Весь мир театр? Весь мир — литература!* : Б. Акунин глазами заинтересованных читателей / редактор А. Г. Головачева. — Москва : Буки Веди, 2016. — 134 с.
4. *Волкова Н.* Литературная стратегия рубежа XX—XXI веков: вариант Б. Акунина : диссертация ... кандидата филологических наук / Н. Волкова. — Прага, 2007. — 234 с.
5. *Герейханова К. Ф.* «Конандойловский» след в «Нефритовых четках» Б. Акунина : стилистические рецепции оригинала и русских переводов / К. Ф. Герейханова // Культура и цивилизация. — 2017. — Т. 7, № 4А. — С. 182—189.
6. *Зимин И. В.* Взрослый мир императорских резиденций: вторая четверть XIX — начало XX в. : повседневная жизнь Российского императорского двора / И. В. Зимин. — Москва : Центрполиграф, 2013. — 730 с.
7. *Казачкова А. В.* Жанровая стратегия детективных романов Бориса Акунина 1990 — начала 2000-х гг. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / А. В. Казачкова. — Нижний Новгород, 2015. — 23 с.
8. *Карамзин Н. М.* История государства Российского [Электронный ресурс] / Н. М. Карамзин. — Режим доступа: <http://www.spsl.nsc.ru/history/karam/karahist.htm> (дата обращения: 25.11.2020).
9. *Кириленко Н. Н.* Жанровый инвариант и генезис классического детектива : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Н. Н. Кириленко. — Москва, 2016. — 28 с.
10. *Снигирева Т. А.* Борис Акунин и его игровой мир : монография / Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов, А. В. Снигирев. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2017. — 178 с.
11. *Цицинов А. Ю.* Традиции построения протоимиджа «царя» на примере текстов о военных походах Смутного времени / А. Ю. Цицинов, Ю. В. Шуйская // Вестник Образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: гуманитарные науки. — 2019. — № 4. — С. 166—167.
12. *Шуйская Ю. В.* Концепт 'царь' в иерархии традиционной картины мира носителя русского языка / Ю. В. Шуйская, А. И. Вьюгов // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. — 2015. — № 3. — С. 182—188.

CROSS-CUTTING IMAGES AS CYCLO-FORMING FOUNDATIONS OF THE “FANDORIN CORPS”: CONCEPT OF A RULER

© **Artem B. Borunov (2020)**, orcid.org/0000-0003-2507-7218, PhD in Philology, Lecturer, Department of English Language Teaching and Business Communication, Moscow City University (Moscow, Russia), borunov.artem@yandex.ru.

The image of the tsar is considered as a through cycle-forming one in the Fandorin corpus of Boris Akunin. The results of a comparative analysis of the images of three emperors, with the reign of which Fandorin's activity chronologically coincides, is presented in the article. The author dwells on the comparison of the images of emperors with the images of tsars in the “Children's Book for Boys” and the images of revolutionaries, future leaders of Soviet Russia, in the story “Where Should We Go?”. Particular attention is paid to the emphasized inconsistency: the rulers deduced in the texts are by no means regal, their appearance and manners are described in a repulsive manner, and humiliating comparisons are used. The question is raised about the opposition of such an interpretation of the image of the king to an alternative version: a significant absence of the king as a character

or a description of a person who is only destined to become a king in the future. The novelty of the research is seen in the fact that the author singles out cyclo-forming motives and their disclosure in texts about Erast Fandorin, attracting not only samples of the detective genre, but also companion texts. The relevance of the study is due to a comprehensive analysis of the vast body of texts and the selection of cross-cutting archetypal images.

Key words: Akunin; cycle; archetype; cycle-forming motives; the image of the king; ruler archetype.

MATERIAL RESOURCES

- Akunin, B. (2005). *Turetskiy gambit* [Turkish gambit]. Moskva: Zakharov. 274 p. (In Russ.).
- Akunin, B. (2006). *Koronatsiya, ili posledniy iz romanov* [Coronation, or the last of the novels]. Moskva: Zakharov. 448 p. (In Russ.).
- Akunin, B. (2019). Kuda zh nam plyt'?' [Where should we sail] In: *Planeta voda*. [Planet water]. Moskva: Zakharov. 361—414. (In Russ.).
- Akunin, B. (2020). *Detskaya kniga dlya malchikov* [Children's book for boys]. Moskva: AST. 509 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Alekseev, N. (2000). Russko-yaponskiy syshchik [Russian-Japanese detective]. *Inostranets* [Foreigner], 5. Available at: http://www.inostranets.ru/archive/2000/0209_5/ (accessed 21.11.2020). (In Russ.).
- Bobkova, N. G. (2010). *Funktsii postmodernistskogo diskursa v detektivnykh romanakh Borisa Akunina o Fandorine i Pelagii*. PhD Diss [Functions of postmodern discourse in detective novels by Boris Akunin about Fandorin and Pelagia. PhD Diss]: Ulan-Ude. 189 p. (In Russ.).
- Gereykanova, K. F. (2017). «Konandoylovskiy» sled v «Nefritovykh chetkakh» B. Akunina: stilisticheskiye retseptsii originala i russkikh perevodov [“Konandoilovsky” trace in B. Akunin’s “Jade rosary”: stylistic reception of the original and Russian translations]. *Kultura i tsivilizatsiya* [Culture and civilization], 7/(4A). 182—189. (In Russ.).
- Golovacheva, A. G. (ed.). (2016). *Ves' mir teatr? Ves' mir — literatura!: B. Akunin glazami zainteresovannykh chitateley* [Is the whole world a theater? The whole world is literature!: B. Akunin through the eyes of interested readers]. Moskva: Buki Vedi. 134 p. (In Russ.).
- Karamzin, N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russia]. Available at: <http://www.spsl.nsc.ru/history/karam/karahist.htm> (accessed 25.11.2020). (In Russ.).
- Kazachkova, A. V. (2015). *Zhanrovaya strategiya detektivnykh romanov Borisa Akunina 1990 — nachala 2000-kh gg.*: author's abstract of PhD. Diss [Genre strategy of detective novels by Boris Akunin 1990 — early 2000s.: author's abstract of PhD. Diss]. Nizhny Novgorod. 23 p. (In Russ.).
- Kirilenko, N. N. (2016). *Zhanrovyy invariant i genezis klassicheskogo detektiva*: author's abstract of PhD. Diss [Genre invariant and genesis of the classic detective: author's abstract of PhD. Diss]. Moskva. 28 p. (In Russ.).
- Shuyskaya, Yu. V., Vyugov A. I. (2015). Kontsept ‘tsar’ v ierarkhii traditsionnoy kartiny mira nositel'ya russkogo yazyka [Concept ‘tsar’ in the hierarchy of the traditional worldview of a native speaker of the Russian language]. *Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya* [Bulletin of TVGU. Series: Philology], 3: 182—188. (In Russ.).
- Snigireva, T. A., Podchinenov, A. V., Snigirev, A. V. (2017). *Boris Akunin i ego igrovoy mir: monografiya* [Boris Akunin and his game world: monograph]. Sankt-Peterburg: Aleteyya. 178 p. (In Russ.).

- Tsitsinov, A. Yu., Shuyskaya, Yu. V. (2019). Traditsii postroeniya protoimidzha «tsarya» na primere tekstov o voennykh pokhodakh Smutnogo vremeni [Traditions of building a proto-image of the “king” on the example of texts about military campaigns of the Time of Troubles]. *Vestnik Obrazovatel'nogo konsortsiuma Srednerusskiy universitet. Seriya: gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Educational Consortium Central Russian University. Series: Humanities], 4: 166—167. (In Russ.).
- Volkova, N. (2007). *Literaturnaya strategiya rubezha XX—XXI vekov: variant B. Akunina*. PhD Diss [Literary strategy at the turn of the XX—XXI centuries: B. Akunin's version. PhD Diss]. Praga. 234 p. (In Russ.).
- Zimin, I. V. (2013). *Vzroslyy mir imperatorskikh rezidentsiy: vtoraya chetvert' XIX — nachalo XX v.: povsednevnyaya zhizn' Rossiyskogo imperatorskogo dvora* [The adult world of the imperial residences: the second quarter of the XIX — early XX century: everyday life of the Russian imperial court]. Moskva: Tsentrpoligraf. 730 p. (In Russ.).

Иванян Е. П. Стихотворение Г. Алишана «Раздан»: поливариантность смыслов, интерпретаций, переводов / Е. П. Иванян, З. Г. Айрян // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 133—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-133-150.

Ivanyan, E. P., Ayryan, Z. G. (2020). G. Alishan's poem "Hrazdan": Polyvariety of Meanings, Interpretations, Translations. *Nauchnyi dialog*, 12: 133-150. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-133-150. (In Russ.).

УДК 81'255.2+821.19Раздан7Алишан
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-133-150

СТИХОТВОРЕНИЕ Г. АЛИШАНА «РАЗДАН»: ПОЛИВАРИАНТНОСТЬ СМЫСЛОВ, ИНТЕРПРЕТАЦИЙ, ПЕРЕВОДОВ

© **Иванян Елена Павловна (2020)**, orcid.org/0000-0003-4782-0658, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный социальный педагогический университет» (Самара, Россия), elogos@rambler.ru.

© **Айрян Заруи Геворковна (2020)**, orcid.org/0000-0002-7558-5889, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт литературы им. М. Абегамяна Национальной Академии наук Республики Армения (Ереван, Республика Армения), nerses91@rambler.ru.

Рассматривается вопрос поливариантного бытования смыслов, интерпретаций стихотворения «Раздан» (и его переводов) Г. Алишана. Новизна исследования видится в многоаспектности синоптического исследования с обращением к понятиям поливариантности как исследовательского инструментария, «горячих» хронологических периодов (внимания к лингвокультуре) и точек (юбилейных дат). Изучается феномен текста-достояния в его исторической перспективе. Выполнен краткий обзор русско-армянских литературных взаимосвязей. Русско-армянские литературные взаимосвязи охарактеризованы как фактор, способствующий формированию текста-достояния. Отмечается важность исследования творчества выдающегося армянского деятеля Г. Алишана. Авторы останавливаются на истории текстов инварианта и вариантов переводов на русский, английский и французский языки (четыре перевода). Представлена авторская разработка синоптической модели филологического анализа поэтического текста и его переводов. Затрагиваются вопросы репрезентации этнокультурных знаков (онимов) в вариантах переводов. Комментируются следствия их элиминации или эквиваленции (исследован ономастический слой текста). Оцениваются различные переводческие стратегии. Сопоставляются особенности репрезентации эмоций междометиями в оригинале и в вариантах перевода. Выявлен прием рекурсии в рефрене, обсуждается его специфика в переводах.

Ключевые слова: Алишан; западноармянская поэзия; переводоведение; грабар; поливариантность.

Благодарности: авторы приносят слова благодарности специалистам по языку грабар старшим научным сотрудникам Национальной Академии наук Республики Армении доктору филологических наук Завену Васильевичу Аветисяну и кандидату филологических наук Люсине Арапатовне Аветисян за консультации относительно «темных мест» стихотворения.

1. Введение

В настоящее время переводоведение — развитая отрасль знаний. В области общей, частных и специальных теорий перевода раздел художественного перевода относится к разряду частных, базируясь на филологическом анализе текста

[Жумабекова 2019]. С последней четверти XX века в переводоведении исследуется феномен переводной множественности, то есть наличие ряда переводов одного художественного текста [Федоров 1982; Шор 1989 и др.]. Исследователи видят причины этого в многогранности текста-оригинала, различии переводческих стратегий или времени создания перевода и др. [Шерстнева 2009; Разумовская 2013]. При этом филологами признается, что особой ценностью для исследования обладают художественные тексты-достояния («cultural capital») в понимании [Bassnett et al., 1998]. К числу таких текстов относится стихотворение Гевонда Алишана «Раздан». В этом году исполнилось 200 лет со дня рождения автора.

Керовбе Алишан (Алишанян) — известный арменовед, ученый, поэт, переводчик, почетный член католической конгрегации мхитаристов, популяризатор армянской культуры [Литературная энциклопедия, 1930, с. 661—662] — родился в Константинополе. В детские годы он переселился в Венецию, получил там достойное образование, стал монахом-мхитаристом. Почти всю жизнь Алишан прожил на острове св. Лазаря, но некоторое время по поручению ордена мхитаристов работал в Париже. Имя *Гевонд* взял как символ имени освободителя Армении. Любовь к своей стране выражал и в том, что писал на классическом армянском языке (древнеармянском) — грабаре.

В. Брюсов отмечал, что «особую глубину стихам Алишана придает его трогательная любовь к родине, воспламенявшаяся судьбой поэта, жившего на чужбине» [Брюсов, 1956, с. 70]. О поэзии Алишана русский поэт сказал так: в «технике стиха Алишан достигал большого совершенства, и его произведения до сих пор сохраняют любовь большого числа читателей, как искренние и красивые вдохновения» [Там же].

Цель настоящего исследования — синоптическая характеристика поливариантности смыслов, интерпретаций и переводов поэтического текста, выполненная на материале стихотворения Г. Алишана «Раздан» и совокупности переводов данного произведения. Объект исследования — стихотворение Г. Алишана «Раздан», написанное на грабаре, и совокупность переводов этого поэтического текста.

Новизна работы видится в синоптическом исследовании специфики стихотворения Г. Алишана и его переводов на русский, английский и французский языки, при этом использовались традиционные приемы и методы филологического анализа переводоведения и современные подходы. Авторы статьи опираются на понятие «поливариантности» как инструментарий для филологического анализа совокупности оригинала поэтического текста (инварианта) и его переводов (вариантов бытования текста-достояния). В результате разработана модель синоптического исследования, применение которой будет полезным для изучения других поэтических текстов cultural capital.

Отметим, что в филологии нет специального исследования стихотворения «Раздан» в совокупности его переводов на другие языки. В статье и автореферате С. А. Штикяна, посвященных художественному наследию Г. Алишана, в литературоведческом ключе характеризуется данное стихотворение как «одно из лучших произведений Алишана», отмечено, что поэт «выбирает только те исторические

события и факты, в которых наиболее ярко отображен патриотизм армянского народа» [Штикян, 1961, с. 12, 13]. Сопоставляя переводы Л. Уманца и С. Шервинского, С. А. Штикян отдает предпочтение последнему, отмечая, что «Шервинскому удалось остаться близким к тексту, сохранить присущий стихотворению глубокий внутренний драматизм, выразить силу чувств вернувшегося на родину пандухта — скитальца» [Штикян, 1962, с. 162]. Отметим, что в переводе определенным образом отражаются индивидуальность переводчика, черты его характера, национальная принадлежность [Айрян, 2012, с. 42].

2. Методология исследования

Методологию исследования составили понятия: «текст-достояние», «поливариантность», «русско-армянские литературные взаимосвязи», «естественный лингвистический эксперимент».

Понятие «поливариантность» используется в исследовании как инструментарий, позволяющий свести воедино несколько аспектов изучения.

Сюда относим поливариантность смыслов художественного текста, ср. мнение Р. Барта о том, что «тексту присуща множественность. Это значит, что у него не просто несколько смыслов, но что в нем осуществляется сама множественность смысла как таковая <...>» [Барт, 1989, с. 416].

Другим аспектом является поливариантность интерпретаций, в настоящее время признается возможность множественных интерпретаций, пониманий художественного текста, вплоть до абсолютизации данного факта: существует столько текстов, сколько есть читателей этого текста.

К третьему аспекту относится поливариантность переводческих стратегий, обусловленная личностью переводчика, особенностями «принимающей» лингвокультуры, временем перевода и другими факторами (ср. с мнением В. А. Разумовской о поливариативности переводов [Разумовская 2016]).

Следует упомянуть и о бытовании текста-достояния в форме оригинала (инварианта) и его поливариантов — переводов на другие языки. Данное явление находит в настоящее время отражение в составе Национального корпуса русского языка, где разрабатывается поливариантный (параллельный) корпус, включающий по несколько вариантов перевода текста на один и тот же язык [Сичинава, 2015].

В настоящем исследовании применялся традиционный для переводоведения метод филологического анализа, основывающийся на литературоведческом и лингвистическом подходах, а также методика интерпретации темных мест Н. М. Шанского («метод чтения под лингвистическим микроскопом»). Учитывался структурно-статистический принцип изучения темных мест в поэзии, предлагаемый М. Л. Гаспаровым [Гаспаров, 2001].

Значимым для нашего исследования является учет феномена русско-армянских литературных взаимосвязей, рассматриваемый в работах одного из авторов данной статьи З. Г. Айрян [Айрян 2016; Айрян 2017; Айрян 2020]. Исследователь отмечает, что «поэзия Армении покорила русских поэтов-переводчиков разнообразием своих тем, своей интеллектуальностью, глубиной мысли и чувств, которые

своими корнями уходят в далекое прошлое» [Айрян, 2012, с. 280]. За пределами Армении «именно посредством русских переводов читатель познал для себя одну из древнейших стран мира, где духовная пища людей была образом их существования, а также великим орудием развития и прогрессирования армянской культуры и искусства» [Там же].

Методологию исследования составило понимание художественного текста как естественного лингвистического эксперимента, идущее от Л. В. Щербы, А. Н. Гвоздева, их последователя, профессора Самарского педагогического университета Е. М. Кубарева, изучавшего варианты «Ревизора» Н. Гоголя и различные переводы этой комедии [Кубарев, 1991]. Традиции сопоставления переводов художественных текстов-достояний и в настоящее время находят продолжение в Самарской лингвистической школе, см. об этом: [Иванян 2020].

Материал исследования составили оригинал стихотворения Г. Алишана «Раздан» [Ալիշանի, 1981] и тексты переводов на русский [Алишан, 1907; Алишан, 1966], английский [Alishan. Traduction Veteran] и французский [Alishan. Traduction Kiffer] языки.

3. История текстов — инварианта и вариантов-переводов

Стихотворение «Раздан» написано в 1848 году, оно имеет следующий сюжет: лирический герой Бабкен возвращается на родину, мысленно беседует с рекой Раздан, родными краями, где не находит ни родных, ни друзей, ни возлюбленной; их судьба неизвестна, вероятно, трагична. Воды родного Раздана печальны, как и судьба Айастана (самоназвание Армении). В конце стихотворения Бабкен призывает: «Довольно слез!». О стихотворении «Раздан» В. Брюсов писал: «Вечная тема поэзии — возвращение изгнанника в родной край оживлена и согрета сильным чувством армянина-патриота» [Брюсов, 1956, с. 70].

Благодаря хорошо развитым русско-армянским литературным взаимосвязям 50-летие Г. Алишана отмечалось в России. С. Штикян отмечает, что впервые имя Алишана упоминается в русской критике в 1890 году. В Западной Армении вынуждены были сохранять полное молчание, так как султан Гамид жестко подавлял подобные чествования национальной культуры, рассматривая их как государственную измену. Восточные же армяне, жившие в России, наоборот, с большим триумфом отметили юбилей любимого писателя [Штикян, 1962, с. 162].

В России стихотворение «Раздан» было дважды опубликовано: в 1907 году в переводе Льва Игнатьевича Уманца в сборнике «Армянская муза», подготовленном Ю. Веселовским [Алишан, 1907], и в 1916 году в переводе Сергея Шервинского в сборнике «Поэзия Армении. Народная, средневековая, новая в переводе русских поэтов» (далее — Поэзия Армении), подготовленном В. Брюсовым [Алишан, 1966].

В 2010 году на сайте, освещающем историю и культуру Армении [Нуе], переводчиком под ником *Veteran (Ветеран)* размещены переводы на английский язык [Alishan. Traduction Veteran] и на французский язык, выполненные Луизой Киффер [Alishan. Traduction Kiffer], при этом переводчица советовалась с Ветераном относительно «темных мест» стихотворения.

4. Изучение феномена текста-достояния

Художественные тексты-достояния С. Басснетт и А. Лефевр характеризуют как находящиеся в узлах текстовых и культурных решеток [Bassnett et al., 1998]. Такие тексты реализуют аккумулятивную функцию лингвокультуры и обеспечивают её участие в диалоге культур. Полагаем, что приобретение статуса текста-достояния возможно для художественного произведения в силу различных факторов. Назовем наиболее важные из них на примере стихотворения «Раздан»: значимость личности создателя инвариантного текста; фактор «попадания» в ключевую мелодию эпохи, ключевой мотив этноса; эстетическая ценность текста-оригинала.

Личность Г. Алишана обладает большим весом, он известен как ученый, занимающийся древней историей, в том числе историей Армении. Согласно В. Брюсову, «Алишан замечателен также как один из первых собирателей древней армянской литературы; несколько стихотворений ашугов было издано им с английским переводом» [Брюсов, 1956, с. 70]. Алишан был награжден французским орденом Почетного легиона (1866).

Поэтическое наследие мастера слова опубликовано в Венеции в 5 томах, оно оказало большое влияние на формирование целого поколения начинающих армянских писателей. Стихи Алишана перепечатывались в армянских журналах так часто, что уже невозможно учесть число переизданий; лучшие стихи были изданы под названием «Песни патриарха» [Штикян, 1962, с. 162]. Творчество Алишана было объектом восхищения и подражания для выдающегося поэта Армении А. Исаакяна, который писал об Алишане: «Для нас <...> имя его имело огромную притягательную силу»; «Мы знали наизусть чудесные стихотворения Патриарха: “Раздан”, “Соловей Аварайрский”»; «с помощью его географических трудов “Айрарат”, “Ширак”, “Сисакан” мы познавали Армению и подобно ему, еще не видя заветных мест, уже любили родину неизъяснимой любовью ...» [Исаакян, 2017].

Отметим, что и поныне поэзия Алишана вдохновляет современных поэтов. Так, на V Международном литературном конкурсе произведений, посвященных Армении, Н. Харина предложила стихотворение с эпиграфом «Навеяно» и фрагмент стихотворения Г. Алишана [Харина, 2019].

Стихотворение «Раздан» развивает два мотива: мотив странника, тоскующего на чужбине о родине, и мотив независимости Армении. При характеристике текста-достояния, следовательно, можно говорить, что выдающаяся языковая личность порождает мотивы (идеи), значимые в данной этнокультуре.

Эстетическая ценность стихотворения обусловлена, во-первых, тем, что оно написано на языке богослужений — грабаре, древнеармянском языке, сложившемся во II веке до н. э., обретшем письменность в V веке, аккумулирующем во времени и пространстве и транслирующем в будущее культурный опыт этноса. Сам Алишан называл грабар «красноречивым, огненным и прекрасным» языком [Штикян, 1961, с. 13]. Во-вторых, эстетическая ценность произведения определяется фактом множественности эстетически значимых смыслов, порождающих многочисленные интерпретации инварианта и возникновение вариантов переводов.

Становясь текстом-достоянием внутри лингвокультуры, художественное произведение приобретает особую притягательность, тем самым занимая позицию кандидата в тексты-достояния мировой художественной литературы. На этом этапе становлению текста-достояния способствуют литературные взаимосвязи лингвокультур.

История русско-армянских литературных взаимосвязей является одной из ярчайших и значимых страниц в жизни двух народов в деле сближения и обогащения их культурного наследия, оставивших глубокий след в мировоззрении, нравственных и эстетических ценностях как армянских, так и русских писателей, поэтов-переводчиков, литературных критиков. Время русско-армянских литературных взаимосвязей исчисляется почти тысячелетием, на его скрижалях записаны имена русских и армянских классиков: Н. Карамзина, А. Пушкина, А. Грибоедова, М. Лермонтова, М. Салтыкова-Щедрина, А. Чехова, Л. Толстого и др., Х. Абовяна, М. Налбандяна, А. Цатуряна, Ов. Туманяна, А. Исаакяна и др.

В связи с феноменом литературных взаимосвязей можно говорить о «горячих» хронологических периодах, когда взаимный интерес лингвокультур достигает вершин. Для русско-армянских литературных взаимосвязей — это начало XX века. В это время что-то произошло в русской поэтической культуре, породившее русско-армянское созвучие, взаимовлияние, взаимопонимание. С начала XX века армянская культура, в частности литература, вызвала горячий интерес у мастеров слова. М. Горький, А. Блок, О. Мандельштам, А. Белый, А. Ахматова не только оценили и полюбили армянскую литературу, но и вдохновенно перевели лучшие её образцы на русский язык.

Ю. Веселовский, один из первых популяризаторов армянской культуры, освоил древнеармянский язык, специально ездил в центр духовной культуры Армении в Венеции на остров св. Лазаря для изучения первоисточников и погружения в глубины армянской культуры [Давтян, 1970, с. 143], подготовил и издал переводной поэтический сборник «Армянская муза».

В 1910-е годы В. Брюсов серьезно увлекся армянской литературой, освоил габар, подготовил и издал переводной поэтический сборник «Поэзия Армении». Архивы мастера слова свидетельствуют о масштабной работе по выбору авторов, стихотворений, работе с переводчиками с армянского (ими были преимущественно выдающиеся армянские поэты), редактированию, основанному на специальной брюсовской методологии бережного отношения к слову, оригиналу [Меликян, 1963]. Сборник «Поэзия Армении» вызвал в литературной жизни широкий резонанс; В. Брюсов выступил в Москве в «Обществе свободных эстетов» с обширной лекцией о древней, средневековой и новой армянской поэзии [Закарян, 2016, с. 17]. Брюсов отмечал: «... я увидел в поэзии Армении — такой же самобытный мир красоты, новую, ранее не известную мне, вселенную, в которой блистали и светились высокие создания подлинного художественного творчества» [Брюсов, 1956, с. 10].

Масштабность личности Г. Алишана, яркая поэтическая индивидуальность восхитили В. Брюсова, ценителя и знатока высшей поэзии. И этот факт можно объяснить тем, что Г. Алишан был не просто известным представителем западноар-

мянской поэзии, но и энциклопедистом, философом, полиглотом, историком, филологом, переводчиком, географом, посвятившим всю жизнь науке и просвещению. Теми же качествами всесторонне одаренной личности обладал В. Брюсов, поэт, внесший весомый вклад в совершенствование русского стихосложения, теорию перевода.

Так, «горячий» хронологический период русско-армянских литературных взаимосвязей благотворно повлиял на становление стихотворения Г. Алишана «Раздан» в качестве текста-достояния. Полагаем, можно говорить и о «горячих» хронологических точках — юбилейных датах, привлекающих внимание общественности к тексту-достоянию. Переводы на английский и французский языки выполнены в год 190-летия со дня рождения Г. Алишана.

Поливариантное бытование текста-достояния позволяет осуществить его изучение в различных аспектах: репрезентации этнокультурных знаков, эмоциональной аранжировки произведения и рефрена стихотворения.

5. Репрезентация этнокультурных знаков в вариантах переводов

Этнокультурные знаки стихотворения «Раздан» — это имена собственные: топонимы *Раздан* (*Храздан*), *Айастан* (*Хайастан*), антропонимы *Бабкен* и *Хантук*. В 4 вариантах переводов представлены разные стратегии: здесь и стратегия культурной элиминации, и принцип максимального звукобуквенного сохранения лексем оригинала. Результаты переводческих стратегий отражены в (табл. 1).

Таблица 1

Элиминирование этнокультурного знака в вариантах перевода стихотворения Г. Алишана «Раздан»

Но- мер п/п	автор перевода				
	этнокультурный знак	Лев Уманец	Сергей Шер- винский	Ветеран	Луиза Киффер
1	звукобуквенное сочетание <i>Храздан</i>		+		
2	звукобуквенное сочетание <i>Хайастан</i>		+		
3	самоминация <i>Хайастан</i>	+			
4	антропоним <i>Бабкен</i>	+			
5	антропоним <i>Хантук</i>			+	+

Как видно из таблицы, переводчики приняли различные решения при работе с этнокультурными знаками стихотворения. Охарактеризуем следствия элиминации в отношении каждого из знаков по схеме: «улучшает ...; нивелирует ...».

Звукобуквенное сочетание *Храздан* воспринимается неблагозвучным для русофонных читателей (сочетание двух согласных рядом), что заменено в переводе С. Шервинского более благозвучной эквивалентией *Раздан*. В русском языке нет

звука, произносимого слабым придыханием, соответственно, правильно при переводе опускать первую букву *h* топонима Հրազդանի, условно соотносимую с русской *x*.

Следствие элиминации: лексема *Раздан* — это ключевая номинация текста, организующая содержательно-концептуальную информацию, её эквиваленция улучшает звукобуквенную привлекательность текста для русофонных читателей; при этом ослабляется этнокультурный шарм произведения. В переводах на английский и французский языки необходимость эквиваленции отсутствовала, так как схожий с армянским *h* звук *h* в английском языке в позиции перед согласным не произносится, а во французском ни в одной позиции не читается, следовательно, наличие *h* (*Hrazdan*) на влияет на звукопись топонима.

Звукобуквенное сочетание *Хайастан*. Поскольку в русском языке нет звука *h*, произносимого придыханием, закономерно при переводе топонима на русский этот звук элиминировать, что и осуществляет С. Шервинский: *Исчезла мать Айястан*. В английском и французском переводах звукобуквенное сочетание в топониме *Hayastan* сохранено: *h* в позиции перед гласным читается в английском подобно армянскому языку, а во французском — не произносится, читается подобно русскому *Айястан*.

Самономинация Армении *Хайастан* элиминируется в переводе Л. Уманца, вследствие чего устранение лакуны для носителей русского языка способствует прояснению основной идеи художественного текста, при этом обедняет семиозис этнокультурного наполнения, поскольку устранен не просто экзотизм, но языковой знак с символическим значением.

Антропоним *Бабкен* элиминирован в переводе Л. Уманца. Стратегия культурной элиминации способствует прояснению основной идеи поэтического текста. Устраняя номинацию с семей чуждости, переводчик руководствуется максимой краткости Г. Грайса: повествование ведется от лица лирического героя, следовательно, его антропоним — избыточен. Элиминация актуальна на уровне содержательно-фактуальной информации, тогда как на уровне содержательно-концептуальной информации антропоним значим. Элиминация антропонима лишает возможности искусленного читателя совершить ономастическое «расследование».

Между тем в текстах-достоинях не бывает случайностей. Антропонимы таят имплицитные смыслы, обогащающие содержание стихотворения. В первом томе «Словаря армянских собственных имен» Г. Ачаряна имя *Бабкен* толкуется так: **բաբ** (Баб) — фенхель, **կեն** (кен) — жизнь. В переводе означает *фенхель жизни* [Ачарян, 1971, с. 736]. Это метафора, судя по значительной роли, которую играют травы в культуре Армении; символическое значение имени благоприятно, его можно толковать как цвет жизни, его сила, но и хрупкость. Следует учесть и взаимовлияние армянской и греко-римской культур, что дает нам подсказку в толковании антропонима: фенхельный чай наделял античных воинов храбростью перед битвой.

Кроме того, антропоним *Бабкен* в интернет-ресурсах, контент которых посвящен толкованию имен, определяется как **Բաբկեն** — հայր, խմբագրի — отец, мудрец [Armenian ...]. Такое толкование хорошо соотносится с образом автора стихотворения.

Немаловажно наличие у имени *Бабкен* толкования ‘младший сын отца’, такое определение представлено на русских и армянских сайтах, например: [Значение ...]. Младший сын в армянской культуре занимает особое место. Вместе со своей женой именно он остается в родительском доме, заботится о родителях; младший сын — хранитель рода, очень часто — главный наследник [Национальные ...]. Полагаем, что последнее толкование антропонима *Бабкен* наиболее созвучно основной идее данного стихотворения. Лирический герой Г. Алишана не просто несчастный странник — он основной наследник армянской традиции, который призван сохранить накопленное тысячелетиями наследие армянской культуры.

Антропоним *Хантук* элиминирован в переводе Ветерана и, вероятно, вслед за ним — в переводе Л. Киффер. Элиминация не ведет к улучшению и объясняется темным местом стихотворения, созданного на грабаре. Строка 19 *Ո՞ւր էս, ալիքըս լուսի խափառուի* вводит в заблуждение современных носителей армянского языка, наводит на мысль, что оним *Хантук* (*խափառուի*) — это топоним.

На форуме в переписке переводчика под ником Ветеран с Луизой Киффер первый предполагает, что *խափառուի*, кажется, тоже игра слов, связанная с городом *Javakh* ‘khand’ и армянским словом *խափ*, что означает ‘радость’ как в ‘khandal’ смеяться [Нуге ...]. Строка 19 представлена на английском *Where luminous waves of joy?* и французском *Où sont les lumineuses vagues de joie?* языках (‘Где светящиеся волны радости?’).

Между тем как *Хантук* — это имя возлюбленной лирического героя.

Правильное толкование представлено в подстрочнике, сделанном В. Терьяном для сборника В. Брюсова «Поэзия Армении», где эта строка переводится так: *Где свет очей моих, Хантук?* [Меликян, 1963, с. 246]. Библиизм *свет очей моих*, известный из 37-го псалма царя Давида, не распознается из-за словоформы грабара *ալիքըս* [алицыс], которую переводчики истолковали как ‘волна’.

Следствием элиминирования онима *Хантук* является потеря точки эмоционального притяжения, обесценивание масштаба утрат, постигших лирического героя: он теряет личное счастье, возможность иметь любимую, семью, детей, будущее, продолжить свой род.

Так, обращение к ономастическому слою художественного произведения раскрывает перед читателем новые смыслы, позволяет наблюдать погружение в глубину текста, взаимодействие смыслов разных уровней стихотворения, которые создают игровой эффект. «Игровой эффект состоит в том, что разные значения одного элемента не неподвижно сосуществуют, а “мерцают”» [Лотман, 1970, с. 89].

6. Репрезентация эмоциональной аранжировки в оригинале и вариантах перевода стихотворения

Чувства, эмоции в стихотворении Г. Алишана передаются комплексом междометий *ա՛յ* [ай] (русская эквиваленция — *о*, передает призыв к объекту речи), *ա՛խ* [ах] — эмоциональный возглас и *Վա՛խ* [вах] (русская эквиваленция — *увы*). Анализ бытования междометий в оригинале показывает, что они сложены в продуманный рисунок (табл. 2).

Таблица 2

Репрезентации эмоций междометиями в оригинале
и вариантах переводов стихотворения Г. Алишана «Раздан»

№ строки	О Алишан	В-1 Уманец	В-2 Шервинский	В-3 Ветеран	В-4 Киффер
1		•			
2		•			
3					
4					
5	• •		•	•	•
6	• •			•	•
7					
8					
9					
10					
11	• •		•	• •	• •
12	•				
13	■		■	■	■
14					
15					
16					
17	• •		•	•	•
18	•			•	•
19					
20				♦	♦
21					
22					
23	• •		•	•	•
24	•			•	•
25	▲			•	•
26	▲			•	•
27					
28					
29					
30					

Условные обозначения междометий:

- — [ай]
- — [ай] в форме эквиваленции языка перевода
- ▲ — [ах]
- — [вах]
- — [вах] в форме эквиваленции языка перевода
- ♦ — oh добавление междометия в вариантах перевода, отсутствующее в оригинале.

Стихотворение состоит из 30 строк. Но междометные эмоции возникают не в сильных текстовых позициях начала и конца произведения, а начиная с 5 строки и завершаясь 26: начало и конец текста даны в сдержанных тонах. Междометие *ա՛յ* представлено в рефрене, начинает нечетные строки 5, 11, 17 и 23. В этих строках есть и внутреннее повторение *ա՛յ* (явление рекурсии), что усиливает эмоциональную выразительность: Ա՛յ Հրազդանի, ա՛յ ջուրի Հայրենիքի (*Օ Раздан, о вода Отчизны*).

Следующие четные строки 6, 12, 18 и 24 открываются этим междометием, но не содержат междометие в середине, то есть мы наблюдаем волну нарастания эмоции и её убывание, вплоть до исчезновения. В оригинале всего 4 «волны» с междометием *ա՛յ*.

Междометие *ա՛հ* начинает 25 и 26 строки, завершает в целом эмоциональную аранжировку текста междометиями.

Почти середина стихотворения, 13 строка, начинается междометием *Վա՛հ* [вах] — это наиболее этнокультурно маркированный знак. Его и располагает Г. Алишан в центре и дозирует наименьшим количеством — 1.

Охарактеризуем варианты переводов.

В-1. Карта междометных эмоций в В-1 бедна, составляет 13,3 % от общего количества междометий оригинала; из разнообразия 3 междометий применяется только одно — в форме эквиваленции. Изменен замысел помещения междометных эмоций внутри художественного текста, свободной от них оставлена рамка строк сильных текстовых позиций. Междометие начинается 1 и 2 строки: *Օ ты, Храздан, р՛ճա родная, / Օ сладководная р՛ճա!* Элиминирован прием повтора междометия внутри строки (рекурсия).

В-2. Процентная представленность междометных эмоций выше, чем в В-1, и составляет 33 % от количества в оригинале. Из разнообразия 3 междометий используется 2. В строках-рефренах применяется другое по сравнению с оригиналом решение: вместо помещения междометия в начало строки и повтора его в середине (рекурсия) междометие дано только в середине строки: *Раздан! ա՛հ, սրայ՝ րոմիւնք քեզ!*

В-3 и В-4, который строится по образцу В-3, карта междометных эмоций составляет 73 % от количества междометий оригинала. Разнообразие междометий представлено числом 3, при этом переводчики в 20-ю строку внесли междометие *օհ*, что не представлено в оригинале. Расположение междометий в В-3 и В-4 наиболее близко к оригиналу, но рисунок волн в рефрене (5 *ա՛յ* — *ա՛յ* — 6 *ա՛յ*; 11 *ա՛յ* — *ա՛յ* — 12 *ա՛յ*; 17 *ա՛յ* — *ա՛յ* — 18 *ա՛յ*; 23 *ա՛յ* — *ա՛յ* — 24 *ա՛յ*) не сохранен.

В целом отметим, что в переводах доминируют эквиваленции междометий. Примечательно, что поэт Ваан Терьян готовил подстрочник для сборника В. Брюсова и сохранил с пояснением междометие *вах* как арменизм, уже известный носителям русского языка (М. Горький советовал сберечь в художественных текстах «арменизмы»), но С. Шервинский не воспользовался в переводе этим этнокультурно маркированным знаком, что правомерно, так как *вах* воспринимается русофонами как знак сниженного регистра речи, он применил эквиваленцию *увы*; во французском дана эквиваленция *helas*, в английском вместо узуальной эквиваленции применяется отдаленная имитация *akh*.

Суммирующий результат репрезентации эмоций междометиями в поливариантном бытовании текста представлен в (табл. 3).

Таблица 3

Количественный результат анализа репрезентаций эмоций междометиями в поливариантном бытовании стихотворения Г. Алишана «Раздан»

№ п/п	Тексты	О	В-1	В-2	В-3	В-4
	Междометия					
1	количество междометий, в %	100 %	13,3 %	33 %	73 %	73 %
2	разнообразие междометий, в единицах	3	1	2	3	3
3	междометия в слабой текстовой позиции середины	+	—	+	+	+
4	рекурсия междометия в строке в единицах	4	—	—	1	1

Суммирующий результат отражает особенности репрезентации эмоций междометиями по 4 признакам, кратко опишем его.

Насыщенность междометиями приближается к оригиналу в В-3 и В-4, составляя 73 % от объема текста-достоения.

Разнообразие междометий до 3 единиц вслед за оригиналом, хотя и не всегда по правилу эквиваленции, представлено в В-3 и В-4. В-2 приближается к этому числу (2 единицы).

Помещение междометий в слабую текстовую позицию середины произведения (при отсутствии междометной аранжировки начальных и конечных строк стихотворения) вслед с оригиналом представлено в В-2, В-3 и В-4.

Прием рекурсии в строке (повтор междометия в начале и середине строки-рефрена) в неполном объеме повторен в В-3 и В-4, отсутствует в В-1 и В-2.

Характеристика репрезентации эмоциональной аранжировки междометиями в оригинале и вариантах перевода стихотворения по 4 признакам позволяет сделать объективные выводы о переводах более строгих и более вольных: следование оригиналу доминирует в В-3 и В-4 (хронологически более поздних).

7. Характеристика репрезентации рефрена стихотворения в поливариантном бытовании

Структурно стихотворение Г. Алишана организовано при помощи рефрена Ա՛յ Հրազդանի, ա՛յ ջուրի հայրենիքի (*О Раздан, о вода Отчизны*), который представлен в 5, 11, 17 и 23 строках. Анализ поливариантного бытования текста-достоения даёт интересные результаты. В оригинале и переводах начала XX века на русский язык рефрен представлен монолитно, без вариаций.

В переводе на английский язык — в варианном словесном наполнении:

(5) *Ah~ Hrazdan, waters of Fatherland / О, Раздан, воды Отечества*

(11) *Ah~, Hrazdan, ah~ waters ancestral / О, Раздан, о воды родовые*

(17) *Ah~ Hrazdan, Fatherland water / O, Раздан, Отчества воды*

(23) *A~h Hrazdan, waters fatherly / O, Раздан, воды отеческие*

В рефрене Ветерана обыгрываются номинации с семами 'Родина', 'Отчизна', в (5) и (17) строках предложена перестановка слов.

В переводе на французский язык идея варьирования развивается до нового уровня:

(5) *Ah! Hrazdan, eaux de ma Patrie / O, Раздан, воды моей Родины!*

(11) *Ah! Hrazdan, ah ! eaux ancestrales / O, Раздан! О, древние воды!*

(17) *Ah! Hrazdan, eaux de notre patrie / O, Раздан! Воды нашей Родины!*

(23) *Ah! Hrazdan eaux de mes pères / O, Раздан, воды моих отцов!*

Варьирование в рефрене затрагивает игру притяжательных местоимений (*моя, наши, мои*). Семантика Родины пополняется описательным оборотом *моих отцов*. Рефрен приобретает новую качественную характеристику, являющуюся ключевой для армянской культуры: *ancestrales* толкуется не только как 'родовой', 'наследственный', 'дедовский', но и как 'древний'. В переводе на французский наблюдается удачное осциллирование значений ('родовой' и 'древний'). Это творческая удача Л. Киффер, применившей в переводе *ancestrales* как иконический знак армянской лингвокультуры её словесный пароль.

8. Заключение

Изучение поливариантного бытования текста-достояния Г. Алишана «Раздан» с применением понятия поливариантности как исследовательского инструментария позволило прийти к нетривиальным результатам: обнаружены причины формирования текста-достояния и его вхождения в мировую литературу (выдающаяся языковая личность, продуцирующая актуальные для лингвокультуры идеи; развитые литературные взаимосвязи; «горячие» хронологические периоды взаимодействия лингвокультур и «горячие» хронологические точки — юбилейные даты).

Разработана синоптическая модель филологического анализа, включающая изучение в поэтическом тексте оригинала и его переводов репрезентации 1) этнокультурных знаков (онимов стихотворения, их этимологической характеристики), 2) эмоциональной аранжировки произведения системой междометий и их эквиваленций в переводах (с учетом приема их помещения в слабую позицию середины текста) и 3) рефрена стихотворения (включающего прием рекурсии). Данная синоптическая модель будет полезна для анализа других текстов-достояний, располагающих вариантами переводов. За пределами исследования остались многие важные аспекты, среди которых — творческие удачи переводчиков. Упомянем только наиболее удачный финал стихотворения, возможно, не уступающий по силе свободолюбия строкам оригинала, выполненный Л. Уманцом: *Б'џи, Храздань, струясь привольно!.. / Мн'џ горьких слезь моих довольно!..*

Источники и принятые сокращения

1. В-1 (вариант 1) — *Алишан Г. Раздан / Г. Алишан ; пер. Л. И. Уманца // Армянская муза : сборник / под редакцией Ю. Веселовского и проф. Г. А. Халатянца. — Москва : Типолит. «И. Н. Кушнерев и К°», 1907. — С. 143.*

2. В-2 (вариант 2) — *Алишан Г.* Раздан / Г. Алишан ; пер. С. Шервинского / Поэзия Армении. Народная, средневековая, новая в переводе русских поэтов / под ред. В. Брюсова. — Ереван : Айастан, 1966. Печатается по тексту первого издания 1916 г. — С. 399—400.
3. В-3 (вариант 3) — *Alishan Gh.* Hrazdan. Traduction Veteran [Electronic resource] / Gh. Alishan. — Access mode : <http://hyeforum.com/index.php?showtopic=24771>.
4. В-4 (вариант 4) — *Alishan Gh.* Hrazdan. Traduction Kiffer L. [Electronic resource] / Gh. Alishan. — Access mode : <http://hyeforum.com/index.php?showtopic=24771>.
5. О (оригинал) — Ալիշանի Ղ. Հրազդանի Ղ. Ալիշանի. Երկեր / Ղ. Ալիշանի. — Երևան : Սովետական գրք., 1981. — Էջ. 38—39. [Alishan G. Hrazdan // Erker / G. Alishan. — Yerevan : Sovetakan groh, 1981. — Pp. 38—39. (In Armenian)].
6. *Харина Н.* Великая Армения Гевонда Алишана [Электронный ресурс] / Н. Харина // Поэмбук. 2019. — Режим доступа : <https://poembook.ru/poem/2259564-velikaya-armeniya-levonda-alishana>.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айрян З.* Искусство поэтического перевода в творчестве русских поэтов II пол. XX — нач. XXI века (на примере армянской поэзии) / З. Айрян. — Ереван : GSM STUDIO, 2012. — 300 с.
2. *Айрян З. Г.* Ашугская поэзия Саят-Новы в русских переводах / З. Г. Айрян // Научный диалог. — 2016. — № 3 (51). — С. 132—145.
3. *Айрян З. Г.* Любовная лирика Геворка Эмина в переводах Веры Звягинцевой / З. Айрян // Научный диалог. — 2017. — № 3. — С. 82—91. — DOI : 10.24224/227-1295-2017-3-82-91.
4. *Айрян З. Г.* Языковые и стилистические особенности поэзии Ованеса Туманяна в переводах А. Тарковского и Б. Ахмадулиной / З. Г. Айрян // Поволжский педагогический вестник : Самарский гос. соц.-педагог. ун-т. — 2020. — Т. 8, № 1 (26). — С. 67—77.
5. *Ачарян Г.* Словарь армянских собственных имен / Г. Ачарян. — Ереван : Изд-во Ереванск. гос. ун-та, 1971. — Т. 1. — 736 с.
6. *Барт Р.* От произведения к тексту / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика : переводы с французского. — Москва : Прогресс, 1989. — С. 413—423.
7. *Брюсов В. Я.* Поэзия Армении и её единство на протяжении веков / В. Я. Брюсов // Армянская поэзия в переводах В. Я. Брюсова. — Ереван : Айпетрат, 1956. — С. 27—94.
8. *Веселовский Ю.* Несколько слов о новой армянской поэзии / Ю. Веселовский // Армянская муза : сборник / под ред. Ю. Веселовского, Г. Халатянца. — Москва : Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1907. — С. 5—24.
9. *Гаспаров М. Л.* Подстрочник и мера точности / М. Л. Гаспаров // Гаспаров М. Л. О русской поэзии. Анализ. Интерпретации. Характеристики. — Москва : [б. и], 2001. — С. 361—372.
10. *Давтян А.* Юрий Веселовский и армянская литература / А. Давтян. — Ереван : Айастан, 1970. — 298 с.
11. *Жумабекова А. К.* Лингвокультурологические особенности прямого и косвенного перевода рассказа М. Ауэзова «Красавица в трауре» на русский и английский языки / А. К. Жумабекова // Язык и культура. — 2019. — № 47. — С. 21—35. — DOI : 10.17223/19996195/47/2.
12. *Закарян А.* Армения в литературно-общественной деятельности В. Брюсова / А. Закарян. — Ереван : Гитутюн, 2016. — 165 с.
13. *Значение имен* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://значение-имен.рф/бабкен>.
14. *Иванян Е. П.* Повесть М. Булгакова «Собачье сердце» в парадигме приемов русской художественной литературы : лингвопоэтический аспект / Е. П. Иванян // Русистика без границ. — 2020. — Т. 4. — № 1. — С. 64—73.
15. *Исаакян А.* Гевонд Алишан [Электронный ресурс] / А. Исаакян // Армянское время. — 22.05.2017. — № 34. — Режим доступа : <http://zham.ru/categories/archive/360-avetika-isaakyan-gevond-alishan.html>.

16. Кубарев Е. М. Сопоставительная интерпретация языка художественной литературы : учебное пособие к спецкурсу / Е. М. Кубарев. — Самара : Самар. гос. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева, 1991. — 136 с.
17. *Литературная энциклопедия* : в 11 т. — Москва : Изд-во Ком. Акад., 1930. — Т. 1. — С. 661—662.
18. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — Москва : Искусство, 1970. — 384 с.
19. Меликян С. Переводы Ваана Терьяна для «Поэзии Армении» / С. Меликян // Историко-филологический журнал. — 1963. — № 4. — С. 241—248.
20. *Национальные традиции Армении, привычки и особенности местных жителей* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.orangesmile.com/destinations/armenia/traditions.htm> (дата обращения 23.09.2020).
21. Сичинава Д. В. Параллельные тексты в составе Национального корпуса русского языка : новые направления развития и результаты / Д. В. Сичинава // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2015. — Т. 6. — С. 194—235.
22. Разумовская В. А. Переводимость культурной информации и стратегии художественного перевода / В. А. Разумовская // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2016. — Выпуск 4. — С. 110—121. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.409.
23. Федоров А. В. Актуальные проблемы изучения перевода / А. В. Федоров // Художественный перевод : вопросы теории и практики. — Ереван : Изд-во Ереванского ун-та, 1982. — С. 15—19.
24. Шерстнева Е. С. Переводная множественность художественной прозы как проблема теории перевода : на материале переводов романа Р. М. Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге» на английский язык : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. С. Шерстнева. — Москва, 2009. — 21 с.
25. Шор Е. В. Субъективное и объективное в художественном переводе (концепция «многогипности» переводов и релятивистская методология / Е. В. Шор // Теория и практика перевода : республиканский межведомственный научный сборник. — Выпуск 16. — Киев : Выща школа, 1989. — С. 37—52.
26. Штикян С. А. Гевонд Алишан в русских переводах / С. А. Штикян // Литературная Армения. — 1962. — № 1. — С. 162—168.
27. Штикян С. А. Художественное наследие Гевонда Алишана : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : Ж.01.01. / С. А. Штикян. — Ереван, 1961. — 18 с.
28. *Armenian Male Names* // Bayazet [Electronic resource]. — Access mode : <http://bayazet.ru/hy/culture/armenian-language/male-name.html> (accessed 10.08.2020).
29. Bassnett S. *Constructing Cultures : Essays on Literary Translation* / S. Bassnett, A. Lefevere. — Clevedon : Multilingual Matters, 1998. — 165 p.
30. *Hye Forum message board* [Electronic resource]. — Access mode : <http://hyeforum.com/index.php?showtopic=24771> (accessed 10.08.2020).

G. ALISHAN'S POEM "HRAZDAN": POLYVARIETY OF MEANINGS, INTERPRETATIONS, TRANSLATIONS

© Elena P. Ivanyan (2020), orcid.org/0000-0003-4782-0658, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language, Speech Culture and Methods of Their Teaching, Federal State Budgeted Educational

Institution of Higher Education “Samara State University of Social Sciences and Education” (Samara, Russia), e logos@rambler.ru.

© **Zaruhi G. Ayryan (2020)**, orcid.org/0000-0002-7558-5889, PhD in Philology, Senior Researcher, the Institute of Literature after M. Abegyan of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Republic of Armenia), nerses91@rambler.ru.

The question of polyvariant existence of meanings, interpretations of the poem “Hrazdan” (and its translations) by G. Alishan is considered. The novelty of the research is seen in the multidimensionality of synoptic research with an appeal to the concepts of polyvariance as a research tool, “hot” chronological periods (attention to linguistic culture) and points (anniversaries). The phenomenon of the text-heritage is studied in its historical perspective. A brief overview of the Russian-Armenian literary relationship is carried out. The Russian-Armenian literary relationship is characterized as a factor contributing to the formation of the text-heritage. The importance of the creative work researching of the outstanding Armenian figure G. Alishan is noted. The authors dwell on the history of the texts of the invariant and variants of translations into Russian, English and French (four translations). The author’s development of a synoptic model of the philological analysis of a poetic text and its translations is presented. The questions of representation of ethnocultural signs (onyms) in translation variants are touched upon. The consequences of their elimination or equivalence are commented on (the onomastic layer of the text is examined). Various translation strategies are evaluated. The features of the representation of emotions by interjections in the original and in the translation variants are compared. The technique of recursion in the refrain is revealed, its specificity in translations is discussed.

Key words: Alishan; Western Armenian poetry; translation studies; unskilled laborer; polyvariety.

MATERIAL RESOURCES

- Kharina, N. (2019). Velikaya Armeniya Gevonda Alishana [Great Of Armenia Ghevond Alishan]. In: *Poembuk*. Available at: <https://poembook.ru/poem/2259564-velikaya-armeniya-levonda-alishana>. (In Russ.).
- O (original) — Alishan, G. (1981). *Hrazdan. Erker*. Yerevan: Sovetakan groh. 38—39. (In Armen.).
- V-1 (variant 1) — Alishan, G. (1907). Razdan [Hrazdan]. In: *Armyanskaya muza: sbornik* [Armenian Muse: collection]. Moskva: Tipol-lit. «I. N. Kushnerev i K^o». 143. (In Russ.).
- V-2 (variant 2) — Alishan, G. (1966). Razdan [Hrazdan]. In: *Poeziya Armenii. Narodnaya, srednevekovaya, novaya v perevode russkikh poetov* [Poetry of Armenia. Folk, medieval, new in the translation of Russian poets]. Erevan: Ayastan. 399—400. (In Russ.).
- V-3 (variant 3) — Alishan, Gh. Hrazdan. In: *Traduction Veteran*. Available at: <http://hyeforum.com/index.php?showtopic=24771>.
- V-4 (variant 4) — Alishan, Gh. Hrazdan. In: *Traduction Kiffer, L.* Available at: <http://hyeforum.com/index.php?showtopic=24771>. (In Fren.)

REFERENCES

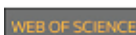
- Acharyan, G. (1971). *Slovar' armyanskikh sobstvennykh imen* [Dictionary of Armenian proper names]. I. Erevan: Izd-vo Erevansk. gos. un-ta. 736 p. (In Russ.).
- Armenian Male Names. In: *Bayazet*. Available at: <http://bayazet.ru/hy/culture/armenian-language/male-name.html> (accessed 10.08.2020).
- Ayryan, Z. (2012). *Iskusstvo poeticheskogo perevoda v tvorchestve russkikh poetov II pol. XX — nach. XXI veka (na primere armyanskoy poezii)* [The art of poetic translation in the works of Russian poets of the second half of XX-beginning. XXI century (on the example of Armenian poetry)]. Erevan: GSM STUDIO. 300 p. (In Russ.).
- Ayryan, Z. G. (2016). Ashugskaya poeziya Sayat-Novyy v russkikh perevodakh [Ashug poetry of Sayat Nova in Russian translation]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 3 (51): 132—145. (In Russ.).

- Ayryan, Z. G. (2017). Lyubovnaya lirika Gevorka Emina v perevodakh Very Zvyagintseyvoy [Love lyrics Gevorg Emin translations of Faith Zvyagintsev]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 3: 82—91. DOI: 10.24224/227-1295-2017-3-82-91. (In Russ.).
- Ayryan, Z. G. (2020). Yazykovyye i stilicheskiye osobennosti poezii Ovanesa Tumanyana v perevodakh A. Tarkovskogo i B. Akhmadulinoy [Linguistic and stylistic features of Hovhannes Tumanyans poetry in translations by A. Tarkovsky and B. Akhmadulina]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik: Samarskiy gos. sots.-pedagog. un-t* [Povolzhsky pedagogicheskiy Vestnik: Samara state social and pedagogical University], 8 1 (26): 67—77. (In Russ.).
- Bart, R. (1989). Ot proizvedeniya k tekstu [From work to text]. In: *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika: perevody s frantsuzskogo* [Selected works. Semiotics. Poetics: a translation from the French]. Moskva: Progress. 413—423. (In Russ.).
- Bassnett, S., Lefevere, A. (1998). *Constructing Cultures: Essays on Literary Translation*. Clevedon: Multilingual Matters. 165 p.
- Bryusov, V. Ya. (1956). Poeziya Armenii i yeye yedinstvo na protyazhenii vekov [Poetry of Armenia and its unity over the centuries]. In: *Armyanskaya poeziya v perevodakh V. Ya. Bryusova* [Armenian poetry in translations by V. Ya. Bryusov]. Erevan: Aypetrat. 27—94. (In Russ.).
- Davtyan, A. (1970). *Yuriy Veselovskiy i armyanskaya literatura* [Yuri Veselovsky and Armenian literature]. Erevan: Ayastan. 298 p. (In Russ.).
- Fedorov, A. V. (1982). Aktualnyye problemy izucheniya perevoda [Actual problems of translation study]. In: *Khudozhestvennyy perevod: voprosy teorii i praktiki* [Literary translation: questions of theory and practice]. Erevan: Izd-vo Erevanskogo un-ta. 15—19. (In Russ.).
- Gasparov, M. L. (2001). Podstrochnik i mera tochnosti [Podstrochnik i mera tochnosti]. In: *O russkoy poezii. Analizy. Interpretatsii. Kharakteristiki* [About Russian poetry. Analyses. Interpretations. Specifications]. Moskva: [b. i]. 361—372. (In Russ.).
- Hye Forum message board*. Available at: <http://hyeforum.com/index.php?showtopic=24771> (accessed 10.08.2020).
- Isaakyan, A. (2017). Gevond Alishan [Ghevond Alishan]. *Armyanskoye vremya* [Armenian time], 34. 22.05. Available at: <http://zham.ru/categories/archive/360-avetik-isaakyan-gevond-alishan.html>. (In Russ.).
- Ivanyan, E. P. (2020). Povesť M. Bulgakova «Sobachye serdtse» v paradigme priyemov russkoy khudozhestvennoy literatury: lingvopoeticheskiy aspekt [The Novel of M. Bulgakov “Dog’s heart” in the paradigm of methods of the Russian literature: linguopoetics aspect]. *Rusistika bez granits* [Russian Studies without borders], 4 (1): 64—73. (In Russ.).
- Kubarev, E. M. (1991). *Sopostavitelnaya interpretatsiya yazyka khudozhestvennoy literatury: uchebnoye posobiye k spetskursu* [Comparative interpretation of the language of fiction: a textbook for a special course]. Samara: Samar. gos. ped. in-t im. V. V. Kuybysheva. 136 p. (In Russ.).
- Literaturnaya entsiklopediya* [Literary encyclopedia], 11 (1). (1930). Moskva: Izd-vo Kom. Akad. 661—662. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1970). *Struktura khudozhestvennogo teksta* [Structure of the artistic text]. Moskva: Iskustvo. 384 p. (In Russ.).
- Melikyan, S. (1963). Perevody Vaana Teryana dlya «Poezii Armenii» [Translations of Vahan Teryan for “Poetry of Armenia”]. *Istoriko-filologicheskiy zhurnal* [Historical and philological journal], 4: 241—248. (In Russ.).
- Natsionalnyye traditsii Armenii, privychki i osobennosti mestnykh zhiteley* [National traditions of Armenia, habits and peculiarities of local residents]. Available at: <http://www.orang-esmile.com/destinations/armenia/traditions.htm> (accessed 23.09.2020). (In Russ.).

- Razumovskaya, V. A. (2016). Perevodimost' kulturnoy informatsii i strategii khudozhestvennogo perevoda [Translatability of cultural information and strategies of artistic translation]. *Vestnik SPbGU. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism], 4: 110—121. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.409. (In Russ.).
- Sherstneva, E. S. (2009). *Perevodnaya mnozhestvennost' khudozhestvennoy prozy kak problema teorii perevoda: na materiale perevodov romana R. M. Rilke «Zapiski Malte Lauridsa Brigge» na angliyskiy yazyk: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk* [Translated by a multiplicity of artistic prose as a problem of translation theory: on the material of translations of the novel by R. M. Rilke “Notes Malta laurids brigge” of English language. Author’s abstract of PhD Diss.]. Moskva. 21 p. (In Russ.).
- Shor, E. V. (1989). Subyektivnoye i obyektivnoye v khudozhestvennom perevode (kontseptsiya «mnogotipnosti» perevodov i relyativistskaya metodologiya) [Subjective and objective in artistic translation (the concept of “multi-type” translations and relativistic methodology)]. In: *Teoriya i praktika perevoda: respublikanskiy mezhdedomstvennyy nauchnyy sbornik* [Theory and practice of translation: Republican interdepartmental scientific collection], 16. Kiyev: Vyscha shkola. 37—52. (In Russ.).
- Shtikyan, S. A. (1961). *Khudozhestvennoye naslediyе Gevonda Alishana: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk* [The Artistic heritage of gevond Alishan. Author’s abstract of PhD Diss.]. Erevan. (In Russ.).
- Shtikyan, S. A. (1962). Gevond Alishan v russkikh perevodakh [Gevond Alishan in Russian translations]. *Literaturnaya Armeniya* [Literary Armenia], 1: 162—168. (In Russ.).
- Sichinava, D. V. (2015). Parallelnyye teksty v sostave Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka: novyye napravleniya razvitiya i rezultaty [Parallel texts as part of the National corpus of the Russian language: new directions of development and results]. In: *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the Vinogradov Institute of the Russian Language], 6. Moskva: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 194—235. (In Russ.).
- Veselovskiy, Yu. (1907). Neskolko slov o novoy armyanskoy poezii [A Few words about the new Armenian poetry]. In: *Armyanskaya muza: sbornik* [Armenian Muse: collection]. Moskva: Tipolito. T-va I. N. Kushnerev i Ko. 5—24. (In Russ.).
- Zakaryan, A. (2016). *Armeniya v literaturno-obshchestvennoy deyatelnosti V. Bryusova* [Armenia in V. Bryusov’s literary and social activities]. Erevan: Gitutyun. 165 p. (In Russ.).
- Zhumabekova, A. K. (2019). Lingvokulturologicheskiye osobennosti pryamogo i kosvennogo perevoda rasskaza M. Auezova «Krasavitsa v traure» na russkiy i angliyskiy yazyki [Linguoculturological features of direct and indirect translation of M. Auezov’s story “Beauty in mourning” into Russian and English]. *Yazyk i kultura* [Language and culture], 47: 21—35. DOI: 10.17223/19996195/47/2. (In Russ.).
- Znacheniyе imen* [The Meaning of names]. Available at: <http://znacheniyе-imen.rf/babken>. (In Russ.).

Кудряшов И. В. Отчего сдохла канарейка? (Сергей Есенин о Николае Клюеве) / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 151—162. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-151-162.

Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2020). Why Did the Canary Die? (Sergei Yesenin about Nikolai Klyuev). *Nauchnyi dialog*, 12: 151-162. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-151-162. (In Russ.).

УДК 821.161.1Есенин.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-151-162

ОТЧЕГО СДОХЛА КАНАРЕЙКА? (СЕРГЕЙ ЕСЕНИН О НИКОЛАЕ КЛЮЕВЕ)

© Кудряшов Игорь Васильевич (2020), orcid.org/0000-0001-7022-3830, ResearcherID J-7391-2019, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Арзамас, Россия), kiv.arz@yandex.ru.

© Пяткин Сергей Николаевич (2020), orcid.org/0000-0002-8659-7543, ResearcherID J-9796-2016, доктор филологических наук, профессор, директор, Арзамасский филиал, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Арзамас, Россия), nikolas_pyat@mail.ru.

Статья посвящена проблеме истолкования известных есенинских строк о Н. А. Клюеве в стихотворении «На Кавказе». В литературоведении утвердилась точка зрения, согласно которой в одиннадцатой строфе стихотворения С. А. Есенина содержится известное «эпиграмматическое определение», выражающее крайне резкое «негативное отношение» поэта к своему бывшему наставнику. Проведённый авторами статьи системный анализ есенинских поэтических определений Клюева «апостол нежный» («О муза, друг мой гибкий...», 1917) и «ладожский дьячок» («На Кавказе», 1924) в историко-литературном контексте позволил обнаружить их тесную смысловую соотнесённость и идентифицировать строки о Клюеве в стихотворении «На Кавказе» как авторскую самоиронию, выраженную в форме шуточного разжалования своего бывшего учителя. Доказывается, что в стихотворении «На Кавказе», иронически ставя себя на место «сдохшей канарейки», поэт, категорически не приемлющий подражательности в поэзии, не только заявляет о губительности для всякого таланта пения «с голоса чужого», но и отчетливо даёт знать, что он «не кенар», подражающий Клюеву, что их дороги давно разошлись, что канарейка в нём «сдохла» ещё в юности; а самоиронические, безобидные строки о своём наставнике в стихотворении «На Кавказе» свидетельствуют о творческой зрелости Есенина как большого национального поэта, осмыслившего свою значимость и место на русском Парнасе.

Ключевые слова: С. А. Есенин; Н. А. Клюев; канарейка; стансы; на Кавказе; реминисценция; олицетворение; языковая шутка.

Канарейка с голоса чужого —
Жалкая, смешная побрякушка.

С. А. Есенин

1. Вводные замечания

В литературоведении уже относительно давно утвердилась точка зрения, согласно которой в одиннадцатой строфе стихотворения «На Кавказе» («Издревле

русский наш Парнас...») (1924), содержащей известное «эпиграмматическое определение» Н. А. Клюева «ладожский дьячок», С. А. Есенин отобразил свое «негативное отношение» к религиозности олонецкого поэта [Базанов, 1982, с. 33; Наумов, 1973, с. 225; Субботин, 1997, с. 421 и др.]. Его стихи саркастически сравниваются Есениным с предметом повседневной одежды — «телогрейкой», и они же, прочитанные лирическим героем вслух, становятся будто бы причиной преждевременной гибели в клетке ни в чём не повинной канарейки:

И Клюев, ладожский дьячок,

Его стихи как телогрейка,

Но я их вслух вчера прочёл,

И в клетке сдохла канарейка [Есенин, 1997, с. 109].

Сегодня эти есенинские строки о Клюеве вошли в золотой фонд антологии русской языковой шутки [КСРО, 2012, с. 337] как яркий образец смеховой культуры в поэзии Серебряного века, выраженный остроумными и меткими «эпиграмматическими строками», содержащими нелестную оценку литературного творчества Клюева. Еще более категорично звучит суждение об этих есенинских строках как «неумолимом поэтическом приговоре», вынесенном учеником своему учителю [Атуприн, 2003, с. 820]. Примечательно в данной связи и то, что в двух специальных работах, посвященных изучению творческих взаимоотношений Есенина и Клюева, интересующая нас строфа и вовсе обойдена вниманием исследователей [Субботин, 1994; Киселева, 1997]. Вероятно, причиной тому стало восприятие клюевского образа у Есенина как совершенно однозначной, отличающейся некой сиюминутностью, язвительной насмешки младшего поэта над своим наставником, что, в свою очередь, не может служить объективной характеристикой глубинного творческого диалога поэтов, накрепко связавшего их судьбы.

Обобщая все состоявшиеся и — как бы парадоксально это ни звучало — несостоявшиеся исследовательские суждения относительно образа Клюева в есенинском стихотворении «На Кавказе», необходимо подчеркнуть, что такие прямолинейные трактовки фактически не учитывают историко-литературного контекста произведения. А внимание к этому контексту, на наш взгляд, с одной стороны, может прояснить видовой характер комического эффекта есенинских строк о Клюеве, а с другой — позволит ответить на само собой возникающие здесь вопросы: отчего же «сдохла канарейка»? виноват ли в её смерти «ладожский дьячок»? заслужил ли он столь суровый «поэтический приговор» (в форме пропитанных сарказмом «эпиграмматических» строк) со стороны Есенина.

2. «Апостол нежный» и «ладожский дьячок» (О двух ипостасях Клюева в творческой судьбе Есенина)

Одной из конструктивных особенностей содержания есенинского стихотворения «На Кавказе» является очевидное противопоставление «классиков» (Пушкина, Лермонтова, Грибоедова) «современникам» (Маяковский и Клюев). Высокие, одухотворенные образы величайших творцов национальной культуры XIX века резко контрастируют с едва ли не карикатурными изображениями поэтов XX века. Выбор

Есениным «современников» кажется вполне понятным и обоснованным. Владимир Маяковский на поэтическом Олимпе той поры — фигура яркая, оригинальная, мало с кем сравнимая по своей популярности и к тому же находящаяся в фаворе у действующей власти. Редкая критическая работа рубежа 10—20-х годов, посвященная как Есенину, так и Клюеву, обходилась без сопоставления художественных миров этих поэтов, представителей новокрестьянской литературы, где Николай Клюев, как правило, назывался в качестве творческого наставника. Получается, что в стихотворении «На Кавказе» Есенин, выступая наследником классических традиций, и исключительно в этой ипостаси, развенчивает лидерскую репутацию Маяковского в современной поэзии и наставническую репутацию Клюева, только уже по отношению к самому себе.

Только вот если в случае с Маяковским такое предположение видится и резонным, и убедительным («На Кавказе» пишется, что называется, по «горячему следу» «Юбилейного» Маяковского, где тот, словно бы перебирая современных поэтов, достойных славы Пушкина, дает уничижительную оценку Есенину [Субботин, 1994, с. 419—421]), то «случай Клюева» в этой перспективе имеет, думается, и иную природу, и иное содержание.

В комментариях к стихотворению «На Кавказе» в Академическом собрании сочинений Есенина указывается, что появление Клюева в этом произведении, имеющее столь негативное художественное решение, может быть связано с последним разговором поэтов летом 1924 года, обострившим их разногласия по религиозным вопросам [Субботин, 1994, с. 421]. Однако такие разногласия, как известно, имеют давнюю историю: у Есенина они впервые обозначены еще в «Ключах Марии» (1919), затем нашли свое продолжение в письмах поэта начала 20-х годов, где творческое поведение Клюева названо «мистикой дешевого православия», сам же он не без сарказма именован «вытегрским подвижником» и «календарным святителем» [Есенин, 1999а, с. 131]. Согласимся, что определение «ладожский дьячок» в ряду таких образных номинаций Клюева выглядит почти органично. К тому же здесь Есенин мог припомнить, что и он сам, и опять же в «клюевском контексте», литературной критикой был записан в «дьячки» («Церковно-славянский, великопостный, с поджатыми губами словарь этот [Есенина] весьма отдает священным саном колу-паевского дьячка» [Асеев, 1922, с. 38]).

Но все-таки ключом к разгадке одиннадцатой строфы стихотворения «На Кавказе» нам видится диалогическая соотнесенность художественной персонификации «Клюев, ладожский дьячок» с поэтическим именованием «апостол нежный», которым Есенин в 1917 году нарек Клюева в стихотворении «О муза, друг мой гибкий...». Несмотря на достаточно солидную временную дистанцию, отделяющую эти разнооценочные определения, между ними, тем не менее, усматривается непосредственная смысловая связь. В восприятии лирического героя Есенина 1917 года — в то время молодого, но уже известного поэта — Клюев предстает не просто наставником, но апостолом: избранным подвижником, проповедующим провозглашенную Иисусом Христом весть о наступлении Царства Божия и спасении рода человеческого:

*Тогда в веселом шуме
Игривых дум и сил
Апостол нежный Клюев
Нас на руках носил* [Есенин, 1995, с. 135].

Такое поэтическое представление образа Клюева, имеющее сакральное значение, выглядит у Есенина вполне закономерным, если принять во внимание не только ту опеку, которой авторитетный в петербургских литературных кругах олоонецкий поэт окружил своего ученика (а от учительской роли Клюева в своей судьбе Есенин никогда не отрекался!), но и основные мотивы его дореволюционных сборников стихов, в том числе «Сосен перезвон» и двух книг «Братских песен» [Кудряшов и др., 2012; Кудряшов, 2015; Терешкина, 2019].

Вместе с тем в стихотворении «О муза, друг мой гибкий...» весьма отчетливо явлено контрастное соположение событийно-временных локусов, маркированных в тексте словами «тогда» и «теперь». Духовное и творческое наставничество Клюева осталось в прошлом, и, выражая искреннюю благодарность своему учителю в поэзии «за отческую щедрость», Есенин в то же время отмечает, что «*Теперь мы стали зрелей / И весом тяжелей...*» [Есенин, 1995, с. 135], подчёркивая тем самым свою теперешнюю самостоятельность и состоятельность как художника слова и дистанцируясь от поры своего литературного ученичества.

Спустя годы, будучи на Кавказе, Есенин, осмысливая собственное значение и место на русском Парнасе среди имён первых российских литераторов прошлого и настоящего, вспоминая трепетное преклонение своим «наставником» и его некогда опозитизированный им образ, шутливо-иронически называет Клюева «ладожским дьячком» и тем самым низводит «апостола нежного» из высшего в низший разряд служителей церкви, не имеющих даже степени священства и не входящих в состав церковной иерархии, но поставленных на церковное служение. Поэтическое разжалование Есениным Клюева в «ладожские дьячки» (обратим внимание, даже не в губернские, а в волостные), тем не менее, сохранило за ним статус учителя-наставника, так как известно, что именно дьячки в русских деревнях зачастую обучали азам грамоты и, говоря на современный лад, основам православной культуры детей приходских крестьян. Собственно, подтверждение тому мы находим в стихотворении Есенина «Письмо к деду», написанном, кстати, на Кавказе в том же 1924 году:

*Недаром прадед
За овса три меры
Тебя к дьячку водил
В заброшенной глуши
Учить: «Достойно есть»
И с «Отче» «Символ веры»* [Есенин, 1997, с. 139].

В самой переключке есенинских образных определений Клюева «апостол нежный» и «ладожский дьячок», как мы думаем, заключена самоирония автора стихотворения «На Кавказе», страждущего судьбы первых имен русской поэзии, но не лишённого узнавания «своего» теперь уже «в ином самом себе» [Фархитдинова, 2003, с. 14].

Самоирония у Есенина скрыта и в сравнении клюевских стихов с телогрейкой, что в определенной мере продолжает и развивает полемическую перекличку стихотворений «О муза, друг мой гибкий...» и «На Кавказе». Можно сказать, что руки «апостола нежного» спустя годы «уступают» место «телогрейке» — одежде, согревающей, оберегающей от холода (так же, как и нежные руки взрослого, обнимающие младенца) тело уже не нуждающегося в родительской опеке человека. С одной стороны, это свидетельствует о творческом взрослении Есенина, не утратившего своего «кровного родства» с бывшим наставником, а с другой — порождает устойчивую ассоциативную связь с известной формулой «Все мы вышли из “Шинели” Гоголя», которую, как отметил А. А. Долинин, с самого начала XX века обычно приписывали Достоевскому и цитировали «как подлинное высказывание» писателя («во многих статьях и книгах по истории русской литературы») [Долинин, 2018, с. 163, 169]. Иронизируя исключительно над самим собой, Есенин оригинально переосмысливает общеизвестную формулу о русских писателях 40-х годов XIX века, проводя скрытую аналогию, что он сам, как поэт, «вышел» из «телогрейки» Клюева.

В стихотворении «На Кавказе», выделяя Клюева и Маяковского на фоне поэтов-современников, Есенин в то же время противопоставляет их друг другу. Указывая на Маяковского как на главного «штабс-маляра» поэтов, Есенин с высоты «русского Парнаса» снисходительно насмехается над его главенствующим положением среди современных ему российских поэтов, в то время как в следующей строфе о Клюеве объектом есенинской иронии становится уже его собственное изменившееся с годами восприятие олонецкого поэта. Столь кардинальное изменение объекта авторской иронии противопоставляет образы Клюева и Маяковского в стихотворении «На Кавказе» по принципу «свой-чужой».

3. «Я вам не кенар! Я поэт!» (С. Есенин о «канаречности» в поэзии и своём таланте)

В 1926 году в статье «Есенин» поэт И. В. Грузинов писал: «Есенин в стихах никогда не лгал. Рассказывает он об умершей канарейке — значит, вспомнил умершую канарейку, рассказывает о гаданье у попугая — значит, это гаданье действительно было, рассказывает о жеребёнке, обгоняющем поезд, — значит, случай с милым и смешным дуралеем был... Всякая чёрточка, маленькая чёрточка в его стихах, если стихи касаются его собственной жизни, верна. Сам поэт неоднократно указывает на это обстоятельство, на автобиографический характер его стихов» [Грузинов, 1986, с. 353]. Не оспаривая утверждения Грузинова об автобиографическом характере стихов Есенина, в то же время заметим, что приведённый им пример с «умершей канарейкой», когда речь заходит о стихотворении «На Кавказе», не следует буквально переносить в интерпретации есенинского поэтического текста, который является художественной проекцией тех или иных реалий из жизни поэта. Для всестороннего осмысления есенинского образа «сдохшей» в клетке канарейки («*И в клетке сдохла канарейка*») в стихотворении «На Кавказе» обратимся к известным литературно-биографическим и орнитологическим фактам, а также носящему локальный характер бытованию образа этой птицы в лирике поэта 1924—25-х годов.

Известно, что Сергей Есенин «очень любил» «грустные и протяжные» русские народные песни, а особенно ему нравилась «Это было давно...», которую поэт любил слушать в исполнении своих сестер — Александры и Екатерины [Есенина, 1986, с. 110, Эрлих, 1986, с. 333—334]. В основе этого народного произведения лежит композиционный приём поэтического, или образного, параллелизма, реализующегося через её двучленную организацию, сущность которой сводится к сопоставлению прощальных слов героини Саши при расставании с милым с громким унывым пением канарейки в летнем саду. Песня начиналась следующими строками:

Это дело было

Летнюю порою.

В саду канарейка

Громко распевала.

Голосок унывный

В лесу раздаётся.

Это, верно, Саша

С милым растаётся [Есенина, 1986, с. 110].

В отечественном песенном фольклоре, как правило, жалобное пение канарейки олицетворяет разлуку (расставание) влюблённых. Весьма показательна в этом отношении очень популярная в XIX и начале XX веков народная песня «Разлука», которую Есенин несчётное количество раз мог слышать как в исполнении уличных шарманщиков, так и в исполнении кабацких певцов. Изготавливались и лубочные картинки, изображающие сцены любимой народом песни [РНП]. Жалобное пение пташки канарейки в «Разлуке» так же, как и в любимой есенинской песне «Это дело было...», соотнесено с горестным прощанием, а её образ в целом вызывает сочувствие к несчастливой судьбе, обрекшей птаху на тягостные страдания:

Все пташки канарейки

Так жалобно поют

А нам с тобой милый

Разлуку все дают.

Разлука, ты разлука,

Чужая сторона,

Никто нас не разлучит,

Как мать сыра земля... [РНП].

Фольклорные истоки образа канарейки у Есенина узнаваемо просматриваются в «Стансах» (1924), где лирический герой с иронией вспоминает своё чтение «каких-то» стихов в тигулевке «*О клеточной судьбе / Несчастной канарейки*» [Есенин, 1997, с. 135], не приемля при этом покорность своей несчастливой судьбе уже в настоящем и будущем. Для лирического героя-поэта несчастливой, «клеточной» судьба заключается отнюдь не в пребывании в арестантском помещении, а в чтении «какого-то» стиха, то есть произведения чуждого, неоригинального, о чём свидетельствует употреблённое Есениным по отношению к стиху определение, выраженное в тексте неопределённым местоимением. Иными словами, «клеточ-

ная судьба несчастной канарейки» у Есенина олицетворяет несчастливую, жалкую участь поэта, чьи создания лишены свободы творческого самовыражения. Поэтому в следующих строках изменяется интонация: уже без иронии поэт резко и категорично заявляет о своём поэтическом кредо:

Я вам не кенар!

Я поэт!

И не чета каким-то там Демьянам.

Пускай бываю иногда я пьяным,

Зато в глазах моих

Прозрений дивных свет [Есенин, 1997, с. 135].

Разрабатывая проблему необходимости свободы самовыражения для творчества, годом позже в программном стихотворении «Быть поэтом — это значит то же...» (1925) Есенин выскажется о назначении поэта, прибегнув вновь к сравнению стихотворцев с пением птиц — соловья и канарейки. В отличие от соловья, поющего хотя и «одну и ту же песню», но свободно, канарейка, поющая «с голоса чужого», у Есенина олицетворяет поэтов, живущих в «пересказе сказанных» слов. По глубокому и твердому убеждению Есенина, «только свободный художник может принести свободное слово» [Есенин, 1999б, с. 17], в котором нуждается мир:

Быть поэтом — значит петь раздольно,

Чтобы было для тебя известней.

Соловей поёт — ему не больно,

У него одна и та же песня.

Канарейка с голоса чужого —

Жалкая, смешная побрякушка.

Миру нужно песенное слово

Петь по-свойски, даже как лягушка [Есенин, 1995, с. 267].

Сравнение подражательности в поэзии с пением канарейки, иронически именуемой Есениным в стихотворении «Быть поэтом — значит петь раздольно...» «жалкой, смешной побрякушкой», в начале прошлого века в литературных кругах было если не расхожим, то, по крайней мере, известным благодаря нашумевшему «Литературному фельетону» З. Н. Гиппиус «Люди и нелюди», опубликованному в газете «Новые ведомости. Вечерний выпуск» (№ 43) за 1918 год. Автор статьи обличает тех деятелей российского искусства, которые «примкнули к власти сегодняшнего дня», в том числе упоминает и молодого поэта Есенина [Летопись ..., 2005, т. 2, с. 108]. Проводимое Гиппиус саркастическое сравнение их с канарейками, «поющими» в угоду сегодняшнему дню, под влиянием новой Советской власти, послужило основанием автору статьи именовать литераторов, лишённых «человеческой ответственности» и, следовательно, подлинной свободы творческого самовыражения, «нелюдьми», а само явление писательского социально-политического приспособленчества, благодаря Гиппиус, получило название «канареечность»: «<...> мы часто сами способствуем процессу превращения в безвозвратную “нелюдь” тех, кто ещё мог бы стать человеком. Мы поощряем милую канареечность какого-нибудь юного поэта,

ничего от него, кроме песен, не требуя, с преступным равнодушием следя за его вырождением. А ведь это не канарейки. Ведь иные — в потенци — и люди! <...> Самое суровое, непреклонное требование от них человеческой ответственности — вот милосердие, которое должно оказывать молодым талантам. Их можно спасти, если они ещё в переходном состоянии» [Летопись ..., 2005, т. 2, с. 108].

И Гиппиус («*А ведь это не канарейки*»), и позднее Есенин («*Я вам не кенар!* / *Я поэт!*») канарейку олицетворяли с несвободным от сторонних влияний талантом благодаря её отличительной особенности, хорошо известной не только разводчикам этих домашних птиц. В начале XX века «канарейка сделалась любимому певчю птицей вследствие её красивого цвета и формы, ясного и звучного голоса, понятливости, способности легко делаться ручной и выгоды, получаемой от разведения их в садках» [Маркс-Манн, 1903, с. 296]. О широкой популярности канареек в среде городских российских жителей говорит и тот факт, что этот вид домашних певчих птиц в огромных количествах разводили в селе Павлове и в соседней с селом деревне Давыдовой Горбатовского уезда Нижегородской губернии и продавали как в розницу, так и оптом в Платочном ряду Нижегородской ярмарки не только по всей России, но и за рубеж [Бесчинский, 1903, с. 166]. У мешан, любителей канареек, было принято клетки с птицей располагать в комнатах жилых помещений ближе к окнам, где больше естественного света, а летом, в ясную и тёплую погоду, выносить их в сад и крепить к ветвям деревьев. Однако особенностью этого вида домашних певчих птиц было то, что канарейки отличались «хорошим слухом, способностью *подражать* разным звукам и хорошою памятью. Они не только *подражают* пению других птиц, слышанному ими по выходе из гнезда, от чего происходит разнообразие их напева; но *перенимают* также звуки флейты и научаются даже произносить короткие слова и различного рода штукам по команде» [Маркс-Манн, 1903, с. 296—297]. Именно способность канарейки подражать пению других птиц стала как для Гиппиус («...*канареечность* какого-нибудь юного поэта»), так и впоследствии для Есенина («*Канарейка с голоса чужого*...») определяющим свойством для проведения сравнительных аналогий этой певчей птицы с человеком.

4. Заключение (О «сдохшей канарейке»)

Вернёмся к есенинскому образу «сдохшей» в клетке канарейки из одиннадцатой строфы стихотворения «На Кавказе», чтобы ответить на вопрос о причине гибели несчастной птахи. Заданная двумя первыми строками самоирония лирического героя в последующих двух получает своё закономерное развитие. Однако лирический объект и субъект в этих строках меняются местами. Читая «вслух» стихи своего бывшего наставника, лирический герой тем самым ставит себя на его место, уступая своё единственному их слушателю — канарейке в клетке, известной подражательнице пению других птиц. А это задает совершенно иной контекст восприятия есенинского образа, нежели чем отмеченный, как мы уже указывали, исследователями и комментаторами стихотворения «На Кавказе». Есенин, во-первых, иронически ставя себя на место сдохшей канарейки, не только заявляет о губительности для всякого таланта пения «с голоса чужого», но и декларирует собственное взросление до подлинного, имеющего свой голос и творческий вес в литературе

русского поэта. Во-вторых, Есенин своим ироническим пассажем отчетливо дает знать, что он «не кенар», вторящий в своих стихах Клюеву, что их дороги давно разошлись, что канарейка в нём «сдохла» ещё в юности...

Сам Клюев вряд ли обижался на есенинскую шутку, понимая, что «птенец» давно выпорхнул из «родительского гнезда» и уже достиг определённых высот в мире поэтического слова.

Б. А. Филиппов, биограф и исследователь творчества Н. Клюева, в предисловии к мюнхенскому собранию сочинений поэта справедливо отметил, что Есенин, «как поэт, понимал — чем и в чём Клюев был выше его. Завидовал, ругался, пытался даже отшутиться: “И Клюев, ладожский дьячок, / Его стихи, как телогрейка...”» [Филиппов, 1969, с. 130]. Именно как самоироничную дружескую шутку Есенина, адресованную своему бывшему наставнику, а не есенинский «поэтический приговор» в виде эпиграмматических строк, и нужно воспринимать одиннадцатую строфу стихотворения «На Кавказе», несущую в то же время глубокий подтекстовый смысл, связанный с осознанием Есениным себя как поэта национального масштаба. Не лишним в этой связи будет отметить, что в последнем автобиографическом очерке (октябрь, 1925) Есенин на свое ученическое прошлое указывал с подчеркнутой серьезностью: «Из поэтов современников нравились мне больше всего Блок, Белый и Клюев. Белый дал мне много в смысле формы, а Блок и Клюев научили меня лиричности» [Есенин, 1999б, с. 19].

Источники и принятые сокращения

1. КСРО — Санников В. З. Краткий словарь русских острот / В. З. Санников. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 376 с.

2. РНП — *Разлука* (Народная песня) : Все птички канарейки так жалобно поют... : [лубок]. — [Б.м.] : Типо-литография торгового дома Е. Коновалова и Ко. — 1 л. ; хромолитогр. ; 28,1 x 39,6 (изобр.); 33,7 x 42,4 см.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асеев Н. «Избяной обоз» (О пастушеском течении и поэзии наших дней) / Н. Асеев // Печать и революция. — 1922. — № 8, ноябрь-декабрь. — С. 38—45.

2. Атуприн Вл. Письма беспартийного. (“Лично Явлинскому”) / Вл. Атуприн. — Москва : ЭПИцентр : Интеграл-Информ, 2003. — 895 с.

3. Базанов В. Г. Сергей Есенин и крестьянская Россия / В. Г. Базанов. — Ленинград : Сов. писатель : Ленинградское отделение, 1982. — 303 с.

4. Бесчинский А. Я. Путеводитель по Волге / А. Я. Бесчинский. — Москва : Т-во И. Н. Кушнерева и К°, 1903. — 384 с.

5. Грузинов И. В. Есенин / И. В. Грузинов // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 1 / сост. и коммент. А. Козловского. — Москва : Худож. лит., 1986. — С. 351—364.

6. Долинин А. А. Кто же сказал «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя? / А. А. Долинин // Русская литература. — 2018. — № 3. — С. 163—170.

7. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Стихотворения / С. А. Есенин. — Москва : Наука ; Голос, 1995. — 672 с.

8. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы) / С. А. Есенин. — Москва : Наука ; Голос, 1997. — 464 с.

9. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. Письма / С. А. Есенин. — Москва : Наука ; Голос, 1999а. — 816 с.
10. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. Т. 7. Кн. 1. Автобиографии. Дарственные надписи. Фольклорные материалы. Литературные декларации и манифесты / С. А. Есенин. — Москва : Наука ; Голос, 1999б. — 559 с.
11. *Есенина А. А.* Родное и близкое / А. А. Есенина // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 1 / сост. и коммент. А. Козловского. — Москва : Худож. лит., 1986. — С. 55—125.
12. *Киселева Л. А.* Есенин и Клюев: скрытый диалог (попытка частичной реконструкции) / Л. А. Киселева // Николай Клюев : Исследования и материалы. — Москва : Наследие, 1997. — С. 183—198.
13. *Кудряшов И. В.* «Светлая радость спасенья...»: Клюев и Пушкин / И. В. Кудряшов // Болдинские чтения 2015 : сборник трудов Международной научной конференции. — Саранск, 2015. — С. 260—272.
14. *Кудряшов И. В.* О доминирующем религиозном мотиве ранней лирики Николая Клюева / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин // Мир науки, культуры, образования. — 2012. — № 6 (37). — С. 78—81.
15. *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина* : в 5 т. Т. 2: 1917—1920 / РАН ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : ИМЛИ РАН, 2005. — 760 с.
16. *Маркс-Манн.* Курс новых охотничьих секретов, или Полная школа охоты на известных диких и на обыкновенных птиц, как нужно наверняка без промаха стрелять их в лет / Маркс-Манн. — 7-е изд. — Москва : типо-лит. И. И. Пашкова, 1903. — 320 с.
17. *Наумов Е. И.* Сергей Есенин : личность, творчество, эпоха / Е. И. Наумов. — Ленинград : Лениздат, 1973. — 455 с.
18. *Субботин С. И.* Есенин и Клюев (К истории творческих взаимоотношений) / С. И. Субботин // О, Русь, взмахни крылами... Есенинский сборник. Вып. I. — Москва : Наследие, 1994. — С. 104—120.
19. *Субботин С. И.* Комментарии / С. И. Субботин // Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы). — Москва : Наука ; Голос, 1997. — С. 255—461.
20. *Терешкина Д. Б.* Евангельские образы и мотивы в первой книге «Братских песен» Николая Клюева / Д. Б. Терешкина // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17, № 1. — С. 94—107. — DOI 10.15393/j9.art2019.5861.
21. *Фархитдинова О. М.* Ирония : проблема определения и роль в философском познании : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.01 / О. М. Фархитдинова. — Екатеринбург, 2003. — 168 с.
22. *Филиппов Б.* Николай Клюев : материалы для биографии / Б. Филиппов // Николай Клюев. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / Н. Клюев ; под ред. Г. П. Струве, Б. А. Филиппова. — [Мюнхен] : A. Neimans Buchvertrieb und Verlag, 1969. — С. 7—156.
23. *Эрлих В. И.* Право на песнь / В. И. Эрлих // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 2. / сост. и коммент. А. Козловского. — Москва : Худож. лит., 1986. — С. 319—353.

WHY DID THE CANARY DIE? (SERGEI YESENIN ABOUT NIKOLAI KLYUEV)

© Igor V. Kudryashov (2020), orcid.org/0000-0001-7022-3830, ResearcherID J-7391-2019, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Department of Russian Language and Literature, Arzamas Branch, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas, Russia) (Arzamas, Russia), kiv.arz@yandex.ru.

© **Sergey N. Pyatkin (2020)**, orcid.org/0000-0002-8659-7543, ResearcherID J-9796-2016, Doctor of Philology, Professor, Director, Arzamas Branch, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas, Russia) (Arzamas, Russia), nikolas_pyat@mail.ru.

The article is devoted to the problem of interpretation of the well-known Yesenin lines about N. A. Klyuev in the poem "In the Caucasus". In literary criticism, the point of view has been established, according to which the eleventh verse of the poem by S. A. Yesenin contains a well-known "epigrammatic definition" expressing the extremely sharp "negative attitude" of the poet towards his former mentor. The systemic analysis of Yesenin's poetic definitions of Klyuev, "gentle apostle" ("O muse, my flexible friend...", 1917) and "Ladoga deacon" ("In the Caucasus", 1924) in the historical and literary context, made it possible to find their close semantic correlation and identify the lines about Klyuev in the poem "In the Caucasus" as the author's self-irony, expressed in the form of a comic demotion of his former teacher. It is proved that in the poem "In the Caucasus", ironically putting himself in the place of a "dead canary", a poet who categorically does not accept imitation in poetry, not only declares that singing "from the voice of someone else" is destructive for any talent, but also clearly makes it known that he is "not a canary," imitating Klyuev, that their paths diverged long ago, that the canary in him "died" in his youth; and the self-ironic, harmless lines about his mentor in the poem "In the Caucasus" testify to Yesenin's creative maturity as a great national poet who has comprehended his significance and place in Russian Parnassus.

Key words: S. A. Yesenin; N. A. Klyuev; canary; stanzas; in the Caucasus; reminiscence; personification; language joke.

MATERIAL RESOURCES

KSRO — Sannikov, V. Z. (2012). *Kratkiy slovar' russkikh ostrot* [A short dictionary of Russian witticisms]. Moskva: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi. 376 p. (In Russ.).

RNP — *Razluka (Narodnaya pesnya): Vse ptashki kanareyki tak zhalobno poyut...* [Parting (Folk Song): All the canary birds sing so plaintively...]. [B.m.]: Tipo-litografiya torgovogo doma E. Konovalova i Ko. (In Russ.).

REFERENCES

- Aseev, N. (1922). «Izbyanoy oboz» (O pastusheskom techenii i poezii nashikh dnei) ["Izbyanoy wagon train" (On the shepherd's current and poetry of our days)]. *Pechat' i revolyutsiya* [Print and revolution], 8 (noyabr'-dekabr'): 38—45. (In Russ.).
- Atuprin, VI. (2003). *Pis'ma bespartynogo. ("Lichno Yavlinskomu")* [Non-party letters. ("Personally to Yavlinsky")]. Moskva: EPlitsentr, Integral-Inform. 895 p. (In Russ.).
- Bazanov, V. G. (1982). *Sergey Esenin i krestyanskaya Rossiya* [Sergei Yesenin and peasant Russia]. Leningrad: Sov. pisatel: Leningradskoe otdelenie. 303 p. (In Russ.).
- Beschinskiy, A. Ya. (1903). *Putevoditel po Volge* [Volga guide]. Moskva: T-vo I. N. Kushnereva i K. 384 p. (In Russ.).
- Dolinin, A. A. (2018). Kto zhe skazal «Vse my vyshli iz «Shineli» Gogolya? [Who said, "We all left Gogol's "Shinel"?]. *Russkaya literature* [Russian literature], 3: 163—170. (In Russ.).
- Erlikh, V. I. (1986). Pravo na pesn' [The right to song]. In: *S. A. Esenin v vospominaniyakh sovremennikov* [S. A. Yesenin in the memoirs of his contemporaries]. Moskva: Khudozh. lit. 2/2: 319—353. (In Russ.).
- Esenin, S. A. (1995). *Polnoe sobranie sochineniy. Stikhotvoreniya* [Full composition of writings. Poems]. Moskva: Nauka; Golos. 7/1: 672 p. (In Russ.).
- Esenin, S. A. (1997). *Polnoe sobranie sochineniy. Stikhotvoreniya (Malenkie poemy)* [Full composition of writings. Poems (Small poems)]. Moskva: Nauka ; Golos. 7/2: 464 p. (In Russ.).
- Esenin, S. A. (1999a). *Polnoe sobranie sochineniy. Pis'ma* [Full composition of writings. Letters]. Moskva: Nauka; Golos. 7/6: 816 p. (In Russ.).

- Esenin, S. A. (1999b) *Polnoe sobranie sochineniy. Avtobiografii. Darstvennyye nadpisi. Folklornyye materialy. Literaturnye deklaratsii i manifesty* [Full composition of writings. Autobiography. Donation inscriptions. Folklore materials. Literary declarations and manifestos]. Moskva: Nauka; Golos. 7/7 (1): 559 p. (In Russ.).
- Esenina, A. A. (1986). Rodnoe i blizkoe [Native and close]. In: *S. A. Esenin v vospominaniyakh sovremennikov* [S. A. Yesenin in the memoirs of his contemporaries]. Moskva: Khudozh. lit. 2/1: 55—125. (In Russ.).
- Farkhitdinova, O. M. (2003). *Ironiya: problema opredeleniya i rol v filosofskom poznanii: PhD Diss.* [Irony: the problem of definition and the role in philosophical knowledge PhD Diss.]. Yekaterinburg. 168 p. (In Russ.).
- Filippov, B. (1969). Nikolay Klyuev: materialy dlya biografii [Nikolay Klyuev: materials for biography]. In: *Nikolay Klyuev. Sochineniya* [Nikolay Klyuev. Essays]. [Myunkhen]: A. Neimanis Buchvertrieb und Verlag. 2/1: 7—156. (In Russ.).
- Gruzinov, I. V. (1986). Esenin. In: *S. A. Esenin v vospominaniyakh sovremennikov* [S. A. Yesenin in the memoirs of his contemporaries]. Moskva: Khudozh. lit., 1986. 2/1: 351—364. (In Russ.).
- Kiseleva, L. A. (1997). Esenin i Klyuev: skrytyy dialog (popytka chastichnoy rekonstruktsii) [Yesenin and Klyuev: hidden dialogue (an attempt at partial reconstruction)]. In: *Nikolay Klyuev: Issledovaniya i materialy* [Nikolay Klyuev: Research and materials]. Moskva: Nasledie. 183—198. (In Russ.).
- Kudryashov, I. V. (2015). «Svetlaya radost' spasenya...»: Klyuev i Pushkin [“The bright joy of salvation...”: Klyuev and Pushkin]. In: *Boldinskie chteniya 2015: sbornik trudov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Boldin Readings 2015: Proceedings of the International Scientific Conference]. Saransk. 260—272. (In Russ.).
- Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2012). O dominiruyushchem religioznom motive ranney liriki Nikolaya Klyueva [On the dominant religious motive in the early lyrics of Nikolai Klyuev]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 6 (37): 78—81. (In Russ.).
- Letopis' zhizni i tvorchestva S. A. Esenina (1917—1920)* [Chronicle of the life and work of S. A. Yesenin (1917—1920)]. (2005). Moskva: IMLI RAN. 5/2: 760 p. (In Russ.).
- Marks-Mann. (1903). *Kurs novykh okhotnich'ikh sekretov, ili Polnaya shkola okhoty na izvestnykh dikikh i na obyknovennykh ptits, kak nuzhno navernyaka bez promakha strelyat' ikh v let* [A course in new hunting secrets, or a complete school of hunting famous wild and common birds, how you must shoot them for sure without a miss]. (7th ed.). Moskva: tipo-lit. I. I. Pashkova. 320 p. (In Russ.).
- Naumov, E. I. (1973). *Sergey Esenin: lichnost', tvorchestvo, epokha* [Sergei Yesenin: personality, creativity, era]. Leningrad: Lenizdat. 455 p. (In Russ.).
- Subbotin, S. I. (1994). Esenin i Klyuev (K istorii tvorcheskikh vzaimootnosheniy) [Yesenin and Klyuev (On the history of creative relationships)]. In: *O, Rus', vzmakhi krylami... Eseninskiy sbornik* [Oh, Russia, flap your wings ... Yeseninsky collection]. Moskva: Nasledie. 104—120. (In Russ.).
- Subbotin, S. I. (1997). Kommentarii [Comments]. In: *Esenin S. A. Polnoe sobranie sochineniy. Stikhotvoreniya (Malenkie poemy)* [Yesenin S. A. Complete Works. Poems (Small Poems)]. Moskva: Nauka; Golos. 7/2: 255—461. (In Russ.).
- Tereshkina, D. B. (2019). Evangelskie obrazy i motivy v pervoy knige «Bratskikh pesen» Nikolaya Klyueva [Gospel images and motives in the first book of “Brothers’ songs” by Nikolai Klyuev]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 17 (1): 94—107. DOI 10.15393/j9.art2019.5861. (In Russ.).

Лебедева В. Ю. Феномен суицида в русскоязычных рассказах В. Набокова / В. Ю. Лебедева // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 163—173. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-163-173.

Lebedeva, V. Yu. (2020). Phenomenon of Suicide in Russian Stories by V. Nabokov. *Nauchnyi dialog*, 12: 163-173. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-163-173. (In Russ.).

УДК 821.161.1Набоков.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-163-173

ФЕНОМЕН СУИЦИДА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ РАССКАЗАХ

В. НАБОКОВА

© **Лебедева Виктория Юрьевна (2020)**, orcid.org/0000-0003-4124-5146, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (Елец, Россия), vikkktoria2@yandex.ru.

Представлены результаты анализа суицидальной проблематики в рассказах В. Набокова «Удар крыла», «Сказка», «Случайность», «Лик», «Оповещение», «Письмо в Россию», «Василий Шишков». Актуальность исследования обусловлена тем, что оно позволяет уточнить представления писателя о бытии и потусторонности. Утверждается, что суицидальные ситуации в рассказах схожи: персонажи идут на этот шаг в состоянии острого кризиса как результата длительного потворства слабостям и страстям (включая аддикции). Также отмечается проблема среды — несмотря на то, что герои окружены людьми, они пребывают в атмосфере непонимания и одиночества. Уделяется внимание и взаимоотношениям ряда персонажей с Богом и инфернальными силами (проводится, в частности, интертекстуальная параллель с романом «Бесы»). Доказывается, что суицид в подавляющем большинстве текстов — следствие метафизического распада героев, склонных к безответственности, потребительству, эскапизму, а в отдельных случаях — к богоборчеству. Заключается, что феномен суицида в русскоязычных рассказах Набокова лишен романтического и / или героического ореола — писатель осмысляет его в рамках европейско-христианской культуры.

Ключевые слова : аддикция; аллюзия; мистический дискурс; суицид; танатология; хронопот; эскапизм; В. В. Набоков.

1. Введение

Стремление к самоуничтожению, склонность к суициду — одна из самых загадочных и темных сторон человеческой психики. Добровольный уход человека из жизни затрагивает судьбы людей из его окружения, а на глобальном уровне, по справедливому заключению J. N. Ogbuanu, это вызов всем членам человеческого сообщества независимо от культуры, верований и мировоззрения («Suicide is a challenge to all members of the human community, irrespective of their culture, beliefs and world view») [Ogbuanu, 2014, с. 127]. В авраамических религиях он, как известно, считается тяжелейшим грехом. Вместе с тем в некоторых культурах суицид видится достойным выходом из постыдных или безнадежных ситуаций. Также не до конца ясен статус смерти по религиозным убеждениям и гибели из альтруистических соображений. Не удивительно, что такое неоднозначное явление продолжает оставаться темой моральной, философской и художественной рефлексии.

Цель статьи — анализ суицидальной проблематики в русскоязычных рассказах одного из самых знаковых европейских писателей XX века. Художественный мир В. Набокова исследуется на протяжении долгого времени, однако данная тема изучена недостаточно. Необходим целостный анализ суицидального дискурса в русскоязычной прозе писателя, поскольку он позволит уточнить его представления о бытии и потусторонности.

В фокус наших интересов попали рассказы «Удар крыла» (1923), «Случайность» (1924), «Сказка» (1925), «Письмо в Россию» (1925), «Оповещение» (1934), «Лик» (1938), «Василий Шишков» (1939).

2. Мистический подтекст суицидальной проблематики в рассказах В. Набокова

В большинстве текстов имеет место завершённый суицид, а в «Ударе крыла», «Случайности» и «Лице» персонаж осуществляет танатологический акт в финале, что даёт возможность говорить о некой логической точке. В ряде случаев эта логика имеет инфернальные корни.

Наиболее ярко это проявилось в «Ударе крыла». А. Долинин справедливо уподобил ранние набоковские рассказы «творческой лаборатории», где отрабатываются приемы, отбираются характеры и совершенствуется поэтика [Долинин, 2004, с. 24]. В частности, в данном рассказе автор, впоследствии предпочитающий «непрямое высказывание», когда «религиозная тема уходит в подтекст» [Аверин, 2003, с. 314], позволил себе цитирование Библии и откровенный мистицизм, напрямую связанный с суицидальным дискурсом.

Тридцатипятилетний Керн, мучимый унынием после суицида жены (отравление из-за любовника-вора), приезжает на швейцарский курорт, но там его мрачная рефлексия усугубляется. Он понимает, что от *космических сквозняков* ему не укрыться, что *бездна дышит, всасывает: Вдали металлические вершины гор плавали в гробовом сиянии. Ему показалось, что он заглянул в смерть* [Набоков, 2004в, с. 41]. Есть основания полагать, что Набоков, создавая рассказ, вдохновлялся и «Господином из Сан-Франциско» (одним из «великих образов русского “мистического реализма”», по утверждению А. Злочевской [Злочевская, 2005, с. 8]), где «Атлантида» сравнена с громадным отелем. Однако Набоков идет дальше — Керн, в отличие от безмятного господина, застигнутого смертью за чтением газеты, воспринимает последние как *бумажное покрывало над бездной* [Набоков, 2004в, с. 39], а окружающее веселье начинает угнетать и злить его своей надуманностью.

В «Ударе крыла» затронута и такая проблема, как «табуирование смерти» (показанная в «Господине...»): оно еще больше угнетает потенциального суицидента, оказывающегося в скрытой оппозиции к окружению, а его тело, возможно, ожидает участь тела бунинского героя.

Однако если в «Господине...» смерть представлена воином-противником (агония описана как поединок), то в «Ударе крыла» она — партнерша по танцам (ведь герой сам ищет небытия). Набоков обыгрывает понятие «*dance macabre*»: сначала Керн замечает, что *какая-то бледная барышня <...> смотрит на него из-за журна-*

ла [Набоков, 2004в, с. 39] (бунинский персонаж умирает во время чтения газеты), а позже ему *пришлось танцевать с костлявой барышней* [Набоков, 2004в, с. 41]. Вроде бы речь идет о девушке, но автор оставляет словесный зазор (*костлявая*), то, что он, говоря о мастерстве Гоголя, назвал провалами и зияниями в ткани стиля, открывающими доступ в иррациональное.

В обоих текстах эксплицированы силы зла, но у Бунина дьявол — сторонний наблюдатель, а у Набокова они активно действуют (и главные герои контактируют с ними, недооценивая опасность). Первый — Монфиори, исследователь Библии (где наиболее симпатичен ему левиафан) и любитель соглядатайствовать за самоубийствами. Сомневаться в его человеческой природе заставляют соматические детали, особенно *козьи глаза*, способные «присасываться» к жертве (что заставляет вспомнить «Портрет» Н. Гоголя), и подозрительно обширные знания. Второй — «ангел»-инкуб, прилетающий к гостиничной обитательнице Изабель и позже убивающий ее в момент лыжного прыжка.

Рассказ пронизан аллюзиями на Библию и «Божественную комедию»: «Срединное положение между жизнью и смертью, реальностью и потусторонностью» персонажа, планирующего суицид и «пребывающего на грани “провала” в смерть, — это отсылка к Данте и к его путешествию по загробному миру, т. е. к посмертному бытию» [Бугаева, 2011, с. 666]. Расположение гостиницы в провале гор и ее открытость для сил зла заставляет предположить близость к аду ее самой и загробную участь Керна. Таким образом, проблема самоубийства в «Ударе крыла» осмысливается в аспекте «вертикали» и в рамках христианской культуры, показывая человека не столько автономно действующим субъектом, сколько объектом потустороннего влияния.

Монфиори, просчитав Керна, подталкивает его к роковому шагу, в чем ему помогает алкоголь — в нужный момент он спаивает жертву. В процессе козьеглазый персонаж, как бы оставляя выбор, начинает разговор о Боге и богах, за которыми угадываются демоны, а Керн признается в желании покончить с собой. Следом он, пьяный, обнаруживает якобы забытый ключ в номере манящей его Изабель (та его не ждала). Решив напоследок добиться ее расположения, Керн заходит, и вскоре туда же прилетает инкуб. Столкновение с ним надломило героя еще больше, а смерть Изабель в лыжном прыжке от удара невидимого крыла сломала окончательно: в финале он, ведомый Монфиори, идет, как *слепой* (не в последнюю очередь — духовно), в свой номер, где лежит пистолет.

Примечательно, что Керн идеализирует суицид, актуализируя проблему эскапизма (смерть видится ему *сном, гладким падением*), и идеализирует себя (до гибели Изабель): *А ведь человек, решившийся на самоубийство, — бог* [Набоков, 2004в, с. 52]. Здесь просматривается параллель с «Бесами», почти цитирование. *«Кто смеет убить себя, тот бог»* [Достоевский, 1990, с. 112], — говорит инженер-строитель Кириллов, самоубийца-философ, экстатик и визионер, страдающий от нерешенности дилеммы, проявляющейся в подспудной вере в Бога и Его отрицании (аналогичная дихотомия свойственна Керну). Сложное отношение Набокова к Достоевскому известно и рассматривается часто в ключе пародии. Однако О. Меерсон, к примеру, утверждает, что в случае Набокова пародия не гарантирует

нелюбовь к тому, что он пародирует («parody does not guarantee that he dislikes what he parodies») [Meerson, 1996, с. 20]. Керн, в отличие от Кириллова, более уравновешен, не мечтает о новом человеке и всеобщем преображении, будучи куда приземленнее: после суицида жены он *мстил Богу, любви, судьбе* связью с проституткой [Набоков, 2004в, с. 38]. Однако он обладает метафизической чувствительностью, позволяющей (вынуждающей?) ощущать *бездну*, что не занавесить *яркими лоскутками* — путешествиями, книгами, любовными романами. Это, с одной стороны, корреспондирует с мыслями Кириллова о жизни-боли, жизни-страхе, с другой — свидетельствует о большей глобальности мышления Керна, полагающего, что *люди выдумывают преступления, музеи, игры только для того, чтобы скрыться от неизвестного, от головокружительного неба* [Набоков, 2004в, с. 39].

Для героя Достоевского суицид утверждает превалирование идеи человекобога над идеей Богочеловека (равно как Керн осознает свои богоборческие интенции), и Н. Бердяев так осмысляет это: «Последнее слово крестной жертвы Христа есть жизнь, воскресение. Кириллов делает бессильный метафизический жест, он бессилён своей смертью смертью пограть, он бессилён победить время и перейти в вечность» [Бердяев, 1992, с. 10]. Накануне своего деяния он связывает себя обязательством перед мелкими «бесами» (Верховенским и пр.); Набоков идет дальше — в «Ударе крыла» демоны реальные. Так писатель расширяет проблематику, заявленную предшественником. Интертекстуальные параллели «Бесов» и «Удара крыла» заслуживают отдельного внимания, а пока отметим взаимосвязь идеи суицида с темной латентностью и богоборчеством. Это корреспондирует с мыслью Бердяева: «Самоубийца закупорен в своем “я”, <...> и вместе с тем он творит не свою волю, он не понимает сатанинской метафизики самоубийства» [Бердяев, 1992, с. 4].

На инфернальный генезис суицидальных настроений указано и в рассказе «Сказка», где обыгран сюжет сделки с дьяволом. Тайно похотливый юноша Эрвин, мечтающий собрать гарем, встречает готового подсобить искусителя под личиной пожилой госпожи Отт, имеющей, как и Монфиори, невзрачную внешность с зооморфными чертами, *тусклый* голос и ауру нечеловеческого равнодушия. В отличие от козьеглазого собрата, она сразу раскрывается и хвастает, что *довела до самоубийства нескольких молодых людей* [Набоков, 2009, с. 471]. Эрвина это не останавливает, несмотря на то, что, будучи юношей и идя с ней на сделку (условие которой — выбрать нечетное количество девушек до полуночи), он — в «группе риска». О. Титов пишет о двух вариантах развития будущего в рассказе, один из которых имплицитно: «Согласно религии, сделка с чертом не может принести человеку счастья. “Невинное развлечение” госпожи Отт <...> оказывается еще одной комбинацией, доводящей человека до самоубийства» [Титов, 2011, с. 143]. Монфиори и госпожу Отт можно назвать и мошенниками на доверии. Этот тип рассматривался В. Wylie на материале набоковских романов «Отчаяние» (1934), «Смех в темноте» (1938) и «Король, дама, валет» (1928), где, по мнению исследователя, нет невинных жертв, все хотят что-то урвать для себя, соглашаясь быть объектом манипуляции или активно манипулируя кем-то еще («All are out to get something for themselves, either by tacitly agreeing to be manipulated or by actively manipulating

someone else») [Wyllie, 2016, с. 11]. Такие выводы справедливы и по отношению к рассматриваемым персонажам — они весьма безответственны и склонны к потребительству. Керн «передал» себя в лапы Монфиори, но напоследок хотел воспользоваться Изабель, равно как Эрвин, играючи пойдя на сделку с демоном, хотел сделать *невольницами* нескольких девушек. Мошенники и их объекты оказываются в чем-то подобными друг другу.

О. Титов сделал важное наблюдение о сходстве между главным героем и госпожой Отт — в списке ее жертв только мужчины, что наталкивает на предположение о ее гареме. Знаком уподобления выступают и финальные реплики — госпожа Отт эхом повторяет слова юноши: *жалко и все равно*. Подобное «отзеркаливание» есть и в «Ударе крыла», где Монфиори и Керна связывает уныние, а ангела и Изабель — похоть: предложение находится на любой спрос.

Таким образом, в обоих рассказах Набоков ставит и проблему демоноуподобления. В его дальнейших «суицидальных» текстах такую экспликацию заменит «непрямое высказывание».

3. Идея патологической зависимости в образе литературного персонажа

Рассказы «Случайность» и «Лик» объединяет проблема аддикции: суицидент из первого — кокаинист, из второго — алкоголик. Эмигрант Лужин — лакей в германском экспрессе, пять лет ничего не знающий о жене. Он, как и Керн, пребывает в лиминальном состоянии, метафорически передаваемом через образ качелей. Рассказ посвящен его роковой невстрече с ищущей его женой, едущей в том же поезде. Пересекая им мешают досадные мелочи, за которыми скрыта тайная закономерность, и в финале герой, следуя давнему плану, кладет голову между буферами поездов.

В рассказе проведена параллель «наркотик // суицид», и кокаин назван *ядом*, от которого *опустошалась душа* и в носу *появлялись тонкие язвы* [Набоков, 2004б, с. 62]. Если сначала Лужин, будучи под воздействием, рисовал план поиска жены (потом оказывавшийся бессмыслицей), то в дальнейшем он с той же тщательностью придумывает сценарий самоубийства: *И в этих подробностях он так запутывался, что о самой смерти забывал. Но, как только он начинал трезветь, тусклела прихотливая обстановка той или другой выдуманной гибели, — и было ясно только одно : жизнь оскудела вконец, и жить дальше незачем* [Набоков, 2004б, с. 62]. В душе героя-аддикта происходит смещение от полюса Эроса (чувства к жене) к полюсу Танатоса, и перевергыш символически «отпечатался» на лице — его сросшиеся брови сравнены с перевернутыми усами.

В «Лике» алкоголик Колдунов — родственник главного героя, эмигранта и малоизвестного актера. В России они учились вместе, и Колдунов, богатый двоечник и хулиган, третировал Лика. Потом, через много лет, они столкнулись на чужбине, и вид Колдунова выдал его нищету : *По всему видать было, что это лодырь, пропойца и хам* [Набоков, 2008б, с. 389]. Встречу с Ликом он воспринял как *знак, что не все еще погубило* [Набоков, 2008б, с. 388], однако она стала последней каплей: бывший мучитель, поняв, что и Лик не хочет иметь с ним дела, застрелился, надев новые ботинки, которые тот у него забыл. Когда-то посещение гимназии было для

главного героя *нелепым и невозможным страданием, а ночные мысли о том, как, наконец, он Колдунова убьет, только изнурили душу* [Набоков, 2008б, с. 386]. Зная финал, в этих строках можно усмотреть черную авторскую иронию.

В «Лике» акцент сделан на социальном аспекте и расплате. Открывая мысли суицидента в «Случайности», тут Набоков дает его «собрату» высказаться, и Колдунов подтверждает репутацию пройдохи и агрессора. Также О. Титов, исследовав элементы лексико-семантического поля «Вода», сгруппированные вокруг персонажа, пришел к выводу об имплицитной метафоре, сопоставляющей Колдунова «с чудовищем, всплывшим из бездны инобытия» [Титов, 2016, с. 173]. Ученый ассоциирует его с «внутренним демоном» из «персонального ада» Лика [Титов, 2016, с. 173]. Мы также полагаем, что Колдунов и сам может иметь какого-нибудь допельгангера, подобно Керну, Изабель и Эрвину. Маркером служит, например, его прозвище «Крокодил» — в мифологии рептилии ассоциируются с хтоническим. Также Колдунов назван *проходимцем* с лицом *сильно потрепанного* римского кесаря, поэтому нельзя исключать намек на кесаря Тиберия, в правление которого был распят Иисус Христос. При таком прочтении можно говорить о специфической духовной типажности и проблеме богоборчества.

Портреты суицидентов содержат и знаковые доминанты. У Керна акцентируется *конский* профиль — в мифологии данное животное нередко ассоциируется с агрессией и похотью, а сам профиль — половина лица, что знаменует лиминальное состояние между бытием и небытием. У Лужина — *серая* голова (наркотик разрушает сознание): в набоковской колористике так визуализируется аналогичный переходный статус. Кроме того, смерть видится герою возможностью *вычихнуть душу*: он словно мутирует, низводясь до носа (изъеденного кокаином), а душа в теле ассоциируется у него с болезнью. В портрете Колдунова выделены плохие зубы, а нижняя часть лица маркирована *тенью* (танатологичный образ в набоковском дискурсе). Соответственно, говорящие детали портрета аддикта сосредоточены вокруг «канала связи» с объектом зависимости.

4. Сходства и различия в «суицидальных» рассказах

В целом, говорить об особой эволюции мотива самоубийства не приходится. Накануне персонажи перешагивают «онтологический порог» — «точку онтологически напряженную», от которой «зависит рисунок бытия будущего, надвигающегося и одновременно вызревающего» в момент «преодоления порога» [Карасев, 2009, с. 26]. Некое обстоятельство оказывается финальным испытанием; персонаж его не проходит; его смерть связана с разрушением тела и типом зависимости (наркоман подставил голову под паровоз, алкоголик выстрелил в рот); посмертие не пугает, есть тяга к небытию; суицид — способ эскапизма; героем движет отчаяние. Коллизия вполне иллюстрирует слова Бердяева: «Самоубийство совершается в особую, исключительную минуту жизни, когда черные волны заливают душу и терзается всякий луч надежды» [Бердяев, 1992, с. 4].

Примечательно, что Лужин с Колдуновым — эмигранты, и Керн, возможно, тоже (Изабель он говорит, что у него родины нет). В этот ряд вписывается Михаил

из «Оповещения», упавший в пролет лифта с верхней площадки. О самоубийстве прямо не говорится, но авторские намеки прозрачны (а в примечании к сборнику «A Russian Beauty and Other Stories» (1973) Набоков указал на тематическую близость «Оповещения» и «Знаков и символов» (1948), где пожилые родители предположительно должны узнать об очередной попытке сына покончить с собой). Михаил чудовищно уставал на фабричной работе, и мотивом, как и в предыдущих рассказах, могло послужить отчаяние. Красноречив эпизод, где один из знакомых предлагает подготовить мать записями: «*Болен*»; «*Очень болен*»; «*Очень, очень болен*» [Набоков, 2006, с. 613]. Не исключено, что автор, любящий принцип троичности, так намекает на внутреннее состояние героя.

В отличие от предшествующих текстов (за исключением «Удара крыла», где сказано об отравившейся жене Керна), в «Оповещении» суицидент лишь упомянут, а главной героиней является его мать, которой знакомые должны сообщить страшную новость. Она выведена человеком мелких интересов, «фильтрующим» реальность (что символизирует образ слухового «аппаратика», который она выключала по желанию), — неслучайно автор назвал ее *небольшого формата дамой* [Набоков, 2006, с. 610]. Несмотря на доброжелательные отношения с сыном, полноценного контакта, видимо, у них не было. Другие суициденты тоже страдали от одиночества и непонимания: Керн — среди веселья на курорте, Лужин — среди сотрульников и пассажиров, Колдунов — в круг семьи.

С темой окружения связан и хронотоп: Керн убивает себя в гостиничном номере, Лужин — на вокзале, Колдунов — у себя дома на глазах жены и сына, Михаил, возможно, — на фабрике. Герои не ищут специальных локаций, не ритуализируют и не театрализируют акт смерти. Однако танатологическим хронотоп становится не после их деяний — он уже имеет мортальные признаки. А. Демичев писал о некропространствах: «Смерть выставляет нам своих заместителей-пособников — многочисленные следы, знаки, символы, симулякры, картирующие местность, взятую под контроль» [Демичев, 1998, с. 51]. Некропространство не всегда бывает физическим, оно может быть таковым на духовном уровне — в том числе из-за влияния потусторонних сил, эксплицированных в «Ударе крыла» и, возможно, имплицированных в других текстах. Например, паровоз, который убивший Лузина, *нагрязнул <...> одним жадным скоком* [Набоков, 2004б, с. 69], а Лик, из-за болезни постоянно готовый к смерти (которую, как и его ботинки, «забрал» себе Колдунов), ощутил близость сердечного припадка *так, словно навстречу ему был навставлен невидимый кол, на который он вот-вот наткнется* [Набоков, 2008б, с. 395].

Несколько особняком стоит «Письмо в Россию» — там внутренний мир самоубийцы не исследуется, история дамы — фон. Рассказывая женщине из прошлого о своей нынешней жизни, герой-повествователь описывает и случай повешения старушки-эмигрантки на могильном кресте мужа: *Взглянув на ниточки* (от веревки. — В. Л.), *на ямки* (от каблуков. — В. Л.), *я вдруг понял, что есть детская улыбка в смерти* [Набоков, 2004а, с. 162]. Саму эту смерть он назвал *легкой и нежной*, хотя несложно догадаться, что женщиной руководило отчаяние (что вписывает ее в ряд набокских суицидентов). Такое восприятие реальности рассказчиком,

с учетом финала, можно интерпретировать как несколько судорожную попытку быть счастливым вопреки всему. «Письмо в Россию» — один из примеров того, как в набоковских произведениях ностальгия и / или эстетика могут возобладать над этикой — включая авторскую.

Появлению последнего рассказа, «Василий Шишков», читатели обязаны мистификации: под таким псевдонимом Набоков выступил как поэт, чтобы спровоцировать похвалу Г. Адамовича. В финале Василий, жаждущий покинуть этот мир, полный, с его слов, *страдания, крестинизма, мерзости*, исчезает — рассказчик предполагает, что он растворился в собственных стихах. Интересны слова Шишкова о суициде — он не рассматривал его как способ: *Мне так отвратительна смертная казнь, что быть собственным палачом я не в силах, да кроме того боюсь последствий, которые и не снились любомудрию Гамлета* [Набоков, 2008а, с. 412]. В отличие от предыдущих текстов, тут нет суицидента, а есть оценка данного шага героем скорее положительным (хотя тоже эскапистом). Нельзя исключать тут выражения авторской позиции, и ключевыми явлены идея самоубийства как преступления против жизни, идея бессмертия и идея загробного воздаяния. К слову о казни — один из самых ярких набоковских протагонистов Цинциннат Ц., напротив, оказывается приглашенным на свою собственную, однако лиминальная ситуация предсмертия не надламывает его, а делает художником — смерть возводится «в моторную творческую силу» [Buhks, 1994, с. 825], а в финале преодолевается через воскрешение.

5. Заключение

Затронутая в настоящей статье область исследования творчества В. Набокова весьма перспективна, поскольку и танатология Набокова, и мотивная структура его произведений, и интертексты изучены недостаточно. Такого рода изыскания являются также научным вкладом в литературоведческую танатологию, среди задач которой, как отмечает один из ее теоретиков Р. Красильников, — изучение соответствующей проблематики на всех уровнях произведения, «выявление и классификация танатологических концепций» в пространстве мировой литературы, «трансляция литературного опыта осмысления смерти» из литературы в другие области знания, и наоборот [Красильников, 2015, с. 14].

Итак, набоковские персонажи-суициденты выбирают такой путь из-за тяжелого душевного состояния вследствие постепенного внутреннего разрушения. Также отчетливо звучит проблема окружения — мучимые отчаянием, герои не встречают понимания среди близких и знакомых, а Керн из «Удара крыла» пребывает в атмосфере табуирования смерти — неслучайно текст имеет переклички с «Господином из Сан-Франциско» И. Бунина.

Есть основания полагать, что сам акт суицида писателю, неоднократно выражавшему идею бессмертия и сохранения сознания за пределами терминального порога, не видится выходом и финальной точкой, так как за этой гранью находятся посмертные мучения. В. Набоков, будучи наследником традиций Данте Алигьери, Ф. Достоевского, Н. Гоголя и т. д., в ряде текстов осмысляет проблему самоубийства и в аспекте взаимодействия человека с высшими и инфернальными силами.

Соответственно, восприятие писателем феномена суицида в означенный период творчества лишено романтического и / или героического ореола и вполне укладывается в рамки европейско-христианской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверин Б. В.* Дар Мнемозины : романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции / Б. В. Аверин. — Санкт-Петербург : Амфора, 2003. — 399 с. — ISBN 5-94278-471-X.
2. *Бердяев Н. А.* О самоубийстве : психологический этюд / Н. А. Бердяев. — Москва : МГУ, 1992. — 23 с.
3. *Бугаева Л. Д.* Набоков и Данте / Л. Д. Бугаева // Данте : pro et contra : личность и наследие Данте в оценке русских мыслителей, писателей, исследователей. — Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2011. — С. 665—676.
4. *Демичев А. В.* Deathнейленд / А. В. Демичев // Фигуры Танатоса : искусство умирающих. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1998. — С. 51—57.
5. *Долинин А.* Истинная жизнь писателя Сирина / А. Долинин // Набоков В. В. : русский период : собр. соч. в 5 т. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004. — Т. 2. — С. 9—25.
6. *Достоевский Ф. М.* Бесы / Ф. М. Достоевский // Достоевский Ф. М. : собр. соч. в 15 т. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1990. — Т. 7. — 847 с.
7. *Злочевская А. В.* Роль мистико-религиозного подтекста в рассказе И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» / А. В. Злочевская // Русская словесность. — 2005. — № 5. — С. 7—15.
8. *Карасев Л. В.* Флейта Гамлета : очерк онтологической поэтики / Л. В. Карасев. — Москва : Знак, 2009. — 208 с. — ISBN 978-5-9551-0308-2.
9. *Красильников Р. Л.* Эпистемологические проблемы гуманитарной танатологии / Р. Л. Красильников // Мортальность в литературе и культуре : сб. науч. трудов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2015. — С. 7—17.
10. *Набоков В. В.* Василий Шишков / В. В. Набоков // Русский период : собр. соч. в 5 т. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2008а. — Т. 5. — С. 407—413.
11. *Набоков В. В.* Лик / В. В. Набоков // Русский период : собр. соч. в 5 т. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2008б. — Т. 5. — С. 376—396.
12. *Набоков В. В.* Оповещение / В. В. Набоков // Русский период : собр. соч. в 5 т. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2006. — Т. 3. — С. 610—615
13. *Набоков В. В.* Письмо в Россию / В. В. Набоков // Русский период : собр. соч. в 5 т. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004а. — Т. 1. — С. 159—162.
14. *Набоков В. В.* Сказка / В. В. Набоков // Русский период : собр. соч. в 5 т. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2009. — Т. 2. — С. 469—480.
15. *Набоков В. В.* Случайность / В. В. Набоков // Русский период : собр. соч. в 5 т. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004б. — Т. 1. — С. 61—69.
16. *Набоков В. В.* Удар крыла / В. В. Набоков // Русский период : собр. соч. в 5 т. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004в. — Т. 1. — С. 35—54.
17. *Титов О. А.* Лексико-семантическое поле «вода» в рассказе В. Набокова «Лик» / О. А. Титов // Филологические науки : вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2016. — № 9 (63). — С. 171—173.
18. *Титов О. А.* Образ времени в рассказе В. Набокова «Сказка» / О. А. Титов // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи : сб. статей в 2 ч. — Ярославль : Изд-во ЯГПУ. — 2011. — С. 136—147.
19. *Buhks N. A.* Scaffold in the Crystal-Palace — On the Novel «Priglasenie na Kazn» by Nabokov V. / N. A. Buhks // Cahiers du Monde russe. — 1994. — Vol. 35. — Iss. 4. — P. 821—838.

20. Meerson O. Vladimir Nabokov's Transformations of Dostoevskij in The Defense : Zaščita Lužina or Zaščita Dostoevskogo / O. Meerson // Zeitschrift für Slavistik. — 1996. — 41(1). — P. 20—33.
21. Ogbuanu J. N. The Problem of Cultural Stereotyping in the Pastoral Care of a Suicidal Person / J. N. Ogbuanu // Acta Theologica. — 2014. — Vol. 34. — Iss. 1. — P. 127—144.
22. Wyllie B. Shape-Shifters, Charlatans, and Frauds : Vladimir Nabokov's Confidence Men / B. Wyllie // The Cambridge Quarterly. — 2016. — Vol. 45. — Iss. 1. — P. 1—19.

PHENOMENON OF SUICIDE IN RUSSIAN STORIES BY V. NABOKOV

© Victoria Yu. Lebedeva (2020), orcid.org/0000-0003-4124-5146, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Methods of Their Teaching, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Bunin Yelets State University” (Yelets, Russia), vikkktorija2@yandex.ru.

The results of the analysis of suicidal issues in the stories of V. Nabokov “Blow of a Wing”, “Fairy Tale”, “Accident”, “Lycus”, “Notification”, “Letter to Russia”, “Vasily Shishkov” are presented in the article. The relevance of the study is due to the fact that it makes it possible to clarify the writer's ideas about being and the otherworldly, as well as to contribute to the development of such an interdisciplinary branch of scientific knowledge as thanatology. It is argued that the suicidal situations in the stories are similar: the characters take this step in a state of acute crisis as a result of long-term indulgence of weaknesses and passions (including addictions). The problem of the environment is also noted — despite the fact that the heroes are surrounded by people, they are in an atmosphere of misunderstanding and loneliness. Attention is also paid to the relationship of a number of characters with God and infernal forces (in particular, an intertextual parallel with the novel “Demons” is drawn). It is proved that suicide in the overwhelming majority of texts is a consequence of the metaphysical disintegration of heroes prone to irresponsibility, consumerism, escapism, and in some cases - to the fight against God. It is concluded that the phenomenon of suicide in Russian-language Nabokov's stories is devoid of a romantic and / or heroic halo — the writer comprehends it within the framework of European-Christian culture.

Key words: addiction; allusion; mystical discourse; suicide; thanatology; chronotope; escapism; V. V. Nabokov.

REFERENCES

- Averin, B. V. (2003). *Dar Mnemosiny: romany Nabokova v kontekste russkoy avtobiograficheskoy traditsii* [Gift of Mnemosyne: Nabokov's novels in the context of the Russian autobiographical tradition]. Sankt-Peterburg: Amfora. 399 p. ISBN 5-94278-471-X. (In Russ.).
- Berdyayev, N. A. (1992). *O samoubiystve: psikhologicheskij etyud* [About suicide: a psychological study]. Moskva: MGU. 23 p. (In Russ.).
- Bugaeva, L. D. (2011). Nabokov i Dante [Nabokov and Dante]. *Dante: pro et contra: lichnost' i nasledie Dante v otsenke russkikh mysliteley, pisateley, issledovateley* [Dante: pro et contra: personality and legacy of Dante in the assessment of Russian thinkers, writers, researchers]. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo RKhGA. 665—676. (In Russ.).
- Buhks, N. A. (1994). Scaffold in the Crystal-Palace — On the Novel «Priglasenie na Kazn» by Nabokov V. *Cahiers du Monde russe*, 35(4): 821—838.
- Demichev, A. V. (1998). Deathneylend [Deathneiland]. *Figury Tanatos: iskusstvo umiraniya* [Figures of Thanatos: the art of dying]. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGU. 51—57. (In Russ.).
- Dolinin, A. (2004). Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina [The true life of the writer Sirin]. *Nabokov V. V.: russkiy period: sobr. soch. v 5 t.* [Nabokov V. V.: russian period: collected works in 5 vol.]. Sankt-Peterburg: Simpozium. 2: 9—25. (In Russ.).

- Dostoevskiy, F. M. (1990). Besy [Demons]. *Dostoevskiy, F. M.: sobr. soch. v 15 t.* [Dostoevskiy, F. M.: collected works in 15 vol.]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie. 7: 847 p. (In Russ.).
- Karasev, L. V. (2009). *Fleyta Gamleta: ocherk ontologicheskoy poetiki* [Flute of Hamlet: a sketch of ontological poetics]. Moskva: Znak. 208 p. ISBN 978-5-9551-0308-2. (In Russ.).
- Krasilnikov, R. L. (2015). Epistemologicheskie problemy gumanitarnoy tanatologii [Epistemological problems of humanitarian thanatology]. *Mortalnost' v literature i kul'ture: sb. nauch. trudov* [Mortality in literature and culture: collection of articles scientific works.]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 7—17. (In Russ.).
- Meerson, O. (1996). Vladimir Nabokov's Transformations of Dostoevskij in The Defense: Zaščita Lužina or Zaščita Dostoevskogo. *Zeitschrift für Slawistik*, 41 (1): 20—33.
- Nabokov, V. V. (2004a). Pis'mo v Rossiju [Letter to Russia]. *Russkij period: sobr. soch. v 5 t.* [Russian period: collected works in 5 vol.]. Sankt-Peterburg: Simpozium. 1: 159—162. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2004b). Sluchaynost' [Accident]. *Russkij period: sobr. soch. v 5 t.* [Russian period: collected works in 5 vol.]. Sankt-Peterburg: Simpozium. 1: 61—69. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2004v). Udar kryla [Blow of the wing]. *Russkij period: sobr. soch. v 5 t.* [Russian period: collected works in 5 vol.]. Sankt-Peterburg: Simpozium. 1: 35—54. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2006). Opoveshchenie [Notification]. *Russkij period: sobr. soch. v 5 t.* [Russian period: collected works in 5 vol.]. Sankt-Peterburg: Simpozium. 3: 610—615. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2008a). Vasilij Shishkov [Vasily Shishkov]. *Russkij period: sobr. soch. v 5 t.* [Russian period: collected works in 5 vol.]. Sankt-Peterburg: Simpozium. 5: 407—413. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2008b). Lik [Face]. *Russkij period: sobr. soch. v 5 t.* [Russian period: collected works in 5 vol.]. Sankt-Peterburg: Simpozium. 5: 376—396. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2009). Skazka [Fairy tale]. *Russkij period: sobr. soch. v 5 t.* [Russian period: collected works in 5 vol.]. Sankt-Peterburg: Simpozium. 2: 469—480. (In Russ.).
- Ogbuanu, J. N. (2014). The Problem of Cultural Stereotyping in the Pastoral Care of a Suicidal Person. *Acta Theologica*, 34(1): 127—144.
- Titov, O. A. (2011) Obraz vremeni v rasskaze V. Nabokova «Skazka» [The image of time in V. Nabokov's story «Tale»]. *Semantika i funkcionirovanie yazykovykh edinit v raznykh tipakh rechi: sb. statej v 2 ch.* [Semantics and functioning of linguistic units in different types of speech: collection of articles in 2 parts]. Yaroslavl: Izd-vo YaGPU. 136—147. (In Russ.).
- Titov, O. A. (2016). Leksiko-semanticheskoe pole «voda» v rasskaze V. Nabokova «Lik» [Lexico-semantic field «water» in V. Nabokov's story «Face»]. *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences: questions of theory and practice]. Tambov: Gramota, 9 (63): 171—173. (In Russ.).
- Wyllie, B. (2016). Shape-Shifters, Charlatans, and Frauds: Vladimir Nabokov's Confidence Men. *The Cambridge Quarterly*, 45(1): 1—19.
- Zlochevskaya, A. V. (2005) Rol' mistiko-religioznogo podteksta v rasskaze I. A. Bunina «Gospodin iz San-Frantsisko» [The role of mystical-religious subtext in the story of I. A. Bunin «The Lord from San Francisco»]. *Russkaya slovesnost'* [Russian literature], 5: 7—15. (In Russ.).

Маркова Е. А. Творчество С. Беккета в контексте «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского / Е. А. Маркова // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 174—184. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-174-184.

Markova, E. A. (2020). Creative Works of S. Beckett in the Context of “Notes from the Underground” by F. M. Dostoevsky. *Nauchnyi dialog*, 12: 174-184. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-174-184. (In Russ.).

УДК 82.091+821.111Beckett.04+821.161.1Достоевский.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-174-184

ТВОРЧЕСТВО С. БЕККЕТА В КОНТЕКСТЕ «ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО¹

© Маркова Екатерина Александровна (2020), orcid.org/0000-0001-5954-1440, ResearcherID AAF-6782-2019, SPIN 1215-5391, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН); ассистент кафедры русской и зарубежной литературы, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН) (Москва, Россия), glazkova1992@gmail.com.

Представлены результаты сопоставительного анализа повести «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского и произведений С. Беккета. Показано, как Беккет критически осмысляет основные романы русского писателя. Новизна работы видится в том, что проблема Беккета как «наследника» Достоевского и его «Записок из подполья» рассматривается в отечественном литературоведении практически впервые. На материале пьес «В ожидании Годо», «О всех падающих», романа «Моллой» и рассказа «Первая любовь» автор демонстрирует, как в творчестве Беккета преломляются темы, мотивы и образы Достоевского. Особое внимание уделено мотиву «подпольной» любви. Обнаружено сходство между повестью Достоевского и произведениями Беккета в пространственно-темпоральных характеристиках (неопределенность места действия, нелинейность времени, повторяемость ситуаций). Доказано, что эти характеристики служат для обозначения мира без Бога, в котором потеряны ориентиры и цели, сломлены позитивные и рациональные основания. Установлено, что у Достоевского Подполье остается «темным углом», за которым есть «большой мир», у Беккета же оно заполняет собой весь мир.

Ключевые слова: Достоевский; Беккет; Подполье; рецепция.

1. Введение. История вопроса

Попытки отыскать точки соприкосновения творчества Сэмюэля Беккета (Samuel Beckett, 1906—1989) и произведений Федора Михайловича Достоевского (1821—1881) в отечественном литературоведении практически не предпринимались. Исключением можно считать работу М. Г. Анищенко, в которой установлены некоторые переклички между Достоевским и драмой абсурда: «функция власти передоверена обезличенной силе»; «отсутствие исходных доктрин и миражей упорядоченного мира»; «особое смысловое наполнение категорий “свое” и “чужое”, “неполноценный” диалог»; «тотальная несвобода героев»; «трагизм, оборачивающийся непредусмотренным комизмом» [Анищенко, 2011, с. 167].

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-90044 Достоевский «“Записки из подполья” Ф. М. Достоевского и проблема “подпольного человека” в культуре Европы и Америки конца XIX—начала XXI вв.».

В зарубежном литературоведении, в отличие от отечественного, сближение Беккета и «Записок из подполья» давно стало традиционным. Ф. Хоффманн обнаруживает, что идиостиль писателя соотносим в большей степени не с произведениями его непосредственных предшественников (Джойса или Камю), но с «Записками из подполья». Исследователь полагает, что литературный и театральный успех Беккета обусловлен предложенным им «особым вариантом драматизации повествования о “я”» (здесь и далее перевод наш, если не указано иное. — *Е. М.*) [Hoffman, 1962, p. 9]. По Хоффману, именно в «Записках» прослеживается зарождение нарратива, выявляющего «метафизическое отчаяние», вызванное «глубоко личным, религиозно окрашенным сомнением», а также разочарованность как в «болезни сознания», так и в «романтической неопределенности религии» [Ibid, p. 10]. Подпольный рассматривается как символ маргинального «я», его прообраз, питающий героев Кафки, Камю, Сартра — писателей-экзистенциалистов, к которым примыкает и Беккет.

Исследователи вписывают творчество Беккета в традицию «литературного мемуара» [Kennedy, 1989, p. 125], начатую «Записками из подполья». В этих «мемуарах» рассказчик, бесконечно одинокий, находящийся на грани бытия и небытия, говорит о себе и для себя. С одной стороны, Беккет выступает продолжателем этой традиции, подхватывает мотивы внутреннего подполья, с другой — расширяет ее рамки, демонстрируя «физический и метафорический финал» [Ibid] истории своего героя. Корни беккетовского абсурда распознаны и в русской литературе в целом — не только в «Записках из подполья», но и в «Записках сумасшедшего» Гоголя [Webb, 1970, p. 18]. Герои романной трилогии Беккета восприняты как «преемники» Подпольного: их роднит одиночество, «расщепление сознания» и стремление «заставить читателя с помощью иронии почувствовать подобность» «подпольному» сознанию [Ibid, p. 19].

К. Келер в сопоставительной статье о Достоевском, Беккете и О’Ниле выделяет несколько типов антигероя. Несмотря на то что Подпольный и герои Беккета отнесены к разным типам (Подпольный — «пораженец-позер», герои Беккета — «неисправимые беспочвенные мечтатели» / «сами-для-себя-актеры» [Келер, 2007, с. 274]), Келер улавливает определенное сходство: «Все они в той или иной степени эскаписты» [Там же, с. 276].

Исследователи замечают и различия в тональности голосов Подпольного и героев Беккета. По Э. П. Леви, в «Записках» слышен голос «я», открыто «признающегося в личных сомнениях и метаниях, которые мы обычно предпочитаем скрывать», герой же Беккета «настойчивым голосом» пытается «высказать смысл жизни человека» [Levy, 1980, p. 128]. С. Дж. Роузен, вписывающий Беккета в некую «пессимистическую традицию», сложившуюся в мировой литературе, также обращается к истории Подпольного, смакующего свою боль, зубную и душевную. Это обращение необходимо, чтобы объяснить «более интригующую озлобленность» беккетовских героев, чем желчность Подпольного [Rosen, 1976, p. 42]. Моллой и Подпольный — «безразличные искатели» [Ibid, p. 43], выразители подпольной философии жизни, согласно которой смысл бытия — в «беспрерывности процесса достижения», а не в самой цели [Достоевский, 1973, с. 118]. Моллой «находит утешение в осознании своего неведения», в то время как Подпольный испытывает

возбуждение при мысли о своем душевном разладе и приравнивает его к самой жизни, что как бы дает ему преимущество над теми, кто постулирует рациональность жизни [Rosen, 1976, p. 43]. Эта особая витальность протеста против рационалистического взгляда на мироустройство присуща и «наследникам» Подпольного — Бардаму Селина или Мерсо Камю. Герои Беккета, в отличие от своих «предшественников», «не оправдывают свою мизантропию», и их ненависти «недостает последовательности и благородства», их мизантропия комична [Ibid]. Подхватывая рассуждения Подпольного о «сознании», Роузен заявляет, что «сознание» героев Беккета направлено, главным образом, на «попытки рационализировать его [сознания] неспособность обрести покой» [Ibid, p. 95].

2. Достоевский и «Записки из подполья» в круге чтения Беккета

Анализ, предложенный исследователями творчества Беккета, построен лишь на сходстве типологическом. Вместе с тем возможно установление и вероятных генетических связей. Хотя неизвестно, был ли текст «Записок» знаком Беккету, об этой повести он получил представление через книгу А. Жид «Достоевский» («Dostoïevsky», 1923), на которую ссылается в лекциях о французской литературе [Le Juez, 2008]. А. Жид, высоко ценивший русского писателя, выделяет «Записки» особо: «<...> в “Записках из подполья” Достоевский достигает вершины своего творчества. Эту книгу я рассматриваю (и не только я один), как замок свода всего его творчества» [Жид, 1994, с. 88]. По А. Жиду, Достоевский стал едва ли не первым писателем, «доведшим монолог до того совершенства и утонченного разнообразия, каких могла достигнуть эта литературная форма» [Там же, с. 106], и сделано это было именно в «Записках из подполья». Эта повесть, отмечает А. Жид, может быть воспринята как критика «человека действия», который, «по Достоевскому, всегда является умом посредственным, ибо ум горделивый лишен способности действовать сам; он увидит в деятельности нечто компрометирующее, некоторое ограничение своей мысли <...>» [Там же, с. 108]. Подмечает французский писатель у Достоевского и мотив унижения, усиливающего гордость (в противовес смирению — отказу от гордости), заявляющий о себе в «Записках».

Беккет мог опосредованно усвоить повесть Достоевского не только через А. Жид, но и через французских экзистенциалистов. Камю в сознании Беккета был тесно связан с Достоевским. В одном из писем Беккет упоминает выполненную Камю постановку «Бесов» [Beckett, 2009, p. 55] и затем рассказывает о своих впечатлениях — спектакль показался ему «гнетущим» [Ibid, p. 57]. Известно, что Беккет читал «Постороннего» («L'Étranger», 1942) Камю и «Тошноту» («La Nausée», 1938) Сартра [Beckett, 2012, p. 493] — произведения, что не раз было отмечено, впитавшие в себя «подпольный дух» [Тарасов, 2019, с. 117].

Нельзя также исключить, что знакомство Беккета с повестью могло состояться без «посредников» в 1930-е годы, когда Беккет увлекся творчеством русского писателя. После смерти Беккета в его библиотеке были обнаружены роман «Преступление и наказание» (1866), один из переведенных номеров «Дневника писателя» и изданный отдельно отрывок «Исповедь Ставрогина». Кроме того, до нас дошел отзыв Беккета

о романе «Бесы» (1872). Он отметил нескладность перевода и допустил, что и оригинал был написан «плохо и небрежно» [Beckett, 2009, p. 79]. И все же отзыв трудно назвать отрицательным: Беккет восторженно прокомментировал сюжетную динамику романа. Беккет вспоминает об А. Жиде в связи с романом «Бедные люди» (1845): «Жид надеется закончить тем, с чего начал Достоевский, с “Бедных людей”» [Ibid, p. 154]. В редакторском примечании к этому письму высказано предположение, что речь идет о «размышлениях о бедности в Африке (“Путешествие в Конго”, 1927; “Возвращение в Чад”, 1928)» А. Жиды [Ibid, p. 155]. Есть в письмах Беккета и отсылка к «Братьям Карамазовым» (1880) [Ibid, p. 350]. Беккет чувствовал себя достаточно уверенным читателем Достоевского, чтобы выразить желание сочинить книгу о русском писателе [Ibid, p. 60]. Правда, этот замысел остался неисполненным.

В эссеистике Беккета Достоевский упоминается в эссе «Пруст» («Proust», 1930). Рассуждая о темпоральности в произведениях Пруста, Беккет сравнивает французского писателя с Достоевским, «презиравшим вульгарность правдоподобной последовательности событий» [Beckett, 1987, p. 81—82]. Одно из замечаний Беккета будто бы отсылает к «Запискам из подполья» и идеям Подпольного о иррациональности мира. Беккет повторяет мысль Шопенгауэра об «искусстве как “созерцании мира независимо от принципа рациональности”» [Ibid, p. 87] и связывает с этой идеей творчество Пруста и Достоевского, «не объясняющего своих героев» [Ibid].

3. Подполье Достоевского как прообраз абсурдного мира в драматургии и прозе Беккета

Требует рассмотрения вопрос влияния всех основных произведений Достоевского на творчество Беккета. В этой статье мы остановимся только на «Записках из подполья». Причиной тому — явное тематическое, стилистическое и отчасти образное сходство этой повести с текстами Беккета, а также ее первостепенное значение для писателей (прежде всего экзистенциалистов), за которыми Беккет во многом следует. Сопоставив «Записки из подполья» с некоторыми, на наш взгляд, наиболее близкими к этой повести произведениями Беккета, мы наметим подходы к проблеме Беккета как «наследника» Достоевского.

В первом варианте пьесы «В ожидании Годо» (фр. «En attendant Godot», 1949; англ. «Waiting for Godot», 1952) Эстрагон, обращаясь к Владимиру, восклицает: «Поговори со мной о подполье!» (или «Давай поговорим из подполья!») / «Parle-moi du sous-sol!» [Beckett, 1952, p. 86]). Эстрагон не помнит, что произошло накануне, и не понимает, что ему пытается объяснить Владимир. Эстрагону кажется, что он всегда находился в месте действия: «Узнаешь! И что же я должен узнавать? Всю свою жизнь я как полный идиот скитаюсь по этой пустыне!» [Ibid]. Эстрагон, сам того не сознавая, предлагает Владимиру спуститься в глубины «я», поспорить по поводу того, что реально, а что не реально, что ему приснилось, а что случилось наяву, что рационально, а что иррационально, что есть шаг вперед, а что — топтание на месте. Подобно Подпольному, герои пьесы Беккета помещены в неопределенное пространство, пребывают в вечном движении к неизвестным ориентирам, в мире без Бога, где все границы, физические и нравственные, сметены. Их единственной,

абсолютно абсурдной «выгодой», выгодой «не по табличке», становится ожидание Годо, некоей спасительной фигуры. Мир Подполья — также мир без Бога, и сам герой Достоевского утопает в «яде неудовлетворенных желаний» [Достоевский, 1973, с. 105], стремится к пределам неведомым, отвергает хрустальный дворец, символ всеобщего идеала, но новый идеал построить неспособен. В отличие от героев пьесы Беккета Подпольный не ищет ни Бога, ни спасения, потому что он хочет «утвердить <...> свое право на полную и абсолютную волю и свое право распоряжаться окружающим и окружающими по собственному усмотрению» [Бузина, 2011, с. 23], вступая в процесс самообожения.

Нескончаемое ожидание Годо, замыкающее круг существования героев Беккета, «придающее хаосу форму» [Микеладзе, 2014] и обуславливающее модальность сомнения-недоумения, соотносимо с непрерывной невротической рефлексией Подпольного. Для исповеди Подпольного характерны повторы, снова и снова возобновляющееся онтологическое вопрошание. Действие пьесы Беккета также следует как бы по окружности, основываясь на повторах как реплик, так и ситуаций (герои много раз собираются расстаться, уйти, повеситься и т. д.). И Подпольный, и беккетовские герои оказываются в срединном, переходном пространстве и не могут из него вырваться. Подпольный — потому что «будущее как возможность духовного преображения вообще не присутствует в [его] сознании» [Живолупова, 2016, с. 191]. Герои Беккета — потому что живут надеждой на спасение, иллюзорной в мире, «в котором все неопределенно и граница между мечтой и действительностью постоянно меняется» [Эслин, 2010, с. 73].

Мотив обреченности жизни на повторяемость явлен и в образе «тихого подполья» в радиопьесе «О всех падающих» («All That Fall», 1956). Слепой мистер Руни рассказывает о своей рабочей рутине, ритуале, совершаемом в «тихом подполье». Герой чувствует, что весь мир «погребен заживо», «зашел в тупик» [Beckett, 2010, p. 28], что жизнь человека замкнута в кольцо и ей суждено бесконечно повторяться.

По пути домой со станции, где мистера Руни встретила жена, он признается ей в тайном, «подпольном», абсолютно иррациональном желании: однажды он испытал нестерпимый порыв убить ребенка, который едва удалось подавить. В финале пьесы загадка задержки поезда, на котором прибыл мистер Руни, разрешена: общается, что из вагона выпала девочка и попала под колеса. Ответ на вопрос, стал ли мистер Руни убийцей, в пьесе не дан.

Если отсутствие Бога в Подполье очевидно, то в пьесе Беккета в традиционной для него манере устами героя заявляется о существовании Бога — цитируется 145 псалом, — и вместе с тем все происходящее в пьесе противоречит этому заявлению. Падающие не поддержаны, а слепые не прозрели — девочка, упав, погибла, а мистер Руни не обрел зрение, или, может быть, Бог не уберег его от падения, страшного греха, и не открыл ему глаза на истину, любовь и добро.

То, что в творчестве Достоевского остается Подпольем, то есть неким маргинальным, миноритарным мировосприятием, у Беккета заполняет собой все пространство художественного текста. Противопоставление, заявленное Подпольным, — «я-то один, а они-то все» [Достоевский, 1973, с. 125] — у Беккета переосмыслено. «Я» и «другой»

в его произведениях еще более неспособны к коммуникации (ведь «театр абсурда стремится к радикальной девальвации языка» [Эсслин, 2010, с. 27]), чем Подпольный и внешний мир, и «подпольные» черты обретают все беккетовские образы и персонажи.

Монолог Подпольного — нескончаемый спор расколотых голосов. Таков и нарратив романов Беккета, хотя в его героях нет злобы Подпольного, его яростного сопротивления рационалистическому миру, ведь этого мира у Беккета уже не существует. Вместо злости Подпольного их охватывает растерянность. В романе «Моллой» («Molloy», 1947) читаем: «Когда я ничего не сделаю, он мне ничего не дает, ругает меня. Только я не ради денег пишу. Тогда для чего? Не знаю» [Беккет, 2008, с. 5]. В действиях Моллоя нет никакой логики, даже парадоксальной. Есть лишь рассыпающаяся на фрагменты реальность — Моллой «пускается в дорогу, в ту дорогу, о которой ничего не знал» [Там же, с. 38]. Моллой ощущает, что ему дано лишь «не хотеть сказать, не знать, что хочешь сказать, быть не в состоянии сказать то, что, по-твоему, ты хочешь сказать, и все время говорить» [Там же, с. 40].

Пожалуй, ближе всего к Подпольному герой рассказа «Первая любовь» («Premier Amour», 1946). Он, предпочитающий запах мертвых запахам живых, такой же мизантроп, как и Подпольный. Его самооценка амбивалентна — он чувствует собственное превосходство, признает в себе «царя без подданных» и в то же время ненавидит себя («Иные мои сочинения — не успеют чернила высохнуть, как они вызывают во мне отвращение» [Беккет, 2015, с. 7]). Подпольный выглядит рафинированным джентльменом рядом с героем Беккета, в одни моменты не стесняющимся в выражениях, а в другие угодливающим себя Бодлеру и по-декадентски наслаждающимся запахом и видом сгнившего гиацинта. Парадоксалист Беккета утверждает, что «любовь выявляет в человеке все самое худшее» [Там же, с. 20]. В абсурдном мире не существует рамок и критериев, дефиниции теряют свою значимость: объектом любви героя, по его собственным словам, могла быть любая женщина, «без возраста, без формы», а сам он не понимает, «в чем должна состоять красота» [Там же, с. 27]. Его возлюбленной становится проститутка, с которой он связывает себя, неизвестно зачем и почему. Не только род ее занятий напоминает о героине повести Достоевского, но и ее имя, Лулу, кажется эхом имени Лизы, его упрощенным, искаленным вариантом.

Беккетовский герой, в свою очередь, представляется пародией на Подпольного, его «сниженной» версией. Герой «Первой любви» не интеллектуал, блестящий познаниями в области науки и философии. Его рефлексия поверхностна — оценка событий, чужих и собственных поступков для него крайне затруднительна и замыкается в основном на физическом мире («Похоже на запор, правда? Или я путаю с поносом? Все перемешалось в голове, кладбища и свадьбы, и вариации стула» [Там же, с. 10]). Подпольный же — личность «слишком сознающая», способная зафиксировать и даже отчасти осмыслить быструю смену своих чувств. Не отличается герой Беккета и стремлением к «высокому», которое демонстрирует Подпольный наяву или в своих фантазиях.

Сходства и расхождения между этими героями громче всего заявляют о себе в их историях любви. Для них обоих связь с проституткой должна была стать «диалогом, который можно контролировать» [Ayers, 1998, p. 400]. Вместе с тем нельзя

согласиться с тем, что Подпольный «совершает акт благотворительности и сочувствия» [Ibid], пытаюсь «открыть глаза» Лизе на ее падшую жизнь [Ibid]. Думается, у Подпольного нет никакого замысла, его охватывает горячее желание спасти заблудшую душу, вернуть ее в царство света. Когда порыв героя проходит, ситуация переворачивается, и он действительно становится для Лизы «объектом сострадания» [Ibid]. Если Подпольный стыдится ее сострадания, ненавидит ее за него («Страшная злоба против нее закипела вдруг в моем сердце; так бы и убил ее, кажется» [Достоевский, 1973, с. 172]), а в иные моменты всем нутром тянется к ней, герой Беккета «без тени сомнения принимает щедроты “подобного существа” и даже злоупотребляет ими» [Ayers, 1998, p. 400]. Подпольный раздираем противоположными чувствами. Он злится, перекладывает вину в своем позоре на Лизу («Я злился на себя, но, разумеется, достаться должно было ей» [Достоевский, 1973, с. 172]), и в то же время его манит «живая жизнь» [Там же, с. 276]. Не таков герой «Первой любви» — не возлюбленная покидает его, а он сам оставляет ее, без самобичевания, свойственного Подпольному. Если Подпольный сует деньги Лизе и считает это жестом унижения, то герой Беккета без смущения живет за счет Лулу, торгующей телом.

Он живет «живой жизнью», хотя она ему досажает, — символом этой досады оказывается равнодушие героя к беременности Лулу и его уход в день рождения ребенка. Беккетовский герой предполагает, что ему «следовало любить и других» [Там же, с. 40]. Однако тут же оговаривается: «Но ведь сердцу не прикажешь» [Там же]. Переехав к Лулу, он убирает из комнаты все вещи, и единственной поверхностью остается каминная полка, на которой стоит сгнивший гиацинт. Его комната, таким образом, символизирует пустоту сознания (человека совсем не сознающего, в отличие от Подпольного), а отсутствие предметов — мир без опор, без определений. Гиацинт становится знаком умирания, ощущаемой героем телесности и неизбежной тленности мира, в котором все рождается и умирает. Рассказ замыкается в кольцо жизненного цикла: в начале истории умирает отец героя, в ее конце рождается его ребенок.

Смерть отца можно трактовать как символ смерти Бога, утраты отеческой фигуры, задающей миру рамки и границы, представления о добре и зле. Всего этого лишен герой беккетовского рассказа — его выгоняют из отцовского дома, он попадает к проститутке и затем оказывается под звездным небом, к которому он обращается и не получает ответа: «Я не слишком хорошо понимал, где нахожусь. Среди звезд и созвездий я поискал Колесницу, но не нашел» [Там же]. Подразумевается, что и в мире Подпольного Бога нет: «<...> в “Записках из подполья” он [Достоевский] сосредоточивается на земле самой по себе, как бы принимая исходную посылку всяких “устроителей человечества” без Бога» [Касаткина, 2019, с. 120]. Мир без Бога в рассказе Беккета оборачивается подобием мира Подпольного — миром абсурдным, в котором человек нелеп, смешон, «ищет, но боится найти» [Там же], поступает вопреки очевидной пользе и здравому смыслу.

4. Заключение

Итак, более всего роднит творчество Беккета с «Записками из подполья» тема богооставленности человека и связанная с нею потеря прежних опор, ориентиров

и ценностей. Подпольный не понимает, чего он ищет, как многие герои Беккета не понимают, где они находятся, куда и зачем держат путь. Как и Достоевский, Беккет исследует иррациональные основания мира, чьи смутные очертания стали проступать по мере секуляризации общества, в котором и сама вера в итоге оказывается чем-то беспочвенным (образ Годо).

Бога нет — и внутри человека зарождаются желания, противоречащие здравому смыслу и закону Божию и даже земному (порыв мистера Руни убить ребенка). Именно о таких желаниях говорит Подпольный: «Свое собственное, вольное и свободное хотенье <...> есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту» [Достоевский, 1973, с. 113]. Однако когда герой Достоевского или практически любой герой Беккета получает право свободного выбора, он оказывается невозможным, потому что человек не может осознать свое желание. Эстрагон и Владимир грезят о встрече с Годо, но не понимают, что им эта встреча сулит. Подпольный рассуждает о «свободном хотенье» и бездействует в Подполье. Здесь надо оговориться: для Достоевского путь Подпольного остается ложным, и идеал сопряжен с христианством [Касаткина, 2019, с. 116; Криницын, 2001, с. 49—55, 83—96]. Беккет, напротив, от христианства отказывается и демонстрирует неспособность человека найти иные смыслы.

Беккетовским произведениям присуща нелинейность времени, о которой он пишет в связи с Прустом и Достоевским. Она также заявляет об иррациональности мира и бессилии разума. Счет времени в Подполье будто и не ведется (неизвестно, как долго говорит герой Достоевского), то же происходит и у Беккета (неизвестно, как долго герои ждут Годо или путешествует Моллой). Нелинейность времени соотнесена с волей героев (или ее отсутствием) и выражена композиционно и стилистически — через повторы ситуаций и реплик.

Потребность раскрыть тайный смысл бытия приводит Подпольного и героев Беккета в движение — хождение по закодированному кругу. Ответы на терзающие их вопросы оказываются недоступными для личности, пребывающей в состоянии «я», за рамки которого она выйти неспособна. Не только познание «другого», но и самопознание невозможно для Подпольного и героев Беккета, переживающих процесс постепенного распада, устремления к нулю, пустоте.

От классической картины мира, в яростную полемику с которой вступил Подпольный, в абсурдистских произведениях Беккета не остается и следа. Его герои ни с чем не спорят, не протестуют, потому что не в силах ощутить «почву под ногами», выстроить систему координат, существуют как бы в невесомости. Герой Достоевского еще артикулирует бессмысленность и нелепость бытия, открывшуюся вслед за развенчанием достижений позитивизма и рационалистических идей. Подпольный формулирует потребность в высшей идее, «последней мечте, с которой они [герои Достоевского] связывают обретение смысла жизни» [Криницын, 2001, с. 41]. Герои же Беккета почти потеряли способность стройно мыслить и складно говорить, но — подобно Подпольному — находятся в постоянном движении в неведомом направлении или ожидании чего-то неизвестного.

Источники и принятые сокращения

1. *Беккет С.* Моллой / С. Беккет. — Москва : Текст, 2008. — 301 с. — ISBN 978-5-7516-0674-9.
2. *Беккет С.* Первая любовь: избранная проза / С. Беккет. — Москва : Текст, 2015. — 189 с. — ISBN 978-5-7516-1257-3.
3. *Достоевский Ф. М.* Записки из подполья / Ф. М. Достоевский // *Собрание сочинений* : в 30 томах. — Ленинград : Наука, 1973. — Том 5. — С. 133—245.
4. *Жид А.* Достоевский. Эссе / А. Жид. — Томск : Водолей, 1994. — 287 с. — ISBN 5-7137-0021-6.
5. *Beckett S.* All that Fall: The Collected Shorter Plays by Samuel Beckett / S. Beckett. — New York : Grove Press, 2010. — P. 1—34. — ISBN 9780802144386.
6. *Beckett S.* En attendant Godot / S. Beckett. — Paris : Les Editions de Minuit, 1952. — 132 p.
7. *Beckett S.* The Letters of Samuel Beckett / S. Beckett. — Cambridge : CUP, 2009. — Vol. 1. — 782 p. — ISBN 9780521867931.
8. *Beckett S.* The Letters of Samuel Beckett / S. Beckett. — Cambridge : CUP, 2012. — Vol. 2. — 791 p. — ISBN 978-0521867948.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бузина Т. В.* Самообожение мелкого беса в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского / Т. В. Бузина // *Вестник ЛГУ им А. С. Пушкина*. — 2011. — № 1. — С. 22—30.
2. *Живолупова Н. В.* Покаянный псалом, исповедь и теодицея как источники внутренней формы исповеди антигероя / Н. В. Живолупова // *Язык. Культура. Коммуникация*. — 2016. — № 1. — С. 190—199.
3. *Касаткина Т. А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / Т. А. Касаткина. — Москва : Водолей, 2019. — 336 с. — ISBN 978-5-91763-488-3.
4. *Келер К.* Антигерой у Достоевского, Сэмюэля Беккета и Юджина О'Нила / К. Келер // *Достоевский : материалы и исследования*. — Санкт-Петербург : Наука, 2007. — С. 274—280. — ISBN 978-5-02-026501-1.
5. *Криницын А. Б.* Исповедь подпольного человека : к антропологии Ф. М. Достоевского / А. Б. Криницын. — Москва : Макс Пресс, 2001. — 370 с. — ISBN 5-317-00273-7.
6. *Микеладзе Н. Э.* Три притчи Царствия Небесного в пьесе С. Беккета «В ожидании Годо» [Электронный ресурс] / Н. Э. Микеладзе // *Медиаскоп*. — 2014. — № 2. — Режим доступа : <http://www.mediascope.ru/1534> (дата обращения: 23.11.2020).
7. *Тарасов Б. Н.* «Закон Я» и «закон любви» в антропологии христианского реализма Ф. М. Достоевского и экзистенциалистского гуманизма Ж.-П. Сартра / Б. Н. Тарасов // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. — 2019. — № 2. — С. 112—125. — DOI: 10.25991/VRHGA.2019.20.3.011.
8. *Эсслин М.* Театр абсурда / М. Эсслин. — Санкт-Петербург : Балтийские сезоны, 2010. — 527 с. — ISBN 978-5-903368-40-2.
9. *Ayers C.* An Interpretative Dialogue: “First Love” and Bakhtin’s Categories of Meaning / C. Ayers // *Beckett Versus Beckett*. — Amsterdam ; Atlanta (GA) : Rodopi. — 1998. — Vol. 7. — P. 391—406. — ISBN 9789042007543.
10. *Hoffman F.* Samuel Beckett: The Language of self / F. Hoffman. — Carbondale (IL) : Southern Illinois University Press, 1962. — 200 p.
11. *Kennedy A. K.* Samuel Beckett / A. K. Kennedy. — Cambridge : CUP, 1989. — 175 p. — ISBN 9780521274883.
12. *Le Juez B.* Beckett Before Beckett: Samuel Beckett’s Lectures on French Literature / B. Le Juez. — London : Souvenir Press, 2010. — 96 p. — ISBN 9780285638624.

13. *Levy E. P. Beckett and the Voice of Species: A Study of the Prose Fiction* / E. P. Levy. — Totowa (NJ) : Barnes & Noble Books, 1980. — 145 p. — ISBN 9780389200048.
14. *Rosen S. J. Samuel Beckett and the Pessimistic Tradition* / S. J. Rosen. — New Brunswick (NJ) : Rutgers University Press, 1976. — 252 p. — ISBN 9780813508092.
15. *Webb E. Samuel Beckett: A Study of His Novels* / E. Webb. — Seattle (WA) : University of Washington Press, 1970. — 192 p. — ISBN 9780295950594.

CREATIVE WORKS OF S. BECKETT IN THE CONTEXT OF “NOTES FROM THE UNDERGROUND” BY F. M. DOSTOEVSKY¹

© **Ekaterina A. Markova (2020)**, orcid.org/0000-0001-5954-1440, ResearcherID AAF-6782-2019, SPIN 1215-5391, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IMLI RAS); Assistant, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN) (Moscow, Russia), glazkova1992@gmail.com.

The results of a comparative analysis of the story "Notes from the Underground" by F. M. Dostoevsky and the works of S. Beckett are presented in the article. It is shown how Beckett critically interprets the main novels of the Russian writer. The novelty of the work is seen in the fact that the problem of Beckett as the "heir" of Dostoevsky and his "Notes from the Underground" is considered in Russian literary criticism for almost the first time. Based on the plays "Waiting for Godot", "All that Fall", the novel "Molloy" and the story "First Love", the author demonstrates how Dostoevsky's themes, motives and images are refracted in Beckett's work. Particular attention is paid to the motive of "underground" love. A similarity was found between Dostoevsky's story and Beckett's works in spatial and temporal characteristics (uncertainty of the scene, nonlinearity of time, repetition of situations). It has been proven that these characteristics serve to designate a world without God, in which landmarks and goals are lost, positive and rational foundations are broken. It has been established that for Dostoevsky the Underground remains a "dark corner" behind which there is a "big world", while for Beckett it fills the whole world.

Key words: Dostoevsky; Beckett; Underground; reception.

MATERIAL RESOURCES

- Beckett, S. (1952). *En attendant Godot*. Paris: Les Editions de Minuit. 132 p. (In French.)
- Beckett, S. (2009). *The Letters of Samuel Beckett, 1* Cambridge: CUP. 782 p. ISBN 9780521867931.
- Beckett, S. (2010). *All that Fall: The Collected Shorter Plays by Samuel Beckett*. New York: Grove Press. 1—34. ISBN 9780802144386.
- Beckett, S. (2012). *The Letters of Samuel Beckett, 2*. Cambridge: CUP. 791 p. ISBN 978-0521867948.
- Bekket, S. (2008). *Molloy* [Molloy]. Moskva: Tekst. 301 p. ISBN 978-5-7516-0674-9. (In Russ.)
- Bekket, S. (2015). *Pervaya lyubov': izbrannaya proza* [First love: selected prose]. Moskva: Tekst. 189 p. ISBN 978-5-7516-1257-3. (In Russ.)
- Dostoevskiy, F. M. (1973). *Zapiski iz podpolya* [Notes from the underground]. *Sobraniye sochineniy* [Collected works], 30/5. Leningrad: Nauka. 133—245. (In Russ.)
- Zhid, A. (1994). *Dostoevskiy. Esse* [Dostoevsky. Essays]. Tomsk: Vodoley. 287 p. ISBN 5-7137-0021-6. (In Russ.)

1 The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-012-90044 Dostoevsky "Notes from the Underground" F. M. Dostoevsky and the problem of the "underground man" in the culture of Europe and America at the end of the 19th and the beginning of the 21st centuries".

REFERENCES

- Ayers, C. (1998). An Interpretative Dialogue: “First Love” and Bakhtin’s Categories of Meaning. In: *Beckett Versus Beckett*, 7. Amsterdam; Atlanta (GA): Rodopi. 391—406. ISBN 9789042007543.
- Buzina, T. V. (2011). Samoobozheniye melkogo besa v «Zapiskakh iz podpol’ya» F. M. Dostoevskogo [Self-deification of a petty demon in “Notes from the Underground” by F M Dostoevsky]. *Vestnik LGU im A. S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after A. Pushkin], 1: 22—30. (In Russ.).
- Esslin, M. (2010). *Teatr absurda* [Theater of the absurd]. Sankt-Peterburg: Baltiyskiye sezony. 527 p. ISBN 978-5-903368-40-2.
- Hoffman, F. (1962). *Samuel Beckett: The Language of self*. Carbondale (IL): Southern Illinois University Press. 200 p.
- Kasatkina, T. A. (2019). *Dostoevskiy kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyy sposob vyskazyvaniya* [Dostoevsky as a philosopher and theologian: an artistic way of expressing]. Moskva: Vodoley. 336 p. ISBN 978-5-91763-488-3. (In Russ.).
- Keler, K. (2007). Antigeroi u Dostoevskogo, Semyuelya Bekketa i Yudzina O’Nila [Antihero in Dostoevsky, Samuel Beckett and Eugene O’Neill]. In: *Dostoevskiy: materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: materials and research]. Sankt-Peterburg: Nauka. 274—280. ISBN 978-5-02-026501-1. (In Russ.).
- Kennedy, A. K. (1989). *Samuel Beckett*. Cambridge: CUP. 175 p. ISBN 9780521274883.
- Krinityn, A. B. (2001). *Isповed’ podpolnogo cheloveka: k antropologii F. M. Dostoevskogo* [Confessions of an underground man: to the anthropology of F M Dostoevsky]. Moskva: Maks Press. 370 p. ISBN 5-317-00273-7. (In Russ.).
- Le Juez, B. (2010). *Beckett Before Beckett: Samuel Beckett’s Lectures on French Literature*. London: Souvenir Press. 96 p. ISBN 9780285638624.
- Levy, E. P. (1980). *Beckett and the Voice of Species: A Study of the Prose Fiction*. Totowa (NJ): Barnes & Noble Books. 145 p. ISBN 9780389200048.
- Mikeladze, N. E. (2014). Tri pritchi Tsarstviya Nebesnogo v pyese S. Bekketa «V ozhidanii Godo» [Three parables of the Kingdom of Heaven in the play by S. Beckett “Waiting for Godot”]. *Mediaskop* [Mediaskop], 2. Available at: <http://www.mediascope.ru/1534> (accessed: 23.11.2020). (In Russ.).
- Rosen, S. J. (1976). *Samuel Beckett and the Pessimistic Tradition*. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press. 252 p. ISBN 9780813508092.
- Tarasov, B. N. (2019). «Zakon Ya» i «zakon lyubvi» v antropologii khristianskogo realizma F. M. Dostoevskogo i ekzistsentsialistskogo gumanizma Zh.-P. Sartra [“The law of I” and “the law of love” in the anthropology of Christian realism by F. M. Dostoevsky and the existentialist humanism of J.-P. Sartre]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2: 112—125. DOI: 10.25991/VRHGA.2019.20.3.011. (In Russ.).
- Webb, E. (1970). *Samuel Beckett: A Study of His Novels*. Seattle (WA): University of Washington Press. 192 p. ISBN 9780295950594.
- Zhivolupova, N. V. (2016). Pokayanny psalom, isповed’ i teoditsey a kak istochniki vnutrenney formy isповedi antigeroya [Penitential psalm, confession and theodicy as sources of the internal form of antihero confession]. *Yazyk. Kultura. Kommunikatsiya* [Language. Culture. Communication], 1: 190—199. (In Russ.).

Меркель Е. В. Персонажная систематика в трилогиях Дины Рубиной 2000—2010-х годов // Е. В. Меркель, Е. С. Тулушева // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 185—195. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-185-195.

Merkel, E. V., Tulusheva, E. S. (2020). Character Taxonomy in Dina Rubina's Trilogies of the 2000s—2010s. *Nauchnyi dialog*, 12: 185-195. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-185-195. (In Russ.).

УДК 821.161.1Рубина.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-185-195

ПЕРСОНАЖНАЯ СИСТЕМАТИКА В ТРИЛОГИЯХ ДИНЫ РУБИНОЙ 2000—2010-Х ГОДОВ

© Меркель Елена Владимировна (2020), orcid.org/0000-0002-0063-4527, доктор филологических наук, профессор, кафедра филологии, Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова в г. Нерюнгри (Нерюнгри, Россия), merkel-e@yandex.ru.

© Тулушева Елена Сергеевна (2020), orcid.org/0000-0001-6374-4662, преподаватель, факультет Гуманитарных наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), be-so-happy@yandex.ru.

В статье рассматриваются трилогии Дины Рубиной «Люди воздуха» (2008—2010) и «Русская канарейка» (2014). Актуальность исследования обусловлена, во-первых, малой степенью изученности трилогии «Русская канарейка» (проанализировано ономастическое пространство произведения и определены особенности книги в контексте семейного романа XX столетия); во-вторых, необходимостью дифференцировать художественную методологию автора, которая различна в исследуемых макротекстах. Новизна исследования видится в том, что авторы, сопоставляя две трилогии Дины Рубиной, приходят к выводу, что автор использует различные семиотические стратегии построения текстов, при этом выявляется гомология сюжетных линий, способов построения персонажных рядов и общих принципов миромоделирования трилогий. Представлены результаты сопоставительного анализа, которые позволяют увидеть закономерности художественного поиска современного автора и его стилистические новации. Доказано, что при параллелизме персонажных рядов двух эпических циклов автор в первом случае прибегает к художественному методу магического реализма («Люди воздуха»), а во втором случае использует реалистические принципы письма («Русская канарейка»).

Ключевые слова: миромоделирование; систематика; персонаж; сюжет; цикл; трилогия; художественный метод.

1. Введение

Новейшие трилогии Дины Рубиной («Люди воздуха» 2008—2010 годов и «Русская канарейка» 2014 года) неоднократно привлекали внимание исследователей. Так, отдельные характерные особенности произведений, включенных в «Люди воздуха» (романов «Почерк Леонардо», «Белая голубка Кордовы» и «Синдром Петрушки»), исследовались Ю. В. Несыновой [Несынова, 2015], Г. С. Зуевой [Зуева, 2016а; Зуева, 2016б], В. Ю. Пановица и З. И. Резановой [Пановица, 2013; Резанова и др., 2014], М. М. Цатурян [Цатурян, 2013], Н. В. Сорокиной и Л. Е. Абраменковой [Сорокина и др., 2019], А. Н. Ивановой [Иванова, 2018] и др.

Особенно подробно «Люди воздуха» проанализированы в книге Э. Ф. Шафранской [Шафранская, 2012] и диссертации А. Г. Сильчевой [Сильчева, 2019]. Э. Ф. Шафранская говорит о концепте «синдрома таланта», объединяющего героев трилогии: каждый из них наделен необыкновенным талантом, и каждый воспринимает его как проклятие [Шафранская, 2012, с. 224]. Герои, наделенные талантом, у Дины Рубиной не в ладах с законом, а зачастую и с обычной общечеловеческой моралью: «Тема таланта — “гения и злодейства” — не отпускает писателя Рубину. Несмотря на утверждение классика, что эти две субстанции несовместны, искусство вновь и вновь поднимает их, stalkивает, разводит, чтобы еще раз убедиться в правильности пушкинского вывода» [Там же, с. 255].

При этом таланты героев «Людей воздуха» связаны с мистическими предметами-двойниками, на чем акцентирует внимание А. Г. Сильчева: «Три наиболее распространенных “генератора” мистических событий в обыденной реальности (кукла, зеркало, портрет) становятся ключевыми для трех романов Дины Рубиной, объединенных автором в трилогию “Люди воздуха”. Первый роман этой трилогии, “Почерк Леонардо”, связан с образом зеркала как атрибута магической способности главной героини. Во втором романе, “Белая голубка Кордовы”, главный герой — художник, создающий копии известных картин, творящий “двойник двойника”, а впоследствии переключающийся и на создание картин, которые он же в качестве эксперта приписывает известным художникам. Третий роман, “Синдром Петрушки”, посвящен куклам — его центральный персонаж наделен уникальной способностью сотворения и “оживления” кукол» [Сильчева, 2019, с. 174].

Трилогия «Русская канарейка», несмотря на относительно недавнее появление, уже подвергнута научной рецепции. Так, эта трилогия рассматривалась с точки зрения ономастики в двух исследованиях Н. В. Ланге [Ланге, 2018; Ланге, 2019], а также анализировалась в контексте семейного романа XX столетия — ей посвящен параграф в диссертации А. Т. Джиеовой [Джиеова, 2019]. Автор исследования отмечает, что «в “Русской канарейке” Дины Рубиной отражен процесс трансформации семейного романа (при сохранении таких его важнейших характеристик, как линейность повествования, хроникальность, создание образа дома, семейного очага в качестве жанрообразующего элемента) в семейную хронику, благодаря расширению повествовательных рамок, конструированию эпопейного хронотопа, осмыслению частных судеб на фоне истории» [Там же, с. 190].

Вместе с тем автор исследования ограничивается только осмыслением семейных установок персонажей «Русской канарейки», не рассматривая такие аспекты внутрисемейных историй, как, например, специфика родовой «программы» и её влияние на жизнь «малой» семьи.

Между персонажами «Людей воздуха» и «Русской канарейки» прослеживаются определенные различия: в первой трилогии речь идет о разрушении семьи, деструктивных силах, а во второй — о созидании семьи и мистическом соединении двух родов. Тем не менее нам представляется, что в героях этих трилогий присутствуют общие черты, составляющие основу их миромоделирующей персонажной системы.

Для настоящего исследования оказались ценными работы В. Н. Топорова [Топоров, 1980], Л. Г. Кихней и Е. В. Меркель [Кихней и др., 2015], Н. А. Лариной и М. А. Дубовой [Дубова и др., 2019], О. Р. Темиршиной [Темиршина, 2009], в которых в качестве основных миромоделирующих констант художественных произведений авторы вычленяют, помимо пространственно-временных координат и предметного мира, систему персонажей произведения, осмыслению которой в творчестве Дины Рубиной и посвящена наша статья.

2. Система персонажей трилогии «Люди воздуха» как основа художественной модели мира романов

Трилогия «Люди воздуха» в отличие от трилогии «Русская канарейка» не имеет общих персонажей, миры героев никак не пересекаются, сквозные персонажи отсутствуют. Модель мира трех романов, включенных в трилогию, сосредоточена вокруг четырех центральных персонажей: Анны Нестеренко в «Почерке Леонардо», Захара Кордовина в «Белой голубке Кордовы» и пары Петра и Лизы в «Синдроме Петрушки». При значительных различиях в судьбах героев и практически не пересекающейся топонимике у персонажей есть важная, принципиальная общая черта: все они так или иначе занимаются созданием копии человека, его подобия. Анна из «Почерка Леонардо» увлечена миром зеркал, она ставит сложнейшие цирковые номера, связанные с использованием зеркала. Захар Кордовин — талантливый художник, отказавшийся от своего таланта в пользу копирования, воспроизведения картин великих мастеров. Петр Уксусов из «Синдрома Петрушки» — кукольник, мастер «оживления» вещей и создания кукол, а его грандиозное творение, кукла Элис, является практически точной копией его супруги Лизы. Как отмечает А. Г. Сильчева, именно это позволяет говорить о магическом реализме «Людей воздуха»: «Предметный мир, составляющий хронотопическую (и отчасти персонажную) сферу трех романов Рубиной, воплощен в реалистическом ключе. Его функция — показать исторические реалии, географические реалии, особенности рода занятий героев, сам “воздух”, их повседневного и экзистенциального бытия. В это реалистическое описание вкрапляются принципы магического реализма, связанные с двойным истолкованием отдельных лейтмотивных образов (куклы, зеркала, картины, телесные образы)» [Сильчева, 2019, с. 175].

Основой модели мира героев «Людей воздуха» становится их сиротство: все они потеряли или не знали своих родителей. Анна Нестеренко не знала своего отца и потеряла мать в раннем возрасте, была усыновлена и воспитана приемными родителями. Захар Кордовин родился от неизвестного отца: в романе неоднократно упоминается о его исключительной похожести с дедом, однако имя отца и обстоятельства зачатия мать Кордовина предпочитает держать в тайне: *Сделал несколько шагов к тахте, взглянул на дитя и обмер. Перед ним лежал все тот же окаянный Захар, опять Захар и только Захар, словно этот мертвый паскудник — **гопник этот!** — как-то умудрился сделать ребенка собственной дочери!* [Рубина, 2018, с. 244]. Петр Уксусов в детстве лишается отца, а его жена Лиза в двухлетнем возрасте лишается матери.

При этом в образе Захара Кордовина и супруги Петра Лизы проявляется еще одна, исключительно важная для Дины Рубиной тема: мотив воспроизведения, мультиплицирования личности в истории рода. Захар Кордовин — двойник не только собственного деда, но и череды представителей семьи Кордовых-Кордовера, история которой уходит корнями в XV столетие. В тексте постоянно подчеркивается их взаимодействие, взаимопонимание сквозь века, их физическое сходство: *Сходство его в зеркале со святым Бенедиктом, или как там называли когда-то этого парня, было таким обескураживающим, что и усмехнуться не получалось* [Там же, с. 500].

Тот же мотив прослеживается в образе Лизы: она — носитель семейного проклятия, генетической мутации, приводящей к рождению ребенка с синдромом Ангельмана — «синдромом Петрушки», не способная родить здорового мальчика. Род, подверженный проклятию, воспроизводит себя в женщинах с огненно-рыжими волосами. *Брюхатый идол служил на совесть: как станок на монетном дворе, он печатал миниатюрных девочек нежнейшей фарфоровой красоты в ореоле бушующего огня. Этаких опасных парселиновых куколок* [Рубина, 2017, с. 347]. Двойниками Лизы являются при этом не только женщины из ее рода, но и куклы — созданная Петром кукла Элис, а также «родильные куклы», найденные Петром в семейной реликвии.

Сама Дина Рубина по этому поводу отмечает: «Всю жизнь меня занимала тема продолжения личности в истории Рода. Мощные переплетения генов, провоцирующие матрицы тех или иных историй, которые неизбежно догоняют нас, повторяясь во всех поколениях семьи. Невозможность уйти от наследственной заданности рока» [Рубина, 2020, с. 448].

В Анне Нестеренко, напротив, подчеркивается ее исключительность, инаковость, граничащая с ненормальностью: замороженность зеркалами связана с ее леворукостью и неспособностью что-либо делать правой рукой. В детстве ее пытались «перелицовывать»: няня привязывала ей левую руку к телу и заставляла развивать правую, и мир как бы представал перед Анной в своей симметрии. Первоначально она воспринимает буквы только в зеркальном отражении и даже не может научиться читать, так как видит строку не слева направо, а справа налево: *Вот смотри. ... Она читает справа налево. Вместо «лик» читает «кил»* [Рубина, 2008, с. 72]; *Решиительно взяла карандаш и переписала на лист вереницу букв с доски. ... Еще раз такого напишешь — отдам тебя в школу для дураков!* [Там же, с. 132].

Гениальность Петра Уксусова также выдает скорее его инаковость, отличность от его рода (в историю которого, впрочем, автор не углубляется), и она также граничит с некой ненормальностью. Увлеченность куклами доходит до аутизма, до неспособности поддержать диалог «от своего лица» вкупе с уникальной способностью «оживлять» куклу: *Он же практически не разговаривает, — мягко внушала учительница. — Он с трудом объясняется междометиями* [Рубина, 2017, с. 123]. Не единожды в тексте повторяется мысль, что Петр преображается, взяв в руки куклу, оживляя ее и словно сам в нее преображаясь.

В трилогии «Люди воздуха», таким образом, есть две ключевых формулы главного персонажа: это неординарный человек, продолжающий семейную линию и позиционирующийся как новое воплощение некоего универсального представителя данного рода (Захар, Лиза), либо это неординарный человек, идущий «против рода», — тот, кто выбился из поколенческого ряда, нарушил закономерность, разорвал генетическую предопределенность (Петр, Анна).

3. Развитие персонажных структур «Людей воздуха» в трилогии «Русская канарейка»

Все указанные выше мотивы получили яркое и полное воплощение в трилогии «Русская канарейка». Три романа, включенные в это произведение: «Желтухин», «Голос» и «Блудный сын» — в отличие от романов, вошедших в «Людей воздуха», представляют собой единый текст, историю двух семей, представители младших поколений которых — Леон Этингер и Айя — в конце образуют пару. Леон Этингер воплощает тип героя, неразрывно связанного с историей семьи и воплощениями личности в череде представителей рода. Его прадед, «большой Этингер», певец и музыкант Гаврила Оскарович Этингер, обладает уникальным слухом и голосом, который в итоге наследует правнук. Внешность Леона чрезвычайно схожа с внешностью его двоюродной бабушки, Эсфири Этингер, чьи платья он использует в ходе перевоплощений. Во всех описаниях Леона, во всех его действиях в трилогии постоянно подчеркивается неразрывная связь мужчины с «Домом Этингера» — семьей, единственным представителем которой он является. *Изрядные голосовые достоинства (помимо прочего музыкального блеска) были присущи всем мужчинам «Дома Этингера», как говаривал сам Большой Этингер <...> немалые достоинства тенорового регистра демонстрировал и он сам <...> и — забегая вперед — правнук его, тот последний по времени Этингер <...> в ком выдающиеся теноровые свойства воплотились в предельной мере* [Рубина, 2019в, с. 82].

При этом Этингер — сирота, как и герои «Людей воздуха». Он рожден матерью Владкой от случайной связи и практически до конца третьей части не подозревает, кто является его отцом: *Когда кинулись разыскивать чернявого парнишку, выяснилось, что никаких концов и в помине нет, что эта дурында не знает ничего: ни в каком учебном заведении обретался, ни из какой страны прибыл и в какую отбыл, ни тем паче его фамилии басурманской* [Там же, с. 503]. Неразрывно связанный с «домом Этингеров», он в то же время чужой, полукровка, человек, который знает все об истории своего рода по одной линии и ничего не знает о другой. Это роднит его с Захаром Кордовиным: тот также растет с матерью, не зная отца, и идентифицирует себя именно с родом Кордовых, к которому принадлежит по материнской, а не по отцовской линии. Впрочем, поскольку и Этингер, и Кордовин — евреи, оба они жили в Израиле и служили в Израильской армии, такое идентифицирование родства является для них нормальным и принятым.

Сходство Этингера и Кордовина проявляется и в других деталях. Так, Этингер меняет имена: записывается в гостиницах под другим именем, изменяет огласовку фамилии («Этинже»). То же свойственно и роду Кордовых: фамилия варьирует-

ся, сохраняя корень *Кордова*. Оба сочетают в себе увлечение искусством (музыкой в случае Этингера и живописью в случае Кордовина) с превосходной физической подготовкой, владением оружием и службой в армии.

Другая неординарная героиня «Русской канарейки» Айя — дочь русского юноши Ильи и казашки Гули (Гюзель) — рождается абсолютно глухой. Ее мать умирает во время родов, отец воспитывает девочку один, и в ней подчеркнута вторая линия из обозначенных выше: она неординарна, непохожа на представителей своего рода, она совершенно иная. Этот мотив усиливается за счет описания ее неординарной внешности, глухоты, которую она умело преодолевает и тщательно скрывает. Айя в системе персонажей имеет много общих черт с героиней «Почерка Леонардо» Анной: она также склонна «убегать» из семьи, долго не общается со своим отцом, оставляя лишь краткие весточки о себе. Кроме того, Айя, как и Анна, миниатюрна и хорошо физически развита, увлечена спортом (фигурным катанием в «Русской канарейке» и цирковыми акробатическими упражнениями в «Почерке Леонардо»), однако главной ее страстью является визуальное искусство: фотография у Айи и оптические иллюзии, связанные с зеркалами, у Анны. Есть у Айи и общие черты с Лизой, женой Петра Уксусова: это и подчеркиваемая миниатюрность, и неординарность ее внешности.

Айя и Леон — неординарные, удивительные, уникальные люди, при этом являющиеся, каждый по-своему, творцами. Леон — певец, создающий образы и воспроизводящий на сцене различные партии. Айя — гениальный фотограф, способный рассказать историю с помощью фотографий. Интересно, что в данном случае ремесло Айи продолжает линию, намеченную в «Людях воздуха», — копирование реальности (зеркала, картины, куклы, фотографии). В описании творчества Леона усилена другая линия: связь с традицией. Леон Этингер, обладатель уникального контртенора, исполняет главным образом арии XVIII—XIX столетий, предназначавшиеся для певцов-кастратов. Как все герои-творцы «Людей воздуха», он заморожен историей, традициями соответствующего вида искусства. Так же Анна Нестеренко изучает оптические иллюзии Леонардо да Винчи, Захар Кордовин — живопись мастеров, а Петр Уксусов — историю кукольного театра.

Есть также достаточно существенное отличие художественных моделей мира двух трилогий, пролегающее в плоскости магического реализма. Трилогия «Люди воздуха», как убедительно доказывает А. Г. Сильчева [Сильчева, 2019], представляет собой образец русского магического реализма. В сюжетах романов, вошедших в цикл «Люди воздуха», немало мистических событий: это и таинственная гибель Анны в «Почерке Леонардо» (она совершает прыжок на мотоцикле с обрыва над заливом и полностью исчезает вместе с мотоциклом, как бы дематериализуется), и череда невероятных совпадений в обретении своих предков в судьбе Захара Кордовина из «Белой голубки Кордовы», и магический артефакт — родильная кукла — в истории семьи Лизы из «Синдрома Петрушки».

В «Русской канарейке» же, напротив, отсутствуют настолько ярко выраженные магические и мистические мотивы. Жизнь ее персонажей полна невероятных совпадений, однако авторская тональность полностью меняется: речь идет не столько о магии, сколько о причудливых поворотах судьбы: *Уж он-то отлично знал, что*

так не бывает. Его на курсах учили, и он вызубрил наизубок, что так — не бывает. Разве что один шанс на миллион. И уж конечно, не в подобных обстоятельствах. <...> не четыре поколения, кричащие ему сквозь весь двадцатый век: все доподлинно, все так и есть, вот так все и бывает [Рубина, 2019б, с. 413]. Иными словами, встреча двух представителей семей, связанных еще с начала XX столетия, — событие маловероятное, удивительное, но не мистическое.

3. Заключение

Фактически Дина Рубина соединяет в трилогии «Русская канарейка» основные миромоделирующие координаты персонажной системы, намеченные в цикле «Люди воздуха». Главные герои, современники читателей, являются носителями формулы рода, воспроизведенной ими в неизменном или переименованном виде: двигаясь «по линии» рода или наперекор ей, они все равно так или иначе зависят от этих родовых доминант. Герои «Людей воздуха» становятся «последними по времени» представителями этой формулы рода: Анна погибает при загадочных обстоятельствах, не оставив детей, Захар Кордовин погибает, так и не узнав, что его возлюбленная родила от него близнецов, один из которых получил имя Заккариас, и лишь Петр и Лиза из «Синдрома Петрушки» остаются в живых и ждут ребенка — дочь, судьба которой вполне предсказуема и выводима из истории рода Лизы.

Герои «Русской канарейки», соединяющие две родовые формулы, порождают дитя, «последнего по времени Этингера», являющего носителем семейных генов и воспроизводящего родовую формулу отца: в конце романа «Блудный сын» мальчик Гаврила Этингер поет дуэтом со своим отцом, Леоном Этингером.

В обеих трилогиях время действия охватывает весь XX век и начало XXI — история семьи подробно прослежена начиная с событий Первой Мировой войны и революции в России и вплоть до наших дней. Главные герои живут и действуют в начале нашего века, в их жизни присутствуют современные технологии, однако главным, доминирующим началом в их жизни остается память рода, унаследованная ими от предков.

В каждом романе Дина Рубина уделяет большое внимание детству героя, его полному или частичному сиротству, детским увлечениям и предпочтениям, показывая тем самым развертывание этой родовой формулы, ее реализацию. Во всех романах, вошедших в «Люди воздуха», события взрослой жизни героя перемежаются обширными вставками-воспоминаниями о его детстве. В «Русской канарейке» применен тот же способ изложения биографии героя (в контексте семейного генезиса) — от раннего детства и истории семьи к современности. Однако в этой трилогии описание жизни персонажа представлено уже в соответствии с хронологическим порядком: первый роман, «Желтухин», повествует о детстве главных героев и о событиях, предшествовавших их появлению на свет, а два последующих романа, «Голос» и «Блудный сын», — о жизни центральных персонажей романа в современных реалиях.

В целом при сходстве персонажей двух трилогий в них следует отметить принципиально разный вектор взаимоотношения героя со своим даром, талантом. Если

герои «Людей воздуха» восстают против своего таланта, пытаются против него бороться, они сами или их родственники воспринимают талант как нечто отчуждаемое и враждебное носителю дара, то герои «Русской канарейки», напротив, берегут и развивают свой талант, не используя его ни в криминальных целях, ни для причинения кому-либо вреда.

Источники

1. Рубина Д. И. Белая голубка Кордовы / Д. И. Рубина. — Москва : Эксмо, 2018. — 624 с. ISBN: 978-5-04-099609-4
2. Рубина Д. И. Наполеонов обоз. Книга 1. Рябиновый клин / Д. И. Рубина. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с. ISBN: 978-5-04-098081-9
3. Рубина Д. И. Почерк Леонардо / Д. И. Рубина. — Москва : Эксмо, 2008. — 464 с. ISBN 978-5-699-27962-3
4. Рубина Д. И. Русская канарейка. Блудный сын / Д. И. Рубина. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. ISBN: 978-5-699-76883-7
5. Рубина Д. И. Русская канарейка. Голос / Д. И. Рубина. — Москва : Эксмо, 2019. — 640 с. ISBN: 978-5-699-83501-0
6. Рубина Д. И. Русская канарейка. Желтухин / Д. И. Рубина. — Москва : Эксмо, 2019. — 576 с. ISBN: 978-5-699-82815-9
7. Рубина Д. И. Синдром Петрушки / Д. И. Рубина. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 512 с. ISBN 978-5-04-092807-1

ЛИТЕРАТУРА

1. Джюева А. Т. Традиции семейного романа в отечественной прозе XX столетия : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. Т. Джюева. — Саранск, 2019. — 225 с.
2. Дубова М. А. Пространственные параметры модели мира в рассказе В. Я. Брюсова «Бемоль» / М. А. Дубова, Н. А. Ларина // Мир науки, культуры, образования. — 2019. — № 1 (74). — С. 425—426.
3. Зуева Г. С. Живописный экфрасис как способ характеристики главного героя романа Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы» / Г. С. Зуева // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2016. — Т. 16. — № 3. — С. 321—325. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-3-321-325
4. Зуева Г. С. Собираемый образ героя трилогии Дины Рубиной «Люди воздуха» / Г. С. Зуева // Славянский мир : духовные традиции и словесность : сборник материалов международной научной конференции, посвященной 250-летию Н. М. Карамзина, 195-летию Ф. М. Достоевского, 125-летию О. Э. Мандельштама. — 2016. — С. 367—371. ISBN 978-5-905763-76-2
5. Иванова А. Н. Сибирский текст в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» / А. Н. Иванова // Наука и образование сегодня. — 2018. — № 5 (28). — С. 68—72.
6. Кихней Л. Г. Аксиология повседневных вещей в поэтике акмеизма / Л. Г. Кихней, Е. В. Меркель // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2015. — № 1. — С. 129—138. DOI 10.17223/19986645/33/10
7. Ланге Н. В. Библиейские имена в трилогии Дины Рубиной «Русская канарейка» / Н. В. Ланге // Ономастика в Смоленске и Витебске : проблемы и перспективы исследования. — 2018. — № 6. — С. 52—56.
8. Ланге Н. В. Топонимы в трилогии Д. И. Рубиной «Русская канарейка» : Одесса, Алма-Ата, Вена / Н. В. Ланге // Ономастика в Смоленске и Витебске : проблемы и перспективы исследования. — 2019. — № 7. — С. 56—64.

9. *Несьнова Ю. В.* Мотив кукольности в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки» / Ю. В. Несьнова // Филологический класс. — 2015. — № 2 (40). — С. 75—81.
10. *Резанова З. И.* Ключевые текстовые метафорические модели трилогии Д. Рубиной «Люди воздуха» / З. И. Резанова, В. Ю. Пановица // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 382. — С. 33—38.
11. *Сорокина Н. В.* Традиции магического реализма в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо» / Н. В. Сорокина, Л. Е. Абраменкова // Нефилология. — 2019. — Т. 5. — № 20. — С. 518—525. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-518-525
12. *Пановица В. Ю.* Мотив двойничества в трилогии «Люди воздуха» Д. Рубиной : сюжетно-композиционное и вербально-текстовое воплощение / В. Ю. Пановица // Вестник науки Сибири. — 2013. — № 1 (7). — С. 258—262.
13. *Сильчева А. Г.* Трилогия «Люди воздуха» Дины Рубиной : особенности художественного метода : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. Г. Сильчева. — Москва, 2019. — 215 с.
14. *Темиришина О. Р.* «Пневмосфера» : принципы построения символистской модели мира / О. Р. Темиришина // Анна Ахматова : эпоха судьба творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. — Симферополь : Крымский архив, 2009. — Выпуск 7. — С. 225—237.
15. *Топоров В. Н.* Мифопоэтическая модель мира / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. — Москва : Энциклопедия, 1980. — С. 161—166.
16. *Цатурян М. М.* «Пражский текст» в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» / М. М. Цатурян // Книга в современном мире : Материалы международной научной конференции. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2013. — С. 265—269. ISBN 978-5-4292-0055-2
17. *Шафранская Э. Ф.* Синдром голубки. Мифопоэтика прозы Дины Рубиной / Э. Ф. Шафранская. — Санкт-Петербург : Свое издательство, 2012. — 470 с. ISBN 978-5-382-00224-8

CHARACTER TAXONOMY IN DINA RUBINA'S TRILOGIES OF THE 2000s—2010s

© **Elena V. Merkel (2020)**, orcid.org/0000-0002-0063-4527, Doctor of Philology, Professor, Department of Philology, Technical Institute in Nerungri (branch of) M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Neryungri, Russia), merkel-e@yandex.ru.

© **Elena S. Tulusheva (2020)**, orcid.org/0000-0001-6374-4662, Lecturer, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), be-so-happy@yandex.ru.

The article examines the trilogy by Dina Rubina “People of the Air” (2008—2010) and “Russian Canary” (2014). The relevance of the study is due, firstly, to the low degree of study of the trilogy “Russian Canary” (the onomastic space of the work is analyzed and the features of the book are determined in the context of a family novel of the 20th century); secondly, the need to differentiate the author’s artistic methodology, which is different in the studied macro-texts. The novelty of the research is seen in the fact that the authors, comparing the two trilogies by Dina Rubina, come to the conclusion that the author uses various semiotic strategies for constructing texts, thus revealing the homology of storylines, methods of constructing character series and general principles of world modeling of trilogies. The results of a comparative analysis are presented, which allow us to see the patterns of the artistic search of a modern author and his stylistic innovations. It is proved that with the parallelism of character series of two epic cycles, the author in the first case resorts to the artistic method of magical realism (“People of the Air”), and in the second case uses realistic principles of writing (“Russian Canary”).

Key words: world modeling; taxonomy; the character; plot; cycle; trilogy; artistic method.

MATERIAL RESOURCES

- Rubina, D. I. (2008). *Pocherk Leonardo* [Handwriting of Leonardo]. Moskva: Eksmo. 464 p. ISBN 978-5-699-27962-3. (In Russ.).
- Rubina, D. I. (2017). *Sindrom Petrushki* [Parsley Syndrome]. Moskva: Izdatelstvo «E». 512 p. ISBN 978-5-04-092807-1. (In Russ.).
- Rubina, D. I. (2018). *Belaya golubka Kordovy* [White dove of Cordoba]. Moskva: Eksmo. 624 p. ISBN: 978-5-04-099609-4. (In Russ.).
- Rubina, D. I. (2019). *Russkaya kanareyka. Bludnyy syn* [Russian Canary. Prodigal son]. Moskva: Eksmo. 480 p. ISBN: 978-5-699-76883-7. (In Russ.).
- Rubina, D. I. (2019). *Russkaya kanareyka. Golos* [Russian Canary. Voice]. Moskva: Eksmo. 640 p. ISBN 978-5-699-83501-0. (In Russ.).
- Rubina, D. I. (2019). *Russkaya kanareyka. Zheltukhin* [Russian Canary. Zheltukhin]. Moskva: Eksmo. 576 p. ISBN 978-5-699-82815-9. (In Russ.).
- Rubina, D. I. (2020). *Napoleonov oboz. Kniga 1. Ryabinovyy klin* [Napoleon's train. Book 1. Rowan wedge]. Moskva: Eksmo. 448 p. ISBN: 978-5-04-098081-9. (In Russ.).

REFERENCES

- Dubova, M. A., Larina, N. A. (2019). Prostranstvennyye parametry modeli mira v rasskaze V. Ya. Bryusova «Bemol» [Spatial parameters of the world model in V. Ya. Bryusov's story "Flat"]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 1 (74): 425—426. (In Russ.).
- Dzhioyeva, A. T. (2019). *Traditsii semeynogo romana v otechestvennoy proze XX stoletiya: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk* [Traditions of the family novel in the domestic prose of the twentieth century. PhD Diss.]. Saransk. 225 p. (In Russ.).
- Ivanova, A. N. (2018). Sibirskiy tekst v romane Diny Rubinoy «Sindrom Petrushki» [Siberian text in Dina Rubina's novel "Petrushka Syndrome"]. *Nauka i obrazovaniye segodnya* [Science and education today], 5 (28): 68—72. (In Russ.).
- Kikhney, L. G., Merkel', E. V. (2015). Aksiologiya povsednevnykh veshchey v poetike akmeizma [Axiology of everyday things in the poetics of Acmeism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk state University. Philology], 1: 129—138. DOI 10.17223/19986645/33/10. (In Russ.).
- Lange, N. V. (2018). Bibleyskiye imena v trilogii Diny Rubinoy «Russkaya kanareyka» [Biblical names in the trilogy of Dina Rubina "Russian Canary"]. *Onomastika v Smolenske i Vitebske: problemy i perspektivy issledovaniya* [Onomastics in Smolensk and Vitebsk: problems and prospects of research], 6: 52—56. (In Russ.).
- Lange, N. V. (2019). Toponimy v trilogii D. I. Rubinoy «Russkaya kanareyka»: Odessa, Alma-Ata, Vena [Toponyms in the trilogy of D. I. Rubina "Russian Canary": Odessa, Alma-ATA, Vienna]. *Onomastika v Smolenske i Vitebske: problemy i perspektivy issledovaniya* [Onomastics in Smolensk and Vitebsk: problems and prospects of research], 7: 56—64. (In Russ.).
- Nesynova, Yu. V. (2015). Motiv kukolnosti v romane D. Rubinoy «Sindrom Petrushki» [The Motive of Qualinesti in the novel D. Rubina "Syndrome Parsley"]. *Filologicheskyy klass* [Philological class], 2 (40): 75—81. (In Russ.).
- Panovitsa, V. Yu. (2013). Motiv dvoynichstva v trilogii «Lyudi vozdukh» D. Rubinoy: syuzhetno-kompozitsionnoye i verbalno-tekstovoye voploshcheniye [Motif of duality in the trilogy "People of the air" by D. Rubina: plot-compositional and verbal-textual embodiment]. *Vestnik nauki Sibiri* [Bulletin of science of Siberia], 1 (7): 258—262. (In Russ.).

- Rezanova, Z. I., Panovitsa, V. Yu. (2014). Klyuchevyye tekstovyye metaforicheskiye modeli trilogii D. Rubinoy «Lyudi vozdukh» [Key textual metaphorical models of D. Rubina's trilogy "People of the air"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk state University], 382: 33—38. (In Russ.).
- Shafranskaya, E. F. (2012). *Sindrom golubki. Mifopoetika prozy Diny Rubinoy* [Dove Syndrome. Mythopoetics of Dina Rubina's prose]. Sankt-Peterburg: Svoye izdatelstvo. 470 p. ISBN 978-5-382-00224-8. (In Russ.).
- Silcheva, A. G. (2019). *Trilogiya «Lyudi vozdukh» Diny Rubinoy: osobennosti khudozhestvennogo metoda: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk* [Trilogy "People of the air" by Dina Rubina: features of the artistic method. PhD Diss.]. Moskva. 215 p. (In Russ.).
- Sorokina, N. V., Abramenkova, L. E. (2019). Traditsii magicheskogo realizma v romane Diny Rubinoy «Pocherk Leonardo» [Traditions of magic realism in Dina Rubina's novel "Leonardo's Handwriting"]. *Neofilologiya* [Neofilologia], 5 (20): 518—525. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-518-525. (In Russ.).
- Temirshina, O. R. (2009). «Pnevmatosfera»: printsipy postroeniya simbolistskoy modeli mira ["Pneumatosphere": principles of building a symbolist model of the world]. In: *Anna Akhmatova: epokha sudba tvorchestvo. Krymskiy Akhmatovskiy nauchnyy sbornik* [Anna Akhmatova: epoch and creativity. Crimean Akhmatova's research collection], 7. Simferopol: Krymskiy arkhiv. 225—237. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1980). Mifopoeticheskaya model' mira [Mythopoetic model of the world]. In: *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Moskva: Entsiklopediya. 161—166. (In Russ.).
- Tsaturyan, M. M. (2013). «Prazhskiy tekst» v romane Diny Rubinoy «Sindrom Petrushki» ["Prague text" in Dina Rubina's novel "Parsley Syndrome"]. In: *Kniga v sovremenom mire: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Book in the modern world: Proceedings of the international scientific conference]. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet. 265—269. ISBN 978-5-4292-0055-2. (In Russ.).
- Zuyeva, G. S. (2016). Sobiratelnyy obraz geroya trilogii Diny Rubinoy «Lyudi vozdukh» [Collective image of the hero of Dina Rubina's trilogy "People of the air"]. In: *Slavyanskiy mir: dukhovnyye traditsii i slovesnost': sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 250-letiyu N. M. Karamzina, 195-letiyu F. M. Dostoyevskogo, 125-letiyu O. E. Mandelshtama* [Slavic world: spiritual traditions and literature: collection of materials of the international scientific conference dedicated to the 250th anniversary of N. M. Karamzin, the 195th anniversary of F. M. Dostoevsky, the 125th anniversary of O. E. Mandelstam], 16: 367—371. ISBN 978-5-905763-76-2. (In Russ.).
- Zuyeva, G. S. (2016). Zhivopisnyy ekfrasis kak sposob kharakteristiki glavnogo geroya romana D. Rubinoy «Belaya golubka Kordovy» [Pictorial ecphrasis as a way to characterize the main character of D. Rubina's novel "The White dove of Cordoba"]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya Saratovskogo universiteta. Series: Philology. Journalism], 16 (3): 321—325. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-3-321-325. (In Russ.).

Сафрон Е. А. Наследие немецкого романтизма в отечественном городском фэнтези / Е. А. Сафрон // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 196—207. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-196-207.

Safron, E. A. (2020). The Legacy of German Romanticism in Russian Urban Fantasy. *Nauchnyi dialog*, 12: 196-207. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-196-207. (In Russ.).

УДК 821.161.1:82-344+82-312.9+82.02:821.112.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-196-207

НАСЛЕДИЕ НЕМЕЦКОГО РОМАНТИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ГОРОДСКОМ ФЭНТЕЗИ

© Сафрон Елена Александровна (2020), orcid.org/0000-0002-7752-3403, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской филологии и скандинавистики, институт филологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет» (Петрозаводск, Россия), 00inane@gmail.com.

Анализируются философские воззрения немецких романтиков, а также характерные для немецкого романтизма образы, мотивы, хронотоп, воплощенные в отечественном городском фэнтези. Особое внимание уделяется приемам компаративистского метода. Научная новизна исследования заключается в почти полном отсутствии работ, посвященных изучению городского фэнтези. Отмечается, что данный субжанр фэнтези в контексте продолжения традиций романтической немецкой литературы ранее подробно не рассматривался. Теоретическая база исследования представлена работами М. М. Бахтина, Н. Я. Берковского, В. М. Жирмунского, Ю. М. Лотмана, С. С. Левочского и др. Выявлено, что городское фэнтези наследует основные образы, темы, мотивы, символы, доминировавшие в немецком романтизме: мотив двойника, образ куклы, художника и проч. Установлено, что авторы городского фэнтези не просто воспроизводят образ романтического художника-творца, но изображают персонажа-демиурга. Доказано, что городское фэнтези углубляет и трансформирует романтическое «ночное начало»: образы мертвецов и вампиров становятся сюжетообразующими персонажами самостоятельных циклов произведений. Сделан вывод о том, что авторы городского фэнтези, как и немецкие романтики, активизируют внимание читателей к мифологии и фольклору, создавая с их помощью новые фантастические миры.

Ключевые слова: немецкий романтизм; ирония; гротеск, городское фэнтези; образ города; образ куклы; мотив двойника; образ художника; символ ночи.

1. Введение

В современном литературоведении традиционно принято считать, что фэнтези продолжает традиции романтизма [Гопман, 2001, с. 1162; Колесник, 2013, с. 89; Толкачева, 2009]. Отметим, что исследователи, придерживающиеся такой точки зрения, понимают под романтизмом прежде всего не направление в искусстве XVIII — первой половины XIX веков, возникшее как противопоставление классицизму, а универсальную культурную парадигму, жаждущую на принципах субъективизма, устремленности в бесконечность, веры в мистическое [Шикина, 2014, с. 218], синтеза искусств [Шеллинг, 1966, с. 444]. Несмотря на то, что романтизм как направление характеризуется определенным набором общих для Америки и Европы тенденций [Махов, 2001, с. 894], автор статьи полагает, что в поэтике отечественного городского фэнтези сильнее всего проявляется влияние именно не-

мецкого романтизма с его философскими поисками, видением мира через призму магического, веру в особую силу воображения, иронией, слиянием бытового и фантастического (чаще всего это происходит в контексте хронотопа города). Высказанная точка зрения и определяет цель работы — выявить элементы поэтики немецкого романтизма, наследуемые отечественным городским фэнтези. Отметим, что под городским фэнтези мы понимаем субжанр фэнтези, действие в котором происходит в городе, во времени, обычно совпадающем с реальным временем самого читателя, поэтика которого ориентирована на мотив фантастического двоемирия и элементы современного городского фольклора: городские легенды, исторические анекдоты, слухи, былички.

2. Романтический концепт личности в городском фэнтези

Вслед за представителями эпохи Возрождения романтики фокусировали внимание на индивидууме, видели в нем единицу, способную изменить ход истории [Шикина, 2014, с. 218]. Такой индивид, вмещающий в себя «всю историю мира» [Steffens, 1821, S. 694—697], всегда страдает от неудовлетворенности жизнью и самим собой, стремится к некоему идеалу, который не может выразить. Влекомый в мир высокого, он, подобно персонажам Э. Т. А. Гофмана, опаздывает, неожиданно падает в обморок, эпатирует, презирает ценности материальной жизни, то есть ставит себя в оппозицию по отношению к традиционному филистерскому поведению. Подобных персонажей мы обнаруживаем и в городском фэнтези: неуверенных в себе, несобранных людей, систематически терпящих неудачи, страдающих депрессией, которые, однако, кардинально меняются при встрече и последующем взаимодействии с потусторонним, «иным» миром [Сафрон, 2020, с. 33]. К примеру, сэр Макс из «Лабиринтов Ехо» М. Фрая, в земной реальности мучающийся от вечной бессонницы, в новом мире превращается в талантливого мага и борца с преступностью; юный Герман Воронцов в начале романа О. Кожина «Охота на удачу» не может поступить в университет, наладить отношения с противоположным полом, страдает от собственной трусости, но к финалу произведения преобразуется и добровольно отказывается от артефакта — волшебной монетки, наделившей его сверхъестественной удачей. Герой понимает, что теперь только вера в собственные силы может выступать в качестве единственного условия для достижения настоящего успеха.

Очевидно, что в этих героях изначально заложено некое творческое магическое начало, а встреча с «иным» миром позволяет им по-настоящему раскрыться и тем самым «дописать» себя как художника.

В романтическом мировоззрении особую роль играло возможное, которое создавало множество вариантов дальнейшего развития событий [Берковский, 2001, с. 27]. Так, в письме от 1794 года Новалис писал Ф. Шлегелю: «Реальностью становятся вещи, которым лет десять тому назад было бы отведено место в доме сумасшедших философов» [Romantiker-Briefe, 1907, S. 148—149]. Эта идея одного из ярчайших представителей йенского романтизма находит свое продолжение в фэнтези, где герои идут дальше: не просто стремятся к гипотетически возможному, а достигают того, что кажется вообще невозможным, например, общаются с синим

быком, держащим на спине Вселенную (В. В. Орлов «Альтист Данилов»), превращаются в текст (М. и С. Дяченко «Vita nostra»), получают вечную гарантию успеха в любых делах (О. Кожин «Охота на удачу»).

Новалис, Ф. Шлегель, Ф. В. Й. Шеллинг видели в человеке богоподобное существо, обладающее тем же творческим даром, что и Создатель [Левочкин, 2016, с. 92]. Источник дара — хаотическое начало, обретающее силу только посредством авторской субъективности, то есть искусство не носило миметический характер, а каждый раз творилось заново из Ничего, подобно тому, как творит Бог. По аналогичному принципу творят миры в своих произведениях и авторы городского фэнтези, и некоторые их герои (С. В. Лукьяненко «Черновик», М. Фрай «Лабиринты Ехо», М. и С. Дьяченко «Vita Nostra»).

3. Романтическая ирония и гротеск в городском фэнтези

Романтики не просто возродили приемы иронии и гротеска, но возвели их на мировоззренческий уровень. В понимании Ф. Шлегеля, ирония была «формой парадоксального», «всем хорошим и великим одновременно» [Шлегель, 1983, с. 283]. Ирония становилась синтезом абсолютных противоположностей, бытового и сверхъестественного, что позволяло, по замечанию Н. Я. Берковского, «посрамить и низшие силы жизни, и вышедшие к ним на встречу высшие» [Берковский, 2001, с. 463].

Гротеск в романтизме также обладал аналогичной спецификой: «построенный на безудержной фантастике, максимально эффективен» за счет «оттенения точно воспроизведенной бытовой средой» [Тертерян, 1989, с. 26].

Продолжая эту традицию, городской фэнтези рисует гротескный мир, в котором в реалиях серой современности живут оборотни, маги, ожившие мертвецы — фольклорно-мифологические персонажи, являющиеся плодом дорационального мышления. В свою очередь, эти персонажи несут на себе отпечаток антиномии сакрального и профанного: они гротескны, так как их власть над силами природы идет в противовес их предельно бытовому, глубоко филистерскому поведению.

В качестве иллюстрации данного тезиса можно вспомнить богинь судьбы из романа О. Кожина «Охота на удачу», которые вместо того, чтобы отмерять нити человеческой жизни, предаются безудержному чревоугодию в провинциальном ресторане, заставляя платить по счету пригласившего их смертного: *Судицы явно ни в чем себе не отказывали. От выделенной жирным итговой суммы Герке поплохло. Если бы не жгутиый карман кошелек, набитый банкнотами, Воронцов вряд ли смог бы уплатить по счету, даже продай он обе почки* [Кожин, 2014, с. 237].

В этом же произведении мы видим демоническую женщину, которая скрывается под обликом продавщицы мороженого: *Под бело-оранжевым зонтом лузгала семечки дородная тетка в фирменном халате молокозавода <...>. Поддавишись вперед, она навалилась на холодильник <...> и улыбнулась. В представлении тетки эта улыбка должна была быть широкой и радушной. Вот только поверить в ее искренность мешали кривые зубы да застрявшие между ними черные скорлупки семечек* [Там же, с. 31]. Мы видим сборщика энергии удачи, в обычной жизни выполняющего роль сошедшего с ума заросшего полуседего бомжа [Там же, с. 36].

Эстетическая реальность антиномии бытового и фантастического формирует принцип двоemiрия, в котором особую роль играет карнавальное начало. Карнавал ироничен по своей природе, демонстрирует несерьезное, игровое отношение к действительности, что наиболее всего и соответствует принципу «романтической иронии» [Бахтин, 1990, с. 45]. Карнавализация также свойственна произведениям городского фэнтези, что проявляется:

— на уровне персонажей, чья сущность, внешность и поведение соответствуют природе трикстеров (и людей, и нечистую силу эпатирует домовый Шеврикука из романа В. В. Орлова «Шеврикука, или Любовь к привидению», сэр Макс из цикла «Лабиринты Ехо» М. Фрая имеет множество титулов и состоит на одной из самых важных должностей в государстве, однако ведет себя крайне легкомысленно, шутит к месту и не к месту, без конца смеется, кладет ноги на стол в присутственных местах и т. п.);

— на уровне хронотопа (в «Альтисте Данилове» В. В. Орлова в помещении ЖЭКа на Аргуновской улице по ночам происходят собрания домовых, а в «Алой ауре протопарторга» Е. Ю. Лукина два поселка российской глубинки превращаются в суверенные государства, чей военный конфликт с привлечением сил магии и НАТО по сути получает статус мировой войны).

4. Романтическая символика ночи в городском фэнтези

Романтики часто описывали «ночные стороны природы» [Берковский, 2001, с. 467] («Гимны к ночи» Новалиса, «Ночные рассказы» Э. Т. А. Гофмана). В их понимании, ночь символизирует безграничность потустороннего, альтернативную сторону привычного нам мира. Соответственно, и герой в таком произведении устремлен в бесконечность: «И проходят по земле романтические странники <...> влекомые какой-то чужой силой. <...> Их цель — это призрак, <...> потому что нет последнего удовлетворения и не вместить бесконечного до конца» [Жирмунский, 1996, с. 59]. Мотив странствования также заложен и в структуре фэнтезийного произведения. Однако если, скажем, прохождение пути герою славянского фэнтези гарантирует счастливый финал, то в городском фэнтези ситуация может выглядеть иначе: герой возвращается домой, но его победа над злом либо носит временный характер, либо вообще не состоится. Такое видение соответствует философской концепции Ф. В. Й. Шеллинга, согласно которой зло имеет онтологический статус и «есть лишь более высокая потенция действующей в природе основы» [Шеллинг, 1989, с. 124], то есть мир зиждется на антиномии Добра и Зла, которые могут существовать только в единстве вечного противоборства.

Романтический уход в неведомую бесконечность также может осуществляться благодаря погружению в онейросферу. Так, по словам Ф. В. Й. Шеллинга, «действия людей в высшей степени будничны, и разве что их сновидения подчас представляют некоторый интерес» [Бонавентура, 1990, с. 17]. Сновидения позволяют сознанию продуцировать множество иных вселенных: «Ночь открывает взору бесчисленные миры» [Young, 1858, p. 65]. Онейросфера становится источником вдохновения и для авторов фэнтези XXI века. Так, весь цикл повестей М. Фрая «Лабирин-

ты Ехо» строится вокруг снов главного героя: сначала ему снится фантастический город Ехо, а потом он физически перемещается в мир этого сновидения.

Еще один аспект «ночного» у романтиков — смерть, погружение в состояние хаоса, когда сущность освобождается от телесных границ и полностью сливается с миром мечты [Левочский, 2016, с. 99]. Эстетизация смерти в романтизме нашла свое воплощение в готическом романе, где в центре внимания нередко оказывается красота уже мертвого тела («Мельмот-скиталец» Ч. Мэтьюрина) [Козьякова, 2017].

В городском фэнтези образ прекрасного мертвеца находит воплощение в тематической разновидности городского фэнтези — романах о вампирах (А. Кош «Вечеринка в стиле “вамп”», З. Линник «Приключения вампириши Элеоноры», цикл А. Пехова, Н. Турчаниновой, Е. Бычковой «Киндрэт. Кровные братья»). Образы вампиров также демонстрируют высокую степень эротизма, в чем также можно видеть одну из дефиниций романтического концепта ночи.

Ночное, хаотическое начало противопоставлено космическому, дневному. В этом отношении появление «ночного» в городском фэнтези вполне закономерно: сам город символизирует космос — организованное пространство, поэтому появление сверхъестественного, фантастического есть попытка раздвинуть границы привычного, внести в космос потенцию хаотического, то есть творческого: «романтический взгляд бесконечно усложняет мир, делая сложность и многообразие главным качеством жизни и духа» [Берковский, 2001, с. 94].

5. Романтический образ куклы и мотив двойника в городском фэнтези

Традиционный для романтизма образ куклы, марионетки [Шумкова, 2005, с. 66], а также связанный с ним мотив двойничества находят воплощение и в городском фэнтези. Романтики эксплуатировали мотив оживления, реализованный в своеобразной модификации сюжета о Пигмалионе и Галатее: влюбленный в куклу / автомат / статую полагал, что перед ним живой человек (А. фон Арним «Изабелла Египетская», «Рафаэль и его соседки», Э. Т. А. Гофман «Песочный человек»), и мотив омертвения [Гиппиус, 1966, с. 303], связанный с идеей нравственной деградации, смерти души. В городском же фэнтези доминирует исключительно образ куклы, выстраивающийся на семантике омертвения. Так, сущности героев романа О. Кожина «Охота на удачу» зашивались в кукольные тела за то, что они не отдавали долги за проживание в местной гостинице: *Я уже начал создавать для вас удобное местилще. — Швец любовно похлопал сухонькой ладошкой по заготовке [руки]. <...> Эту часть примерить можно прямо сейчас ... Острие иглы вошло в тряпичную конечность, оттянуло ткань и вышло наружу. <...> Не веря своим глазам, Воронцов смотрел, как участок кожи на предплечье девушки натянулся, копируя состояние ткани. Из двух крохотных дырочек лениво сочились ярко-красные ниточки крови* [Кожин, 2014, с. 197]. В данном эпизоде перед нами одновременно предстает и реализация мотива двойника: хозяин гостиницы, а по совместительству директор библиотеки и кукольник, использует прием гомеопатической магии, основанной на принципе подобия [Фрезер, 2010, с. 16]: похожая на человека кукла не просто становится его копией, но сама приравняется к человеку.

Подобная кукла-двойник реализует фольклорное представление об ожившем мертвце или о зомби — существе, находящемся в промежуточном состоянии между жизнью и смертью. Следующий эпизод, в котором главный герой должен забрать сумку из выставочного зала перевозного кукольного музея, только подтверждает данную гипотезу:

Куклы все так же стояли, сидели и лежали на своих местах, навечно застывшие в глупых неудобных позах.

Ничего нового ... кроме глаз.

То, то прежде Герка принимал за искусно раскрашенные стекляшки, оказалось настоящими живыми глазами! И все эти разноцветные глаза с непередаваемой мукой следили за юношей — обезумевшие от заточения, одиночества и однообразия. Мечтающие о смерти. <...> Теперь Герка знал, что библиотечных кукол набивают не ватой и опилками [Кожин, 2014, с. 218—220].

Причину страха, испытываемого героем в выставочном зале, можно трактовать, обращаясь к Ю. М. Лотману, который говорил, что «возможность сопоставления с живым существом увеличивает мертвенность куклы» [Лотман, 1992, с. 378]. Негативные ощущения героя усиливаются также из-за того, что данный эпизод предваряется детскими воспоминаниями героя об обязательном для всех школьников города посещении данной выставки, причем тогда дети в куклах ничего демонического не замечали, а наоборот, испытывали скуку. Теперь же давно привычное, набившее оскомину, вдруг превращается в «образ мертвого движения» [Лотман, 1992, с. 379].

Внешность хозяина гостиницы, а по совместительству директора библиотеки и кукольника, также напоминает старую гротескную марионетку: *... невзрачный человек <...> Огромная, отполированная временем лысина поднялась, и в посетителей нацелился чуть менее огромный мясистый нос, испещренный разветвленными сеточками лопнувших капилляров. Обвисшие бульдожьих щеки разошлись в улыбку, демонстрируя редкие стершиеся зубы, настолько старые, что казалось, их удерживают только связующие звенья из золотых коронок и мостов [Кожин, 2014, с. 194—195].*

Мотив омертвения, транслируемый через образ марионетки, находит свое масштабное воплощение в цикле Р. В. Мельникова «Мертвые братства», в котором кланы оживших мертвцов не только превращают людей в себе подобных, но и управляют ими, как куколководы, посредством магических нитей:

Живая Нить изначально рассчитана на поддержание жизни в мертвяке <...>

— А мертвяк, которого снимают с ниточки?

— Он долго не живет <...>. Тело, лишившееся подпитки через Нить, становится падалью [Мельников, 2012, с. 232].

На наш взгляд, приведенные примеры свидетельствуют в пользу того, что в городском фэнтези продолжена традиция изображения кукол, марионеток, получившая свое широкое распространение в эпоху романтизма, однако современные авторы делают больший акцент на воспроизведении фольклорно-мифологической традиции, полностью погружая читателя в мистическое, тем самым отрицая любое возможное рациональное объяснение происходящих событий.

6. Романтический образ города в городском фэнтези

Становление романтизма хронологически совпало с эпохой промышленной революции — временем, когда город начал восприниматься в качестве приоритетного места обитания человека. Романтик же отнюдь не разделял идеалов формирующегося капитализма и видел в городе воплощение порочности современной ему цивилизации, место обитания пекущихся исключительно о собственном обогащении филистеров, место, которое ограничивает его свободу как художника. Представителю романтизма чужда была поэзия современного города, поэтому он искал утешение за его пределами, в прошлом. Примечательно, что роман Л. Тика «Странствия Франца Штернвальда» начинался словами: *Наконец мы вышли за городские ворота* [Тик, 1987, с. 7].

Такое видение формирует и амбивалентный характер изображения города в тексте: с одной стороны, это место обитания филистеров, от которых пытается скрыться главный герой, с другой стороны, это и некий архетип идеального средневекового города, духовного центра, куда герой, наоборот, стремится, чтобы завершить становление собственной личности (Рим и Нюрнберг в романе Л. Тика «Странствия Франца Штернвальда», Аугсбург в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген»).

Особый городской хронотоп обнаруживается в художественном мире Э. Т. А. Гофмана. Характеризуя его, А. Ю. Михайлова называет это «переживанием города» [Михайлова, 2010, с. 907] — «бытийной формой жизненного и культурного освоения и присвоения города, в которой осуществляется процесс перехода в субъективный внутренний мир человека объективированных форм проявления [его] сущности» [Горнова, 2006, с. 5].

К примеру, в новелле «Мастер Мартин-бочар и его подмастерья» автор подробно описывает улицы средневекового Нюрнберга, стоящие на них дома, их внутреннее убранство, уклад жизни их обитателей. С точки зрения автора настоящей статьи, глубина «переживания города» усиливается в творчестве Э. Т. А. Гофмана тогда, когда при построении образа города используется мотив фантастического «двоемирия» и привычные объекты и локусы обретают новый смысл, заставляя в бытовом разглядеть чудесное.

Герой городского фэнтези также, с одной стороны, не может найти себя в городе как месте обитания филистеров (сэру Макс из «Лабиринтов Ехо» М. Фрая представляется отвратительным его родной город планеты Земля, где все ему кажется серым и невыразительным; из Сумеречей — унылого северного промышленного городка — мечтает вырваться Герман Воронцов из романа О. Кожина «Охота на удачу»). С другой стороны, герой испытывает и положительное «переживание города». Более того, искренне любит то место, которое выбирает для себя в качестве места жительства. Так, в любви к Москве признается Владимир Данилов из «Альтиста Данилова» В. В. Орлова, Александра признается в любви к провинциальному городу Торпа, придуманному М. и С. Дяченко для романа «Vita Nostra», фантастическому городу Ехо клянется в верности сэру Макс из «Лабиринтов Ехо» М. Фрая.

Современные авторы фэнтези также наследуют у романтиков принцип фантастического двоемирия, но в то же время активно трансформируют его: пространство

города нашей реальности либо приобретает признаки чудесного мира, либо постулируется концепция множественности миров, то есть герои получают возможность путешествовать по городам созданной фантазией автора мультивселенной.

7. Романтический образ художника в городском фэнтези

Традиционный герой немецкого романтизма «непрерывно маркирован как художник (поэт, музыкант, живописец)» [Фёдоров, 2004, с. 211]. Согласно романтической концепции, «человеческий дух диктует свои законы всему сущему, а мир есть произведение его искусства» [Шлегель, 1983, с. 123], поэтому тот, кто избирает себе творческую профессию, функционально приближается к Богу-творцу. Такого персонажа мы обнаруживаем в романе В. В. Орлова «Альтист Данилов» — «демона на договоре», профессионального музыканта, композитора, самозабвенно играющего в оркестре; в романе М. и С. Дяченко «Пещера» — режиссера Рамана, одержимого идеей поставить пьесу, которая может стоить ему жизни; в «Нопэрапон, или По образу и подобию» Г. Л. Олди — молодого актёра театра Но Мотоёси, чьи страдания по поводу собственной бездарности в итоге приводят его к убийству.

И писатели-романтики, и авторы городского фэнтези изображают художника, который мечтает о преобразовании, усовершенствовании мира через искусство. Так, герой Л. Тика из «Странствий Франца Штернвальда» размышляет о том, что если бы все люди были художниками, то могли бы стать счастливыми, а ему «вторит» альтист Данилов из одноименного романа В. В. Орлова, который хочет исполнять «большую», экспериментальную музыку не только для того, чтобы выразить себя, но и чтобы заставить души слушателей раскрыться на встречу творческому порыву, приближающему человека к Богу.

Романтическое мировоззрение вбирает в себя особое отношение к творчеству: искусство не должно продаваться, но может быть только частью самого художника, продолжением его личности [Берковский, 2001, с. 468]. Аналогичной точки зрения придерживаются А. Ю. Пехов, Е. А. Бычкова, Н. Турчанинова — авторы цикла «Киндрэт», когда описывают клан вампиров Фэриартос, который обращает в свои ряды только творчески одаренных людей.

Вампиры, пытающиеся завладеть тайной творчества, приручить настоящее искусство, терпят поражение, так как вступающие в клан постепенно утрачивают интерес к тому, что ранее составляло смысл их жизни: Фредди Меркьюри больше не поет, Леонардо да Винчи не выставляет свои картины и т. д.

Подводя итог, отметим, если в романтизме роман о художнике одновременно воспроизводит и элементы романа-странствия, то в городском фэнтези путешествие героя может либо носить ментальный характер, либо вообще отсутствовать, однако главное остается неизменным — желание творить, стремление очистить мир от всякого греха через эстетическое переживание, через катарсис.

8. Заключение

Авторы городского фэнтези не просто реализуют претензии немецких романтиков на воплощение в личности художника особого носителя творческого начала, но

буквально делают его богоподобным существом, обладающим возможностью создавать новые миры. Элементы романтической «ночной сферы» в городском фэнтези значительно расширяются: онирические мотивы, образы мертвецов не только встречаются однократно в отдельных произведениях, но порождают целые циклы текстов: романы о вампирах (А. Пехов, Е. Бычкова, Н. Турчанинова), оживших мертвецах (Р. Мельников), повести о живущих в мире, созданном из сновидений (М. Фрай).

В результате проведенного исследования нами было выявлено, что авторы городского фэнтези не просто воспроизводят принципы поэтики романтизма, но демонстрируют особый романтический способ мышления: по-новому переосмысливают, переживают фольклорно-мифологическую традицию прошлого, создавая на ее базе новую модель фантастического мира. Отметим, что в настоящей статье только кратко представлены пути трансформации романтической поэтики в городском фэнтези, поэтому каждый пункт настоящего исследования может вырасти в самостоятельную работу, углубленно рассматривающую обозначенную в данном пункте проблему.

Источники

1. *Бонавентура (Ф.-В.-Й. Шеллинг)*. Ночные бдения / Ф. В. Й. Шеллинг ; пер. с нем. В. В. Микушевича. — Москва : Наука, 1990. — 262 с. ISBN 5-02-012726-4
2. *Кожин О.* Охота на удачу / О. Кожин. — Москва : АСТ, 2014. — 442 с. ISBN 978-5-17-082663-6
3. *Мельников Р. В.* Война без победителя / Р. В. Мельников. — Москва : Астрель, 2012. — 350 с. ISBN 978-5-271-42425-0
4. *Новалис*. Фрагменты / Новалис. — Санкт-Петербург : «Владимир Даль», 2014. — 319 с. ISBN 978-5-93615-130-9
5. *Тик Л.* Странствия Франца Штернбальда / Л. Тик. — Москва : Наука, 1987. — 360 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1990. — 543 с. ISBN 5-280-00710-2
2. *Берковский Н. Я.* Романтизм в Германии / Н. Я. Берковский. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2001. — 512 с. ISBN 5-352-00015-X
3. *Гиппиус В. В.* Люди и куклы в сатире Салтыкова / В. В. Гиппиус // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока / отв. ред. Г. М. Фридендер. — Москва, Ленинград : Наука, 1966. — С. 295—330.
4. *Гопман В. Л.* Фэнтези / В. Л. Гопман // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. — Москва : Интелвак, 2001. — С. 1161—1164. ISBN 5-93264-026-X
5. *Горнова Г. В.* Переживание города [Электронный ресурс] / Г. В. Горнова // Вестник Омского государственного педагогического университета, 2006. — Режим доступа : <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-8.pdf> (дата обращения 20.08.2020).
6. *Жирмунский В. М.* Немецкий романтизм и современная мистика / В. М. Жирмунский. — Санкт-Петербург : Аксиома, Новатор, 1996. — 232 с. ISBN 5-85862-106-6
7. *Козьякова М. И.* Город и ночь — хронотоп конфликта (окончание) [Электронный ресурс] / М. И. Козьякова // Культура культуры. — 2017. — № 2. — Режим доступа : <http://cult-cult.ru/the-city-and-the-night-the-chronotope-of-the-conflict-part-2-ending/> (дата обращения 20.08.2020).

8. Колесник Е. С. «Постнеоромантизм» как переинтерпретация неоромантизма / Е. С. Колесник // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — № 8 (34). — 2013, Ч. 2. — С. 89—92.
9. Левочский С. С. Символ ночи в немецком романтизме / С. С. Левочский // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 2016. — № 2. — С. 86—100.
10. Лотман Ю. М. Куклы в системе культуры / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3-х т. — Т. 1. — Таллин : Александра, 1992. — С. 377—380.
11. Махов А. Е. Романтизм / А. Е. Махов // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. — Москва : Интелвак, 2001. — С. 894—902. ISBN 5-93264-026-X
12. Михайлова А. Ю. Художественное пространство города в новелле Э. Т. А. Гофмана «Мастер Мартин-бочар и его подмастерья» / А. Ю. Михайлова // Вестник ННГУ. — 2010. — № 4—2. — С. 907—909.
13. Сафрон Е. А. Поэтика городского фэнтези / Е. А. Сафрон. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2020. — 96 с.
14. Тертерян И. А. Романтизм : [Литературы Западной Европы первой половины XIX в.] / И. А. Тертерян // История всемирной литературы : в 8 т. / АН СССР ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : Наука, 1983—1994 ; 1989. — Т. 6. — С. 16—27.
15. Толкачева В. С. Поэтика романтизма и фэнтези [Электронный ресурс] / В. С. Толкачева. — Режим доступа : <http://wap.nkras.forum24.ru/?1-12-40-0000010-000-0-0>. (дата обращения 20.08.2020).
16. Федоров Ф. П. Художественный мир немецкого романтизма / Ф. П. Федоров. — Москва : МИК, 2004. — 368 с. ISBN 5-87902-051-7
17. Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь / Дж. Дж. Фрезер. — Москва : АСТ : АСТ Москва, Харвест, 2010. — 767 [1] с. ISBN: 9-785-17060-198-1
18. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства / Ф. В. Й. Шеллинг. — Москва : Мысль, 1966. — 496 с.
19. Шеллинг Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах / Ф. В. Й. Шеллинг // Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения : в 2 т. — Т. 2. — Москва : Мысль, 1989. — 636 с.
20. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. / Ф. Шлегель. — Москва : Искусство, 1983. — Т. 1. — 479 с.
21. Шикина А. Н. Культурфилософия романтизма / А. Н. Шикина // Вестник КГУ. — 2014. — № 1. — С. 218—221.
22. Шумкова Т. Л. Позднеромантическая ирония как ирония отрицания в романе Бонавентуры «Ночные бдения» / Т. Л. Шумкова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2005. — Выпуск 3 (47). Серия : Гуманитарные науки (Филология). — С. 65—68.
23. Young E. The Poetical Works of Edward Young / E. Young. — London : Bell and Daldy Fleet street, 1858. — Vol 1. — 393 p.
24. *Romantiker-Briefe* / Hg. von Fr. Gundelfinger. — Jena : Eugen Diederichs, 1907. — 294 S.
25. Steffens H. Caricaturen des Heiligsten / H. Steffens. — Leipzig : F. A. Brockhaus, 1821. — Bd 2. — 752 S.

THE LEGACY OF GERMAN ROMANTICISM IN RUSSIAN URBAN FANTASY

© Elena A. Safron (2020), orcid.org/0000-0002-7752-3403, PhD in Philology, Associate Professor, Department of German Philology and Scandinavian Studies, Institute of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Petrozavodsk State University” (Petrozavodsk, Russia), 00inane@gmail.com.

The philosophical views of German romantics, as well as images, motives, chronotopes characteristic of German romanticism, embodied in the domestic urban fantasy are analyzed. Special attention is paid to the techniques of the comparative method. The scientific novelty of the research lies in the almost complete absence of works devoted to the study of urban fantasy. It is noted that this fantasy subgenre has not been considered in detail in the context of the continuation of the traditions of romantic German literature. The theoretical basis of the research is presented by the works of M. M. Bakhtin, N. Ya. Berkovsky, V. M. Zhirmunsky, Yu. M. Lotman, S. S. Levochsky, etc. It was revealed that urban fantasy inherits the main images, themes, motives, symbols that dominated in German romanticism: the motive of a double, the image of a doll, an artist, etc. It was established that the authors of urban fantasy not only reproduce the image of a romantic artist-creator, but depict a character-demiurge. It has been proven that urban fantasy deepens and transforms the romantic "night beginning": the images of the dead and vampires become plot-forming characters in independent series of works. It is concluded that the authors of urban fantasy, like German romantics, activate the readers' attention to mythology and folklore, creating new fantastic worlds with their help.

Key words: German romanticism; irony; grotesque, urban fantasy; the image of the city; the image of the doll; double motive; the image of the artist; symbol of the night.

MATERIAL RESOURCES

- Bonaventura (Shelling, F.-V.-Y.). (1990). *Nochnyye bdeniya* [Night Vigils]. Moskva: Nauka. 262 p. ISBN 5-02-012726-4. (In Russ.).
- Kozhin, O. (2014). *Okhota na udachu* [Hunting for luck]. Moskva: AST. 442 p. ISBN 978-5-17-082663-6. (In Russ.).
- Melnikov, R. V. (2012). *Voyna bez pobeditelya* [War without a winner]. Moskva: Astrel. 350 p. ISBN 978-5-271-42425-0. (In Russ.).
- Novalis. (2014). *Fragmenty* [Fragments]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. 319 p. ISBN 978-5-93615-130-9. (In Russ.).
- Tik, L. (1987). *Stranstviya Frantsa Shternbalda* [Wanderings of Franz Sternbald]. Moskva: Nauka. 360 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Bakhtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekovaya i Renesansa* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moskva: Khudozhestvennaya literature. 543 p. ISBN 5-280-00710-2. (In Russ.).
- Berkovskiy, N. Ya. (2001). *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika. 512 p. ISBN 5-352-00015-X. (In Russ.).
- Fedorov, F. P. (2004). *Khudozhestvennyy mir nemetskogo romantizma* [The artistic world of German Romanticism]. Moskva: MIK. 368 p. ISBN 5-87902-051-7. (In Russ.).
- Frezer, Dzh. Dzh. (2010). *Zolotaya vetv'* [Golden Branch]. Moskva: AST: AST Moskva, Kharvest. 767 [1] p. ISBN: 9-785-17060-198-1. (In Russ.).
- Gippius, V. V. (1966). *Lyudi i kukly v satire Saltykova* [People and dolls in the satire of Saltykov]. In: Gippius, V. V. *Ot Pushkina do Bloka* [From Pushkin to Blok]. Moskva, Leningrad: Nauka, 1966. 295—330. (In Russ.).
- Gopman, V. L. (2001). Fentezi [Fantasy]. In: Nikolyukin, A. N. (ed.) *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moskva: Intelvak. 1161—1164. ISBN 5-93264-026-X. (In Russ.).
- Gornova, G. V. 2006. *Perezhivaniye goroda* [Experience of the city]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University]. Available at: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-8.pdf> (accessed 20.08.2020). (In Russ.).
- Gundelfinger, Fr. von (hg.) (1907). *Romantiker-Briefe*. Jena: Eugen Diederichs. 294 S. (In Germ.).

- Kolesnik, E. S. (2013). «Postneoromantizm» kak pereinterpretatsiya neoromantizma [“Post-Neo-Romanticism” as a reinterpretation of neo-Romanticism]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. questions of theory and practice], 8 (34) /2: 89—92. (In Russ.).
- Kozyakova, M. I. (2017). Gorod i noch' — khronotop konflikta (okonchaniye) [The city and the night — the chronotope of the conflict (the end)]. *Kultura kulturey* [Culture culture], 2. Available at: <http://cult-cult.ru/the-city-and-the-night-the-chronotope-of-the-conflict-part-2-ending/> (accessed 20.08.2020). (In Russ.).
- Levochskiy, S. S. (2016). Simvol nochi v nemetskom romantizme [Symbol of the night in German Romanticism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya* [Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 7. Philosophy], 2: 86—100. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1992). Kukly v sisteme kulturey [Dolls in the system of culture]. In: Lotman, Yu. M. *Izbrannyye statyi. V 3-kh t.* [Selected articles. In 3 vols.], 1. Tallin: Aleksandra. 377—380. (In Russ.).
- Makhov, A. E. (2001). Romantizm [Romanticism]. In: Nikol'yukin, A. N. (ed.) *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moskva: Intelvak. 894—902. ISBN 5-93264-026-X. (In Russ.).
- Mikhaylova, A. Yu. (2010). Khudozhestvennoye prostranstvo goroda v novelle E. T. A. Gofmana «Master Martin-bochar i yego podmasterya» [Art space of the city in the novel by E. T. A. Hoffman “Master Martin-Bochar and his apprentices”]. *Vestnik NNGU* [Bulletin of the NNGU], 4—2: 907—909. (In Russ.).
- Safron, E. A. (2020). *Poetika gorodskogo fentezi* [Poetics of urban fantasy]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU. 96 p. (In Russ.).
- Shelling, F. V. Y. (1966). *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art]. Moskva: Mysl'. 496 p. (In Russ.).
- Shelling, F. V. Y. (1989). Filosofskie issledovaniya o sushchnosti chelovecheskoy svobody i svyazannykh s ney predmetakh [Philosophical research on the essence of human freedom and related subjects]. In: Shelling, F. V. Y. *Sochineniya: v 2 t.* [Essays: in 2 vols.], 2. Moskva: Mysl'. 636 p. (In Russ.).
- Shikina, A. N. (2014). Kulturfilosofiya romantizma [Kulturfilosofiya romanticism]. *Vestnik KGU* [Bulletin of KGU], 1: 218—221. (In Russ.).
- Shlegel, F. (1983). *Eстетика. Filosofiya. Kritika. V 2-kh t.* [Aesthetics. Philosophy. Criticism. In 2 vols.], 1. Moskva: Iskusstvo. 479 p. (In Russ.).
- Shumkova, T. L. (2005). Pozdneromanticheskaya ironiya kak ironiya otritsaniya v romane Bonaventure «Nochnyye bdeniya» [Late Romantic irony as the irony of denial in Bonaventure's novel “Night Vigils”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 3 (47). *Seriya: Gumanitarnyye nauki (Filologiya)*: 65—68. (In Russ.).
- Steffens, N. (1821). *Caricaturen des Heiligsten*, 2. Leipzig: F. A. Brockhaus. 752 S. (In Germ.).
- Terteryan, I. A. (1989) Romantizm: (Literaturny Zapadnoy Evropy pervoy poloviny XIX v.) [Romanticism: (Literature of Western Europe in the first half of the XIX century)]. In: *Istoriya vsemirnoy literatury: v 8 t.* [History of world literature: in 8 vols.], 6. Moskva: Nauka. 16—27. (In Russ.).
- Tolkacheva, V. S. *Poetika romantizma i fentezi* [The Poetics of romanticism and fantasy]. Available at: <http://wap.nkras.forum24.ru/?1-12-40-0000010-000-0-0>. (accessed 20.08.2020). (In Russ.).
- Young, E. (1858). *The Poetical Works of Edward Young*, 1. London: Bell and Daldy Fleet street. 393 p.
- Zhirmunskiy, V. M. (1996). *Nemetskiy romantizm i sovremennaya mistika* [German Romanticism and modern mysticism]. Sankt-Peterburg: Aksioma, Novator. 232 p. ISBN 5-85862-106-6. (In Russ.).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

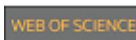
.....

Александр Александрович Валитов, канд. истор. наук (Омск)
Александр Анатольевич Сорокин, канд. истор. наук (Нижний Новгород)
Александр Владимирович Чернов, канд. истор. наук (Москва)
Андрей Алексеевич Конкин, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Андрей Васильевич Федькин (Санкт-Петербург)
Антон Александрович Чемакин, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Баясхалан Цогтоевич Банзаракцаев, аспирант (Улан-Удэ)
Владимир Владимирович Блохин, д-р истор. наук (Москва)
Дарья Юрьевна Федотова, младший научный сотрудник (Тобольск)
Екатерина Ильинична Дубницкая, магистрант (Тюмень)
Зайтуна Аптрашитовна Тычинских, канд. истор. наук (Тобольск)
Иван Дмитриевич Попов, канд. истор. наук (Архангельск)
Игорь Анатольевич Тропов, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Иннокентий Галималаевич Актамов, канд. пед. наук (Улан-Удэ)
Ирина Васильевна Скипина, д-р истор. наук (Тюмень)
Нина Жамсуевна Дагбаева, д-р пед. наук (Улан-Удэ)
Оксана Сергеевна Павлова, канд. истор. наук (Стерлитамак)
Ольга Вадимовна Метель, канд. истор. наук (Омск)
Резида Ильгизаровна Кантимирова, канд. истор. наук (Стерлитамак)
Сергей Витальевич Кондратьев, д-р истор. наук (Тюмень)
Ярослав Александрович Левин, канд. истор. наук (Самара)

Актамов И. Г. Реализация принципов устойчивого развития в Байкальском регионе: исторические и культурно-образовательные аспекты / И. Г. Актамов, Б. Ц. Банзаракцаев, Н. Ж. Дагбаева // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 209—226. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-209-226.

Aktamov, I. G., Banzarakzaev, B. Z., Dagbaeva, N. Zh. (2020). Implementation of the Principles of Sustainable Development in the Baikal Region: Historical, Cultural and Educational Aspects. *Nauchnyy dialog*, 12: 209-226. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-209-226. (In Russ.).

УДК 332.1(571.54)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-209-226

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ¹

© Актамов Иннокентий Галималаевич (2020), orcid.org/0000-0002-8646-1048, Researcher ID F-3233-2017, SPIN-code 2847-2592, кандидат педагогических наук, доктор философии (PhD), заведующий лабораторией «Центр переводов с восточных языков», федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН) (Улан-Удэ, Россия); федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Улан-Удэ, Россия), aktamov13@gmail.com.

© Банзаракцаев Баясхалан Цогтоевич (2020), orcid.org/0000-0002-8269-1751, Researcher ID AVB-3909-2020, SPIN-code 2637-0671, аспирант, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Улан-Удэ, Россия), kerulen95@gmail.com.

© Дагбаева Нина Жамсуевна (2020), orcid.org/0000-0001-5001-3684, Researcher ID B-3867-2017, SPIN-code 6959-4476, доктор педагогических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Улан-Удэ, Россия), ndagbaeva@mail.ru.

Рассматривается вопрос о реализации отдельных аспектов концепции устойчивого развития как новой цивилизационной парадигмы в условиях Байкальского региона. Авторы рассматривают опыт реализации принципов устойчивого развития в Байкальском регионе с учетом социально-экологических и культурно-образовательных факторов. Актуальность исследования заключается в необходимости выработки новой технологии, способной снизить антропогенное влияние на экосистему самого озера и прибрежной территории. По мнению авторов, наиболее эффективной технологией является реализация принципов «образования для устойчивого развития» (ОУР). Решение ее задач раскрывается через образовательные усилия педагогов по сохранению этнической культуры коренных народов, через развитие гражданственности и патриотизма учащейся молодежи, через развитие межкультурной компетентности личности. Новизна исследования видится в том, что авторский коллектив был одним из основоположников образования для устойчивого развития в республике Бурятия, создания международной сети эколого-ориентированных школ, реализации курсов по ОУР в университете, практической природоохранной деятельности в форме различных грантов и международной коллаборации на протяжении более 25 лет в рамках общественной организации. В данной работе впервые представлена историческая периодизация осуществления принципов устойчивого развития в Байкальском регионе.

1 Работа выполнена в рамках гранта ФГБОУ ВО «БГУ им. Д. Банзарова» «Региональное измерение образования для устойчивого развития (ОУР): западный и восточный векторы».

Ключевые слова: устойчивое развитие; Байкальский регион; экология; культура; образование.

1. Введение

Процесс глобализации обострил и ускорил деградацию биосферы. По мнению ученых, занимающихся проблемами охраны окружающей среды, причина современного экологического кризиса кроется в системе ценностей, которая одобряет потребительский стиль жизни и восприятие природы как источника удовлетворения нужд человека. Поэтому необходима грамотная экологическая политика со стороны государств всего мира. Экологически ориентированная экономика на государственном уровне должна обеспечивать повышение качества жизни граждан, конкурентоспособность нации в целом путем улучшения условий среды обитания. Поскольку данная проблема является сложной и многоаспектной, не представляется возможным решить ее усилиями одной страны или определенной группы стран. На конференции ООН в 1992 году в Рио-де-Жанейро было принято решение о принятии программы реализации совместного будущего в рамках перманентного экологического кризиса [Декларация ...]. Ключевым понятием стало устойчивое развитие (sustainable development). Изначально данный термин применялся в популяционной динамике, где «sustainability» содержательно имело значение «допустимость», «согласованность» или «самоподдерживаемость», подр. см.: [Переход ..., 2002].

С распространением данного концепта во всем мире возникло много различных толкований и даже спекуляций, связанных с его неоднозначной трактовкой и с тем, что выражение «Sustainable development», возникшее как исключительно научный термин, постепенно стало использоваться в политике.

В широком смысле устойчивое развитие трактуется как процесс, обозначающий новый тип функционирования цивилизации, основанной на радикальных изменениях ее исторически сложившихся ориентиров во всех, в сущности, параметрах бытия (экономических, социальных, политических, технологических, экологических, информационных, культурологических и др.), см.: [Лось, 1993; Лось и др., 2012; Повестка дня ..., 1992; Урсул и др., 1994; Урсул и др., 2003].

В общественном и экологическом измерении основная цель перехода к устойчивому развитию состоит в формировании принципиально новой формы развития, способной не только удовлетворить социально-экономические потребности и дальнейшее поступательное движение современной цивилизации, но и не разрушать природную среду. Есть гипотеза, что при такой идеальной форме развития цивилизация будет находиться в гармоничных (коэволюционных) отношениях с биосферой. Вместе с тем такая «гармония» в принципе невозможна, поскольку общество живет за счет природы, в той или иной степени разрушая ее. Но можно существенно уменьшить это разрушение, снизить как минимум на порядок антропогенное давление на окружающую среду. Если в результате глобально-скоординированных действий удастся сохранить биосферу, то появится возможность выживания цивилизации, ее существования и прогрессивного развития.

Основополагающим принципом реализации идей устойчивого развития является своего рода девиз «Мысли глобально, действуй локально». Этот принцип предполагает, что учет общемировой экологической ситуации должен основываться на решении проблем местного уровня. И решение вопросов устойчивого развития необходимо начинать с изменения сознания населения, повышения уровня ответственности за свои действия в экономике, быту. Основным механизмом решения этих вопросов является особое направление в системе образования, которое получило название *образование для устойчивого развития (ОУР) (education for sustainable development, ESD)*. Спектр вопросов образования для устойчивого развития необычайно широк: социально-экономическое развитие, культурное многообразие и гендерное равноправие, структура производства и потребления, развитие сельских и городских районов, межнациональная, межконфессиональная терпимость и взаимоуважение, поддержка наиболее незащищенных в социальном плане групп населения, охрана окружающей среды и управление природными ресурсами. При этом проблемы окружающей среды и рационального природопользования выдвигаются как базовые аспекты жизни современного общества.

2. Историко-методологические особенности реализации идей устойчивого развития в Байкальском регионе России

Относительно новое направление в отечественной практике — образование для устойчивого развития — рассматривается в нашей стране как «правопреемник» экологического образования. Это выражается как в объектном поле научных исследований, так и в практической реализации идей в рамках проектов. Изучаются не только природные процессы и влияние человека на них, но и уклад экономики, стиль жизни, общественное устройство — вопросы, в которых социальные, культурные и экологические проблемы сплетены в единое целое. Это отражается и на характере научных исследований в педагогике, которые представлены различными аспектами образования для устойчивого развития: философскими (Н. М. Мамедов), биологическими (В. Г. Горшков, В. И. Данилов-Данильян, Д. Н. Кавтарадзе, К. Я. Кондратьев, К. С. Лосев), психологическими (В. И. Панов, С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин). Общепедагогические аспекты направлены на развитие надпредметных форм и содержания (А. Н. Захлебный, Е. Н. Дзятковская), развитие социального партнерства в местном сообществе и новых интерактивных технологий (Н. Ж. Дагбаева).

Отечественный опыт реализации идей устойчивого развития на научно-теоретическом и практическом уровнях имеет характерные особенности. Большой интерес представляет природная среда, которая оказывает решающее влияние на характер построения региональных моделей устойчивого развития. В рамках данной статьи мы рассмотрим особенности становления и развития основ устойчивого развития на региональном уровне на примере республики Бурятия.

Республика Бурятия, с 2018 года вошедшая в состав Дальневосточного Федерального округа, занимает выгодное геостратегическое и геоэкономическое положение в контексте «восточной политики» России. Особое значение территориально-экологический комплекс приобретает в силу реализации глобальных эконо-

мических инициатив Китая (Один пояс — один путь), Монголии (Степной путь, а затем Путь развития) и России (Трансевразийский путь «Razvitie», а затем формат ЕАЭС). Ключевую роль Бурятия играет в реализации проекта «Экономический коридор Китай — Монголия — Россия». Байкальский регион, озеро Байкал в последние годы становятся объектом пристального внимания разных экономических и политических субъектов. Например, большой резонанс получила информация о планах монгольских властей возвести ГЭС на притоках реки Селенга, которая является основной артерией Байкала [Строительство ...]. Позже экологическая повестка была сконцентрирована на возможном строительстве завода по розливу воды на Байкале [Суд ...] и вырубке леса на Байкале для расширения железнодорожных магистралей [Правительство ...]. Это свидетельствует о том, что вопросы использования байкальской природной территории в сознании живущих здесь людей находят эмоциональный отклик и могут получить поддержку в реализации проектов при соотнесении экологических, социальных и экономических интересов сторон. Научное сообщество должно дать объективную оценку последствий осуществления этих проектов, в том числе и с точки зрения социальных благ и возможности их справедливого распределения.

Республика Бурятия занимает большую часть российского сектора бассейна озера Байкал. Между тем озеро Байкал и окружающая его среда включены в Список Всемирного природного наследия [Бурятия ..., 2000, с. 3]. Это, с одной стороны, признание мировой общественностью уникальности Байкальского региона. С другой стороны, накладывает высокую ответственность на характер жизнедеятельности местного сообщества.

Центральная тема устойчивого развития, имеющая первостепенное значение для судеб человечества, — это бедность и связанная с нею проблема справедливого распределения ресурсов. Современные экологические проблемы, с которыми сталкивается общество как на глобальном, так и на локальном уровне, являются результатом экономического роста, происходившего без учета природных ограничений. Гуманитарный подход к проблемам окружающей среды и развития, предложенный концепцией устойчивого развития, связан с пониманием места и роли социальной справедливости в историческом процессе. Неравенство представляет собой главную экологическую проблему планеты [Правительство ...]. Эта же проблема является источником социальных потрясений и ухудшения экологической ситуации. Устойчивое общество немислимо без реализации принципов справедливости как в рамках современного общества, так и для будущих поколений.

По мнению экспертов, основные проблемы ОУР имеют методологический характер. Во-первых, до сих пор нет однозначного представления об источнике ОУР. Большинство исследователей в качестве такого источника предлагается наука. Причем ситуация складывается сложная, поскольку нет не только самостоятельной науки об устойчивом развитии, но и внутренне непротиворечивых научных концепций устойчивого развития. Предлагаемые в данном качестве идеи (гипотеза ноосферы В. И. Вернадского, универсальный эволюционизм Н. Н. Моисеева, теория

биотической регуляции В. Г. Горшкова) не могут в полной мере соответствовать дидактическому принципу научности.

При этом остается в тени второй, более очевидный с точки зрения целей устойчивого развития, источник ОУР — практическая деятельность. Действительно, именно разработка и реализация программ устойчивого развития на глобальном, национальном, региональном и местном уровнях является практическим механизмом решения проблем окружающей среды. Разработка концепции ОУР должна сочетать системный (междисциплинарный) подход к изучению и решению проблем окружающей среды и развития и черпать свое содержание не только из науки, но и из практической деятельности.

Вторая методологическая проблема ОУР заключается в его прогностическом, «опережающем» характере. Сама концепция устойчивого развития является на сегодняшний день лишь нормативным прогнозом, который предстоит реализовать. Если традиционное обучение изучает в основном опыт прошлого и учебное знание существенно отстает от современных достижений научно-технического прогресса, то ОУР должно ориентироваться на проблемы будущего, которого еще нет. Очевидно, речь должна идти о вовсе новой модели образования для новой цивилизации. Во-первых, простая трансляция культурного опыта в условиях ежегодного удвоения информационных потоков попросту невозможна. Во-вторых, инновации, стратегические ориентиры в образовании требуют изучать будущее в большей степени, чем прошлое, для того, чтобы не только уметь решать актуальные проблемы, но и предупреждать их возникновение. В связи с этим важнейшим компонентом ОУР должны стать такие виды деятельности, как прогнозирование, моделирование, стратегическое планирование, проектирование.

Методологические основы реализации устойчивого развития в республике Бурятия обсуждались на международной конференции в Улан-Удэ 14—16 августа 1992 года. Примечательно, что конференция прошла спустя два месяца после конференции ООН в Рио-де-Жанейро, и это позволяет говорить о том, что научная общественность Байкальского региона, России одновременно с коллегами из других стран занималась обсуждением перспектив дальнейшего цивилизационного развития [Балханов, 1993; Мантатов, 1993; Степанова и др., 1993]. Таким образом, можно сделать вывод, что российская региональная наука в области образования для устойчивого развития не была оторвана от общемировых тенденций.

Философскими основами регионального экологического образования и образования для устойчивого развития в республике Бурятия являлись этнокультурные традиции народов Байкальского региона, мифологические и религиозные основы, согласно которым мир выступает как единое целое, а человек является одной из частиц всеобщего мирового порядка. Любая этническая культура изначально экологична, поскольку это культура приспособления к окружающей среде, ее особенностям. Байкальская Сибирь интересна тем, что тут сохранились традиционные языческие, православные и буддистские верования, основанные на благоговейном отношении человека к среде обитания, его духовном и физическом единстве с миром [Жамбалова, 1991, с. 17]. В начале 1990-х годов в нашей стране в целом и

в Байкальском регионе, в частности, традиции народной педагогики начали возрождаться и использоваться в воспитательном и образовательном процессе. Данный этап можно охарактеризовать как период обновления содержания экологического воспитания и образования с учетом этноэкологических традиций народов Байкальского региона. Демократические преобразования, рост национального самосознания в определенной степени стали толчком к развитию экологической педагогики и экологизации общественного сознания в целом. Вместе с тем данные процессы сопровождались противоречивыми тенденциями. По мнению профессора Э. Д. Дагбаева, «идея национального возрождения, процессы национально-политического самоопределения и суверенизации этнических регионов определенным образом влияют на взаимоотношения народа. Экологическое движение так же, как и экологическая информация в прессе, не несет в себе никаких национальных аспектов. Но это лишь на первый взгляд, поскольку СМИ еще не осознали того, что разрывают экологическую и национальную тематику по разным углам. Сохранение окружающей среды, человека, нации как части природы, гармонизации их взаимоотношений — вот подход, который позволит говорить об активной социальной роли нашего национально-экологического сознания. Это и есть основное поле для деятельности средств массовой информации» [Дагбаев, 1993, с. 60].

Таким образом, первый этап становления образования для устойчивого развития в Республике Бурятия, с одной стороны, характеризуется поиском методологии, базовым принципом которой выступает принцип целостности традиционной культуры и научной картины мира. С другой стороны, ощущается недостаточная «социальная зрелость» общества того периода, которое не в полной мере ощущает ответственность за современное состояние и перспективы дальнейшего развития.

3. Институционализация образования для устойчивого развития

Поворот к экологизации, который был характерен для образования с конца 1980-х годов, процессы демократизации социума и роста национального самосознания в 1990-е годы, хоть и дали стимул для развития экологического сознания общества, но все же не сформировали единую систему, способную повлиять на характер взаимоотношений между человеком и природной средой. Данная ситуация была характерна для всей страны, в том числе и для Байкальского региона. С одной стороны, вступление России на путь устойчивого развития, закрепленное в подписанном Президентом РФ Указе «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (апрель 1996 года), наметило систему практических мер по включению страны в мировой цивилизационный процесс решения глобальных проблем, ориентированный на выживание в долгосрочной перспективе.

С другой стороны, процессы коренной трансформации политической, экономической и социальной систем, проходящих подчас в болезненной и противоречивой форме, привели к острому кризису, касающемуся сокращения производства, ухудшения качества жизни, вакуума в духовной сфере. В таких условиях очевидной потребностью является построение системы, которая отвечала бы запросам

общества и одновременно могла бы противостоять негативным факторам, мешающим созданию цивилизации нового типа.

Для построения такой системы необходимы проводники концептуальных основ устойчивого развития. В республике Бурятия такими субъектами выступили Педагогический институт Бурятского госуниверситета, общественная организация Байкальский информационный центр «Грань» (БИЦ «Грань») и образовательные учреждения экологической направленности, которые реализовывали идеи устойчивого развития в регионе. Сотрудники БИЦ «Грань», преимущественно педагоги, ученые и специалисты по информационным технологиям, начали реализовывать идею моделирования общеобразовательной экологической школы как главного фактора развития устойчивости местного сообщества. Можно утверждать, что именно с этого шага начинается построение региональной системы образования для устойчивого развития.

С помощью анкетирования и собеседования с учителями средних общеобразовательных школ, гимназий, лицеев, педагогами учреждений дополнительного образования, специалистами других сфер жизнедеятельности в 2000 году были выявлены основные субъекты эколого-образовательного пространства Байкальского региона, пути и средства осуществления экологического образования, главные проблемы при решении этой задачи. Кроме того, была определена эффективность проведенной работы по распространению экологической информации среди педагогов общеобразовательных учреждений, работников дополнительного образования и библиотек в Республике Бурятия, а также выделены перспективные направления деятельности.

Анализ опыта работы школ, реализующих свою деятельность в области экологического образования и воспитания, показывает, что именно в последнее десятилетие XX века развиваются самые разные модели образовательных учреждений. Безусловно, они различаются по географическому положению, количеству учеников, степени инновации, уровню подготовленности педагогического коллектива, роли участия местного сообщества в деятельности школы и многим другим параметрам. Но и объединяющих факторов немало. Во-первых, к ним относится желание добиться конкретных результатов в своей деятельности, внести новые идеи в систему экологического образования, стремление к сотрудничеству, готовность развивать социальное партнерство, учет принципов и содержания традиционной педагогики народов Байкальского региона.

В 2002 году система экологического образования и воспитания в Бурятии представляла собой 21 инновационное учебное заведение экологического направления, 192 школы, гимназии, лицеи, колледжи, в которых введены специальные и факультативные курсы «Экология», 239 общеобразовательных школ, имеющих собственное подсобное хозяйство. Кроме того, в школах республики действовало 31 школьное лесничество в 17 районах Бурятии. Большая работа проводилась республиканским эколого-биологическим центром, который организовывал деятельность 3 районных и 1356 школьных экоцентров, 40 экоплощадок и 30 оздоровительных лагерей [Намсараев, 2002, с. 4].

Если попытаться обобщить наиболее характерные черты, которые были присущи образовательным учреждениям общего образования, то можно вывести несколько типичных моделей школ, характерных не только для Бурятии, но и всей России.

Первая модель — это школы этноэкологической направленности. Основное направление работы таких школ — *формирование эколого-ориентированной личности на основе бурятских народных традиций*.

Другая модель — школа как центр эколого-образовательных инициатив в местном социуме. Работа направлена на *создание целостного воспитательного пространства, в котором процесс социализации ребенка требует установления прочных связей всех социальных институтов*.

Следующая модель школы экологической направленности получила название «Экология +...». Здесь образовательный процесс строится на *концепции личностно-ориентированного образования культурологического типа*.

Другое направление моделей школ экологической направленности — практикоориентированные школы. Одной из наиболее известных форм соединения теории и практики являются *экологические тропы* [Дагбаева, 2002].

Резюмируя содержание данной части статьи, мы можем отметить, что процесс институционализации экологического образования и воспитания, переход к образованию для устойчивого развития в Республике Бурятия завершился к началу 2000-х годов. Модели школ экологической направленности объединяет то, что все они создают условия для развития личности, обладающей экологическим мышлением, высокой ответственностью и культурой, знающей особенности и богатства природы родного края, историю, культуру, традиции, обычаи коренного населения: эвенков, бурят, русских. Это отвечает одному из принципов устойчивого развития — поддержке культурного разнообразия.

С 2000-х годов была начата работа по внедрению в процесс обучения педагогических работников идей устойчивого развития и в системе регионального дополнительного профессионального образования. В республиканском институте образовательной политики разработана культуро-центрированная модель формирования содержания образования для устойчивого развития, источниками которого явились не только научные знания, но и этнокультурные традиции народов, населяющих Байкальский регион, экологическая составляющая литературы, искусства и т. д. Были реализованы по данной проблематике «сквозные» модули дополнительных профессиональных программ для учителей, преподающих разные учебные предметы [Халудорова, 2018].

4. Опыт международного сотрудничества в области реализации принципов образования в интересах устойчивого развития

Следующим закономерным этапом в развитии ОУР в Байкальском регионе стало расширение границ реализации идей ОУР — этап межрегионального международного сотрудничества. Начало этому направлению было положено в рамках Международного проекта Программы ТАСИС «Экологическая информирован-

ность и общественная осведомленность населения Байкальского региона» (1999—2000) с участием ученых разных сфер и специалистов в области IT-технологий Бурятии и Иркутской области. Поскольку проект реализовывался при поддержке Немецкого общества технического содействия (ГТЦ, г. Эшборн), стали устанавливаться деловые связи с образовательными и общественными организациями Германии. После завершения этого проекта логическим продолжением стал проект «Практикоориентированное экообразование через Интернет», инициированный в 2002 году. Кульминацией работы стал международный семинар «Вода ради жизни» для школьников, а также учителей, преподавателей вузов города, ученых, специалистов, занимающихся проблемами экологического образования, из России, Германии, Японии и Казахстана, которые обсудили актуальные вопросы использования информационных технологий, в частности ресурсов Интернета, в формировании экологической культуры и поведения подрастающего поколения, а учащиеся на практике познакомились с биоразнообразием озера Байкал.

В этом же 2002 году Байкальский информационный Центр «Грань» был представлен на двух экспозициях в Убунту-вилладж и Водном Соборе Всемирного Саммита в Йоханнесбурге, собравшего участников правительственных и неправительственных организаций более чем из 100 стран. Директор центра Н. Ж. Дагбаева выступила с докладом «Экологическое образование в Байкальском регионе как предпосылка защиты резервуаров пресной воды» и рассказала о тех проектах, которые реализуются Байкальским информационным центром «Грань».

Знаковым событием в истории реализации принципов устойчивого развития на глобальном уровне является 37-я сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО, которая одобрила Глобальную программу действий (ГПД) по ОУР в 2013 году [ЮНЕСКО ..., 2014, с. 9]. Суть данной программы заключается в осуществлении конкретной деятельности в области ОУР, также расширение ее масштабов.

В рамках Всемирной конференции ЮНЕСКО по образованию в интересах устойчивого развития 12 ноября 2014 года в префектуре Айти города Нагоя в Японии были подведены итоги декады образования в интересах устойчивого развития ООН (2005—2014). Конференция стала одним из важнейших событий на международном уровне, которое позволило определить современное состояние и перспективы реализации образовательной политики не только на глобальном, но и на национальном уровне. Несмотря на известные трудности, конференция смогла решить стоявшие перед ней задачи, важнейшими из которых были оценка современного состояния образования в мире и его мобилизация на решение проблем перехода цивилизации к устойчивому развитию [Всемирная ...]. Итоговым документом конференции стала Айти-Нагойская декларация по ОУР и План осуществления Глобальной программы действий в области ОУР.

Глобальная программа действий является механизмом практической реализации концептуального видения, предложенного в рамках Десятилетия ОУР. Реализация комплекса мероприятий должна привести к построению «такого общества, в котором каждый человек имел бы возможность пользоваться плодами образования и усваивать те идеалы, формы поведения и образ жизни, которые необходимы

для обеспечения устойчивого будущего и позитивных преобразований в обществе» [Юнеско ..., 2014, с. 14]. Генеральной целью ГПД является реализация принципов ОУР на всех ступенях и во всех сферах образования и расширение ее масштабов для ускорения прогресса на пути к устойчивому развитию. Данная программа предусматривает применение двуединого подхода с целью распространения и активизации деятельности в области ОУР: интеграция принципов устойчивого развития в программы обучения и интеграция образования в процесс устойчивого развития.

В нашей стране принятие ГПД получило большую поддержку, в том числе и в Байкальском регионе. Знаковым событием не только для России, но и для всего мирового сообщества стало проведение 8—11 июня 2015 года в Ханты-Мансийске Международной конференции по образованию в интересах устойчивого развития (ОУР). Конференция была организована совместно Комиссией Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, Министерством образования и науки Российской Федерации и Правительством Ханты-Мансийского Автономного округа (Югры) при поддержке Координационного комитета кафедр ЮНЕСКО Российской Федерации и Неправительственного экологического фонда им. В. И. Вернадского. Основной целью конференции являлось определение путей реализации Глобальной программы действий по ОУР, принятой в ноябре 2014 года. Глобальная программа действий стала продолжением Десятилетия образования в интересах устойчивого развития ООН. Данная программа призвана мобилизовать усилия в сфере ОУР по следующим приоритетным направлениям: 1) поддержка на политическом уровне; 2) преобразование обучающей среды; 3) подготовка педагогических кадров; 4) молодежь; 5) продвижение ОУР на местном уровне.

В работе конференции приняли участие около 100 делегатов, представлявших 17 государств-членов ЮНЕСКО и 20 субъектов Российской Федерации — члены Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, представители МИД и Министерства образования и науки РФ, ведущие российские и международные эксперты в области образования и молодежной политики, руководители кафедр и ассоциированных школ ЮНЕСКО. Байкальский регион был представлен следующими докладами: «Локальная программа действий: от экологических проектов к устойчивому образовательному ландшафту региона» (Н. Ж. Дагбаева), «Дополнительная профессиональная программа обучения педагога для реализации идей ОУР как открытая система» (Л. Е. Халудорова), «Образование в интересах устойчивого развития: позитивный и негативный опыт Монголии» (И. Г. Актамов, Б. Жадамбаа, Я. Шийлэгмаа). Следует отметить, что участниками конференции стали давние партнеры БИЦ «Грань» из Германии (г. Оснабрюк), которые представили свой доклад «Образование в интересах устойчивого развития на практике и создание сети эколого-ориентированных организаций. Местный образовательный ландшафт для устойчивого развития г. Оснабрюк» [Геббе и др., 2015, с. 294—296].

Расширением границ международного сотрудничества стало участие наших ученых в международной конференции в г. Окаяма (Япония) в 2019 году по проблеме подготовки учителей к реализации ОУР. Организаторы — кафедра ЮНЕСКО университета Окаямы (Япония) и кафедра ЮНЕСКО по переориентации образо-

вания к проблемам устойчивости университета Йорк (Канада), при поддержке администрации г. Окаяма. На конференции были представлены преподаватели вузов, исследовательских центров, центров ЮНЕСКО разных стран, представители государственных и общественных организаций более 40 стран (США, Канада, Германия, Словения, Латвия, Россия, Казахстан, Япония, Корея, Тайвань, Кения, Китай, Монголия и др.).

Широко на конференции был представлен опыт Японии, которая считается одним из лидеров по реализации ОУР, наиболее интересным стало освещение вопроса об опыте поэтапного внедрения образования в интересах устойчивого развития.

Байкальский регион представляли два докладчика — первый рассматривал вопросы подготовки учителей (Дагбаева Н. Ж.), второй раскрыл вопросы опыта экологического образования коренных народов Бурятии (Тугутова Т. С.). Обозначенные темы вызвали большой интерес у ученых из разных стран и позволили расширить географию сотрудничества по вопросам реализации принципов устойчивого развития в различных регионах.

5. Заключение

Устойчивое развитие в самом общем понимании представляет собой такую систему жизнедеятельности, которая позволяет удовлетворить жизненные потребности живущего поколения без ущемления потребностей будущих поколений. Особое значение вопросы устойчивого развития имеют для региона озера Байкал, самого глубокого и чистого озера планеты, и народы, проживающие на его берегу, несут особую ответственность за сохранность Участка Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Предпосылки создания и развития такого направления в педагогической науке и практике, как образование для устойчивого развития, в республике Бурятия были обусловлены объективными факторами природного (озеро Байкал) и историко-культурного (традиционная этнокультурная традиция почитания природы этносами, населяющими данный регион, сильные образовательные традиции и фундаментальные научные исследования) характера. Образование стало неотъемлемым элементом традиционной бурятской культуры.

Задолго до появления первых государственных школ местное население Бурятии обучалось грамоте у частных учителей, и их усилиями некоторые представители бурятского этноса получили неплохое для своего времени образование, овладели разговорной и письменной русской и монгольской грамотой. Большим доверием и безусловной популярностью у бурят пользовались буддийские школы. Буддизм проник на территорию нынешней Бурятии из Тибета через Монголию в конце XVII — начале XVIII веков в результате исторически сложившихся этнокультурных, социально-экономических связей между бурятским и монгольским народами. Одной из таких традиций, получивших развитие в Бурятии, являлось буддийское образование. С середины XIX века при бурятских дацанах открываются первые богословские школы [Маланов, 2011, с. 22]. Важнейшим этапом развития образования и науки стал советский период, когда расширяется сеть школ, организуется работа по созданию первого в истории бурят научно-исследовательского учреждения — Бурятского уче-

ного комитета (1922), создаются первые вузы: Бурят-Монгольский агропедагогический институт (1932), Восточно-Сибирский государственный библиотечный институт (1960), Восточно-Сибирский технологический институт (1962).

Изложенные выше предпосылки стали основанием для формирования образовательных традиций, инновационного потенциала и развития человеческого капитала, который позволил в конце XX — начале XXI веков говорить о том, что региональная российская наука нисколько не уступает по качеству своих исследований мировым научно-образовательным центрам в области образования для устойчивого развития, следуя принципам разумного сочетания традиций и инноваций в системе образования.

Вопросы рационального использования природных ресурсов, охраны и восстановления экосистемы носят междисциплинарный характер. В рамках данной статьи нами была предпринята попытка сделать краткий исторический обзор реализации идей устойчивого развития в республике Бурятия. Если в конце прошлого столетия на первом плане были вопросы, связанные с распространением идей устойчивого развития, необходимости сохранения этноэкологических традиций, формирования ответственности у населения за свое поведение, то первое десятилетие века нынешнего было озаглавлено вопросами иного масштаба: от строительства гидросооружений на притоках реки Селенги в Монголии до строительства завода по розливу бутилированной байкальской воды. В сентябре этого года внимание снова было приковано к Байкалу в связи с вопросом уровня воды в озере, который достиг максимальной отметки [Уровень ...]. В рамках данной статьи мы намеренно не стали уделять внимание проблеме туризма на Байкале, поскольку это отдельная тема исследования. Таким образом, можно утверждать, что вопросы устойчивого развития Байкальской территории перешли в новую фазу своего развития, и довольно часто этим проблемам сознательно придают политическую окраску. Образовательные аспекты устойчивого развития получили новый импульс при помощи проектов, поддержанных Фондом президентских грантов: «Мы говорим “без акцента”» и «Байкальский эко-мобиль: от знания к защите».

Подводя общий итог, следует отметить, что вопросы устойчивого развития будут приобретать особую социально-экономическую актуальность в условиях глобальных транспортных проектов. Здесь актуализируются вопросы, связанные не только с системой подготовки профессиональных кадров, но и с учетом национальных интересов, интересов местного сообщества. Модернизация образовательных технологий, реализация проектов с привлечением широкого круга участников может являться одним из условий эффективного и сбалансированного развития общества.

Источники

1. *Всемирная конференция по образованию в интересах устойчивого развития в Нагое, Япония* [Электронный ресурс] // Центр устойчивого развития и здоровья среды. — Режим доступа : <http://sustainabledevelopment.ru/index.php?cnt=256> (дата обращения 18.08.2020).

2. *Гebbe Й.* Образование в интересах устойчивого развития на практике и создание сети эколого-ориентированных организаций. Местный образовательный ландшафт для устойчи-

вого развития г. Оснабрюк / Й. Геббе, Г. Беккер. — Вестник ЮНЕСКО. — 2015. — № 26. — с. 294—296.

3. *Декларация* по окружающей среде и развитию и другие документы Конференции ООН по окружающей среде и развитию в популярном изложении. Публикация Центра «За наше общее будущее». — Женева, 1993.

4. *Повестка дня на XXI век*. Конференция ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3—14 июня 1992 г. ООН, 1992 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.un.org/russian/conferen/wssd/agenda21 (дата обращения 01.08.2020).

5. *Правительство* разрешит вырубку леса на Байкале для БАМа и Транссиба [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.rbc.ru/business/24/07/2019/5d37074a9a7947128cd2268d> (дата обращения 18.08.2020).

6. *Строительство* ГЭС в Монголии [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://fedpress.ru/story/1873204> (дата обращения 18.08.2020).

7. *Суд* остановил строительство китайского завода на Байкале [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.kommersant.ru/doc/4391900> (дата обращения 18.08.2020).

8. *Уровень* воды в Байкале достиг максимальной отметки [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.vesti.ru/article/2465254> (дата обращения 18.08.2020).

9. *ЮНЕСКО* Дорожная карта осуществления Глобальной программы действий по образованию в интересах устойчивого развития [Электронный ресурс]. — 2014. — 38 с. — Режим доступа : https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000230514_rus?fref=gc&dti=675084075956356 (дата обращения 18.08.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Актамов И. Г.* Специфика формирования экологической ответственности личности в рамках средового подхода / И. Г. Актамов // Образование в интересах устойчивого развития : опыт регионов : сборник статей. — Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. — С. 6—10.

2. *Балханов В. А.* Научная картина мира, гуманитаризация и экологизация образования / В. А. Балханов // Экологическое образование и воспитание. Пути решения проблемы в Байкальском регионе : материалы международной научной конференции. — Улан-Удэ : Изд-во Байкальского института рационального природопользования СО РАН, 1993. — С. 10—15.

3. *Бурятия* : концептуальные основы стратегии устойчивого развития / Под редакцией Л. В. Потапов, К. Ш. Шагжиев, А. А. Варламов. — Москва : Круглый год, 2000. — 512 с.

4. *Дагбаев Э. Д.* Средства массовой информации и национально-экологическое сознание / Э. Д. Дагбаев // Экологическое образование и воспитание. Пути решения проблемы в Байкальском регионе : материалы международной научной конференции. — Улан-Удэ : Изд-во Байкальского института рационального природопользования СО РАН, 1993. — С. 59—61.

5. *Дагбаева Н. Ж.* Модели школ экологической направленности в образовательном пространстве Байкальского региона / Н. Ж. Дагбаева. — Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 2002. — 142 с. ISBN 5-85213-670-0

6. *Дагбаева Н. Ж.* Из опыта лучших практик Десятилетия образования для устойчивого развития в российских регионах / Н. Ж. Дагбаева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — № 1 (1). — С. 3—7.

7. *Дагбаева Н. Ж.* Межкультурная коммуникация : опыт взаимодействия студентов России и Восточных приграничных стран / Н. Ж. Дагбаева, Я. С. Самошкина // Педагогическое образование в России. — 2018. — № 4. — С. 37—40.

8. *Жамбалова С. Г.* Традиционная охота бурят / С. Г. Жамбалова. — Новосибирск : Изд-во «Наука», 1991. — 175 с.

9. *Идеи устойчивого развития в школе. Отечественный и зарубежный опыт адаптации идей устойчивого развития к предметным областям общего образования* / Под редакцией А. Н. Захлебного, Е. Н. Дзятковской. — Москва : Центр «Образование и экология», 2017. — 170 с.
10. *Лось В. А.* От Стокгольма до Рио-де-Жанейро / В. А. Лось // Вестник РАН. — 1993. — № 5. — С. 451—455.
11. *Лось В. А.* Политика устойчивого развития цивилизации : Механизмы управления глобальными процессами / В. А. Лось, А. Я. Касюк. — Москва : МГЛУ, 2012. — 226 с. ISBN: 978-5-88983-538-7
12. *Маланов И. А.* Становление образовательного пространства в Бурятии с XVIII до начала XX века / И. А. Маланов // Вестник Бурятского государственного университета. — 2011. — № 1. — С. 17—23.
13. *Мантатов В. В.* Концепция устойчивого развития — основа экологического образования в Байкальском регионе / В. В. Мантатов // Экологическое образование и воспитание. Пути решения проблемы в Байкальском регионе : материалы международной научной конференции. — Улан-Удэ : Изд-во Байкальского института рационального природопользования СО РАН, 1993. — С. 2—10.
14. *Намсараев С. Д.* Государство и общество вернулись в школу / С. Д. Намсараев // Грани Байкала : эколого-образовательный журнал общественной организации БИЦ «Грань». — 2002. — № 4. — С. 4—6.
15. *Образование для устойчивого развития : опыт межкультурного взаимодействия.* — Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета и Nuso-Verlag (Германия), под редакцией Н. Ж. Дагбаевой, Г. Бекера, 2009. — 143 с.
16. *Панов В. И.* Экологическая психология : Опыт построения методологии / В. И. Панов. — Москва : Наука, 2004. — 197 с.
17. *Переход к устойчивому развитию : глобальный, региональный и локальный уровни. Зарубежный опыт и проблемы России* / под ред. Г. В. Сдасюк и Л. С. Мокрушина. — Москва : Изд-во КМК, 2002. — 444 с. ISBN 5-87317-093-2
18. *Урсул А. Д.* Концептуальные основы устойчивого развития / А. Д. Урсул, В. А. Лось, Ф. Д. Демидов. — Москва : РАГС, 2003. — 348 с.
19. *Урсул А. Д.* Стратегия перехода России на модель устойчивого развития : Проблемы и перспективы / А. Д. Урсул, В. А. Лось. — Москва : Луч, 1994. — 273 с.
20. *Халудорова Л. Е.* Экологизация содержания дополнительного профессионального образования как актуальная проблема / Л. Е. Халудорова // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социоконетика». — 2018. — № 3. — С. 24—28.
21. *Экологическое образование на приозерных территориях : практический опыт и инновационные технологии : материалы международного семинара*, под редакцией Э. Д. Дагбаева. — Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 2014. — 98 с.

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE BAIKAL REGION: HISTORICAL, CULTURAL AND EDUCATIONAL ASPECTS¹

© Innokenty G. Aktamov (2020), orcid.org/0000-0002-8646-1048, Researcher ID F-3233-2017, SPIN-code 2847-2592, PhD in Pedagogy, Doctor of Philosophy (PhD), Head of the Laboratory “Center for

1 The work was supported by the project of the Dorji Banzarov Buryat State University “Regional Dimension of Education for Sustainable Development (ESD): Western and Eastern Vectors”.

Translations from Oriental Languages”, The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBT SB RAS); Buryat State University named after D. Banzarov (Ulan-Ude, Russia), aktamov13@gmail.com.

© **Bayashkhalan Z. Banzarakzaev (2020)**, orcid.org/0000-0002-8269-1751, Researcher ID ABB-3909-2020, SPIN-code 2637-0671, Post-graduate student, Buryat State University named after D. Banzarov (Ulan-Ude, Russia), kerulen95@gmail.com.

© **Nina Zh. Dagbaeva (2020)**, orcid.org/0000-0001-5001-3684, Researcher ID B-3867-2017, SPIN-code 6959-4476, Doctor of Pedagogy, Professor, Buryat State University named after D. Banzarov (Ulan-Ude, Russia), ndagbaeva@mail.ru.

The issue of the implementation of certain aspects of the concept of sustainable development as a new civilizational paradigm in the conditions of the Baikal region is considered. The authors consider the experience of implementing the principles of sustainable development in the Baikal region, taking into account the socio-ecological, cultural and educational factors. The relevance of the study lies in the need to develop a new technology that can reduce the anthropogenic impact on the ecosystem of the lake itself and the coastal area. According to the authors, the most effective technology is the implementation of the principles of “education for sustainable development” (ESD). The solution to its problems is revealed through the educational efforts of teachers to preserve the ethnic culture of indigenous peoples, through the development of civic consciousness and patriotism of students, through the development of the intercultural competence of the individual. The novelty of the research is seen in the fact that the team of authors was one of the founders of education for sustainable development in the Republic of Buryatia, the creation of an international network of eco-oriented schools, the implementation of ESD courses at the university, practical environmental protection in the form of various grants and international collaboration for more than 25 years within the framework of a public organization. For the first time the historical periodization of the implementation of the principles of sustainable development in the Baikal region is presented in the article.

Key words: sustainable development; Baikal region; ecology; culture; education.

MATERIAL RESOURCES

Deklaratsiya po okruzhayushchey srede i razvitiyu i drugie dokumenty Konferentsii OON po okruzhayushchey srede i razvitiyu v populyarnom izlozhenii. Publikatsiya Tsentra «Za nashe obshcheye budushcheye» [Declaration on environment and development and other documents of the United Nations Conference on environment and development in a popular presentation. Publication of the center “For our common future”]. (1993). Zheneva.

Gebbe, Y., Bekker, G. (2015). *Obrazovaniye v interesakh ustoychivogo razvitiya na praktike i sozdaniye seti ekologo-orientirovannykh organizatsiy. Mestnyy obrazovatelnyy landshaft dlya ustoychivogo razvitiya g. Osnabryuk* [Education for sustainable development in practice and creating a network of environmental-oriented organizations. Local educational landscape for sustainable development in Osnabrück]. *Vestnik YuNESKO* [UNESCO Bulletin], 26: 294—296.

Povestka dnya na XXI vek. Konferentsiya OON po okruzhayushchey srede i razvitiyu, Riode-Zhaneyro, 3—14 iyunya 1992 g. OON, 1992 [Agenda for the twenty-first century. UN conference on environment and development, riode-Janeiro, June 3—14, 1992. UN, 1992]. Available at: www.un.org/russian/conferen/wssd/agenda21 (accessed 01.08.2020).

Pravitelstvo razreshit vyrubku lesa na Baykale dlya BAMA i Transsiba [The Government will allow logging on lake Baikal for the BAM and TRANS-Siberian railway]. Available at: <https://www.rbc.ru/business/24/07/2019/5d37074a9a7947128cd2268d> (accessed 18.08.2020).

Stroitelstvo GES v Mongolii [Construction of hydroelectric power plants in Mongolia]. Available at: <https://fedpress.ru/story/1873204> (accessed 18.08.2020).

- Sud ostanovil stroitelstvo kitayskogo zavoda na Baykale* [The Court stopped the construction of a Chinese factory on lake Baikal]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4391900> (accessed 18.08.2020).
- Uroven' vody v Baykale dostig maksimalnoy otmetki* [The water level in the lake reached the maximum level]. Available at: <https://www.vesti.ru/article/2465254> (accessed 18.08.2020).
- YuNESKO Dorozhnaya karta osushchestvleniya Globalnoy programmy deystviy po obrazovaniyu v interesakh ustoychivogo razvitiya* [UNESCO Road map for the implementation of the Global programme of action on education for sustainable development]. (2014). 38 p. Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000230514_rus?fref=gc&dti=675084075956356 (accessed 18.08.2020).
- Vsemirnaya konferentsiya po obrazovaniyu v interesakh ustoychivogo razvitiya v Nagoye, Yaponiya [World conference on education for sustainable development in Nagoya, Japan]. In: *Tsentr ustoychivogo razvitiya i zdorovya sredey* [Center for sustainable development and environmental health]. Available at: <http://sustainabledevelopment.ru/index.php?cnt=256> (accessed 18.08.2020).

REFERENCES

- Aktamov, I. G. (2008). Spetsifika formirovaniya ekologicheskoy otvetstvennosti lichnosti v ramkakh sredovogo podkhoda [Specifics of formation of ecological responsibility of the individual within the framework of the environmental approach]. In: *Obrazovaniye v interesakh ustoychivogo razvitiya: opyt regionov: sbornik statey* [Education for sustainable development: experience of regions: collection of articles]. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta. 6—10. (In Russ.).
- Balkhanov, V. A. (1993). Nauchnaya kartina mira, gumanitarizatsiya i ekologizatsiya obrazovaniya [Scientific picture of the world, humanization and ecologization of education]. In: *Ekologicheskoye obrazovaniye i vospitaniye. Puti resheniya problemy v Baykalskom regione: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Environmental education and upbringing. Ways to solve the problem in the Baikal region: proceedings of the international scientific conference]. Ulan-Ude: Izd-vo Baykalskogo instituta ratsionalnogo prirodopolzovaniya SO RAN. 10—15. (In Russ.).
- Buryatiya: kontseptualnyye osnovy strategii ustoychivogo razvitiya* [Buryatia: conceptual foundations of the sustainable development strategy]. (2000). Moskva: Kruglyy god. 512 p. (In Russ.).
- Dagbayev, E. D. (1993). Sredstva massovoy informatsii i natsionalno-ekologicheskoye soznaniye [Mass Media and national-ecological consciousness]. In: *Ekologicheskoye obrazovaniye i vospitaniye. Puti resheniya problemy v Baykalskom regione: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Environmental education and upbringing. Ways to solve the problem in the Baikal region: proceedings of the international scientific conference]. Ulan-Ude: Izd-vo Baykalskogo instituta ratsionalnogo prirodopolzovaniya SO RAN. 59—61. (In Russ.).
- Dagbaeva, N. Zh. (2002). *Modeli shkol ekologicheskoy napravlenosti v obrazovatelnom prostranstve Baykalskogo regiona* [Models of schools of ecological orientation in the educational space of the Baikal region]. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 142 p. (In Russ.).
- Dagbayeva, N. Zh. (2014). Iz opyta luchshikh praktik Desyatletiya obrazovaniya dlya ustoychivogo razvitiya v rossiyskikh regionakh [From the experience of the best practices of the Decade of education for sustainable development in the Russian regions]. *Vestnik*

- Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat state University], 1 (1): 3—7. (In Russ.).
- Dagbayeva, N. Zh., Samoshkina, Ya. S. (2018). Mezhkulturnaya kommunikatsiya: opyt vzaimodeystviya studentov Rossii i Vostochnykh prigranichnykh stran [Intercultural communication: experience of interaction between students of Russia and Eastern border countries]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii* [Teacher education in Russia], 4: 37—40. (In Russ.).
- Ekologicheskoye obrazovaniye na priozernykh territoriyakh: prakticheskiy opyt i innovatsionnyye tekhnologii: materialy mezhdunarodnogo seminar* [Environmental education in the lake territories: practical experience and innovative technologies: materials of the international seminar]. (2014). Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 98 p. (In Russ.).
- Idei ustoychivogo razvitiya v shkole. Otechestvennyy i zarubezhnyy opyt adaptatsii idey ustoychivogo razvitiya k predmetnym oblastyam obshchego obrazovaniya* [The idea of sustainable development in the school. Domestic and foreign experience in adapting the ideas of sustainable development to the subject areas of General education]. (2017). Moskva: Tsentr «Obrazovaniye i ekologiya». 170 p. (In Russ.).
- Khaludorova, L. E. (2018). Ekologizatsiya sodержaniya dopolnitelnogo professionalnogo obrazovaniya kak aktualnaya problema [Ecologization of the content of additional professional education as an actual problem]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova. Seriya «Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika»* [Bulletin of the Kostroma state University named after N. A. Nekrasov. Series “Pedagogy. Psychology. Sociogenetiki”], 3: 24—28. (In Russ.).
- Los', V. A. (1993). Ot Stokgolma do Rio-de-Zhaneyro [From Stockholm to Rio de Janeiro]. *Vestnik RAN* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 5: 451—455. (In Russ.).
- Los', V. A., Kasyuk, A. Ya. (2012). *Politika ustoychivogo razvitiya tsivilizatsii: Mekhanizmy upravleniya globalnymi protsessami* [Policy of sustainable development of civilization: Mechanisms for managing global processes]. Moskva: MGLU. 226 p. ISBN: 978-5-88983-538-7. (In Russ.).
- Malanov, I. A. (2011). Stanovleniye obrazovatel'nogo prostranstva v Buryatii s XVIII do nachala XX veka [Formation of educational space in Buryatia from the XVIII to the beginning of the XX century]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat state University], 1: 17—23. (In Russ.).
- Mantatov, V. V. (1993). Kontseptsiya ustoychivogo razvitiya — osnova ekologicheskogo obrazovaniya v Baykalskom regione [The Concept of sustainable development—the basis of environmental education in the Baikal region]. In: *Ekologicheskoye obrazovaniye i vospitaniye. Puti resheniya problemy v Baykalskom regione: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Environmental education and upbringing. Ways to solve the problem in the Baikal region: proceedings of the international scientific conference]. Ulan-Ude: Izd-vo Baykalskogo instituta ratsionalnogo prirodopolzovaniya SO RAN. 2—10. (In Russ.).
- Namsarayev, S. D. (2002). Gosudarstvo i obshchestvo vernulis' v shkolu [The State and society returned to school]. *Grani Baykala: ekologo-obrazovatel'nyy zhurnal obshchestvennoy organizatsii BITS «Gran'»* [Facets of Baikal: ecological and educational journal of the public organization BIC “Gran”], 4: 4—6. (In Russ.).
- Obrazovaniye dlya ustoychivogo razvitiya: opyt mezhkulturnogo vzaimodeystviya* [Education for sustainable development: experience of cross-cultural interaction]. (2009). Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta i Nuso-Verlag (Germaniya). 143 p. (In Russ.).
- Panov, V. I. (2004). *Ekologicheskaya psikhologiya: Opyt postroyeniya metodologii* [Ecological psychology: Experience in building a methodology]. Moskva: Nauka. 197 p. (In Russ.).

- Sdasyuk, G. V., Mokrushin, L. S. (eds.) (2002). *Perekhod k ustoychivomu razvitiyu: globalnyy, regionalnyy i lokalnyy urovni. Zarubezhnyy opyt i problemy Rossii* [Transition to sustainable development: global, regional and local levels. Foreign experience and problems of Russia]. Moskva: Izd-vo KMK. 444 p. ISBN 5-87317-093-2. (In Russ.).
- Ursul, A. D., Los', V. A. (1994). *Strategiya perekhoda Rossii na model' ustoychivogo razvitiya: Problemy i perspektivy* [Strategy of Russia's transition to a sustainable development model: Problems and prospects]. Moskva: Luch. 273 p. (In Russ.).
- Ursul, A. D., Los', V. A., Demidov, F. D. (2003). *Kontseptualnyye osnovy ustoychivogo razvitiya* [Conceptual foundations of sustainable development]. Moskva: RAGS. 348 p.
- Zhambalova, S. G. (1991). *Traditsionnaya okhota buryat* [Traditional hunting of Buryats]. Novosibirsk: Izd-vo «Nauka». 175 p. (In Russ.).

Валитов А. А. Политические события февраля 1917 года в епархиальной периодической печати Западной Сибири / А. А. Валитов, Д. Ю. Федотова // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 227—238. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-227-238.

Valitov, A. A., Fedotova, D. Yu. (2020). Political Events of February 1917 in the Diocesan Periodicals of Western Siberia. *Nauchnyi dialog*, 12: 227-238. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-227-238. (In Russ.).

УДК 94:070(571.1)“1917”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-227-238

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА В ЕПАРХИАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

© Валитов Александр Александрович (2020), orcid.org/0000-0002-2338-7880, кандидат исторических наук, научный сотрудник, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского» (Омск, Россия), val11@bk.ru.

© Федотова Дарья Юрьевна (2020), orcid.org/0000-0002-9832-8914, младший научный сотрудник, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук (Тобольск, Россия), dashulya-23@bk.ru.

В статье рассматриваются события февраля 1917 года, представленные на страницах церковной периодической печати Западной Сибири. Актуальность исследования обусловлена тем, что впервые в отечественной историографии проанализированы политические потрясения данного периода на материалах региональных епархиальных ведомостей. Авторы отмечают, что епархиальные ведомости являются важным историческим источником. Выполнен подробный анализ содержания статей омских, тобольских, томских периодических изданий («Епархиальные ведомости») по вопросу представления в них политических событий февраля 1917 года. Новизна исследования заключается в выявлении отношения регионального духовенства к революционным событиям в период с февраля по апрель 1917 года. Представленные результаты сопоставительного анализа можно сгруппировать по хронологии и значимости происходивших событий. В статье сделан вывод о том, что именно в этот период можно было услышать мнение Российской Православной Церкви по поводу политических изменений в стране. Отмечается, что особый интерес вызывали вопросы взаимоотношения между Церковью и Временным правительством, данная тема оставалась наиболее острой после падения монархии. Показано, что представители Российской Православной Церкви хотели восстановить историческую справедливость и получить автономное управление и независимость от светских властей.

Ключевые слова: епархиальные ведомости; Западная Сибирь; Николай II; Российская Православная Церковь; Временное правительство.

1. Введение

Периодическая печать дореволюционного периода играла достаточно большую роль в общественно-политической жизни Российской империи. С одной стороны, она была важным информационным каналом, сообщавшим о событиях в мире и внутри страны, выступала особым институциональным инструментом воздействия на умонастроение российского социума, а с другой стороны, была способом выражения идей и мнений социальных и политических слоев общества, которые привлекали определённые издания в качестве транслятора.

«Епархиальные ведомости» как местные официальные церковные периодические издания (журналы) прошли достаточно долгий исторический путь, они выходили в 63-х епархиях Российской Православной Церкви в 1860—1922 годах. Впервые программа «Епархиальных ведомостей» была составлена в 1853 году херсонским архиепископом святителем Иннокентием (Борисовым). Спустя шесть лет она была представлена на утверждение Святейшему Синоду Херсонским архиепископом Димитрием (Муретовым). Его ходатайство о разрешении издания в Одессе «Херсонских епархиальных ведомостей» Синод удовлетворил 11 ноября 1859 года. Указом Синода от 31 декабря того же года утвержденная программа была разослана всем епархиальным архиереям.

Первые епархиальные ведомости в Сибири стали издаваться с 1 января 1863 года в Иркутске. С 1 июля 1880 года выпускались Томские, с 1882 — Тобольские, с 1884 — Енисейские, с 1887 — Якутские, с 1898 — Омские, с 1900 — Забайкальские епархиальные ведомости. Дореволюционные издания привлекались современными исследователями в качестве важного исторического источника, освещавшего деятельность Российской Православной Церкви.

Политические события 1917 года привели к крушению монархии и коренным изменениям в общественно-политическом и государственном строе, что нашло отражение на страницах региональной церковной периодической печати Западной Сибири.

Об актуальности проблемы свидетельствует интерес исследователей, которые обращались к рассмотрению революционных потрясений в России 1917 года, привлекая материалы периодической печати. Л. А. Обухов и В. С. Черепенчук высказали мнение о важности использования периодики в качестве исторического источника, который может содержать интересующие исследователя сведения по данному вопросу [Обухов, 2017; Черепенчук, 2015].

В поле интересов историков попадали отдельные издания, в которых находили отражение события 1917 года. Например, Л. Гарбульова проанализировала словачскую периодическую печать [Гарбульова, 2017]. Н. С. Егорова показала, как были представлены исторические факты революционного 1917 года в «Московском листке» [Егорова, 2008]. В. В. Шевцов комплексно рассмотрел события революции 1917 года и Гражданской войны в России, тщательно изучив публикации в губернских ведомостях Сибири [Шевцов, 2014].

Однако в отечественной историографии отсутствуют исследования, посвященные рассмотрению событий Февральской революции и отношения к ним Российской Православной Церкви на материале региональной церковной печати.

2. Официальные документы

Революционные потрясения 1917 года нашли отражение на страницах местной церковной печати. Далее рассмотрим, как отреагировала епархиальная пресса на падение монархии, так как с прекращением правления династии Романовых был запущен механизм разрушения государственной официальной идеологии: «Православие. Самодержавие. Народность».

Одним из ключевых событий того времени стал факт отречения от власти императора Николая II, за ним последовал отказ от принятия российского престола его младшего брата Михаила Александровича, а затем передача всех полномочий в руки Временного правительства [Российское духовенство ..., 2006, с. 23].

В качестве информационной новости западносибирские епархиальные ведомости постарались сразу после начала революционных событий обнародовать данный документ. Публикации состоялись в разные даты: 4 марта в «Тобольских епархиальных ведомостях», 12 марта в «Омских епархиальных ведомостях», 15 марта в «Томских епархиальных ведомостях». Дата размещения зависела от того, насколько удален регион от центра [Отречение государя ..., 1917, № 10, с. 101.; Акт об отречении ..., 1917, № 10, с. 1—2.; Акт об отказе ..., 1917, № 6/7, с. 102—103].

Во всех изданиях Акт отречения был приведен почти дословно. В нем император пытался дать объяснение своим подданным, почему он оставляет престол и добровольно отдает власть. Он называет причины, подтолкнувшие его к этому шагу: тяготы Первой мировой войны, а также усилившуюся внутреннюю смуту, которая в условиях военных действий могла сыграть трагическую роль в дальнейшем ходе конфликта [Отречение государя ..., 1917, № 10, с. 101].

Представленный официальный текст был написан высоким стилем, в нем постоянно упоминалась воля Бога, ключевой посыл манифеста состоял в сохранении мира в стране для того, чтобы направить все усилия на борьбу с внешним врагом и продолжить боевые действия на фронте вплоть до окончательной победы Российской армии. Николай II апеллирует к тому, что в столь роковой исторический момент не хочет оставлять на престоле единственного сына и передает правление в пользу младшего брата — Великого Князя Михаила Александровича. Благословляя и наставляя брата на правление, бывший император требовал поставить во главу управления государством принцип любви к Отечеству и бескорыстное исполнение долга перед Родиной. В конце обращения содержался призыв ко всем, «кому была дорога судьба Отечества», объединиться вокруг нового царя и оказать ему любую поддержку. Власть переходила в руки Михаила Александровича, брата Николая II, который отказался принять престол и предоставил право решить вопрос о дальнейшей форме правления в России Учредительному собранию [Акт об отречении ..., 1917, № 10, с. 2]. В этих же номерах газет, чуть ниже, был приведен текст об отказе от власти Великого Князя Михаила Александровича, следовательно, публикация данных документов говорила об упразднении монархической формы правления в России [Акт об отказе ..., 1917, № 6/7, с. 102—103; Заявление Великого Князя Михаила ..., 1917, № 10, с. 2—3]. Отдельные издания поместили обращение Временного правительства к гражданам России [От Временного Правительства ..., 1917, № 6/7, с. 103—105]. Таким образом, в епархиальных изданиях были опубликованы тексты отречения и постановление Синода о необходимости объявить эти акты за ближайшим воскресным богослужением.

Одним из наиболее острых вопросов, который волновал представителей православной иерархии на местах, стал вопрос о новой форме моления за власть. Запросы местных архиереев удовлетворила телеграмма Синода от 7 марта, в которой

сообщалось, что в молениях на богослужении следует возносить «за Богохранимую Державу Российскую и Благоверное Временное Правительство ея» [Указ из Святейшего ..., 1917, № 13, с. 1—3; Изменения ..., 1917, № 11, с. 21—22; Телеграмма ..., 1917, № 10, с. 4].

3. Томские епархиальные ведомости

Сразу после установления власти Временного правительства представители местной церковной иерархии постарались высказать свое мнение по поводу происходящих в стране событий, например, епископ Томский Анатолий сделал два обращения на страницах епархиальных ведомостей. В своих статьях он призывал признать власть Временного правительства и «содействовать ему правильно наставляя прихожан» [Епископ Анатолий ..., 1917, № 6/7, с. 112—113.; Епископ Анатолий ..., 1917, № 8, с. 181—186].

О том, что региональное духовенство находится в поиске решения о дальнейших действиях, свидетельствует ряд публикаций, размещенных в «Томских епархиальных ведомостях». В частности, во втором послании Томский епископ Анатолий пытается дать ответ на многочисленные запросы от духовенства, которое хочет услышать авторитетное мнение архипастыря. «Некоторые священники прямо пишут: вы нас, Владыко, оставили в трудную минуту, и мы не слышим вашего голоса. Дайте указания, как мы должны относиться к событиям, которые проходят перед нашими глазами. Те указания, которые даются в вашем обращении от 14 марта, не достаточны, и т. д.» [Епископ Анатолий ..., 1917, № 8, с. 181].

В своем обращении, отвечая на вопросы томского духовенства, епископ Анатолий призывает принимать решения сдержанно и основывать их на интересах Отечества и матери Церкви. Так, говоря про участие духовенства в партийной работе, он высказывает свое мнение о том, что хотел бы «видеть создавшуюся и хорошо организованную народно-крестьянскую партию». По поводу вопроса о форме правления он считает, что данное решение должно быть принято на Учредительном Собрании [Там же, с. 182].

В то же время в обращении неоднократно подчеркивались значение и роль Церкви в преодолении смуты. Заканчивая свое послание, епископ Анатолий призывал духовенство сохранить единство: «Одно только несомненно, что православное духовенство в переживаемый момент должно бояться разъединения и дезорганизации в самом себе и стремиться к тесному объединению во всех своих слоях и при всякой возможности стараясь проводить в жизнь церковную те канонические начала и основы, которые искони Самим Основателем заложены были и сберегались на протяжении многих веков в жизни Вселенской, Соборной и Апостольской Церкви. Вот к этому последнему — к дружной, совместной работе в единении с народом — я и призываю духовенство епархии» [Там же, с. 186].

В этом же номере издания была опубликована статья протоиерея Сергея Дмитриевского «Где выход», в которой автор рассуждает о происшедших событиях и судьбах российского духовенства. Он сетует на тот факт, что «высшая церковная власть почти ничем не проявляет своего существования и не дает руководящих

указаний» [Дмитриевский, 1917, № 8, с. 186—190]. Единственный выход, который он видит, — это проведение Собора, должного решить дальнейшую судьбу Российской Православной Церкви и духовного сословия [Там же].

4. Омские епархиальные ведомости

В Омской епархии государственный переворот вызвал большое оживление в общественной жизни города. Омское городское духовенство активно стало принимать участие в разных собраниях, одно из которых состоялось в архиерейском доме [Доклад Омской ..., 1917, № 10, с. 3—4]. Основная повестка была посвящена обсуждению отношения Церкви к происходящим событиям в стране. На собрании было принято решение о том, что в следующую пятницу, после окончания литургии, все городское духовенство пройдет по городу крестным ходом от кафедрального собора г. Омска.

После литургии владыка Сильвестр произнес проповедь, основной смысл которой сводился к тому, что Церковь должна «молиться Господу и просить Его милости, чтобы в спокойной созидательной работе совершилось это обновление, и чтобы оно принесло благо стране нашей», а также призвал признать власть Временного правительства. Он сказал: «Будем верны новому правительству, дабы и врага победно отразить и внутреннюю жизнь наисовершеннее устроить». Интересным моментом стал факт чтения молитвы епископом Сильвестором, которая ожидала всех присутствующих от присяги бывшему Императору [Торжество ..., 1917, № 12, с. 20—22].

В статье священника Александра Иванова «К событиям», опубликованной в Омских епархиальных ведомостях, автор, опираясь на исторические законы, пытается обосновать закономерность смены государственной власти, «что единовластная власть, при современном культурном состоянии народа, при огромном племенном составе в государстве и при самом разнообразном географически, и при том тоже огромном пространстве России, не полна и не может совмещать в себе всех нужд вверенной ей страны; не способна, по человеческой ограниченности, проникнуться жизнью каждого уголка и везде вносить счастье и довольство» [Иванов, 1917, № 13, с. 1]. Священник пишет о том, что «монарх» сам подписал свое отречение под тяжелым давлением «голодных событий», и доказывает, что здесь присутствует и Божий промысел, делая отсылку к библейскому сюжету, связанному с Саулом, который нарушил завет Бога и был отстранен, и призывает всех встать «под знамена новой власти, содействовать воскресению России, а не валяться смердящими трупами на ее историческом пути» [Там же, с. 1—3].

Публикации данного периода направлены на обоснование свершившегося события и пытаются убедить как простое духовенство, так и жителей епархии признать данный факт и довериться Временному правительству, особенно когда еще продолжаются сражения на фронтах Первой мировой войны [Всечестному клиру ..., 1917, № 15/16, с. 10—12]. Именно эти обращения дают представление о том, что падение монархии неоднозначно воспринималось духовенством и прихожанами [Правительственные акты ..., 1917, № 15/16, с. 34—36]. О чувстве вины

у отдельных представителей Церкви и простого народа свидетельствует прочтение в г. Омске епископом Сильвестором разрешительной молитвы на освобождение от присяги бывшему императору. Основной посыл всех опубликованных речей — это сохранение единства внутри паствы и поддержка Временного правительства ради будущего Отечества [Исторический момент ..., 1917, № 14, с. 15—16].

5. Тобольские епархиальные ведомости

В это время в Тобольской епархии происходит смена архиереев. Архиепископ Тобольский Варнава (Накропин) был уволен на покой 7 марта 1917 года по настоянию Временного правительства. 8 марта на его место был назначен епископ Гермоген (Долганов) [Обращение Св. Правит Синода ..., 1917, № 11/12, с. 114—115].

Епархия в такое сложное переходное время оказалась без правящего архиерея, поэтому в Тобольских епархиальных ведомостях было размещено обращение к духовенству от имени Тобольского епархиального начальства без подписи правящего владыки. В нем сообщалось о великих преобразованиях в России и о необходимости объединения для борьбы с внешним врагом ради сохранения державы. Основной акцент был сделан на роли духовенства, которое должно было воздействовать на паству, не допуская народных беспорядков, способствовать мирному и здоровому настроению в обществе и активизировать борьбу с народными пороками, например с пьянством [От Тобольского ..., 1917, № 11/12, с. 117—119].

Как и в других епархиях, местной пастве требовалось личное обращение правящего архиерея, поэтому официальным лицом, представляющим Тобольскую епархию, стал Григорий Тутолмин, уважаемый городской протоиерей, настоятель кафедрального Софийско-Успенского собора в г. Тобольске. Его обращение было опубликовано на страницах местного издания, предполагалось, что даже само название его краткого обращения «Граждане и сыны Святой Руси!» будет способствовать пробуждению гражданских и сыновних чувств. В своей речи протоиерей констатировал «падение старого строя и становление нового народного, указывая на волю Бога, и призывал объединиться вокруг народного Временного Правительства и оказать ему всякую помощь и содействие» [Тутолмин, 1917, № 11/12, с. 180].

Размещение в епархиальных ведомостях обращений правящих архиереев и официальных лиц с разъяснениями относительно происходящих событий должны были содействовать более точному пониманию изменений в общественно-политическом строе государства, а также доступно донести позицию Российской Православной Церкви, согласно которой она признавала Временное правительство в качестве законной власти.

В Тобольских епархиальных ведомостях для более подробного ознакомления с текущими событиями была предоставлена информационная хроника за период с 23 февраля по 4 марта 1917 года. В этом обзоре ежедневно сообщалось, как менялась власть и что этому предшествовало [Обзор событий от 23 февраля ..., 1917, № 11/12, с. 181—191]. Данные сообщения должны были продемонстрировать читателям, что все происходящее является следствием закономерного хода исторического развития.

В следующие месяцы после Февральской революции региональное духовенство пыталось определить место и роль Российской Православной Церкви в текущих социально-политических процессах. 29 апреля 1917 года представители Синода опубликовали послание, в котором сообщалось «о необходимости созыва Всероссийского Поместного Собора для коренных изменений в порядке управления Российской церкви <...> Прошедший у нас государственный переворот, в корне изменивший нашу общественную и государственную жизнь, обеспечил и Церкви возможность и право свободного устройства. Заветная мечта русских православных людей теперь стала осуществимой, и созыв Поместного Собора в возможно ближайшее время сделается настоятельно необходимым» [Из послания Св. синода ..., 1917, № 18—19, с. 101—102.].

Тобольские епархиальные ведомости в отсутствие управляющего епархией размещали не самостоятельные суждения о политических событиях, а перепечатанные материалы из центральных и других региональных церковных изданий. Например, в номере 14—15 от 8—15 апреля 1917 года была размещена статья «На современные темы», где достаточно подробно рассмотрены февральские события, а также приведена краткая информация о существующих формах правления, чтобы граждане свободной России смогли сделать правильный выбор при созыве Учредительного собрания, которое должно было решить судьбу государственного устройства страны [На современные темы, 1917, № 14/15, с. 203—212.].

6. Заключение

Подводя итоги анализа освещения в епархиальной прессе Западной Сибири событий февраля 1917 года, мы можем отметить, что местные издания сразу после изменения в политической жизни страны опубликовали официальные тексты: Акт отречения Николая II и отказ от власти Михаила Александровича. После этого последовали обращения со стороны местных епархиальных властей Омской, Тобольской и Томской епархий, направленные к духовенству, с просьбой сохранить мир и признать законную власть Временного правительства.

В Тобольской епархии из-за отсутствия правящего архиерея заявления делались от имени епархиального начальства. Впоследствии местное духовенство осуществило обращение через городского протоиерея Г. Тутолмина, пользующегося авторитетом у местного населения. Особенностью данного заявления стал призыв не только к приходскому духовенству, но и к прихожанам сохранять внутренний мир для блага Отечества и признать власть Временного правительства.

Публикации, увидевшие свет в первые месяцы после Февральской революции, полны тревоги и переживания, особенно по поводу того, что внутри страны может разразиться смута, при этом практически все отмечали историческую роль Российской Православной Церкви в преодолении тех потрясений, которые ранее были в истории государства.

Таким образом, на протяжении первых месяцев после Февральской революции основной задачей епархиальных изданий стало информирование православного духовенства, а через него прихожан о необходимости сохранения внутреннего мира в обществе и принятия Временного правительства как легитимного.

Епархиальные власти понимали, что, только сохранив единство самого духовенства, а также местной паствы до проведения Учредительного собрания и Поместного Собора, возможно уберечь страну от раскола и ужасов будущей Гражданской войны.

Источники

1. *Акт* об отказе Великого Князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти. Часть официальная // Томские епархиальные ведомости. — 1917. — № 6/7. — С. 102—103.
2. *Акт* об отречении императора Николая II от престола. Часть официальная // Омские епархиальные ведомости. — 1917. — № 10. — С. 1—2.
3. *Акт* об отречении императора Николая II от престола. Часть официальная // Томские епархиальные ведомости. — 1917. — № 6/7. — С. 101—102.
4. *Всечестному* клиру Богом врученные нам паствы Омския — мир и Божие благословение. Часть неофициальная // Омские епархиальные ведомости. — 1917. — № 15/16. — С. 10—12.
5. *Дмитриевский*. Где выход. Часть официальная // Томские епархиальные ведомости. — 1917. — № 8. — С. 186—190.
6. *Доклад* Омской Духовной Консистории Его Преосвященству, Преосвященнейшему Сильвестру, Епископу Омскому и Павлодарскому. Часть официальная // Омские епархиальные ведомости. — 1917. — № 10. — С. 3—4.
7. *Епископ Анатолий*. Обращение к духовенству Томской Епархии. Часть официальная // Томские епархиальные ведомости. — 1917. — № 6/7. — С. 112—113.
8. *Епископ Анатолий*. Второе обращение к духовенству Томской епархии. Часть официальная // Томские епархиальные ведомости. — 1917. — № 8. — С. 181—186.
9. *Заявление* Великого Князя Михаила. Часть официальная // Омские епархиальные ведомости. — 1917. — № 10. — С. 2—3.
10. *Иванов А.* К событиям. Часть официальная // Омские епархиальные ведомости. — 1917. — № 13. — С. 1—3.
11. *Из послания* Св. синода «Возлюбленным о Христе братьям архипастырям и всем верным чадам Св. Церкви» // Церковный бюллетень. — 1917. — № 18—19. — С. 101—102.
12. *Изменения* в церковных молитвословиях. Часть неофициальная // Омские епархиальные ведомости. — 1917. — № 11. — С. 21—22.
13. *Исторический* момент. Часть неофициальная // Омские епархиальные ведомости. — 1917. — № 14. — С. 15—16.
14. *На современные* темы. Часть неофициальная // Тобольские епархиальные ведомости. — 1917. — № 14/15. — С. 203—212.
15. *Обзор* событий от 23 февраля до 4 марта с.г. Часть официальный // Тобольские епархиальные ведомости. — 1917. — № 11/12. — С. 181—191.
16. *Обращение* Св. Правит Синода к чадам Православной Церкви. Часть официальный // Тобольские епархиальные ведомости. — 1917. — № 11/12. — С. 114—115.
17. *От Временного* Правительства. Часть официальная // Томские епархиальные ведомости. — 1917. — № 6/7. — С. 103—105.
18. *От Тобольского* епархиального начальства обращение к духовенству Тобольской епархии. Часть официальная // Тобольские епархиальные ведомости. — 1917. — № 11/12. — С. 117—119.
19. *Отречение* государя от престола. Часть официальная // Тобольские епархиальные ведомости. — 1917. — № 10. — С. 101.

20. *Правительственные акты*. Часть неофициальная // Омские епархиальные ведомости. — 1917. — № 15/16. — С. 34—36.
21. *Телеграмма* Первенствующего Члена Святейшего Синода, Митрополита Владимира. Часть официальная // Омские епархиальные ведомости. — 1917. — № 10. — С. 4.
22. *Торжество* гражданских свобод в Омске. Часть неофициальная // Омские епархиальные ведомости. — 1917. — № 12. — С. 16—22.
23. *Тутолмин Г.* Граждане и сыны Святой Руси. Официальный отдел / Г. Тутолмин // Тобольские епархиальные ведомости. — 1917. — № 11/12. — С. 180.
24. *Указ* из Святейшего Правительствующего Синода Преподобному Сильвестру, Епископу Омскому и Павлодарскому. Часть официальная // Омские епархиальные ведомости. — 1917. — № 13. — С. 1—3.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гарбульова Л.* Падение царизма в России на страницах словацкой периодической печати за февраль-март 1917 года / Л. Гарбульова // Запад — Восток. — 2017. — № 10. — С. 119—127. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-119-126.
2. *Егорова Н. С.* Революция 1917 года в России на страницах газеты «Московский листок» / Н. С. Егорова // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2008. — № 11. — С. 127—131.
3. *Обухов Л. А.* Периодическая печать как источник по истории революции 1917 года / Л. А. Обухов // Вестник Пермского университета. История. — 2017. — № 2 (37). — С. 17—26. DOI: 10.17072/2219-3111-2017-2-17-26.
4. *Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году*. (Материалы и архивные документы по истории Российской православной церкви) / Сост., автор предисловия и комментариев М. А. Бабкин. — Москва : Индрик, 2006. — 504 с.
5. *Черепенчук В. С.* Российская периодическая печать времен Первой мировой войны как исторический источник / В. С. Черепенчук // Вестник Российской христианской гуманитарной академии. — 2015. — Т. 16. — № 1. — С. 169—177.
6. *Шевцов В. В.* Революция и гражданская война в освещении губернских ведомостей Сибири / В. В. Шевцов // Новый исторический вестник. — 2014. — № 4 (42). — С. 31—48.

POLITICAL EVENTS OF FEBRUARY 1917 IN THE DIOCESAN PERIODICALS OF WESTERN SIBERIA

© **Alexander A. Valitov (2020)**, orcid.org/0000-0002-2338-7880, PhD in History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Dostoevsky Omsk State University” (Omsk, Russia), val11@bk.ru.

© **Daria Yu. Fedotova (2020)**, orcid.org/0000-0002-9832-8914, Junior Researcher, Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russia), dashulya-23@bk.ru.

The events of February 1917, presented on the pages of the church periodicals of Western Siberia, is examined in the article. The relevance of the study is due to the fact that for the first time in Russian historiography the political upheavals of this period have been analyzed on the basis of materials from regional diocesan records. The authors note that the diocesan records are an important historical source. A detailed analysis of the content of articles of Omsk, Tobolsk, Tomsk periodicals (“Diocesan Gazette”) on the presentation of the political events of February 1917 in them is carried out. The novelty of the research lies in identifying the attitude of the regional clergy to the revolutionary

events in the period from February to April 1917. The presented results of the comparative analysis can be grouped according to the chronology and significance of the events that took place. The article concludes that it was during this period that one could hear the opinion of the Russian Orthodox Church on political changes in the country. It is noted that of particular interest were the issues of the relationship between the Church and the Provisional Government, this topic remained the most acute after the fall of the monarchy. It is shown that the representatives of the Russian Orthodox Church wanted to restore historical justice and receive autonomous government and independence from the secular authorities.

Key words: diocesan statements; Western Siberia; abdication of Nicholas II; Russian Orthodox Church; Provisional government.

MATERIAL RESOURCES

- Akt ob otkaze Velikogo Knyazya Mikhaila Aleksandrovicha ot vospriyatiya verkhovnoy vlasti. Chast' ofitsialnaya [The Act of refusal of the Grand Duke Mikhail Alexandrovich from the perception of the Supreme power. Part of the official]. (1917). *Tomskiye eparkhialnyye vedomosti* [The Tomsk diocesan Gazette], 6/7: 102—103. (In Russ.).
- Akt ob otrechenii imperatora Nikolaya II ot prestola. Chast' ofitsialnaya [Act on the abdication of Emperor Nicholas II from the throne. Part of the official]. (1917). *Omskiye eparkhialnyye vedomosti* [Omsk diocesan Gazette], 10: 1—2. (In Russ.).
- Akt ob otrechenii imperatora Nikolaya II ot prestola. Chast' ofitsialnaya [Act on the abdication of Emperor Nicholas II from the throne. Part of the official]. (1917). *Tomskiye eparkhialnyye vedomosti* [The Tomsk diocesan Gazette], 6/7: 101—102. (In Russ.).
- Dmitriyevskiy. (1917). Gde vykhod. Chast' ofitsialnaya [Where the exit is. Part of the official]. *Tomskiye eparkhialnyye vedomosti* [The Tomsk diocesan Gazette], 8: 186—190. (In Russ.).
- Doklad Omskoy Dukhovnoy Konsistorii Ego Preosvyashchenstvu, Preosvyashchenneshemu Silvestru, Episkopu Omskomu i Pavlodarskomu. Chast' ofitsialnaya [Report of the Omsk Ecclesiastical Consistory to His grace, his Grace Sylvester, Bishop of Omsk and Pavlodar. Part of the official]. (1917). *Omskiye eparkhialnyye vedomosti* [Omsk diocesan Gazette], 10: 3—4. (In Russ.).
- Episkop Anatoliy. (1917). Obrashcheniye k dukhovenstvu Tomskoy Eparkhii. Chast' ofitsialnaya [An appeal to the clergy of the diocese of Tomsk. Part of the official]. *Tomskiye eparkhialnyye vedomosti* [The Tomsk diocesan Gazette], 6/7: 112—113. (In Russ.).
- Episkop Anatoliy. (1917). Vtoroye obrashcheniye k dukhovenstvu Tomskoy yeparkhii. Chast' ofitsialnaya [Second appeal to the clergy of the Tomsk diocese. Part of the official]. *Tomskiye eparkhialnyye vedomosti* [The Tomsk diocesan Gazette], 8: 181—186. (In Russ.).
- Istoricheskiy moment. Chast' neofitsialnaya [Historical moment. Part of informal]. (1917). *Omskiye eparkhialnyye vedomosti* [Omsk diocesan Gazette], 4: 15—16. (In Russ.).
- Ivanov, A. (1917). K sobytiyam. Chast' ofitsialnaya [To events. Part of the official]. *Omskiye eparkhialnyye vedomosti* [Omsk diocesan Gazette], 13: 1—3. (In Russ.).
- Izmeneniya v tserkovnykh molitvosloviyakh. Chast' neofitsialnaya [Changes in Church prayers. Part of informal]. (1917). *Omskiye eparkhialnyye vedomosti* [Omsk diocesan Gazette], 11: 21—22. (In Russ.).
- Iz poslaniya Sv. sinoda «Vozlyublennym o Khriste bratiyam arkipastiryam i vsem vernym chadam Sv. Tserkvi» [From the message of the Holy Synod “To the beloved brethren of the archpastors and all the faithful children of the Holy Church”]. (1917). *Tserkovnyy byulleten'* [Church Bulletin], 18—19: 101—102. (In Russ.).
- Na sovremennyye temy. Chast' neofitsialnaya [On modern topics. Part of informal]. (1917). *Tobolskiye eparkhialnyye vedomosti* [Tobolsk diocesan Gazette], 14/15: 203—212. (In Russ.).

- Obrashcheniye Sv. Praviv Sinoda k chadam Pravoslavnoy Tserkvi. Chast' ofitsialnyy [Appeal Of St. Rules of the Synod to the children of the Orthodox Church. Part of the official]. (1917). *Tobolskiye eparkhialnyye vedomosti* [Tobolsk diocesan Gazette], 11/12: 114—115. (In Russ.).
- Obzor sobytiy ot 23 fevralya do 4 marta s.g. Chast' ofitsialnyy [Review of events from February 23 to March 4 this year Part 1]. (1917). *Tobolskiye eparkhialnyye vedomosti* [Tobolsk diocesan Gazette], 11/12: 181—191. (In Russ.).
- Otrecheniye gosudarya ot prestola. Chast' ofitsialnaya [The abdication of the Emperor from the throne. Part of the official]. (1917). *Tobolskiye eparkhialnyye vedomosti* [Tobolsk diocesan Gazette], 10: 101. (In Russ.).
- Ot Vremennogo Pravitelstva. Chast' ofitsialnaya [From the Provisional Government. Part of the official]. (1917). *Tomskiyeparkhialnyye vedomosti* [The Tomsk diocesan Gazette], 6/7: 103—105. (In Russ.).
- Ot Tobolskogo yeparkhialnogo nachalstva obrashcheniye k dukhovenstvu Tobolskoy yeparkhii. Chast' ofitsialnaya [From the Tobolsk diocesan authorities, an appeal to the clergy of the Tobolsk diocese. Part of the official]. (1917). *Tobolskiye eparkhialnyye vedomosti* [Tobolsk diocesan Gazette], 11/12: 117—119. (In Russ.).
- Pravitelstvennyye akty. Chast' neofitsialnaya [Government acts. Part of informal]. (1917). *Omskiye eparkhialnyye vedomosti* [Omsk diocesan Gazette], 15/16: 34—36. (In Russ.).
- Telegramma Perventvuyushchego Chlena Svyateyshego Sinoda, Mitropolita Vladimira. Chast' ofitsialnaya [Telegram of The First Member of The Holy Synod, Metropolitan Vladimir. Part of the official]. (1917). *Omskiye eparkhialnyye vedomosti* [Omsk diocesan Gazette], 10: 4. (In Russ.).
- Torzhestvo grazhdanskikh svobod v Omske. Chast' neofitsialnaya [Celebration of civil liberties in Omsk. Part of informal]. (1917). *Omskiye eparkhialnyye vedomosti* [Omsk diocesan Gazette], 12: 16—22. (In Russ.).
- Tutolmin, G. (1917). Grazhdane i syny Svyatoy Rusi. Ofitsialnyy otdel [Citizens and sons of Holy Russia. Official Department]. *Tobolskiye eparkhialnyye vedomosti* [Tobolsk diocesan Gazette], 11/12: 180. (In Russ.).
- Ukaz iz Svyateyshego Pravitelstvuyushchego Sinoda Preosvyashchennomu Silvestru, Episkopu Omskomu i Pavlodarskomu. Chast' ofitsialnaya [Decree from the most Holy governing Synod to his grace Sylvester, Bishop of Omsk and Pavlodar. Part of the official]. (1917). *Omskiye eparkhialnyye vedomosti* [Omsk diocesan Gazette], 13: 1—3. (In Russ.).
- Vsechestnomu kliru Bogom vruchennyye nam pastvy Omskiya — mir i Bozhiye blagosloveniye. Chast' neofitsialnaya [To the all-Honourable clergy, God has given us the flock of Omsk-peace and Gods blessing. Part of informal]. (1917). *Omskiye eparkhialnyye vedomosti* [Omsk diocesan Gazette], 15/16: 10—12. (In Russ.).
- Zayavleniye Velikogo Knyazyza Mikhaila. Chast' ofitsialnaya [Statement Of The Grand Duke Mikhail. Part of the official]. (1917). *Omskiye eparkhialnyye vedomosti* [Omsk diocesan Gazette], 10: 2—3. (In Russ.).

REFERENCES

- Cherepenchuk, V. S. (2015). Rossiyskaya periodicheskaya pechat' vremen Pervoy mirovoy voyny kak istoricheskiy istochnik [Russian periodical press of the First world war as a historical source]. *Vestnik Rossiyskoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian humanitarian Academy], 16 (1): 169—177. (In Russ.).
- Egorova, N. S. (2008). Revolyutsiya 1917 goda v Rossii na stranitsakh gazety «Moskovskiy listok» [Revolution of 1917 in Russia on the pages of the newspaper “Moskovsky list”].

- Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedeniye* [Bulletin of RSUH. Series: History. Philology. Culturology. Orientalism], 11: 127—131. (In Russ.).
- Garbulova, L. (2017). Padeniye tsarizma v Rossii na stranitsakh slovatskoy periodicheskoy pechati za fevral'-mart 1917 goda [The Fall of tsarism in Russia on the pages of the Slovak periodical for February-March 1917]. *Zapad — Vostok* [West-East], 10: 119—127. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-119-126. (In Russ.).
- Obukhov, L. A. (2017). Periodicheskaya pechat' kak istochnik po istorii revolyutsii 1917 goda [Periodical press as a source on the history of the revolution of 1917]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Perm University. History], 2 (37): 17—26. DOI: 10.17072/2219-3111-2017-2-17-26. (In Russ.).
- Rossiyskoye dukhovenstvo i sverzheniye monarkhii v 1917 godu. (Materialy i arkhivnyye dokumenty po istorii Rossiyskoy pravoslavnoy tserkvi)* [Russian clergy and the overthrow of the monarchy in 1917. (Materials and archival documents on the history of the Russian Orthodox Church)]. (2006). Moskva: Indrik. 504 p. (In Russ.).
- Shevtsov, V. V. (2014). Revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v osveshchenii gubernskikh vedomostey Sibiri [Revolution and civil war in the coverage of the provincial Vedomostey of Siberia]. *Novyy istoricheskiy vestnik* [New historical Bulletin], 4 (42): 31—48. (In Russ.).

Кантимирова Р. И. Деятельность Уфимского местного отделения Российского общества Красного Креста в период Первой мировой войны / Р. И. Кантимирова, О. С. Павлова // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 239—251. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-239-251.

Kantimirova, R. I., Pavlova, O. S. (2020). Activities of the Ufa Local Branch of the Russian Red Cross Society during the First World War. *Nauchnyi dialog*, 12: 239-251. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-239-251. (In Russ.).

УДК 94:614.885(470.57)“1914/1918”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-239-251

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УФИМСКОГО МЕСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© **Кантимирова Резида Ильгизаровна (2020)**, orcid.org/0000-0001-6179-9475, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и философских дисциплин, Стерлитамакский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный университет» (Стерлитамак, Россия), kantimirova.rezida@mail.ru.

© **Павлова Оксана Сергеевна (2020)**, orcid.org/0000-0002-5371-4918, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории, Стерлитамакский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный университет» (Стерлитамак, Россия), oksana.s.pavlova@mail.ru.

Рассматриваются основные направления деятельности Уфимского местного отделения Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны. Описано, что в условиях военного времени важным мероприятием стала организация Уфимским местным отделением обширного сбора пожертвований с целью создания лазаретов для раненых. Кроме этого, осуществлялась посильная материальная помощь в форме единовременных пособий раненым и получившим увечья воинам. Исследование материалов обзоров Уфимской губернии показало, что Уфимским местным отделением были организованы и отправлялись этапные лазареты в действующую армию. Отмечается, что для работы в них были созданы специальные курсы, которые осуществляли успешную подготовку штата сестер милосердия. Сообщается, что многие из них за самоотверженный и доблестный труд были представлены к наградам. Исследование общероссийских и региональных статистических материалов позволило сделать выводы о том, что на начальном этапе войны в фонд Уфимского местного отделения Российского общества Красного Креста на начала общественной благотворительности поступали значительные денежные ассигнования, которые шли на решение кризисных явлений, размеры пожертвований значительно уменьшились, что значительно осложнило дальнейшую деятельность Общества как в масштабах страны, так и на региональном уровне.

Ключевые слова: Уфимское местное отделение Российского Общества Красного Креста; община сестер милосердия; Первая мировая война; лазарет.

1. Введение

Деятельность Российского общества Красного Креста (далее — РОКК) с момента его учреждения в 1867 году и на протяжении всего дореволюционного периода характеризовалась активным его участием в деле организации медицинской и иной помощи не только на фронтах войны, но и в тылу. Особую роль РОКК его местные

отделения сыграли в годы Первой мировой войны. К этому времени РОКК накопило богатый опыт работы по организации и оказанию эффективных форм помощи не только больным и раненым военнослужащим, но и мирному населению тыла.

Отметим, что до настоящего времени различные аспекты деятельности РОКК в годы Первой мировой войны нашли отражение в дореволюционной, советской и современной отечественной историографии. Так, исследования, сложившиеся в дореволюционный период, носили преимущественно описательный характер, обобщали опыт деятельности РОКК, в том числе и с целью его популяризации [Алмазова, 1892; Бертенсон, 1892; Илинский, 1879; Орлов, 1904]. Работ, посвященных деятельности РОКК в годы Первой мировой войны, сложилось немного. В этот короткий период были опубликованы официальные отчеты о деятельности РОКК, которые содержат ценный источниковедческий материал по изучаемой проблеме [Краткий обзор ..., 1916], а в 1917 году вышла в свет брошюра «Красный Крест на войне. Совет складов и Главный склад», в которой нашли отражение лишь некоторые аспекты его деятельности [Симбирский, 1917].

В советский период события Первой мировой войны характеризовались с позиции жесткой идеологической заданности как войны империалистической, в связи с чем деятельность РОКК специально не рассматривалась либо характеризовалась в негативном контексте. Однако определенный интерес представляет работа И. В. Егорышевой, где автор на основе новых архивных данных проанализировал состав Главного управления РОКК в дореволюционный период и ряд аспектов его деятельности [Егорышева, 1981, с. 59—62].

На современном этапе развития историографии темы отмечен большой интерес к различным аспектам истории Первой мировой войны, а также в этом контексте и к деятельности РОКК как благотворительной организации и как важной составляющей военного и государственного аппарата Российской империи. В результате появился ряд научных работ и диссертаций, так или иначе затрагивающих тему деятельности РОКК в военный период [Беляева, 2002; Грицаева, 2008; Соколова, 2014; Сбирная, 2017; Чистяков, 2009]. На региональном уровне предпринимаются шаги по изучению деятельности местных отделений РОКК, но чаще всего они лишь контекстно затрагивают вопросы его функционирования в годы Первой мировой войны [Чистяков, 2010]. Исследование вопросов деятельности Уфимского местного отделения РОКК в указанный период специально не предпринималось. Так, Н. М. Бобылева рассмотрела деятельность общества Красного Креста в Башкирии в советский период, дореволюционный опыт его деятельности ею был изучен лишь контекстно [Бобылева, 2008]. Интерес представляет работа А. М. Олешковой, изучившей на материалах Урала органы управления, структуру и состав РОКК. В рамках отдельной главы автор проанализировал деятельность местных отделений общества в годы Первой мировой войны на территории Урала, в том числе и в Уфимской губернии [Олешкова, 2012]. Таким образом, специальных изысканий, посвященных деятельности Уфимского отделения РОКК, до настоящего времени не предпринималось, в связи с чем представляет интерес изучение организационных основ, характера и основных направлений его деятельности в данный период.

Статья написана на основе опубликованных и архивных источников, хранящихся в фондах Национального архива Республики Башкортостан. Были изучены материалы фонда И-425 (Уфимское местное управление Российского общества Красного Креста), которые содержат ценные сведения о содержании и направлениях деятельности Уфимского местного отделения РОКК. Из числа опубликованных источников интерес представляют материалы официального делопроизводства и статистические данные, опубликованные в отчетах РОКК, обзорах Уфимской губернии и др., а также материалы региональной периодической печати.

2. Структура, состав и организационные основы деятельности Российского общества Красного Креста и его местных отделений накануне Первой мировой войны

К началу Первой мировой войны РОКК представляло собой сложившуюся организацию, имевшую широкую сеть подчинявшихся ей учреждений. Высшим руководящим органом было Главное управление (далее — ГУ), состав которого избирался из действующих членов на общем собрании сроком на один год. Руководящую должность занимал председатель, который избирался членами управления и утверждался высочайшей покровительницей [Полное собрание законов ..., 1871, с. 433]. Каждая отдельная единица: окружное управление, местное управление, местный комитет, община — представляла собой самостоятельное целое. В наиболее отдаленных регионах страны учреждались окружные управления, которые являлись посредниками между ГУ и местными учреждениями. Управления осуществляли контроль за всеми делами в городах и других населенных пунктах, где действовали местные комитеты. Согласно выводам А. М. Олешковой, максимальное количество открытых комитетов РОКК, в том числе на Урале, пришлось на конец XIX века, когда начали работать все губернские управления. Первыми к работе приступили оренбургские и вятские отделения, позднее — пермские, последними — уфимские [Олешкова, 2012, с. 17—18]. В Уфимской губернии общественная организация Красный Крест начала свою деятельность в 1870 году как местное губернское управление РОКК [Бобылева, 2008, с. 15]. Как уже отмечалось, руководящие посты местного управления занимали губернаторы или высокопоставленные чиновники, которые имели большой опыт административной работы. Так, председателем Уфимского местного отделения Красного Креста до 1911 года был А. С. Ключарев, а после 1911 года отделение находилось под руководством губернатора И. П. Башилова.

Отметим также, что важное место в РОКК занимал институт сестринского дела, который возник задолго до образования общества и с оформлением последнего стал ключевой структурой его деятельности. Каждая община сестер милосердия (далее — ОСМ) как учреждение ОКК имела целью подготовку опытного женского санитарного персонала для ухода за больными и ранеными как в военное, так и в мирное время. Управлением общин сестер милосердия занимался Комитет, состав членов которого определялся Уставом Красного Креста. Согласно статистическим подсчетам О. М. Олешковой, комитеты уральских общин были немногочисленны,

а число их членов было примерно одинаковым во всех общинах и в среднем составляло 15—20 человек. Численный состав управления комитетов ОСМ до конца XIX века был практически неизменным, но накануне Первой мировой войны возрос почти вдвое. Отметим, что региональная особенность деятельности ОСМ на Урале состояла в том, что они выработали собственную схему управления, которая характеризовалась как коллегиальная с элементами единоличного управления (поскольку сильна была роль попечительницы). В Уфимской общине помощниками попечительницы были мужчины, что, в целом, было не типично для уральских и других ОСМ, где заместителями попечительницы являлись женщины. В среднем в комитетах и советах уральских ОСМ было до 70 % мужчин, с учетом того, что 20 % врачей, входивших в управление общинами, также были мужчинами [Олешкова, 2012, с. 20—21].

С началом войны РОКК стремилось к оказанию активной помощи военной администрации. Она нашла отражение в эвакуационной, лечебной, деятельности, снабжении питанием, а также в борьбе с эпидемическими заболеваниями. Кроме того, РОКК осуществлялись меры по оказанию помощи русским военнопленным и семьям военнослужащих. Направлениями деятельности общества в годы войны стали упорядочение подготовки персонала и увеличение его численности, создание мобилизационных планов, чего ранее не делалось, разработка единых для всего РОКК типов учреждений военного времени [Чистяков, 2009, с. 17], а также организация условий для лечения больных и раненых воинов.

К лету 1914 года состав членов РОКК насчитывал 39 000 человек, на местах работало 97 управлений и 465 комитетов. Действовали 109 общин сестер милосердия, при которых было открыто 84 больницы на 2559 коек, 9 родильных приютов, 120 амбулаторий, 10 аптек, а также несколько приютов и санаториев. К началу Первой мировой войны на службе в РОКК состояло 1000 врачей и 2500 сестер милосердия, в запасе числилось 750 сестер, еще 1000 женщин проходили обучение на курсах при общинах [Чистяков, 2009, с. 18].

3. Деятельность Уфимского местного отделения Российского общества Красного Креста по мобилизации денежных средств, организации военных лазаретов и подготовке штата сестер милосердия

Как уже отмечалось, военное время повлияло не только на формы деятельности как центральных, так и местных отделений РОКК. Мобилизационные мероприятия РОКК начало 14 июля 1914 года, еще до объявления мобилизации русской армии. Согласно мобилизационному плану, разработанному и утвержденному перед войной, общество должно было снарядить и отправить в зону военных действий 48 госпиталей по 200 коек, 37 этапных и 33 подвижных лазаретов на 50 коек каждый, а также 10 передовых отрядов [Чистяков, 2009, с. 18—19].

Сложная военная ситуация вынуждала руководство организации расширить численный состав специальных учреждений, предоставляющих медицинскую помощь пострадавшим. Наиболее крупными из них стали госпитали, которые в среднем были рассчитаны на 200 коек. Они были оснащены приемной, больничными палатами, операционной, ванной и изоляционной комнатой. Не менее серьезными

организациями РОКК стали лазареты, которые были ориентированы на стационарное лечение раненых. Госпитали и лазареты организовывались не только в районах боевых действий, но и в тылу империи. Однако уже на начальном этапе войны учреждения РОКК встретили ряд затруднений с организацией госпиталей, которые были вызваны как объективными причинами, так и недостаточной продуманностью их использования. Госпитали, как самые большие по количеству оборудования и персонала учреждения, не обладали мобильностью, также возникали серьезные проблемы с их размещением и доставкой больных из-за серьезного недостатка транспортных средств. Более компактными по размерам лечебными учреждениями РОКК являлись этапные лазареты, рассчитанные на 50 колек. Благодаря вчетверо меньшему, чем у госпиталей, количеству имущества и персонала, этапные лазареты не имели таких затруднений с размещением и вынуждены были часто заменять госпитали. За период 1914—1915 годов был сформирован и работал на театре военных действий 61 этапный лазарет, из которых на Юго-Западном фронте 19, на Западном — 21, на Северном — 20 и на Кавказском фронте — 13 [Чистяков, 2009, с. 22]. Свой вклад в их организацию внесло и Уфимское местное отделение РОКК.

Местными отделениями РОКК, в том числе и Уфимским, еще до начала войны, были осуществлены меры по реорганизации их деятельности в соответствии с условиями мобилизации. Еще в 1913 году Попечительным советом Уфимской общины был разработан, а ГУ утвержден мобилизационный план, согласно которому Уфимская община сестер милосердия должна была в 30-дневный срок со дня объявления мобилизации сформировать этапный лазарет на 50 кроватей. В результате Попечительный Совет Общины Уфимской губернии начал формирование этапного лазарета и в назначенный срок к 16 августа закончил его. Предварительно, еще до войны, предполагалось, что лазарет будет функционировать в городе Уфе. Для его деятельности было оснащено помещение в здании Общины, которое было заново отремонтировано, а имеющаяся мебель отремонтирована и частично обновлена. Однако неожиданно последовало телеграфное распоряжение ГУ общества отправить этапный лазарет в действующую армию. Таким образом, лазарет в составе старшего врача, заведующего хозяйством, 6 сестер милосердия и 10 санитаров был отправлен 17 августа к месту назначения.

В освободившемся оснащенном помещении местное управление ОКК организовало эвакуационный лазарет, в связи с чем обратилось к населению губернии с призывом о помощи пожертвованиями в пользу больных и раненых воинов. 29 августа состоялось освещение и открытие данного лазарета. Первоначально лазарет был рассчитан на 25 кроватей ввиду отсутствия достаточных средств. Однако вскоре, уже с 6 ноября, с увеличением денежных пожертвований стало возможным разместить в лазарете 50 больных и раненых. С 18 ноября в доме, который был предоставлен местному отделению купцом Кляузниковым на время войны, был открыт второй лазарет на 50 кроватей, а с 4 декабря стало действовать отделение первого лазарета на 15 кроватей в здании Уфимского приюта алкоголиков [Обзор Уфимской губернии за 1914 год, 1916, с. 100—101; НА РБ, ф. и-425, оп. 1, д. 6, л. 41]. Таким образом, к 1915 году в первом лазарете прошли лечение 232 больных

и раненых воина, во втором лазарете получил помощь 291 человек [Обзор Уфимской губернии за 1915 год, 1917, с. 81—82].

Кроме того, РОКК внимательно отслеживало число военнослужащих, поступающих на лечение в госпитали и лазареты. Справочный отдел Красного Креста составлял именные списки раненых и больных воинов. Например, в справочнике за 1916 год был представлен пофамильный список и места пребывания на лечении 73 жителей Уфимской губернии [Именной список раненых и больных воинов ..., 1916].

С началом военных действий рост патриотических настроений в губернии проявился в активизации сбора пожертвований на потребности фронта и тыла, а также в многочисленных прошениях на имя губернатора вступить в члены Уфимского местного отделения РОКК. Так, 4 октября 1914 года было отправлено прошение нотариуса А. А. Ермолова из села Давлеканово о вступлении в члены Общества при условии последующей выплаты членского взноса [НА РБ, ф. и-425, оп. 1, д. 4, л. 1].

С целью распространения патриотических настроений и общественной благотворительности губернские власти на страницах местных периодических изданий, публиковали многочисленные воззвания к населению края, чтобы привлечь пожертвования в пользу местного отделения ОКК для семей военнослужащих, а также раненых и павших воинов [Башкирия в годы ..., 2014, с. 351, 375; Уфимские губернские ведомости, 1915]. На страницах «Уфимских губернских ведомостей» размещались письма, которые содержали слова признательности населению за благотворительные взносы и участие в организации помощи нуждающимся. Так, слова высочайшей благодарности были адресованы жителям города Белебей и Белебеевского уезда, ассигновавшим в распоряжение правительства и РОКК 5000 рублей и оборудовавшим госпиталь на 100 кроватей для раненых воинов [Башкирия в годы ..., 2014, с. 345].

Всего с 21 июля по 31 декабря 1914 года денежных пожертвований в пользу больных и раненых, которые принимали лечение в уфимских лазаретах Красного Креста, было сделано на сумму 27 184 руб. 56 коп. В эту сумму вошли и специальные пожертвования на учреждение в лазаретах 50 именных коек, обеспеченных содержанием на весь период войны или на несколько месяцев. Согласно опубликованным данным, пожертвования, свидетельствовавшие об отзывчивости населения к страданиям доблестного русского воинства, были получены от разных категорий населения губернии, без различия национальности и вероисповедания [Обзор Уфимской губернии за 1914 год, 1916, с. 100—101].

Для обеспечения лазаретов бельем, перевязочными материалами и прочими необходимыми предметами Попечительным Советом Уфимской Общины была сформирована специальная мастерская по их изготовлению. Для привлечения общественности на страницах местных изданий власти публиковали обращения с просьбами об «оказании участия» этому доброму делу. Многие жители края с готовностью откликнулись предоставить бесплатно свои услуги по кройке и шитью белья в мастерской, а также выделили материальные пожертвования, приток которых к концу года достиг серьезных размеров [Обзор Уфимской губернии за 1914 год, 1916, с. 100—101].

Кроме этого, Уфимское местное отделение предоставляло обратившимся к нему раненым и увечным солдатам и офицерам посильную денежную помощь. Были выданы единовременные пособия 9 офицерским чинам от 30 до 100 рублей каждому и 1688 нижним чинам в размере от 3 до 100 рублей в зависимости от степени тяжести полученных ранений. Пособия нижним чинам выдавались из сумм состоящего в ведении ОКК Губернского попечительного о больных и раненых войнах комитета [Обзор Уфимской губернии за 1915 год, 1917, с. 81—82].

Важный вклад в дело помощи пострадавшим был внесен сестрами милосердия, которые, не жалея сил, трудились в полевых госпиталях и лазаретах. В связи с нехваткой медицинского персонала уже на начальном этапе войны ГУ РОКК было вынуждено открыть по всей стране краткосрочные курсы, по окончании которых женщинам присваивалась квалификация сестры милосердия военного времени. До февраля 1915 года сокращенные курсы при общинах окончили более 11 000 женщин. Однако масштабы затяжной войны требовали все большего количества медицинских работников для фронта, поэтому циркуляром от 26 февраля 1915 года ГУ РОКК разрешило общинам сестер милосердия начать новый набор на курсы [Чистяков, 2009, с. 20].

Деятельность местной Уфимской общины сестер милосердия главным образом была направлена на подготовку штата опытных сестер милосердия для ухода за больными и ранеными воинами. Для этого при общине действовали курсы для их подготовки.

Как уже отмечалось, с началом военных действий общиной был организован и отправлен в действующую армию этапный лазарет на 50 кроватей в составе старшего врача, заведующего хозяйством, 6 сестер милосердия и 10 санитаров. В 1915 году он был переименован в Приамурский этапный лазарет по причине перевода его содержания на средства Приамурского комитета по сбору пожертвований. Согласно отзыву особо уполномоченного РОКК при 5-й армии от 25 февраля 1915 года за № 2189, данный этапный лазарет проявил себя с лучшей стороны в отношении бережливости, порядка, работоспособности, самоотверженной работы, заботливости по уходу за больными и ранеными в тяжелых условиях, «особенно когда зачастую приходилось работать под грохот орудий и пулеметов и подавать помощь раненым, доставляемым прямо с поля сражения». За столь доблестную, эффективную деятельность лазарета все его чины были представлены к соответствующим наградам [Обзор Уфимской губернии за 1915 год, 1917, с. 82].

Кроме этого, несколько сестер милосердия местной Уфимской общины были отправлены в различные военные лазареты, которые действовали на фронте и в тылу. По приглашению главноуполномоченного внутреннего района империи, попечительницей общины была организована мастерская по изготовлению противогазовых повязок, которых было сшито 438 штук и отправлено на фронт [Обзор Уфимской губернии за 1915 год, 1917, с. 81—82].

4. Уфимское местное отделение РОКК в 1916—1917 годах: финансово-экономический аспект деятельности

На начальном этапе войны на волне патриотических настроений был отмечен рост численного состава членов РОКК, его центральных и местных отделений, что

способствовало росту денежных средств общества. Так, финансовые показатели деятельности комитетов уральских ОКК к началу русско-японской войны составляли 50 тыс. руб., а в период Первой мировой войны, превысили эту сумму и составили минимум 47 183 руб. 93 коп. в самом малочисленном управлении Уфы, максимум — 184 966 руб. 61 коп. — в Вятском Красном Кресте. Однако, несмотря на общее увеличение средств, поступления в уральские управления были нестабильными и не всегда сопровождалась положительной динамикой. При этом уральские отделения ОКК, помимо реализации уставных требований, стремились направлять полученные средства на решение локальных задач — помощь местному населению; землякам, служившим за пределами региона, их семьям и т. д. [Олешкова, 2012, с. 18—19].

Так, в 1916 году в состав Стерлитамакского местного комитета РОКК входило 37 представителей, что повлияло на увеличение капитала и расширило направления его деятельности. В указанном году уездный комитет выделил значительные благотворительные средства на оказание помощи больным и раненым воинам, которые были получены его членами с населения уезда. При отсутствии собственного лазарета и возможности на месте оказывать помощь в госпитальном лечении воинов он направлял средства в Уфимское местное управление ОКК в лазарет, при котором за счет комитета содержалось 15 кроватей. На эти цели комитетом в течение года было выделено в местное управление 2252 руб. 64 коп. Кроме того, 6 раз комитет выделял материальные пособия четырем нижним чинам, вернувшимся по ранению из действующей армии, а 2 нижних чина обеспечил одеждой.

В сентябре 1916 года Стерлитамакский местный комитет организовал отправку в действующую армию в полевой склад РОКК в город Тифлис для воинов подарки, белье и вещи, которые были предоставлены учащимися Тереклинского училища Зиргановской волости Стерлитамакского уезда и Татьянинского приходского комитета. Кроме этого, на специальные пожертвования были сделаны необходимые приобретения, которые согласно волеизъявлению жертвователей были отправлены в 3-ю летучую батарею 39-й артиллерийской бригады для передачи воинам [НА РБ, ф. и-425, оп. 1, д. 11, л. 6].

Положительная тенденция постоянного роста денежных пожертвований в пользу Уфимского местного отделения ОКК в 1915—1916 годы войны подтверждается следующими статистическими данными. Так, к 1 января 1915 года сумма благотворительных ассигнований в пользу Общества составила 21 885 руб. 13 коп., а к 1 января 1916 года — 26 768 руб. 57 коп. [НА РБ, ф. и-425, оп. 1, д. 6, л. 41—42]. В целом же на 1 января 1916 года капитал местного управления составлял 47 183 руб. 93 коп., превысив суммы предшествующих лет [НА РБ, ф. и-425, оп. 1, д. 9, л. 57].

Однако продолжительный характер войны и тяжелые обстоятельства военного времени неблагоприятно сказались на деятельности РОКК и его местных подразделений. Передовые отряды, перевязочно-питательные пункты, дезинфекционные поезда, госпитали, лазареты и многие другие формирования РОКК с трудом справлялись с быстро растущим числом тяжело пострадавших и зараженных воинов.

Кроме того, стало заметным стремительное сокращение денежных средств организации. Если к 1 января 1915 года сумма капитала РОКК составила 1 704 601 руб. [Смета текущих расходов ..., 1915, с. 11], то уже к 1 января 1917 года доходы Общества составляли лишь 152 300 руб. [Смета текущих расходов ..., 1917, с. 9]. К началу 1917 года важнейшие задачи деятельности РОКК стало решать гораздо тяжелее.

Значительное сокращение денежных ассигнований отмечается и в деятельности Уфимского местного отделения РОКК на начало 1917 года. Согласно данным Выписки из журнала общего годичного собрания членов Уфимского местного отдела РОКК, капитал пожертвований к 1 января 1917 года составил 5303 руб. 76 коп., а к 1 февраля — 1716 руб. При этом отметим, что расход средств на содержание лазаретов составлял более 4000 руб. в месяц. Как уже отмечалось, лазареты содержались исключительно на суммы, жертвуемые в пользу больных и раненых воинов, их резкое уменьшение в губернии объяснялось, прежде всего, уменьшением материального уровня жизни населения и постоянным повышением цен на товары первой необходимости [НА РБ, ф. и-425, оп. 1, д. 6, л. 41]. По ходатайству местного управления главноуполномоченный внутреннего района империи распорядился выделять пособие в виде посуточной платы в размере 95 копеек за каждого раненого за действительное количество дней, проведенных им в лазаретах. Однако такого пособия было недостаточно, и содержание лазаретов на февраль 1917 не было обеспечено. В связи с таким положением дел местное управление сделало запрос о возможном закрытии одного из лазаретов, но ответ так и не был получен [НА РБ, ф. и-425, оп. 1, д. 6, л. 41—42].

Кроме того, к ноябрю 1917 года наблюдалось стремительное сокращение сумм жалований, выплачиваемых медицинскому персоналу. Если в лазаретах Союза городов младшие врачи получали до 280 рублей, а старшие до 330 рублей, то врачам лазаретов РОКК выплачивалось жалование в размере 150 рублей [НА РБ, ф. и-425, оп. 1, д. 6, л. 40]. Ситуация осложнялась и наличием случаев невыплаты членских взносов. Так, в Уфимском местном отделении в конце 1916 — начале 1917 годов числился 31 должник, которым неоднократно высылались напоминания о необходимости уплаты соответствующих взносов [НА РБ, ф. и-425, оп. 1, д. 11, л. 5]. Данные обстоятельства оказали негативное влияние на осуществление основных направлений деятельности РОКК и его отделения в Уфимской губернии.

5. Заключение

Таким образом, в условиях военного времени Уфимское местное отделение РОКК внесло посильный вклад в организацию помощи фронту и раненым солдатам. Как в масштабах страны, так и в Уфимской губернии удалось организовать широкий сбор пожертвований, значительные суммы которых шли на создание лазаретов для раненых солдат и офицеров. Местное управление оказывало обращавшимся к нему раненым и увечным воинским чинам посильную денежную помощь в виде единовременных пособий. Уфимским местным отделением были организованы и отправлялись этапные лазареты в действующую армию. Уфимская местная община в начале войны организовала курсы и вела успешную подготовку сестер

милосердия, которые в дальнейшем были командированы в военные госпитали, где самоотверженно оказывали помощь раненым воинам на фронтах войны.

Анализ опубликованных и архивных статистических источников свидетельствует о том, что если на начальном этапе войны значительные денежные пожертвования в форме общественной благотворительности Уфимскому отделению РОКК были достаточны для решения насущных задач военного времени, то уже к 1917 году в условиях затяжного характера войны, осложняемого нараставшим социально-экономическим и внутривосточным кризисом, размеры пожертвований в пользу РОКК и его местных отделений снизились, что серьезно ограничило возможности реализации мер помощи пострадавшим.

Источники и принятые сокращения

1. *Башкирия* в годы Первой мировой войны. 1914—1918 : сборник документов и материалов / сост. Р. Н. Рахимов [и др.]. — Уфа : Китап, 2014. — 488 с.

2. *Именной* список раненых и больных воинов, находящихся в госпиталях и лазаретах: по сведениям Справочного отдела Красного Креста. — Петроград : Сельские Вести, 1916. — 176 с.

3. *Краткий* обзор деятельности РОКК по оказанию помощи больным и раненым воинам на театрах войны с Австро-Венгрией, Германией и Турцией в 1914—1915 гг. — Петроград, 1916. — 91 с.

4. НА РБ. — *Национальный* архив Республики Башкортостан. Ф. И-425. Оп. 1. Д. 4; Ф. И-425. Оп. 1. Д. 5; Ф. И-425. Оп. 1. Д. 6; Ф. И-425. Оп. 1. Д. 9; Ф. И-425. Оп. 1. Д. 11.

5. *Обзор* Уфимской губернии за 1914 год. — Уфа : Губернская Электрическая Типография, 1916. — 128 с.

6. *Обзор* Уфимской губернии за 1915 год. — Уфа : Губернская Электрическая Типография, 1917. — 98 с.

7. *Полное* собрание законов Российской империи [Электронный ресурс]. — Санкт-Петербург, 1871. — Собрание второе. Том 42, От. 1. — Режим доступа: <http://elibrary.ru/nodes/404-otd-nie-1-ot-44078-4894-871#mode/inspect/page/439/zoom/6> (дата обращения: 06.11.2020).

8. *Смета* текущих расходных средств Главного управления Российского общества Красного Креста на 1915 год. — Петроград : Государственная Типография, 1915. — 32 с.

9. *Смета* текущих расходных средств Главного управления Российского общества Красного Креста на 1917 год. — Петроград : Государственная Типография, 1917. — 29 с.

10. *Уфимские* губернские ведомости : газета. — 1915. — 5 декабря.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алмазова Н. И.* К двадцатипятилетию Российского общества Красного Креста / Н. И. Алмазова. — Москва : Унив. типография, 1892. — 24 с.

2. *Беляева М. В.* Российское общество Красного Креста в истории России 1867—1921 : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / М. В. Беляева. — Ставрополь, 2002. — 22 с.

3. *Бертенсон И. В.* Императрица Мария Александровна в ее заботах о деятельности Российского Общества Красного Креста / И. В. Бертенсон. — Санкт-Петербург : Типография В. С. Балашова, 1892. — 14 с.

4. *Бобылева Н. М.* Создание и развитие общества Красного Креста и Красного Полумесяца в Башкортостане (конец XIX — начало XX веков) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / Н. М. Бобылева. — Москва, 2008. — 17 с.

5. *Грицаева А. Н.* Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / А. Н. Грицаева. — Москва, 2008. — 17 с.
6. *Егорышева И. В.* Новые данные из истории Красного Креста в дореволюционной России / И. В. Егорышева // Советское здравоохранение. — 1981. — № 2. — С. 59—62.
7. *Илинский П. А.* Русская женщина в войну 1877—1878 гг. : очерк деятельности сестер милосердия, фельдшер и женщин-врачей / П. А. Илинский. — Санкт-Петербург : Типо-Литография Л. И. Шмидта, 1879. — 277 с.
8. *Олешкова А. М.* Эволюция организации и деятельности Российского общества Красного Креста во второй пол. XIX в. — 1917 г. (на материалах Урала) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / А. М. Олешкова. — Екатеринбург, 2012. — 30 с.
9. *Орлов В. Д.* Русский Красный Крест и его задачи в военное и мирное время / В. Д. Орлов. — Киев : Типография Императорского Университета св. Владимира, 1904. — 36 с.
10. *Симбирский Н.* Красный Крест на войне / Н. Симбирский. — Петроград : Якорь, 1917. — 155 с.
11. *Соколова В. А.* Российское общество Красного Креста (1867—1918 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук / В. А. Соколова. — Санкт-Петербург, 2014. — 302 с.
12. *Срибная А. В.* Сестры милосердия в годы Первой мировой войны / А. В. Срибная. — Москва : ПСТГУ, 2017. — 192 с.
13. *Чистяков О. В.* Владивостокский местный комитет Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны / О. В. Чистяков // Россия и АТР. — 2010. — № 1. — С. 14—19.
14. *Чистяков О. В.* Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны: 1914—1918 гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / О. В. Чистяков. — Москва, 2009. — 26 с.

ACTIVITIES OF THE UFA LOCAL BRANCH OF THE RUSSIAN RED CROSS SOCIETY DURING THE FIRST WORLD WAR

© **Rezida I. Kantimirova (2020)**, orcid.org/0000-0001-6179-9475, PhD in History, Associate Professor, Department of General History and Philosophical Disciplines, Sterlitamak Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Bashkir State University” (Sterlitamak, Russia), kantimirova.rezida@mail.ru.

© **Oksana S. Pavlova (2020)**, orcid.org/0000-0002-5371-4918, PhD in History, Associate Professor, Department of History of the Fatherland and Methods of Teaching History, Sterlitamak Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Bashkir State University” (Sterlitamak, Russia), oksana.s.pavlova@mail.ru.

The main directions of activity of the Ufa local branch of the Russian Red Cross Society during the First World War are considered. It is described that during wartime an important event was the organization by the Ufa local branch of an extensive collection of donations in order to create infirmaries for the wounded. In addition, feasible material assistance was provided in the form of one-time benefits to the wounded and injured soldiers. The study of materials from the reviews of the Ufa province showed that the Ufa local branch organized and sent stage infirmaries to the army. It is noted that special courses to work in them, which successfully trained the staff of sisters of mercy, were created. It is reported that many of them were presented with awards for their selfless and valiant work. The study of all-Russian and regional statistical materials made it possible to conclude that at the initial stage of the war, the fund of the Ufa local branch of the Russian Red Cross Society received

significant financial allocations on the basis of public charity, which were used to solve the necessary wartime tasks. It is emphasized that by 1917, amid the growing crisis, the amount of donations significantly decreased, which significantly complicated the further activities of the Society both on a national scale and at the regional level.

Key words: Ufa local branch of the Russian Red Cross Society; community of sisters of mercy; World War I; infirmary.

MATERIAL RESOURCES

- Imennoy spisok ranenyykh i bolnykh voynov, nakhodyashchikhsya v gospiyalnykh i lazaretakh: po svedeniyam Spravochnogo otdela Krasnogo Kresta* [Name list of wounded and sick soldiers in hospitals and infirmaries: according to the Information Department of the Red Cross]. (1916). Petrograd: Selskiye Vesti. 176 p. (In Russ.).
- Kratkiy obzor deyatelnosti ROKK po okazaniyu pomoshchi bolnyim i ranenym voynam na teatrkh voyny s Avstro-Vengriey, Germaniyei i Turtsiyei v 1914—1915 gg.* [A brief overview of the activities of the RRCS in providing assistance to sick and wounded soldiers in the theaters of the war with Austria-Hungary, Germany and Turkey in 1914—1915]. (1916). Petrograd. 91 p. (In Russ.).
- NA RB. — *Natsionalnyy arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archives of the Republic of Bashkortostan]. F. I-425. (In Russ.).
- Obzor Ufimskoy gubernii za 1914 god* [Overview of the Ufa province for 1914]. (1916). Ufa: Gubernskaya Elektricheskaya Tipografiya. 128 p. (In Russ.).
- Obzor Ufimskoy gubernii za 1915 god* [Overview of the Ufa province for 1915]. (1917). Ufa: Gubernskaya Elektricheskaya Tipografiya. 98 p. (In Russ.).
- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye vtoroye, 42/1* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Second meeting] (1871). Sankt-Peterburg. Available at: <http://elibrary.ru/nodes/404-otd-nie-1-ot-44078-4894-871#mode/inspect/page/439/zoom/6> (accessed: 06.11.2020). (In Russ.).
- Rakhimov, R. N. (ed.). (2014). *Bashkiriya v gody Pervoy mirovoy voyny. 1914—1918: sbornik dokumentov i materialov* [Bashkiria during the First World War. 1914—1918: collection of documents and materials]. Ufa: Kitap. 488 p. (In Russ.).
- Smeta tekushchikh raskhodnykh sredstv Glavnogo upravleniya Rossiyskogo obshchestva Krasnogo Kresta na 1915 god* [Estimated current expenditure funds of the Main Directorate of the Russian Red Cross Society for 1915]. (1915). Petrograd: Gosudarstvennaya Tipografiya. 32 p. (In Russ.).
- Smeta tekushchikh raskhodnykh sredstv Glavnogo upravleniya Rossiyskogo obshchestva Krasnogo Kresta na 1917 god* [Estimated current expenditure funds of the Main Directorate of the Russian Red Cross Society for 1917]. (1917). Petrograd: Gosudarstvennaya Tipografiya. 29 p. (In Russ.).
- Ufimskiy gubernskiy vedomosti: gazeta* [Ufa provincial vedomosti: newspaper]. (1915). 5 dekabrnya. (In Russ.).

REFERENCES

- Almazova, N. I. (1892). *K dvadtsatipyatiletiiu Rossiyskogo obshchestva Krasnogo Kresta* [To the twenty-fifth anniversary of the Russian Red Cross Society]. Moskva: Univ. tipografiya. 24 p. (In Russ.).
- Belyaeva, M. V. (2002). *Rossiyskoye obshchestvo Krasnogo Kresta v istorii Rossii 1867—1921: avtor's abstract of Ph.D. Diss* [The Russian Red Cross Society in the history of Russia 1867—1921: author's abstract of Ph.D. Diss]. Stavropol. 22 p. (In Russ.).
- Bertenson, I. V. (1892). *Imperatriza Mariya Aleksandrovna v ee zabotakh o deyatelnosti Rossiyskogo Obshchestva Krasnogo Kresta* [Empress Maria Alexandrovna in her concern

- for the activities of the Russian Red Cross Society]. Sankt-Peterburg: Tipografiya V. S. Balashova. 14 p. (In Russ.).
- Bobyleva, N. M. (2008). *Sozdaniye i razvitiye obshchestva Krasnogo Kresta i Krasnogo Polumesyatsa v Bashkortastane (konets XIX — nachalo XX vekov): author's abstract of PhD. Diss* [Creation and development of the Red Cross and Red Crescent Society in Bashkortstan (late 19th — early 20th centuries): author's abstract of PhD. Diss]. Moskva. 17 p. (In Russ.).
- Chistyakov, O. V. (2009). *Organizatsionnoye ustroystvo i deyatelnost' Rossiyskogo obshchestva Krasnogo Kresta v gody Pervoy mirovoy voyny: 1914—1918 gg: author's abstract of PhD. Diss* [Organizational structure and activities of the Russian Red Cross Society during the First World War: 1914-1918: author's abstract of PhD. Diss]. Moskva. 26 p. (In Russ.).
- Chistyakov, O. V. (2010). Vladivostokskiy mestnyy komitet Rossiyskogo obshchestva Krasnogo Kresta v gody Pervoy mirovoy voyny [Vladivostok Local Committee of the Russian Red Cross Society during the First World War]. *Rossiya i ATR* [Russia and Asia-Pacific], 1: 14—19. (In Russ.).
- Egorysheva, I. V. (1981). Novyye dannye iz istorii Krasnogo Kresta v dorevolutsionnoy Rossii [New data from the history of the Red Cross in pre-revolutionary Russia]. *Sovetskoye zdavookhraneniye* [Soviet healthcare], 2: 59—62. (In Russ.).
- Gritsaeva, A. N. (2008). *Blagotvoritel'nost' v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 — fevral' 1917 gg.): author's abstract of PhD. Diss* [Charity in Russia during the First World War (1914 — February 1917): author's abstract of PhD. Diss]. Moskva. 17 p. (In Russ.).
- Ilinskiy, P. A. (1879). *Russkaya zhenshchina v voynu 1877—1878 gg.: ocherk deyatelnosti sester miloserdniya, feldsherits i zhenshchin-vrachey* [Russian woman in the war of 1877—1878: an essay on the activities of sisters of mercy, paramedics and female doctors]. Sankt-Peterburg: Tipo-Litografiya L. I. Shmidta. 277 p. (In Russ.).
- Oleshkova, A. M. (2012). *Evolutsiya organizatsii i deyatelnosti Rossiyskogo obshchestva Krasnogo Kresta vo vtoroy pol. XIX v. — 1917 g. (na materialakh Urala): author's abstract of PhD. Diss* [The evolution of the organization and activities of the Russian Red Cross Society in the second half. XIX century. — 1917 (based on materials from the Urals): author's abstract of PhD. Diss]. Ekaterinburg. 30 p. (In Russ.).
- Orlov, V. D. (1904). *Russkiy Krasnyy Krest i ego zadachi v voennoye i mirnoye vremya* [Russian Red Cross and its tasks in war and peacetime]. Kiev: Tipografiya Imperatorskogo Universiteta sv. Vladimira. 36 p. (In Russ.).
- Simbirskiy, N. (1917). *Krasnyy Krest na voyne* [Red Cross at war]. Petrograd: Yakor'. 155 p. (In Russ.).
- Sokolova, V. A. (2014). *Rossiyskoye obshchestvo Krasnogo Kresta (1867—1918 gg.)*. Doct. Diss. [Russian Red Cross Society (1867—1918). Doct. Diss.]. Sankt-Peterburg. 302 p. (In Russ.).
- Sribnaya, A. V. (2017). *Sestry miloserdniya v gody Pervoy mirovoy voyny* [Sisters of Mercy during the First World War]. Moskva: PSTGU. 192 p. (In Russ.).

Кондратьев С. В. Въезд в Исфахан русского посольства и дипломатические приемы в Сефевидском государстве (по воспоминаниям Джона Белла) / С. В. Кондратьев // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 252—261. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-252-261.

Kondratiev, S. V. (2020). Entry of the Russian Embassy to Isfahan and Diplomatic Receptions in the Safavid State (according to the Memoirs of John Bell). *Nauchnyi dialog*, 12: 252-261. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-252-261. (In Russ.).

УДК 94:341.75(55)“1716/1717”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-252-261

ВЪЕЗД В ИСФАХАН РУССКОГО ПОСОЛЬСТВА И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В СЕФЕВИДСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ДЖОНА БЕЛЛА)¹

© Кондратьев Сергей Витальевич (2020), orcid.org/0000-0002-9861-5032, доктор исторических наук, профессор кафедры новой истории и мировой политики, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет» (Тюмень, Россия), sk.tm@mail.ru.

Статья посвящена церемониальным ритуальным дипломатическим практикам, принятым при персидском сефевидском дворе времен правления шаха Султан-Хусейна (1694—1722), описанным шотландским медиком Джоном Беллом, который был участником российского посольства Артемия Волинского в Исфахан (1717). Отмечено, что Джон Белл с разной степенью детализации запечатлел порядок въезда иностранных дипломатических миссий в Исфахан, движение по улицам столицы и последовательную структуру въезда русского посольства. В статье показано, что в Сефевидской Персии существовал тщательно разработанный церемониал и этикет приема иностранных посольств. Автор считает, что церемониальным пространством выступала сама столица Исфахан, ее пригороды, главная шахская резиденция Талар-и Тавила, загородные резиденции шаха. Доказано, что сефевидский церемониал предполагал пышную встречу посольства на подъезде к столице, ее сопровождение до места размещения, торжественный въезд в столицу, прием у шаха с вручением верительных грамот и трапезой. Сопоставительный анализ различных по степени репрезентативности приемов шаха и высших должностных лиц позволил прийти к выводу, что шахские приемы носили исключительно церемониальный характер, тогда как на приемах высших должностных лиц могли обсуждаться важные политические вопросы. Отмечается, что приемы высших должностных лиц могли пышностью превосходить приемы шаха.

Ключевые слова: Посольство Артемия Волинского; Джон Белл; шах Султан Хусейн; Персия; Исфахан; двор; церемониал.

1. Введение

Проблема институционального оформления власти и ее церемониального оформления, когда-то считавшаяся периферийной или даже маргинальной [Starkey, 1986, p. 29—58], последние полвека прочно удерживает внимание историков. Отметим, что и отечественные исследователи много и плодотворно изучают церемониальные практики и этикет в институциональном придворном пространстве евро-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 20-09-42055. «Джон Белл и его “Путешествия из Санкт-Петербурга по России в различные части Азии (1715—1722)”: исследование, перевод, предисловие, комментарии».

пейских монархий раннего Нового времени [Шикуло, 2017, с. 71—109; Шишки, 2020]. К восточным монархиям это относится в меньшей степени. Хотя здесь есть интересные зарубежные работы по Османской Турции и Империи Великих Моголов в Индии [Pedani, 2009, S. 287—300; Fluechter, 2016, S. 89—120]. Особенно аскетичной выглядит ситуация с изучением репрезентативных дипломатических церемониальных практик в Сефевидской Персии.

Думается, что повествования иностранных путешественников о дипломатических церемониальных практиках двора Сефевидов обладают значительным информационным потенциалом и способны пролить свет на проблему.

Джон Белл, который в составе посольства Артемия Петровича Волынского посетил Персию в 1716—1718 годах, оставил содержательные сведения о дворе шаха Султан Хусейна (1694—1722) [Bell, 1763, p. 97—128]. О самом Джоне Белле известно немного. Пока никто не взял на себя труд реконструировать его биографию в деталях. Джон Белл (1691—1780) родился в 1691 году в Антермони, небольшом поместье в приходе Кэмпси в графстве Стерлингшир Шотландии, которое находится примерно в 20 милях от Глазго. Между 1707 и 1712 годами шотландец изучал медицину в университете Глазго. Спустя год, «заполучив, — как он пишет, — рекомендательные письма от некоторых достойных людей», молодой медик отправился в Россию к Роберту Арескину (Robert Areskine), лейб-медику Петра I [Bell, 1763, p. XIII]. В таком перемещении не было ничего удивительного. Шотландцы часто отправлялись за границу в поисках лучшей доли. Р. Арескин к тому же был якобитом, то есть поддерживал наследников свергнутого в 1688 году Якова II, которых в России оказалось особенно много [Wills, 2002]. В 1714 году по протекции Р. Арескина Джон Белл поступил на русскую службу медиком и в этом качестве отправился в 1715 году в составе посольства Артемия Волынского в Персию, куда оно добиралось почти год. После Персии Джон Белл в составе посольства Андрея Петровича Измайлова посетил Китай (1719—1722) и вместе с Петром I побывал в Дербенте (1722). Следующие двенадцать лет Джон Белл провел в Британии. В Россию шотландец вернулся в 1734 году, где стал секретарем британского посла в России Клавдия Рондо (Claudius Rondeau), который после трехлетнего пребывания Джона Белла в Петербурге отправил его в 1737 году в Турцию с дипломатической миссией. Пробыв там полгода, Джон Белл вернулся в Петербург. Спустя два года (1740) он вновь оказался в Константинополе, где до 1746 года пребывал в качестве торговца, после чего он окончательно вернулся в Британию. В 1763 году были опубликованы его «Путешествия из Санкт-Петербурга в различные части Азии» [Harrison]. Отметим, что Джон Белл был одновременно агентом английской Московской торговой компании [Romaniello, 2019, p. 11], и эта сторона деятельности, скрытая им от читателя, вызывает особый интерес и много вопросов, остающихся без ответа.

2. Въезд посольства в Исфахан и приемы у шаха Султана Хусейна

Покинув Санкт-Петербург 15 июля 1715 года, русское посольство добралось до Исфахана только в конце первой декады марта 1716 года. 11 марта оно остановилось в селении Даулатабад в полутора десятке верст от Сефевидской столицы

[Bell, 1763, p. 95; Бушев, 1978, с. 88]. Спустя два дня встречать посольство приехал в окружении свиты мехмандар-баши, который отвечал за прием иностранных послов, и посольство в сопровождении придворных переехало в шахский дворец Таухчи, расположенный в предместье города [Bell, 1763, p. 95].

Официальный торжественный въезд русского посольства в Исфахан состоялся 14 марта 1716 года, во второй половине дня. Порядок въезда, по Джону Беллу, выглядит следующим образом: «Вахмайстер. Три драгуна. Литаврщик. Четыре трубача. Тридцать драгун, по трое в ряд с обнаженными палашами. Шесть свободных лошадей с роскошными чепраками. Гофмейстер. Двенадцать лакеев. Два пажа. Три лакея. Два толмача. Два гайдука, одетых по-венгерски. Посол с мехмандар-баши и толмачом. Священник и один дворянин. Я (Джон Белл имеет в виду себя лично. — С. К.) и один дворянин. Два канцеляриста. Фолькonerы, охотники и прочие» [Ibid., p. 96—97].

Улицы столицы, по которым двигалось посольство, и плоские крыши домов оказались заполнены людьми, от толп которых страже пришлось расчищать дорогу [Ibid., p. 96]. В конце пути посольство ждала резиденция для размещения — «благородный дворец с садом, тремя дворами и пригодными для посла и всего посольства покоями в центре города» [Ibid.].

Вероятно, въезд любого посланника должен был символизировать величие страны или даже компании, которую, он представлял. Дж. Белл кратко упоминает о «торжественном» въезде в Исфахан посланного из Ботавии (Индонезия, о. Ява) уполномоченного голландской Ост-Индской компании господина Ван Кейтлара, который состоялся 18 мая 1717 года, в следующих выражениях: «Впереди вели шесть слонов, посланных губернатором в подарок шаху. Голландца сопровождала многочисленная свита и несколько дворян. Сам он выглядел так величественно, как если бы был министром (“министром” тогда называли дипломата в ранге посланника. — С. К.) какого-нибудь европейского двора» [Ibid., p. 111].

Первая аудиенция у шаха состоялась только 4 мая 1716 года. Полтора месяца ушло на различные согласования и дискуссии, в том числе церемониального характера [Бушев, 1978, с. 93—109].

Порядок движения посольской процессии на шахский прием был аналогичен порядку въезда в столицу, небольшое отличие состояло в том, что драгуны не обнажали палашей. Процессии предстояло пересечь торговую площадь, которую Дж. Белл именует «базаром». К сожалению, автор не оставил описание геометрически правильного исфаханского майдана (посмотреть и почитать описание можно здесь: [Mısra, 2015, p. 59, 62]). Миновав «базар», процессия остановилась у перегороженных цепью ворот Али-Капу («божьи ворота»), которые вместе с примыкающими с двух сторон длинными павильонами отделяли административные здания, сады и резиденции шаха от города. Здесь процессия спешила, ибо, как отмечает автор, никто, кроме шаха, не мог проезжать через ворота верхом [Bell, 1763, p. 99].

Посол со свитой прошел под сводами Али-Капу сквозь строй стоящей с двух сторон стражи, вступил во внутренний двор и через некоторое время оказался у сводчатых ворот, где стояли покрытые коврами скамейки, на одну из которых

Вольнскому предложили присесть. Ждать пришлось «по крайней мере, два часа». Пока посол скучал, мимо в парадном платье прошествовали министры и должностные лица двора. Затем провели украшенного золотом и серебром большого слона с погонщиком на спине и на массивной золотой цепи двух львов. Наконец, появился неназванный Дж. Беллом чиновник, который сообщил, что шах готов принять посла [Ibid.].

Преодолев сводчатые ворота, русское посольство оказалось в просторном саду, где его встретила «двадцатка стоящих в ряд богато убранных великолепных коней, с украшенными золотом и серебром седлами и уздечками». А некоторые кони «сверкали сапфирами, изумрудами и другими драгоценными камнями большой ценности». Кони удерживались на месте канатом, который крепился вбитыми в землю золотыми приколами и золотыми цепями, сковывающими их задние ноги. Затем процессия прошла мимо львов, которые легли перед послем ниц, и слона, преклонившего по команде погонщика колена [Ibid., p. 99—101].

Процессия повернула влево и увидела в отдалении Талар-и Тавила — предназначенную для приема иностранных делегаций специальную просторную с террасной крышей залу-дворец. Перед ее широким и высоким крыльцом (собственно, оно и есть «талар». — *С. К.*), которое занимало все пространство между двумя крайними стенами, бил тремя струями фонтан. У ступенек крыльца всех заставили разуться и оставить слуг. В залу, где «лилась мелодичная музыка» и звучал читаемый непрерывно муфтием Коран, впустили посла и еще шестерых членов посольства, включая его медика, которые поднялись по восьми мраморным ступеням. Дж. Белл сообщает, что сводчатый потолок залы, а также все стены почти до пола были облицованы зеркалами, а пол покрыт вышитыми золотом и серебром шелковыми коврами. В середине залы находилось еще два фонтана. Зала заканчивалась «полукругом», где пол был на «четыре ступени» выше, чем в самой зале. Там на софе, скрестив под собой ноги, восседал шах Султан Хусейн в окружении двадцати евнухов, каждый из которых церемониально держал кто саблю, кто лук, кто колчан со стрелами, кто кальян [Ibid., p. 101—102].

Войдя в палату, российская делегация замерла на несколько минут у первого фонтана, выказывая большое почтение правителю Персии. Все сняли шляпы и отвесили поклон в сторону шаха. В дальнейшем, в ходе всего приема, головы не обнажали. Посла встретил эшикагаси-баши (тюрок. «глава начальников порога». — *С. К.*), то есть главный церемониймейстер, или главный камергер, шахского двора. «На расстоянии шести ярдов от трона церемониймейстер взял посла за руку и повел его к шаху». Посол пошел было напрямую к шахской софе, чтобы вручить верительные грамоты, но его остановил этимад ад-дауле (великий визирь) Фатх Али Хан Дагистани. «Он принял бумаги и положил их перед шахом, который в знак уважения коснулся грамот рукой». Затем посол произнес краткую речь, ответ на которую с «подобающими любезностями» шах передал через этимад ад-дауле. Последовали вопросы о здоровье царя Петра I, о шведской войне и о трудностях пути, которые претерпел посол. Вольнский отвечал «подобающим образом» [Ibid., p. 102—104, 107].

Пока посол говорил, «пятьдесят человек» принесли к входу в залу царские дары Султан Хусейну, состоящие из «дорогих мехов, соколов, различных ценных сортов чая, нескольких музыкальных, а также нескольких золотых часов с бриллиантами и прочего» [Ibid., p. 104].

Пришло время усадить посла и членов делегации. Волынского посадили параллельно с шахом на расстоянии, примерно в 10 ярдов, а за его спиной разместились остальные. «Как только посол занял свое место, все министры шаха сели рядами по обеим сторонам палаты так, чтобы их бедра легли на голени и пятки. Никому, — поясняет Дж. Белл, — в присутствии шаха не дозволяется сидеть, скрестив ноги» [Ibid., p. 105].

В ходе наступившей трапезы посол и шах общались через двух переводчиков: шах говорил на фарси, его переводил на турецкий эшикагаси-баши, Волынский — по-русски, его слова на турецкий переводил толмач российского посольства. Остальные хранили молчание, фоном этой беседы служила музыка и непрекращающееся монотонное чтение Корана муфтием [Ibid.].

Трапеза состояла из двух частей. Сначала перед всеми поставили по маленькому столику со сладостями, послу при этом, выказывая тем особое почтение, принесли кальян. Также в золотых чашах подали воду со льдом. Затем «примерно через час вошло множество слуг, которые внесли на своих головах огромные квадратные корзины с едой. Вначале поднесли шаху, затем — послу и его свите и после них — государственным чиновникам, сидевшим в палате. Гофмейстер двора прислуживал шаху, а всем остальным — его чины в соответствии с рангом каждого». Слуг посольства в это время потчевали в саду [Ibid., p. 105—106].

Угощение состояло из различных видов сваренного с маслом риса, птицы, баранины, а также отварного и жареного мяса ягненка. Еду подавали на больших золотых или фарфоровых блюдах, которые расставляли на длинную скатерть, застилавшую ковер. Между ними размещались блюда, наполненные ароматными травами, сахаром и уксусом. Из напитков предлагали только шербет и холодную воду со льдом. Все, включая шаха, ели руками. Вместо салфеток, использовали тонкие пшеничные лепешки, которыми вытирали пальцы [Ibid., p. 106].

Момент окончания приема остался незафиксированным. Отмечено только, что по окончании трапезы посол и делегация в сопровождении мехмандар-баши вернулись в отведенные им в Исфахане покои, а на улицах, ограждая «от безбрежных волн народа», стояла стража [Ibid., p. 107].

Шах принимал Волынского еще трижды. Но все эти аудиенции описаны Дж. Беллом весьма скупно, хотя очевидно, что он на них присутствовал. 11 мая 1717 года состоялся второй прием в том же дворце Талар-и Тавила, который, как отмечалось, «был краток и не предполагал развлечений». 12 июня 1717 года шах принял Волынского в загородном, утопающем среди парка с фонтанами и каскадами водопадов дворце Фарабад. О самом приеме не сказано ничего. Ужин упомянут только потому, что он фактически не состоялся, ибо «налетел такой буйный ветер, что унес почти все, что стояло, сдул даже тонкие широкие лепешки, которыми персы пользуются вместо салфеток» [Ibid., p. 110, 114—115]. 3 июля, лаконично сооб-

щает Дж. Белл, «посол имел последнюю аудиенцию у шаха. Она была в городском дворце. Получив ответ шаха на послание царя, посол тут же попрощался и покинул дворец без долгих церемоний» [Ibid., p. 117].

Своеобразными послесловиями аудиенций были присылаемые шахом послу дары.

Вечером 4 мая 1716 года, после первого приема, «шах прислал в подарок послу золотой кальян, который он курил при дворе. Тот был изящно отделан филигранью и стоил от сорока до пятидесяти фунтов стерлингов». С кальяном были присланы также «двадцать больших блюд из чистого золота, наполненных различными сладостями». Блюда были тяжелые, весом около 13 фунтов. Правда, их истребовали обратно спустя полтора месяца [Ibid., p. 107—108].

На следующий день, после второго приема (12 мая 1717 года) «послу доставили от шаха в подарок превосходное ширазское вино и золотую бутылку, вмещавшую около двух кварт, с маленькой чашкой из того же металла» [Ibid., p. 110].

О подарках после третьей аудиенции (12 июня 1717 года) ничего не сообщается, вероятно, их не было. Но 23 июня мехмандар-баши принес от шаха послание, что тот считает миссию российского посольства законченной, и затем, 1 июля 1717 года, были присланы дары послу и членам посольства. По принятому при шахском дворе обыкновению, отмечает Дж. Белл, это были «халаты», которые описаны как «длинные кафтаны из золотой и серебряной парчи», к каждому из которых прилагался кушак и чалма. Прислали также куски персидского шелка, из них на долю Дж. Белла, сообщает он, «выпало около дюжины». Лично послу шах прислал также «в подарок двух прекрасных коней из своей конюшни» [Ibid., p. 114, 116, 117].

Кроме того, 8 июля в подарок царю посол получил «слона, двух львов, двух леопардов, шесть разных обезьян, трех — двух белых и одного зеленого — попугаев, трех добрых коней и индийскую птицу, называемой майна, которая цветом, формой и размером напоминает черного дрозда и поет прекрасными звуками» [Ibid., p. —118].

3. Приемы посла Артемия Вольнского другими должностными лицами

Послу и по статусу, и по долгу службы гораздо больше приходилось контактировать с должностными лицами шахского двора, чем с самим шахом.

Первым, кто после шаха устроил послу торжественный прием, был этимад ад-дауле (великий визирь) Фатх Али Хан Дагистани, которого Дж. Белл именуется по национальности грузином, хотя он был лезгином, отправленным когда-то своим отцом Сафи Коли Ханом в Исфахан и выросшим при дворе [Matthee, 2012, p. 206—213]. Прием проходил 9 мая 1717 года в большом дворце с прекрасным садом и «напоминал шахский, только был еще более пышным» [Bell, 1763, p. 109]. 15 мая состоялась вторая аудиенция посла у этимад ад-довле, которая скорее представляла собой рабочее совещание, а не прием. Ибо Дж. Белл ограничился лишь краткой констатацией: «Обсуждали вопросы, ради которых прибыло посольство» [Ibid., p. 110]. Встреч Артемия Вольнского и Фатх Али Хана Дагистани, безусловно, было больше [Бушев, 1978, с. 110, 121, 126, 142, 159, 163, 173], но Дж. Белл ограничился краткими упоминаниями, как мы видим, двух.

Зато автор подробно описал прием, который устроил в честь российского посла доруги-и дафтар, «хранитель большой шахской печати и канцлер» [Bell, 1763, p. 115]. Должность начальника шахской канцелярии и хранителя регистра государственных доходов занимал Мирза Рафи, доверенное лицо эгимад ад-дауле Фатх Али Хана Дагистани [Бушев, 1978, с. 131]. «Мы оказались, — пишет Дж. Белл, — на приеме, превосходящем пышностью прием первого министра и даже прием шаха. Мы вошли, и почти сразу нам подали множество разнообразных сладостей и все те фрукты, которые здесь произрастают. Попеременно носили кофе и шербет. Посла усадили на стул, а остальные сидели, скрестив ноги, на коврах. Во время пиршества нас развлекали пением и музыкой, а также танцами мальчиков, выступлениями акробатов, кукольников и жонглеров. Все артисты исполняли свои номера с большим мастерством. Был там номер, когда один молодой человек сбил ногой чалму другого, и из него выпало пятнадцать или двадцать больших змей, которые быстро расползлись по залу. Одна из них подползла ко мне с великим проворством и заставила спешно покинуть свое место. Заметив наш страх, нам объяснили, что у этих тварей вырваны все зубы, и они абсолютно безобидны. Акробат прошелся по залу и собрал их обратно в чалму, как угрей. Следом подали чистую и превосходную еду. Она была персидской и очень вкусной. Наш хозяин излучал радость и делал все, чтобы угодить гостям. Он учтиво просил его извинить за отсутствие вина, ибо так теперь заведено при дворе» [Bell, 1763, p. 115].

Отметим попутно, что членам посольств не запрещались самостоятельные контакты с персами и представителями иных государств. Дж. Белл не единожды упоминает о посещении живущих в Исфахане английских купцов, приеме в голландской фактории, обеде в фактории английской Ост-Индской компании, обеде у хаким-баши, главного врача шаха [Ibid., p. 98, 110—111, 112, 114, 118].

4. Заключение

Описания Джона Белла показывают, что в Сефевидском Иране сложились свои церемониальные практики приема иностранных посольств, с подробно разработанным этикетом и ритуалом. Предполагалась торжественная встреча посольства на подъезде к столице, ее сопровождение до места размещения и торжественный въезд в город. Въезд имел символическое значение, показывая величие и богатство страны, отправляющей посольство, и самой Персии, шах которой называл себя царем царей и носил другие «высокопарные и пышные титулы» [Ibid., p. 126].

Процедура шахских дипломатических аудиенций и приема верительных грамот тоже была детально разработана, включая, как видно, обязательное долгое ожидание посла. Наличие дрессированных зверей призвано было, вероятно, показать, могущество Персии: шах повелевает не только людям, но и животными. Очевидно, что отдельные моменты церемонии при сохранении общего сценария могли уточняться и корректироваться. К сожалению, детали этой переговорной кухни автор предпочел упустить, или он на ней не присутствовал.

Должностные лица, которым по обязанности положено было вырабатывать с послом конкретные решения, а Артемий Волинский согласовывал с персами условия торгового договора (1717), также устраивали приемы в честь посла, которые могли превосходить по великолепию шахские.

Обмен дарами между государями, как показывает описание Дж. Белла, также являлся частью обязательного ритуала, как и преподнесение даров от шаха и должностных лиц послу после приемов. О подарках посла должностным лицам, которые очевидно имели место, источник умалчивает.

Решение об окончании дипломатической миссии принимала принимающая посольство сторона, причем оно могло быть неожиданным. Скупые характеристики, данные Дж. Беллом отъезду, очевидно, скрывают раздражение российской делегации столь неожиданным решением шахской администрации.

Источники

1. *Бушев П. П.* Посольство Артемия Волинского в Иран в 1715—1718 гг. / П. П. Бушев. — Москва : Наука, 1978. — 290 с.
2. *Bell J.* Travels from St Petersburg in Russia, to Diverse Parts of Asia / J. Bell. — Glasgow : Printed for Author by Robert and Andrew Foulis, 1763. — Vol. I. — XVII. — 357 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шиколо М. И.* Дипломатический церемониал как способ репрезентации королевской власти во Франции второй половины XVII — начала XVIII в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.00, 07.00.03 / М. И. Шиколо. — Москва, 2017. — 277 с.
2. *Шишкин В. В.* Королевский двор Франции в эпоху Возрождения : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.03 / В. В. Шишкин. — Санкт-Петербург, 2020. — 647 с.
3. *Fluechter A.* Diplomatic Ceremonial and Greeting Practice at the Mughal Court / A. Fluechter // *Transkulturelle Verflechtungsprozesse in der Vormoderne Transcultural Entanglements in the Premodern Period* / Ed. by W. Drews and Ch. Scholl. — Berlin : De Gruyter, 2016. — S. 89—120.
4. *Harrison R.* Bell, John (1691—1780) / R. Harrison // *Oxford Dictionary of National Biography*. http://cpps.brepolis.net/bbih/incoming.cfm?odnb_id=2011 (дата обращения — 31 октября 2020 г.).
5. *Matthee R.* Persia in Crisis Safavid Decline and Fall of Isfahan / R. Matthee. — London : I. B. Tauris & Co. Ltd, 2012. — 419 p.
6. *Micara L.* Architectural Order of Persian Talar Life of a Form / L. Micara // *L'architettura delle città*. Journal of the Scientific Society Ludovico Quaroni. — 2015. — Vol. 4. — № 7. — Pp. 55—97.
7. *Pedani P. M.* Sultan and the Venetian Bailo : Ceremonial Diplomatic Protocol in Istanbul / P. M. Pedani // *Diplomatisches Zeremoniell in Europa und im Mittleren Osten in der frühen Neuzeit* / Ed. by R. Kautz, G. Rota, J. P. Niederkorn. — Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009. — S. 287—300.
8. *Romaniello M. P.* Enterprising Empires : Russia and Britain in Eighteenth-Century Eurasia / M. P. Romaniello. — Cambridge : Cambridge University Press, 2019. — XV. — 304 p.
9. *Starkey D.* Court and government / D. Starkey // *Revolution Reassessed : Revisions in the History of Tudor Government and Administration* / Ed. by C. Coleman and D. Starkey. — Oxford : Oxford University Press, 1986. — Pp. 29—58.
10. *Wills R.* Jacobites in Russia 1715—1750 / R. Wills. — East Linton : Tuckwell Press, 2002. — XVI. — 253 p.

ENTRY OF THE RUSSIAN EMBASSY TO ISFAHAN AND DIPLOMATIC RECEPTIONS IN THE SAFAVID STATE (ACCORDING TO THE MEMOIRS OF JOHN BELL)¹

© **Sergey V. Kondratiev (2020)**, orcid.org/0000-0002-9861-5032, Doctor of History, Professor, Department of Modern History and World Politics, University of Tyumen (Tyumen, Russia), sk.tm@mail.ru.

The article is devoted to the ceremonial ritual diplomatic practices adopted at the Persian Safavid court during the reign of Shah Sultan Hussein (1694-1722), described by the Scottish physician John Bell, who was a member of the Russian embassy of Artemy Volynsky in Isfahan (1717). It is noted that John Bell, with varying degrees of detail, captured the order of entry of foreign diplomatic missions to Isfahan, the movement along the streets of the capital and the consistent structure of the entry of the Russian embassy. The fact that there was an elaborate ceremony and etiquette for receiving foreign embassies in Safavid Persia is shown in the article. The author believes that the capital of Isfahan itself, its suburbs, the main Shah's residence Talar-i Tawila, and the Shah's country residences acted as the ceremonial space. It has been proven that the Safavid ceremony involved a magnificent meeting of the embassy at the entrance to the capital, her escort to the place of accommodation, a solemn entry into the capital, a reception with the Shah with the presentation of credentials and a meal. A comparative analysis of the receptions of the shah and high-ranking officials, differing in their degree of representativeness, led to the conclusion that the shah's receptions were exclusively ceremonial, while important political issues could be discussed at receptions of high-ranking officials. It is noted that the receptions of senior officials could surpass the receptions of the shah with pomp.

Key words: Embassy of Artemy Volynsky; John Bell; Shah Soltan Hussein; Persia; Isfahan; court; ceremonial.

MATERIAL RESOURCES

- Bell, J. (1763). *Travels from St Petersburg in Russia, to Diverse Parts of Asia, I (XVII)*: Glasgow: Printed for Author by Robert and Andrew Foulis. 357 p.
- Bushev, P. P. (1978). *Posolstvo Artemiya Volynskogo v Iran v 1715—1718 gg* [Embassy of Artemy Volynsky to Iran in 1715—1718]. Moskva: Nauka. 290 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Fluechter, A. (2016). Diplomatic Ceremonial and Greeting Practice at the Mughal Court. In: *Transkulturelle Verflechtungsprozesse in der Vormoderne Transcultural Entanglements in the Premodern Period*. Berlin: De Gruyter. 89—120.
- Harrison, R. Bell, John (1691—1780). *Oxford Dictionary of National Biography*. Available at: http://cpps.brepolis.net/bbih/incoming.cfm?odnb_id=2011 (accessed 31 oktyabrya 2020).
- Matthee, R. (2012). *Persia in Crisis Safavid Decline and Fall of Isfahan*. London: I. B. Tauris & Co. Ltd. 419 p.
- Micara, L. (2015). Architectural Order of Persian Talar Life of a Form. *L'architettura delle città. Journal of the Scientific Society Ludovico Quaroni*, 4 (7): 55—97.
- Pedani, P. M. (2009). Sultan and the Venetian Bailo: Ceremonial Diplomatic Protocol in Istanbul. In: *Diplomatisches Zeremoniell in Europa und im Mittleren Osten in der frühen Neuzeit*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 287—300.
- Romaniello, M. P. (2019). *Enterprising Empires: Russia and Britain in Eighteenth-Century Eurasia, XV*. Cambridge: Cambridge University Press. 304 p.
- Shikulo, M. I. (2017). *Diplomaticheskii tseremonial kak sposob reprezentatsii korolevskoy vlasti vo Frantsii vtoroy poloviny XVII — nachala XVIII v*. PhD Diss. [Diplomatic ceremonial

¹ The article was prepared with the financial support of the RFBR under the project 20-09-42055. "John Bell and his "Travels from St. Petersburg in Russia to various parts of Asia (1715-1722)": research, translation, preface, commentary".

- as a way of representing the Royal power in France in the second half of the XVII-beginning of the XVIII century. PhD Diss.]. Moskva. 277 p. (In Russ.).
- Shishkin, V. V. (2020). *Korolevskiy dvor Frantsii v epokhu Vozrozhdeniya*. Doct. Diss. [The Royal court of France in the Renaissance. Doct. Diss.]. Sankt-Peterburg. 647 p. (In Russ.).
- Starkey, D. (1986). Court and government. In: *Revolution Reassessed: Revisions in the History of Tudor Government and Administration*. Oxford: Oxford University Press. 29—58.
- Wills, R. (2002). *Jacobites in Russia 1715—1750, XVI*. East Linton: Tuckwell Press. 253 p.

Левин Я. А. Провозглашение КНР : реакция американской прессы / Я. А. Левин // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 262—270. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-262-270.

Levin, Ya. A. (2020). Proclamation of the PRC: Reaction of the American Press. *Nauchnyi dialog*, 12: 262-270. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-262-270. (In Russ.).

УДК 94(73).092

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-262-270

Провозглашение КНР: реакция американской прессы¹

© Левин Ярослав Александрович (2020), orcid.org/0000-0001-8805-8220, Researcher ID F-2728-2016, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный социально-педагогический университет» (Самара, Россия), yaroslavlevin1992@mail.ru.

Статья посвящена реакции американской прессы на такое важное историческое событие, как основание Китайской Народной Республики. Рассмотрена тема реакции американской прессы на фактический провал, или, как его, впоследствии, окрестили многочисленные эксперты и публицисты, писавшие о Китае, — «потерю Китая», что является интересным маркером того, как развивалась общественно-политическая мысль в американских СМИ. Уделяется внимание тому, как американские журналисты пытаются прогнозировать политические последствия «потери», нивелировать для населения имиджевый урон, нанесённый внешней политике Вашингтона, изложить факты и вместе с тем оценки ситуации в регионе. Автор исходит из того, что изучение статей прессы США позволит полнее понять развитие представлений американцев о Китае, его месте в новой парадигме международных отношений, исследовать уровень осведомлённости СМИ об этом регионе и то влияние, которое оказывали на общество идеи журналистов. Доказано, что многие сформированные в то время представления остаются и на сегодняшний день важной составляющей дискурсивных практик общественной и политической жизни США, особенно с учётом современных сложных отношений двух стран.

Ключевые слова: общественное мнение; американская пресса; реакция; Гражданская война в Китае; КПК; Гоминьдан.

1. Введение

1 октября 1949 года на карте мира появилось новое коммунистическое государство, которое, пройдя через ряд кризисных моментов, существует и сегодня, являясь одним из лидеров глобального рынка и фактически основным соперником Соединённых Штатов Америки не только в экономической сфере, но с каждым годом всё больше и в области политики [Seedhouse, 2010; Pauken, 2019; Wong, 2019].

«Потеря Китая», как окрестили это многочисленные эксперты из области политологии, истории, культуры, стала определённым шоком для американского общества и властей. Одно из первых, действительно заметных поражений американской внешней политики в ходе разгорающейся Холодной войны с Советским союзом не прошло бесследно и серьёзно повлияло на многое как внутри США, так и во внешних делах этой страны [Печатнов, 2018, с. 314—345].

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-70003.

Цель данной статьи — проследить первичную реакцию американских СМИ на основание КНР, поскольку, если исходить из теории и методологии имагологических исследований, первая реакция особо важна для того, чтобы специалисты смогли проследить формирование образа события и страны и выяснить, какие черты сохранились по прошествии времени, какие были забыты и почему. В ходе предпринятого анализа использовались как крупные, общенациональные издания, так и провинциальные газеты. Анализировалась реакция СМИ как демократической, так и республиканской направленности.

2. Источниковедческий обзор

В течение XIX—XX веков пресса была важнейшим источником информации для американских граждан. Даже по мере распространения более современных радио и телевидения, а позднее и Интернета роль прессы в американском обществе практически не ослабевала [American Journalism, 2014, p. 1—3, 3—34].

Изучение прессы представляет собой перспективное направление исторических исследований, особенно когда речь идёт о такой стране, как Соединённые Штаты Америки, где декларируемая свобода прессы — одна из самых оберегаемых конституционных гарантий, закреплённых в обществе. Хотя вопрос о «беспристрастности» и свободности прессы в США — тема отдельного исследования, отметим, что исследование прессы позволяет точнее представить, как формировались мнения общества и власти по тем или иным вопросам, насколько они были схожи или отличны, как власть пыталась влиять на прессу и как пресса влияла на власть и т. д. [Ibid.] В ходе исследования использовались как демократические, так и республиканские газеты. К первым относятся такие издания, как «The New York Times», «San Francisco Chronicle», «Lowell Sun», «New York World-Telegram», «Maryville Daily Forum», «Berkeley Daily Gazette» и др. Вторую группу составляют такие периодические издания, как «New York Herald Tribune», «New York Daily News», «Chicago Daily Tribune», «Wall Street Journal», «Washington Times-Herald», «Pittsburgh Press», «Washington Post» и др.

3. Реакция крупнейших СМИ и уровень подготовленности журналистов

Из крупных газет наиболее оперативно среагировала «New York Times». Уже 1 октября 1949 года на первой странице издания вышла небольшая, но информативная заметка о создании нового государства в Азии под названием «Мао возглавляет пекинский режим. Программа поддержки Москвы» и с не менее красноречивым подзаголовком: «“Красное” правительство запущено! Чжоу (написано с ошибкой как Чу. — Я. Л.) — наиболее вероятный премьер. Красный флаг над Китаем, Мао — глава режима “красных” в Китае». Сразу обращают на себя внимание несколько особенностей заголовка и подзаголовка. Во-первых, в заголовке акцент сделан на Мао Цзэдуне и поддержке Москвы. Основное внимание читателя должно сфокусироваться на фигуре нового лидера Китая и якобы его «однозначной» связи с Советским Союзом. Во-вторых, и в заголовке, и в подзаголовке, и в статье обойдено фигурой умолчания само событие, тщательно опускаются лю-

бые прямые фразы о появлении нового государства. Тем самым перед лицом очевидного геополитического поражения США пресса пытается «сгладить углы» для наименее просвещённых читателей, преподнося события 1 октября не как появление нового государства, а, скорее, как очень досадное поражение демократических сил. В-третьих, обращает на себя внимание в целом уровень статей [The New York Times, 1949, p. 1]. Даже в крупных изданиях часто китайские имена даже крупных деятелей транскрибировались с ошибками, не по правилам английской грамматики, а «на слух». Это, наверное, самое яркое проявление того, что многие эксперты сочтут одной из основных причин поражения США, активно поддерживающих лидера Китайской республики Чан Кайши. Хотя американцы долгие годы занимались китайским вопросом и имели ряд действительно квалифицированных экспертов, в целом Китай и состояние дел в нём так и остались для широкого круга американских журналистов и ряда государственных деятелей, в том числе и высокого ранга, непонятными [Newman, 1992, p. 123—141].

Насколько всё плохо с уровнем подготовленности журналистов, которые занимались Китаем, показывает биография автора рассмотренной статьи — Уолтера Салливана. Он специализировался на научных сюжетах, с середины 50-х готовил для «NYT» статьи о ракетных запусках, полярных экспедициях, открытиях в области химии, физики и геологии. В начале своей карьеры, имея журналистское и естественно-научное образование, был послан на двухгодичную командировку в Китай в качестве специального корреспондента [Sullivan, 1974, p. 1—4]. То есть новостные сводки из этой страны готовил человек, далёкий от китайской культуры и вообще вопросов политики и экономики.

Также в рассматриваемой статье обращает на себя внимание двукратное употребление эпитета «красный(е)», что должно содержательно и символически подчеркнуть агрессивность коммунистической экспансии.

Обращает на себя и фотография Мао Цзэдуна, использованная в статье, — немного нечёткое изображение молодого Мао в форме, судя по виду, двадцатых годов. Это тоже подчёркивает для исследователей, насколько Китай был малоопытен и не изучен в Штатах в то время.

Похожим образом выстроена статья и в другом издании общеамериканского значения — «Los Angeles Times». 1 октября 1949 года на первой полосе вышла статья под названием «Красное правительство в Китае! Мао во главе, Чжоу — премьер» и с подзаголовком «Новый союзник для Москвы». Как и в публикации «NYT», здесь очень скупо говорится о создании нового правительства. Всячески замалчивается главный итог произошедшего — появление на карте нового коммунистического государства. Два абзаца посвящены теме формирования правительства, затем следуют ещё два маленьких абзаца о помощи, оказанной СССР китайским коммунистам, и о перспективах сближения двух стран, которые явно видятся американским журналистам неприятными для влияния Вашингтона на дела в азиатско-тихоокеанском регионе. Имеется и фотография Мао Цзэдуна, опять плохого качества и явно старая. Это ещё раз подчёркивает плохую осведомлённость СМИ США о персоналиях нового государства [The Los Angeles Times, 1949, p. 1].

Похожим образом выстроена и публикация в «Financial Times». Главное издание в области экономики и финансов вышло с заметкой под заголовком «Красное правительство в Пекине». Эта публикация также невелика по объему. Довольно скупо сообщается о прошедшей церемонии, буквально парой предложений охарактеризованы два главных лидера — Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай, отсутствуют фотографии. Заметные отличия состоят в том, что большее внимание уделено экономической помощи от Советского союза, а также сделаны выводы о том, что новое правительство долгое время будет в политической зависимости от этих поставок, поскольку необходимо много ресурсов для восстановления страны и её промышленности. С учётом специфики газеты подобное внимание неудивительно, однако опять заметно игнорирование самого факта появления на карте нового государства. Ничего не сказано о крахе Китайской республики и начале отступления на Тайвань. Скептическое отношение к новому руководству выражено в формулировках: «если новое правительство окажется стойким...» и «если новые лидеры смогу удержать власть» [Financial Times, 1949, p. 2]. Это показывает, что у американских СМИ не было полного понимания «потери Китая» либо что они намеренно нивелируют успехи КПК, давая понять, что коммунистическое государство — временная трудность.

4. Основные темы

Обращает на себя внимание временной разброс статей. Если крупные общенациональные издания среагировали уже 1 октября, то провинциальная пресса сообщила о появлении нового государства на карте лишь 2—3 октября. Тематически реакцию прессы можно разделить на следующие кейсы: (1) появление нового государства с минимальным акцентом на самом факте, роль Москвы в его создании; (2) реакция ближайших союзников / противников или просто других государств на создание Китайской Народной Республики.

Первый кейс чаще встречается в центральных изданиях или очень крупных локальных СМИ. В качестве примера можно привести публикацию в газете «The Pittsburgh Press» от 1 октября 1949 года. Под большим заголовком «Китайские красные установили народную республику» с подзаголовком «Совет назвал Чжоу премьером, Мао — президентом» размещено краткое сообщение о том, что в Китае прошёл гигантский митинг, посвящённый основанию нового государства. В торжественной обстановке был поднят флаг Китайской Народной Республики. Был объявлено, что Мао Цзэдун (написано с ошибками) возглавит новое государство, а премьером при нём будет Чжоу Эньлай (также написано с ошибками). Статья является перепечаткой из агентства «United Press». Сообщается возраст нового лидера Китая — 56 лет, а также указано, что он пришёл к власти после 21-летнего соперничества с генералиссимусом Чан Кайши, лидером партии Гоминьдан. В данном случае авторы статьи прибегли к красивому приёму, подчеркнув, что за власть Мао и коммунисты боролись 21 год, а провозглашение нового государства и речь его лидера заняли лишь 4 минуты. Также в статье обращается внимание на то, что конституция КНР была анонсирована за день до провозглашения и в ней отчетливо прослеживается стремление КНР к тесному союзу с СССР и странами

«народной демократии». Подчеркивается, что это уже третье правительство, встающее у руля после революции 1911 года. Также отмечено, что новое правительство состоит из 56 человек, среди которых вдова лидера китайской революции Сунь Ятсена [The Pittsburgh Press, 1949, p. 2]. Помимо этого, на второй полосе газеты размещено ещё несколько статей, тематически связанных с событием основания КНР. Прямо под материалом о событиях в Пекине находится небольшая заметка под заголовком «Китайская угроза американским путешественникам», в ней сообщается, что военные корабли националистов обстреляли американский фрейтер у Шанхая. Капитан корабля передал эту информацию в СМИ через А. Паттисона, представителя компании «Исбрандсен Лайн» (Нью-Йорк), который занимался выводом трёх грузовых кораблей своей фирмы из портов Шанхая. Два из этих кораблей также подверглись обстрелу. Обращает на себя внимание точное указание пассажиров обоих кораблей — 153 человека экипажа и пассажиров на одном корабле (из них 137 — репатрианты в Корею), три американца и 5 британцев, на втором корабле — 12 человек экипажа [Ibid]. Указано, что огонь по американским кораблям открыли вчерашние союзники — войска Гоминьдана, однако партия не называется, вместо этого вводится наименование *националисты*. Тем самым американская пресса, подхватившая общую для американского правительства тему разочарования в Гоминьдане, с одной стороны, подхватывает повестку, а с другой — умело отделяет «хороших» китайцев от «плохих». «Хорошие» китайцы — члены партии Гоминьдан, а «плохие» — это коммунисты и националисты, и не важно, что эти условные «националисты» и есть гоминьдановцы. Вместе с тем примечателен сам этот эпизод, поскольку ещё 27 мая Шанхай был сдан войскам КПК [Wasserstrom, 2009, p. 62—77]. В связи с этим возникает вопрос о том, с кем столкнулись американские корабли. Хотя отдельные полубандистские группировки отбившихся от основных войск Гоминьдана солдат действовали и в Шанхае, и в других городах, они не были настолько мощными, чтобы попытаться захватить большие грузовые корабли [Claudin, 1975, p. 559]. В данном случае либо журналисты не делают особой разницы между коммунистами и националистами, либо всё же имело место столкновение именно с мощной группировкой остатков армии Гоминьдана.

Наиболее интересна последняя статья на китайскую тему в этой газете. Она имеет название «Китайские места в ООН готовятся для красных» и подзаголовок «Россия готовится выгонять националистов». Сообщается, что именно СССР готовится поставить на голосование вопросы об исключении представителей Китайской Республики из состава ООН и включении вместо них представителей КНР, кроме того, подчёркивается, что Москва сразу после провозглашения нового государства начала переговоры по обновлению русско-китайского договора о мире и торговле. По мнению авторов статьи, это грозит серьёзным усилением позиции Советского союза в Азии. Кроме того, сообщается, что только американская и британская делегации пытаются заступиться за представителей гоминьдановского правительства. Однако ООН явно не стремится идти навстречу этим странам. Так, в повестке Генеральной ассамблеи ООН обвинения Китайской Республики в адрес СССР стоят на пятом месте, то есть, по мнению журналистов, их рассмотрят в луч-

шем случае в конце ноября. К тому времени, если руководство Организации Объединённых наций не обратит внимания на позицию США и Англии, представители правительства Чан Кайши будут уже изгнаны [The Pittsburgh Press, 1949, p. 2]. Обращает на себя внимание довольно скептический, если не сказать враждебный тон статьи по отношению к ООН. Это не удивительно, поскольку, получив места Китайской Республики в Совете безопасности в качестве постоянных членов, КНР, находящаяся в тесных отношениях с Москвой, значительно усилит советское влияние в этом органе и будет иметь право «вето». В итоге американские и британские представители будут самыми деятельными противниками включения представителей коммунистического Китая в Совбез вместо Китайской Республики, лишь в 1971 году Пекин с помощью Москвы и других государств Варшавского договора добьётся своего [Wuthnow, 2013, p. 1—12, 13].

Второй кейс чаще реализовывался в газетах провинциального толка. Например, газета «Reading Eagle» округа Бёрк (штат Пенсильвания) сообщила о создании КНР лишь 3 октября 1949 года. На первой полосе размещена заметка под названием «Китайские красные могут получить признание от британцев» с подзаголовком «Признание нового коммунистического режима зависит от позиции США». Статья является перепечаткой материала агентства «United Press». Сам текст статьи сообщает, что Британия пока не приняла окончательного решения по вопросу признания КНР. Источник автора статьи в Форин-офисе сообщает, что Великобритания выжидает реакции США, чтобы на основе этого выработать свою линию поведения. Кроме того, подчёркивается, что, кроме Америки, британское правительство интересуется реакцией и других стран-союзников по Атлантическому договору. В конце статьи сообщается, что Кремль признал КНР буквально на следующий день и того же самого следует ожидать от стран Восточной Европы [Reading Eagle, 1949, p. 1]. В середине текста статьи находится вставка, озаглавленная: «Националисты разрывают отношения с Советами». В тексте вставки сообщается, что признание КНР и начало переговоров между правительством КНР и СССР расценивается националистами как акт агрессии, поэтому с Советским союзом разорваны все отношения [Ibid].

Обращают на себя внимание сразу несколько моментов: во-первых, акцент на том, что Лондон ждёт реакции Вашингтона. То есть «Великая держава» Англия не смеет ступить и шагу без оглядки на решения Вашингтона. Такой акцент должен был подчеркнуть главенствующую роль Соединённых Штатов в новом, послевоенном мире и сгладить неприятные ощущения читателей от появления нового потенциального противника. Во-вторых, дважды в тексте статьи даются указания на Атлантический договор, то есть журналисты всячески подчёркивают важность новорождённого НАТО как союза демократий во главе с США. В-третьих, НАТО противопоставляется Коминформу, в который входят Советский союз и страны Восточной Европы, оказавшиеся в сфере влияния СССР. То есть для простого читателя создаётся очень простая дуалистичная картина мира, лежащая в логике разгорающейся Холодной войны: есть «плохие» — Коминформ во главе с СССР и «хорошие» — НАТО во главе с США. В полку «плохих» прибыло, и «хорошие» думают, что делать дальше.

Из этой простой формулы несколько выбивается информация о реакции правительства Китайской Республики, которое по мере всё более усиливающегося разочарования Штатов активно критиковали в прессе. Даже именование «национализм» вместо «Гоминьдан» или просто «правительство Китайской Республики» с учётом еще свежей в обществе памяти об опасности крайних проявлений национализма подчёркивало, что Китайская Республика — ненадежные союзники, не оправдавшие доверия Америки. Впрочем, такая реакция лежит в рамках тренда, сложившегося на последних этапах Гражданской войны в Китае.

В целом всё вышесказанное подтверждается исследованиями американско-китайских отношений. Образование НАТО потребовало от США активнее напомнить обществу о реалиях Холодной войны и той цели, с которой была создана новая организация. Поэтому «дуальная логика» противостояния с СССР, и без того сильная в американском обществе и СМИ, получила новый импульс [Bernhard, 1999, p. 86—91]. Обращение к исследованиям истории Китайской Республики и отношений США с ней показывают, что октябрь 1949 года стал, по сути, низшей точкой в отношениях двух государств, глубокое разочарование Вашингтона в «союзниках», в помощь которым было вложено много сил и средств, граничило с таким же неприятием, которое сразу установилось в отношении КНР [The United States and the Republic of China, 2007, p. 13—31].

5. Выводы

Подводя итоги можно сказать, что за период с 1 по 3 октября 1949 года реакция, тематика и общий тон статей американской прессы о создании КНР несколько раз менялись. Наиболее оперативно среагировали крупные издания, преимущественно общенационального значения. Поскольку основание нового китайского государства пришлось на субботу, а также из-за разницы во времени больше всего статей пришлось на понедельник (3 октября). В статьях от 1 октября заметен акцент на роли Советского союза и личности Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая, которому уделено явно больше внимания, при этом сам факт появления недружественного коммунистического государства всячески нивелируется и преуменьшается, больше сообщается о роли Москвы в помощи китайским коммунистам. Заметны первые робкие попытки осмыслить происходящее с точки зрения геополитических интересов США в регионе. В статьях этого дня бросается в глаза явный недостаток информации о лидерах коммунистов, используются старые фотографии Мао плохого качества.

Многие из тех стереотипов восприятия и трендов в освещении китайской темы станут на долгое время системообразующими в выстраивании образа КНР, а потому, к примеру, не позволят долгое время понять самостоятельность позиции и взглядов нового Китая в отношениях с СССР и остальным миром.

Источники

1. *Chinese Reds Establish People's Republic* // The Pittsburgh Press. — 1949. — 11 January. — P. 2.
2. *Chinese Reds may receive recognition from the British* // Reading Eagle. — 1949. — 10 March. — P. 1.

3. *Mao leads the Peiping regime*. Moscow Support Program // *The New York Times*. — 1949. — 10 January. — P. 1.
4. *Red government in China! Mao in charge, Zhou — Prime Minister* // *The Los Angeles Times*. — 1949. — 10 January. — P. 1.
5. *Red Government in Peiping* // *Financial Times*. — 1949. — 10 January. — P. 2.
6. *Sullivan W. S. Continents in Motion* / W. S. Sullivan. — New York : American Institute of Physics, 1974. — 425 p.
7. *Wong E. U.S. vs. China: Why This Power Struggle Is Different* / E. Wong // *The New York Times*. — 2019. — 26 June. — P. 10.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Печатнов В. О. История внешней политики США* / В. О. Печатнов, А. С. Манькин. — Москва : Международные отношения, 2018. — 680 с.
2. *American Journalism: History, Principles, Practices* / W. D. Sloan (ed.). — Jefferson (NC) : MacFarland & Company Inc., 2014. — 378 p.
3. *Bernhard N. U.S. Television News and Cold War Propaganda, 1947—1960* / N. Bernhard. — Cambridge (UK) : Cambridge University Press, 1999. — 268 p.
4. *Claudin F. The Communist movement: from Comintern to Cominform* / F. Claudin. — New York : Monthly Review Press, 1975. — 739 p.
5. *Newman R. P. Owen Lattimore and the “Loss” of China* / R. P. Newman. — Berkeley (CA) : University of California Press, 1992. — 687 p.
6. *Pauken T. W. US vs. China: From Trade War To Reciprocal Deal* / T. W. Pauken. — Hackensack (NJ) : World Scientific Publishing Co., 2019. — 344 p.
7. *Seedhouse E. The New Space Race: China vs. USA* / E. Seedhouse. — Chichester (UK) : Praxis, 2010. — 256 p.
8. *The United States and the Republic of China: Democratic Friends, Strategic Allies, and Economic Partners* / S. W. Mosher (ed.). — New Brunswick (NJ) : Transaction Publishers, 2007. — 192 p.
9. *Wasserstrom J. N. Global Shanghai, 1850—2010: A History in Fragments* / J. N. Wasserstrom. — New York : Routledge, 2009. — 192 p.
10. *Wuthnow J. Chinese Diplomacy and the UN Security Council: Beyond the Veto* / J. Wuthnow. — New York : Routledge, 2013. — 240 p.

PROCLAMATION OF THE PRC: REACTION OF THE AMERICAN PRESS¹¹

© Yaroslav A. Levin (2020), orcid.org/0000-0001-8805-8220, ResearcherID F-2728-2016, PhD in History, junior research scientist, Federal State Budgeted Educational Institution of Higher Education “Samara State University of Social Sciences and Education” (Samara, Russia), yaroslavlevin1992@mail.ru.

The article is devoted to the reaction of the American press to such an important historical event as the founding of the People’s Republic of China. The emergence of a new communist state in the East was a great shock and blow to the foreign policy ambitions of the United States, which developed in the logic of a global confrontation with the Soviet Union. China, rich in resources since the end of the 19th century, has been the scene of a constant clash of interests of various states, as a result, on the eve and, especially, after World War II, the two main political forces operating in this territory — the Communist Party of China (CCP) and the nationalist party Kuomintang — found themselves

1 The reported study was carried out in the framework of RFBR grant no. 20-39-70003.

powerful patrons in the form of the USSR and the USA. The topic of the reaction of the American press to the actual failure or, as he later said, was dubbed by numerous experts and publicists who wrote about China — the “loss of China” is an interesting marker of how socio-political thought developed in the American media. American journalists are trying to predict the political consequences of the “loss”, to level the image damage caused to the population by Washington’s foreign policy, to convey the facts and at the same time assess the situation in the region. The study of US press articles will make it possible to better understand the development of American ideas about China and its place in the new paradigm of international relations, to better explore the level of media awareness of this region and the impact that ideas and assessments broadcast by journalists had on society, as well as generally to better understand the initial reaction of American society to the founding of the PRC. Many of the ideas formed at that time remain today an important component of the discursive practices of US public and political life, especially taking into account the complex relations between modern China and the United States.

Key words: Public opinion; the American press; reaction; Chinese Civil War; CPC; Kuomintang.

MATERIAL RESOURCES

- Chinese Reds Establish People’s Republic (1949). *The Pittsburgh Press*, 11. January: 2.
- Chinese Reds may receive recognition from the British (1949). *Reading Eagle*, 10 March: 1.
- Mao leads the Peiping regime. Moscow Support Program (1949). *The New York Times*, 10 January: 1.
- Red government in China! Mao in charge, Zhou — Prime Minister (1949). *The Los Angeles Times*, 10 January: 1.
- Red Government in Peiping (1949). *Financial Times*, 10 January: 2.
- Sullivan, W. S. (1974). *Continents in Motion*. New York: American Institute of Physics. 425 p.
- Wong, E. (2019). U.S. vs. China: Why This Power Struggle Is Different. *The New York Times*, 26 June: 10.

REFERENCES

- Bernhard, N. (1999). *U.S. Television News and Cold War Propaganda, 1947—1960*. Cambridge (UK): Cambridge University Press. 268 p.
- Claudin, F. (1975). *The Communist movement: from Comintern to Cominform*. New York: Monthly Review Press. 739 p.
- Mosher, S. W. (ed.) (2007). *The United States and the Republic of China: Democratic Friends, Strategic Allies, and Economic Partners*. New Brunswick (NJ): Transaction Publishers. 192 p.
- Newman, R. P. (1992). *Owen Lattimore and the “Loss” of China*. Berkeley (CA): University of California Press. 687 p.
- Pauken, T. W. (2019). *US vs. China: From Trade War To Reciprocal Deal*. Hackensack (NJ): World Scientific Publishing Co. 344 p.
- Pechatnov, V. O., Manykin, F. C. (2018). *Istoriya vneshney politiki SShA* [History of U.S. foreign policy]. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. 680 p. (In Russ.).
- Seedhouse, E. (2010). *The New Space Race: China vs. USA*. Chichester (UK): Praxis. 256 p.
- Sloan, W. D. (ed.). (2014). *American Journalism: History, Principles, Practices*. Jefferson (NC): MacFarland & Company Inc. 378 p.
- Wasserstrom, J. N. (2009). *Global Shanghai, 1850—2010: A History in Fragments*. New York: Routledge. 192 p.
- Wuthnow, J. (2013). *Chinese Diplomacy and the UN Security Council: Beyond the Veto*. New York: Routledge. 240 p.

Метель О. В. Эволюция «академического сектора» советской исторической науки в 1920—1960-е годы / О. В. Метель // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 271—289. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-271-289.

Metel, O. V. (2020). Evolution of “Academic Sector” of Soviet Historical Science in 1920s—1960s. *Nauchnyi dialog*, 12: 271-289. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-271-289. (In Russ.).

УДК 930(470)“1920/1960”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-271-289

ЭВОЛЮЦИЯ «АКАДЕМИЧЕСКОГО СЕКТОРА» СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В 1920—1960-Е ГОДЫ¹

© Метель Ольга Вадимовна (2020), orcid.org/0000-0001-6981-6137, кандидат исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского» (Омск, Россия), olgametel@yandex.ru.

Анализируется эволюция «академического сектора» советской исторической науки, рассматривается процесс его формирования и последующего развития. Актуальность исследования обусловлена методологическими поисками современной историографии, ориентированной на изучение внутренних механизмов развития исследовательской традиции. Автор выделяет основные этапы построения организационной структуры советской академической исторической науки, опираясь на широкий круг опубликованных и ранее не введенных в оборот архивных документов, а также учитывая новейшие разработки современных историографов. Автор считает, что модель организации исторических исследований в рамках Академии наук СССР формировалась под влиянием дореволюционной традиции и институциональных «экспериментов» первых лет советской власти. В ходе проведенного исследования автор пришел к выводу, что первый этап становления «академического сектора» советской историографии пришелся на 1930-е годы и был связан с формированием «академического центра» — московских институтов Отделения истории и философии АН СССР, второй этап данного процесса завершился в 1950-е годы и предполагал становление «академической периферии» — учрежденный исторического профиля филиалов, баз и отделений АН СССР и республиканских академий наук. Автор полагает, что становление «академического сектора» происходило под влиянием внешних (политико-идеологических) и внутренних (научных) факторов.

Ключевые слова: Академия наук СССР; «академический сектор» исторической науки; Отделение исторических наук; Институт истории АН СССР.

1. Вводные замечания

На протяжении последних ста лет история Российской Академии наук неизменно привлекала к себе внимание отечественных и зарубежных историков. Данной теме посвящены многочисленные статьи и монографии, рассматривающие различные сюжеты, связанные с деятельностью данного научно-исследовательского центра [Наука . . . , 2003; Vucinich, 1984]. И хотя число подобных публикаций продолжает ежегодно увеличиваться, многие аспекты недавнего прошлого отечественных академических учреждений все еще требуют более детальной реконструкции,

1 Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-309.2020.6 «Советская историческая наука 1940—1980-х гг.: опыт институциональной истории».

а их история нередко нуждается в рассмотрении в более широком дисциплинарном контексте, позволяющем определить место того или иного центра в рамках общего «институционального ландшафта» эпохи.

На наш взгляд, сказанное оказывается вполне справедливым и в отношении советской исторической науки, развитие которой невозможно себе представить вне академических структур. Однако если история отдельных учреждений Академии наук СССР, связанных с производством и трансляцией исторического знания, ранее неоднократно привлекала к себе внимание историографов (Археографическая комиссия, Институт истории АН СССР, Ленинградское отделение Института истории АН СССР, Институт археологии и др.) [Иванова, 1971; Панях, 1993; Бухарин и др., 2019; Базанов, 2019], то их общая эволюция в контексте трансформаций институциональной структуры советской исторической науки в целом специалистами практически не рассматривалась, а авторы обобщающих историографических работ представляли своим читателям лишь общие сведения о научно-исследовательских центрах исторического профиля, действовавших в СССР в тот или иной период времени [Очерки истории ..., 1966, т. IV, с. 199—270].

Признавая безусловную значимость подобных исследований, в рамках настоящей статьи мы, однако, хотели бы изменить угол зрения на изучаемый предмет и, опираясь на широкий круг исторических источников (делопроизводственная документация учреждений, данные научной хроники, воспоминания ученых-историков и др.), проанализировать основные этапы развития «академического сектора» советской исторической науки (в терминологии отечественных науковедов [Наука ..., 2003, с. 478]), представив последний в контексте общих трансформаций советской научно-технической политики 1920—1960-х годов.

Подобный подход был избран нами отнюдь не случайно. Изучение истории отдельных научных учреждений, связанных с производством и трансляцией исторического знания, безусловно, имеет большое значение для анализа общих направлений развития советской историографии. Более того, детальная реконструкция некоторых событий из истории музеев, комиссий, институтов и иных академических структур, безусловно, может позволить исследователям отказаться от многих стереотипных установок в отношении советской науки, представив подлинные механизмы принятия судьбоносных решений. Однако в то же время попытка обобщить уже накопленный материал и представить некоторые направления эволюции «академического сектора» советской историографии, отличавшегося, в частности, от сектора вузовской исторической науки СССР, по нашему мнению, может быть не менее продуктивной. Так, она не только позволит иначе взглянуть на привычную периодизацию историографического процесса, определяющую переход от одного этапа в развитии советской исторической науки к другому событиями политического характера (Революция и Гражданская война, Великая Отечественная война, «оттепель» и др.), но и будет полезна для новой концептуализации истории исторической науки в СССР, открывая перспективы разработки некоторой модели институциональной организации последней.

2. От историко-филологического отделения к отделению гуманитарных наук: отечественная академическая историческая наука в 1920-е годы

Несмотря на то, что революционные потрясения 1917 года и события Гражданской войны оказали серьезное воздействие на Академию наук, повлияв на ее организационную структуру и кадровый состав, по справедливой оценке современных специалистов, в 1920-е годы отечественная академическая историческая наука во многом сохраняла свой прежний дореволюционный облик, а новые исторические учреждения, появившиеся в ее стенах начиная с 1914 года, были обязаны своим открытием преимущественно самим ученым, которые стремились таким образом или реализовать свои давние творческие замыслы (открытие Кавказского историко-археологического института), или откликнуться на потребности текущего момента (образование Комиссии по изучению племенного состава населения).

К 1917 году основными академическими формами организации научных исследований в области гуманитарных наук являлись комиссии и музеи, выполнявшие преимущественно функции хранения, обработки, изучения и публикации различных исторических материалов. Так, в 1917 году в состав Историко-филологического отделения Академии наук входили Музей антропологии и этнографии, Азиатский музей, Постоянная историческая комиссия, Комиссия по изучению племенного состава населения, а также ряд специальных комиссий, создаваемых для решения конкретных исследовательских задач (например, Комиссия по изданию сочинений академика В. Г. Васильевского, Комиссия по изданию трудов епископа Порфирия, Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем гр. М. М. Сперанского и др. [Барсаргина, 2008, с. 234, 238, 263]). В дальнейшем, в 1920-е годы, на волне широко развернувшихся в Советской России «институциональных экспериментов», связанных с поиском новых форм организации исследовательской деятельности, Академия наук стала пополняться новыми структурами, среди которых оказались и переведенные в ее состав ранее независимые научные центры (Археографическая комиссия, Музей палеографии и др.), и созданные по инициативе отдельных лиц научно-исследовательские институты (Яфетический институт). В результате в 1927 году в состав отделения гуманитарных наук Академии наук СССР, действовавшего в соответствии с новым уставом, входили Яфетический институт, Пушкинский дом, Музей антропологии и этнографии, Постоянная историко-археографическая комиссия и некоторые другие научные центры [Академия наук Союза ..., 1927, с. 5].

Ключевыми институтами, осуществлявшими в рамках Академии наук в 1920-е годы собственно исторические исследования, являлись Постоянная историческая и Археографическая комиссии, объединенные в 1926 году в Постоянную историко-археографическую комиссию (далее — ПИАК), в марте 1928 года вновь получившую наименование Археографической (далее — АК). Вплоть до 1930 года АК возглавлял С. Ф. Платонов, а ее основными членами являлись Б. Д. Греков, В. Г. Дружинин, А. Е. Пресняков, Н. П. Лихачев и другие историки «старой школы», в том числе москвичи (А. И. Яковлев, Ю. В. Готье, С. Б. Веселовский и др.) [СПбФ АРАН, ф. 133, оп. 1, д. 1066, л. 144—144 об.]. Как и в дореволюционный период, в первые годы советской власти названные структуры занимались преимущественно

шественно собиранием, изучением и публикацией различных исторических документов. Так, согласно отчету С. Ф. Платонова за 1926/1927 год, ПИАК было продолжено издание «Полного собрания русских летописей», «Сборника грамот коллегии экономии», «Русской исторической библиотеки» и др., осуществлены разбор и описание коллекции документов Антониева Сийского монастыря, а также проведены работы по составлению «Словаря исторических и юридических терминов» [Академия наук Союза ..., 1927, с. 91—92]. Кроме того, принимая во внимание требования текущего момента, во второй половине 1920-х годов члены ПИАК-АК обратились к разработке таких актуальных в то время исторических сюжетов, как восстание декабристов или история крестьянства на Руси, а также взяли на себя функции подготовки кадров, разработки правил научного описания и издания документов и некоторые другие задачи [Иванова, 1971, с. 413].

3. «Альтернативные» формы «академической» исторической науки в СССР в 1920-е годы

В то же время, на рубеже 1910—1920-х годов, в СССР стали появляться «альтернативные» формы «академической науки», связанные с открытием новых академий и самостоятельных научно-исследовательских институтов. Нередко они создавались по инициативе самих ученых, стремившихся преодолеть недостатки в работе прежних научных учреждений и актуализировать научные изыскания в отдельных предметных областях. Так, в 1919 году благодаря усилиям группы петроградских специалистов во главе с Н. Я. Марром (Б. В. Фармаковский, П. П. Покрышкин, А. А. Спицын, С. А. Жебелёв и др.) была образована Российская Академия истории материальной культуры (с 1926 года — Государственная Академия истории материальной культуры, далее — ГАИМК), в задачу которой, согласно уставу 1926 года, входила «теоретическая разработка вопросов, относящихся к области этнологии, археологии и истории искусств, а также изучения методов установления взаимоотношения объектов ее исследования с формами общественной жизни в их генетическом развитии» [Устав Государственной Академии ..., 1926, с. 5].

В то же время свой вклад в развитие системы академических учреждений Советской России вносили и представители новой партийной элиты. В 1918 году М. А. Рейснер, М. Н. Покровский, А. А. Богданов и некоторые другие представители бывшей партийной группы «Вперед!» выступили с идеей открытия особой Социалистической (с 1924 года — Коммунистической) академии, которая должна была стать своеобразным «интернационалом научной мысли». В 1920-е годы, пережив ряд весьма серьезных реорганизаций, Коммунистическая академия стремилась стать главным центром нового марксистско-ленинского знания, оказывавшего партии всемерную помощь в деле социалистического строительства и ведущего исследования по широкому спектру гуманитарных и естественных (с 1923 года) наук, в первую очередь, с точки зрения разработки их методологических основ [Метель, 2018].

Если говорить о взаимоотношениях данных центров с Академией наук СССР, за которой еще в 1925 году была признана роль «высшего всесоюзного ученого учреждения» [Постановление ..., 1968, с. 203], то в первое послереволюционное

десятилетие между ними не наблюдалось прямой конфронтации. Хотя по справедливому замечанию М. Дэвида-Фокса, члены Комкадемии, сознательно переворачивавшие идеалы старой академической интеллигенции и настаивавшие на своем превосходстве над прежней наукой, все же «втайне восхищались престижем и авторитетом, которыми обладала Академия наук в Советском союзе и за рубежом» [Дэвид-Фокс, 2020, с. 156]. Более того, как показывают протоколы заседаний и Общего собрания, и отдельных подразделений Коммунистической академии, ее сотрудники прекрасно осознавали недостатки собственной научной работы, которая нередко носила преимущественно декларативный характер.

4. От «академического ковчега» к главному центру советской исторической науки: Академия наук СССР в конце 1920-х — 1930-е годы

Ситуация резко изменилась на рубеже 1920—1930-х годов, когда на волне «культурной революции», призванной подчинить науку задачам социалистического строительства [Наука ..., 2003, с. 577], началось серьезное наступление на «буржуазных исследователей» в СССР. Одним из его итогов стала «советизация» Академии наук, которая постепенно потеряла свою прежнюю относительную автономию и оказалась полностью подконтрольна партии и правительству, рассматривавшим ее как главный «бастион» советской науки, переведенный в 1934 году из Ленинграда в Москву (правда, первоначально лишь в составе учреждений отделения естественных и математических наук) [Академия наук в решениях ..., 2000, т. 1, с. 141].

Оставляя за скобками детали подобных трансформаций, неоднократно освещавшиеся в современной исследовательской литературе [Перчёнок, 1991], отметим, что для советской историографии процесс превращения Академии наук СССР в главный центр исторических исследований в стране оказался наиболее непростым и болезненным. Его первый этап был связан с временным «возвышением» Коммунистической академии и реформированной ГАИМК, сделавших в первой половине 1930-х годов заявку на лидерство на «историческом фронте». В то же время Академия наук СССР, пережившая печально знаменитое «академическое дело» и потерявшая целый ряд историков, уволенных и арестованных в ходе «чисток» рубежа 1920—1930-х годов, казалось бы, утратила свои прежние позиции и, по мысли членов Общества историков-марксистов во главе с М. Н. Покровским, должна была выполнять лишь «вспомогательные функции», связанные с поиском, разработкой и публикацией материала источников [РГАСПИ, ф. 147, оп. 1, д. 30, л. 2]. Последние планировалось закрепить за Историко-археографическим институтом (далее — ИАИ), образованным в стенах Академии наук СССР в 1931 году на месте прежней Археографической комиссии, которая еще в 1929 году подверглась радикальной кадровой (председатель — М. Н. Покровский, заместитель председателя — С. Г. Томсинский) и организационной трансформации [Иванова, 1971, с. 418].

Согласно утвержденному положению, ИАИ должен был собирать, систематизировать, обрабатывать и издавать на основе марксистско-ленинской методологии материалы по истории народов СССР, разрабатывать вспомогательные исторические дисциплины и осуществлять подготовку кадров в указанной предметной области [СПбФ

АРАН, ф. 133, оп. 1, д. 1300, л. 8]. Иными словами, как утверждал Б. Д. Греков, выполнявший функции сначала ученого секретаря, а затем заместителя директора института, ИАИ должен был выполнять археографические функции и заниматься «разработкой» исторических источников [СПбФ АРАН, ф. 133, оп. 1, д. 1357, л. 1 об.], то есть их поиском, обработкой, подготовкой к печати и корректурой. Правда, в отличие от ПИАК и АК, новый институт ориентировался на работу с документами иной тематической направленности. Объединив усилия историков Москвы, Казани, Архангельска и Чебоксар, сотрудники ИАИ, вынужденные внедрить в свою работу принципы планирования, ориентировались на изучение феодализма и крепостничества, истории революционного движения народов СССР и истории рабочих в России (в том числе в рамках изучения «Истории фабрик и заводов»).

Однако инициатива историков-марксистов по ослаблению роли Академии наук СССР как центра изучения прошлого человечества все же не получила последовательного воплощения, и в первой половине 1930-х годов различные академические центры продолжали проводить исследования в данной предметной области. Так, тот же ИАИ, хотя и занимался преимущественно археографической работой, одновременно проводил исследования в области истории феодализма, Музей этнографии, на базе которого в 1933 году был создан Институт антропологии и этнографии, разрабатывал проблемы истории первобытного общества, а проблемы истории народов Востока входили в сферу исследовательского интереса сотрудников Азиатского музея, реорганизованного в 1930 году в Институт востоковедения и др. Более того, в 1933 году на ноябрьской сессии Академии наук было принято решение о создании в стенах данного центра специальной Исторической комиссии (председатель — В. П. Волгин), которая должна была координировать работу различных академических учреждений, занимавшихся историческими исследованиями [СПбФ АРАН, ф. 133, оп. 1, д. 1357, л. 4], и самостоятельно ставить и решать исследовательские задачи в различных областях отечественной и всемирной истории (далее — ИК). Как свидетельствуют официальные отчетные документы, в 1934 году ИК, действовавшая в составе шести отдельных секторов, стремилась рассматривать проблемы истории Запада (генезис и развитие западноевропейского феодализма, история социальных движений и др.), истории народов СССР (колониальная политика царизма, история отдельных народов и др.), истории Востока (разработка монгольских хроник и др.), истории доклассового общества и др. [Отчет ..., 1935, с. 399—402]. И хотя история деятельности данной комиссии оказалась недолгой (она была ликвидирована уже в 1935 году), ее исследовательские и координационные функции в целом были переданы ИАИ, который к 1936 году превратился в научно-исследовательский центр по изучению истории феодализма.

В то же время главные «соперники» академических институций в деле изучения прошлого человечества к середине 1930-х годов, напротив, сужали поле своей исследовательской деятельности. И в первую очередь это было характерно для Института истории Коммунистической академии и его ленинградского филиала, ранее позиционировавших себя в качестве основных советских исследовательских учреждений исторического профиля, проводивших изыскания в рамках широко-

го хронологического, географического и тематического спектра тем и сюжетов, а теперь перешедших к изучению проблем истории послевоенного империализма. Более того, общий поворот партийного курса на «историческом фронте», связанный с восстановлением исторического образования и постепенной реабилитацией историков «старой школы», которых в 1934—1935 годах стали активно привлекать к работе над учебниками для средней и высшей школы, также способствовал укреплению позиций Академии наук. В результате в феврале 1936 года постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР [Академия наук в решениях ..., 2000, т. 1, с. 216—221] Коммунистическая академия как самостоятельная структура была упразднена, а ее учреждения, в том числе и Институт истории, переданы в состав Академии наук, объединяясь с ее профильными институтами (рис. 1).

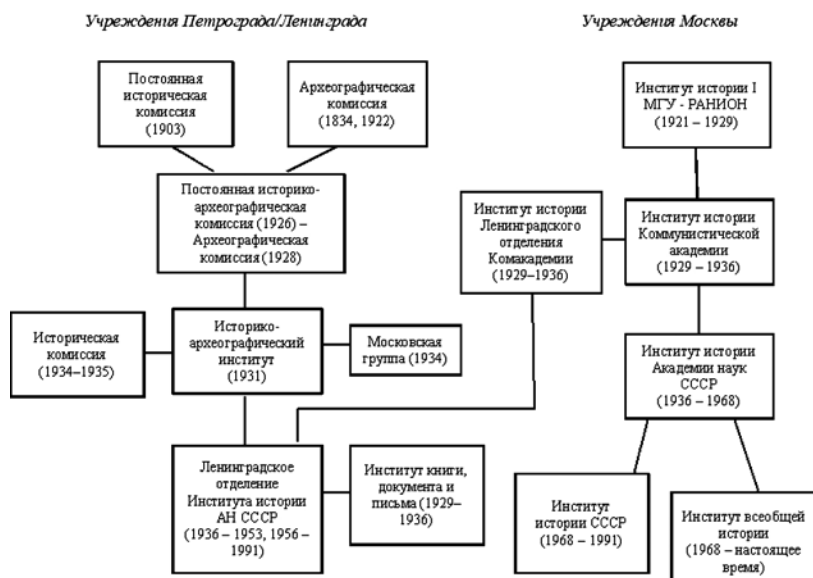

Рис. 1. Эволюция академических учреждений исторического профиля (на примере Москвы и Петрограда / Ленинграда)

Однако, как справедливо подчеркивает М. Дэвид-Фокс, подобная «победа» Академии наук СССР над Коммунистической академией все же была специфична, а новый центр советской науки воплотил в себе немало черт своей «поверженной соперницы» [Дэвид-Фокс, 2020, с. 169]. Эту точку зрения в полной мере подтверждает и тот факт, что новый Институт истории АН СССР был открыт в Москве, на базе прежнего Института истории Коммунистической академии, и в первые годы он сохранял не только материальную базу данного центра, но и его кадровый состав [Бухарин и др., 2019, с. 1163—1165]. Одновременно академические структу-

ры Ленинграда стали основой для создания Ленинградского отделения Института истории (далее — ЛОИИ) [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 8], который занимал скорее подчиненное положение по отношению к московскому «головному» институту, хотя и нередко обеспечивал его кадрами квалифицированных историков-исследователей. Иными словами, для исторической науки «победа» Академии наук СССР над Коммунистической академией означала скорее «победу» Москвы над Ленинградом, противостояние между которыми в тот период было отчетливо зафиксировано в воспоминаниях некоторых ученых [В России ..., 2010, с. 39].

Впрочем, было бы ошибкой утверждать, что открытие Института истории в Москве автоматически привело к утрате Ленинградом статуса важнейшего центра советской академической гуманитаристики. В довоенный период в бывшей столице Российской империи располагались Институт антропологии и этнографии, Институт востоковедения, Музей истории религии и некоторые другие центры, занимавшиеся в том числе и историческими изысканиями. Более того, ГАИМК, вошедшая в состав Академии наук СССР в 1937 году на правах Института истории материальной культуры (далее — ИИМК), также до войны оставалась в Ленинграде, тогда как в Москве действовало лишь отделение нового института. Радикальные перемены для этих учреждений произойдут или во время войны, или в послевоенный период, когда они также будут переведены в Москву, сохранив в Ленинграде свои отделения, архивы, музейные коллекции и др.

О том, как происходили подобные реорганизации, может свидетельствовать пример Института этнографии. Как мы помним, еще в 1933 году Институт антропологии и этнографии действовал в составе Отделения общественных наук Академии наук СССР (создано в 1930 году). Во время войны он был эвакуирован в Ташкент, где с декабря 1941 года находились многие московские и ленинградские академические институты. И хотя сотрудники эвакуированного учреждения не прекращали свою работу, в 1943 году в Москве под руководством С. П. Толстова, недавно перенесшего ранение и защитившего докторскую диссертацию, была создана самостоятельная группа этнографов [Рабинович, 2005, с. 204—213], которой в дальнейшем предстояло стать ядром уже нового московского Института этнографии. Схожая судьба постигла и ИИМК [Карпюк, 2019], который, по словам сотрудницы ленинградского Института этнографии Э. И. Бломквист, был «скушан Толстовым и москвичами» [«... твои письма — документ незабываемого времени...», 2013, с. 240].

Возвращаясь к истории советской академической исторической науки довоенного времени, укажем, что ключевым учреждением исторического профиля, действовавшим в составе Отделения исторических и философских наук (создано в 1938 году), безусловно, был Институт истории. По характеру своей деятельности это учреждение скорее напоминало Институт истории Коммунистической академии, чем ИАИ. Так, в конце 1930-х годов, несмотря на серьезные трудности в организации повседневной научной работы, связанные как с материальными проблемами, так и с «кадровым голодом» [АРАН, ф. 1577, оп. 5, д. 31, л. 25], не в последнюю очередь вызванным массовыми репрессиями тех лет, перед сотрудниками

Института истории были поставлены весьма амбициозные задачи, предполагавшие, что в ближайшие несколько лет ученые представят новую версию всемирной истории, разработанную на базе марксистско-ленинской методологии. Как говорил Н. М. Лукин, первый директор Института истории АН СССР, «создание всемирной истории, охватывающей историю человечества начиная от первобытного строя и кончая победой социализма в СССР, является сейчас очередной и важнейшей задачей советских историков вообще и Академии наук в первую очередь» [Лукин, 1937, с. 4]. Для эффективного выполнения подобных задач в работу Института были внедрены принципы планирования и контроля научной работы [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 76, л. 38—38 об.], которые, впрочем, оказались не слишком эффективными, и главные советские «метанарративы» тех лет — «Всемирная история» и «История СССР» — не были подготовлены сотрудниками института в установленные для этого сроки [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 68 а; АРАН, ф. 457, оп. 1 а-1940 г., д. 4, л. 17—19]. Точно так же далеко не всегда и не в полном объеме выполнялись и планы индивидуальной исследовательской работы сотрудников, составляемые ими исходя преимущественно из собственных научных интересов.

5. Центр и периферия: формирование «академического сектора» советской исторической науки в 1940—1950-е годы

Процесс превращения Москвы в главный центр советской академической исторической науки одновременно был связан с возникновением феномена «академической периферии», под которым мы подразумеваем сеть профильных исторических учреждений, действовавших в составе академий наук союзных республик, а также филиалов, баз и отделений Академии наук СССР, выполнявших самостоятельные научные изыскания, но тесно связанных с центральными московскими институтами. Процесс создания подобных структур за пределами сначала Петрограда / Ленинграда, а затем и Москвы начался еще в дореволюционный период, когда Императорская академия наук выступила с инициативой организации отдельных экспедиций, в задачу которых входило изучение той или иной территории. Начиная с 1932 года, по инициативе академического руководства, на месте данных институций начался процесс открытия специализированных филиалов, станций и баз, ориентированных на изучение природных богатств различных регионов страны и представлявших собой одну из форм освоения и «закрепления» территорий. В результате, по данным Г. А. Князева, к 1941 году в составе Академии наук действовало 8 филиалов и 3 самостоятельные научные базы [Князев, 1947, с. 127]. Одновременно с конца 1910-х годов в отдельных союзных республиках стали открываться свои академии наук (Академия наук УССР, Академия наук БССР и др.), возникавшие как «с нуля» (Академия наук Киргизской ССР, Академия наук Эстонской ССР и др.), так и на базе прежних академических филиалов (Академия наук Казахской ССР, Академия наук Таджикской ССР, Академия наук Молдавской ССР и др.) (рис. 2). После окончания Великой Отечественной войны число и филиалов, и баз, и республиканских академий значительно увеличилось, и к началу 1950-х годов они действовали в Коми (1944), Казани (1945), Узбекской ССР (1943),

Эстонской ССР (1946), Туркменской ССР (1951) и др., а в 1957 году, после провала идеи открытия отдельной Академии наук РСФСР в Новосибирске, было образовано особое Сибирское отделение АН СССР [Академия наук в решениях ..., 2010, т. 2, с. 722—727], ставшее центром, «объединяющим академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР, ведущих работу в научных учреждениях Сибири и Дальнего Востока» [Уставы ..., 1975, с. 161].

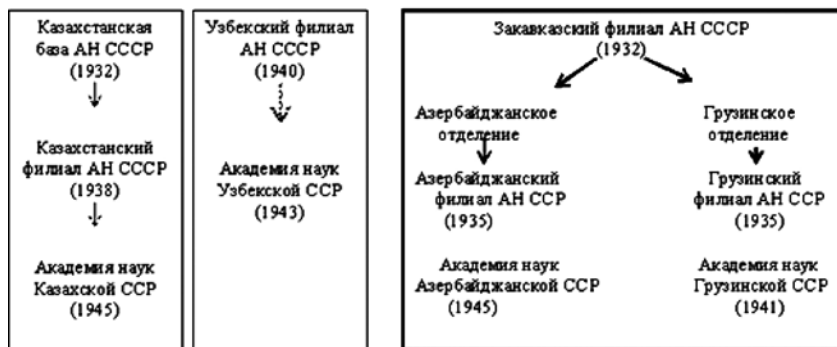

Рис. 2. Эволюция региональных академических структур в СССР (на примере Средней Азии и Закавказья)

Создаваемые первоначально преимущественно в составе институтов естественно-научного профиля, подобные учреждения постепенно стали располагать и гуманитарными структурами (институты и секторы истории, археологии, литературы и др.), призванными вести исследования в области проблем истории, этнографии и археологии того или иного края. Так, к примеру, гуманитарные институты Академии наук Узбекской ССР осуществляли разработку проблем этногенеза народов Узбекистана, сотрудники Института истории Латвийской ССР занимались изучением истории Латвии, а члены Института истории, языка и литературы Карело-финского филиала АН СССР вели исследования в области истории Карелии и финно-угроведения. Итогом их изысканий в данном направлении становились преимущественно обобщающие коллективные труды по истории республики или края, такие как «История Казахской ССР» (1943), «История народов Узбекистана» (1947—1950), «Очерки по истории Башкирской ССР» (1956) и др., а также учебные издания, связанные с локальной тематикой. Недаром, официальные отчеты гласили, что в 1950-е годы все профильные институты республиканских Академий наук работали над подготовкой историй своих республик [Волков, 1953, с. 130]. В 1950-е годы к этим темам добавились и другие сюжеты, связанные с изучением на местном материале истории Великой Отечественной войны и Октябрьской революции [Работа историков ..., 1957, с. 198], а также, в рамках подготовки серии «Народы мира», культуры и быта местных народов [Бем, 1959, с. 199]. И хотя далеко

не всегда работы, подготовленные историками местных отделений, получали положительную оценку со стороны научного сообщества или представителей властных структур (достаточно вспомнить ту волну критики, которая обрушилась во второй половине 1940-х годов на авторов «Истории Казахской ССР» [Абсеметов, 2016]), во многом именно подобные издания позволили заполнить лакуны в освещении тех или иных сюжетов в региональных нарративах и создать целостную версию прошлого народов, вошедших в состав СССР.

Специализация местных академических учреждений возникла отнюдь не случайно. С одной стороны, она отвечала интересам и самих исследователей отдельных республик, получавших возможность работать над изучением проблем, хорошо обеспеченных источниками, и местного партийного руководства, стремившегося к созданию «правильных» версии прошлого своих территории, вписанных в «историю народов СССР». Недаром, по воспоминаниям Н. М. Дружинина, именно обещание А. М. Панкратовой помочь местным историкам в разработке истории Казахстана обеспечило признание эвакуированного Института истории самостоятельной научно-исследовательской организацией [Дружинин, 1985, с. 28].

В то же время подобное «разделение обязанностей» соответствовало и сформировавшейся в советской историографии модели «центр-периферийных» отношений академических учреждений, предполагавшей, что «головной» московский Институт истории АН СССР проводил исследования в рамках широкого спектра тем и сюжетов и одновременно координировал работу специалистов на местах, оказывая им необходимую помощь. На практике это приводило к тому, что руководство московского исторического Отделения участвовало в разработке планов работы республиканских и региональных институтов, заслушивало их отчеты о текущей деятельности, проводило совместные научные сессии, рецензировало научную продукцию историков и др. Более того, в 1950-е годы в Институте истории АН СССР стали формироваться специальные организационные структуры, призванные объединить широкие круги советских специалистов, занимавшихся разработкой той или иной темы, — проблемные группы и научные советы. По сохранившимся свидетельствам, большинство из них работали фактически на добровольных началах, не имея достаточного количества штатных единиц и денежных средств [История в человеке ..., 2011, с. 366], но при этом осуществляли обсуждение научных докладов (в том числе в рамках специальных сессий) и подготовку и публикацию тематических сборников. Если говорить о причинах, обусловивших становление подобной модели организации «академического сектора» советской исторической науки, то, вероятно, стоит обратить внимание на тот факт, что многие местные академические учреждения в момент своего создания сталкивались с серьезными сложностями кадрового характера и действительно нуждались в определенной поддержке со стороны стабильно работающих научно-исследовательских структур. Недаром еще в 1943 году, согласно новому положению об аспирантуре, Академии наук СССР было поручено осуществлять подготовку кадров для научных учреждений во всесоюзном масштабе [Очерки истории ..., 1985, т. 5, с. 48].

6. Реорганизация советских академических учреждений исторического профиля в 1950—1960-е годы

Несмотря на то, что, на наш взгляд, модель *организации* советской исторической науки, в целом, сформировалась к началу 1950-х годов, а ее основными чертами стали государственный контроль над проводимыми исследованиями, плановый и коллективный характер текущей научной работы и строгая иерархическая упорядоченность научных институций, действующих в рамках обозначенной ранее парадигмы «центр-периферия», на протяжении 1950—1960-х годов «академический сектор» советской историографии все же пережил несколько реорганизаций. И хотя они далеко не всегда отражались на механизмах работы научных учреждений и не меняли общий вектор развития исследовательской традиции, до середины 1970-х годов находившейся в состоянии устойчивого роста (кадров, научных учреждений, научной продукции и др.) [Найденов, 1961], мы не можем их не учитывать при изучении данной темы, тем более что единая система исторических научных учреждений, действовавшая в СССР вплоть до 1991 года, как справедливо полагают исследователи, окончательно сформировалась только к концу 1960-х годов, когда, в частности, произошло разделение единого Института истории АН СССР на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории [Очерки истории ..., 1985, т. 5, с. 42].

Основная линия эволюции «академического сектора» советской исторической науки в 1950—1960-е годы была связана с ростом числа профильных научных учреждений и усилением их специализации. Так, в 1953 году на месте Отделения истории и философии (1938—1953 гг.) было создано Отделение исторических наук (1953—1963 гг.) [Академия наук в решениях ..., 2010, т. 2, с. 79—80], а затем — Отделение истории (1963—1991 гг.), в рамках которых действовали не только появившиеся ранее институты истории, этнографии, археологии и др., но и новые учреждения, возникшие как по инициативе представителей научного сообщества, так и под влиянием текущих политических обстоятельств: Институт славяноведения (1947 г.), Институт китаеведения (1956—1960 гг.), Институт Африки (1959 г.), Институт Латинской Америки (1961 г.) и др. Более того, по новому Уставу 1959 года, принятому на волне попыток реорганизации Академии наук в послесталинский период, были существенно расширены права Отделений по организации научно-исследовательской работы своих членов [Уставы ..., 1975, с. 159—161].

Одновременно происходило расширение числа учреждений, входивших в состав отдельных академических институтов. Если говорить об Институте истории, то еще во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы в составе данного учреждения появились новые секторы и исследовательские группы: группа византиноведения (появившаяся изначально в Ленинграде, а с 1944 года действовавшая в Москве), сектор военной истории (1944 г.), сектор вспомогательных исторических дисциплин (1944 г.) и др. В начале 1950-х годов организационная структура данного научного центра вновь была расширена за счет создания 5 новых секторов и некоторых других институций [Л. П., 1953, с. 127]. Рост научных учреждений Института продолжался и в последующие два десятилетия, когда в его составе

появились новые секторы (методологии истории и др.), проблемные комиссии (по истории исторической науки, по истории земледелия, археографическая и др.), исследовательские группы проблемной и страноведческой направленности (по истории земледелия и крестьянства в России, по истории Франции, по истории Испании, по истории Германии и др.) и научные советы («История Великой Октябрьской социалистической революции», «История исторической науки» и др.), объединявшие, как мы говорили ранее, в своих рядах не только членов Академии наук СССР, но и представителей иных советских научных и образовательных учреждений страны.

Однако, говоря о трансформациях институциональной структуры советской исторической науки в послевоенные годы, было бы некорректно представлять их лишь в качестве поступательной эволюции, обусловленной внутренней логикой развития данной системы, и не принимать в расчет воздействие внешних политико-идеологических факторов. Как удачно показали Н. Ю. Пивоваров и В. В. Тихонов, данные механизмы зачастую дополняли друг друга и обеспечивали реализацию давних планов научного сообщества, как это было, к примеру, в случае с разделением Института истории АН СССР в 1968 году, когда инициативы отдельных ученых, обусловленные соображениями практического толка (повышение эффективности системы управления, решение материальных проблем и др.), получили свое практическое воплощение благодаря столкновениям политико-идеологического характера (конфликт вокруг «даниловского» парткома и «дело» А. И. Некрича) и карьерного устремления отдельных специалистов [Пивоваров и др., 2020, с. 184].

Сочетание воздействия на «академический сектор» советской исторической науки внешних и внутренних факторов можно обнаружить и в других событиях, обусловивших его трансформации в послевоенный период. Так, в 1953 году было временно ликвидировано ЛОИИ, что стало своеобразным завершением длительной полосы критики, обрушившейся на московский и ленинградский Институты истории в конце 1940 — начале 1950-х годов, в период борьбы с космополитизмом и «буржуазным объективизмом» [Академия наук в решениях ..., 2010, т. 2, с. 52—59; О научной деятельности ..., 1953]. Однако, как справедливо подчеркивают современные историографы, закрытие ЛОИИ должно рассматриваться нами и в более широкой перспективе, учитывающей как политические столкновения текущего момента (отголоски «ленинградского дела»), так и дальнейшее укрепление Москвы в качестве главного центра советской исторической науки [Панях, 1993, с. 22—23]. И хотя в 1956 году ЛОИИ вновь приступил к работе, и его организационная структура, и направления работы все же претерпели определенные изменения, уже хотя бы в силу того, что часть сотрудников отделения ранее была переведена в Москву.

Приведенный пример временной ликвидации ЛОИИ, впрочем, был далеко не единственным. В начале 1960-х годов, на волне реформ Академии наук и ее институтов, проводимых по инициативе партийного руководства во главе с Н. С. Хрущевым и ориентированных на «перемещение» части академических институтов в ведение специальных государственных комитетов, были реорганизованы Башкирский, Казанский и Карельский филиалы АН ССР, в составе которых также действовали Институты истории, языка и литературы. Однако, как и в случае с ЛОИИ,

ликвидация данных академических центров была временной: в 1967 году все они были восстановлены в составе Академии наук СССР.

7. Заключение

Завершая наш, безусловно, краткий и схематичный очерк развития «академического сектора» советской исторической науки, мы приходим к выводу, что 1920—1960-е годы стали для него временем становления. И если на рубеже 1940—1950-х годов сформировалась и обрела некоторую устойчивость сама модель организации академической исторической науки в СССР, то к концу 1960-х годов оформилась институциональная структура последней, включавшая в себя некоторое число профильных научно-исследовательских институтов. В целом, все эти процессы соответствовали общему направлению развития науки в СССР, ориентированному на построение «большой науки», которой предстояло стать основой социалистического строительства и освоения территорий [Gascoigne, 2019, p. 176—177]. В случае с советской историографией это означало не только изменение главного центра проведения исторических исследований с Москвы на Ленинград, но и внедрение в работу академических научно-исследовательских институтов, ставших главными организационными единицами новой «империи знания» (в терминологии А. Вучинича), тех элементов, которые ранее были характерны для «экспериментальных» научных структур первых послереволюционных лет, а также создание сети провинциальных академических учреждений, практически не представленных на этих территориях в дореволюционный период.

Источники и принятые сокращения

1. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922—1991 : в 2 т. Т. 1. 1922—1952 / сост. В. Д. Есаков. — Москва : РОССПЭН, 2000. — 591 с.
2. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922—1991 : в 2 т. Т. 2. 1952—1958 / сост. В. Ю. Афиани, В. Д. Есаков. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 1279 с.
3. Академия наук Союза советских социалистических республик за десять лет. 1917—1927 / ред. акад. А. Е. Ферсман. — Ленинград : Изд-во АН СССР, 1927. — 235 с.
4. АРАН — Архив Российской Академии наук. Ф. 457 (Отделение истории Российской Академии наук). Оп. 1а-1940 г. Д. 4; Ф. 1577 (Институт истории Академии наук СССР). Оп. 5. Д. 31.
5. Бем Ю. О. План научно-исследовательских работ Отделения исторических наук АН СССР на 1959 год / Ю. О. Бем // Вопросы истории. — 1959. — № 2. — С. 199—208.
6. «В России надо жить долго...»: памяти К. А. Антоновой (1910—2007) / ред. Л. Б. Алаев и др. — Москва : Восточная литература, 2010. — 468 с.
7. Волков С. И. XII сессия Совета по координации научной деятельности Академий наук союзных республик / С. И. Волков // Вопросы истории. — 1953. — № 5. — С. 130—132.
8. Дружинин Н. М. Труд и быт эвакуированных историков в 1941—1943 гг. / Н. М. Дружинин // В годы войны. Статьи и очерки / под ред. А. М. Самсонова и др. — Москва : Наука, 1985. — С. 25—30.
9. «История в человеке» — академик М. В. Нечкина : документальная монография / ред. Е. Л. Рудницкая, С. В. Мироненко. — Москва : Новый хронограф, 2011. — 1104 с.
10. Л. П. в Институте истории АН СССР // Вопросы истории. — 1953. — № 5. — С. 126—129.

11. Лукин Н. М. Основные проблемы построения всемирной истории / Н. М. Лукин // Историк-марксист. — 1937. — № 3. — С. 3—23.
12. Найденов М. Е. Советская историческая наука накануне XXII съезда КПСС / М. Е. Найденов // Вопросы истории. — 1961. — № 10. — С. 3—24.
13. НА ИРИ РАН — *Научный архив* Института российской истории Российской Академии наук. Ф. 1 (Институт истории Академии наук СССР). Оп. 1. Д. 1; Д. 68а; Д. 76.
14. *О научной деятельности и состоянии кадров* Института истории // Вестник Академии наук СССР. — 1953. — Т. 23, № 4. — С. 77—79.
15. *Отчет* о деятельности Академии наук Союза советских социалистических республик в 1934 году. — Москва; Ленинград: Б. и., 1935. — 612 с.
16. *Постановление* ЦИК и СНК СССР о признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением Союза ССР // Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925): сборник документов / ред. К. В. Островитянов и др. — Ленинград: Наука, 1968. — С. 203.
17. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 147 (Покровский Михаил Николаевич). Оп. 1. Д. 30.
18. Рабинович М. Г. Записки советского интеллектуала / М. Г. Рабинович. — Москва: Новое литературное обозрение; Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства, 2005. — 392 с.
19. *Работа* историков на местах // Вопросы истории. — 1957. — № 6. — С. 198—205.
20. СПбФ АРАН — *Санкт-Петербургский* филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 133 (Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР). Оп. 1. Д. 1066; Д. 1300; Д. 1357.
21. «... твои письма — документ незабываемого времени...»: из эпистолярного наследия Е. Э. Бломквист, 1942—1945 / предисл., коммент. Е. М. Груздевой. — Санкт-Петербург: Реноме, 2013. — 390 с.
22. *Устав* Государственной Академии истории материальной культуры. — Ленинград: Б. и., 1926. — 26 с.
23. *Уставы* Академии наук СССР. 1724—1974. — Москва: Наука, 1975. — 206 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абсеметов М. О. Вклад академика А. М. Панкратовой в историческую науку Казахстана / М. О. Абсеметов // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 402. — С. 18—22.
2. Базанов М. А. Отложенная реорганизация: первая попытка разделения Института истории АН СССР (1955—1957) / М. А. Базанов // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2019. — № 1. — С. 39—48.
3. Басаргина Е. Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX—XX веков (Очерки истории) / Е. Ю. Басаргина. — Москва: Индрик, 2008. — 656 с.
4. Бухарин М. Д. Как создавался Институт всеобщей истории АН СССР / М. Д. Бухарин, С. Г. Карпюк // Вестник Российской академии наук. — 2019. — Т. 89, № 11. — С. 1162—1168. — DOI: 10.31857/S0869-587389111162-1168.
5. Дэвид-Фокс М. Пересекая границы. Модерность, идеология и культура в России и Советском союзе / М. Дэвид-Фокс. — Москва: НЛЮ, 2020. — 229 с.
6. Иванова Л. В. Археографическая комиссия 1917—1931 / Л. В. Иванова // Проблемы истории общественного движения и историографии: к 70-летию академика Милицы Васильевны Нечкиной. — Москва: Наука, 1971. — С. 401—418.
7. Карпюк С. Г. ИИМК в Москве, 1943—1945 / С. Г. Карпюк // Российская археология. — 2019. — № 3. — С. 115—121. — DOI: 10.31857/S086960630005675-1.

8. Князев Г. А. Академия наук СССР за 30 лет (краткий хронологический обзор) / Г. А. Князев // Вестник Академии наук СССР. — 1947. — № 11. — С. 117—135.
9. Метель О. В. От «рассадника социалистических идей» к «орудию социалистической реконструкции»: основные этапы эволюции Коммунистической академии / О. В. Метель // Вестник Пермского университета. Серия История. — 2018. — № 2 (41). — С. 136—144. — DOI: 10.17072/2219-3111-2018-2-136-144.
10. Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки : коллект. монография / ред. Э. И. Колчинский. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — 1040 с.
11. Очерки истории исторической науки в СССР : в 5 т. Т. 4 / ред. М. В. Нечкина и др. — Москва : Наука, 1966. — 854 с.
12. Очерки истории исторической науки в СССР : в 5 т. Т. 5 / ред. М. В. Нечкина и др. — Москва : Наука, 1985. — 608 с.
13. Панях В. М. Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР / В. М. Панях // Вопросы истории. — 1993. — № 10. — С. 19—27.
14. Перчёнок Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» / Ф. Ф. Перчёнок // Звенья. Исторический альманах. — 1991. — Вып. 1. — С. 163—235.
15. Пивоваров Н. «Штатов — избылье, порядка нет»: к истории разделения Института истории АН СССР в 1968 г. / Н. Пивоваров, В. Тихонов // Российская история. — 2020. — № 3. — С. 173—184. — DOI: 10.31857/S086956870010153-9.
16. Gascoigne J. Science and the State from the Scientific Revolution to World War II / J. Gascoigne. — Cambridge : Cambridge University Press, 2019. — 250 p.
17. Vucinich A. Empire of Knowledge. The Academy of Sciences of the USSR (1917—1970) / A. Vucinich. — Berkeley : University of California Press, 1984. — 484 p.

EVOLUTION OF “ACADEMIC SECTOR” OF SOVIET HISTORICAL SCIENCE IN 1920s—1960s¹

© Olga V. Metel (2020), orcid.org/0000-0001-6981-6137, PhD in History, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Dostoevsky Omsk State University” (Omsk, Russia), olgametel@yandex.ru.

The evolution of the “academic sector” of Soviet historical science is analyzed, the process of its formation and subsequent development is considered. The relevance of the study is due to the methodological searches of modern historiography, focused on the study of the internal mechanisms of the development of the research tradition. The author identifies the main stages of building the organizational structure of the Soviet academic historical science, relying on a wide range of published and previously not introduced into circulation of archival documents, as well as taking into account the latest developments of modern historiographers. The author believes that the model of organizing historical research within the framework of the USSR Academy of Sciences was formed under the influence of the pre-revolutionary tradition and institutional “experiments” of the first years of Soviet power. In the course of the study, the author came to the conclusion that the first stage of the formation of the “academic sector” of Soviet historiography fell on the 1930s and was associated with the formation of the “academic center” — the Moscow institutes of the Department of History and Philosophy of the Academy of Sciences of the USSR, the second stage of this process ended in 1950s and assumed the formation of “academic periphery” — institutions of the historical profile

---

¹ The publication was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation МК-309.2020.6 “Soviet historical science of the 1940s—1980s: the experience of institutional history”.

of branches, bases and departments of the USSR Academy of Sciences and republican academies of sciences. The author believes that the formation of the “academic sector” took place under the influence of external (political-ideological) and internal (scientific) factors.

Key words: USSR Academy of Sciences; academic sector; Department of Historical Sciences; Institute of History of the USSR Academy of Sciences.

MATERIAL RESOURCES

- Afiani, V. Yu., Esakov, V. D. (eds.). (2010). *Akademiya nauk v resheniyakh Politbyuro CK RKP(b) — VKP(b) — KPSS. 1922—1991 (1952—1958)* [The Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) — VCP(b) — CPSU. 1922—1991 (1952—1958)]. Moskva: ROSSPEN. 2/2. 1279 p. (In Russ.).
- Alaev, L. B., et al. (eds.). (2010). «*V Rossii nado zhit' dolgo...: pamyati K. A. Antonovoy (1910—2007)* [“One must live in Russia for a long time ...”: in memory of K. A. Antonova (1910—2007)]. Moskva: Vostochnaya literatura. 468 p. (In Russ.).
- ARAN — *Arkhiv Rossiyskoy Akademii nauk. (Otdelenie istorii Rossiyskoy Akademii nauk)*. [Archive of the Russian Academy of Sciences. (Department of History of the Russian Academy of Sciences)]. (In Russ.).
- Bem, Yu. O. (1959). Plan nauchno-issledovatel'skikh rabot Otdeleniya istoricheskikh nauk AN SSSR na 1959 god [The plan of research work of the Department of Historical Sciences of the USSR Academy of Sciences for 1959]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2: 199—208. (In Russ.).
- Druzhinin, N. M. (1985). Trud i byt evakuirovannykh istorikov v 1941—1943 gg. [Trud i byt evakuirovannykh istorikov v 1941—1943 gg.]. In: *V gody voyny. Stat'i i ocherki* [During the war years. Articles and essays]. Moskva: Nauka. 25—30. (In Russ.).
- Esakov, V. D. (ed.). (2000). *Akademiya nauk v resheniyakh Politbyuro CK RKP(b) — VKP(b) — KPSS. 1922—1991 (1922—1952)* [The Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) — VCP(b) — CPSU. 1922—1991 (1922—1952)]. Moskva: ROSSPEN. 2/1. 591 p. (In Russ.).
- Fersman, A. E. (ed.). (1927). *Akademiya nauk Soyuza sovetskikh sotsialisticheskikh respublik za desyat' let. 1917—1927* [Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics for ten years. 1917—1927]. Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 235 p. (In Russ.).
- Gruzdeva, E. M. (ed.). (2013). «... tvoi pis'ma — dokument nezabyvaemogo vremeni...»: iz epistolyarnogo naslediya E. E. Blomkvist, 1942—1945 [“... your letters are a document of an unforgettable time...”: from the epistolary heritage of E. E. Blomkvist, 1942—1945]. Sankt-Peterburg: Renome. 390 p. (In Russ.).
- L. P. v Institute istorii AN SSSR [L. P. at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences]. (1953). *Voprosy istorii* [Issues of History], 5: 126—129. (In Russ.).
- Lukin, N. M. (1937). Osnovnyye problemy postroeniya vseмирnoy istorii [The main problems of building world history]. *Istoriik-marksist* [Marxist historian], 3: 3—23. (In Russ.).
- NA IRI RAN — *Nauchnyy arkhiv Instituta rossiyskoy istorii Rossiyskoy Akademii nauk. (Institut istorii Akademii nauk SSSR)* [Scientific archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. (Institute of History of the USSR Academy of Sciences)]. (In Russ.).
- Naydenov, M. E. (1961). Sovetskaya istoricheskaya nauka nakanune XXII syezda KPSS [Soviet historical science on the eve of the XXII Congress of the CPSU]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 10: 3—24. (In Russ.).
- O nauchnoy deyatel'nosti i sostoyanii kadrov Instituta istorii [On scientific activity and the state of staff of the Institute of History]. (1953). *Vestnik Akademii nauk SSSR* [Herald of the Academy of Sciences USSR], 23 (4): 77—79. (In Russ.).

- Otchet o deyatelnosti Akademii nauk Soyuzu sovetских sotsialisticheskikh respublik v 1934 godu* [Report on the activities of the Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics in 1934]. (1935). Moskva; Leningrad. 612 p. (In Russ.).
- Postanovlenie TsIK i SNK SSSR o priznanii Rossiyskoy Akademii nauk vysshim uchenym uchrezhdeniem Soyuzа SSR [Resolution of the Tsik and SNK of the USSR on the recognition of the Russian Academy of Sciences as the highest scientific institution of the USSR]. (1968). In: Ostrovityanov, K. V. (ed.). *Organizatsiya nauki v pervye gody Sovetskoy vlasti (1917—1925): sbornik dokumentov* [Organization of Science in the First Years of Soviet Power (1917—1925): Collection of Documents]. Leningrad: Nauka. 203. (In Russ.).
- Rabinovich, M. G. (2005). *Zapiski sovetского intellektuala* [Notes of a Soviet Intellectual]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 392 p. (In Russ.).
- Rabota istorikov na mestakh [Field work of historians]. (1957). *Voprosy istorii* [Issues of History], 6: 198—205. (In Russ.).
- RGASPI — Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii. (Pokrovskiy Mikhail Nikolaevich) [Russian State Archive of Social and Political History (Pokrovsky Mikhail Nikolaevich)]. (In Russ.).
- Rudnitskaya, E. L., Mironenko, S. V. (eds.). (2011). «Istoriya v cheloveke» — akademik M. V. Nechkina: dokumentalnaya monografiya [“History in man” — Academician M. V. Nechkina: documentary monograph]. Moskva: Novyy khronograf. 1104 p. (In Russ.).
- SPbF ARAN — *Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiyskoy Akademii nauk. (Leningradskoe otделение Instituta istorii Akademii nauk SSSR)* [St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. (Leningrad Branch of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences)]. (In Russ.).
- Ustav Gosudarstvennoy Akademii istorii materialnoy kultury* [Charter of the State Academy of the History of Material Culture]. (1926). Leningrad. 26 p. (In Russ.).
- Ustavy Akademii nauk SSSR. 1724—1974* [Charters of the USSR Academy of Sciences. 1724—1974]. 1975. Moskva: Nauka. 206 p. (In Russ.).
- Volkov, S. I. (1953). XII sessiya Soveta po koordinatsii nauchnoy deyatelnosti Akademiy nauk soyuznykh respublik [XII session of the Council for the coordination of scientific activities of the Academy of Sciences of the Union republics]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 5: 130—132. (In Russ.).

REFERENCES

- Absemetov, M. O. (2016). Vklad akademika A. M. Pankratovoy v istoricheskuyu nauku Kazakhstana [Contribution of academician A. M. Pankratova to the historical science of Kazakhstan]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 402: 18—22. (In Russ.).
- Bazanov, M. A. (2019). Otlozhennaya reorganizatsiya: pervaya popytka razdeleniya Instituta istorii AN SSSR (1955—1957) [Delayed reorganization: the first attempt to split the Institute of History of the USSR Academy of Sciences (1955—1957)]. *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* [Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology], 1: 39—48. (In Russ.).
- Basargina, E. Yu. (2008). *Imperatorskaya Akademiya nauk na rubezhe XIX—XX vekov (Ocherki istorii)* [Imperial Academy of Sciences at the turn of the XIX—XX centuries (Essays on history)]. Moskva: Indrik. 656 p. (In Russ.).
- Bukharin, M. D., Karpyuk, S. G. (2019). Kak sozdavalsya Institut vseobshchey istorii AN SSSR [Foundation of the Institute of world history of the Academy of sciences of the USSR].

- Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 89 (11): 1162—1168. (In Russ.).
- Devid-Foks, M. (2020). *Peresekaya granitsy. Modernost', ideologiya i kultura v Rossii i Sovetskom soyuze* [Crossing borders. Modernity, ideology and culture in Russia and the Soviet Union]. Moskva: NLO. 229 p. (In Russ.).
- Gascoigne, J. (2019). *Science and the State from the Scientific Revolution to World War II*. Cambridge: Cambridge University Press. 250 p.
- Ivanova, L. V. (1971). Arkheograficheskaya komissiya 1917—1931 [Archaeographic Commission 1917—1931]. In: *Problemy istorii obshchestvennogo dvizheniya i istoriografii: k 70-letiyu akademika Militsy Vasilievny Nechkinoy* [Problems of the History of Social Movement and Historiography: to the 70th Anniversary of Academician Militsa Vasilievna Nechkina]. Moskva: Nauka. 401—418. (In Russ.).
- Karpyuk, S. G. (2019). IIMK v Moskve, 1943—1945 [The Institute for the history of material culture in Moscow, 1943—1945]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archeology], 3: 115—121. (In Russ.).
- Knyazev, G. A. (1947). Akademiya nauk SSSR za 30 let (kratkiy khronologicheskiy obzor) [Academy of Sciences of USSR for 30 years (brief chronological review)]. *Vestnik Akademii nauk SSSR* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences], 11: 117—135. (In Russ.).
- Metel, O. V. (2018). Ot «rassadnika sotsialisticheskikh idey» k «orudiyu sotsialisticheskoy rekonstruktsii»: osnovnye etapy evolyutsii Kommunisticheskoy akademii [From “the hotbed of the socialist ideas” to “the instrument of the socialist reconstruction” main stages of the evolution of the Communist academy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya* [Perm university herald. History], 2 (41): 136—144. (In Russ.).
- Kolchinskiy, E. I. (ed.). (2003). *Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitelnye ocherki* [Science and crises. Historical and comparative essays]. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 1040 p. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. et al. (eds.). (1966). *Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR* [Essays on the history of historical science in USSR]. Moskva: Nauka. 4: 854 p. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. et al. (eds.). (1985). *Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR* [Essays on the history of historical science in the USSR]. Moskva: Nauka. 5: 608 p. (In Russ.).
- Paneyakh, V. M. (1993). Uprazhdenie Leningradskogo otdeleniya Instituta istorii AN SSSR [Abolition of the Leningrad Branch of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 10: 19—27. (In Russ.).
- Perchenok, F. F. (1991). Akademiya nauk na «velikom perelome» [Academy of Sciences at the “great turning point”]. In: *Zveniya. Istoricheskiy almanakh* [Links. Historical almanac], 1: 163—235. (In Russ.).
- Pivovarov, N., Tikhonov, V. (2020). «Shtatov — izobilie, poryadka net»: k istorii razdeleniya Instituta istorii AN SSSR v 1968 g. [“The staff is abundant, there is no order again”: on the history of separation of the Institute of history of the Academy of sciences of the Soviet Union in 1968]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 3: 173—184. (In Russ.).
- Vucinich, A. (1984). *Empire of Knowledge. The Academy of Sciences of the USSR (1917—1970)*. Berkley: University of California Press. 484 p.

Попов И. Д. Конференции премьер-министров германских земель в 1945—1947 годах как предпосылка становления Федеративной Республики Германия / И. Д. Попов // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 290—307. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-290-307.

Popov, I. D. (2020). Conferences of Minister Presidents of the German States in 1945—1947 as a Prerequisite for the Formation of the Federal Republic of Germany. *Nauchnyi dialog*, 12: 290-307. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-290-307. (In Russ.).

УДК 94(430).087

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-290-307

КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОВ ГЕРМАНСКИХ ЗЕМЕЛЬ В 1945—1947 ГОДАХ КАК ПРЕДПОСЫЛКА СТАНОВЛЕНИЯ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ

© Попов Иван Дмитриевич (2020), orcid.org/0000-0001-6740-2387, Researcher ID C-9135-2014, кандидат исторических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия), i.d.popov@narfu.ru.

Прослеживается становление института конференций премьер-министров германских земель после завершения Второй мировой войны до конца 1947 года. Впервые в российской и постсоветской историографии показана важность межзональных заседаний глав региональных правительств для политического развития Германии в первые послевоенные годы. Рассматриваются итоги конференций в Штутгарте (6 февраля, 3 апреля 1946 года), Бремене (28 февраля — 1 марта 1946 года), Мюнхене (6—7 июня 1947 года) и Висбадене (17 февраля, 15—16 июня, 22 октября 1947 года). Делается вывод, что опыт этих заседаний и одновременно слабая результативность межпартийного диалога склонили западных союзников уже в декабре 1947 года выбрать конференции премьер-министров в качестве основной переговорной платформы с немецкими политиками по вопросам будущего конституирования Западной Германии. На основе опубликованных и архивных документальных источников показано превращение конференций премьер-министров из консультативных придатков военных администраций во влиятельную политическую структуру, претендующую на общенациональное представительство. Вместе с тем это влияние, как отмечает автор статьи, подвергалось серьезным ограничениям со стороны не только военных администраций, но и партийных лидеров.

Ключевые слова: конференции премьер-министров германских земель; раскол Германии; Бизония; союзническая оккупация Германии; земли Германии.

1. Институциональное рождение

Институт конференций премьер-министров германских земель играл значительную роль в политической жизни послевоенной Западной Германии в оккупационный период, в том числе и в процессе её конституирования в 1948—1949 годах. Во многом это было связано с тем, что в условиях отсутствия центральных правительственных и парламентских учреждений, а также партийной и зональной разобщённости именно премьер-министры стали основным связующим звеном с военными администрациями, а их совместные заседания выполняли функцию координации властей на зональном и межзональном уровне. Зарождение данного политического института уходит корнями в Ноябрьскую революцию 1918—1919 годов, когда главы германских земель проводили регулярные встречи и принимали

тем самым участие в создании конституции Веймарской республики, стремясь противостоять наметившимся централистским тенденциям [Leusser, 1957, S. 60]. Наиболее активными поборниками федерализма тогда были правительства южно-германских земель, и особенно Баварии [Попов, 2019, с. 323, 325—326]. После Второй мировой войны союзники стали проводить в жизнь принцип «децентрализации политической структуры» и восстанавливать упразднённые нацистами земли. Помимо непосредственного взаимодействия, каждая военная администрация выстраивала свою модель координации земельных правительств. Во французской зоне контакты между ними были минимизированы; в советской зоне земельные органы власти были подчинены центральным управлениям; а в американской и британской зонах создавались зональные консультативные учреждения.

Наиболее приближенным к формату конференций премьер-министров был Совет земель (Länderrat) американской зоны, созданный военной администрацией 17 октября 1945 года. На нём раз в месяц заседали главы земельных правительств, чтобы «в рамках политики оккупационной власти совместно решать вопросы, выходящие за пределы отдельной земли». Подготовку заседаний осуществлял специально созданный Секретариат в Штутгарте во главе с генеральным секретарём и специальными представителями от каждой земли [Guradze, 1950, p. 191]. Позже в совете была основана Директория, которая американцами задумывалась как некий прообраз зонального правительства. Она уже не ограничивалась консультативными функциями и могла вмешиваться в политические решения. Земли (и особенно Бавария) первоначально воспринимали с определённым недоверием укрепление зональной компетенции, что шло вразрез с их традиционно федералистскими убеждениями [AVBRD, Bd. I, S. 59; Kock, 1983, S. 239—241]. Со временем региональные правительства расширили свою компетенцию в составе совета. При поддержке военной администрации конструкция зонального управления всё больше развивалась в федеративном ключе, а земли американской зоны, сосредоточенные на юге Германии, были наиболее активными приверженцами федералистских идей.

В британской зоне с сентября 1945 года также проводились ежемесячные конференции глав региональных правительств, однако этот формат военная администрация воспринимала как временный и начала подготовку к созданию консультативного совет из разных сегментов политической элиты. Куда более скептически англичане относились и к федерализму, выстраивая в своей зоне более централизованную модель взаимодействия с регионами. Вместе с тем до марта 1946 года именно встречи глав правительств являлись общей основой координации земель обеих оккупационных зон, и потому изначально официальные двухзональные контакты немецких политиков прошли именно в этом формате. Исторически первая послевоенная конференция с участием глав правительств американской и британской зон состоялась в Штутгарте 6 февраля 1946 года. На ней участники обсуждали преимущественно политические проблемы и подчеркнули необходимость достижения единства страны. Впервые был поднят вопрос о создании постоянной надзональной структуры по образцу Совета земель [AVBRD, Bd. I, S. 275—276, 279, 281, 284—286].

Последнее предложение вместе с текущими экономическими трудностями активно обсуждалось на следующей конференции премьер-министров земель американской и британской оккупационных зон, которая состоялась в Бремене 28 февраля — 1 марта 1946 года [Ibid., S. 290—300]. Однако обсуждения закончились безрезультатно, так как англичане к тому моменту ещё не были готовы разрешить интенсивную кооперацию с земельными правительствами американской зоны [Gruner, 1975, S. 766]. Кроме того, уже на этой конференции возникли первые противоречия между региональными и партийными лидерами. Несмотря на скромные итоги, Первая Бременская конференция положила начало более тесному сотрудничеству американской и британской зон [Krautkrämer, 1972, S. 155].

6 марта 1946 года в качестве главной совещательной зональной структуры британской зоны был создан Зональный консультативный совет (Zonenbeirat, далее — ЗКС), в который, помимо делегатов от земельных правительств, входили партийные лидеры, а также специалисты и представители экономики и социальной сферы. Присутствие партийных лидеров было связано с тем, что в отличие от Совета земель этот орган был сформирован не военной администрацией, а немецкими политиками [Vogel, 1956, S. 71—72], а влияние премьер-министров в британской зоне было намного меньше в силу централизованной модели устройства. ЗКС, таким образом, превратился в основную площадку межпартийных дебатов [AVBRD, Bd. I, S. 63]. Внутри совета росла напряжённость в отношениях премьер-министров не только с партийными лидерами, но и экспертами от экономики, которые претендовали на роль представителей центральных учреждений, но не имели в землях даже своего аппарата [Vogel, 1956, S. 117—118]. Данный конфликт предопределил как минимум сочувствие премьер-министров федеративной идее (несмотря на партийную принадлежность), в то время как партийное руководство занимало либо централистскую (Социал-демократическая партия Германии — СДПГ; Коммунистическая партия Германии — КПГ), либо умеренно-федералистскую позицию (Христианско-демократический союз — ХДС; либералы).

3 апреля 1946 года ЗКС и Совет земель встретились в Штутгарте, где основной темой стала координация земельных и центральных учреждений. Решения этой конференции не отличались конкретикой и носили преимущественно декларативный характер [AVBRD, Bd. I, S. 440]. Других совместных заседаний этих двух структур больше не проводилось. Ещё на Бременской конференции премьер-министры земель американской зоны указывали на организационную несовместимость этих консультативных учреждений [Ibid., S. 295]. Модель ЗКС подвергалась жёсткой критике за затягивание процесса создания земель, отсутствие подлинного федерализма, полную зависимость региональных правительств от оккупационных властей, а также неподотчётность парламентам. В связи с этим предлагалось распространить модель Совета земель на обе зоны оккупации, однако британская военная администрация отклонила эту идею [Ibid., S. 80].

Контакты земельных правительств с коллегами из советской зоны носили куда более эпизодичный характер и ограничивались либо единичными встречами профильных министров, либо частными поездками премьер-министров [Krautkrämer,

1972, S. 155]. Французская администрация и вовсе противилась любым общегерманским учреждениям и вела изоляционистский курс, препятствуя взаимодействию с другими зонами (в том числе экономическому) и не позволяя создать даже далекое подобие центрального правительства. Деятельность премьер-министров Франция строго контролировала, а на любые их контакты с другими землями требовала разрешения [Некрасова, с. 30, 173—174]. По этой причине формат конференций премьер-министров земель так и не вышел за двухзональные рамки вплоть до середины 1947 года.

Однако справедливости ради необходимо отметить, что в условиях экономической разрухи и первоочередности решения хозяйственных проблем вопрос об объединении оккупационных зон не стоял в приоритете у глав земельных правительств и казался предметом весьма отдалённой перспективы. Основными обсуждаемыми вопросами межзональных конференций на протяжении 1946—1947 годов были меры по преодолению острой материальной нужды (снабжение сырьём и средствами производства, торговля, борьба с чёрным рынком, рабочие места, беженцы, земельная реформа, выстраивание управления на различных уровнях власти, денацификация) [AVBRD, Bd. I, S. 280—283, 287—288, 294, 298, 433—439]. Вместе с тем на каждой конференции в той или иной степени затрагивалось экономическое и социальное устройство; высказывались соображения и о будущем государственном устройстве. Анализ протоколов уже первых конференций показывает, что ключевые инициативы и предложения были направлены не только на решение сиюминутных задач, зачастую они оценивались с точки зрения будущих последствий для общегерманского правительства.

2. Вторая Бременская и Первая Висбаденская конференции

Международно-политические события середины 1946 года оказали заметное влияние на изменение повестки двухзональных конференций и актуализировали проблему межзонального объединения. Уже на второй сессии СМВД в Париже (апрель — июль 1946 года) наместились серьёзные разногласия в решении германского вопроса, а его предметное обсуждение было отклонено до следующей — Московской сессии [История дипломатии, 1974, с. 84—86]. Нарастало и взаимное обособление оккупационных зон. 6 сентября 1946 года американский госсекретарь Дж. Бирнс, выступая в Штутгарте, констатировал проблему отсутствия прогресса в межзональном объединении и сориентировал на «максимально возможное объединение» Германии, если «полного объединения достигнуто не будет». Эта речь и связанная с ней подготовка к экономическому объединению американской и британской оккупационных зон стали поводом к созыву Второй Бременской конференции 4—5 октября 1946 года, инициатором которой стал президент Сената города Бремена В. Кайзен [AVBRD, Bd. I, S. 880—882].

На этот раз были приглашены премьер-министры всех четырех оккупационных зон, и потому конференция официально себя позиционировала как общегерманская. Однако это приглашение не нашло отклика в советской и французской зонах, чьи военные администрации не пустили на заседание своих премьер-ми-

нистов. Французы считали преждевременным пробуждать чувства германского единства, а советская сторона была встревожена продвижением федералистской идеи [Dorondo, 1992, p. 52]. Руководство Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) считало, что западногерманские представления о федерализме не имеют ничего общего с истинным народовластием. А партийная газета «Neues Deutschland» назвала участников конференции «раздутыми бюрократами», которые, «полагаясь на поддержку со стороны международной реакции», пытаются расчлнить Германию экономически и политически [Die Bremer ..., 1946, S. 2].

Поэтому основной темой конференции стали проблемы двухзональных отношений. Среди важных предложений экономического характера, помимо облегчения межзональной торговли и ликвидации барьеров, особо стоит выделить предложения по организации центральных экономических структур Бизонии. Предлагалось создать пять общих управлений (экономики, снабжения и продовольствия, финансов, транспорта и почты). Британской военной администрации было рекомендовано не назначать их руководителей оккупационными властями (как это было с центральными экономическими управлениями британской зоны), а делегировать ландтагами [AVBRD, Bd. I, S. 898].

Ещё более интересными были политические решения, которые фактически затмили экономическую повестку. Южно-германским премьер-министрам удалось убедить своих коллег из британской зоны в федералистском решении проблемы временных центральных органов. Участники приняли «Предложения по созданию временного немецкого Совета земель и временного немецкого Народного Совета». В них содержалось предложение до принятия конституции учредить временный Совет земель из глав региональных правительств, который должен был консультировать союзников и выполнять его указания. В свою очередь из депутатов ландтагов должны были сформировать Народный совет с функциями парламентского контроля над Советом земель и внесения через него своих предложений [Ibid., S. 920—921]. В этом проекте прослеживалось явное доминирование Совета земель не только над Народным Советом, но и над будущими бизональными исполнительными органами власти, что указывало на его крайне федералистский характер. Помимо этого, для усиления позиций земельных правительств премьер-министр Вюртемберг-Бадена Р. Майер предложил закрепить за ними выполнение общегосударственных задач, «пока не существует общегерманского правительства» [Ibid., S. 889—990]; а организатор конференции В. Кайзен призвал начать разработку конституции и обеспечить премьер-министрам представление германских интересов на любых переговорах по заключению мира [Krautkrämer, 1972, S. 157].

Итоги конференции вызывают неоднозначные оценки у историков. Одни считают её очередным серьёзным шагом в утверждении федеративной идеи [Gelberg, 1992, S. 84—85] или даже «кульминацией усилий по созданию представительного органа на основе земель» [Schwarz, 1966, S. 632]; другие — попыткой поиска компромисса на федералистской основе, которая натолкнулась на централистские настроения партий [Krautkrämer, 1972, S. 157]; третьи обращают внимание на то, что участники так и не сформулировали чёткой программы для будущей федераль-

ной конституции [Foelz-Schroeter, 1974, S. 87]. Так или иначе, именно в Бремене премьер-министры двух зон впервые высказали претензию к общегерманскому представительству, в том числе и по вопросам заключения мира. Очевидной стала и федералистская ориентация глав земельных правительств, которая активно подогревалась с Юга страны и поддерживалась американской военной администрацией. Однако крайне федералистские решения конференции не были поддержаны британской военной администрации и партийными лидерами.

На следующей конференции в Висбадене 17 февраля 1947 года премьер-министры американской зоны предприняли ещё одну попытку склонить коллег из британской зоны к своей модели межзонального представительства. В частности, были высказаны конкретные предложения по созданию органа координации и контроля над уже сформированными бizonaльными управлениями. Южно-германские премьер-министры в качестве такой структуры предложили орган, аналогичный Совету земель. Однако данное предложение было отклонено премьер-министрами Нижней Саксонии и Северного Рейна-Вестфалии. Они руководствовались позицией политических партий своих земель, которые считали обсуждение конституционных вопросов своей прерогативой. Поэтому в Висбадене премьер-министры смогли договориться лишь об общих формулировках необходимости подобной структуры, а также о желательности контроля и координации бizonaльных управлений со стороны премьер-министров [AVBRD, Bd. 2, S. 206—211]. Однако военные администрации отказались от реализации этой идеи в связи с предстоящей Московской конференцией [AVBRD, Bd. 3, S. 25—26].

Дальнейшее развитие событий ещё больше не благоприятствовало сближению формата общезональных консультативных органов. В марте 1947 года при Совете земель был создан Парламентский совет, на котором каждую землю представляли семь делегатов (Бремен — три). Этот орган должен был способствовать сближению законодательства в землях и обозначать своё видение любых решений Совета земель. В свою очередь ЗКС в британской зоне был реорганизован в июне 1947 года на основе полностью партийного принципа: тридцать семь его делегатов представляли политические партии в зависимости от результатов прошедших выборов [AVBRD, Bd. 2, S. 20, 23—24]. Несмотря на то что отдельные премьер-министры эпизодически обращались к необходимости создания межзональной структуры наподобие Совета земель, данный вопрос утратил свою актуальность в повестках следующих конференций.

3. Мюнхенская конференция

Мюнхенская конференция 6—7 июня 1947 года была самой масштабной и резонансной из всех встреч премьер-министров германских земель в оккупационный период. Созванная по инициативе премьер-министра Баварии Г. Эхарда, она была уже примечательна хотя бы фактом приезда глав земельных правительств всех четырёх зон оккупации. Таким образом, формат конференции вышел за узкие бizonaльные рамки и отныне стал реалией общегерманского масштаба. В отличие от межзональных встреч партийных деятелей, премьер-министры обладали пусть

и ограниченными, но всё же вполне конкретными властными рычагами. Поэтому общественность питала надежды на то, что именно в Мюнхене ответственные немецкие политики смогут договориться о путях воссоединения страны.

Собственно встреча премьер-министров всех зон состоялась не на самой конференции, а на предварительном заседании по уточнению повестки в ночь с 5 на 6 июня. На нём премьер-министры советской зоны выступили с инициативой поставить в центр обсуждения учреждение «немецкого центрального управления путем согласия демократических партий и профсоюзов на создание единого немецкого государства». Однако их западногерманские коллеги отвергли данное предложение и призвали соблюдать изначально оговоренную повестку, касающуюся обсуждения возможностей сотрудничества между землями, прежде всего, по преодолению экономических трудностей. В ответ главы правительств восточной зоны покинули заседание [Попов, 2020, с. 86—87, 93—94]. После этого сама конференция проходила уже в трёхзональных рамках. Последующие попытки вновь привлечь за стол переговоров премьер-министров с Востока не увенчались успехом. Таким образом, в германском обществе конференция оценивалась как утрата последней для немецких политиков возможности спасти единство страны.

В этом ключе конференцию оценивала первая специально посвящённая ей монография В. Грюневальда. «Историческую вину» за провал конференции автор возлагал на немецких политиков, в частности, на Г. Эхарда и на К. Шумахера [Grünewald, 1971, S. 493—497]. Критики В. Грюневальда связывали неудачу конференции с другими факторами: глубокий «внутригерманский конфликт», взаимное недоверие, отсутствие политической воли и гибкости с обеих сторон [Krautkrämer, 1972, S. 166, 169], неблагоприятный партийно-политический расклад внутри различных оккупационных зон [Steininger, 1992, S. 213—214]. Другие историки предпочитали говорить о конференции не в контексте провала, а в ключе утверждения западногерманского федерализма [Foelz-Schroeter, 1974, S. 103—133; Gruner, 1975, S. 762—776; Gelberg, 1992, S. 86—92; Kock, 1983, S. 244—247; Dorondo, 1992, S. 51—55]. Часть из них указывала на то, что германский вопрос для организаторов был «далёкой целью», а приоритетом являлась би- или тризональная интеграция [Foelz-Schroeter, 1974, S. 104; Gruner, 1975, S. 769—772].

Официально главной причиной созыва конференции баварское правительство считало «голодную зиму» 1946—1947 годов, которая выявила неспособность региональных правительств в одиночку справиться с возникшими социальными и экономическими проблемами. Сам Г. Эхард наиболее острыми из них считал трудности снабжения одеждой и продовольствием, перебои с поставками угля, коллапс транспортной системы, критическое положение жилищного фонда, бюджетные сложности, наплыв вынужденных переселенцев [BayHStA, NL Ehard 1374]. Решение этих проблем подавалось в качестве основной цели конференции.

Куда более значимыми мотивами стали провал Московской сессии СМВД (март-апрель 1947 года) и неудачные попытки сформировать на неё партийное общегерманское представительство. В Москве между союзниками выявились глубокие разногласия по вопросам политического устройства [История дипломатии..., 1974,

с. 93—96] и фактически оформились подходы к конституированию, которые будут воплощены при образовании ФРГ и ГДР. В этой связи 6 мая 1947 года на Совете земель генерал Л. Клей объявил план реорганизации Бизонии и укрепления её структуры, 2 июня 1947 года была опубликована Прокламация № 5 о создании Экономического совета. Подобное развитие событий настораживало земли, поскольку было неясно, как укрепление скажется на будущем государственном строительстве, учитывая централистские тенденции из британской зоны [Gelberg, 1992, S. 86—87].

Политические партии пытались сгладить наметившиеся расхождения между союзниками и сформировать немецкую делегацию в Москву с участием представителей профсоюзов и широкой общественности. В феврале 1947 года создание единого комитета для участия в Московской конференции инициировал видный деятель Либерально-демократической партии Германии (ЛДПГ) в советской зоне О. Шиффер, а в марте межпартийный диалог на площадке рабочего сообщества ХДС/ХСС предложил лидер восточногерманских христианских демократов Я. Кайзер [Grünwald, 1971, S. 16—17]. Однако в обоих случаях основной причиной срыва межпартийных переговоров стало противодействие лидера СДПГ К. Шумахера, который считал СЕПГ нелегитимной и отказывался взаимодействовать с ней из-за репрессии в отношении социал-демократов советской зоны. Сложности во взаимодействии были также между западно- и восточногерманскими отделениями либералов и христианских демократов. Главы западногерманских правительств связывали негативный исход Московской сессии СМИД именно с провалом общенационального межпартийного диалога. Подобные мысли посещали и их коллег на востоке. Так, премьер-министр земли Саксония-Анхальт Э. Хюбнер писал о «глубоком разочаровании тем, что исход московских переговоров был подготовлен не посвящёнными политиками, а широкими массами народа» [Steininger, 1992, S. 219].

Новый раунд обсуждения германского вопроса был запланирован на Лондонской сессии СМИД в ноябре — декабре 1947 года. Ему придали особое значение премьер-министры земель американской зоны и 15 апреля 1947 года учредили «Немецкое бюро по вопросам мира» для подготовки документов к мирным переговорам и помощи военнопленным. Бюро старалось провести американское видение решения германского вопроса, стремясь добиться институционализации конференции премьер-министров для будущих мирных переговоров [Steininger, 1975, S. 380—381]. Потому итоги мюнхенского заседания напрямую увязывались организаторами с перспективами мира для Германии.

Из всего этого следовало, что в новых реалиях именно конференции премьер-министров оставались хоть и мало задействованной, но всё же наиболее перспективной и дееспособной площадкой внутригерманского диалога. К тому же на уровне земельных правительств происходило эффективное выстраивание самых различных партийных коалиций. Так, из шестнадцати земельных правительств на западе и востоке лишь одно (Шлезвиг-Гольштейн) было однопартийным. В составе магистрата Большого Берлина, помимо ХДС и ЛДПГ, работали, казалось бы, несовместимые политические силы — социал-демократы и СЕПГ; а правительства трёх земель западных зон были представлены также и коммунистами. К тому же

с ноября 1946 года по май 1947 года в землях американской, советской и французской зон были приняты конституции: отныне земли могли позиционировать себя уже в качестве первичных государственных единиц и считать себя единственными легитимными представителями немецкого народа.

Вместе с тем расхождения союзников по германскому вопросу и межпартийные противоречия изначально ограничивали как широту повестки, так и правомочность конференции. Так, например, французская оккупационная администрация изначально запретила премьер-министрам своей зоны обсуждать на конференции политические вопросы, хотя и не возражала против рассмотрения децентрализованной федерации в форме соглашения между землями и с однопалатным парламентом в виде палаты земель [Kieffer, 2016, S. 190—194, 208]. В американской и британской зонах оккупации, несмотря на формальное одобрение военных администраций, значительную роль в ограничении повестки сыграли социал-демократы. Опасаясь усиления влияния как СЕПГ, так и крайних федералистов, партийное руководство проинструктировало своих премьер-министров на самой конференции «при любых обстоятельствах снять чисто политические вопросы и не обсуждать условия мира», поскольку «это — дело партий» [AVBRD, Bd. 2, S. 459].

Неоднозначным отношение к конференции было и в советской зоне оккупации. Первоначальная позиция В. Ульбрихта и начальника управления информации СВАГ С. И. Тюльпанова состояла в том, чтобы не допускать участия премьер-министров советской зоны [Филитов, 2003, с. 235]. Вместе с тем внутри самой СЕПГ было немало критиков такой установки, считавших Мюнхенскую конференцию «реальной возможностью объединения Германии» [Леонгард, 1984, с. 479—480]. Они преобладали в секретариате СЕПГ и состояли преимущественно из бывших социал-демократов. Вес сторонникам участия добавляла также позиция В. М. Молотова, который на Московской сессии СМВД дистанцировался от централизма СЕПГ и рекомендовал взять Веймарскую конституцию за основу обсуждения [Overesch, 1975, S. 461]. В той или иной мере федералистских взглядов придерживались и премьер-министры восточных земель [Ibid., S. 461]. 3 июня было принято компромиссное для всех сторон решение: поездку одобрить, однако премьер-министры должны потребовать создания центрального правительства с участием демократических партий и профсоюзов, а если предложение будет отклонено — покинуть конференцию [Steining, 1975, S. 413—414]. Вплоть до 5 июня, то есть дня предварительного обсуждения повестки, участие премьер-министров восточной зоны стояло под вопросом. Подобная неопределённость уже ориентировала конференцию на тризональные приоритеты. Удивление западногерманских премьер-министров вызвало отсутствие у коллег с востока делегаций со специалистами [BayHStA, NL Ehard 1375], а истинной целью их приезда и высказанного предложения многие участники считали «подрыв» мероприятия [Eschenburg, 1972, S. 413—414].

Из всего вышесказанного следует, что обсуждение германского вопроса и конституционного устройства было исключено ещё накануне конференции. Франция даже не допускала их постановки в повестку мероприятия; взаимно исключали друг друга и указания, которыми были связаны премьер-министры французской и совет-

ской зоны; репрессии в отношении социал-демократов в восточной зоне делали почти невозможным диалог СДПГ и СЕПГ; идея общегерманского представительства национальным собранием с участием партий и профсоюзов (отстаивалась СЕПГ и централистским крылом СДПГ) находилась в прямом противоречии с федералистскими настроениями Юга и позицией западных союзников. Стремление участников утвердить свою модель конституционного устройства превалировало над достижением единства страны. Вместе с тем существовали и призрачные надежды на определенные договоренности: региональные элиты в меньшей степени раздирали вышеуказанные противоречия (так как они занимались хозяйственными вопросами); практически все премьер-министры в той или иной мере симпатизировали федерализму и придавали большое значение земельной компетенции; формируя правительственные коалиции, они легче находили точки соприкосновения между различными политическими силами и имели определенный вес в своих партиях.

Обсуждаемые вопросы являлись в той или иной мере наиболее злободневными региональными проблемами, которые до этого рассматривались преимущественно в рамках зональных учреждений. И потому Мюнхенскую конференцию можно считать первым общенациональным позиционированием земельной элиты, которая была куда менее заметна на фоне партийных лидеров и партийных дебатов. Сама конференция вызвала гораздо меньше внимания после отъезда восточногерманских премьер-министров, однако и её итоги имеют серьёзное политическое значение. Главным из них является единогласное одобрение принятых резолюций, несмотря на серьёзные расхождения. В области экономической и финансовой политики премьер-министры призвали к восстановлению экономического единства, свободе межзональных передвижений; обеспечению стартовыми кредитами на импорт дефицитной продукции; разрешению выхода на мировые рынки; передаче межзональной торговли в ведение немецких учреждений; проведению земельной реформы; ограничению демонтажа предприятий и «продолжающейся хищнической вырубке немецкого леса» [Die Deutsche ..., 1947, S. 107—111], уменьшению налоговых ставок, сокращению оккупационных расходов и проведению денежной реформы [Ibid., S. 109—110]. Среди других значимых решений необходимо выделить предложение о создании оккупационного права в соответствии с Гаагской конвенцией о законах и обычаях сухопутной войны, унификацию и передачу процесса денацификации в руки немцев; скорейшее освобождение военнопленных и создание центральной инстанции для решения их вопросов; равномерное распределение вынужденных переселенцев по всей Германии [Ibid., S. 96—99, 112—115]. Декларация о единстве, однако, получилась довольно обтекаемой, обращая лишь к «великой цели экономического и политического единства Германии» и восстановлению политической жизни на принципах демократии [Ibid., S. 107], без всякой конкретизации предполагаемой модели политического строительства.

Итак, ни германский вопрос, ни федеративные отношения фактически не нашли отражения в итоговых постановлениях. Чтобы обеспечить единогласное принятие решений, были сделаны существенные уступки руководству СДПГ. Региональное позиционирование, таким образом, ещё во многом уступало партийному

давлению, очевидным был и факт зависимости глав региональных правительств от своих партийных лидеров. По этой причине Экономический совет Бизонии в июне 1947 года был реорганизован именно на партийной основе.

Вместе с тем проявленные в Мюнхене способности премьер-министров находить конструктивные решения в условиях существовавших ограничений, выработать программу конкретных действий, уравнивать федералистские и централистские силы, подключать к диалогу партийную элиту всё больше вызывали интерес у западных союзников. Начиная с июня 1947 года ни одна крупная реформа бизонального управления не обходилась без созыва конференций премьер-министров. Важно и то, что итоги Мюнхена устраивали французскую военную администрацию, которая всё больше осознавала выгоду от взаимодействия с Бизонией и отходила от прежней изоляционистской политики. Поскольку Мюнхенская конференция стала исторически первой встречей всех глав германских правительств трёх западных зон, её также можно считать точкой отсчёта тризональной интеграции [Gruner, 1975, S. 770—771].

4. Последствия Мюнхена. Вторая и Третья Висбаденские конференции

Мюнхенская конференция являлась не столько последней попыткой наладить общегерманский диалог, сколько последней крупной демонстрацией несовместимости воззрений политиков на Западе и Востоке Германии по вопросу дальнейшего конституционного развития. Тем самым было положено начало повороту в сторону окончательного раскола Германии. В советской зоне итог конференции расценили как провальный [Warum..., 1947, S. 21], а линия сторонников участия оказалась полностью скомпрометированной. Руководство СЕПГ стало избегать совместных форумов с политиками из западных зон, так как это грозило расколом партии и создавало почву для «оппортунистов» [Филитов, 2003, с. 235]. В отчёте СВАГ по итогам конференции от 5 августа 1947 года не исключалось, что социал-демократическое крыло СЕПГ будет «выступать и в будущем согласованно, что отрицательно повлияет на внутрипартийное положение» [Из отчёта ..., 2006, с. 256]. В июле партия в качестве основной формы борьбы за германское единство остановилась на движении народного конгресса. Начался и постепенный отказ от федерализма в отношениях с землями и выдавливание социал-демократов из СЕПГ. Одновременно СВАГ начал препятствовать работе магистрата Большого Берлина и уже 24 июня в Контрольном совете не утвердил его нового обербургомистра Эрнста Рейтера: единственная в Германии коалиция, в которой участвовали как СЕПГ, так и СДПГ, была разрушена, и тем самым начали складываться основные предпосылки Берлинского кризиса 1948 года. В новых условиях премьер-министры земель теряли своё политическое значение, всё больше вписываясь в номенклатурно-бюрократическую вертикаль.

Одновременно важные события стали происходить и в Западной Германии. Отсутствие осязаемых перспектив сближения с советской зоной подстёгивало англичан и американцев укреплять двухзональное объединение, особенно после объявления Плана Маршалла. В июне 1947 года произошла первая крупная реор-

ганизация Бизонии, началась работа Экономического совета, где основную линию развития задавали оккупационные власти и политические партии. Однако бизональные органы отличались нечёткостью и противоречивостью своей компетенции, в том числе и по вопросу соотношения полномочий центральных и региональных органов власти.

Этой проблеме была посвящена двухзональная конференция премьер-министров в Висбадене 15—16 июня 1947 года. Примечательно также и то, что именно с премьер-министрами, а не партийными лидерами обсуждалось проведение мер по реорганизации Бизонии [Gelberg, 1992, S. 93]. На конференции вновь зазвучала федералистская риторика. Участники заявили, что «основы децентрализации согласно федеративным принципам должны соблюдаться строжайшим образом» [AVBRD, Bd. 3, S. 149]. В частности, было предложено изменить порядок делегирования в Исполнительный совет Бизонии, который формировался представителями земель: премьер-министры подчеркнули, что его члены обязательно должны быть связаны указаниями своих правительств [Ibid., S. 141, 143, 174]. На этой же конференции был впервые подвергнут критике бюрократизм новых бизональных структур [Ibid., S. 172, 175]. В дальнейшем именно земли являлись их основным критиком, обвиняя в проведении крайне централистской политики. В этой связи при будущем реформировании Бизонии и согласовании деятельности земельных и надзональных органов власти институт конференций премьер-министров становился всё более востребованным.

Следующая конференция в Висбадене (22 октября 1947 года) прошла уже как совместное мероприятие глав земельных правительств и центральных бизональных органов. Она была посвящена более частным экономическим вопросам. Предполагалось совместно выступить против политики демонтажа оккупационных властей и обсудить распределение возмещения ущерба между землями. Ещё до начала работы конференции возникли разногласия между сторонами. По просьбе премьер-министров и поручению директора экономики началась подготовка законодательных мер по распределению демонтажа. Однако компетенция по демонтажу была передана землям с координацией со стороны Экономического совета, а те в свою очередь проявляли региональный эгоизм, и в решении этого вопроса не было заметного прогресса [Ibid., S. 35, 690—711].

Таким образом, во второй половине 1947 года конференции премьер-министров встраиваются в процессы принятия решений в рамках укрепления Бизонии и замыкаются исключительно на западногерманских проблемах. Дальнейшие попытки организации четырёхзональных конференций как на партийном, так и на правительственном уровне были обречены на неудачу. В ноябре 1947 года первый обербургомистр Берлина Ф. Фриденсбург попытался организовать общенациональную конференцию политических и интеллектуальных деятелей, однако она имела слишком узкую основу для политического влияния и была заглушена движением народного конгресса [Krautkrämer, 1972, S. 175]. Провалом закончилась и инициатива Э. Хюбенера созвать накануне Лондонской сессии СМВД четырёхзональную конференцию премьер-министров. Несмотря на поддержку со стороны Совета земель и «Немец-

кого бюро по вопросам мира», идея была отклонена премьер-министрами британской оккупационной зоны [Steininger, 1975, S. 447—453]. На 20 декабря 1947 года по инициативе Совета земель американская военная администрация назначила встречу премьер-министров двух зон во Франкфурте, однако в связи со сложностями на лондонской сессии СМВД перенесла её на 7—8 января 1948 года. На Франкфуртской встрече военные администрации, руководители бizonальных органов и премьер-министры обсуждали вторую реорганизацию Бизонии. С этого момента и вплоть до созыва Парламентского совета конференции премьер-министров стали неотъемлемым участником всех ключевых обсуждений предстоящих изменений экономического и конституционного устройства Западной Германии. В итоге, когда 1 июля 1948 года были подготовлены «Франкфуртские документы», именно главы правительств стали основным переговорным партнёром, совместно с которым были выработаны рамочные условия принятия Основного закона.

5. Выводы

К декабрю 1947 года созрели все условия для превращения конференций премьер-министров в ведущую переговорную площадку между германскими политиками и западными союзниками. Это стало возможным благодаря опыту проведения межзональных встреч глав правительств в течение 1946—1947 годов. Уже с первых конференций в начале 1946 года премьер-министры заявили о себе как наиболее активных сторонников федеративной идеи, а на Первой Бременской конференции выступили уже с крайне федералистскими предложениями. Поддержку федералистским планам оказывали американские власти: они скептически относились к идее национального собрания и допускали временное правительство объединённой Германии именно в форме органа из премьер-министров земель. Федералистское позиционирование глав земельных правительств в конечном счёте склонило на их сторону и симпатии Франции, которая очень опасалась централизованной модели устройства во главе с партиями и профсоюзами. Положительная оценка французскими властями итогов Мюнхенской конференции стала одним из мотивов пересмотра Парижем своей германской политики в сторону тризональной интеграции и скорого создания федеративного государства. Одновременно структуры, представленные премьер-министрами (Совет земель, ЗКС, Немецкое бюро по вопросам мира, ЗКС, конференции), воспринимались союзниками как элементы контроля и ограничения партийной элиты, которая вела гораздо более самостоятельную линию. В отличие от партий, главы земельных правительств для западных союзников казались более предсказуемыми и управляемыми.

Кроме того, конференции премьер-министров проявили себя как довольно гибкий политический институт: они были способны предлагать долгосрочные решения (в том числе и по вопросам конституционного устройства), вести результативный диалог с различными (порой несовместимыми) политическими силами всех четырёх зон, часто достигать компромисса и подстраиваться под ограничения, диктуемые военными администрациями и партиями. Межзональные заседания глав правительств также стали основной площадкой общенационального пози-

ционирования региональной элиты, которая становилась всё более влиятельной и самодостаточной. Если на первых конференциях премьер-министрам земель была отведена роль консультативного придатка военных администраций, то уже на Первой Бременской и Мюнхенской конференциях они в открытую претендовали на осуществление функций общегерманского представительства. Начиная со Второй Висбаденской конференции в июне 1947 года региональные правительства стали естественным политическим противовесом центральному бizonальному учреждению, поэтому без учёта их позиции в Западной Германии не могла состояться ни одна крупная политическая реформа. Вместе с Исполнительным советом Бизонии конференции премьер-министров уже во второй половине 1947 года фактически выполняли основные функции палаты регионов. При этом аналогичной площадки партийного представительства в Западной Германии так и не сложилось. Все вышеуказанные обстоятельства обусловили выбор союзниками именно премьер-министров в качестве основных партнёров по переговорам с немецкой стороны, когда началась подготовка крупных экономических и конституционных реформ в 1948 году.

Вместе с тем работа конференций зачастую сковывалась военными администрациями и партиями, что наиболее ярко проявилось на Мюнхенской конференции. Премьер-министры строго контролировались союзниками и испытывали сильное давление со стороны партийного руководства; потому вынуждены были соблюдать баланс интересов региона, партии и военного правительства. Ввиду этого принимаемые на конференциях решения часто носили обтекаемый или рамочный характер, не отличаясь конкретикой. По этой же причине у конференций изначально отсутствовал потенциал решения германского вопроса, что наглядно продемонстрировали события в Мюнхене. Противодействие федералистским идеям со стороны СВАГ и СЕПГ исключило институционализацию конференций в четырехзональных рамках и окончательно сориентировало их на тризональную интеграцию в пределах Западной Германии.

Источники

1. *Отчёт* о работе СВАГ за II квартал 1947 г. о политической обстановке в Советской зоне оккупации Германии и работе немецких органов управления, 5 августа 1947 г. / под ред. Н. В. Петров // СВАГ и немецкие органы самоуправления, 1945—1949. — Москва : РОС-СПЭН, 2006. — С. 253—257.

2. *Леонгард В.* Революция отвергает своих детей / В. Леонгард. — London : Overseas Publication Interchanges Ltd, 1984. — 591 с.

3. AVBRD, Bd. I — *Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland, 1945—1949* : Band I : September 1945 — Dezember 1946 / bearb. von W. Vogel, Ch. Weisz (Hrsg. vom Bundesarchiv und Institut für Zeitgeschichte). — München; Wien : Oldenburg, 1976. — 1197 S.

4. AVBRD, Bd. II — *Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland, 1945—1949* : Band II : Januar — Juni 1947 / bearb. von W. Werner (Hrsg. vom Bundesarchiv und Institut für Zeitgeschichte). — München : Oldenburg, 1979. — 654 S.

5. AVBRD, Bd. III — *Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland, 1945—1949* : Band III : Juni — Dezember 1947 / bearb. von G. Plum, W. Vogel, W. Werner (Hrsg. vom Bundesarchiv und Institut für Zeitgeschichte). — München; Wien : Oldenburg, 1982. — 1064 S.

6. BayHStA, NL Ehard 1374 — *Bayerisches Hauptstaatsarchiv*, NL Ehard 1374, Die Ministerpräsidentenkonferenz der vier Zonen in München von Ministerpräsident Dr. Hans Ehard // Typoskript. Artikel für die «Neue Zeitung». — 11.5.1947. — S. 2, 5—8.
7. BayHStA, NL Ehard 1375 — *Bayerisches Hauptstaatsarchiv*, NL Ehard 1375, Ministerpräsidenten-Konferenz vom 6. Bis 8. Juni 1947 // Vortrag Ehard's vom 20.5.1966 auf einer Klausurtagung der Katholischen Akademie in Bayern. — 20.5.1966. — S. 10.
8. *Die Bremer Föderalisten-Konferenz* // Neues Deutschland. — 1946. — 11. Oktober. — S. 2.
9. *Die deutsche Ministerpräsidenten-Konferenz in München* : vom 6. bis 8. Juni 1947. — München : Bayerische Staatskanzlei, 1947. — 123 S.
10. *Eschenburg T.* Erinnerungen an die Münchener Ministerpräsidenten-Konferenz 1947 / T. Eschenburg // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. — 1972. — Heft 4. — S. 411—418.
11. *Overesch M.* Die Reise des Generalsekretärs des Länderrats Roßmann in die Ostzone vom 15. bis 20. Mai 1947 / M. Overesch // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. — 1975. — Heft 4. — S. 454—466.
12. *Steiniger R.* Dieser Vorfall bedeutet die Spaltung Deutschlands : Neue Dokumente zur Münchener Ministerpräsidentenkonferenz / R. Steiniger // Geschichte im Westen. — 1992. — Heft 2. — S. 213—230.
13. *Warum mußte die Münchener Konferenz scheitern?* / von der Arbeitsgemeinschaft SED-KPD. — Berlin : Dietz, 1947. — 47 S.

ЛИТЕРАТУРА

1. *История дипломатии* : 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. А. Громыко и др. — Москва : Политиздат, 1974. — Т. 5. — Кн. 1. — 750 с.
2. *Некрасова Т. А.* Федерализм и политика в землях французской зоны оккупации Германии в 1945—1949 гг. : диссертация... кандидата исторических наук / Т. А. Некрасова. — Москва, 2009. — 244 с.
3. *Попов И. Д.* Мюнхенская конференция премьер-министров германских земель 1947 г. / И. Д. Попов // Вопросы истории. — 2020. — №10 (2). — С. 86—98. — DOI : 10.31166/VoprosyIstorii202010Staty28.
4. *Попов И. Д.* Региональная политика Германии периода Веймарской республики (1918—1933 гг.) в советской и постсоветской историографии / И. Д. Попов // Научный диалог. — 2019. — №8. — С. 308—344. — DOI : 10.24224/2227-1295-2019-8-308-344.
5. *Филитов А. М.* СССР и германский вопрос : поворотные пункты (1941—1961) / А. М. Филитов // Холодная война 1945—1963 гг. : Историческая ретроспектива / — Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — С. 223—256.
6. *Dorondo D. R.* Bavaria and the German federalism : Reich to republic, 1918—1933, 1945—1949 / D. R. Dorondo. — New York : St. Martin's Press, 1992. — XIX, 165 p.
7. *Foelz-Schroeter M. E.* Föderalistische Politik und nationale Repräsentation 1945—1947 : Westdeutsche Länderregierungen, zonale Bürokratie und politische Parteien im Widerstreit / M. E. Foelz-Schroeter. — Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1974. — 251 S.
8. *Gelberg K.-U.* Hans Ehard : die föderalistische Politik des bayerischen Ministerpräsidenten : 1946—1954 / K.-U. Gelberg. — Düsseldorf : Droste, 1992. —XV. — 600 S.
9. *Gruner W. D.* Die Münchener Ministerpräsidentenkonferenz 1947 : Letzte Gesamtdeutsche Chance die Spaltung zu verhindern? / W. D. Gruner // Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte. — 1975. — Bd. 38. — S. 760—776.
10. *Grünwald W.* Die Münchener Ministerpräsidentenkonferenz 1947 : Anlaß und Scheitern eines gesamtdeutschen Unternehmens / W. Grünwald. — Meisenheim am Glan : A. Hain, 1971. — 555 S.

11. *Guardze H.* The Laenderrat : Landmark of German Reconstruction / H. Guardze // The Western Political Quarterly. — 1950. — Vol. 3, № 2. — P. 190—213.
12. *Kiefer G.* Die Münchener Ministerpräsidentenkonferenz 1947 und die verfassungspolitische Lage in der französischen Besatzungszone / G. Kiefer // Jahrbuch der Juristischen Zeitgeschichte. — 2016. — Vol. 17, № 1. — S. 186—210. — DOI : 10.1515/jjzg-b-2016-170107.
13. *Kock P. J.* Bayerns Weg in die Bundesrepublik / P. J. Kock. — Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1983. — 368 S.
14. *Krautkrämer E.* Der innerdeutsche Konflikt um die Ministerpräsidentenkonferenz in München 1947 / E. Krautkrämer // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. — 1972. — Heft 2. — S. 154—174.
15. *Leusser C.* Ministerpräsidentenkonferenz seit 1945 / C. Leusser // Festschrift zum 70. Geburtstag von Dr. Hans Ehard. — München : R. Pflaum, 1957. — S. 60—84.
16. *Schwarz H.-P.* Vom Reich zur Bundesrepublik : Deutschland im Widerstreit des außenpolitischen Konzeptionen in den Jahren der Besatzungsherrschaft 1945—1949 / H.-P. Schwarz. — Neuwied; Berlin : Luchterhand, 1966. — XXXVI. — 884 S.
17. *Steininger R.* Zur Geschichte der Münchener Ministerpräsidentenkonferenz 1947 / R. Steininger // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. — 1975. — Heft 4. — S. 375—453.
18. *Vogel W.* Westdeutschland 1945—1950 : der Aufbau von Verfassungs- und Verwaltungseinrichtungen über den Ländern der drei westlichen Besatzungszonen / W. Vogel. — Koblenz : Breuer, 1956. — Teil 1. — 213 S.

CONFERENCES OF MINISTER PRESIDENTS OF THE GERMAN STATES IN 1945—1947 AS A PREREQUISITE FOR THE FORMATION OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

© **Ivan D. Popov (2020)**, orcid.org/0000-0001-6740-2387, Researcher ID C-9135-2014, PhD in History, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia), i.d.popov@narfu.ru.

The formation of the Minister Presidents of the German states conferences institution after the end of World War II until the end of 1947 is traced. For the first time in Russian and post-Soviet historiography, the importance of interzonal meetings of heads of regional governments for the political development of Germany in the first post-war years is shown. The results of the conferences in Stuttgart (February 6, April 3, 1946), Bremen (February 28 — March 1, 1946), Munich (June 6—7, 1947) and Wiesbaden (February 17, June 15—16, October 22, 1947 of the year) are considered. It is concluded that the experience of these meetings and, at the same time, the weak effectiveness of the inter-party dialogue persuaded the Western allies in December 1947 to choose the conference of Minister Presidents as the main negotiating platform with German politicians on the future constitution of West Germany. On the basis of published and archival documentary sources, the transformation of the conferences of Minister Presidents from consultative appendages of military administrations into an influential political structure claiming national representation is shown. At the same time, this influence, according to the author of the article, was subject to serious restrictions from not only military administrations, but also party leaders.

Key words: conferences of Minister Presidents; German states; the division of Germany; Bizozna; allied occupation of Germany; states of Germany.

MATERIAL RESOURCES

- Arbeitsgemeinschaft SED-KPD (1947). *Warum mußte die Münchener Konferenz scheitern?* Berlin: Dietz. 47 S. (In Germ.).
- AVBRD, Bd. I — bearb. von Vogel, W., Weisz, Ch. (Hrsg. vom Bundesarchiv und Institut für Zeitgeschichte) (1976). *Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland*,

- 1945—1949: Band I: September 1945 — Dezember 1946. München; Wien: Oldenburg. 1197 S. (In Germ.).
- AVBRD, Bd. II — bearb. von Werner, W. (Hrsg. vom Bundesarchiv und Institut für Zeitgeschichte) (1982). *Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland, 1945—1949: Band II: Januar — Juni 1947*. München: Oldenbourg. 654 S. (In Germ.).
- AVBRD, Bd. III — bearb. von Plum, G., Vogel, W., Werner, W. (Hrsg. vom Bundesarchiv und Institut für Zeitgeschichte) (1982). *Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland, 1945—1949: Band III: Juni — Dezember 1947*. München; Wien: Oldenburg, Bd. 3. 1064 S. (In Germ.).
- BayHStA, NL Ehard 1374 — Bayerisches Hauptstaatsarchiv, NL Ehard 1374, Die Ministerpräsidentenkonferenz der vier Zonen in München von Ministerpräsident Dr. Hans Ehard (1947). *Typoskript. Artikel für die «Neue Zeitung»*. 11.05.1947. S. 2, 5—8. (In Germ.).
- BayHStA, NL Ehard 1375 — Bayerisches Hauptstaatsarchiv, NL Ehard 1375, Ministerpräsidentenkonferenz vom 6. Bis 8. Juni 1947 (1966). *Vortrag Ehards vom 20.05.1966 auf einer Klausurtagung der Katholischen Akademie in Bayern*. S. 10. (In Germ.).
- Die Bremer Föderalisten-Konferenz (1946). *Neues Deutschland*. 11. Oktober. S. 2. (In Germ.).
- Die deutsche Ministerpräsidenten-Konferenz in München : vom 6. bis 8. Juni 1947* (1947). München: Bayerische Staatskanzlei. 123 S. (In Germ.).
- Eschenburg, T. (1972). Erinnerungen an die Münchener Ministerpräsidenten-Konferenz 1947. *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*. Heft 4. S. 411—418. (In Germ.).
- Leongard, V. (1984). *Revoljutsiya otvergaet svoikh detey* [The revolution rejects its children]. London: Overseas Publication Interchanges Ltd. 591 s. (In Russ.).
- Overesch, M. (1975). Die Reise des Generalsekretärs des Länderrats Roßmann in die Ostzone vom 15. bis 20. Mai 1947. *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*. Heft 4. S. 454—466. (In Germ.).
- Petrov, N. V. (ed.) (2006). Otchet o rabote SVAG za II kvartal 1947 g. o politicheskoy obstanovke v Sovetskoy zone okkupatsii Germanii i rabote nemetskikh organov upravleniya, 5 avgusta 1947 g. [Report on the work of the SMAG for the II quarter of 1947 on the political situation in the Soviet zone of occupation of Germany and the work of the German government bodies, August 5, 1947]. *SVAG i nemetskie organy samoupravleniya, 1945—1949* [SVAG and German self-government bodies, 1945—1949]. Moskva: ROSSPEN. S. 253—257. (In Russ.).
- Steininger, R. (1992). Dieser Vorfall bedeutet die Spaltung Deutschlands: Neue Dokumente zur Münchener Ministerpräsidentenkonferenz. *Geschichte im Westen*. Heft 2. S. 213—230. (In Germ.).

REFERENCES

- Dorondo, D. R. (1992). *Bavaria and the German federalism: Reich to republic, 1918—1933, 1945—1949*. New York: St. Martin's Press. XIX. 165 p.
- Filitov, A. M. (2003). SSSR i germanskiy vopros: povorotnye punkty (1941—1961) [USSR and the German question: turning points (1941—1961)]. *Kholodnaya vojna 1945—1963 gg.: Istoricheskaya retrospektiva* [Cold War 1945—1963.: Historical retrospective]. Moskva: OLMA-PRESS. S. 223—256. (In Russ.).
- Foelz-Schroeter, M. E. (1992). *Föderalistische Politik und nationale Repräsentation 1945—1947: Westdeutsche Länderregierungen, zonale Bürokratien und politische Parteien im Widerstreit*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt. 251 S. (In Germ.).
- Gelberg, K.-U. (1992). *Hans Ehard: die föderalistische Politik des bayerischen Ministerpräsidenten: 1946—1954*. Düsseldorf: Droste. XV. 600 S. (In Germ.).

- Gromyko, A. A. (ed.) (1974). *Istoriya diplomatii* [History of diplomacy]. Moskva: Politizdat. 5(1). 750 p. (In Russ.).
- Gruner, W. D. (1975). Die Münchener Ministerpräsidentenkonferenz 1947: Letzte Gesamtdeutsche Chance die Spaltung zu verhindern. *Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte*, 38: 760—776. (In Germ.).
- Grünewald, W. (1971). *Die Münchener Ministerpräsidentenkonferenz 1947: Anlaß und Scheitern eines gesamtdeutschen Unternehmens*. Meisenheim am Glan: A. Hain. 555 S. (In Germ.).
- Guрадze, H. (1950). The Laenderrat : Landmark of German Reconstruction. *The Western Political Quarterly*, 3(2): 190—213.
- Kiefer, G. (2016). Die Münchener Ministerpräsidentenkonferenz 1947 und die verfassungspolitische Lage in der französischen Besatzungszone. *Jahrbuch der Juristischen Zeitgeschichte*, 17(1): 186—210. DOI : 10.1515/jjzg-b-2016-170107. (In Germ.).
- Kock, P. J. (1983). *Bayerns Weg in die Bundesrepublik*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt. 368 S. (In Germ.).
- Krautkrämer, E. (1972). Der innerdeutsche Konflikt um die Ministerpräsidentenkonferenz in München 1947. *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*, 2: 154—174. (In Germ.).
- Leusser, C. (1957). Ministerpräsidentenkonferenz seit 1945. *Festschrift zum 70. Geburtstag von Dr. Hans Ehard*. München: R. Pflaum. 60—84. (In Germ.).
- Nekrasova, T. A. (2009). *Federalizm i politika v zemlyakh frantsuzskoy zony okkupatsii Germanii v 1945—1949 gg.: PhD Diss.* [Federalism and politics in the lands of the French zone of occupation of Germany in 1945—1949: PhD Diss.]. Moskva. 244 p. (In Russ.).
- Popov, I. D. (2019). Regional Policy of Germany during the Weimar Republic (1918—1933) in Soviet and post-Soviet historiography. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 8: 308—344. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-308-344. (In Russ.).
- Popov, I. D. (2020). The Munich conference of Minister-Presidents of German lands in 1947. *Voprosy Istorii* [Issues of History], 10 (2): 86—98. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi28. (In Russ.).
- Schwarz, H.-P. (1966). *Vom Reich zur Bundesrepublik: Deutschland im Widerstreit des außenpolitischen Konzeptionen in den Jahren der Besatzungsherrschaft 1945—1949*. Neuwied; Berlin: Luchterhand. XXXVI. 884 S. (In Germ.).
- Steininger, R. (1975). Zur Geschichte der Münchener Ministerpräsidentenkonferenz 1947. *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*. Heft 4. S. 375—453. (In Germ.).
- Vogel, W. (1956). *Westdeutschland 1945—1950 : der Aufbau von Verfassungs- und Verwaltungseinrichtungen über den Ländern der drei westlichen Besatzungszonen*. Koblenz: Breuer. 1. 213 S. (In Germ.).

Скипина И. В. Переписка фронтовиков с тюменцами как источник по истории повседневности в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) / И. В. Скипина, Е. И. Дубницкая // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 308—321. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-308-321.

Skipina, I. V., Dubnitskaya, E. I. (2020). Correspondence of Front-Line Soldiers with Tyumen Residents as a Source on the History of Everyday Life during the Great Patriotic War (1941—1945). *Nauchnyi dialog*, 12: 308-321. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-308-321. (In Russ.).

УДК 159:953+316.627+94(470)“1941/1945”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-308-321

ПЕРЕПИСКА ФРОНТОВИКОВ С ТЮМЕНЦАМИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945)¹

© Скипина Ирина Васильевна (2020), orcid.org/0000-0001-7061-1403, SPIN 6537-8614, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и документационного обеспечения управления, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет» (Тюмень, Россия), i.v.skipina@utmn.ru.

© Дубницкая Екатерина Ильинична (2020) orcid.org/0000-0003-3152-6884, магистрант, направление «Документоведение и архивоведение», федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет» (Тюмень, Россия), e.i.dubnickaya@utmn.ru.

Исследуется переписка 1941—1945 годов военнослужащих с земляками, хранящаяся в Государственном архиве Тюменской области. Письма рассматриваются как документы с высоким информационным потенциалом, дающие новое знание о войне, полученное на основе изучения коммуникаций рядовых участников событий. Цель публикации — показать фронтовые письма как источник по истории повседневности, наполненной общением близких людей по важным для них вопросам, позволяющий проводить реконструкцию их жизнедеятельности, анализировать опыт прошлого, использовать итоги исследований в современной реальности. Переписка позволяет рассмотреть военную повседневность как часть большой политики и как личный опыт, расширить источниковую составляющую дискурса по истории Великой Отечественной войны, способствуя научной оценке пережитого и пониманию его исторической значимости. Доказывается, что коллективные и личные письма, обращения «во власть» свидетельствуют о том, что война, став временем тяжелых испытаний, стимулировала формирование идентичности, характеризующейся единением государства и общества с превалированием общественно-значимых ценностей над индивидуальными.

Ключевые слова: историческая память; Великая Отечественная война; переписка; идентичность; эгодокументы; история повседневности.

1. Введение

Великая Отечественная война большинством россиян считается одним из главных событий XX века и рассматривается как аргумент в пользу непобедимой силы единения государства и общества в условиях борьбы за национальную независимость. Сегодня, в связи с появившейся тенденцией ревизии истории Второй миро-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-49-720005 «Образ Сибири как социокультурного пространства Российского государства в отечественных энциклопедиях XVIII—XX вв.».

вой и Великой Отечественной войн с целью пересмотра их итогов, востребованы документальные данные, содержащие сведения о повседневной жизни рядовых участников событий, позволяющие изучить, что пришлось пережить простому человеку в 1941—1945 годах, как изменилась его жизнь, каковы были последствия. Цель статьи — показать информационные возможности писем как источника, транслирующего субъективный опыт войны во всем его многообразии и противоречивости, позволяющего осуществить реконструкцию прошлого с учетом межличностных отношений и дать характеристику повседневности как важнейшей составляющей социума военного времени. Объект исследования — переписка фронтовиков с семьями и земляками, хранящаяся в ГБУТО «Государственный архив Тюменской области». Большинство этих документов вводятся в научный оборот впервые. В статье рассматриваются коллективные и частные «обращения во власть», а также семейная переписка тюменцев. Фронтальная переписка, ставшая единственным возможным способом общения в условиях войны, является сферой самых доверительных отношений, она передает мироощущение, стратегии поведения, эмоционального состояния участников событий, их «правду о войне». Люди делились своими взглядами на происходившее, переживаниями, говорили о любви к близким, об искренней преданности большой и малой родине, обо всем, что их волновало, это во многом обеспечивает создание «горизонтальной картины» войны, позволяя воссоздать события с предельной точностью, погрузиться в происходившее, понять, какой ценой была достигнута победа. Переписка, как любой другой источник, нуждается в проверке, в том числе и другими видами документов. Ее отличает субъективность автора, ведущего «письменный разговор» без возможности сразу получить реакцию собеседника, кроме того, все знали о цензуре, которой подвергается корреспонденция, что сказывалось на содержании текстов. Однако указанные особенности данного источника не умаляют его информационного значения.

Рассмотрение повседневности войны на основе массовых источников говорит о том, что решение индивидуальных проблем не представлялось современникам возможным без общих усилий государства и народа.

2. Формирование корпуса фронтовой переписки в Государственном архиве Тюменской области и основные итоги его изучения

Формирование корпуса эпистолярных источников началось в ходе и сразу после войны, так как в эти годы переписка велась особенно интенсивно. Обеспечение работы почты, гарантирующей взаимодействие людей, оказавшихся вдалеке друг от друга, являлось важной стратегической задачей, считалось, что общение с близкими помогало повысить боевой дух Красной Армии, способствовало мобилизации сил мирных жителей для поддержки фронта. Уже в начале войны Государственный комитет обороны ввел строгий контроль за работой почты, проверкой и доставкой корреспонденции. 18 сентября 1941 года вышел Приказ НКО СССР «О работе полевой почты» [Приказ ..., 1997, с. 86—87]. В декабре 1943 года власти приняли решение о введении военной цензуры. Письма просматривались экспертами, которые исключали из текстов сюжеты о сложностях солдатских и тыловых

будней, дислокации войск, потерях в живой силе и технике. Несмотря на ограничения, письма сохранили «оттенки» войны, которые невозможно обнаружить в других видах источников. В них говорилось не столько о победах и успехах, сколько о повседневных делах и заботах, во всей полноте характеризующих это сложное время. Отправители корреспонденции придавали особое значение атрибутам письма. Это было необходимо для быстрой почтовой доставки послания. В годы войны имела место усиленная миграция населения. В сложившихся условиях налаженная переписка помогала восстановить связи родственников и друзей. Комплекс фронтовой корреспонденции тюменцев представлен разными по внешнему виду и содержанию документами. Конверты, треугольники, почтовые карточки и открытки ждали с особым чувством, надеждой на хорошие известия и скорую встречу.

Изучение источников по Великой Отечественной войне началось уже в то время, когда шли военные действия, но в силу политической ситуации, сложившейся под влиянием культа личности И. Сталина, переписку считали субъективным источником, не имеющим информационной значимости, поэтому она не привлекалась исследователями в качестве исторического источника. Утвердилось мнение, что корреспонденция проходила цензуру, из текстов удаляли самые содержательные сюжеты, поэтому эгодокументы утратили источниковую ценность. Исследователи опирались в большинстве случаев на письма к общественности, опубликованные в газетах. Централизованной политики собирания эпистолярного наследия не проводилось. В послевоенные годы изложение истории Великой Отечественной войны приобрело иерархический характер, рассматривалась особая роль И. Сталина, командования Красной Армии в организации и проведении крупных военных операций, обеспечении победы в войне. В исторические труды практически не включались сюжеты о рядовых участниках событий.

Формирование корпуса эгоисточников связано с запросом общества на новое знание о войне. Во второй половине 1950-х годов постепенно стали уходить из жизни современники событий, прерывалась прямая трансляция сведений от поколения к поколению, приходило понимание значимости эгоданных для изучения военной истории. В 1960-е годы началась работа по выявлению писем, большая часть которых находилась в домашних архивах. Сбор и организацию хранения переписки осуществляли государственные и негосударственные архивы, музеи, библиотеки, общественности. Комплекс военной переписки был сформирован и в ГБУ ТО «Государственный архив Тюменской области». В архиве создали специальный фонд Р-2132 Письма с фронтов Великой Отечественной войны, который содержит 386 дел. «Письма во власть» в основном включает фонд Р-5 Тюменский городской совет народных депутатов и его исполнительный комитет. Несколько писем тюменцев вошли в сборники документов, подготовленные к юбилейным датам: 40-летию [Строки ..., 1985] и 60-летию [Окопные ..., 2005] победы в Великой Отечественной войне, — а также в сборник документов о героях тыла [Тюменцы ..., 2005]. В настоящее время на сайте Министерства обороны Российской Федерации продолжается размещение корреспонденции военного времени в разделе «Дорогами войны» единого массива данных о Великой Отечественной войне [Дорогами ...].

В 1960-е годы власти поставили перед учеными задачу подготовки обобщающих работ о Великой Отечественной войне. Основное внимание историки сосредоточили на изучении крупных сражений, заслугах командиров Красной Армии, освещении исторической значимости победы в войне, что и определило слабое привлечение учеными эгоисточников. В 1970—1980-е годы исследователи продолжали изучение темы, опираясь в основном на официальные документы, подчеркивающие несокрушимое единение государства и народа. На фоне исторической и личностной значимости победы в войне для россиян в исторической литературе, да и в общественном сознании, наметился процесс мифологизации этого успеха, что активно поддерживалось властями. Изменение политической ситуации в стране в начале 1990-х годов потребовало от ученых освещения российской истории на основе разноплановых данных, отражающих многогранность войны, с учетом роли в событиях простых людей. Историки получили большую свободу, расширился доступ к архивным материалам, появилась возможность опираться на документы, содержащие «солдатскую» и «тыловую» правду о войне. В то же время, по мере включения российских исследователей в глобальную историческую науку, им оказались доступны исследования зарубежных коллег, что сыграло положительную роль. Одновременно с этим в некоторых публикациях стали просматриваться тенденции, направленные на переоценку роли СССР в победе над нацистской Германией. В сложившейся ситуации остро встал вопрос об исторической правде о войне, о наполнении исследований новыми источниками, позволяющими соотнести большую политику и субъективный опыт войны, сближающий ученого и потребителя его научного продукта. Этому способствовал антропологический поворот конца 1990-х — 2000-х годов в истории, когда авторы стали анализировать эпистолярное наследие в контексте военно-исторической антропологии [Сенявская, 1995]. Внутреннее состояние и переживания участников войны на основе эгодокументов рассмотрел Л. Н. Пушкарев [Пушкарев, 2002]. Вопрос о ценностном мире военнослужащих поставили Н. В. Момотова и В. Н. Петров [Момотова и др., 2005]. Специальное исследование фронтовых писем как исторического источника провел А. Ю. Иванов [Иванов, 2008]. Сегодня ученые все чаще подчеркивают важность свидетельств непосредственных участников событий в процессе формирования исторической памяти в войне [Рождественская, 2018]. Интерес в этом отношении представляют региональные эпистолярные источники [Юнина, 2019, с. 65]. Историки отметили: эгоматериалы позволяют показать повседневные стороны войны, заполнить содержанием реальности публичное и частное пространство, пронизать его «человеческой сущностью» и картинами нечеловеческих трудностей, которые пришлось пережить [Мединский, 2011, с. 221]. В письмах представлены стратегии поведения, моральное состояние людей, трансформация их мировоззрения в процессе коммуникации с близкими. Т. Лукман заметил, что источники о способах и содержании человеческого общения неоправданно слабо привлекаются исследователями [Лукман, 2020, с. 17]. Сегодня ученые подчеркивают наличие дискурса по вопросам трактовки событий 1941—1945 годов, это доказывает, что Великая Отечественная война не является только прошлым, экстремальным историческим опытом, но и присутствует в настоящем [Камынин, 2011, с. 65]. В связи с этим

все острее встают проблемы формирования исторической памяти об этом значимом событии, требуя научного решения данного вопроса, в том числе на основе актуальных подходов и доказательных источников.

3. Личная переписка как источник об «окопной» и «тыловой» повседневности

Особую ценность представляет семейная переписка, предназначенная близким людям, которая говорит о сокровенном, характеризуется эмоциональностью, проявлением любви и заботы о родственниках, с которыми разлучила война, позволяя воссоздать картину фронтовой и тыловой жизни во всей ее полноте. Личная переписка, несмотря на свою индивидуальность, имеет общие черты, она передает ментальные, чувственные стороны отношений, позволяя объяснить оптимизм и настрой людей на победу. Война изменила солдат: в письменном общении с близкими они проявляли особый интерес к домашним делам, их обращения к членам семьи были нежными и уважительными. Все письма начинались со слов приветствия, содержали слова *любимые, родные, дорогие*. Далее сообщалось о здоровье, расположении части военнослужащего, и, если позволяли условия, то следовал рассказ о повседневных делах, друзьях, редком отдыхе, о том, где находится солдат: в тыловом районе, либо на линии фронта. Военнослужащие старались успокоить родственников, просили надеяться на лучшее, сообщали прежде всего о позитивном, что было в их жизни, строили планы на будущее, мечтали о скорой встрече. Тексты писем являются свидетельством того, что, находясь в труднейших условиях, бойцы оставались обычными людьми, с житейскими проблемами, заботами и хранили самые теплые чувства о родине, семье, товарищах. Особенно их воодушевляли хорошие вести: рассказы об интересных происшествиях, успехах детей и домашних радостях. Даже в самые сложные минуты солдат не покидали мысли о доме, они как могли участвовали в решении семейных проблем, часто вспоминали самые яркие картины мирной жизни. Бойцы, судя по письмам, со временем становились все более подготовленными к военным условиям, приходило глубокое понимание сущности войны, ценности жизни и мира. Так, боец Ф. С. Бешкильцев, говоря о полученной весточке, написал жене: *Знаешь, Фрося, при фронтовых условиях получить от родных письмо — большая радость. Фрося, сегодня год, как я в армии. Этот день сколько буду жить не забуду. Вспомни, как мы с тобой расставались и каким был тогда Вова, и как его последний раз поцеловал сонным перед отходом парохода, и с тех пор началась военная жизнь. Фрося, научи Вову писать письма. Не забывайте, пишите чаще* [ГБУТО ГАТО, ф. р-2132, оп. 1, д. 31, лл. 1—2] (здесь и далее сохраняется орфография и пунктуация источников). Солдат за год адаптировался к фронтовым условиям, но он бережно хранил в памяти картины расставания с женой и сыном, придающие смысл и целостность его жизни. Ф. С. Бешкильцев вернулся домой героем и встретился со своими родными.

Многие не виделись по несколько лет, людей интересовало все, что происходило на малой родине, вплоть до мелочей. В большинстве случаев солдаты выражали беспокойство состоянием здоровья членов семьи, интересовались налаженностью быта, спрашивали, есть ли дрова, продовольствие, как учатся и ведут себя дети, по-

могают ли старшим. Особенно чувственными были письма с передовой. В послании лейтенанта В. Т. Беседина к жене просматриваются понятные эмоции солдата, опасющегося невозвращения: *Муся, милая моя, сынок Витик, вы обо мне сильно не горюйте, если жив буду, то вернусь после окончания войны и будем снова жить вместе так, как жили раньше, да еще лучше, а, Витика, Маруся, вы воспитывайте, берегите его, смотрите на него, как на меня. Ласкай его, скажи ему, что папа поехал бить Гитлера* [Там же, д. 29, л. 6]. В словах лейтенанта поразительная чувственность и житейская мудрость, обусловленная высоким целеполаганием автора письма, желанием оставить о себе добрую память. Семья вскоре получила известие о смерти В. Т. Беседина 19 ноября 1941 года под городом Тихвин Ленинградской области.

Все происходившее на малой родине имело для солдат особую важность. Военнослужащие просили рассказывать обо всем в подробностях, общение семьей придавало им силу, уверенность в победе. Так, С. Ф. Гришечко просил жену заставить детей написать ему: *...Пускай они от себя в конверт вложат по письму, только пускай пишут сами, и не читай, а мне будет интересно, как они напишут, и ты им не подсказывай* [Там же, д. 68, л. 1 об]. Опыт войны приходил со временем. Солдаты, познавшие войну не понаслышке, понимали, что путь к победе будет долгим. С. Ф. Гришечко, осознавая фатальный характер событий, сделал выбор в пользу смелых поступков, не желая прятаться за спинами товарищей. Он написал жене: *Конечно, при такой войне трудно рассчитывать на жизнь, но может быть останусь, есть такая поговорка, что смелого, и пуля не берет, может и меня не возьмет, ну и возьмет, тоже ничего не поделаешь. На то и война* [Там же]. Солдат героически погиб в декабре 1941 года в Калининской области.

Несмотря на «окопную» повседневность, бойцы обращали внимание на красоту природы, радовались солнцу и писали о своих впечатлениях домой. Танкист И. В. Батурин 20 мая 1944 года, во время наступательных боев Красной Армии, рассказал близким о местах, где ему пришлось служить: *Хороша здесь природа. Трава уже большая и зеленая. Лес уже распушился. Карпатские горы стоят как каменные стены...* [Там же, д. 19, л. 2]. Военная обстановка менялась быстро, солдат понимал, что в ходе боев все может произойти. 21 июня 1944 года он написал жене прощальное письмо, в котором хотел быть понятым самым близким человеком: *...идем в бой. Поэтому прошу, если что случиться со мной, то вы должны помнить те отношения, как мы с вами жили. Также милым и родным детям: первое слушаться своей родной мамы. Второе — не позорить свою фамилию и вспоминать своего папу... Нюра, не обижай, особенно самых малых, Васю и милую мою малую дочь, Галочку, которая мало знала и не пришлось ей жить с папой. Возможно письмо это последнее, этот мой наказ для вас и детей должен оставаться в душе...* [Там же]. Это письмо танкиста И. В. Батурина было последним, он погиб в бою 2 июля 1944 года в Карелии.

Война меняла людей, они становились более сосредоточенными, осторожными, серьезными, молодёжь быстро взрослела. Радостью спешила поделиться с родителями медсестра Елена Артеева, отметившая 25 июня 1942 года свое 22-летие:

Дорогие родители, сегодня я решила отметить свой день рождения тем, что написать вам письмо. Да, дорогие родители, ничего-живы будем еще встретимся, и встреча будет великим днем для нас. Да, встретиться мы должны [Там же, д. 11, л. 4]. Но встречи не случилось, жизнь Елены оборвалась 19 сентября 1942 года. Девушка погибла, спасая раненых.

Вчерашние мальчишки и девчонки становились взрослыми и рассудительными, но не могли сдерживать эмоций, когда получали весточки от близких. Санинструктор В. Гнаровская, в письме, датированном 29 июля 1943 года, по поводу получения весточки от отца-фронтовика, о котором время длительное время не имела сведений, написала: *Сердце от радости чуть не выскочило из груди* [Там же, д. 11, л. 4].

Создается впечатление, что бойцы предчувствовали трагический исход последнего в их жизни боя. Они, по возможности, в таких случаях писали домой, стараясь не показывать своей настороженности перед грядущими событиями. В. Гнаровская в письме к матери, датированном 13 августа 1943 года, писала: *Милая мамочка, вспоминала про дом, про праздник Ильин день и от моих воспоминаний у меня слезы навернулись на глаза. Мое кремовое платье — ах как хочу поносить теперь его. Правда в одежде у меня недостатка нет. Есть брюки, конечно, военные, гимнастерка, две юбки и теплое суконное платье. Для солдата вполне достаточно, что же касается моих платьев, то пусть их носит Вика, не жалеет, но бережет. Окончим победой, будем живы — наживем еще. Милая мамочка, я теперь уже не такая, какая была! Нет уже той беспечной девчонки, а есть взрослый, серьезный человек...* [Там же, д. 61, л. 5]. В сентябре 1943 года девушка погибла в бою. В. Гнаровской было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Красноармейцы чувствовали ответственность за оставшихся дома членов семьи, получая армейские зарплаты, отправляли домой переводы. Молодые бойцы вспоминали самое хорошее, что было в их жизни: близких, малую родину и сверстников. А. А. Антонов 17 декабря 1943 года просил родителей сообщать не только о себе, но и о местных новостях: *Живу пока ничего, нахожусь на передовой линии, пишу это письмо в блиндаже перед наступлением. Сейчас началась артиллерийская подготовка. После которой мы пойдем в наступление. Сегодня я вам выслал 850 рублей, как получите, так сразу сообщите мне. Еще раз прошу, пишите письма как можно чаще и пишите побольше, а то возьмешь письмо и читать нечего. По-моему, у вас бумаги хватает, а пишите мало. Пишите о 25—26 годах, какие взяли, кого... Как насчет питания, хлеба, картошки и вообще. Описывайте про все, про что можно* [Там же, д. 7, л. 1]. Это письмо А. А. Антонова оказалось последним, он героически погиб 25 декабря 1943 года в Витебской области, где и был похоронен.

Сыновья быстро становились взрослыми и одаривали своих матерей мужской заботой и любовью. Валерий Григорьев, ушедший на фронт в самом начале войны, писал матери: *Здравствуй, дорогая мама! Вчера получил письмо от тебя. Я очень обрадовался. Ты думаешь, что я себя спокойно чувствую, нет. Я как прочитал, что отца взяли еще в январе, так уже сутки не нахожу себе места. Я понимаю, что вам приходится трудно, а больше всего тебе...* [Там же, д. 65, л. 7]. Жизнь солдата оборвалась в мае 1942 года. Отец Валерия, узнав о гибели сына, написал дочери: *Я не*

могу найти себе места и не могу никак смириться, что нет живого нашего сына, и твоего брата [Там же, д. 66, л. 4]. Боль не проходила, возникла потребность поговорить о случившемся, и солдат обратился к товарищам сына с просьбой рассказать не о героической смерти Валерия, а об их совместной службе. Вскоре он вновь написал дочери: *Привет, моя милая девочка! Пришел с дежурства... По радио передают хорошую музыку. Я посидел, послушал, и мне стало грустно, вынул ваши карточки, посмотрел через лупу на всех, так мне стало жаль Валерия. Бедный мальчик погиб в 20 лет...* [Там же, л. 9]. Солдаты остро нуждались в общении с родными, разговоре «по душам», «лицом к лицу», как в мирной жизни. П. Г. Григорьев, писавший домой о желании отомстить за смерть сына, погиб под Ленинградом.

В переписке встречаются сведения об участии бойцов в армейских операциях, описания разрушенных городов и сел, но таких сюжетов немного, они относятся в основном к началу войны, так как говорить о тяжелых сторонах армейской жизни запрещала цензура. Лейтенант А. П. Соколов в письме к родным осенью 1943 года рассказал о посещении имения-музея Л. Н. Толстого, так как его место службы находилось неподалеку. Молодой человек словно провел экскурсию по разгромленной усадьбе. Он заметил: многие экспонаты музея разбиты, картины с изображениями сцен из романов Л. Толстого испорчены, дом разрушен. Его возмутило варварское отношение оккупантов к историческим ценностям: *В одной из комнат висит рамка, в которой когда-то была картина. Ее вырезал немец и сделал нахальную надпись: «Немецкий солдат любит культуру». И подписался — солдат Курт Золдмар. Негодяй!* [Строки ..., 1995, с. 86]. До войны А. П. Соколов учился в Тюменском педагогическом институте, в начале войны был направлен в Томское артиллерийское училище, а после на фронт. Награжден орденом Красной Звезды. Лейтенант погиб 29 апреля 1944 года.

Военнослужащие рассказывали о командирах, о боевых буднях, о солдатском братстве, о том, что будут обязательно встречаться с сослуживцами после войны. Письма доставлялись и между фронтами, но с большим трудом. Сохранилось письмо бывшего солдата П. М. Баянова брату, в котором он с радостью сообщает о полученном от него известии: *Серезжа, нахожусь на фронте, работаю командиром пулеметной роты. Звание мое — старший лейтенант. Из дома письма получаю, хотя не часто, положение семьи знаю. Серезжа! Отмстим за родную кровь, за кровь друзей. Смерть немецким извергам, а с тобой мы еще должны выпить как красные офицеры* [ГБУТО ГАТО, ф. Р-2132, оп. 1, д. 20, лл. 5—5 об.]. Прощаясь, солдаты говорили о тревоге за близких, об ожидании писем, которые помогали в мыслях вернуться домой. Большинство комбатантов тяжело переживали разлуку, военная служба для них стала настоящим испытанием, которое они выдержали. Тексты заключали самые добрые пожелания и слова о том, что победа будет за Красной Армией.

В письмах на фронт родные спрашивали военнослужащих о главном: о состоянии здоровья, службе, о том, как скоро ждать победы и их возвращения домой. Семьи старались не рассказывать о неурядицах и переживаниях, сохраняли выдержку, подробно описывали благополучные моменты каждодневной жизни, сообщали о состоянии дел в семьях родственников, строили планы на послевоенное будущее и,

только в исключительных случаях, говорили о проблемах, которые не могли решить без участия главы семейства. В искренности таких посланий не приходится сомневаться, ведь они являлись единственным средством поддержки семейных связей, создавали круг, хоть и удаленного, но так необходимого людям общения. Фронтовики старались уловить недосказанное близкими между строчек, отвечали тем же и не рассказывали о сложностях армейской жизни. Для всех участников событий важно было сохранять взаимодействие, получать сведения от родственников и знакомых, которые придавали силу, надежду на возвращение, мотивировали на победу.

4. Письма «во власть» как источник о травмирующем воздействии на людей военного опыта

Отдельную группу составляют «письма во власть», в которых граждане обращались чаще всего в местные советы с просьбами, жалобами, предложениями. В них видны изменения в психологии людей, побывавших на фронте и оставшихся в тылу: страх за здоровье и жизнь родственников, усталость, желание рассказать публично о вопросах, которые граждане не могли решить самостоятельно. Содержание обращений «во власть» красноречиво свидетельствует о комплексе проблем, порожденных войной. В их числе бытовая и трудовая неустроенность, утрата здоровья, поиски родственников и знакомых, с которыми разлучила война. Встречались и письма-благодарности за проявленное властями внимание и помощь — как от членов семей красноармейцев, так и от самих военнослужащих. Случалось, фронтовики вынуждены были обращаться в местные советы с просьбой об оказании помощи их семьям, оказавшимся в сложной ситуации. 26 июля 1941 года Президиум Верховного Совета СССР принял постановление «О пособиях семьям красноармейцев». Местные власти в большинстве случаев принимали решения о назначении пособий семьям военнослужащих в течение 3-х дней, но случались и задержки с выплатами, что вызывало законное недовольство граждан [Там же, ф. Р-5, оп. 1, д. 431, л. 7]. Главной причиной жалоб были нерешенные материальные трудности, нехватка жилых площадей, невнимание чиновников к просьбам эвакуированных, затягивание решения проблем семей военнослужащих, оказавшихся в трудном положении [Там же, д. 439, л. 209]. Руководителей предприятий обязывали помогать родственникам фронтовиков, но письма-жалобы говорят о том, что это предписание не всегда выполнялось. Так, красноармеец М. Ф. Береснев, работавший до войны в местном леспромхозе, сообщал в Тюменский горсовет о том, что руководство отказало его семье в обеспечении топливом и хлебом. В это время его жена находилась в больнице, а 9-месячная дочь оставалась на руках сыновей 13 и 15 лет [Там же, д. 443, л. 14.]. Подобный поступок совершил и руководитель тюменской автомастерской Козлов, что заставило военнослужащего Дзюмана жаловаться в горсовет: *...более 15 раз ходили за 6 км к директору автомастерской с просьбой вывезти дрова... в ответ — ни слова, ни единого полена...* [Там же, д. 427, л. 25]. Похожая ситуация вынудила комиссара Торенко направить в Тюменский горисполком письмо и выразить возмущение действиями администрации местного судостроительного завода, которая решила

выселить из квартиры семью погибшего сослуживца. Торенко потребовал восстановить справедливость и призвать виновных к уголовной ответственности [Там же, д. 323, л. 1]. Местному руководству приходилось разбираться и в «любовных треугольниках». Например, военнослужащий Т. В. Сапегин обратился с просьбой к председателю тюменского горисполкома оказать содействие в «заочном» разводе с супругой, завязавшей отношения с другим мужчиной [Там же, д. 281, л. 1]. Иногда престарелые родители или женщины с детьми, оставшиеся без защитника, жаловались на пренебрежительное отношение со стороны недружелюбных соседей, родственников, сослуживцев. В таких случаях красноармейцы обращались в местные советы с просьбой о защите домашних от нападков недоброжелателей [Там же, д. 184, л. 1]. Работники местных советов рассматривали каждую жалобу, пытаясь учесть все частные обстоятельства. При обращении за материальной помощью устанавливался совокупный доход семьи, и на его основе принималось решение о размерах поддержки.

Власти регулярно проводили проверки учета семей красноармейцев и обеспечения их государственными пособиями. Одна из таких проверок показала отсутствие полных списков семей военнослужащих в Тюменском горсовете. От сотрудников горсовета потребовали навести порядок, в целом оценив положительно их деятельность. Проверяющие указали: на запросы реагируют быстро, выплаты производятся своевременно, семьям бойцов оказывается помощь в трудоустройстве и определении детей в образовательные учреждения, организована выдача обуви и одежды [Там же, д. 466, лл. 15—19].

Граждане направляли в органы управления предложения. В основном это были рекомендации по распределению материальной поддержки населению, размещению эвакуированных, налаживанию поиска родственников, с которыми разделила война [Там же, д. 465, лл. 235—235 об]. Особенно трудно было обустроить жизнь демобилизованных. У властей не было возможностей наладить их быт, отдых, питание, социальное обслуживание, трудоустроить на работу с учетом ограничений по здоровью. Фронтовики жаловались на отсутствие необходимого лечения, нехватку жилья.

О «невоенных проблемах» долго время не принято было говорить, но именно они составляли значительную часть российской военной и поствоенной повседневности, напоминая о себе нерешенными социальными вопросами и психологическими травмами. «Письма во власть» — это многочисленные микро-рассказы современников о кардинальных изменениях в условиях войны и пережитой трагедии. Личные истории имеют публичное звучание, вписываются в коллективный контекст, служат свидетельствами исторической правды о войне и ее последствиях.

5. Заключение

Изучение писем, являющихся единственно возможным средством коммуникации близких людей в разлуке, позволяет дополнить реконструкцию повседневности 1941—1945 годов данными «из первых рук». В переписке нашли отражение отношения людей, их интересы, мнения, ценностные установки. Источники

личного происхождения, передающие субъективные впечатления о войне, их осмысление с ракурса «окопной» и тыловой жизни, при всей индивидуальности и необходимости в проверке, позволяют изучать пережитое в «человеческом измерении», наполняя социальное пространство того времени сведениями о его публичной и приватной сторонах. Эпистолярное наследие говорит не только о разрушительном воздействии войны на привычный уклад жизни, но и о том, что она сделала современников событий сильнее, объединила духовно, явилась катализатором патриотических поступков, задала осмысление происшедшего рядовыми участниками как неизбежной реальности, в которой можно победить, ставя общественные интересы выше личных. Письма — массовый источник, он транслирует опыт большого количества людей через общественные и личные отношения, позволяя наполнить новым содержанием феномен пережитого, ставшего основой идентичности фронтового поколения. Внутреннее состояние людей перекликалось с общественными жизнеощущениями, в них не было противоречий. Именно такие свидетельства позволяют обеспечить защиту исторической правды, еще раз доказывая необходимость формирования памяти о прошлом, основанной на документальных данных и их научном анализе. Хорошо известно: прошлое является инструментом, влияющим на самоидентификацию населения, оно воздействует и на формирование исторической памяти. Пережитое важно анализировать на основе данных, отражающих общественные и частные пространства в их единстве и многогранности. Война показала, что единение государства и народа явилось важнейшим условием победы, став позитивной составляющей российской идентичности. В условиях современных дискуссий по истории Великой Отечественной войны важно продолжить исследование этого знакового события на документальной, научной основе без идеологической ангажированности и мифологизации прошлого.

Источники и принятые сокращения

1. ГБУТО ГАТО — *Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Тюменской области»*. Ф. Р-5. Тюменский городской совет народных депутатов и его исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 184. Л. 1. Д. 281. Л. 1. Д. 427. Л. 25. Д. 431. Л. 7. Д. 439. Л. 209. Д. 443. Л. 14. Д. 465. Лл. 235—235 об. Д. 466. Лл. 15—19; Ф. Р-2132. Письма с фронтов Великой Отечественной войны. Оп. 1. Д. 7. Л. 1. Д. 11. Л. 4. Д. 19. Л. 2. Д. 20. Л. 5—5 об. Д. 29. Л. 6. Д. 31. Лл. 1—2. Д. 61. Л. 5. Д. 65. Л. 7. Д. 66. Лл. 4, 9. Д. 68. Л. 1 об.

2. *Дорогами войны* : официальный сайт Министерства Обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://stat.mil.ru/winner_may/heroes/letters.htm (дата обращения: 23.10.2020).

3. *Окопные письма* / сост. В. В. Мылов. — Екатеринбург : Пакурс, 2005. — 272 с.

4. *Приказ Народного комиссара обороны СССР «О работе полевой почты»* № 0309 18 сентября 1941 // Русский архив. Великая Отечественная война. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941—1942 / под ред. В. А. Золотарева. Москва : ТЕРРА, 1997. — Том 13 (2—2). — С. 86—88.

5. *Строки*, написанные войной: письма тюменцев-фронтовиков родным, друзьям, трудовым коллективам, сообщения однополчан и командиров воинов-тюменцев, ответные по-

слания из тыла на фронт / сост. Н. Т. Вокуев и др. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1985. — 190 с.

6. *Тюменцы* — фронту: сборник документов / отв. ред. В. П. Петрова. — Тюмень : Тюменский дом печати, 2005. — 352 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов А. Ю.* Анализ фронтовых писем периода Великой Отечественной войны в свете инновационных источниковедческих подходов / А. Ю. Иванов // *Вестник Чувашского университета*. — 2008. — № 4. — С. 37—41.

2. *Камынин В. Д.* Историческая память о Великой Отечественной войне как фактор формирования общественного сознания / В. Д. Камынин // *Известия Уральского государственного университета*. Серия. 1. Проблемы образования, науки и культуры. — 2011. — Том 16, № 1. — С. 59—65.

3. *Лукман Т.* Коммуникативное конструирование реальности и секвенциальный анализ: личная реминисценция / Т. Лукман // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. — 2020. — Том 12, № 1. — С. 9—18.

4. *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939—1945 / В. Р. Мединский. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2011. — 656 с.

5. *Момотова Н. В.* Ценностный мир военнослужащих в письмах с фронтов Великой Отечественной войны / Н. В. Момотова, В. Н. Петров // *Социология*. — 2005. — № 2. — С. 106—131.

6. *Пушкарев Л. Н.* Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой отечественной) / Л. Н. Пушкарев // *Венно-историческая антропология* / сост. Е. С. Сенявская. — Москва : РОССПЭН, 2002. — С. 319—333.

7. *Рождественская Е. Ю.* Фронтовое письмо / Е. Ю. Рождественская // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. — 2018. — Том 10, № 15. — С. 78—90.

8. *Сенявская Е. С.* 1941—1945: Фронтовое поколение: историко-психологическое исследование / Е. С. Сенявская. — Москва : Институт российской истории РАН, 1995. — 220 с.

9. *Юнина Е. А.* Военная повседневность 1941—1945 гг. в эпистолярных документах сибирских комбатантов / Е. А. Юнина // *Genesis: исторические исследования*. — 2019. — № 11. — С. 65—100.

CORRESPONDENCE OF FRONT-LINE SOLDIERS WITH TYUMEN RESIDENTS AS A SOURCE ON THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941—1945)

© **Irina V. Skipina (2020)**, orcid.org/0000-0001-7061-1403, SPIN 6537-8614, Doctor of History, Professor, Department of Documentation and Documentation Support of Management, University of Tyumen (Tyumen, Russia), i.v.skipina@utmn.ru.

© **Ekaterina I. Dubnitskaya (2020)** orcid.org/0000-0003-3152-6884, Master's degree student, "Document Science and Archival Science", University of Tyumen (Tyumen, Russia), e.i.dubnickaya@utmn.ru.

The 1941—1945 correspondence between servicemen and fellow countrymen, kept in the State Archives of the Tyumen Region is examined in the article. Letters are considered as documents with high information potential, giving new knowledge about the war, obtained on the basis of studying the communications of ordinary participants in the events. The purpose of the publication is to show

letters from the front as a source on the history of everyday life, filled with communication of close people on issues important to them, allowing them to reconstruct their life activities, analyze the experience of the past, and use the results of research in modern reality. Correspondence allows us to consider military everyday life as part of big politics and as a personal experience, to expand the source component of the discourse on the history of the Great Patriotic War, contributing to a scientific assessment of the experience and understanding of its historical significance. It is proved that collective and personal letters, appeals "to power" testify that the war, having become a time of difficult trials, stimulated the formation of an identity characterized by the unity of the state and society with the prevalence of socially significant values over individual ones.

Key words: historical memory; The Great Patriotic War; correspondence; identity; ego documents; history of everyday life.

MATERIAL RESOURCES

- Dorogami voyny: ofitsialnyy sayt Ministerstva Oborony Rossiyskoy Federatsii* [On the roads of war: official website of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. Available at: https://stat.mil.ru/winner_may/heroes/letters.htm (accessed: 23.10.2020).
- GBUTO GATO — *Gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye «Gosudarstvennyy arkhiv Tyumenskoy oblasti»*. F. R-5. Tyumenskiy gorodskoy sovet narodnykh deputatov i ego ispolnitelnyy komitet. F.P-2132. Pisma s frontov Velikoy Otechestvennoy voyny. [State budgetary institution «State Archives of the Tyumen Region». F. R-5. Tyumen City Council of Peoples Deputies and its Executive Committee. F. P-2132 Letters from the fronts of the Great Patriotic War]. (In Russ.).
- Mylov, V. V. (ed.). (2005). *Okopnyye pisma* [Trench letters]. Yekaterinburg: Pakrus. 272 p. (In Russ.).
- Petrova, V. P. (ed.). (2005). *Tyumentsy — frontu: sbornik dokumentov* [Tyumen residents - to the front: collection of documents]. Tyumen: Tyumenskiy dom pechati. 352 p. (In Russ.).
- Prikaz Narodnogo komissara oborony SSSR «O rabote polevoy pochty» N 0309 18 sentyabrya 1941 [Order of the People's Commissar of Defense of the USSR «On the work of field mail» N 0309 September 18, 1941]. (1997). In: Zolotareva, V. A. (ed.). *Russkiy arkhiv. Velikaya Otechestvennaya voyna. Prikazy narodnogo komissara oborony SSSR. 22 iyunya 1941—1942, 13 (2/2)*. [Russian archive. The Great Patriotic War. Orders of the People's Commissar of Defense of the USSR. June 22, 1941—1942]. Moskva: TERRA. 86—88. (In Russ.).
- Vokuev, N. T. at el. (ed.). (1985). *Stroki, napisannye voynoy: pisma tyumentsev-frontovikov rodnym, druzyam, trudovym kollektivam, soobshcheniya odnopolchan i komandirov voynov-tyumentsev, otvetnyye poslaniya iz tyla na front* [Lines written by the war: letters of the Tyumen front-line soldiers to relatives, friends, labor collectives, messages from fellow soldiers and commanders of Tyumen soldiers, response messages from the rear to the front]. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoye knizhnoye izdatelstvo. 190 p. (In Russ.).

REFERENCES

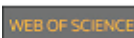
- Ivanov, A. Yu. (2008). Analiz frontovykh pisem perioda Velikoy Otechestvennoy voyny v svete innovatsionnykh istochnikovedcheskikh podkhodov [Analysis of letters from the front during the Great Patriotic War in the light of innovative source-study approaches]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Chuvash University Bulletin], 4: 37—41. (In Russ.).
- Kamynin, V. D. (2011). Istoricheskaya pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voynе kak faktor formirovaniya obshchestvennogo soznaniya [Historical memory of the Great Patriotic War as a factor in the formation of public consciousness]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kultury*

- [Bulletin of the Ural State University. Series. 1. Problems of education, science and culture], 16/1: 59—65. (In Russ.).
- Lukman, T. (2020). Kommunikativnoye konstruirovaniye realnosti i sekventsialnyy analiz: lichnaya reministsentsiya [Communicative construction of reality and sequential analysis: personal reminiscence]. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], 12/1: 9—18. (In Russ.).
- Medinskiy, V. R. (2011). *Voyna. Mify: SSSR. 1939—1945* [Myths of the USSR. 1939—1945]. Moskva: OLMA Media Grupp. 656 p. (In Russ.).
- Momotova, N. V., Petrov, V. N. (2005). Tsennostnyy mir voennosluzhashchikh v pismakh s frontov Velikoy Otechestvennoy voyny [The value world of military personnel in letters from the fronts of the Great Patriotic War]. *Sotsiologiya* [Sociology], 2. 106—131. (In Russ.).
- Pushkarev, L. N. (2002). Istochniki po izucheniyu mentaliteta uchastnikov voyny (na primere Velikoy otechestvennoy) [Sources for the study of the mentality of participants in the war (on the example of the Great Patriotic War)]. In: Senyavskaya, E. S. (ed.). *Venno-istoricheskaya antropologiya* [Venno-historical anthropology]. Moskva: ROSSPEN. 319—333. (In Russ.).
- Rozhdestvenskaya, E. Yu. (2018). Frontovoye pismo [Front letter]. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], 10/5: 78—90. (In Russ.).
- Senyavskaya, E. S. (1995). *1941—1945: Frontovoye pokoleniye: istoriko-psikhologicheskoye issledovaniye* [1941—1945: Front-line generation: historical and psychological research]. Moskva: Institut rossiyskoy istorii RAN. 220 p. (In Russ.).
- Yunina, E. A. (2019). Voennaya povsednevnost' 1941—1945 gg. V epistolyarnykh dokumentakh sibirskikh kombatantov [Military everyday life 1941—1945. in epistolary documents of Siberian combatants]. *Genesis: istoricheskiye issledovaniya* [Genesis: historical research], 11: 65—100. (In Russ.).

Сорокин А. А. Реформа земского представительства: разработка и корректировка проекта П. А. Столыпина в 1906—1907 годах / А. А. Сорокин // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 322—334. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-322-334.

Sorokin, A. A. (2020). Reform of the Zemstvo Representation: Development and Adjustment of P. A. Stolypin Project in 1906—1907. *Nauchnyi dialog*, 12: 322-334. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-322-334. (In Russ.).

УДК 929Столыпин+94(47).083+324(47)“1906/1907”
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-322-334

РЕФОРМА ЗЕМСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА: РАЗРАБОТКА И КОРРЕКТИРОВКА ПРОЕКТА П. А. СТОЛЫПИНА В 1906—1907 ГОДАХ¹

© Сорокин Александр Анатольевич (2020), orcid.org/0000-0003-1710-0801, ResearcherID AAG-4186-2020, кандидат исторических наук, старший преподаватель, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Нижегород, Россия), skaliger1989@yandex.ru.

Статья посвящена малоизученному вопросу о разработке и корректировке положений реформы земского представительства П. А. Столыпина в 1906—1907 годах. Приводятся основные программные требования либеральных кругов по изменению порядка выборов в земские собрания, выработанные земскими собраниями, земскими съездами, а также местными комитетами Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Впервые на материалах Российского государственного исторического архива показана эволюция положений проекта и их критика в Совете министров, а также на съезде объединенного дворянства в 1907 году. Подчеркивается, что разработка реформы являлась следствием принятых в 1903 и 1904 годах Манифеста и указа о необходимости преобразования местного управления и самоуправления. Автор констатирует, что изначально П. А. Столыпин стремился повысить долю в земских собраниях представителей от городов и торгово-промышленников, однако был вынужден по настоянию Совета министров сохранить большинство за землевладельцами. Освещается критика объединенного дворянства по отношению к реформе в связи с расширением круга избирателей и организации выборов на бессословном начале. Делается вывод о том, что планируемое П. А. Столыпиным преобразование выборов в земские собрания было направлено на вовлечение широких слоев населения в представительные институты местного самоуправления за счет бессословного начала и организации выборов на основе налогового ценза.

Ключевые слова: выборы; Совет министров; столыпинские реформы; П. А. Столыпин; земская реформа; самоуправление; избирательное собрание; объединенное дворянство; земские съезды.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32232 «Столыпинская модернизация органов местного самоуправления Российской империи: власть и общество». Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR, project № 20-011-32232 «Stolypin modernization of local self-government bodies of the Russian Empire: power and society».

1. Введение

Вопрос о развитии системы местного самоуправления и институтов представительства являлся одним из ключевых в Российской империи после проведения «Великих реформ» Александра II и дополнительно обострился после «контрреформ» 1889—1892 годов. Широкое распространение выборных институтов самоуправления и инкорпорация института выборов в общественно-политическую жизнь России к концу XIX века предопределили новый всплеск дискуссий о возможности формирования общероссийского представительного органа («увенчании здания») и развитии избирательного права. Данный процесс, в котором дискуссии о земских выборах как важной части политической жизни страны и о роли избирательного законодательства в формировании институтов «справедливого представительства» актуализировали проблему необходимости устранения правовой обособленности отдельных сословий (прежде всего, крестьян) и привлечения представительных органов к решению широкого круга проблем государственного развития, является малоизученным в современной историографии. Отдельные аспекты этого процесса нашли свое отражение в трудах Н. Г. Королевой [Королева, 1982], В. В. Куликова [Куликов, 2002], А. Ю. Шутова [Шутов, 1999].

Вместе с тем до сих пор вне поля зрения исследователей остается реформа земского представительства, разработанная П. А. Столыпиным как часть программы реформ местного управления и самоуправления. Л. Ю. Казаниной были освещены основные черты проектируемой Столыпиным реформы и дана их характеристика [Казанина, 2012]. О том, что реформа представительных институтов местного самоуправления являлась важной составляющей столыпинского законодательного наследия, упоминают ведущие российские [Кабытов, 2007; Пожигайло, 2007; Могилевский, 2011; Могилевский и др., 2011] и зарубежные исследователи [Manning, 1982; Wcislo, 1990; Weissman, 1981]. К. И. Могилевский также показал ход обсуждения реформы земского представительства в Совете по делам местного хозяйства в 1908 году [Могилевский, 2008]. в то же время вопрос о разработке и корректировке положений столыпинской земской реформы в части порядка избрания гласных в 1906—1907 годах остается к настоящему времени неизученным. Его решению и посвящена данная статья.

2. Борьба за реформу земского представительства в начале XX века

В начале XX века вопрос о реформе земского представительства неоднократно поднимался земскими собраниями, а также обсуждался на заседаниях ряда местных комитетов, работавших в рамках деятельности Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Основными сформулированными требованиями земских либералов были следующие: возвращение к бессловесным выборам, понижение земельного ценза, отказ от порядка назначения избранных от крестьян кандидатов в гласные [Сборник постановлений ..., 1914, с. 45—46; Труды местных ..., 1903, т. VII, с. 6, т. XVII, с. 85—86, 93, т. XXV, с. 12—13].

26 февраля 1903 года вышел Манифест «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», которым провозглашалась необходимость пре-

образования губернского и уездного управления «для усиления способов непосредственного удовлетворения многообразных нужд земской жизни трудами местных людей, руководимых сильной и закономерной властью» [ПСЗРИ, 1905, № 22581].

На общеземском съезде, проходившем в ноябре 1904 года в Санкт-Петербурге, оргбюро предложило программу изменения государственного устройства. Предлагалось осуществить реформу земского представительства, устранив сословное начало, «чтобы к участию в земских учреждениях были привлечены, по возможности, все наличные силы местного населения» [Либеральное движение ..., 2001, с. 87, 93].

12 декабря 1904 года был подписан указ, согласно которому признавалось неотложным «предоставить земским и городским учреждениям возможно широкое участие в заведывании различными сторонами местного благоустройства, даровав им для сего необходимую, в законных пределах, самостоятельность, и призвать к деятельности в этих учреждениях на однородных основаниях представителей всех частей заинтересованного в местных делах населения» [ПСЗРИ, 1907, № 25495].

Этот указ послужил новым импульсом к проектированию основ будущей реформы в земских либеральных кругах. В апреле 1905 года на земском съезде в Москве группой земцев во главе с Д. Н. Шиповым был выдвинут проект, в котором вновь подчеркивалась необходимость отказа от сословного начала в организации местного самоуправления (земского и городского) и важность привлечения «всех наличных сил» [Либеральное движение ..., 2001, с. 168].

В июле 1905 года на общероссийском съезде земских и городских деятелей проходило обсуждение проекта Конституции. Согласно одобренному съездом разделу «Об основах местного самоуправления», земские институты учреждались в областях, губерниях, уездах и волостях, а в городах образовывались самоуправляющиеся общины (при этом города выделялись в самостоятельные единицы из состава волостей и уездов). Избрание низших органов самоуправления основывалось на всеобщем, равном, прямом и тайном голосовании, а в высшие органы гласные избирались низшими [Либеральное движение ..., 2001, с. 327].

Тезисы о необходимости преобразования земского самоуправления путем привлечения к деятельности всего населения были вновь выдвинуты и на общероссийском съезде земских и городских деятелей 12—15 сентября 1905 года [Либеральное движение ..., 2001, с. 399, 402, 416, 418].

Социал-демократами отмечалось, что действовавшее с 1890 года Положение о земских учреждениях существенно сократило избирательные права населения, в результате чего «земское дело всецело перешло в руки землевладельцев-дворян и отчасти сельских кулаков и мироедов». Критиковалось устранение от участия в земском самоуправлении женщин, мелких ремесленников, мелких торговцев, городских обывателей и пролетариата. В качестве необходимой меры виделось учреждение выборов, основанных на всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании без ограничений избирательного права в связи с национальностью, оседлостью и иными цензами [Ачадов, 1907, с. 62—65]. Требовали сделать выборы в земство всеобщими, прямыми, равными и тайными и крестьяне в своих приговорах [Приговоры и наказания ..., 2000, с. 98].

3. Основные начала реформы земского представительства

11 декабря 1906 года министерство внутренних дел представило в Совет министров проект «Об установлении главных начал устройства местного управления». Разработка этих начал была осуществлена в целях исполнения норм манифеста 26 февраля 1903 года и указа 12 декабря 1904 года, а также в связи с произошедшими изменениями в государственном строе России. В проекте указывалось, что для «приобщения к деятельному участию в политической жизни широкой массы населения» необходима реорганизация местного управления на принципах гражданского равенства. Подчеркивалось, что намечаемая реформа должна «обновить местную жизнь той административной системой, в коей различные интересы местного населения нашли бы целостное и единообразное отражение и направление, чуждое сословных различий». Эту задачу предполагалось решить путем создания «единого строя управления местностью» из сельских, волостных, участковых, уездных и губернских учреждений [РГИА, 1906, л. 2].

Отмечалось, что существовавшая земская уездная организация «страдает некоторыми существенными несовершенствами, нуждающимися в скорейшем исправлении, особенно по соображению с коренными реформами государственного строя и теми новыми принципами внутренней политики, кои предопределяют необходимость проектируемого ныне коренного преобразования всего местного управления в целом» [РГИА, 1906, л. 8 об.] (очевидно, имелись в виду нормы указа от 12 декабря 1904 года).

Особое внимание было уделено избирательной системе. Указывалось, что еще при разработке Положения о земских учреждениях 1864 года было отдано предпочтение бессословному началу, однако уже в 1890 году выборы в земские учреждения были построены не на классовом, а на сословном принципе. С точки зрения авторов проекта, к началу XX века такой принцип был уже неприменим. Недостатками сословного начала виделись соединение в одном избирательном собрании лиц, зачастую не имеющих ничего общего, кроме принадлежности к одному сословию, и, напротив, разъединение избирателей, связанных общими экономическими и профессиональными интересами [РГИА, 1906, л. 9].

Апеллируя к тому обстоятельству, что избирательная система в Государственную Думу построена не на сословном начале, министерство внутренних дел заключало, что нет никаких оснований для сохранения этого начала и в местном самоуправлении, в связи с чем было бы желательно взять за основу принципы выборов в земские учреждения по Положению 1864 года. Для этого предлагалось выделить три избирательных собрания: уездных землевладельцев (собственники земли, оцененной для взимания земских сборов от 7500 руб.); владельцев городской недвижимости и торгово-промышленных заведений (оцененных свыше 7500 руб.); земледельцев. Функции третьего избирательного собрания при этом предлагалось передать на проектируемые волостные собрания. Но для того, чтобы в должной мере обеспечить представительство именно крестьянского населения, члены волостных собраний, владеющие имуществом стоимостью свыше 7500 руб., могли входить в состав только первого или второго избирательных собраний. В состав

второго собрания также избирались уполномоченные от съезда мелких собственников, чье имущество было оценено на сумму от 750 руб. (по одному уполномоченному на каждый полный ценз в размере 7500 руб.). Для мелких землевладельцев выборы уполномоченных не предусматривались, поскольку они участвовали в выборах в волостные собрания и уже через собрания могли избирать гласных в уездное земство [РГИА, 1906, л. 9 об. — 10 об.].

Для определения числа гласных уездного земского собрания, подлежащих избранию от каждого избирательного собрания, предлагалась совершенно новая формула: 1 гласный на каждые 150 тыс. руб. оценки имущества, принадлежащего участникам собрания. По расчетам авторов проекта, благодаря этой норме средняя численность уездных земских собраний варьировалась бы в диапазоне от 30 до 60 гласных [РГИА, 1906, л. 11]. Кроме того, от каждого из уездных избирательных собраний избранию подлежало не менее 3 гласных. Волостные собрания, не имевшие полных цензов, определенных в размере 150 тыс. руб., соединялись вместе [РГИА, 1906, л. 17 об.].

Поскольку указанные начала, по мнению составителей проекта, существенно расширяли круг избирателей, было необходимо принять меры к обеспечению для меньшинства крупных собственников «того влияния на местную земскую жизнь, которое действительно отвечало бы, если можно так выразиться, их хозяйственному удельному весу». Поэтому особыми привилегиями пользовались владельцы городской и уездной недвижимости и торгово-промышленных заведений, оценочная стоимость имущества которых превышала 150 тыс. руб. Крупнейшие собственники входили в состав уездного земского собрания на правах гласных без выборов, на основе так называемого личного права [РГИА, 1906, л. 11 об.]. Таким образом, в своей первоначальной редакции проект был направлен на формирование бессословной системы выборов, при которой крупные собственники городской недвижимости и землевладения получали наибольшее представительство.

4. Обсуждение проекта реформы земского представительства в Совете министров

В декабре 1906 года — январе 1907 года проект П. А. Столыпина обсуждался в Совете министров. Сам Столыпин в объяснительной записке к проекту отмечал, что основа реформы находится в соответствии с теми нормами, которые были провозглашены в манифесте 26 февраля 1903 года и указе 12 декабря 1904 года, а также в связи с необходимостью привести местное самоуправление в соответствие с проведенными в последнее время преобразованиями государственного строя [РГИА, 1906, л. 49 об. — 50 об.].

Совет министров, одобрив основные начала реформы, отмечал ряд существенных отличий проекта о реформе земских учреждений от действовавшего законодательства. Во-первых, это замена территориального ценза (то есть количества десятин земли) на оценочный. Во-вторых, это замена предварительных съездов мелких землевладельцев волостным собранием — представительным органом мелкой земской единицы. В-третьих, это привязка числа подлежащих избранию гласных к сумме стоимости принадлежащей членам избирательных собраний собственности.

Допуск волостных собраний к участию в выборах в уездные земские собрания на предложенных П. А. Столыпиным основаниях был признан неприемлемым. Это объяснялось тем, что для выборов в волости не устанавливалось минимального размера имущественного ценза, а данный фактор мог способствовать прохождению в уездные гласные самых мелких собственников «незначительного клочка земли». Поэтому было предложено установить минимальный размер ценза для собственников, участвующих в выборах через волостные собрания (750 руб.), с оговоркой, что вообще сам по себе оценочный ценз менее желателен, чем подесятичный, поскольку, с одной стороны, он фактически приводит к всеобщему избирательному праву в условиях существующих ценз на землю, а с другой — в уездах с низкой стоимостью земли превращает крупного земельного собственника в мелкого владельца [РГИА, 1906, л. 57—57 об.].

Поэтому Совету министров была представлена министерством также другая схема выборов, основанная на налоговом цензе. Количество гласных привязывалось к численности населения и варьировалось от 45 до 75. Выборы гласных осуществлялись волостными собраниями, городскими думами, а также уездными избирательными собраниями. Членами уездных избирательных собраний становились лица, уплачивающие земские сборы в размере не менее половины обложения «по раскладкам 1907 г. земскими сборами ныне установленных земельных (подесятичных) цензов». Распределение гласных от курий осуществлялось таким образом, чтобы число избираемых было пропорционально суммам уплачиваемых от каждой из этих курий земских сборов, при этом число гласных от городских дум и уездных избирательных собраний не могло превышать половины всего числа гласных. В городских думах и уездных избирательных собраниях избиратели могли образовывать группы для избрания такого количества гласных, которое было бы пропорционально численности данной группы по отношению к числу явившихся в собрание избирателей [РГИА, 1906, л. 57 об. — 58].

Обсудив эту схему, Совет министров пришел к выводу, что, хотя налоговый ценз и удобен и широко используется в практике стран Западной Европы при формировании органов местного самоуправления, а также расширяет круг избирателей, однако такая схема может привести к тому, что окажется достаточно платежа в 15 руб. с промыслового свидетельства, чтобы стать полноцензовым избирателем по городской курии. Для Совета министров было важно сохранить за землевладельцами преобладающее влияние в земских собраниях. Поэтому налоговый ценз в этом виде был отвергнут. Также недостаточной была признана и норма о гарантированном представительстве по 3 гласных от землевладельческой и городской курий. Совет министров предлагал гарантировать курии землевладельцев минимум $\frac{1}{4}$ от всех гласных, а также ввести ценз оседлости сроком в 1 год для землевладельцев, городских собственников и владельцев торгово-промышленных заведений для получения избирательного права [РГИА, 1906, л. 58 об. — 59].

Вместе с тем Совет министров считал невозможным включить в состав уездных собраний на правах гласных без выборов владельцев имущества стоимостью свыше 150 тыс. руб. Это мотивировалось тем, что принцип включения по лично-

му праву был отвергнут еще при подготовке Положения о земских учреждениях 1864 года. Подчеркивалось, что такое включение «в корне подрывает самый принцип земского представительства, основанный на начале доверия, оказываемого населением местным деятелям путем избрания их в гласные». Высказывалось также опасение, что эта норма может послужить причиной неприязненного отношения к прошедшим по выборам гласным, а сами крупные собственники при этом будут уклоняться от участия в работе земства [РГИА, 1906, л. 59—60].

После обсуждения основные положения внесенного П. А. Столыпиным проекта были одобрены на условиях необходимости их корректировки в соответствии с высказанными замечаниями и дальнейшей разработки соответствующего законопроекта на этой основе [РГИА, 1906, л. 61—61 об.]. Само же одобрение предложенных П. А. Столыпиным начал позволило начать подготовку законопроекта о земской реформе, в рамках которой впервые в основу избирательного права в земские учреждения был бы положен налоговый, а не оценочный ценз.

5. Корректировка схемы земских выборов в 1907 году

7 февраля 1907 года П. А. Столыпиным в Совет министров были внесены на рассмотрение «Главные начала преобразования городских и земских общественных управлений». В них система выборов в земские учреждения была выстроена следующим образом. Формировалось 3 курии: волостные собрания, уездное избирательное собрание землевладельцев и уездное избирательное собрание владельцев неземельной недвижимости и торгово-промышленных предприятий. В уездное избирательное собрание землевладельцев входили лица, владеющие не менее 1 года землей, обложенной земскими сборами в размере не менее 25 руб. Такой же ценз оседлости и налоговый ценз применялись и к членам второго уездного избирательного собрания. Оговаривалось, что в тех уездах, где среднее обложение полного земельного ценза по Положению 1890 года менее 25 руб., уездные земские собрания могли понизить размер налогового ценза, но максимум на 1/5, то есть до 20 руб. От волостных собраний в выборах участвовали только те гласные, которые не входили в состав уездных избирательных собраний [РГИА, 1907, л. 79 об.].

Число гласных уездных земских собраний привязывалось к численности жителей: 45 гласных для уездов численностью до 110 тыс. с прибавлением 1 гласного на каждые следующие 10 тыс. жителей (при этом максимально возможное количество гласных — 75). В уездных избирательных собраниях избиратели могли образовывать группы для избрания такого количества гласных, которое было бы пропорционально численности данной группы по отношению к числу явившихся в собрание избирателей. Распределение гласных от каждого из избирательных собраний было пропорционально суммам уплачиваемых их членами земских сборов (по такому же принципу формировалось и представительство от каждого из уездных земских собраний в губернское собрание). При этом избирательному собранию землевладельцев гарантировалось не менее 1/4 от общего числа гласных, волостному собранию — не менее 1/3. Было определено и минимальное представительство от владельцев неземельной недвижимости — 2 человека. Распреде-

ние числа гласных между самими волостными собраниями также осуществлялось на основе пропорционального принципа (по суммам уплачиваемых сборов). При этом если число гласных, подлежащих избранию от волостных собраний, было не менее числа самих волостей, то каждая волостное собрание избирало как минимум 1 гласного [РГИА, 1907, л. 79 об. — 80].

Советом министров эти изменения первоначальной редакции внесенных в 1906 году основных начал реформы были одобрены [РГИА, 1907, л. 149 об.]. Министерство внутренних дел учло замечания Совета: отказалось от введения в число гласных крупных собственников без выбора, привязало размер налогового ценза к обложению полного земельного ценза, ввело годичный срок владения и гарантировало курии землевладельцев не менее $\frac{1}{4}$ в уездном земском собрании.

Как было отмечено Н. Г. Королевой, проектируемой реформой расширялось влияние и значение выборных учреждений, намечался известный допуск их к решению дел общественной и хозяйственной жизни местности [Королева, 1982, с. 158]. Напротив, А. В. Попова полагает, что министерство внутренних дел П. А. Столыпина сводило смысл реформы органов местного самоуправления к расширению географии земства при сохранении и даже усилении права государственного контроля над ним [Попова, 2016, с. 44].

6. Критика реформы земского представительства на съезде объединенного дворянства

Основы столыпинских проектов местного самоуправления, включая реформу земского представительства, были рассмотрены на проходившем 27 марта — 2 апреля 1907 года III съезде уполномоченных дворянских обществ. Накануне Постоянный совет объединенного дворянства направил ходатайство председателю Совета министров об отсрочке внесения проектов до их обсуждения в земских и дворянских собраниях [Объединенное дворянство ..., 2001, с. 305].

Вопрос о дальнейшей тактике объединенного дворянства в связи с готовящейся реформой вызвал разногласия среди участников съезда. Так, один из основателей Курской народной партии порядка М. Я. Говорухо-Отрок отмечал, что правительство спешит с законопроектом в связи с тем, что уже в июне в большинстве губерний должны пройти земские выборы. Для Говорухо-Отрока продление полномочий земских гласных, которое в этой связи было бы неизбежно, шло «вразрез со всеми нравственными принципами» и представлялось незаконным, поэтому он предлагал направить ходатайство с просьбой провести земские выборы в назначенный срок [Объединенное дворянство ..., 2001, с. 306—307].

Позиция Постоянного совета, высказанная председателем «Кружка дворян, верных присяге» В. Н. Ознобишиным, предполагала ходатайство через депутацию перед императором об отзыве всех проектов местной реформы для их корректировки, пока не будут «выслушаны компетентные голоса дворянства, земства и городских организаций» [Объединенное дворянство ..., 2001, с. 307].

За предварительное рассмотрение проекта в земских и дворянских собраниях выступал и один из лидеров «Союза русского народа», курский губернский предво-

дитель дворянства граф В. Ф. Доррер. Это аргументировалось тем, что «дворянство стоит во главе земства, и не выслушать его мнение по вопросу о земстве было невозможно министру внутренних дел» [Объединенное дворянство ..., 2001, с. 310].

Отношение многих членов съезда к планируемой реформе земских учреждений и выборов в земство было негативным [Баринова, 2002, с. 238—239; Кабытов и др., 2019, с. 85—86]. Представлявший Нижегородскую губернию Д. В. Хотяинцев усматривал в ней посягательство на дворянские права и призывал сопротивляться рассмотрению этого вопроса в Думе: «Не думаю, чтобы Государь согласился отдать дарованные его предшественниками права дворянству на рассмотрение тех нечистых рук, голов и сердец, которые с первого дня заседания Думы заявили себя враждебными Монарху» [Объединенное дворянство ..., 2001, с. 311].

Один из лидеров «Союза русского народа» Н. Е. Марков отмечал, что «нет основания в данную минуту приниматься за такую ломку земской жизни, которую предполагает сделать правительство». Сами проекты им были названы непригодными к жизни [Объединенное дворянство ..., 2001, с. 385].

Ему возражали уполномоченный от Нижегородской губернии В. Д. Обтяжнов и уполномоченный от Псковской губернии В. Л. Кушелев, отмечавшие, что, во-первых, в проекте реформы земства «найдется что-либо подходящее к жизни», а во-вторых, среди землевладельцев-недворян сильно недовольство действовавшим Положением [Объединенное дворянство ..., 2001, с. 386].

Будущий прогрессист А. Н. Брянчанинов, напротив, считал, что объединенное дворянство не должно в этой ситуации вмешиваться в работу государственных учреждений, не будучи на то уполномочено дворянскими собраниями. С его точки зрения, нужно было делать ставку на провал закона в Государственном Совете: «Не дело нашего сословия тормозить реформы, какие бы они ни были» [Объединенное дворянство ..., 2001, с. 312—313].

По итогам голосования обращение от съезда с каким-либо ходатайством к императору или председателю Совета министров было признано нежелательным. Большинство голосов съезд принял предложения комиссии [Объединенное дворянство ..., 2001, с. 385, 388]. Учитывая тот ажиотаж, который вызвал законопроект о земской реформе, и пожелания земских собраний принять участие в его обсуждении, Совет министров в декабре 1907 года счел нужным передать его на рассмотрение в Совет по делам местного хозяйства [РГИА, 1907, л. 150]. В дальнейшем прозвучавшая на съезде критика оказала существенное влияние на ход корректировки законопроекта в Совете по делам местного хозяйства и замедлила процесс внесения законопроекта в Думу.

6. Заключение

Проведенная в рамках данного исследования реконструкция создания столыпинского проекта о земской реформе в части преобразования земских выборов показывает, что основными предпосылками к разработке проекта послужили действия «сверху», а именно: принятие манифеста 26 февраля 1903 года и указа 12 декабря 1904 года, а также учреждение Государственной Думы. Базовыми началами

проектируемой реформы являлись бессловесный характер выборов; попытка предоставления статуса гласных без выборов крупным собственникам (отклоненная Советом министров); введение возможности избрания через группировки; замена крестьянских выборов выборами через волостные собрания; замена оценочного ценза налоговым, что расширяло круг избирателей. Вместе с тем П. А. Столыпин изначально стремился повысить возможности для избрания в гласные представителей от городов и торгово-промышленников, однако Совет министров настоял на дополнительных гарантиях для землевладельцев при определении числа гласных от каждой из курий. В то же время проектируемая реформа понижала роль дворян-землевладельцев в избирательном процессе, что и предопределило критику начал проекта на съезде объединенного дворянства.

Источники и принятые сокращения

1. *Ачадов [Данилов Ф. А.]*. Государственная власть и местное (городское и земское) самоуправление / Ф. А. Данилов. — Москва : тип. Ф. Я. Бурче, 1907. — 72 с.
2. *Либеральное движение в России. 1902—1905 гг.* — Москва : РОССПЭН, 2001. — 646 с. — ISBN 5-8243-0174-3.
3. *Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906—1916 гг. : в 3 т. Т. 1: 1906—1908.* — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2001. — 926 с. — ISBN 5-8243-0138-7.
4. *Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905—1907 гг. : сборник документов / под ред. В. П. Данилова, А. П. Корелина.* — Москва, 2000. — 413 с. — ISBN 5-8360-0051-4.
5. ПСЗРИ — *О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка : манифест 26 февраля 1903 г. № 22581 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. треть, Т. XXIII, Отд. 1 : от № 22360—23838.* — Санкт-Петербург, 1905. — С. 113—114.
6. ПСЗРИ — *О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка : Именной Высочайший указ данный сенату 12 декабря 1904 г. № 25495 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. треть, Т. XXIV, Отд. 1 : от № 23839—25604.* — Санкт-Петербург, 1907. — С. 1196—1198.
7. РГИА — *Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Совет министров. Оп. 2. 1906 г. Д. 63. ; Ф. 1276. Совет министров. Оп. 3. 1907 г. Д. 22.*
8. *Сборник постановлений Нижегородского губернского земского собрания. Т. 4 : 1900—1910.* — Нижний Новгород, 1914. — 1502 с.
9. *Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. VII : Вологодская губерния.* — Санкт-Петербург : тип. Нар. польза, 1903. — 338 с.
10. *Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XVII : Костромская губерния.* — Санкт-Петербург : тип. Нар. польза, 1903. — 527 с.
11. *Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXV : Новгородская губерния.* — Санкт-Петербург : тип. Нар. польза, 1903. — 557 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барينو́ва Е. П.* Власть и поместное дворянство России в начале XX века / Е. П. Барينو́ва. — Самара : Самар. ун-т, 2002. — 364 с. — ISBN: 5-86465-257-1.
2. *Кабыто́в П. С.* П. А. Столыпин: последний реформатор российской империи / П. С. Кабыто́в. — Москва : РОССПЭН, 2007. — 190 с. — ISBN: 978-5-8243-0887-7.
3. *Кабыто́в П. С.* Петр Аркадьевич Столыпин и российское дворянство / П. С. Кабыто́в, Е. П. Барино́ва // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. Исто-

рия. Регионоведение. Международные отношения. — 2019. — Т. 24, № 3. — С. 79—91. — DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.3.7.

4. *Казанина Л. Ю.* Столыпинские реформы в оценке общественного мнения (1906—1911) / Л. Ю. Казанина. — Москва : АПКИППРО, 2012. — 371 с. — ISBN: 978-5-8429-1125-7.

5. *Королева Н. Г.* Первая российская революция и царизм. Совет министров России в 1905—1907 гг. / Н. Г. Королева. — Москва : Наука, 1982. — 184 с.

6. *Куликов В. В.* Становление и развитие земского самоуправления, вторая половина XIX — начало XX вв.: историко-юридическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук / В. В. Куликов. — Москва, 2002. — 461 с.

7. *Могилевский К. И.* Опыт создания отечественной модели местного самоуправления (вторая половина XIX — начало XX века) / К. И. Могилевский // Местное право. — 2011. — № 3. — С. 11—20.

8. *Могилевский К. И.* Столыпинские реформы и местная элита: совет по делам местного хозяйства (1908—1910) / К. И. Могилевский. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 328 с. — ISBN: 978-5-8243-1030-6.

9. *Могилевский К. И. П. А.* Столыпин: личность и реформы / К. И. Могилевский, К. А. Соловьев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 143 с. — ISBN: 978-5-8243-1467-0.

10. *Пожигаило П. А.* Столыпинская программа преобразования России (1906—1911) / П. А. Пожигаило. — Москва : РОССПЭН, 2007. — 240 с. — ISBN: 5-8243-0822-5.

11. *Попова А. В.* Вопросы реформирования местного самоуправления в российской нелиберальной политико-правовой доктрине начала XX века / А. В. Попова // Журнал российского права. — 2016. — № 2 (230). — С. 39—46. — DOI: 10.12737/17642.

12. *Шутов А. Ю.* Земский избирательный процесс в России (1864—1917) : дис. ... д-ра ист. наук / А. Ю. Шутов. — Москва, 1999. — 403 с.

13. *Manning R. T.* The crisis of the old order in Russia. Gentry and government / R. T. Manning. — Princeton : Princeton University Press, 1982. — 555 p.

14. *Weislo F. W.* Reforming rural Russia: state, local society and national politics / F. W. Weislo. — Princeton : Princeton University Press, 1990. — 347 p.

15. *Weissman N. B.* Reform in tsarist Russia. The state bureaucracy and local government, 1900—1914 / N. B. Weissman. — New Brunswick : Rutgers University Press, 1981. — 292 p.

REFORM OF THE ZEMSTVO REPRESENTATION: DEVELOPMENT AND ADJUSTMENT OF P. A. STOLYPIN PROJECT IN 1906—1907¹

© **Alexander A. Sorokin** (2020), orcid.org/0000-0003-1710-0801, ResearcherID AAG-4186-2020, PhD in History, Senior Lecturer, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), skaliger1989@yandex.ru.

The article is devoted to the little-studied issue of the development and adjustment of the reform provisions of the zemstvo representation of P.A. Stolypin in 1906—1907. The main programmatic requirements of liberal circles to change the procedure for elections to zemstvo assemblies, developed by zemstvo assemblies, zemstvo congresses, as well as local committees of the Special Meeting on the needs of the agricultural industry. For the first time, on the materials of the Russian State Historical

1 Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR, project № 20-011-32232 «Stolypin modernization of local self-government bodies of the Russian Empire: power and society».

Archive, the evolution of the provisions of the draft and their criticism in the Council of Ministers, as well as at the Congress of the United Nobility in 1907, is shown. It is emphasized that the development of the reform was a consequence of the Manifesto adopted in 1903 and 1904 and the decree on the need to transform local government and self-government. The author states that initially P. A. Stolypin sought to increase the share of representatives from cities and commercial and industrialists in zemstvo assemblies, however, at the insistence of the Council of Ministers, he was forced to retain the majority for landowners. The criticism of the united nobility in relation to the reform in connection with the expansion of the circle of voters and the organization of elections at the beginning of the non-class is highlighted in the article. It is concluded that the transformation of elections into zemstvo assemblies, planned by P. A. Stolypin was aimed at involving broad strata of the population in the representative institutions of local self-government at the expense of an unclassified beginning and the organization of elections based on a tax qualification.

Key words: elections; Council of Ministers; Stolypin reforms; P. A. Stolypin; zemstvo reform; self-management; electoral meeting; united nobility; zemstvo congresses.

MATERIAL RESOURCES

- Achadov [Danilov, F. A.]. (1907). *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe (gorodskoe i zemskoe) samoupravlenie* [State power and local (city and land) self-government]. Moskva: tip. F. Ya. Burche. 72 p. (In Russ.).
- Liberalnoe dvizhenie v Rossii. 1902—1905 gg.* [Liberal movement in Russia 1902—1905]. (2001). Moskva: ROSSPEN. 646 p. (In Russ.).
- Obyedinennoe dvoryanstvo. Syezdy upolnomochennykh gubernskikh dvoryanskikh obshchestv. 1906—1916 gg.* [United nobility. Congresses of authorized provincial noble societies. 1906—1916]. (2001). Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 3/1: 926 p. (In Russ.).
- Danilova, V. P., Korelina, A. P. (eds.). (2000). *Prigovory i nakazy krest'yan Tsentralnoy Rossii 1905—1907 gg.* [Sentences and orders of peasants in Central Russia 1905—1907]. Moskva. 413 p. (In Russ.).
- PSZRI — O prednachertaniyakh k usovershenstvovaniyu gosudarstvennogo poryadka: manifest 26 fevralya 1903 g. [On the plans for improving the state order: the manifesto of February 26, 1903]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 3.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 3]. (1905). Sankt-Peterburg. 23 (1): 113—114. (In Russ.).
- PSZRI — O prednachertaniyakh k usovershenstvovaniyu gosudarstvennogo poryadka: Imennoy Vysochayshiy ukaz dannyy senatu 12 dekabrya 1904 g. [On the plans for the improvement of the state order: the Imperial decree given to the Senate on December 12]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 3* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 3]. 24 (1): 1196—1198. (In Russ.).
- RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. Sovet ministrov. 1906 g., 1907 g.* [Russian State Historical Archives. Council of Ministers. 1906, 1907]. (In Russ.).
- Sbornik postanovleniy Nizhegorodskogo gubernskogo zemskogo sobraniya. 1900—1910.* [Collection of resolutions of the Nizhny Novgorod provincial zemstvo assembly. 1900—1910]. (1914). Nizhny Novgorod. 4. 1502 p. (In Russ.).
- Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh selskokhozyaystvennoy promyshlennosti. Vologodskaya guberniya* [Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry. Vologodskaya province]. (1903). Sankt-Peterburg: tip. Nar. polza. 7. 338 p. (In Russ.).
- Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh selskokhozyaystvennoy promyshlennosti. Kostromskaya guberniya* [Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry. Kostromskaya province]. (1903). Sankt-Peterburg: tip. Nar. polza. 17. 527 p. (In Russ.).

Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh selskokhozyaystvennoy promyshlennosti. Novgorodskaya guberniya [Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry. Novgorodskaya province]. (1903). Sankt-Peterburg: tip. Nar. polza. 25. 557 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Barinova, E. P. (2002). *Vlast' i pomestnoe dvoryanstvo Rossii v nachale XX veka* [Power and local nobility of Russia at the beginning of the 20th century]. Samara. 364 p. (In Russ.).
- Kabytov, P. S. (2007). *P. A. Stolypin: posledniy reformator rossiyskoy imperii* [P. A. Stolypin: the last reformer of the Russian empire]. Moskva: ROSSPEN. 190 p. (In Russ.).
- Kabytov, P. S., Barinova, E. P. (2019). *Petr Arkad'evich Stolypin i rossiyskoe dvoryanstvo* [Pyotr Arkadievich Stolypin and the Russian nobility]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhunarodnye otnosheniya* [Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations], 24 (3): 79—91. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.3.7. (In Russ.).
- Kazanina, L. Yu. (2012). *Stolypinskie reformy v otsenke obshchestvennogo mneniya (1906—1911)* [Stolypin reforms in assessing public opinion (1906—1911)]. Moskva. 371 p. (In Russ.).
- Koroleva, N. G. (1982). *Pervaya rossiyskaya revolyutsiya i tsarizm. Sovet ministrov Rossii v 1905—1907 gg.* [The first Russian revolution and tsarism. Council of Ministers of Russia in 1905—1907]. Moskva: Nauka. 184 p. (In Russ.).
- Kulikov, V. V. (2002). *Stanovlenie i razvitiye zemskogo samoupravleniya, vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.: istoriko-yuridicheskoe issledovanie: Doct. Diss.* [Formation and development of zemstvo self-government, second half of 19th — early 20th centuries: historical and legal research. Doct. Diss.]. Moskva. 461 p. (In Russ.).
- Manning, R. T. (1982). *The crisis of the old order in Russia. Gentry and government*. Princeton: Princeton University Press. 555 p.
- Mogilevskiy, K. I. (2008). *Stolypinskie reformy i mestnaya elita: Sovet po delam mestnogo khozyaystva (1908—1910)* [Stolypin Reforms and the Local Elite: Council for Local Economy Affairs (1908—1910)]. Moskva: ROSSPEN. 328 p. (In Russ.).
- Mogilevskiy, K. I. (2011). *Opyt sozdaniya otechestvennoy modeli mestnogo samo-upravleniya (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka)* [The experience of creating a domestic model of local self-government (second half of the XIX — early XX century)]. *Mestnoe pravo*, [Local Law]. 3: 11—20. (In Russ.).
- Mogilevskiy, K. I., Solov'ev, K. A. (2011). *P. A. Stolypin: lichnost' i reformy* [P. A. Stolypin: personality and reforms]. (2nd ed.). Moskva: ROSSPEN. 143 p. (In Russ.).
- Popova, A. V. (2016). *Voprosy reformirovaniya mestnogo samoupravleniya v rossiyskoy neoliberalnoy politiko-pravovoy doktrine nachala XX veka* [Issues of reforming local self-government in the Russian neoliberal political and legal doctrine of the early 20th century]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2 (230): 39—46. DOI: 10.12737/17642. (In Russ.).
- Pozhigaylo, P. A. (2007). *Stolypinskaya programma preobrazovaniya Rossii (1906—1911)* [Stolypin program for the transformation of Russia (1906—1911)]. Moskva: ROSSPEN. 240 p. (In Russ.).
- Shutov, A. Yu. (1999). *Zemskiy izbiratelnyy protsess v Rossii (1864—1917): Doct. Diss.* [Zemsky electoral process in Russia (1864—1917). Doct. Diss.]. Moskva. 403 p. (In Russ.).
- Weislo, F. W. (1990). *Reforming rural Russia: state, local society and national politics*. Princeton: Princeton University Press. 347 p.
- Weissman, N. B. (1981). *Reform in tsarist Russia. The state bureaucracy and local government, 1900—1914*. New Brunswick: Rutgers University Press. 292 p.

Тропов И. А. Женщины-работницы Санкт-Петербурга в конце XIX — начале XX века / И. А. Тропов, А. В. Федькин, А. А. Конкин // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 335—348. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-335-348.

Tropov, I. A., Fedkin, A. V., Konkin, A. A. (2020). Women Workers of St. Petersburg in the Late 19th — early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 12: 335-348. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-335-348. (In Russ.).

УДК 94:396.1(470.23-25)“189/201”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-335-348

ЖЕНЩИНЫ-РАБОТНИЦЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© **Тропов Игорь Анатольевич (2020)**, orcid.org/0000-0002-2926-9914, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский горный университет» (Санкт-Петербург, Россия), i-tropov@yandex.ru.

© **Федькин Андрей Васильевич (2020)**, orcid.org/0000-0002-8269-1006, заведующий отделом, государственное бюджетное учреждение дополнительного образования «Центр детско-юношеского технического творчества и информационных технологий Пушкинского района Санкт-Петербурга» (Санкт-Петербург, Россия), andr.f@bk.ru.

© **Конкин Андрей Алексеевич (2020)**, orcid.org/0000-0002-5341-2741, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Военный институт (инженерно-технический), федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва» Министерства обороны Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), aspid8889@rambler.ru.

Статья посвящена анализу условий трудовой деятельности, а также особенностей семейной жизни и быта женщин, занятых на предприятиях фабрично-заводской промышленности Санкт-Петербурга в конце XIX — начале XX веков. На современном этапе развития России по-прежнему сохраняется высокая доля женского труда в промышленности, что обуславливает актуальность исследуемой проблемы с целью учета исторического опыта в регулировании сложной сферы трудовых отношений. В статье поднимается вопрос об основных факторах формирования женской рабочей силы в Санкт-Петербурге в пореформенный период. Выявляются отрасли производства, в которых женский труд был представлен наиболее широко. Подробно рассматриваются вопросы, связанные с особенностями профессиональной деятельности работниц (условия труда, уровень зарплаты, проблемы социальной защищенности и пр.). Анализируются обстоятельства частной, личной жизни, раскрывается влияние на семейный быт материальных факторов жизни работниц. Сделан вывод о том, что противоречия между новым статусом женщины, способной самостоятельно определять свою судьбу, и сохранением ее неполноправного положения в обществе, обусловили широкое участие женщин-работниц в политической жизни Петербурга в годы Первой мировой войны и революции 1917 года.

Ключевые слова: Санкт-Петербург; женщины-работницы; фабрично-заводская промышленность; условия труда; материально-бытовое положение; повседневная жизнь.

1. Введение

Социальная история как особое научное направление сформировалась в рамках так называемой «новой исторической науки», основы которой были заложены на рубеже 20-х—30-х годов XX века группой французских ученых во главе с Мар-

ком Блоком и Люсьеном Февром. Сегодня данное направление, сущность которого состоит в осознании «необходимости взгляда на историческую реальность с точки зрения представлений и ценностей самих участников исторического процесса», является одним из динамично развивающихся [Воскресенская, 2017, с. 199].

Вместе с тем внимание исследователей к различным аспектам социальной истории распределяется неравномерно. В числе сюжетов, нуждающихся в дополнительном, углубленном изучении, находятся проблемы условий труда и быта женщин-работниц фабрично-заводской промышленности Санкт-Петербурга в конце XIX — начале XX веков. Актуальность обращения к данной теме обусловлена необходимостью формирования целостного представления о жизни столичного пролетариата, в среде которого женские установки и модели поведения существенно отличались от мужских. Без анализа «женской истории» невозможно воссоздать во всей полноте и противоречивости социальную историю Санкт-Петербурга, как и не объяснить значимую роль женщин в общественно-политической жизни столицы в условиях Первой мировой войны и революционных событий 1917 года.

В советской историографии, преимущественно в контексте общей истории России, рассматривались вопросы воспроизводства женской рабочей силы в фабрично-заводской промышленности, уровень заработной платы женщин, некоторые аспекты их бытовой жизни в столице и регионах [Кириянов, 1979; Крузе, 1976; Крузе, 1981]. Господствовавшие в исторической науке идеологические установки не позволяли авторам заняться более плодотворной разработкой проблем социальной истории женщин-работниц [Северцева, 2020, с. 130—133].

Современная историография обогатилась новыми методологическими подходами (история повседневности, гендерная история и др.), и вместе с тем значительно расширилась тематика научных работ. Вышли фундаментальные труды об уровне заработной платы рабочих и работниц [Волков, 2018], о положении детей в рабочих семьях [Синова, 2014]. Рассматриваются проблемы социальной защищенности фабричных работниц Санкт-Петербурга [Северцева и др., 2018]. Ценные сведения о социально-экономическом положении питерских «пролетарок» введены в научный оборот О. Б. Вахромеевой [Вахромеева, 2009]. Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы нашли свое отражение в научных трудах зарубежных ученых [Glickman, 1986; Haimson, 2005]. Однако комплексная характеристика социального положения и быденной жизни столичных работниц в конце XIX — начале XX веков еще не становилась предметом самостоятельного исследования.

Основными источниками настоящего исследования послужили статистические данные о положении работниц дореволюционного Санкт-Петербурга (в том числе почерпнутые из архивных фондов), обобщенные результаты проводимых в начале XX века анкетирований в рабочей среде, делопроизводственная документация промышленных предприятий Санкт-Петербурга, а также публицистические материалы, отражавшие различные стороны трудовой и личной жизни женщин-работниц столицы Российской империи.

2. Промышленные рабочие Санкт-Петербурга в конце XIX — начале XX веков: особенности формирования и состава

Пореформенные десятилетия и, в особенности, конец XIX — начало XX веков — это время становления индустриального Санкт-Петербурга, который с июля 1871 года был выделен из состава столичной губернии и представлял собой отдельную административную единицу (градоначальство) [ПСЗ, 1874, с. 68]. Именно здесь было сосредоточено подавляющее большинство промышленных предприятий северо-западного региона Российской империи. По данным местного губернского статистического комитета, в 1886 году в столице вместе с уездом размещалось 536 предприятий разных отраслей промышленности, в то время как в остальной части губернии насчитывалось только 142 фабрично-заводских предприятия [ЦГИА СПб., ф. 260, оп. 1, д. 283, л. 1—5].

Концентрация и общая численность рабочих в столице и в ее ближайших окраинах также была в десятки раз выше, чем в остальной части губернии. Из общего числа 282 926 чел. рабочих разных отраслей промышленности, проживавших в Санкт-Петербурге и в Санкт-Петербургской губернии к началу XX века, 248 417 чел. (88 %) приходилось именно на столицу [Численность ..., 1906, с. 2].

Среди столичного пролетариата почти половина (122 586 чел.), как явствует из приложений к общим журналам заседаний Совета министров за декабрь 1907 года, были заняты на предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, то есть на крупнейших производствах [РГИА, ф. 1276, оп. 17, д. 73, л. 58]. Но всё же, наряду с развитой фабрично-заводской промышленностью (16 и более рабочих при использовании парового или водяного двигателя), в Санкт-Петербурге продолжали существовать и мелкие предприятия, что свидетельствовало о незавершенности индустриализации и о сохранении многоукладного характера экономики [Веренко, 2001, с. 59—61].

В конце XIX — начале XX веков в Санкт-Петербурге, как и в других промышленных центрах страны, кадры рабочих пополнялись преимущественно выходцами из деревни. «Крестьяне периодически перекочевывают из деревни в столицу на отхожие промыслы, точно перелетные птицы, — на зиму возвращаются домой», — отмечал в связи с этим известный дореволюционный писатель и краевед А. А. Бахтияров [Бахтияров, 1994, с. 155—156]. Но наряду с этой категорией была и другая группа «отходников» — они прибывали из отдаленных губерний (Тверской, Ярославской, Костромской и др.), оседая в столице на весьма продолжительное время [Лурье, 2020, с. 26—48]. Доля выходцев из крестьянского сословия, как показывают данные городских переписей, в Санкт-Петербурге неуклонно возрастала — с 41,9 % в 1881 году до 61,3 % к 1900 году [Валетов, 2008, с. 179]. Из них, главным образом, и формировался слой постоянных рабочих кадров — потомственного пролетариата.

Крайне непростые условия материального существования трудящегося населения в пореформенные годы в сочетании с открывшимися новыми возможностями для самореализации способствовали эмансипации женщин. Они занимали все более заметное место в различных сферах жизни общества. В Санкт-Петербурге,

по данным Всеобщей переписи населения 1897 года, среди рабочих всех профессий (без фабрично-заводской прислуги) насчитывалось 38 604 женщины (16 % от числа всех рабочих столицы), что было несколько выше общероссийских показателей [Бернштейн-Коган, 1910, с. 30]. Причем в некоторых отраслях доля женского труда была особенно значительной: среди рабочих табачных фабрик женщин было свыше 84 %, в хлопчатобумажной промышленности — около 55 %, на предприятиях химического производства — более 29 % [Бернштейн-Коган, 1910, с. 32—33].

3. Условия труда женщин-работниц Санкт-Петербурга в конце XIX — начале XX веков

Один из первых вопросов, который возникает при обращении к социальной истории рабочих, состоит в выяснении возраста начала их трудовой деятельности. Здесь наблюдаются некоторые различия между дочерьми городского пролетариата («потомственных рабочих») и выходцами из деревни.

По данным специального анкетирования, проведенного в Санкт-Петербурге в 1912 году, из числа детей «потомственных рабочих» не менее 18 % всех опрошенных женщин начали свою трудовую деятельность в возрасте младше 12 лет и не менее 34 % — в возрасте от 13 до 17 лет. «Дочери пролетариев начинают свою карьеру в сфере личных услуг, — поступают сперва в няни, прислуги, — и только позднее <...> переходят на заводы, фабрики, мастерские» [Вигдорчик, 1914, с. 7].

Женщины-крестьянки уходили в город либо по достижении 18-летнего возраста, до этого времени приобщаясь к трудовым навыкам в деревне (уход за младшими членами семьи, помощь по хозяйству, обучение штопке, прядению и пр.) [Мухина, 2014, с. 102], либо в более зрелом возрасте. В последнем случае это были как замужние, так и одинокие взрослые женщины («старые девы» («вековухи»), вдовы, а также разведенные или формально состоявшие в браке, но фактически жившие раздельно). Различия между ними касались прочности связей с городом. Замужние чаще уходили на временные заработки, преимущественно для того, «чтобы внести свой вклад в семейное хозяйство», одинокие переезжали в город «насовсем», полностью порывая с крестьянским миром [The Cambridge history ..., p. 320].

В фабрично-заводских помещениях женщины проводили значительную часть времени. Пространства цехов и мастерских, с их пылью, грязью, слабой вентиляцией и с узким проходом между станками, «по которому надо идти с величайшей осторожностью, иначе машина может захватить платье» [Женский вестник, 1905, с. 73], — являли собой те физические границы, в которых собственно и формировалась трудовая повседневность рабочих.

С конца XIX века государство стало оказывать нормирующее влияние на использование женского труда в промышленности. С 1885 года российское законодательство воспрещало ночной труд женщин, а принятый в июне 1897 года закон «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» сокращал рабочий день до 11,5 часов.

Однако эти правовые нормы соблюдались далеко не повсеместно. В ряде случаев (с особого разрешения губернских властей) допускались временные ночные работы с участием женщин, нередким явлением были также сверхурочные работы. Причем фабрично-заводская администрация порой стремилась перевести в разряд «обязательных», то есть неоплачиваемых сверхурочных работ (как для женщин, так и для мужчин) даже уборку производственных помещений и дворовых территорий [Северцева, 2016, с. 50]. Если мужчинами это воспринималось как несправедливость, как откровенный произвол предпринимателей и администрации, то возмущение женщин в отношении различных способов удлинения рабочего дня определялось прежде всего потребностью как можно скорее по завершении рабочего дня покинуть предприятие, чтобы успеть сделать домашние дела [Северцева, 2016, с. 51].

Женский труд, как неоднократно отмечалось и современниками, и более поздними исследователями, ценился намного ниже труда мужчин. Например, в 1901—1902 годах средний дневной заработок на питерских ситцепечатных фабриках у мужчин составлял 92, 1 коп., а у женщин — всего 55, 7 коп. Правда, здесь женщины выполняли более простые по сравнению с мужчинами производственные операции. Но и на ткацких фабриках, где трудовая нагрузка не зависела от половой принадлежности, в аналогичный период мужчины зарабатывали в среднем 99 коп. за смену, а женщины — на 22 копейки меньше [Leontief, 1906, S. 74—77]. Примерно такое же соотношение в оплате существовало и на петербургских фабриках «Общества Российско-Американской резиновой мануфактуры» («Треугольник») [Бернштейн-Коган, 1910, с. 117—118].

Документальные источники в целом подтверждают устоявшийся в историографии вывод о том, что за аналогичную работу женщинам платили примерно на треть меньше, чем мужчинам [Волков, 2018, с. 80]. Добавим к этому только то, что конкретное соотношение заработной платы женщин и мужчин зависело от многих факторов, связанных как с объемами производства и выполняемой работниками нагрузкой, так и с уровнем образования, квалификации и даже возраста рабочих.

Различия в оплате труда мужчин и женщин были маркером существовавших в обществе гендерных стереотипов, а не показателями вознаграждения за более «легкий» или за более «тяжелый» труд. В этом плане весьма показателен тот факт, что государственные органы, рассчитывая минимальный уровень зарплаты, необходимый для «здорового существования» одиноких рабочих, определяли для мужчин в качестве нижнего порога 21 руб. в месяц, а для женщин — только 17 руб., то есть и на государственном уровне воспроизводились социальные стереотипы и сложившиеся иерархии в оплате труда мужчин и женщин [Лисовский, 1906, с. 95—96].

Обычным явлением на производстве была система материальных взысканий, в которой царил своеволие начальства. «Штрафы на некоторых прядильнях и ткацких фабриках, — отмечал по этому поводу в 1905 году «Женский вестник», — налагаются легко, увольнения за малейшие провинности совершаются часто. В обоих случаях господствует совершенный произвол, и главную роль играет бли-

жайшее начальство — мастера, которые по отношению к работницам часто злоупотребляют своей властью» [Женский вестник, 1905, с. 73]. Страшная ругань, обильно перемежаемая ненормативной лексикой со стороны мастеров и рабочих, была практически постоянным элементом трудовых будней женщин-работниц [Вахромеева, 2009, с. 102]. Кроме того, распространенным явлением в отношении работниц были сексуальные домогательства. Из-за страха опозорить себя, а также боясь потерять работу и остаться без источника средств существования, фабричные работницы зачастую терпели подобное поведение представителей администрации [Женский вестник, 1911, с. 47].

Вместе с тем на петербургских предприятиях реализовывались и некоторые меры социальной поддержки женщин. Так, на основании закона 23 июня 1912 года о страховании рабочих на предприятиях с числом работников 200 чел. и выше формировались больничные кассы. Как показывают, в частности, делопроизводственные материалы Шлиссельбургской ситценабивной мануфактуры, больничные кассы играли значимую роль в жизни работниц. Женщины получали не только пособия по болезни, но и выплаты в связи с беременностью (в течение двух недель до родов) и в течение месяца после родов [Отчет ..., 1915, с. 9].

4. Обыденная сфера семейной жизни работниц Санкт-Петербурга в конце XIX — начале XX веков

Специфика повседневной жизни петербургских работниц во многом определялась не только их материальным, но и семейным положением. В рассматриваемый период абсолютное большинство рабочих Санкт-Петербурга (86,5 % мужчин и 85,6 % женщин) жили вне семьи или не имели её вовсе. Характерно, что данный показатель существенно превышал среднее значение по России (58,4% и 48,8% соответственно) [Бернштейн-Коган, 1910, с. 53].

Одиноким работницам, не отягощенным семейными заботами, открывались более широкие возможности для проведения свободного времени. Большой популярностью в их среде пользовались посиделки, беседы, походы и поездки друг к другу в гости, вечеринки с песнями и танцами под гармошку. Нередко такие мероприятия сопровождались распитием спиртных напитков. Пьянство было распространено не только среди рабочих-мужчин, но также не было чуждо и женщинам [Марасанова и др., 2020, с. 562]. Курение, наоборот, у столичных работниц популярностью не пользовалась. Так, например, в отчете М. Давидовича, изучавшего положение петербургских текстильщиков и текстильщиц, зафиксировано 56 % курящих мужчин и ни одной курящей женщины [Давидович, 1912, с. 28].

Вместе с тем, по мере культурного развития городского рабочего населения, спросом пользовались и более интеллектуальные формы организации досуга. По данным на 1914 год, грамоте были обучены 56 % петербургских работниц [Поршнева, 2004, с. 126]. Зачастую они становились слушательницами публичных лекций, участницами тематических бесед, посетительницами литературно-музыкальных вечеров, выставок и других мероприятий [Труды ..., 1909, с. 571—580].

Например, в первом полугодии 1898 года внимание работниц Александровской мануфактуры К. Я. Паля привлекла передвижная выставка, организованная Санкт-Петербургским обществом трезвости. Девушки и женщины заинтересовались образцами ручной работы, для них в вечернее время при выставке были организованы курсы рукоделия [Просветительная деятельность ..., 1898, с. 1—3].

Для семейных работниц возможности организации собственного досуга резко сокращались. Несмотря на трансформацию гендерных ролей, вся тяжесть ведения домашнего хозяйства по-прежнему ложилась на женщин. Приготовление пищи, стирка и уборка, уход за детьми не только отнимали у домашней хозяйки силы, но и почти не оставляли ей свободного времени.

В рабочих семьях почти в половине случаев (48 %) матери были вынуждены заниматься наемным трудом. Поиски работы были обусловлены нехваткой средств в семье. «Если заработок мужа дает возможность удовлетворить хотя бы главные жизненные потребности семьи, женщина остается дома и посвящает себя семье», — отмечали современники [Вигдорчик, 1914, с. 6—7]. В некоторых рабочих семьях, сдававших часть жилья внаем, способом дополнительного заработка для женщин была стирка белья и приготовление пищи для квартирантов.

Серьезной социальной проблемой в рабочих семьях было пьянство мужа. Боязнь, что мужья, получив заработок, тут же «запьют» и оставят семью голодать, вынуждала женщин дежурить в расчетные дни у фабрик и ремесленных мастерских. «Женщины бросаются на рабочих, тащат их за собой и настойчиво требуют выдачи заработка, а если те упираются или стараются утаить часть денег — без церемонии выворачивают у них карманы и производят обыск», — отмечал в конце XIX столетия известный петербургский журналист В. О. Михневич [Михневич, 2003, с. 518]. Женщина зачастую подвергалась оскорблениям и побоям пьяницы-мужа, который не только пропивал свой собственный заработок, но отнимал у жены «гроши, заработанные ее тяжелым трудом», а также «пропивал» домашнее имущество [Женский вестник, 1908, с. 67—68].

По причине неустроенности быта, неуверенности в завтрашнем дне и вынужденной работы на фабрике женщина не могла уделять должное внимание воспитанию детей, что, в свою очередь, порождало новые проблемы в рабочей среде. Система детских садов, яслей и приютов в рассматриваемый период еще не получила достаточного развития. Далеко не всегда полноценную помощь по присмотру за малолетними детьми могли оказать и ближайшие родственники. Как правило, эта задача доверялась младшим членам семьи, девочкам 8—12 лет [Вигдорчик, 1914, с. 10—11]. Детская безнадзорность стала причиной многих негативных социальных явлений конца XIX — начала XX веков: роста детской преступности, уличного хулиганства, бродяжничества, а также детской проституции и алкоголизма [Труды ..., 1909, с. 264].

Следует отметить, что даже в условиях затруднительного материально-бытового положения работницы всеми силами старались следить за своим внешним видом, стремясь подчеркнуть свою индивидуальность и затрачивая на одежду намного больше средств по сравнению с мужчинами [Давидович, 1912, с. 11—13].

«Пролетарки» питали слабость к серебряным и позолоченным украшениям [Засовов и др., 2003, с. 159—160] и нередко вынуждены были экономить на еде, чтобы «позволить себе пару сапог или красивое платье» [The Cambridge history ..., p. 320].

5. Заключение

В конце XIX — начале XX веков женщины составляли значимую часть столичного пролетариата. Превращению женского труда на фабриках в обыденное явление способствовало несколько ключевых факторов: во-первых, это растущее аграрное перенаселение, усилившее кризис традиционного крестьянского хозяйства и буквально выталкивавшее «лишних» людей в города, во-вторых, повышению интенсивности отхода крестьянок способствовали высокие темпы индустриализации при отставании уровня механизации производства, что значительно повышало спрос на дешевую рабочую силу.

Устройство и функционирование крупного столичного города в целом и условия фабрично-заводского производства, в частности, накладывали ощутимый отпечаток на все стороны жизни женщин-«пролетарок». Вчерашние домохозяйки становились самостоятельно определяющими свою судьбу наемными работницами, они были вынуждены осваивать «мужские» функции и даже конкурировать с мужчинами на рынке труда. Вместе с тем женский труд ценился значительно ниже мужского, существовал низкий уровень социальной защиты работниц, им приходилось терпеть произвол, притеснения и домогательства со стороны заводского начальства, а также нередко испытывать негативное отношение со стороны рабочих-мужчин, считавших их едва ли не главными виновницами занижения заработной платы.

Трансформацию традиционных гендерных ролей под воздействием материальных тягот мы наблюдаем также в сфере приватной, личной жизни женщин-работниц. Большинство из них (более 85 %) проживали либо одни, либо существовали в незаконном браке с мужчиной-рабочим. На городских окраинах свободное сожителство мужчин и женщин, в отличие от деревенских традиций, не скрывалось и не вызывало морального осуждения со стороны общественности. Положение одиноких и семейных (вне зависимости от того, «венчаный» это был брак или нет), различалось. Одинокие были предоставлены сами себе, имели больше возможностей распоряжаться свободным временем, они же имели и больше возможностей заниматься собой и своим внешним видом. На плечи семейных женщин, как и в деревне, ложились основные тяготы ведения домашнего хозяйства и воспитания детей.

Включенная в процессы индустриализации и урбанизации, женщина-работница разрывала связи не только с деревней, но и с деревенским укладом. Степень ее самостоятельности в жизни и личной ответственности заметно повышалась, возрастали также ее потребности, что вступало в резкое противоречие с неполноправным положением женщины в обществе, в котором она воспринималась лишь как дешевая рабочая сила, призванная безропотно сносить все тяготы жизни. Это основное противоречие, осязаемое женщинами на повседневном уровне, стало

важнейшим фактором, обусловившим их широкое и мощное участие в протестных движениях в Петрограде в годы Первой мировой войны и в революционных событиях в 1917 году.

Источники и принятые сокращения

1. *Бахтиаров А. А.* Брюхо Петербурга : очерки столичной жизни / А. А. Бахтиаров. — Санкт-Петербург : РИА Ферг, 1994. — 221 с.
2. *Бернштейн-Коган С. В.* Численность, состав и положение петербургских рабочих: опыт статистического исследования / С. В. Бернштейн-Коган. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский политехнический институт императора Петра Великого, 1910. — 188 с.
3. *Вигдорчик Н. А.* Детская смертность среди петербургских рабочих (по данным анкеты) / Н. А. Вигдорчик. — Москва : типо-лит. В. Рихтер, 1914. — 43 с.
4. *Давидович М.* Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах / М. Давидович. — Санкт-Петербург : типо-лит. Шредера, 1912. — 32 с.
5. *Женский вестник* : журнал. — 1905. — № 3; 1908. — № 3; 1911. — № 2.
6. *Засосов Д. А.* Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX—XX веков: записки очевидцев / Д. А. Засосов, В. И. Пызин. — Москва : Молодая гвардия, 2003. — 467 с.
7. *Лисовский Н. М.* Рабочие в Военном ведомстве : (по поводу «Грудов» высочайше учрежденной Комиссии по улучшению быта рабочих Военного ведомства) / Н. М. Лисовский. — Санкт-Петербург : тип. Тренке и Фюсно, 1906. — 240 с.
8. *Михневич В. О.* Языв Петербурга: опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения / В. О. Михневич. — Санкт-Петербург; Москва : Лимбус Пресс, 2003. — 779 с.
9. *Отчет* больницы кассы при Шлиссельбургской ситценабивной мануфактуре за 1914 год. — Шлиссельбург : [б.и.], 1915. — 16 с.
10. *Просветительная* деятельность С.-Петербургского общества трезвости в целях отвлечения от пьянства: первая передвиж. по селам и деревням пед.-пром. выст. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1898. — 14 с.
11. ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Том XLVI. Отделение второе. № 49833. — Санкт-Петербург : [б.и.], 1874. — С. 67—68.
12. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 73. Л. 58.
13. *Труды* 1-го Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге 10—16 декабря 1908 года. — Санкт-Петербург : типо-лит. С.-Петербургской Одиной тюрьмы, 1909. — 927 с.
14. ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 260. Оп. 1. Д. 283. Лл. 1—5.
15. *Численность* и состав рабочих в России на основании данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. / [редактор Н. А. Тройницкий]. — Санкт-Петербург : типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1906. — Том 1. — 322 с.
16. *Leontief W.* Die Lage der Baumwollarbeiter in St. Petersburg / W. Leontief. — München, 1906. — 114 S.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валетов Т. Я.* Чем жили рабочие люди в городах Российской империи конца XIX — начала XX в. / Т. Я. Валетов // Социальная история : ежегодник, 2007. — Москва : Росспэн, 2008. — С. 176—196.

2. *Вахромеева О. Б.* Положение петербургских фабричных работниц в конце XIX — начале XX в.: социально-экономический аспект (по материалам ЦГИА СПб) / О. Б. Вахромеева // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2009. — № 1. — С. 101—106.
3. *Веременко В. А.* Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX — начало XX вв.) / В. А. Веременко, И. А. Тропов // Социально-экономическая и политическая модернизация в России (XIX—XX вв.): сборник научных статей / ответственный редактор И. В. Кочетков. — Санкт-Петербург: Клио, 2001. — С. 55—63.
4. *Волков В. В.* Заработная плата русских рабочих в конце XIX — начале XX в. / В. В. Волков // Вопросы истории. — 2018. — № 10. — С. 67—89.
5. *Воскресенская М. А.* Исследование культурной проблематики в предметном поле исторической науки / М. А. Воскресенская // Историк. Время. Общество: сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926—2014). — Москва: Новый хронограф, 2017. — С. 184—208.
6. *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.) / Ю. И. Кирьянов. — Москва: Наука, 1979. — 287 с.
7. *Крузе Э. Э.* Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. / Э. Э. Крузе. — Ленинград: Наука, 1976. — 299 с.
8. *Крузе Э. Э.* Условия труда и быта рабочего класса России в 1900—1914 гг. / Э. Э. Крузе. — Ленинград: Наука, 1981. — 143 с.
9. *Лурье Л. Я.* Соседский капитализм. Крестьянские землячества Петербурга конца XIX — начала XX века / Л. Я. Лурье. — Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. — 370 с.
10. *Марасанова В. М.* Женский досуг в фабричной повседневности: текстильные предприятия Ярославской губернии во второй половине XIX — начале XX в. / В. М. Марасанова, Ю. А. Кривошеева // Via in Tempore. История. Политология. — 2020. — № 47 (3). — С. 559—567.
11. *Мухина З. З.* Социальные и возрастные группы в традиционном русском крестьянском социуме пореформенного времени: гендерный аспект / З. З. Мухина // Этнографическое обозрение. — 2014. — № 2. — С. 99—115.
12. *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны / О. С. Поршнева. — Москва: РОССПЭН, 2004. — 365 с.
13. *Северцева О. В.* Повседневность рабочих промышленности Санкт-Петербурга во второй половине XIX — начале XX в. в советской историографии / О. В. Северцева // Женщина в российском обществе. — 2020. — № 1. — С. 127—136. — DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.10.
14. *Северцева О. В.* Продолжительность и распределение рабочего времени женщин на заводах и фабриках Санкт-Петербургской губернии во второй половине XIX — начале XX в. / О. В. Северцева // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. — Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. — С. 48—52.
15. *Северцева О. В.* Расчетные книжки рабочих промышленных предприятий Санкт-Петербурга конца XIX—начала XX века / О. В. Северцева, В. А. Веременко // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. — 2018. — № 3 (27). — 149—157. — DOI: 10.32516/2303-9922.2018.27.14.
16. *Синова И. В.* Дети в городском российском социуме во второй половине XIX — начале XX в.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения / И. В. Синова. — Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2014. — 287 с.
17. *Glickman R. L.* Russian factory women: Workplace and Society, 1880—1914 / R. L. Glickman. — Berkeley etc.: University of California Press, 1986. — 325 p.
18. *Haimson L.* Russia's Revolutionary Experience, 1905—1917: Two Essays / L. Haimson. — New York: Columbia University Press, 2005. — 265 p.

19. *The Cambridge history of Russia. Vol. 2: Imperial Russia, 1689—1917* / Dominic Lieven (ed.). — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 794 p.

WOMEN WORKERS OF ST. PETERSBURG IN THE LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES

© Igor A. Tropov (2020), orcid.org/0000-0002-2926-9914, Doctor of History, Associate Professor, Professor, Department of History, Saint Petersburg Mining University (St. Petersburg, Russia), i-tropov@yandex.ru.

© Andrey V. Fedkin (2020), orcid.org/0000-0002-8269-1006, Head of Department, State Budgetary Institution of Continuing Education “Center for Children and Youth Technical Creativity and Information Technologies of the Pushkin District of St. Petersburg” (St. Petersburg, Russia), andr.f@bk.ru.

© Andrei A. Konkin (2020), orcid.org/0000-0002-5341-2741, PhD in History, Associate Professor, Department of Humanities, Military Institute (Engineering and Technical), Federal State Owned «Military Educational Institution of Logistics named after General of the Army A. V. Khrulyov» of the Ministry of Defense of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia), aspid8889@rambler.ru.

The article is devoted to the analysis of the conditions of labor activity, as well as the peculiarities of family life and everyday life of women employed at the enterprises of the factory industry of St. Petersburg in the late 19th — early 20th centuries. At the present stage of development of Russia, there is still a high proportion of female labor in industry, which determines the relevance of the problem under study in order to take into account the historical experience in regulating the complex sphere of labor relations. The question of the main factors in the formation of the female labor force in St. Petersburg during the post-reform period is raised in the article. The industries in which female labor was most widely represented are identified. Issues related to the peculiarities of the professional activity of female workers (working conditions, level of wages, problems of social protection, etc.) are discussed in detail. The circumstances of private, personal life are analyzed, the influence of material factors in the life of workers on the family life is revealed. It is concluded that the contradictions between the new status of a woman, who is able to independently determine her own fate, and the preservation of her unequal position in society, led to the wide participation of women workers in the political life of St. Petersburg during the First World War and the 1917 revolution.

Key words: St. Petersburg; women workers; factory industry; working conditions; material and household situation; everyday life.

MATERIAL RESOURCES

- Bakhtiarov, A. A. (1994). *Bryukho Peterburga: ocherki stolichnoy zhizni* [The belly of Petersburg: sketches of the life of the capital]. Sankt-Peterburg: RIA Fert. 221 p. (In Russ.).
- Bernshteyn-Kogan, S. V. (1910). *Chislennost', sostav i polozheniye peterburgskikh rabochikh: opyt statisticheskogo issledovaniya* [The number, composition and position of St. Petersburg workers: the experience of statistical research]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy politekhnicheskii institut imperatora Petra Velikogo. 188 p. (In Russ.).
- Davidovich, M. (1912). *Peterburgskiy tekstilnyy rabochiy v ego byudzhetah* [Petersburg textile worker in his budgets]. Sankt-Peterburg: tipo-lit. Shredera. 32 p. (In Russ.).
- Leontief, W. (1906). *Die Lage der Baumwollarbeiter in St. Petersburg*. München. 114 S. (In Germ.).
- Lisovskiy, N. M. (1906). *Rabochiye v Voennom vedomstve: (po povodu «Trudov» vysochayshe uchrezhdennoy Komissii po uluchsheniyu byta rabochikh Voennogo vedomstva)* [Workers in the Military Department: (regarding the «Proceedings» of the imperial Commission for the improvement of the life of the workers of the Military Department)]. Sankt-Peterburg: tip. Trenke i Fyusno. 240 p. (In Russ.).
- Mikhnevich, V. O. (2003). *Yazyv Peterburga: opyt istoriko-statisticheskogo issledovaniya nnavstvennosti stolichnogo naseleniya* [Ulcers of St. Petersburg: the experience of historical

- and statistical research of the morality of the capital's population]. Sankt-Peterburg; Moskva: Limbus Press. 779 p. (In Russ.).
- Otchet bolnichnoy kassy pri Shlisselburgskoy sittsenabivnoy manufakture za 1914 god* [Report of the health insurance fund at the Shlisselburg print manufactory for 1914.]. (1915). Shlisselburg: 16 p. (In Russ.).
- Prosvetitel'naya deyatel'nost' S.-Peterburgskogo obshchestva trezvosti v tselyakh otvlecheniya ot p'yanstva: pervaya peredvizh. po selam i derevnyam ped.-prom. vyst* [Educational activity of the St. Petersburg sobriety society in order to distract from drunkenness: the first movement. in villages and villages ped.-prom. vyst]. (1898). Sankt-Peterburg: 14 p. (In Russ.).
- PSZ — *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 2. Tom XLVI. Otdeleniye vtoroye. № 49833* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Volume XLVI. Second branch. No. 49833]. (1874). Sankt-Peterburg. 67—68. (In Russ.).
- RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archives.]. F. 1276. Op. 17. D. 73. L. 58.
- Troynitskiy, N. A. (ed.). (1906). *Chislennost' i sostav rabochikh v Rossii na osnovanii dannykh Pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The number and composition of workers in Russia based on the data of the First General Census of the Russian Empire in 1897], 1. Sankt-Peterburg: tipo-lit. N. L. Nyrkina. 322 p. (In Russ.).
- Trudy 1-go Vserossiyskogo zhenskogo s'ezda pri Russkom zhenskom obshchestve v S.-Peterburge 10—16 dekabrya 1908 goda* [Proceedings of the 1st All-Russian Women's Congress at the Russian Women's Society in St. Petersburg, December 10—16, 1908.]. (1909). Sankt-Peterburg: tipo-lit. S.-Peterburgskoy Oдиноchnoy tyurny. 927 p. (In Russ.).
- TsGIA SPb — *Tsentralnyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg.]. F. 260. Op. 1. D. 283. Ll. 1—5. (In Russ.).
- Vigdorchik, N. A. (1914). *Detskaya smertnost' sredi peterburgskikh rabochikh (po dannykh anky)* [Child mortality among St. Petersburg workers (according to the questionnaire)]. Moskva: tipo-lit. V. Rikhter. 43 p. (In Russ.).
- Zasosov, D. A., Pyzin, V. I. (2003). *Povsednevnyaya zhizn' Peterburga na rubezhe XIX—XX vekov: zapiski ochevidtsev* [Everyday life of St. Petersburg at the turn of the XIX—XX centuries: notes of eyewitnesses]. Moskva: Molodaya gvardiya. 467 p. (In Russ.).
- Zhenskiy vestnik: zhurnal* [Women's Bulletin: Journal]. (1905), 3; (1908), 3; (1911), 2. (In Russ.).

REFERENCES

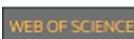
- Glickman, R. L. (1986). *Russian factory women: Workplace and Society, 1880—1914*. Berkeley etc.: University of California Press. 325 p.
- Haimson, L. (2005). *Russia's Revolutionary Experience, 1905—1917: Two Essays*. New York: Columbia University Press. 265 p.
- Kir'yanov, Yu. I. (1979). *Zhiznennyy uroven' rabochikh Rossii (konets XIX — nachalo XX v.)* [Living standards of workers in Russia (late XIX — early XX century)]. Moskva: Nauka. 287 p. (In Russ.).
- Kruze, E. E. (1976). *Polozheniye rabocheho klassa Rossii v 1900—1914 gg.* [The situation of the working class of Russia in 1900—1914]. Leningrad: Nauka. 299 p. (In Russ.).
- Kruze, E. E. (1981). *Usloviya truda i byta rabocheho klassa Rossii v 1900—1914 gg.* [Working and living conditions of the working class of Russia in 1900—1914]. Leningrad: Nauka. 143 p. (In Russ.).
- Lieven, D. (ed.). (2006). *The Cambridge history of Russia, 2: Imperial Russia, 1689—1917*. Cambridge: Cambridge University Press. 794 p.

- Lurye, L. Ya. (2020). *Sosedskiy kapitalizm. Krest' yanskiye zemlyachestva Peterburga kontsa XIX — nachala XX veka* [Neighboring capitalism. Peasant community of St. Petersburg at the end of XIX — beginning of XX century]. Sankt-Peterburg: Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge. 370 p. (In Russ.).
- Marasanova, V. M., Krivosheeva, Yu. A. (2020). Zhenskiiy dosug v fabrichnoy povsednevnosti: tekstilnyye predpriyatiya Yaroslavskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. [Women's leisure in the factory everyday life: textile enterprises of the Yaroslavl province in the second half of the XIX — early XX century]. *Via in Tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in Tempore. History. Political science], 47 (3): 559—567. (In Russ.).
- Mukhina, Z. Z. (2014). Sotsialnyye i vozrastnyye gruppy v traditsionnom russkom krestyanskom sotsiume poreformennogo vremeni: gendernyy aspekt [Social and age groups in the traditional Russian peasant society of the post-reform time: gender aspect]. *Etnograficheskiye obozreniye* [Ethnographic review], 2: 99—115. (In Russ.).
- Porshneva, O. S. (2004). *Krestyane, rabochiye i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny* [Peasants, workers and soldiers of Russia on the eve and during the First World War]. Moskva: ROSSPEN. 365 p. (In Russ.).
- Severtseva, O. V. (2016). Prodolzhitel'nost' i raspredeleniye rabocheho vremeni zhenshchin na zavodakh i fabrikakh Sankt-Peterburgskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. [Duration and distribution of working time of women in factories and factories of St. Petersburg province in the second half of the XIX — early XX century]. In: *Stolitsa i provintsii: vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istorii Rossii: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Capital and provinces: relations between the center and regions in the history of Russia: materials of the All-Russian scientific conference with international participation]. Sankt-Peterburg: LGU im. A. S. Pushkina. 48—52. (In Russ.).
- Severtseva, O. V. (2020). Povsednevnost' rabochikh promyshlennosti Sankt-Peterburga vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. v sovetskoy istoriografii [The daily routine of workers in the industry of St. Petersburg in the second half of the XIX — early XX century in Soviet historiography]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society], 1: 127—136. DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.10. (In Russ.).
- Severtseva, O. V., Veremenko, V. A. (2018). Raschetnyye knizhki rabotnits promyshlennykh predpriyatiy Sankt-Peterburga kontsa XIX — nachala XX veka [Payment books of female workers of industrial enterprises of St. Petersburg at the end of the XIX—beginning of the XX century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University: electronic scientific journal], 3 (27): 149—157. DOI: 10.32516/2303-9922.2018.27.14. (In Russ.).
- Sinova, I. V. (2014). *Deti v gorodskom rossiyskom sotsiume vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.: problemy sotsializatsii, deviantnosti i zhestokogo obrashcheniya* [Children in the urban Russian society in the second half of the XIX — early XX century: problems of socialization, deviance and abuse]. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 287 p. (In Russ.).
- Vakhromeeva, O. B. (2009). Polozheniye peterburgskikh fabrichnykh rabotnits v kontse XIX — nachale XX v.: sotsialno-ekonomicheskiiy aspekt (po materialam TsGIA Spb) [Situation of St. Petersburg factory workers in the late XIX — early XX century: socio-economic aspect (based on materials from the Central State Archive of St. Petersburg)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 1: 101—106. (In Russ.).

- Valetov, T. Ya. (2008). Chem zhili rabochie lyudi v gorodakh Rossiyskoy imperii kontsa XIX — nachala XX v. [How did workers live in the cities of the Russian Empire at the end of the 19th — beginning of the 20th century?]. In: *Sotsialnaya istoriya: ezhegodnik*, 2007 [Social history: yearbook, 2007]. Moskva: Rosspen. 176—196. (In Russ.).
- Veremenko, V. A., Tropov, I. A. (2001). Reformy i mikrosotsialnyye protsessy v Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.) [Reforms and microsocial processes in Russia (second half of the XIX — early XX centuries)]. In: *Sotsialno-ekonomicheskaya i politicheskaya modernizatsiya v Rossii (XIX—XX vv.): sbornik nauchnykh statey* [Socio-economic and political modernization in Russia (XIX—XX centuries)]. Sankt-Peterburg: Klio. 55—63. (In Russ.).
- Volkov, V. V. (2018). Zarabotnaya plata russkikh rabochikh v kontse XIX — nachale XX v. [Wages of Russian workers in the late XIX — early XX century]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 10. 67—89. (In Russ.).
- Voskresenskaya, M. A. (2017). Issledovaniye kulturnoy problematiki v predmetnom pole istoricheskoy nauki [Research of cultural problems in the subject field of historical science]. In: *Istoriik. Vremya. Obshchestvo: sbornik trudov k 90-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. RAN Rafaila Sholomovicha Ganelina (1926—2014)* [Historian. Time. Society: a collection of works dedicated to the 90th anniversary of the birth of corresponding member. RAS Rafail Sholomovich Ganelin (1926—2014)]. Moskva: Novyy khronograf. 184—208. (In Russ.).

Тычинских З. А. Институт татарских голов в Западной Сибири в XVII—XIX веках : формирование и эволюция / З. А. Тычинских // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 349—361. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-349-361.

Tychinskikh, Z. A. (2020). Institute of Tatar Heads in Western Siberia in the 17th—19th Centuries: Formation and Evolution. *Nauchnyi dialog*, 12: 349-361. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-349-361. (In Russ.).

УДК 94(571.1)“16/18”+929.52

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-349-361

ИНСТИТУТ ТАТАРСКИХ ГОЛОВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII—XIX ВЕКАХ: ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

© Тычинских Зайтуна Аптрашитовна (2020), orcid.org/0000-0002-5378-8909, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук (Тобольск, Россия), zaituna.09@mail.ru.

Рассматривается вопрос о системе управления служилыми татарами в Западной Сибири в течение XVII—XIX веков. Особое внимание уделяется роли в ней татарских голов как особого института, существовавшего с конца XVI по начало XIX века. Рассмотрены функции и обязанности татарских голов в разные исторические периоды. Выявлены исторические персоналии, занимавшие эту должность в течение рассматриваемого времени. Показана деятельность мурз Кульмаметевых на должности голов служилых и ясачных татар. Выявлено, что татарские головы в XVIII веке были органичным элементом традиционного управления аборигенным населением, необходимость в котором к концу столетия теряет прежнее значение. Показано, что в отличие от европейской части России, где должность татарских голов исчезла уже в XVII веке, в Сибири данный институт существовал вплоть до начала XIX века. Выявлена роль Сибирской реформы 1822 года как нормативной базы для ликвидации должности татарских голов. Новизна исследования видится в том, что в исторической ретроспективе прослежено формирование, развитие и завершение функционирования института татарских голов. Актуальность исследования обусловлена слабой изученностью темы.

Ключевые слова: Западная Сибирь; служилые люди; служилые татары; татарские головы; система управления.

1. Введение

Значимое место в военном контингенте Западной Сибири в XVII—XIX веках занимали служилые татары. История формирования этого социального слоя, состав и функции достаточно подробно рассмотрены в работах исследователей [Бахрушин, 1955; Тычинских, 2010]. В то же время вопрос о внутренней структуре и организации управления татарским служилым контингентом остается на сегодняшний день слабо изученным.

Особое место в системе управления служилыми татарами занимали татарские головы. Данный институт в Западной Сибири функционировал на протяжении XVI—XIX веков и имел на разных этапах существования свои особенности. Отметим, что в исторической литературе вопрос о татарских головах в Сибири уже получил определенное освещение. Известный русский и советский историк С. В. Бахру-

шин в статье «Сибирские служилые татары в XVII в.», рассматривая этап формирования этнословной группы служилых татар, особое внимание обращает на родоначальников клана тобольских татарских голов Кульмаметевых — князя Бегиша и его сына Авазбакея [Бахрушин, 1955]. Ф. Т. Валеев применительно к XVIII—XIX векам называет Кульмаметевых жалованными старшинами [Валеев, 1993]. Г. Т. Бакиева рассматривает родословную татарских мурз Кульмаметевых и биографии отдельных представителей рода [Бакиева, 2015]. Я. Г. Солодкин обращает внимание на сословную принадлежность татарских голов и подробно останавливается на некоторых персоналиях [Солодкин, 2015]. Ряд работ автора также освещает отдельные аспекты истории татарских голов в Западной Сибири, акцентируя внимание прежде всего на роде мурз Кульмаметевых [Тычинских, 2007, 2010; Тычинских и др., 2019]. Как видим, обращаясь к вопросу о татарских головах, историки исследовали его в первую очередь с позиций изучения клана татарских голов мурз Кульмаметевых.

В данной работе рассмотрим формирование и развитие института татарских голов, его место в системе управления аборигенным татарским населением, функции и обязанности татарских голов на разных исторических этапах, а также конкретных персоналий на этой должности.

2. Организация военного управления

Татарский военно-служилый контингент был сформирован из бывшей элиты Сибирского ханства [Тычинских, 2010, с. 44—45]. Русская администрация, во многом используя прежнюю систему организации управления как военным, так и ясачным татарским населением в Сибири, на первых порах сохраняла традиционные институты, постепенно трансформируя их сообразно своим целям и задачам. Так, сохранилось прежнее деление аборигенного населения на две страты — военно-служилую и ясачную, — преобразованных в условиях Русского государства в группы служилых и ясачных татар. Функционировал при этом и ряд элементов традиционного управления.

Б. А. Илюшин, рассматривая структуру военной организации служилых татар, приводит реконструкцию их служебной иерархии в XVI—XVII веках, которая, как он отмечает, была схожей у всех служилых татар в русской армии. Управление рядовыми татарами, которые назывались казаками, производилось мурзами и князьями. И в военное, и в мирное время служилые татары подчинялись князьям, в круг обязанностей которых входило составление списков служилых людей, привод, назначение на службу и т. д. Мурзы и князья подчинялись татарским головам, назначаемым обычно из русских [Илюшин, 2015, с. 5]. О табунных головах, которые руководили астраханскими юртовскими татарами, сообщает А. В. Малов. По наблюдениям исследователя, впервые в документах информация о татарском табунном голове у астраханских татар встречается в начале XVII века, точнее — в 1614 году. А. В. Малов считает, что табунный голова был «чином традиционной татарской военной организации, который выполнял вполне определенную военную функцию в условиях военных действий» [Малов, 2014, с. 228]. Татарские головы, в свою очередь, подчинялись воеводам полков.

В русской армии служилые татары использовались для участия в военных действиях, дипломатических посольствах, разведывательной деятельности, в карательных экспедициях, в качестве переводчиков и парламентаров. Конные татары также участвовали в охране границ от набегов степняков. Таким образом, спектр деятельности служилых татар в XVII веке был довольно широк. При этом те же функции выполняли как служилые татары, так и русские служилые люди [Илюшин, 2015, с. 6]. Что касается сибирских служилых татар, то в их функции входили различные службы: от сбора ясака до участия в дипломатических миссиях. Наряду с другими категориями служилых людей татары принимали участие в военных походах, занимались строительством острогов и крепостей, поимкой беглых и т. д. В течение XVII века они использовались преимущественно на конной службе [Тычинских, 2010, с. 52].

Б. А. Илюшин отмечает, что в основу управления войсками была положена десятичная система: служилые люди организовывались по десяткам, полусотням, сотням, «спискам». И хотя полного соответствия в численности подразделений не соблюдалось, подобное выделение тактических единиц сохранялось на протяжении длительного времени [Илюшин, 2015, с. 5]. Аналогичная структура существовала в татарских иррегулярных командах, фактически оформившись к XVIII веку.

Исследователи отмечают, что «сибирское казачество никогда не было “вольным”, а всегда исключительно “служилым”» [История казачества ..., 1995, с. 40]. Команды служилых татар набирались также по этому принципу, поэтому организация управления служилыми татарами была общей с другими подразделениями сибирского казачества. Главным органом управления всеми «иррегулярными» войсками был Сибирский приказ, где на протяжении XVII — первой половины XVIII веков разрабатывались штатные расписания, куда направлялись списки служилых людей, рапорты и донесения и прочее.

На местах руководство служилым военным контингентом осуществляли воеводы и воеводские канцелярии, а с XVIII века — губернаторы и губернские канцелярии.

Существенные изменения в системе управления произошли после 1763 года, когда был расформирован Сибирский приказ. Но, несмотря на то что формально руководство казаками в результате реформирования перешло к Военной коллегии и обер-комендантам, гражданские власти по-прежнему были в праве требовать на службу при канцеляриях (губернских, уездных и других) необходимое число казаков [Там же, с. 102].

Переломным моментом в сложившейся ситуации можно считать приказ Военной коллегии 1797 года. С этого времени руководство городскими командами стали осуществлять гражданские губернаторы. Правомочность данного приказа была подтверждена Государственным Советом в 1810 году [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. 329, оп. 13, д. 7, лл. 446—446 об.].

3. Место голов в системе управления. Функции и обязанности

Головы и атаманы осуществляли непосредственное управление служилыми людьми. Ф. П. Сороколетов относит завершение формирования терминологиче-

ского значения слова *голова* как наименования военачальника к началу второй трети XVI века [Сороколетов, 2009, с. 238], причем, как сообщает автор, об этом говорят «составные термины, в которые включается это слово: пушкарские головы, осадные головы, засечные головы, сторожевые головы, заставные головы, стрелецкие головы, солдатские головы, станичные головы» [Там же]. По мнению Н. И. Никитина, «в крупных гарнизонах Сибири стрелецкие и казачьи головы были вторыми после воевод людьми, которые осуществляли военное управление» [Никитин, 1988, с. 42]. Как считает А. В. Малов, «татарскими головами назначались лишь доверенные лица правительства из русских дворян, детей боярских или новокрещен» [Малов, 2014, с. 229]. Головы должны были формировать списки служилых людей, комплектовать команды, осуществлять контроль над выдачей жалованья, а также направлять подчиненных «на всякие службы и на городовые караулы». Они могли судить и наказывать подведомственных служилых людей за «огурничества и за караульное оплошество, и по челобитчиковым делам» [Никитин, 1988, с. 42; История казачества, 1995, с. 41]. Головы могли направляться на «дальние службы», при этом они могли возглавлять служилых людей других категорий. Так, отмечает Н. И. Никитин, «начальным» человеком над служилыми татарами в «дальних посылках», например, могли поставить атамана русских казаков, а татарского голову, отправить во главе отряда служилых «литовского списку» и т. д. [Никитин, 1988, с. 44]. Головы управляли служилыми людьми не только в период несения службы, но и отвечали за их поведение в повседневной жизни, чтобы «они в городе и нигде ничем не воровали, русских людей и татар не побивали и не грабили, и зерню, и карты не играли <...> и денежное, и хлебное и соляное жалованье, и казенных пищалей не продавали и не проигрывали и не пропивали» [История казачества, 1995, с. 97]. Документы свидетельствуют и о том, что в обязанности голов входила защита своих подчиненных — «от обид беречи».

4. Татарские головы в XVII веке

Упоминание должности татарских голов встречается в письменных источниках с конца XVI века. В этот период обычно под татарскими головами подразумевались предводители определенного контингента служилых татар. Я. Г. Солодкин справедливо обращает внимание на имевшиеся различия в статусах голов в европейской части Русского государства и в Сибири [Солодкин, 2015, с. 29].

Мы уже отмечали, что «обязанности татарского головы мало отличались от функций других категорий голов», татарские головы «командовали служилыми татарами во время военных походов и “ведали” ими в мирное время» [Тычинских, 2010, с. 115]. В их обязанности входило ведение послужных списков служилых и захребетных татар, своевременная подача этих списков вышестоящему начальству. На него возлагались суд и расправа над вверенными ему татарами, кроме «великих судных спорных дел». Татарский голова должен был «от русских и от всяких людей оберегать», а также «удерживать татар от обид русским» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. 329, оп. 13, д. 7; Тычинских, 2010, с. 115].

С конца XVI по первую половину XVII веков татарскими головами обычно назначали кого-либо из русских «начальных» служилых людей. По сведениям, приводимым исследователями, одним из первых на эту должность был назначен Черкас Александров, который считается соратником Ермака [Щеглов, 1883, с. 58]. По данным Я. Г. Солодкина, Иван (Черкас) Александров, по прозвищу Корсок, занимал должность головы тобольских конных татар с 1598 по 1601 годы [Солодкин, 2015, с. 29]. В начале XVII века головой томских служилых татар, по сведениям В. Д. Пузанова, был Осип Кокорев [Пузанов, 2005, с. 112]. В первой трети XVII века тарских служилых татар возглавлял Воин Дементьев [Миллер, 1941, с. 583].

По данным Г. Ф. Миллера, в 1632 году татарским головой в Тобольске служил Иван Внуков [Миллер, 1941, с. 102]. Архивные материалы позволяют дополнить список персоналий татарских голов. Так, в 1626/27 годах на должности татарского головы находился Константин Частой [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 14], которого сменил Федор Елагин, служивший в 1628/29 годах [Там же, кн. 27]. Книги хлебного жалованья Тобольска 1637/38 годов называют татарским головой в этот период Михайло Харламова [Там же, д. 93], а в 1645/46 годах — Петра Ивановича Челищева [Там же, кн. 201]. Данный список далеко не полный и требует дальнейшего изучения и дополнения. Вместе с тем отметим, что должность татарского головы в главном сибирском городе Тобольске для русских чиновников была непростая, но почетная и небезвыгодная, учитывая их высокий оклад. Поэтому на эту должность часто назначали детей боярских.

Татарский голова в Тобольске в конце XVI—XVII веках имел штат помощников, в который входили толмач, подьячий, данщик татарский и приставы. Данные окладных книг показывают, что жалованье татарского головы было одним из самых высоких среди «начальных» служилых людей, что указывает на высокий статус татарского головы в русской военно-административной иерархии. В первой половине XVII века оно составляло 30 руб. деньгами, а также по 30 четей ржи и овса. К сравнению, по приводимым Н. И. Никитиным данным окладных книг за 1647—1648 годы, голова пеших казаков получал 22 руб., а голова конных казаков — 11 рублей денежного жалованья [Никитин, 1988, с. 110].

В некоторых случаях татарских голов «отставляли» от должности по жалобам служилых татар. Как пишет Н. И. Никитин, злоупотребления в отношении служилых со стороны «начальных людей» были в XVII веке нередкими [Там же, с. 132—133]. К примеру, тобольский татарский голова Константин Частов в 1628 году был отстранен от занимаемой должности. Причиной отставки послужили многочисленные жалобы от служилых татар на «обиды и насильства» в отношении подчиненных со стороны К. Частова. Вместо него на это место был назначен Федор Елагин [Оглоблин, 1900, с. 129]. Таким образом, назначение на должность татарских голов русских служилых обычно из числа «начальных людей» было обычной практикой в течение конца XVI — XVII веков.

Представителей аборигенного населения на должность татарских голов стали назначать с конца XVI века. Так, на 1594 год Г. Ф. Миллер называет татарских голов Байзеита и Байбахту [Миллер, 1998, с. 218]. Они возглавляли тобольских

служилых татар, направленных для строительства Тарской крепости. Численность войска под предводительством воеводы князя Елецкого, направленного на строительство Тары, была свыше полутора тысяч человек, и в его состав, наряду с русскими служилыми людьми, входили поляки, литовцы, татары и башкиры. Причем более двух третей отряда составляли татары и башкиры. В связи с этим Г. Ф. Миллер писал: «В такую опасную экспедицию, в опасные татарские места <...> такое множество Татар употребить отважились» [Там же]. В данном случае хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что «головой» — *башлык* — у тюрков обычно назывался старшина, старший, главный в роду, общине, артели. И мы можем предположить, что термин *голова*, скорее всего, по отношению к Байсеиту и Байбахте употреблялся в значении назначенного на период похода начальника.

На наш взгляд, такая же ситуация могла складываться и в отношении Майтмаса Ачекматова, который в первой четверти XVII века назывался головой тюменских юртовских татар. Скорее всего, он возглавлял отряды юртовских татар во время походов. По данным Я. Г. Солодкина, М. Ачекматов по крайней мере дважды назначался головой тюменских юртовских татар: в 1606 и 1617—18 годах [Солодкин, 2015, с. 30].

Майтмас Ачекматов был одним из тех «лучших людей» аборигенного населения, которые перешли на службу новой власти. Сведения о Майтмase Ачекматове встречаются в ряде источников конца XVI — начала XVII веков, в том числе в Сибирских летописях, где он назван «татарским князцом». Одним из наиболее известных и часто упоминаемых в исторической литературе документов является грамота царя Михаила Федоровича в Тюмень воеводе Федору Коркодинову в январе 1618 года. В документе сообщается, что в Москву поступила челобитная от «тюменского города юртовских служивых татар головы Маитмаса Ачекматова» с просьбой увеличить его жалованье. В ней Маитмас Ачекматов перечислял свои заслуги, в ряду которых называл участие в походах против хана Кучума и Кучумовичей, строительство русских городов Тобольска и Тары и т. д. Свою просьбу тюменский служилый татарин обосновывал тем, что на государственной службе он состоит со времени основания русского города Тюмени. Известно, что сыновья Маитмаса Ачекматова: Мургач, Надыш и Кутайгул — также находились на «государевой службе» в команде тюменских служилых татар [Очерки ..., 1994, с. 44]. Я. Г. Солодкин называет еще одного тюменского татарского голову начала XVII века — Девея Иртяшева [Солодкин, 2015, с. 30].

В Тюмени длительное время головой тюменских юртовских и захребетных татар служил сын боярский Илья Бакшеев, еще в 1630 году назначенный на эту должность [Миллер, 1941, с. 401]. Известно, что он стоял в 1641 году во главе объединенного отряда русских и татарских служилых людей во время похода против царевича Девлеткирея, «и те де служилые люди сошли его Девлеткирея в колмацких кочевьях, и с ним был бой и <...> голова татарской Илья Бакшеев со служилыми людьми многих колмацких людей побили и языки поимали» [Миллер, 1941, с. 401]. В XVIII веке руководство служилыми татарами сосредоточилось в столичном центре Сибири — Тобольске.

5. Татарские головы Кульмаметевы

В конце XVII — начале XVIII веков происходит окончательное оформление института сибирских татарских голов. Оно было тесно связано с деятельностью клана тобольских служилых татар Кульмаметевых, состоявших на должности голов тобольских служилых татар с конца XVII по начало XIX века. История рода достаточно подробно рассмотрена в работах исследователей [Тычинских, 2007, 2009, 2010 и др.; Бакиева, 2015], поэтому в данной статье остановимся на хронологии службы представителей рода в качестве татарских голов.

Первым из Кульмаметевых эту должность получил сын «Келмамета князь Бегишева» Авазбакей Кульмаметович. Архивные материалы позволяют говорить, что уже с середины XVII века внук князя Бегиша находился на государственной службе [Тычинских и др., 2019, с. 445—446]. Головой тобольских служилых и захребетных татар он был назначен в 1692 году «в вознаграждении его службы и купно с тем за сообщение всяких известий» [РГИА, ф. 1286, оп. 2, д. 347, л. 15]. В наказной памяти, данной тобольским воеводой, были определены обязанности Авазбакея Кульмаметева: «удерживать татар от обид русским и ограждать от притеснения сих <...> последних, производить между татарами всякую расправу, докладывать в важных делах боярину и воеводе Салтыкову, а за малые вины самому наказывать, прекращать всякие непопозволенные связи их с заграничными народами и в случае нападений от них отражать оных военною рукою, для чего наблюдать, чтобы служилые татары состояли всегда в полном числе и способных из них к службе применять ... начальства другими из татарских детей» [Там же, л. 15об.]. Помощником головы служилых татар был определен сын Авазбакея — Сабанак Кульмаметев. В 1698 году Авазбакей умер, а на его место головой служилых татар был назначен Сабанак Авазбакеевич. В декабре 1713 года по приказу губернатора М. П. Гагарина сын Сабанака Авазбакеевича мурза Нематулай был назначен головой подгородных ясачных татар [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. 329, оп. 13, д. 7, л. 99 об.].

В 1730 году Сабанак умирает [РГИА, ф. 1286, оп. 2, д. 347, л. 16] и головой служилых татар становится его сын Нематулай [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. 329, оп. 13, д. 7, л. 100 об.]. А функции головы подгородных захребетных и ясачных татар переходят к другому сыну Сабанака Авазбакеевича — Авазбакею Кульмаметеву. В 1732 году, после смерти Нематулая Кульмаметева, на недолгий период головой служилых татар становится служилый татарин Чюра Кутумов, потомок касимовских мурз [РГИА, ф. 1286, оп. 2, д. 347, л. 17]. Вновь должность головы служилых татар возвращается к представителям рода Кульмаметевых в 1736 году, когда сын Сабанака Авазбакеевича — Авазбакей (второй), который до этого возглавлял захребетных и ясачных татар, становится головой тобольских служилых татар.

Указом генерал-губернатора Д. И. Чичерина от 30 июня 1778 года сын Авазбакея Сабанак Кульмаметев после смерти отца был назначен головой 1-го класса «для командования служилыми казаками и ясачными магометанами». До этого с 1756 по 1777 годы он служил головой тобольских ясачных городовых и уездных татар [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. 329, оп. 13, д. 7, лл. 101 об. — 102 об.]. Заметим, что Сабанак Авазбакеевич одним из последних занимал должность татарского головы

практически до упразднения данного института. Его брат Исмагулла Авазбакевич после назначения Сабанака головой 1-го класса был определен на его место и служил на этой должности до 1791 года. После кончины дяди головой 2-го класса становится старший сын Сабанака капитан Рахматулла Кульмаматов [Там же, л. 100 об. — 101 об.]. Должности татарских голов первого и второго класса сохранялись вплоть до начала XIX века.

Данная структура управления тобольскими служилыми и ясачными татарами в своих основных характерных чертах функционировала почти 100 лет, завершив существование лишь в первые десятилетия XIX века. Уже в 1725 году сибирский губернатор М. Долгорукий ввел штатное расписание, окончательно оформившее институт татарских голов. Это расписание утверждало две должности татарских голов — служилых татар и ясачных подгородных татар, совместно управлявших татарским населением [Там же, л. 458 об.].

Что касается денежных окладов, то, как уже выше говорилось, размер жалованья головы служилых татар был высоким и длительное время не изменялся, составляя в год 23 рубля. Голова 1-го класса получал, кроме денежного довольствия, по «8 четвертей с осьминою полчетверика и полполчетверика ржи, овса тож, соли 6 пудов». Денежный оклад головы ясачных татар составлял 16 рублей ежегодно в течение XVIII века. Кроме того, ему было положено по «4 четверти и малый четверик ржи, столько же овса и соли 4 пуда» [Там же, л. 96 об.].

В XVIII веке в круг обязанностей татарских голов входило следить за тем, чтобы подведомственные им казаки должным образом выполняли возлагавшиеся на них поручения. Головы должны были ежегодно предоставлять губернскому начальству формулярные списки, в которых указывались данные о «всех состоящих в команде его казаках», а в конце каждого месяца — месячные ведомости о состоянии команды [Там же, л. 98]. Они должны были подавать тобольскому гражданскому губернатору рапорты и именные списки направляемых на различные службы казаков: «как посылаются казаки ис команды его и в прочие уездных городов нижние земские суды к городничим и частным комиссарам, к губернскому и уездному землемерам для разных случающихся посыло» [Там же, л. 100]. Каждую треть года должны были подаваться именные списки служилых татар комиссариатскому комиссионеру и в провиантское правление с именными списками об обеспечении служилых жалованьем и провиантом [Там же].

В обязанности головы 2-го класса входило наблюдение за ясачными татарами и отставными казаками, которые проживали в селениях Тобольского округа, а также сбор с ясачных татар положенного ясака.

В течение всего периода существования данного института в руках татарского головы находились «суд и расправа» над вверенными ему служилыми, ясачными и захребетными татарами [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. 329, оп. 13, д. 7, л. 101].

С конца XVIII века татарским головам присваивались офицерские чины. Так, голова 1 класса имел чин майора, а голова 2 класса — капитана.

Отметим, что мурзам Кульмаматовым вплоть до первой четверти XIX века удавалось удерживать за родом должности татарских голов, а в результате много-

численных обращений к верховной власти добиться того, что они были признаны «наследственными».

6. Завершающий этап в функционировании института

В течение длительного времени род татарских мурз Кульмаметевых, возглавлявший тобольских служилых и ясачных татар, обладал большими полномочиями в управлении татарским населением. Кульмаметевы пользовались большой поддержкой как местной, так и центральной власти, что было связано с «верной и беспорочной службой» представителей рода и с необходимостью такого звена в управлении аборигенным населением. С начала XIX века происходит постепенное ограничение власти Кульмаметевых. Губернская администрация обнаружила служебные злоупотребления Сабанака Кульмаметева, связанные с присвоением им двухрублевого подушного сбора с ясачных татар, значившихся как недоимка общей суммой 3714 руб. 14 коп. Это стало поводом для активных действий местной власти против татарского головы.

Дело «О злоупотреблениях властью» мурзы Сабанака Кульмаметева рассматривалось в течение ряда лет губернской администрацией, лично сибирским генерал-губернатором И. Б. Пестелем, а также разными правительственными учреждениями, включая Сенат [ГУТО ГА в г. Тобольске, ф. 154, оп. 1540, д. 27, л. 2 об.]. В итоге в 1811 году С. Кульмаметев был отстранен от управления ясачными татарами [РГИА, ф. 1286, оп. 2, д. 347, л. 12]. Вскоре губернское правление отстранило С. Кульмаметева от общего управления татарским населением, которое подразумевалось под должностью татарского головы, «с оставлением его в сем звании при одной казачей магометанской команде» [Там же, л. 13 об.]. Генерал-губернатор И. Б. Пестель, активно участвовавший в процессе отстранения С. Кульмаметева от должности головы, считал, что «притязания Кульмаметевых на исключительное управление татарами несправедливы» и, даже если «фамилия Кульмаметевых всегда имела притязание на начальство над ясашными и считала право сие как бы наследственным», но «отличие сие получилось только случайно, единственно по распоряжению прежнего местного начальства» [Там же]. На наш взгляд, такие изменения в отношении Кульмаметевых были связаны с назревшей ситуацией, когда прежняя система управления аборигенным населением, существовавшая почти два столетия, уже не была актуальна. В связи с этим отстранение мурз Кульмаметевых от должности татарского головы знаменовало завершение функционирования как данного института, так и в целом традиционной системы управления.

Завершающий этап перехода к новой системе управления был связан с реформами 1822 года. Сибирские реформы М. М. Сперанского включили в себя и «Устав о сибирских городских казаках», в котором были кодифицированы нормы, определяющие основы положения казачества в социально-политической инфраструктуре Восточной и Западной Сибири.

Согласно положениям Устава, все казачьи войска приобретали более однообразное устройство. Также в результате принятия нового нормативного документа происходит унификация порядка управления. Оформился переход к полковой

системе организации и была закреплена подчиненность полков гражданским губернаторам. Теперь руководить полками должны были полковые атаманы, которых в должности утверждало губернское начальство. Должности татарских голов были упразднены, так как новым законодательным актом наличие в казачьей чиновной иерархии голов не предусматривалось. По новой системе во главе Сибирского татарского полка, как и других аналогичных подразделений, встают атаманы, которые на эту должность назначались из русских офицеров [ГУТО ГА в г. Тобольске, ф. 152, оп. 31, д. 124, лл. 17 об., 399].

Работа по оформлению структуры и управления казачьими войсками в целом завершается в первой половине XIX века. С 1827 года центральным органом управления ими является Военное министерство в лице Департамента военных поселений [История казачества ..., 1995, с. 105—107]. Проведение Сибирской реформы М. М. Сперанского, частью которой стало утверждение «Устава об инородцах» и «Устава о сибирских городских казаках», приводит к постепенной унификации прав и обязанностей русских казаков и служилых татар.

7. Заключение

Итак, важную роль в системе управления татарским военно-служилым контингентом в Западной Сибири играл институт татарских голов, существовавший с конца XVI по начало XIX веков. Если в конце XVI — XVII веков татарский голова возглавлял только группу служилых татар, формировавшихся из военно-служилой верхушки Сибирского ханства, то с конца XVII века данная должность стала совмещать в себе функции управления как служилым, так и ясачным татарским населением. Таким образом, татарские головы на протяжении длительного периода использовались русской администрацией для руководства аборигенным населением. Функционирование института татарских голов в Тобольске в XVIII веке связано с деятельностью мурз Кульмаметевых, которые пользовались большим авторитетом у татарского населения и поддерживали тесную связь с местным губернским правлением.

И если в европейской части Русского государства должность татарских голов потеряла актуальность в связи с преобразованиями в армии XVII века, когда служилые татары вошли в состав рот и полков нового строя, то в Западной Сибири она просуществовала гораздо дольше, вплоть до начала XIX века.

Данный институт потерял свою значимость уже к концу XVIII века, а в первой четверти XIX века перестал функционировать. Нормативной базой для ликвидации должности татарского головы стали положения «Устава об инородцах» и «Устава о сибирских городских казаках».

Источники и принятые сокращения

1. ГБУТО ГА в г. Тобольске — *Государственное* бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И-329. Тобольское губернское правление, г. Тобольск Тобольской губернии (1788—1895 годы). Оп. 13. Д. 7. Л. 96 об. ; Ф. И-154 (Тобольская казенная палата). Оп. 1540. Д. 27. Л. 2 об. ; Ф. 341 (Тобольское наместничество). Д. 142. Л. 32 об. ; Ф. 152 (Тобольское общее губернское управление). Оп. 31. Д. 124. Л. 399.

2. РГАДА — *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 214. (Сибирский приказ). Оп. 1. Кн. 14 ; Кн. 27 ; д. 93 ; Кн. 201.
3. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347. Л. 11, 15 ; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 52. Л. 40 2 об.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бакиева Г. Т.* «Быть в Тобольске в татарских головах...» (из истории рода служилых татар Кульмаметьевых) / Г. Т. Бакиева // Сибирские исторические исследования. — 2015. — № 4. — С. 10—29.
2. *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. / С. В. Бахрушин // Научные труды. Т. 3, ч. 2. — Москва, 1955. — С. 153—175.
3. *Валеев Ф. Т.* Сибирские татары / Ф. Т. Валеев. — Казань : Татарское книжное издательство, 1993. — 208 с.
4. *Илюшин Б. А.* Военное дело татарских воинов Русского государства XV—XVII вв. / Б. А. Илюшин // Вестник Томского государственного университета. История. — 2015. — № 3 (35). — С. 5—11.
5. *История казачества Азиатской России.* Т. 1. — Екатеринбург : УрО РАН, 1995. — 318 с.
6. *Кружинов В. М.* Очерки истории Тюменской области / В. М. Кружинов. — Тюмень, 1994. — 272 с.
7. *Малов А. В.* Состав и внутренняя структура отрядов служилых татар «великого Российского царствия» по записям расходных книг Казенного приказа (двора) конца Смуты. 1613—1619 гг. / А. В. Малов // Средневековые тюрко-татарские государства. — 2014. — № 6. — С. 224—232.
8. *Миллер Г. Ф.* История Сибири / Г. Ф. Миллер. — Москва-Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1941. — Т. 2. — 637 с.
9. *Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского царства / Г. Ф. Миллер. — Москва : Изд-во «Либерея», 1998. — 416 с.
10. *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири / Н. И. Никитин. — Новосибирск, 1988. — 256 с.
11. *Оглоблин Н. Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) / Н. Н. Оглоблин. — Москва : Университетская типография, 1900. — Ч. 3. — 394 с.
12. *Солодкин Я. Г.* О сословной принадлежности голов служилых татар в России конца XVI — начала XVII в. / Я. Г. Солодкин // Военно-юридический журнал. — 2015. — № 2. — С. 26—31.
13. *Сороколетов Ф. П.* История военной лексики в русском языке (XI—XVII вв.) / Ф. П. Сороколетов. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 384 с. ISBN 978-5-397-00679-8.
14. *Тычинских З. А.* Татарские казачьи головы Кульмаметевы (XVII—XIX века) / З. А. Тычинских // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2007. — Т. 6. — № 1. — С. 135—140.
15. *Тычинских З. А.* Сведения о сибирских мурзах Кульмаметевых в свете поколенной росписи конца XVIII в. / З. А. Тычинских, Г. Х. Самигулов // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 444—456. — DOI : 10.24224/2227-1295-2019-11-444-456.
16. *Тычинских З. А.* Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII—XIX вв.) / З. А. Тычинских. — Казань : Фэн АН РТ, 2010. — 288 с.
17. *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032—1882 гг. / И. В. Щеглов. — Иркутск : Восточно-Сибирский отдел ИРГО, 1883. — 778 с.

INSTITUTE OF TATAR HEADS IN WESTERN SIBERIA IN THE 17TH—19TH CENTURIES: FORMATION AND EVOLUTION

© Zaituna A. Tychinskikh (2020), orcid.org/0000-0002-5378-8909, SPIN 3721-9532, PhD in History, senior researcher, Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russia), zaituna.09@mail.ru.

The question of the management system of servicemen Tatars in Western Siberia during the XVII-XIX centuries is considered. Particular attention is paid to the role of Tatar heads in it as a special institution that existed from the late 16th to the early 19th centuries. The functions and duties of the Tatar heads in different historical periods are considered. Historical figures who held this position during the period under consideration is identified. The activity of Kulmamatevs Murzas as heads of servicemen and yasak Tatars is shown. It was revealed that the Tatar heads in the 18th century were an organic element of the traditional management of the aboriginal population, the need for which by the end of the century loses its former importance. It is shown that, in contrast to the European part of Russia, where the position of Tatar heads disappeared already in the 17th century, this institution existed in Siberia until the beginning of the 19th century. The role of the Siberian reform of 1822 as a normative basis for the elimination of the position of Tatar heads is revealed. The novelty of the research is seen in the fact that the formation, development and completion of the functioning of the institution of Tatar heads is traced in the historical retrospective. The relevance of the study is due to the poor study of the topic.

Key words: Western Siberia; service people; service Tatars; Tatar heads; control system.

MATERIAL RESOURCES

- GBUTO GA v g. Tobolske — *Gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye Tyumenskoy oblasti Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobolske. F. I-329. Tobolskoye gubernskoye pravleniye, g. Tobolsk Tobolskoy gubernii (1788—1895 gody). Op. 13. D. 7. L. 96 ob. ; F. I-154 (Tobolskaya kazennaya palata). Op. 1540. D. 27. L. 2 ob. ; F. 341 (Tobolskoye namerstnichestvo). D. 142. L. 32 ob. ; F. 152 (Tobolskoye obshcheye gubernskoye upravleniye). Op. 31. D. 124. L. 399* [GBUTO GA in Tobolsk — State budgetary institution of the Tyumen region State archive in Tobolsk. F. I-329. The provincial government of Tobolsk, Tobolsk Tobolsk province (1788—1895 years). Op. 13. D. 7. L. 96 vol.; F. I-154 (Tobolsk state chamber). Op. 1540. D. 27. L. 2 Ob.; F. 341 (Tobolsk Viceroyalty). D. 142. L. 32 Ob.; F. 152 (Tobolsk General provincial administration). Op. 31. D. 124. L. 399]. (In Russ.).
- RGADA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 214. (Sibirskiy prikaz). Op. 1. Kn. 14; Kn. 27; d. 93; Kn. 201* [RGADA-Russian state archive of ancient acts. F. 214. (Siberian order). Op. 1. Kn. 14; Kn. 27; d. 93; Kn. 201]. (In Russ.).
- RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv: F. 1286. Op. 2. D. 347. L. 11, 15; F. 1263. Op. 1. D. 52. L. 40 2 ob* [RGIA-Russian state historical archive. F. 1286. Op. 2. D. 347. L. 11, 15; F. 1263. Op. 1. D. 52. L. 40 2 vol]. (In Russ.).

REFERENCES

- Bakhrushin, S. V. (1955). Sibirskiye sluzhilyye tatory v XVII v [Siberian service Tatars in the XVII century]. *Nauchnyye trudy* [Scientific works], 3 (2). Moskva. 153—175. (In Russ.).
- Bakiyeva, G. T. (2015). «Byt' v Tobolske v tatarskikh golovakh ...» (iz istorii roda sluzhilykh tatar Kulmamatevykh) [“To Be in Tobolsk in Tatar heads ...” (from the history of the kulmamateyev family of service Tatars)]. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya* [Siberian historical research], 4: 10—29. (In Russ.).

- Ilyushin, B. A. (2015). *Voyennoye delo tatarskikh voynov Russkogo gosudarstva XV—XVII vv.* [Military Affairs of Tatar warriors of the Russian state of the XV—XVII centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk state University. History], 3 (35): 5—11. (In Russ.).
- Istoriya kazachestva Aziatskoy Rossii* [History of the Cossacks of Asian Russia], 1. (1995). Ekaterinburg: UrO RAN. 318 p. (In Russ.).
- Kruzhinov, V. M. (1994). *Ocherki istorii Tyumenskoy oblasti* [Essays on the history of the Tyumen region]. Tyumen'. 272 p. (In Russ.).
- Malov, A. V. (2014). *Sostav i vnutrennyaya struktura otryadov sluzhilykh tatar «velikogo Rosiyskogo tsarstviya» po zapisyam raskhodnykh knig Kazennogo prikaza (dvora) kontsa Smuty. 1613—1619 gg.* [Composition and internal structure of detachments of service Tatars of the “great Russian Kingdom” according to records of expenditure books of State order (court) of the end of the Troubles. 1613—1619]. *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States], 6: 224—232. (In Russ.).
- Miller, G. F. (1941). *Istoriya Sibiri* [History of Siberia], 2. Moskva-Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 637 p. (In Russ.).
- Miller, G. F. (1998). *Opisaniye Sibirskogo tsarstva* [Description of the Siberian Kingdom]. Moskva: Liberiya. 416 p. (In Russ.).
- Nikitin, N. I. (1988). *Sluzhilyye lyudi v Zapadnoy Sibiri* [Serving people in Western Siberia]. Novosibirsk. 256 p. (In Russ.).
- Ogloblin, N. N. (1900). *Obozreniye stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592—1768 gg.)* [Review of columns and books of the Siberian order (1592—1768)], 3. Moskva: Universitetskaya tipografiya. 394 p. (In Russ.).
- Shcheglov, I. V. (1883). *Khronologicheskiy perechen' vazhneyshikh dannyykh iz istorii Sibiri. 1032—1882 gg* [Chronological list of the most important data from the history of Siberia. 1032—1882 gg]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskiy otdel IRGO. 778 p. (In Russ.).
- Solodkin, Ya. G. (2015). *O soslovnoy prinadlezhnosti golov sluzhilykh tatar v Rossii kontsa XVI — nachala XVII v.* [On the class affiliation of the heads of serving Tatars in Russia in the late XVI-early XVII century]. *Voyenno-yuridicheskyy zhurnal* [Military law journal], 2: 26—31. (In Russ.).
- Sorokoletov, F. P. (2009). *Istoriya voyennoy leksiki v russkom yazyke (XI—XVII vv.)* [History of military vocabulary in the Russian language (XI—XVII centuries)]. Moskva: LIBROKOM. 384 p. (In Russ.). ISBN 978-5-397-00679-8
- Tychinskikh, Z. A. (2007). *Tatarskiye kazachy golovy Kulmametevy (XVII—XIX veka)* [Tatar Cossack heads Kulmametevy (XVII—XIX centuries)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk state University. Series: History, Philology], 6 (1): 135—140. (In Russ.).
- Tychinskikh, Z. A. (2010). *Sluzhilyye tatarsy i ikh rol' v formirovaniy etnicheskoy obshchnosti sibirskikh tatar (XVII—XIX vv.)* [Serving Tatars and their role in the formation of the ethnic community of the Siberian Tatars (XVII—XIX centuries)]. Kazan': Fen AN RT. 288 p. (In Russ.).
- Tychinskikh, Z. A., Samigulov, G. H. (2019). *Information about the Siberian Murza of the Kulmametevs in the light of the Generational Painting of the Late 18th Century.* *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 11: 444—456. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-444-456. (In Russ.).
- Valeyev, F. T. (1993). *Sibirskiy tatarsy* [Siberian Tatars]. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izdatelstvo. 208 p. (In Russ.).

Чемакин А. А. Деятельность П. Б. Струве как министра иностранных дел правительства Юга России (1920) / А. А. Чемакин // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 362—377. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-362-377.

Chemakin, A. A. (2020). P. B. Struve's Activities as Minister of Foreign Affairs of the Government of the South of Russia (1920). *Nauchnyi dialog*, 12: 362-377. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-362-377. (In Russ.).

УДК 94(47)“1920”+929Струве

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-362-377

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П. Б. СТРУВЕ КАК МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЮГА РОССИИ (1920)¹

© **Чемакин Антон Александрович (2020)**, <http://orcid.org/0000-0001-6078-4044>, Scopus ID 57194240668, ResearcherID I-6060-2018, SPIN 6686-7066, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), a.chemakin@spbu.ru.

Статья посвящена деятельности П. Б. Струве на посту начальника управления иностранных сношений правительства Юга России весной-осенью 1920 года. Указано, что Струве, став одним из ближайших помощников барона П. Н. Врангеля, проводил «левую политику правыми руками» и сыграл важную роль в признании Крыма французскими властями. Последовательно рассмотрены различные этапы деятельности Струве на его посту, связанные как с пребыванием в Крыму, так и с поездками в Западную Европу. Используя различные источники, в первую очередь материалы прессы и воспоминания современников, автор уточняет некоторые важные аспекты деятельности Струве во главе крымского внешнеполитического ведомства, а также его позицию по польскому и украинскому вопросам. Представлена критика деятельности Струве со стороны национал-большевиков и «пораженцев», выступавших за союз с Польшей против Советской России. По мнению автора статьи, несмотря на то, что взгляды Струве на внешнюю и внутреннюю политику претерпели определенные изменения (в особенности по сравнению с теми заявлениями, которые он делал на рубеже 1919—1920 годов), основа его воззрений оставалась неизменной.

Ключевые слова: П. Б. Струве; П. Н. Врангель; правительство Юга России; управление иностранных сношений; Крым; 1920 год.

1. Введение

Весной 1920 года Петр Бернгардович Струве, известный русский экономист, историк, философ и политический деятель, возглавил управление иностранных сношений белого крымского правительства. Этот период его деятельности достаточно неплохо освещен в трудах Р. Пайпса [Пайпс, 2001, с. 356—373; Pipes, 1963], но стоит отметить, что американский исследователь основное внимание уделял интеллектуальной биографии своего героя, представленной в контексте российских и мировых событий, вследствие чего многие важные детали ускользнули от его внимания, и, к тому же, в момент написания своей книги Пайпс не имел доступа ко

1 Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук № МК-621.2019.6 «“Русская свобода и Великая Россия”: “либерально-консервативная” группа В. В. Шульгина и П. Б. Струве в годы революции и Гражданской войны».

многим источникам. Не отрицая значимости работ Пайпса, мы полагаем необходимым в год 100-летия «врангелиады» уточнить некоторые аспекты работы Струве на посту главы МИДа, а также показать его отношение к «окраинным вопросам». Для решения этой задачи мы обратимся в первую очередь к материалам русской, французской и английской прессы 1920 года, содержащей материалы о передвижениях Петра Бернгардовича Струве по Европе и его комментарии по разным актуальным вопросам (большая часть из этих газет просмотрена нами в Научной библиотеке Государственного архива Российской Федерации [ГАРФ]), а также к воспоминаниям современников, как опубликованным, так и хранящимся в архивах (ГАРФ, Бахметевский архив).

Кроме того, мы попытаемся ответить на вопрос, изменились ли политические взгляды Струве во время его пребывания во врангелевском правительстве? Как впоследствии писал его сын Глеб, «мой отец и был, и считался, и сам считал себя после революции “правым”», но, несмотря на это, «до конца своих дней <...> оставался по существу либералом, хотя и предпочитал называть себя либеральным консерваторм» [Струве Г., 1956]. Таким образом, Глеб Струве полагал, что взгляды его отца в целом оставались неизменными, хотя «внешняя оболочка» могла меняться. Несмотря на это утверждение, при рассмотрении деятельности Петра Струве в крымский период может сложиться впечатление, что в 1920 году он резко повернул влево, признав принцип федерации, прежде им отрицаемый, и пойдя на контакты с украинцами, ранее не рассматриваемыми в качестве возможного партнера.

Перед тем как перейти непосредственно к деятельности Струве на посту руководителя одного из крымских «министерств», необходимо сказать несколько слов о его жизни в предшествующие месяцы, совершенно не освещенной другими исследователями. С начала 1920 года П. Б. Струве находился в Новороссийске, писал статьи в редактируемую им газету «Великая Россия» и продолжал призывать власти белого Юга повернуть политический курс направо, выступая за ужесточение военной диктатуры и даже предлагая восстановление монархии [Чемакин, 2019]. Когда стало ясно, что город долго не продержится, Струве принял решение выехать за границу и 21 февраля (5 марта) 1920 года покинул Новороссийск на пароходе «Саратов». В Константинополь судно прибыло уже 23 февраля (7 марта), но из-за карантина пассажиры смогли сойти на берег лишь несколько дней спустя [НИА, с. 184—187].

Оказавшись в Константинополе, Струве остановился в посольстве в качестве дипломатического курьера, где, согласно воспоминаниям дипломата Г. Н. Михайловского, с ним произошел небольшой инцидент. Через несколько дней после приезда Струве отдал свой паспорт сотруднику посольства Рогальскому для получения европейских виз, и тот обнаружил, что в документе нет ни малейших указаний не только на статус дипломатического курьера, но и вообще на его причастность к правительственным учреждениям. Консул Н. П. Якимов, удостоверившись в правильности сообщенной ему Рогальским информации, предложил Струве покинуть посольство, что тот и вынужден был сделать под угрозой выселения [Михайловский, 1993, с. 551]. Правда, стоит отметить, что вся эта история вызывает опреде-

ленные сомнения, так как у Струве на руках было удостоверение от министерства финансов, в котором говорилось о возложенном на него поручении, а также письмо министра финансов М. В. Бернацкого [ГАРФ, ф. Р-5912, оп. 1, д. 1, л. 1, 3.]. Других подробностей месячного пребывания Струве в Константинополе у нас, к сожалению, нет. Известно лишь, что он изредка по вечерам принимал участие в беседах с П. Н. Врангелем и А. В. Кривошеиным, проходивших за чашкой турецкого кофе в одном из бесчисленных кафе [Врангель, 1928а, с. 302—303]. 21 марта (3 апреля) 1920 года, в день, когда Врангель отправился в Крым принимать власть от ушедшего в отставку А. И. Деникина, Струве в городе отсутствовал. Вернувшись, Струве узнал о произошедших событиях и, по словам Врангеля, «поспешил прибыть в Севастополь, справедливо полагая, что ему «необходимы желающие работать, преданные делу люди». Новый главнокомандующий Вооруженными силами Юга России посчитал, что Струве, «человек большого ума» и «огромной эрудиции», хорошо известный в Европе, может быть ему чрезвычайно полезен в качестве советника [Врангель, 1928б, с. 27]. Приехав в Севастополь 29 марта (11 апреля), Струве был назначен начальником управления иностранных сношений — фактически министром иностранных дел, хотя формально его должность так никогда не называлась.

2. «Левая политика правыми руками»

31 марта (13 апреля) 1920 года Струве писал из Севастополя русскому послу во Франции В. А. Маклакову о том, что в Крыму произошли лишь изменения военного, а не политического характера, и поэтому нельзя говорить о повороте направо, хотя и главнокомандующий, и большинство его сотрудников, в том числе и сам Петр Бернгардович Струве, являются правыми. По мнению Струве, «правая» линия победила лишь после крушения противоположной линии, потерпевшей поражение из-за несостоятельности ее носителей в военной области. Все это привело к тому, что теперь «правые» были гораздо ближе к идее федерации и радикальному разрешению аграрного вопроса, чем были прежде «левые» [К 50-летию ..., 1970, с. 415—416].

В течение апреля 1920 года Струве активно занимался не только иностранными делами, но и вопросами экономического положения Крыма, разработкой планируемых реформ и реорганизацией административно-государственного аппарата. «Я страшно занят, ибо кроме дел управления иностранных сношений мне приходится участвовать в обсуждении и решении других дел, в обстановке, делающей всякую работу весьма трудной, — писал Струве Маклакову 12 (25) апреля. — Но после кошмарных дней Новороссийска здесь все-таки можно жить и дышать» [Там же, с. 420]. Приятель и помощник Петра Бернгардовича А. А. Борман, вызванный в Крым для поступления на дипломатическую службу и выполнения ряда деликатных заданий, вспоминал: «П. Б. Струве не изменился и несколько не был похож на министра. Но в его кабинет все время входили с докладами, и он быстро давал распоряжения и указания. Мои разговоры с ним были исключительно деловые. Только раз, оставшись со мной на короткое время вдвоем, он воскликнул: “Какая судь-

ба России. Если бы Врангель стал главнокомандующим раньше, то, может быть, удалось бы предотвратить катастрофу. Боюсь, что теперь уже поздно. Но пока мы обязаны продолжать”» [Борман, 1970а].

Как сообщала пресса, Струве в это время имел наибольшее влияние на направление политики нового правительства [Мионов, 1920а]. Парижская газета «Последние новости» усматривала в сложившемся положении определенное противоречие: с одной стороны, Врангель опирается на группу, взгляды которой прежде выражала газета «Великая Россия», а его политическим советником является Струве; с другой, окружающие Врангеля лица говорят, что они хотят быть революционерами в социальной области и провести в жизнь демократический земельный закон [П. Б., 1920].

По воспоминаниям князя В. А. Оболенского, именно весной 1920 года он впервые услышал от Струве «формулу о необходимости делать левую политику правыми руками» [Оболенский, 1988, с. 702], позднее получившую широкое распространение. Что же произошло со Струве, всего лишь за полтора месяца до этого стоявшего на твердых правых позициях и призывавшего к укреплению режима военной диктатуры? Конечно, в данном случае можно обвинить его в оппортунизме, но, на наш взгляд, этот оппортунизм был скорее внешним, чем внутренним, сущностным. Еще осенью 1919 года он отмечал, что власть «должна верить в себя» [Струве П., 1919]. Разочаровавшись в А. И. Деникине, Струве, исходивший из исповедуемой им концепции «личной годности» человека [Кара-Мурза, 2012], увидел во Врангеле прирожденного вождя, того самого властителя, который «верит в себя». После этого уже не имело значения, какой курс будет проводиться — «правый» или «левый».

3. Поездка в Западную Европу

Наладив работу центральных структур своего ведомства, Струве отправился в Париж, где находился весь цвет российской дипломатии. 28 апреля (11 мая) 1920 года он выехал на американском миноносце № 127 в Константинополь [Поездка ..., 1920], а оттуда через Бриндизи и Рим в Париж. Прибыв в столицу Франции примерно 11 (24) мая, первые дни Струве вел себя очень осторожно [Мионов, 1920b]. Вступая в должность, он был вынужден пойти на компромисс со старшим русского дипломатического корпуса М. Н. Гирсом, обладавшим значительным политическим весом. «Кондиции», принятые главой МИДа, заключались в том, что Струве лишился права самостоятельного назначения на заграничные должности, а равно и увольнения с них, чинов дипломатического ведомства без согласия Гирса. Позднее, значительно усилившись, он вполне мог разорвать договоренность, но не сделал этого из стремления «беречь дипломатическое ведомство» [Михайловский, 1993, с. 485—489]. В целом же он был весьма деликатен, умел завоевывать симпатии, и вскоре, по словам Г. Н. Михайловского, «милейший Петр Бернгардович стал кумиром русских парижских дам самого высшего круга» [Там же, с. 508].

14 (27) мая 1920 года состоялось заседание Русской политической делегации, на котором Струве сделал доклад по вопросам внутренней и внешней политики

[П. В., 1920]. В своем докладе он остановился на главнейших этапах деятельности правительства Врангеля, которые, по его мнению, «убеждают в стремлении нового главнокомандующего приложить все силы к возрождению великой свободной России». Струве подчеркнул, что Врангель в своей деятельности опирается на широкие круги народных масс, а также встречает сочувствие среди отдельных национальностей, населяющих Крым [Миронов, 1920с]. Струве также заявлял, что «южно-русская армия не питает широких наступательных планов вглубь России, а желает оградить лишь свое право на существование в местностях, которые она занимает» [Миронов, 1920d]. У Струве даже была идея создать на территории России два «царства» — советское и антибольшевистское. Хотя терроритории их далеко не одинаковы, русский народ будет знать, что есть две России, в одной из которых «ужас большевистского террора», другая же — «прежняя Россия» [Михайловский, 1993, с. 461].

7 (20) июня 1920 года Струве подал французскому министру иностранных дел меморандум с изложением демократической программы крымского правительства. Правда, представители французского МИДа выражали сомнения, что Франция что-то сможет сделать для Крыма, и предлагали попробовать действовать через англичан [Т. Б., 1920]. Несмотря на это, личные переговоры Струве и Маклакова с премьер-министром Франции Александром Мильераном, первая встреча с которыми состоялась еще 26 мая (8 июня) [П. Б. Струве у А. Мильерана, 1920], увенчались успехом. Возможно, не последнюю роль сыграла схожесть жизненных путей Струве и Мильерана (оба они в молодости участвовали в социалистическом движении, но позднее перешли на националистические позиции), а также знакомство с одним из ближайших сотрудников французского премьера Эженом Пети, женатым на русской [К 50-летию ..., 1970, с. 420].

На второй неделе июня (по новому стилю) Струве посетил Лондон, очевидно, надеясь склонить английское общественное мнение на сторону крымского правительства [General ..., 1920]. Там же, в Лондоне, он принял участие в ряде заседаний местных русских организаций [Кулик, 1972]. 3—4 (16—17) июля Струве находился на союзнической конференции в бельгийском городе Спа, созванной для обсуждения вопросов выполнения Германией условий Версальского договора и возможно-го вмешательства в советско-польский конфликт. В Спа он изложил руководителю союзной дипломатии отношение правительства Врангеля к английскому предложению о заключении соглашения с большевиками. Кроме того, он имел продолжительные беседы с польскими представителями. 6 (19) июля Струве вернулся в Париж [Миронов, 1920е].

Еще во время предыдущей встречи Мильеран обещал Струве поговорить с Ллойд Джорджем и испросить для него аудиенцию, но британский премьер категорически отказался вести какие-либо переговоры с представителем Врангеля. «Струве поехал в Спа специально для того, чтобы увидеться там с Ллойд Джорджем и, согласно принятому в Париже решению, готов был пойти на все, чтобы купить себе распоряжение английского премьера, — вспоминал Г. Н. Михайловский. — Он согласился бы даже на совместную конференцию с большевиками по рус-

скому вопросу, если бы это предложил Ллойд Джордж. Но все старания оказались тщетными — Ллойд Джордж до конца конференции так и не увиделся со Струве, к большому огорчению последнего». Придуманный Струве план заключался в том, чтобы помирить французов и англичан с немцами за счет большевиков, но после неудачи с Ллойд Джорджем он не решился вступать в сепаратные переговоры с Германией, побоявшись испортить наладившиеся отношения с французами [Михайловский, 1993, с. 586—587].

Вскоре Струве был повторно принят Мильераном, сообщившим о готовности признать правительство Врангеля де-факто при условии признания долговых обязательств предшествующих русских правительств в доле, соответствующей занимаемой территории, факта перехода земли в руки крестьян и готовности создать народное представительство на демократических основаниях [Врангель, 1928б]. Таким образом, одна из основных задач русской внешней политики была выполнена. Добившись успеха в Париже и не дожидаясь официального оформления признания, которое произойдет 28 июля (10 августа), Струве отправился назад в Крым, по пути посетив Константинополь и Варну. «Струве был на вершине блаженства, хотя, и это делает честь его скромности, он заявил, что заслуга в принятии решения французским правительством принадлежит не столько ему, Струве, сколько Маклакову, — вспоминал Г. Н. Михайловский, видевшийся с Петром Бернгардовичем в Константинополе. — Это была выдающаяся дипломатическая победа, принимая во внимание влиятельное положение Франции в Европе в то время» [Михайловский, 1993, с. 614—615]. 26 июля (8 августа) Струве вернулся в Севастополь на американском миноносце [Возвращение ..., 1920] (по другой версии — на английском [Приезд ..., 1920]). Врангель встретил его на пристани и отвез к себе, Струве в течение шести часов подряд передавал все подробности о французском признании [Михайловский, 1993, с. 617]. «Вопреки нашим опасениям, Струве хорошо справился с задачей. От франц[узского] прав[ительства] он добился большего, чем можно было ожидать. Millerand, перед тем как выступить в Палате, вызвал его и вставил в свою речь часть его мыслей», — записала в июле 1920 года известная общественная деятельница А. В. Тыркова-Вильямс [Наследие ..., 2012, с. 239]. 4 (17) августа 1920 года Врангель своим приказом выразил Струве глубочайшую признательность «за блестящее выполнение возложенных на него поручений» [Благодарность ..., 1920].

4. П. Б. Струве и «самоопределение окраин»

Новый внутри- и внешнеполитический курс, проводимый Струве и Врангелем, встретил оппозицию со стороны некоторых кругов русской эмиграции, увидевших в нем опасность для территориальной целостности России. Бывший последователь Струве, а теперь идеолог новорожденного национал-большевизма Н. В. Устрялов писал ему осенью 1920 года из Харбина: «Насколько можно судить отсюда, курс, избранный Вами, встречает много возражений с национальной точки зрения. <...> Широкий “федерализм”, Вами тактически воспринятый, может принести такие плоды, которые потом Вам не удастся преодолеть. Дружба с агрессивную Поль-

шей, с Румынией царапает национальное чувство. Мне думается, что гражданская война (после Деникина и Колчака) — наименее удачный путь уничтожения большевизма» [Колеров, 2017, с. 382].

Струве не оставил выпады Устрялова без ответа: «...Никаких соглашений во вред России правительство Юга России не заключало. Блюдя в идее интересы и достоинство России, оно только *ничего не предрешило* и, сидя в Крыму, не вело себя и не разговаривало с иностранцами и с окраинами как всероссийское правительство, реально опирающееся на помощь всей России. И я утверждаю, что, не становясь в позу могущественной силы, распоряжающейся всей Россией и, в том числе, ее обособившимися окраинами, оно поступало морально правильно и психологически целесообразно». По словам Струве, правительство стремилось к тому, чтобы уничтожить коммунистически-интернационалистическую советскую власть и спасти государственное ядро, «хозяйственная и духовная деградация которого коммунистическим строем для Единой и Великой России опаснее каких бы то ни было уступок (словесных и реальных) окраинам и иностранцам». «Национал-большевизм» же, по его мнению, этой истины не понимал и впадал в «политический романтизм» [Струве П., 1921]. В отличие от Устрялова, Струве отказался воспринять патриотические лозунги большевиков, выдвинутые ими в 1920 году во время войны с Польшей. По его мнению, они являлись тактической уловкой: «Провозгласив на словах борьбу за отстаивание исконных русских границ в борьбе с Польшей, вожди коммунистов на деле продолжали и продолжают смотреть на русский народ как на пушечное мясо для мировой революции. Наступление на Польшу велось не во имя интересов России, а во славу мировой социальной революции» [Речь ..., 1920].

При этом, конечно, в своих выступлениях глава МИДа постоянно повторял, что новая Россия будет государством федеративным и демократическим. Так, например, на одном из совещаний, организованных русской эмиграцией в Париже, Струве «высказал непоколебимую веру в успех в России демократических идей и выразил уверенность, что демократические идеи в России восторжествуют» [Голос ..., 1920]. Но стоит отметить, что эти заявления делались в первую очередь для зарубежной печати (в том числе и русской эмигрантской). Если же посмотреть на непосредственные действия Струве как главы МИДа, то обвинения Устрялова во многом окажутся несостоятельными. А однажды Струве вполне открыто заявил, что, хотя и видит будущую Россию федерацией, она является «империей в римском или британском смысле», и выразил надежду, что в ее состав войдут все отколовшиеся государства, за исключением Финляндии и Польши [Un entretien ..., 1920]. Правда, теперь он выступал против форсированного объединения бывших частей России силой, считая, что оно произойдет само вследствие единства интересов и экономических потребностей [С., 1920a].

Струве полагал, что советско-польская война — это национальный спор русских с поляками, и поэтому нельзя выигрывать «национальное дело» спасения России от большевиков путем заключения союза с историческими врагами. Исходя из этого, Петр Бернгардович делал вывод, что «национальная Россия» в лице Врангеля может быть только нейтральной, но, так как «нейтралитет» означал бы

поддержку большевиков, нужно вести параллельные военные действия с сохранением полной свободы рук в дальнейшем [Михайловский, 1993, с. 220]. Русский дипломатический представитель в Варшаве Г. Н. Кутепов именно по этой причине остался недоволен своим новым начальником. «Это наивность, заключенная в идеологическую формулу, — сказал Кутепов про Струве. — Я ему говорю про военную и политическую обстановку, требующую союза на бумаге, а он мне возражает с точки зрения идеологии национального чувства» [Там же, с. 511]. По мнению Михайловского, надо было заключить формальный союз с Польшей, который мог бы не допустить эвакуации и вступить в переговоры в Риге совместно с поляками; в итоге Крым бы стал антибольшевистским русским лимитрофом наподобие Латвии, Эстонии, Литвы, Финляндии [Там же, с. 668]. Сам же Струве по польскому вопросу высказывался весьма осторожно. Он, хотя первоначально и заявлял о необходимости «помочь координации русских и польских действий» [П. Б. Струве о своей миссии, 1920], впоследствии добавлял, что отношение возрожденной России к Польше будет целиком зависеть «от отношения элементов, которые в это время будут у власти в Польше» [Des militants ..., 1920]. Годы спустя он писал так о взаимоотношениях Крыма с Польшей: «Хорошо ли или худо, но никакого союза с поляками у Врангеля не было, и я это категорически, за своим подписом, утверждаю...» [Струве П., 1925].

Определенные изменения претерпела его позиция по украинскому вопросу, но она была далека от той, какой ее представлял себе Устрялов. Еще осенью 1919 года в одной из своих статей Струве писал слово «Украина» в кавычках, теперь же он скорректировал свое мнение — по крайней мере, на словах. В конце августа 1920 года Струве принял участие во встрече Врангеля с делегацией от крымских украинских организаций [Украинская делегация..., 1920], а в сентябре — в приеме делегации Украинского национального комитета (УНК) [Украинцы-федералисты, 1920]. УНК, с которым теснее всего общался Струве, заявлял, что «стремление отделиться от России никогда не было изъявлено украинским народом ни путем плебисцита, ни через посредство какого-либо законно избранного украинского представительного органа», и поэтому никто не имеет законного права требовать отделения Украины от России [Украинцы-антисепаратисты, 1920]. Хотя Струве пришлось пойти на некоторые компромиссы (в первую очередь, на признание самой возможности диалога с украинцами), вряд ли можно обвинять его в поддержке каких-либо «самоопределений» и «самостоятельности», как это делал Устрялов, — скорее уж можно усмотреть в действиях Струве «великодержавный» догматизм и отсутствие той гибкости, которая отдельным его современникам представлялась спасительной.

5. Окончание дипломатической работы П. Б. Струве

Во время двухмесячного пребывания в Севастополе Струве проявлял заметную публичную активность, выступая на различных собраниях. Так, например, 16 (29) августа он произнес речь на Народном собрании, организованном Внепартийным совещанием, в севастопольском театре «Ренессанс»: «Впервые за все время

существования правительства Добровольческой армии глава ведомства иностранных дел делал доклад в публичном собрании. Театр “Ренессанс” был переполнен. Стояли, сидели в проходах, на ступеньках, толпились в дверях. Собрались люди, искавшие не развлечения, а разъяснения событий, серьезность которых сознается всеми, кто сейчас цепляется за последний клочок свободной русской земли. Искали даже не разъяснения, а просто живое слово успокоения от лица, руководящего нашими иностранными сношениями и близко прикоснувшегося к западноевропейским руководящим политическим кругам» [С., 1920b].

17 (30) сентября 1920 года Струве, на которого была возложена миссия по упрочению дружественных связей между Францией и Югом России, покинул Севастополь на французском авизо (посыльном корабле) «Туль» [Отъезд ..., 1920]. Задержавшись по дороге на несколько дней в Константинополе, он прибыл в Париж 28 сентября (11 октября) [Un entretien ..., 1920]. На протяжении октября 1920 года Струве постоянно встречался с представителями французских властей. Так, например, он посетил премьер-министра Франции Жоржа Лейга, выразив французскому правительству от имени Врангеля и правительства Юга России благодарность за моральную и материальную поддержку [П. Б. Струве у Лейга, 1920]. Затем он был принят президентом Франции. Во время продолжительной беседы Струве ознакомил А. Мильерана, только что занявшего президентский пост, с военным, политическим и экономическим положением Юга России и выяснил, что его взгляды и взгляды главы французского государства по наиболее важным вопросам совпадают. Как отмечала пресса, «прием носил чрезвычайно сердечный характер», «г. Мильеран вынес прекрасное впечатление из состоявшегося свидания», которое «еще более укрепило нынешние дружеские отношения между Францией и Россией» [П. Б. Струве у президента ..., 1920]. Еще через несколько дней Струве провел переговоры с министром финансов Франсуа Марселем [П. Б. Струве у Ф. Марсала, 1920].

Струве активно занимался решением различных экономических и политических вопросов, связанных с поддержкой Крыма, не зная еще, что судьба Русской армии предрешена. Заключение польско-советского перемирия позволило большевикам перебросить свои войска на Юг для решающего наступления. И летом, и осенью Струве прилагал все силы к тому, чтобы доказать прочность положения Врангеля в Крыму, и по этому поводу даже подшучивали, что министр иностранных дел «побивает все рекорды казенного оптимизма» [Михайловский, 1993, с. 588]. Именно поэтому в ноябре 1920 года он был шокирован произошедшей крымской эвакуацией, о подготовке которой его не известили [Там же, с. 674]. А. А. Борман вспоминал: «Известие о катастрофе пришло как-то неожиданно. Мы — моя мать, отчим и я сидели у Александры Васильевны Гольштейн на рю де ля Тур в Пасси, когда пришел Струве и сказал, что в посольстве получено сообщение об эвакуации Крыма войсками Врангеля. В течение некоторого времени мы сидели молча, не обмениваясь друг с другом никакими соображениями. Потом начался тихий разговор о происшедшем. Было очень тяжело» [Борман, 1970b].

Почти все усилия Струве на дипломатическом поприще оказались напрасными, проекты экономических и политических соглашений, над заключением кото-

рых он работал, больше никому не были нужны. По большому счету, единственным итогом его работы в МИДе было получение французского признания, имевшего теперь, осенью 1920 года, уже не политическое, а исключительно гуманитарное значение. Масштабная эвакуация, осуществленная Врангелем, была облегчена тем, что Франция признала крымское правительство и предоставила ему необходимый тоннаж, пусть и на достаточно обременительных условиях [К 50-летию ..., с. 422]. «Без преувеличения можно сказать, что только благодаря ему (признанию. — А. Ч.) могла совершиться под защитой французского флага эвакуация из Крыма — и многочисленные беженцы обязаны спасением своей жизни не только доблестному нашему флоту, но и большому дипломатическому успеху Струве», — писал его биограф В. Х. Даватц четырнадцать лет спустя [Даватц, 1934, с. 13].

Следующие полтора месяца Струве прожил в Париже, формально оставаясь на своем посту, но отказ французов признавать официальный статус Врангеля и Русской армии после оставления Крыма фактически превратил его из министра иностранных дел в человека, занимающегося вопросами изыскания средств для новой волны русских беженцев. 10 (23) декабря 1920 года он прибыл в Константинополь [Чебышев, 1932, с. 5], а несколько недель спустя, 6 (19) января 1921 года, подал в отставку. Несмотря на разногласия с Врангелем, вызвавшие эту отставку, Струве отметил в письме к главнокомандующему, что «работа в качестве Вашего ближайшего помощника останется всегда драгоценным для меня воспоминанием» [К 50-летию ..., 1970, с. 426]. Незадолго до этого на совещании в Константинополе было принято решение о возобновлении издания журнала «Русская мысль» [Чебышев, 1936], и Струве, пробыв чуть менее года на государственной службе, вернулся к своим прежним занятиям — публицистике и научной деятельности.

6. Заключение

Пост начальника управления иностранных сношений правительства Юга России стал вершиной административной карьеры Петра Бернгардовича Струве. Несмотря на свою репутацию «кабинетного ученого», к тому же чрезвычайно рассеянного [ГАРФ, ф. 10230, оп. 2, д. 34, л. 222], Струве к удивлению многих современников весьма успешно действовал на ответственной должности, успевая и перемещаться из одной европейской столицы в другую, и заниматься реформами в Крыму, и давать отчет населению о внешнеполитической обстановке и действиях его ведомства. Благодаря своей всеевропейской известности и старым связям с французской политической элитой он смог добиться признания врангелевского Крыма со стороны Франции, обеспечившего впоследствии относительно безболезненную эвакуацию армии и беженцев с полуострова. При этом, став государственным служащим, Струве был вынужден до известной степени смягчить правоконсервативную риторику предыдущих месяцев и из тактических соображений усилить «демократическую» составляющую своих воззрений, выступив за федеративное устройство будущей России и немного скорректировав отношение к украинской проблеме. Впрочем, изменения эти касались лишь некоторых частных вопросов, в остальном же взгляды Петра Бернгардовича были неизменными,

и он, как и прежде, оставался сторонником идеи «Великой России», осуществление которой невозможно без экономической и культурной свободы. Другое дело, что это восстановление «Великой России» должно было теперь идти не сверху, а снизу, путем соглашения между ее осколками. Не вдаваясь в оценку правильности или ошибочности действий Струве на «министерском» посту, мы полагаем несправедливой критику в его адрес со стороны национал-большевиков, полагавших, что крымские власти стали заигрывать с «самостийниками» и таким образом приняли участие в расчленении России. В этом вопросе намного ближе к истине оказались «пораженцы», считавшие, что Струве, оставаясь «великодержавником», не готов был идти на серьезные компромиссы с поляками и украинцами и ограничился лишь частичным изменением риторики.

Источники и принятые сокращения

1. *Благодарность* академ. П. Б. Струве // Юг России : газета. — 1920. — № 108 (301). — С. 2.
2. *Борман А.* Константинополь — Лондон — Финляндия / А. Борман // Новое русское слово : газета. — 1970b. — № 21918. — С. 4.
3. *Борман А.* Новороссийск — Константинополь — Крым. Отрывки из воспоминаний / А. Борман // Новое русское слово : газета. — 1970a. — № 21805. — С. 2.
4. *В. Б. П. Б. Струве у президента Республики / В. Б. // Последние новости : газета. — 1920. — № 155. — С. 1.*
5. *Возвращение* П. Б. Струве // Юг России : газета. — 1920. — № 100 (293). — С. 2.
6. *Врангель П. Н.* Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.) / П. Н. Врангель // Белое дело : летопись Белой борьбы. — Берлин : Медный всадник, 1928a. — Том 5. — С. 9—306.
7. *Врангель П. Н.* Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.) / П. Н. Врангель // Белое дело : летопись Белой борьбы. — Берлин : Медный всадник, 1928b. — Том 6. — С. 5—242.
8. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 10230 (Тыркова-Вильямс А. В., Борман А. А.). Оп. 2. Д. 34. Л. 222.
9. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-5912 (Струве П. Б.). Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 3.
10. *Голос антибольшевистской России: совещание в Париже* // Юг России : газета. — 1920. — № 94 (287). — С. 1.
11. *Даватц В.* Правда о Струве : опыт одной биографии / В. Даватц. — Белград : Издание Н. З. Рыбинского, 1934. — 16 с.
12. *К 50-летию окончания гражданской войны на Юге России: неизданные документы из архивов П. Б. Струве* / публ. Г. П. Струве // Мосты. — 1970. — № 15. — С. 413—427.
13. *Кулик И.* О дискуссии Г. П. Струве и А. Бормана / И. Кулик // Новое русское слово : газета. — 1972. — № 22697. — С. 4.
14. *Миронов М.* В политических кругах / М. Миронов // Последние новости : газета. — 1920a. — № 13. — С. 2.
15. *Миронов М.* В политических кругах / М. Миронов // Последние новости : газета. — 1920b. — № 25. — С. 2.
16. *Миронов М.* В политических кругах / М. Миронов // Последние новости : газета. — 1920d. — № 66. — С. 2.
17. *Миронов М.* В политических кругах: заседание политической делегации / М. Миронов // Последние новости : газета. — 1920c. — № 29. — С. 2.
18. *Миронов М.* Возвращение П. Б. Струве из Спа / М. Миронов // Последние новости : газета. — 1920e. — № 72. — С. 1.

19. Михайловский Г. Н. Записки: из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914—1920 / Г. Н. Михайловский. — Москва : Международные отношения, 1993. — Книга 2. Октябрь 1917 г. — ноябрь 1920 г. — 688 с.
20. Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники / В. А. Оболенский. — Париж : YMCA-Press, 1988. — 753 с.
21. *Отъезд* П. Б. Струве // Юг России : газета. — 1920. — № 136 (331). — С. 2.
22. П. Б. В политических кругах. Ген. Врангель / П. Б. // Последние новости : газета. — 1920. — № 18. — С. 3.
23. П. Б. Струве о своей миссии // Юг России : газета. — 1920. — № 61 (254). — С. 2.
24. П. Б. Струве у А. Мильерана // Общее дело : газета. — 1920. — № 74. — С. 3.
25. П. Б. Струве у Лейга // Общее дело : газета. — 1920. — № 99. — С. 1.
26. П. Б. Струве у президента Республики // Общее дело : газета. — 1920. — № 100. — С. 1.
27. П. Б. Струве у Ф. Марсалья // Последние новости : газета. — 1920. — № 156. — С. 1.
28. П. В. Доклад П. Б. Струве / П. В. // Последние новости : газета. — 1920. — № 28. — С. 2.
29. *Поездка* П. Б. Струве // Юг России : газета. — 1920. — № 25 (218). — С. 2.
30. *Приезд* П. Б. Струве // Южные ведомости : газета. — 1920. — Экстренный выпуск. — С. 1.
31. *Речь* П. Б. Струве // Военный голос : газета. — 1920. — № 110. — С. 4.
32. С. Внутренняя и внешняя политика ген. Врангеля / С. // Общее дело : газета. — 1920а. — № 77. — С. 2.
33. С. Народное собрание : доклад П. Б. Струве / С. // Великая Россия : газета. — 1920б. — № 90 (502). — С. 2.
34. *Струве Г.* Письмо в редакцию / Г. Струве // Новое русское слово : газета. — 1956. — № 15803. — С. 4.
35. *Струве П.* Власть должна верить в себя / П. Струве // Великая Россия : газета. — 1919. — № 332. — С. 1.
36. *Струве П.* Дневник политика: 15. О разных видах полемики и о том, над чем кое-кому стоит задуматься / П. Струве // Возрождение : газета. — 1925. — № 63. — С. 1.
37. *Струве П.* По существу / П. Струве // Руль : газета. — 1921. — Том 6, № 200. — С. 1.
38. Т. Б. Предложения П. Б. Струве (беседа с представителем французского мин. ин. дел) / Т. Б. // Последние новости : газета. — 1920. — № 66. — С. 2.
39. *Тыркова А. В.* Наследие Ариадны Владимировны Тырковой : дневники, письма / А. В. Тыркова. — Москва : РОССПЭН, 2012. — 1110 с.
40. *Украинская делегация у главнокомандующего* // Юг России : газета. — 1920. — № 127 (320). — С. 2.
41. *Украинцы-антисепаратисты* // Общее дело : газета. — 1920. — № 78. — С. 2.
42. *Украинцы-федералисты* // Юг России : газета. — 1920. — № 132 (327). — С. 2.
43. *Чебышев Н.* Близкая даль. Святки в Константинополе / Н. Чебышев // Возрождение : газета. — 1932. — № 2412. — С. 3, 5.
44. *Чебышев Н.* Из записной книжки : отрывки. 1921 год / Н. Чебышев // Возрождение : газета. — 1936. — № 3951. — С. 2.
45. *Des militants de la politique russe qui se trouvent a Paris croient que la chute du régime bolchevik est prochaine et nous dissent pourquoi* // Excelsior : quotidien. — 1920. — № 3598. — P. 2.
46. *General Wrangel's Policy. Programme of Peace. No Surrender to Soviet* // The Times : newspaper. — 1920. — № 42459. — P. 11.
47. HIA — Hoover Institution Archives. F. P. Rerberg memoires. Рерберг Ф. П. Исторические загадки в Революции в России (воспоминания).
48. *Un entretien avec M. Strouvé, ministre des Affaires étrangères du gouvernement Wrangel* // Le Petit Parisien : quotidien. — 1920. — № 15933. — P. 1.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кара-Мурза А. А.* П. Б. Струве и развитие им концепции «личной годности» / А. А. Кара-Мурза // Петр Бернгардович Струве / под ред. О. А. Жуковой, В. К. Кантора. — Москва : РОССПЭН, 2012. — С. 130—170.
2. *Колеров М. А.* Первая формула национал-большевизма: письмо Н. В. Устрялова к П. Б. Струве (1920) / М. А. Колеров // Устрялов Н. В. Национал-большевизм: избранные статьи 1920—1927 гг. — Москва : Циолковский, 2017. — С. 380—383.
3. *Пайнс Р.* Струве: правый либерал, 1905—1944 / Р. Пайнс. — Москва : Московская школа политических исследований, 2001. — Том 2. — 680 с.
4. *Чемакин А. А.* П. Б. Струве на белом Юге России осенью 1919 — зимой 1920 г. (к 100-летию «Размышлений о русской революции») / А. А. Чемакин // Вопросы истории. — 2019. — № 12-1. — С. 252—265.
5. *Pipes R.* Les relations diplomatiques du gouvernement Wrangel en Crimée, 1920 / R. Pipes // Cahiers du monde russe et soviétique. — 1963. — Vol. 4, № 4. — P. 401—435.

P. B. STRUVE'S ACTIVITIES AS MINISTER OF FOREIGN AFFAIRS OF THE GOVERNMENT OF THE SOUTH OF RUSSIA (1920)¹

© Anton A. Chemakin (2020), <http://orcid.org/0000-0001-6078-4044>, Scopus ID 57194240668, ResearcherID I-6060-2018, SPIN 6686-7066, PhD in History, Senior Lecturer, Institute of History, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), a.chemakin@spsu.ru.

The article is devoted to the activities of P. B. Struve as head of the foreign relations department of the government of the South of Russia in the spring and autumn of 1920. It is indicated that Struve, having become one of the closest assistance of Baron P. N. Wrangel, pursued a "leftist policy with his right hands" and played an important role in the recognition of the Crimea by the French authorities. Various stages of Struve's activity in his post, connected both with his stay in the Crimea and with trips to Western Europe, are consistently considered. Using various sources, primarily press materials and memoirs of contemporaries, the author clarifies some important aspects of Struve's activities at the head of the Crimean Foreign Ministry, as well as his position on Polish and Ukrainian issues. Criticism of Struve's activities by the National Bolsheviks and "defeatists" who advocated an alliance with Poland against Soviet Russia is presented. According to the author of the article, despite the fact that Struve's views on foreign and domestic policy have undergone certain changes (especially in comparison with the statements he made at the turn of 1919-1920), the basis of his views remained unchanged.

Key words: P. B. Struve; P. N. Wrangel; the government of the South of Russia; Department of Foreign Relations; Crimea; 1920 year.

MATERIAL RESOURCES

- Blagodarnost' akadem. P. B. Struve [Gratitude to academic. P. B. Struve] (1920). *Yug Rossii: gazeta* [South of Russia: newspaper], 108 (301): 2. (In Russ.).
- Borman, A. (1970a). Novorossiysk — Konstantinopol — Krym. Otryvki iz vospominaniy [Novorossiysk — Constantinople — Crimea: excerpts from memoirs]. *Novoye russkoye slovo: gazeta* [New Russian word: newspaper], 21805: 2. (In Russ.).

1 The study was carried out within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for young scientists-candidates of sciences No. MK-621.2019.6 "Russian freedom and Great Russia": the "liberal-conservative" group of V. V. Shulgina and P. B. Struve during the revolution and the Civil War".

- Borman, A. (1970b). Konstantinopol' — London — Finlyandiya [Constantinople — London — Finland]. *Novoye russkoye slovo: gazeta* [New Russian word: newspaper], 21918: 4. (In Russ.).
- C. (1920a). Vnutrennyaya i vneshnyaya politika gen. Vrangelya [National Assembly: Report by P. B. Struve]. *Obshchee delo: gazeta* [Common cause: newspaper], 77: 2. (In Russ.).
- Chebyshev, N. (1932). Blizkaya dal'. Svyatki v Konstantinopole [Close distance. Christmastide in Constantinople]. *Vozrozhdeniye: gazeta* [Renaissance: newspaper], 2412: 3, 5. (In Russ.).
- Chebyshev, N. (1936). Iz zapisnoy knizhki: otryvki. 1921 god [From a notebook: excerpts. 1921 year]. *Vozrozhdeniye: gazeta* [Renaissance: newspaper], 3951: 2. (In Russ.).
- Davatts, V. (1934). *Pravda o Struve: opyt odnoy biografii* [The truth about Struve: the experience of one biography]. Belgrad: Izdaniye N. Z. Rybinskogo. 16 p. (In Russ.).
- Des militants de la politique russe qui se trouvent a Paris croient que la chute du régime bolchevik est prochaine et nous dissent pourquoi. (1920). *Excelsior: quotidien*, 3598: 2. (In Fran.).
- GARF — Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. 10230 (Tyrkova-Vil'yams A. V., Borman A. A.). Op. 2. D. 34. L. 222. (In Russ.).
- GARF — Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. R-5912 (Struve P. B.). Op. 1. D. 1. L. 1, 3. (In Russ.).
- General Wrangel's Policy. Programme of Peace. No Surrender to Soviet. (1920). *The Times: newspaper*; 42459: 11.
- Golos antibolshevistskoy Rossii: soveshchaniye v Parizhe [The Voice of Anti-Bolshevik Russia: Meeting in Paris]. (1920). *Yug Rossii: gazeta* [South of Russia: newspaper], 94 (287): 1. (In Russ.).
- HIA — Hoover Institution Archives. F. P. Rerberg memoires. Rerberg F. P. Istoricheskiye zagadki v Revolyutsii v Rossii (vospominaniya).
- Kulik, I. (1972). O diskussii G. P. Struve i A. Bormana [On the discussion of G. P. Struve and A. Bormann]. *Novoye russkoye slovo: gazeta* [New Russian word: newspaper], 22697: 4. (In Russ.).
- Mikhaylovskiy, G. N. (1993). *Zapiski. Iz istorii rossiyskogo vneshnepoliticheskogo vedomstva. 1914—1920, 2. Oktyabr' 1917 g. — noyabr' 1920 g.* [Notes. From the history of the Russian foreign policy department. 1914—1920, 2. October 1917—November 1920]. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 688 p. (In Russ.).
- Mironov, M. (1920a). V politicheskikh krugakh [In political circles]. *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 13: 2. (In Russ.).
- Mironov, M. (1920b). V politicheskikh krugakh [In political circles]. *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 25: 2. (In Russ.).
- Mironov, M. (1920c). V politicheskikh krugakh: zasedaniye politicheskoy delegatsii [In political circles: meeting of a political delegation]. *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 29: 2. (In Russ.).
- Mironov, M. (1920d). V politicheskikh krugakh [In political circles]. *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 66: 2. (In Russ.).
- Mironov, M. (1920e). Vozvrashcheniye P. B. Struve iz Spa [Return of P. B. Struve from Spa]. *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 72: 1. (In Russ.).
- Obolenskiy, V. A. (1988). *Moya zhizn'. Moi sovremenniki* [My life. My contemporaries]. Parizh: YMCA-Press. 753 p. (In Russ.).
- Otyezd P. B. Struve [Departure of P. B. Struve]. (1920). *Yug Rossii: gazeta* [South of Russia: newspaper], 136 (331): 2. (In Russ.).
- P. B. Struve o svoey missii [P. B. Struve about his mission]. (1920). *Yug Rossii: gazeta* [South of Russia: newspaper], 61 (254): 2. (In Russ.).

- P. B. Struve u A. Milyerana [P. B. Struve at A. Millerand]. (1920). *Obshchee delo: gazeta* [Common cause: newspaper], 74: 3. (In Russ.).
- P. B. Struve u F. Marsalya [P. B. Struve at F. Marsal]. (1920). *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 156: 1. (In Russ.).
- P. B. Struve u Leyga [P. B. Struve at Leig]. (1920). *Obshchee delo: gazeta* [Common cause: newspaper], 99: 1. (In Russ.).
- P. B. Struve u prezidenta Respubliki [P. B. Struve at the President of the Republic]. (1920). *Obshchee delo: gazeta* [Common cause: newspaper], 100: 1. (In Russ.).
- P. B. (1920). V politicheskikh krugakh. Gen. Wrangel [In political circles. Gen. Wrangel]. *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 18: 3. (In Russ.).
- P. V. (1920). Doklad P. B. Struve [Report by P. B. Struve]. *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 28: 2. (In Russ.).
- Poezdka P. B. Struve [P. B. Struve's trip]. (1920). *Yug Rossii: gazeta* [South of Russia: newspaper], 25 (218): 2. (In Russ.).
- Priezd P. B. Struve [Arrival of P. B. Struve]. (1920). *Yuzhnyye vedomosti: gazeta* [Yuzhnyye vedomosti: newspaper], *Ekstrennyy vypusk*: 1. (In Russ.).
- Rech' P. B. Struve [P. B. Struve's speech]. (1920). *Voennyi golos: gazeta* [Military voice: newspaper], 110: 4. (In Russ.).
- S. (1920b). Narodnoye sobraniye: doklad P. B. Struve [Domestic and foreign policy of gen. Wrangel]. *Velikaya Rossiya: gazeta* [Common cause: newspaper], 90 (502): 2. (In Russ.).
- Struve, G. (1956). Pismo v redaktsiyu [Letter to the editor]. *Novoye russkoye slovo: gazeta* [New Russian word: newspaper], 15803: 4. (In Russ.).
- Struve, G. P. (ed.). (1970) K 50-letiyu okonchaniya grazhdanskoy voyny na Yuge Rossii: neizdannyye dokumenty iz arkhivov P. B. Struve [On the 50th Anniversary of the End of the Civil War in the South of Russia: Unpublished Documents from the Archives of P. B. Struve]. *Mosty* [Bridges], 15: 413—427. (In Russ.).
- Struve, P. (1919). Vlast' dolzhna verit' v sebya [Power must believe in itself]. *Velikaya Rossiya: gazeta* [Great Russia: newspaper], 332: 1. (In Russ.).
- Struve, P. (1921). Po sushchestvu [Essentially]. *Rul': gazeta* [Steering wheel: newspaper], 6/200: 1. (In Russ.).
- Struve, P. (1925). Dnevnik politika: 15. O raznykh vidakh polemiki i o tom, nad chem koe-komu stoit zadumat'sya [Politician's diary: 15. On different types of controversy and about what some people should think about]. *Vozrozhdeniye: gazeta* [Renaissance: newspaper], 63: 1. (In Russ.).
- T. B. (1920). Predlozheniya P. B. Struve (beseda s predstavitelem frantsuzskogo min. in. del) [P. B. Struve's proposals (conversation with a representative of the French Ministry of Foreign Affairs)]. *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 66: 2. (In Russ.).
- Tyrkova, A. V. (2012). *Naslediye Ariadny Vladimirovny Tyrkovoy: dnevnik, pisma* [The legacy of Ariadna Vladimirovna Tyrkova: diaries, letter]. Moskva: ROSSPEN. 1110 p. (In Russ.).
- Ukrainskaya delegatsiya u glavnokomanduyushchego [Ukrainian delegation at the commander-in-chief]. (1920). *Yug Rossii: gazeta* [South of Russia: newspaper], 127 (320): 2. (In Russ.).
- Ukraintsy-antiseparatisty [Anti-separatist Ukrainians]. (1920). *Obshchee delo: gazeta* [Common cause: newspaper], 78: 2. (In Russ.).
- Ukraintsy-federalisty [Ukrainians-federalists]. (1920). *Yug Rossii: gazeta* [South of Russia: newspaper], 132 (327): 2. (In Russ.).

- Un entretien avec M. Strouvé, ministre des Affaires étrangères du gouvernement Wrangel. (1920). *Le Petit Parisien: quotidien, 15933*: 1. (In Fran).
- V. B. P. B. Struve u prezidenta Respubliki [P. B. Struve at the President of the Republic] (1920). *Posledniye novosti: gazeta* [Latest news: newspaper], 155: 1. (In Russ.).
- Vozvrashchenie P. B. Struve [The return of P. B. Struve] (1920). *Yug Rossii: gazeta* [South of Russia: newspaper], 100 (293): 2. (In Russ.).
- Vrangel, P. N. (1928a). Zapiski (noyabr' 1916 g. — noyabr' 1920 g.) [Notes (November 1916 — November 1920)]. *Beloye delo: letopis' Beloy borby* [White matter: the chronicle of the White struggle], 5. Berlin: Mednyy vsadnik. 9—306. (In Russ.).
- Vrangel, P. N. (1928b). Zapiski (noyabr' 1916 g. — noyabr' 1920 g.) [Notes (November 1916 — November 1920)]. *Beloye delo: letopis' Beloy borby* [White matter: the chronicle of the White struggle], 6. Berlin: Mednyy vsadnik. 5—242. (In Russ.).

REFERENCES

- Chemakin, A. A. (2019). P. B. Struve na belom Yuge Rossii osen'yu 1919 — zimoy 1920 g. (k 100-letiyu «Razmyshleniy o russkoy revolyutsii») [P. B. Struve in the White South of Russia in the fall of 1919 — in the winter of 1920 (to the 100th anniversary of «Reflections on the Russian Revolution»)]. *Voprosy istorii* [History questions], 12/1: 252—265. (In Russ.).
- Kara-Murza, A. A. (2012). P. B. Struve i razvitie im kontseptsii «lichnoy godnosti» [P. B. Struve and his development of the concept of «personal fitness»]. In: Zhukova, O. A., Kantor, V. K. (eds.). *Petr Bergardovich Struve* [Peter Bergardovich Struve]. Moskva: ROSSPEN. 130—170. (In Russ.).
- Kolerov, M. A. (2017). Pervaya formula natsional-bolshevizma: pis'mo N. V. Ustryalova k P. B. Struve (1920) [The first formula of National Bolshevism: a letter from N. V. Ustryalov to P. B. Struve (1920)]. In: Ustryalov, N. V. *Natsional-bolshevizm. Izbrannye stat'i 1920—1927 gg.* [National Bolshevism: Selected Articles 1920—1927.]. Moskva: Tsiolkovskiy. 380—383. (In Russ.).
- Payps, R. (2001). *Struve: pravyy liberal, 1905—1944* [Struve: Right Liberal, 1905—1944], 2. Moskva: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. 680 p. (In Russ.).
- Pipes, R. (1963). Les relations diplomatiques du gouvernement Wrangel en Crimée, 1920. *Cahiers du monde russe et soviétique*, 4/4: 401—435. (In Franch).

Чернов А. В. Периодизация правления Александра I в советской историографии / А. В. Чернов, В. В. Блохин // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 378—393. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-378-393.

Chernov, A. V., Blokhin, V. V. (2020). Periodization of the Reign of Alexander I in Soviet Historiography. *Nauchnyi dialog*, 12: 378-393. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-378-393. (In Russ.).

УДК 94(47).072:930

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-378-393

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА I В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

© **Чернов Александр Владимирович (2020)**, orcid.org/0000-0001-7276-8180, ResearcherID:D-9143-2018, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и социально-экономических дисциплин, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (Москва, Россия), chernov-alv@rudn.ru.

© **Блохин Владимир Владимирович (2020)**, orcid.org/0000-0002-4901-2534, ResearcherID A-6163-2017, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и социально-экономических дисциплин, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (Москва, Россия), blokhin-vv@rudn.ru.

Рассматривается проблема периодизации правления императора Александра I в трудах советских историков. Актуальность исследования обусловлена дискуссионностью вопроса. Осознание того, что всякая периодизация условна, появившееся у современных историков, требует ревизии различных подходов к периодизации истории. В рамках исследования выполнен обзор широкого круга историографических источников, в который вошли специальные исследования, посвященные периоду правления Александра I, а также обобщающие работы и учебные пособия, в которых дана характеристика этому периоду истории России. Новизна исследования видится в том, что в работе впервые в отечественной историографии проанализировано, как исследователи решали вопрос о периодизации правления Александра I в течение всего советского периода. Выявлены различные подходы к периодизации российской истории первой четверти XIX века. Прослежено их развитие в течение всего времени существования советского государства. Особое внимание уделяется противоречиям, которые имеют место в подходах к периодизации правления Александра I, предложенных советскими историками.

Ключевые слова: периодизация; Александр I; советская историография; аракчеевщина.

1. Введение

«Дней Александровых прекрасное начало» — эта строка, заимствованная А. С. Пушкиным у Г. Р. Державина, известна всем нам со школьной скамьи. Она отсылает нас к представлению о том, что правление Александра I делится на два периода: время реформ, которое часто связывают с именем М. М. Сперанского, и время реакционной политики, так называемой «аракчеевщины». Таким образом, по верному замечанию А. В. Предтеченского, проблема периодизации правления Александра I оказалась неразрывно связана с «вопросом об определении характе-

1 Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

ра внутренней политики александровского царствования» [Предтеченский, 1957, с. 21].

Данный вопрос приобретает особенную важность в связи с тем, что многие отечественные и зарубежные авторы пришли к выводу о субъективности всякой периодизации [Периодизация ..., 1998; Шелина, 2012; Périodes ..., 1991]. А. Я. Гуревич по этому поводу пишет следующее: «Историки <...> полагают, что периодизацию, утвердившуюся в историческом знании, можно принимать как некую неоспоримую данность, встраивая свои конкретные изыскания в те рамки, которые были унаследованы от предшественников» [Гуревич и др., 1998, с. 252]. Особенно часто это происходит, когда исследователям приходится иметь дело с явлениями и процессами, выходящими за хронологические рамки основной тематики их исследований [Минихина, 1998, с. 279]. В данной ситуации рассмотрение концепций периодизации и тех принципов, которые положены в их основание, как мы полагаем, позволит значительно приблизиться к пониманию историографической ситуации вокруг Александровской эпохи.

Особый интерес представляет изучение периодизаций Александровского времени, которые предлагали советские историки, поскольку в отечественной историографии той эпохи мнение авторитетов имело зачастую решающее значение. Особую роль играли взгляды «классиков марксизма-ленинизма». Так В. И. Ленин в статье «Гонители земства и аннибалы либерализма», настаивая на «демагогическом» характере «либеральных» проектов царской власти, привел в качестве примера такой политики мероприятия русского правительства конца XVIII — XIX веков: «монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и “спускали” на верноподданных Аракчеевых» [Ленин, 1967, с. 30]. Эта цитата стала основой для целой концепции «заигрывания с либерализмом», а также была воспринята как ключевая характеристика внутренней политики Александра I и кочевала в исследованиях советских историков из работы в работу.

В советское время властью оказалось маргинализировано изучение внутренней политики российских самодержцев. Деятельность Александра I и его правительства должна была стать фоном для изучения развития декабристских обществ, поэтому в период с 1917 по 1991 годы вышло совсем немного работ, посвященных внутренней политике всего периода царствования Александра I. В связи со сложившейся ситуацией в области изучения заявленной темы в качестве источников для данного исследования мы привлекли не только специальные работы, но и иные научные публикации, в которых авторы обращались к вопросам периодизации Александровской эпохи, а также учебные пособия для вузов, изданные в советское время.

2. 1920-е — начало 1930-х годов

В 1920-е — начале 1930-х годов не вышло ни одной специальной работы, посвященной внутренней политике Александровской эпохи. В это время было опубликовано лишь несколько научно-популярных работ по этой теме и общие работы Н. А. Рожкова и М. Н. Покровского по русской истории, где был представлен данный сюжет.

Так, в своих обобщающих работах М. Н. Покровский дал полноценную характеристику лишь довоенному периоду царствования Александра I. Более цельно свои взгляды на данную эпоху исследователь изложил в двух энциклопедических статьях, посвященных Александру I, опубликованных в «Энциклопедическом словаре братьев Гранат» [Покровский, 1910] и первом издании «Большой советской энциклопедии» [Покровский, 1926]. По мнению Покровского, страх перед дворянством и стремление выйти из-под его контроля заставили Александра в первой половине царствования дважды обращаться к реформам. Но победа над Наполеоном позволила императору отказаться от каких-либо реформ в послевоенные годы [Покровский, 1926, с. 154—155]. Таким образом, М. Н. Покровский возрождал «пушкинскую» концепцию¹ деления правления Александра I на два периода: «до-» и «послевоенный». При этом он наполнил эту схему новым содержанием и предложил оригинальные причины изменения политического курса в послевоенные годы. Этой же периодизации придерживались А. А. Кункль и С. В. Вознесенский [Кункль, 1929; Вознесенский, 1932].

Позиция Н. А. Рожкова представляется более сложной. На первый взгляд, он придерживался «пушкинской» концепции. Согласно его общей теории периодизации истории, предложенной в «Русской истории в сравнительно-историческом освещении», на первую четверть XIX века приходится переход от завершения развития «дворянской империи» к ее разложению. С первым процессом Рожков связывает реформы в сфере управления государством первой половины царствования, а со вторым — отказ от реформ в данной сфере послевоенный период [Рожков, 1923, с. 112—123; Рожков, 1924, с. 51—61]. С другой стороны, экономическую и социальную политику эпохи Александра I исследователь рассматривает в разделе, посвященном послевоенному периоду. При этом Рожков приходит к выводу, что эти преобразования «отражают в себе непосредственно начавшийся в те годы поворот в хозяйственной жизни России» [Рожков, 1924, с. 47—48]. Таким образом, Н. А. Рожков делит на «довоенный» и «послевоенный» этап в первую очередь политику в административно-управленческой сфере; социально-экономическая же политика, по мнению исследователя, оставалась в большей или меньшей степениальной весь период Александровского царствования.

С альтернативной точкой зрения выступил А. Е. Пресняков. До революции известный историк-медиевист, в послереволюционные годы Пресняков был вынужден сменить тематику исследований и начал заниматься историей России первой половины XIX века. В 1924 году он опубликовал научно-популярную работу «Александр I». В данном сочинении Пресняков указывал, что проведение всеобъемлющих реформ в России представлялось российскому императору главной задачей его царствования. Однако политика императора, по мнению Преснякова, была утопична. Серия революций начала 1820-х годов поставила крест на реформистских планах российского императора и заставила его перейти к «национально-консервативной» политике [Пресняков, 1990, с. 249—257]. Таким образом, А. Е. Пре-

1 Мы называем данную концепцию «пушкинской» вслед за А. В. Предтеченским и отнюдь не настаиваем, что А. С. Пушкин был её создателем [Предтеченский, 1957, с. 18, 22].

сняков разделял правление Александра I на два периода: реформистский, который продолжался до 1820 года, и реакционный, пришедшийся на последние пять лет правления царя.

Известный знаток русской и европейской истории начала XIX века А. Н. Шебунин, насколько можно судить, был противником разделения интересующей нас эпохи на какие-либо периоды. Он считал, что и до, и после 1812 года Александр I пытался реализовать меры, которые бы ограничили влияние дворянства на самодержца [Шебунин, 1925, с. 80—90].

3. 1930е — 1953 годы

Новый этап развития советской историографии начался на рубеже 1920—1930-х годов: в 1929 году началось «Академическое дело», в середине 30-х годов взгляды Покровского были подвергнуты критике как излишне схематичные и оторванные от реальности, а в 1938 году вышел знаменитый «Краткий курс», утвердивший новую историческую политику.

В 1933 году была опубликована монография «Декабрист Никита Муравьев» Н. М. Дружинина. В первой главе данного исследования автор дает общую характеристику развития России в первой четверти XIX века. Исследователь отвергал понятие «аракчеевщины» и считал, что политика российского правительства была цельной и направленной на проведение реформ на протяжении первых двух десятилетий XIX столетия [Дружинин, 1933, с. 38]. Ситуация, по мнению Дружинина, изменилась в 1820-е годы в связи с ухудшением экономической ситуации в стране и активизацией консервативной оппозиции. В позднейших своих работах: монографии «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» и статье «Просвещенный абсолютизм в России» — Н. М. Дружинин придерживался этой же периодизации [Дружинин, 1946; Дружинин, 1964].

Одной из главных задач, поставленных советской властью перед историками во второй половине 1930-х годов, была разработка учебных курсов и учебных пособий по истории СССР. Первые учебные пособия по истории для вузов вышли на рубеже 1930—1940-х годов.

В 1939 году увидело свет первое издание лекционного курса истории СССР конца XVIII — начала XIX веков С. Б. Окуня [Окунь, 1939] (этот курс был переиздан в 1948 и 1974—1978 годах, а также в 1956 году — в виде «книги для учителей») [Окунь, 1948; Окунь, 1974; Окунь, 1978, Окунь, 1956]). В лекциях, на первый взгляд, автор придерживается «пушкинской» схемы периодизации правления Александра I, разделяя его на «либеральный» период (1801—1812) и «реакционный» период (начиная с 1815 года). Однако эта периодизация проводится автором весьма непоследовательно, на что указывал А. В. Предтеченский [Предтеченский, 1957, с. 20—21]. Окунь утверждает, что уже в 1803 году «либеральный курс в области внутренней политики <...> доживал свои последние дни» [Окунь, 1948, с. 128]. Обращаясь к рассмотрению реформ Сперанского, автор писал: «Уже в 1808 г. Александр <...> вновь вынужден был стать на путь подготовки либеральных реформ» [Там же, с. 168]. В начале главы, посвященной «периоду реакции», Окунь вновь

дает характеристику двум периодам правления Александра I: «Предшествующие 15 лет его царствования были годами непрерывного позирования, непрерывной игры. Разгром Наполеона завершился торжеством реакции <...> Теперь заигрывать больше не было нужды» [Там же, с. 331—332]. А чуть позже, характеризуя политику александровского правительства в 1820-е годы, Окунь подчеркивает, что революционные события в Испании и Италии привели «Александра вновь к отказу от какой-либо “реформаторской деятельности” (которая, очевидно, имела место после 1815 году. — А. Ч.)» [Там же, с. 346].

Эта непоследовательность в вопросах периодизации вызвана, как мы полагаем, ощущением неудовлетворительности «пушкинской» схемы. Однако по неким причинам Окунь в это время не мог или не хотел полностью отказаться от нее. С другой стороны, представления о перманентных колебаниях политического курса императора Александра I в 1801—1820 годы, как нам кажется, могут происходить из авторской интерпретации ленинского концепта «заигрываний с либерализмом». Подобные противоречия были характерны и для некоторых других историков.

В 1940 году вышел второй том учебника Истории СССР для вузов. Автором глав, посвященных первой четверти XIX века, была М. В. Нечкина. В этом издании Нечкина придерживается двучленной схемы, считая, что до войны 1812 года Александр I пытался провести «половинчатые» реформы, а во второй половине царствования перешел к сплошной «реакции» [История СССР, 1940, с. 29, 116—123]. В 1949 году вышло второе издание этого учебника. В нем М. В. Нечкина отказалась от деления Александровской эпохи на периоды, настаивая на том, что для всего царствования была характерна реакционная политика [История СССР, 1949, с. 45]. Однако в третьем издании (1954) исследовательница вновь вернулась к двучленной схеме [История СССР, 1954; Предтеченский, 1957, с. 19].

Э. Н. Бурджалов и С. С. Дмитриев в своих учебных пособиях также использовали «пушкинскую» схему периодизации правления Александра I [Бурджалов, 1941; Бурджалов, 1946; Тихомиров, 1948]. Наконец, авторский коллектив первого тома учебника по истории СССР для педагогических вузов, опубликованного в 1941 году, представил иную периодизацию, согласно которой «полный отказ от каких бы то ни было планов реформ» относится к 1820 году [История СССР, 1941, с. 331].

4. Середина 1950х — середина 1980х годов

В середине 50-х годов в советском обществе произошли серьезные изменения, связанные с «развенчанием культа личности». Эти события оказали существенное влияние и на историческую науку. В новых условиях стал возможен выход в 1957 году фундаментальной монографии А. В. Предтеченского «Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века» [Предтеченский, 1957]. Впервые в истории советской исторической науки предметом монографического исследования стала внутренняя политика александровского правительства. А. В. Предтеченский настаивал на том, что правительство весь период с 1801 до 1825 годы поступательно двигалось по пути реформ. На основе этого

вывода автор отказывался от какой бы то ни было периодизации правления Александра I: «политика правительства Александра должна быть рассматриваема как единый целостный процесс, в котором нет принципиально отличных друг от друга периодов» [Там же, с. 24].

Основой для этой революционной для советской историографии концепции было представление Предтеченского о том, что означает понятие «политика»: «Понятие политики включает отнюдь не только <...> нормативные акты <...> которые реализуются в практической деятельности правительства, но даже задуманные или находящиеся в стадии разработки <...> ибо конечная цель этих мероприятий — их реализация» [Там же, с. 23]. Отталкиваясь от этой предпосылки, автор приходил к выводу, что во второй половине царствования Александра I политический курс правительства был нацелен на реформы не менее, чем в довоенные годы.

Требовал отказаться от деления александровской эпохи на несколько периодов, но с диаметрально противоположных позиций, и А. В. Фадеев. В курсе лекций, прочитанных на историческом факультете МГУ, Фадеев настаивал на том, что все правление Александра I было одинаково реакционно [Фадеев, 1960, 29—34]. Однако в учебнике по истории СССР, вышедшем в 1956 году [История СССР, 1956], данный автор, на первый взгляд, не высказывал столь радикальных идей. Отчасти это могло быть связано с тем, что в учебнике период с 1801 по 1825 годы был традиционно разделен на две главы: первая посвящена истории России до 1815 года, вторая — с 1815 года и по 1825. При этом авторы данных глав (А. В. Фадеев и М. В. Нечкина) не указывают на какие бы то ни было принципиальные различия двух периодов. Таким образом, на наш взгляд, причиной разделения царствования Александра I на два периода в данном случае являются не взгляды авторов соответствующих глав, а некие иные соображения.

С аналогичной ситуацией А. В. Фадеев, возможно, столкнулся при подготовке соответствующих разделов для четвертого тома коллективного труда «История СССР с древнейших времен». Здесь А. В. Фадеев и А. П. Бажова указывают на то, что в первой половине царствования правительство Александра I пыталось провести реформы, однако они носили отнюдь не либеральный характер, а были направлены на укрепление самодержавия. В послевоенные годы, по мнению авторов, Петербург перешел к реакционной политике, однако этот поворот не являлся резким и был «замаскирован» «неуклюжими попытками царизма сманеврировать в области внутренней политики» [История СССР, 1967, с. 167]. Таким образом, в данной работе Бажова и Фадеев выступили как сторонники двучленной периодизации, но при этом отказались от установления жесткой грани между периодами, сглаживая различия между ними.

В учебнике для педвузов под редакцией П. И. Кабанова и А. И. Козаченко ситуация была схожей. Формально во внутренней политике Александра I было выделено два периода, рубежом между которыми была война 1812 г. и Зарубежные походы. Однако характеристика этих периодов, данная П. И. Кабановым, была практически одинаковой: император стремился проводить реакционную политику, но периодически был вынужден переходить «к политике “либерального” лавиро-

вания» [История СССР, 1961, с. 496]¹. В своем курсе лекций данный историк также дал противоречивую периодизацию. Сначала он заявляет, что «Александр I в первые годы его правления (1801—1807) пришлось прибегать к демагогической политике либеральных обещаний» [Кабанов, 1963, с. 20]. Позже он пишет, что после подписания Тильзитского мира императору пришлось вернуться к данной политике. Потом он указывает, что в 1815—1825 годах Александр переходит к «глубоко реакционному курсу». Но позже заявляет, что в конце 1810-х годов политическая ситуация «заставляла правительство <...> быть готовым <...> вернуться вновь к показному либерализму» [Кабанов, 1963, с. 26]. Таким образом, П. И. Кабанов вновь дает одинаковую характеристику всему периоду правления Александра I.

В 1967 году А. И. Парусов защитил докторскую диссертацию на тему: «Административные реформы в России I четверти XIX века в связи с экономической и социально-политической обстановкой». Вопрос о периодизации правления Александра I А. И. Парусов решает непоследовательно. Первоначально автор пишет о том, что реформы продолжались всю первую четверть XIX века и были вызваны объективными причинами [Парусов, 1967, с. 4]. Однако позже, обращаясь к предвоенной политической ситуации, автор пишет, что «падение Сперанского обозначало окончание периода “заигрывания с либерализмом”, *начавшегося после Тильзита* [курсив мой. — А. Ч.]» [Парусов, 1967, с. 49]. А на следующей странице пишет: «во *второй половине царствования* [курсив мой. — А. Ч.] Александра I сторонниками самодержавия и крепостничества выдвигались предложения, долго существовавшие усовершенствовать государственный аппарат страны» [Парусов, 1967, с. 50]. С другой стороны, эта «непоследовательность» может быть авторской интерпретации ленинской концепции «заигрывания с либерализмом».

В 1968—1970 годах на страницах советских журналов состоялась дискуссия о сущности и хронологических рамках просвещенного абсолютизма. Большинство авторов, участвовавших в ней, ограничивали этот период второй половиной XVIII века. Однако И. А. Федосов настаивал на том, что это явление имеет более широкие хронологические рамки, и включал в него первую половину царствования Александра I (до 1815 года). Вторая половина александровской эпохи, по мнению Федосова, относится уже к третьему периоду в истории абсолютизма, пришедшему на 1815—1861 годы. Этому периоду исследователь дает следующую характеристику: «После войны 1812—1815 гг. Россия вступила в полосу общего кризиса феодального строя <...> В этих условиях российский абсолютизм мог добиться необходимого “равновесия”, чтобы обеспечить собственное господство, только всемерной и безусловной поддержкой дворянства. Его социальная политика приобретает откровенно консервативный и реакционный характер» [Федосов, 1971, с. 62].

Дискуссия об абсолютизме подвигла С. Б. Окуня изложить свои взгляды на сущность политики «заигрывания с либерализмом». К началу 1970-х годов С. Б. Окунь серьезно пересмотрел свои взгляды по этому вопросу. Совсем небольшую полемическую статью «К вопросу о сущности русского абсолютизма»

1 В более поздних изданиях учебника вопрос периодизации правления Александра I решался сходным образом.

он посвятил выявлению различий политики «просвещенного абсолютизма» и «заигрывания с либерализмом». Характеризуя политику александровского правительства первых лет царствования, Окунь указывает на то, что реформы этих лет были связаны с подавлением аристократической фронды, то есть имели характер политики «просвещенного абсолютизма», которая «являлась политикой противопоставления власти абсолютного монарха притязаниям аристократической конституции» [Окунь, 1973, с. 114]. Однако дальнейшая политика Александра I, согласно данной статье, имела уже иной характер: в условиях нарастания революционной опасности как внутри страны, так и за рубежом «либеральный курс монарха призван предупредить революционную опасность» [Там же, с. 115]. Таким образом, «политика “заигрывания с либерализмом” была направлена на предупреждение рядом частных уступок революционного взрыва и допускала даже введение конституционных ограничений» [Там же]. Наконец, автор признает, что реформы александровского правительства имеют «прогрессивный» характер.

К сожалению, в данной статье Окунь ничего не говорит о периодизации правления Александра I, однако те кардинальные изменения, которым подверглась его концепция, позволяют нам предположить, что данный автор отказался от жесткого противопоставления двух периодов царствования. Как кажется, в последние годы жизни Окунь значительно приблизился к взглядам А. В. Предтеченского, признав способность царского правительства к эволюции.

В 1981 году вышла монография Н. П. Ерошкина, в которой он предпринял попытку дать характеристику основных особенностей и тенденций развития абсолютизма первой половины XIX века. Ерошкин считает, что причиной александровских реформ стало усиление классовой борьбы в конце XVIII века. Оценивая сами реформы, Ерошкин настаивает на том, что они «значительно укрепили высший и центральный государственный аппарат, а местные правительственные и сословные учреждения теснее связывались с центром» [Ерошкин, 2006, с. 71]. Это, по мнению исследователя, «в конце первого и в начале второго десятилетия XIX века позволило Александру I отвернуться от либеральных планов» [Там же, с. 72]. При этом, касаясь вопроса о периодизации, Ерошкин настаивает на том, что нет никаких причин выделять некие периоды внутри Александровской эпохи, «ибо и политика заигрывания с либерализмом <...> и сменившая ее “аракчеевщина” имели одну цель — укрепление самодержавно-крепостнического строя» [Там же, с. 71].

Также в 1981 году вышло новое учебное пособие по истории СССР XIX — начала XX для вузов под редакцией И. А. Федосова. Автором параграфов, посвященных внутренней политике Александровского времени, был сам Федосов. Историк признавал, что «Александр I в начале своего царствования (до 1812 года) пытался <...> провести социальные и административные преобразования» [История СССР, 1981, с. 37], но их реализации помешало сопротивление консервативно настроенного дворянства. Послевоенный период Федосов называет «временем правительственной реакции» [Там же, с. 56]. При этом автор пишет, что в эти годы продолжилась политика реформ, которые, впрочем, имели «ничтожные» результаты. Интересно заметить, что, подводя итог и первому, и второму периоду царство-

вания, И. А. Федосов приходит к идентичным выводам: результатом Александровского периода и в 1801—1812 и в 1815—1825 годах было укрепление самодержавия [Там же, с. 37, 62]. Таким образом, при внимательном рассмотрении отличия двух периодов невелики.

5. Вторая половина 1980-х — 1991 годы

В самом конце 1980-х годов в период «перестройки» интерес к теме реформ в советской историографии достиг своего пика. В 1989 году вышло сразу две работы, раскрывающие сущность и судьбы реформистских попыток Александра I. Во-первых, это историко-философская книга Н. Я. Эйдельмана ««Революция сверху» в России» [Эйдельман, 1989]. В данной работе автор обращается к изучению сущности кардинальных реформ и их проектов, инициированных российскими правительственными кругами, которые он определяет как «революции сверху». Попытку проведения такой «революции» Эйдельман видит и в политике александровского правительства. Он настаивает на искреннем либерализме царя и его желании провести коренные реформы в стране и объясняет отказ от реализации разработанных проектов объективными причинами. Проекты Сперанского не были реализованы из-за приближающейся Отечественной войны, «Уставная Грамота» не была принята из-за сопротивления дворян-крепостников, которых Александр I справедливо опасался. В своей работе Эйдельман не касается вопроса о периодизации александровской эпохи, однако общий ход его рассуждений не позволяет сомневаться в том, что исследователь сознательно отказался от разделения первой четверти XIX века на какие бы то ни было отдельные периоды.

Во-вторых, это монография С. В. Мироненко «Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в первой четверти XIX в.», легшая в основу его докторской диссертации [Мироненко, 1989]. Исследователь считает, что в течение всей первой четверти XIX века в русском обществе и правительстве шли ожесточенные споры по поводу проведения коренных реформ, «победу в которых в изучаемые период одержали реакционные силы» [Там же, с. 5]. Мироненко настаивает на том, что эта борьба продолжалась всю первую четверть XIX века и именно в 1815—1825 годы «решался вопрос, пойдет ли страна в ногу со временем или самодержавие и крепостничество и далее будут сковывать ее развитие» [Там же]. В основе этой позиции лежит признание в духе А. В. Предтеченского: борьба вокруг реформ — элемент реальной политики. Однако Мироненко расходится с Предтеченским в вопросе о периодизации правления Александра I и настаивает на том, что в самом начале 1820-х годов произошел окончательный поворот в сторону реакции [Мироненко, 1989, с. 6—7, 216—227; Мироненко, 1990, с. 72—73].

В 1990 году вышла первая со времен А. Е. Преснякова биографическая работа, посвященная Александру I. Ее автор, В. А. Федоров, с некоторыми оговорками придерживался той же периодизации, что и С. В. Мироненко [Федоров, 1990, с. 65—66, 68]. Такой же подход Федоров использовал и в учебнике для вузов, опубликованном в 1989 году [История СССР, 1989, с. 445].

6. Заключение

Таким образом, в советской историографии существовало три подхода к периодизации правления Александра I. Первый подход — «классический», — при котором данный период делится на две части: «до» и «после» войны 1812 года и Зарубежных походов. Второй подход предлагает разделение на период до 1820 года и после него. Третий подход представляет собой отказ от разделения правления Александра I на какие бы то ни было периоды. При этом третий подход имеет две вариации. Одна заключается в том, что весь период правления Александра I имеет реакционный характер, а все реформы и проекты реформ имеют лишь демагогический характер. Согласно другой версии данного подхода, для всего периода царствования Александра I характерны попытки реформирования российского государства и общества в «духе времени».

Первый подход был характерен, в первую очередь, для обобщающих работ и учебной литературы. В исследованиях, посвященных внутренней политике Александра I, он встречается очень редко, например, см.: [Кункль, 1929]. Это, очевидно, связано с тем, что большинство советских специалистов по данному периоду считали «традиционную» периодизацию не соответствующей действительности. Заметим, что с течением времени и накоплением знаний об изучаемом периоде, количество сторонников «традиционной» периодизации уменьшается. Однако радикальные изменения происходят лишь во второй половине 1980-х годов, когда выходит целая группа публикаций, в том числе новый вузовский учебник, в которых используются иные подходы к периодизации.

При этом для многих учебных и обобщающих работ, в которых применяется данная схема, была характерна ситуация, когда авторы решали вопросы периодизации правления Александра I непоследовательно. Формально они придерживались «традиционной» периодизации, но при этом давали обоим периодам практически одинаковую характеристику. Таким образом, они приближались к отказу от разделения правления Александра I на несколько периодов, для которых характерны принципиальные отличия в политическом курсе. Особенно ярко это проявилось в исследовании А. В. Фадеева, который в учебниках и обобщающих работах формально придерживался «традиционной» периодизации [История СССР, 1956; История СССР, 1967], но в своем лекционном курсе заявлял о необходимости отказа от разделения правления Александра I на несколько периодов [Фадеев, 1960]. Заметим, что речь идет о работах, вышедших за очень небольшой промежуток времени. Причиной этих противоречий могла быть приверженность традиции и вера в авторитеты или идеологическое давление. Этот вопрос требует дополнительного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бурджалов Э. Н.* История СССР (Первая четверть XIX в.) / Э. Н. Бурджалов. — Москва : [б. и], 1946. — 192 с.
2. *Бурджалов Э. Н.* Курс истории СССР. Лекции 30—36. (Стенограмма лекций, прочитанных в ВПШ при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году) / Э. Н. Бурджалов. — Москва : Типогр. ВПШ, 1941. — 183 с.

3. *Вознесенский С. В.* Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России в 1800—1860 гг. / С. В. Вознесенский. — Москва : Изд-во общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. — 267 с.
4. *Гуревич А. Я.* Вступительное слово / А. Я. Гуревич // *Одиссей. Человек в истории.* — 1998. — С. 251—255.
5. *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева / П. Д. Киселев. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1946. — Т. 1. — 635 с.
6. *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев / Н. М. Дружинин. — Москва : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. — 402 с.
7. *Дружинин Н. М.* Просвещенный абсолютизм в России / Н. М. Дружинин // *Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.).* — Москва : Наука, 1964. — С. 428—459.
8. *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его институты / Н. П. Ерошкин // *Российское самодержавие.* — Москва : РГГУ, 2006. — С. 43—282.
9. *Гуревич А. Я.* Из материалов Круглого стола, проведенного в Институте Всеобщей Истории РАН / А. Я. Гуревич, Н. В. Брагинская, И. Н. Данилевский, А. В. Гордон, Е. М. Мухина // *Одиссей. Человек в истории.* — 1998. — С. 251—281.
10. *История СССР (XIX — начала XX в.): учебник / под редакцией И. А. Федосова.* — Москва : Высшая школа, 1981. — 462 с.
11. *История СССР с древнейших времен до 1861 года : учеб. для студентов пед. ин-тов / Н. И. Павленко, В. Б. Кобрин, В. А. Федоров ; под редакцией Н. И. Павленко.* — Москва : Просвещение, 1989. — 559 с.
12. *История СССР с древнейших времен до наших дней. В 2-х сериях. В 12-ти тт. / пред. глав. ред. совета Б. Н. Пономарев ; ответственный редактор А. В. Фадеев.* — Москва : Наука, 1967. — Серия 1. Т. IV. — 744 с.
13. *История СССР. Учебник для исторических факультетов университетов и педагогических институтов / под редакцией М. В. Нечкиной ; Ин-т истории АН СССР и кафедра истории СССР Ист. фак. МГУ.* — Москва : Соцэкгиз, 1940. — Т. II. Россия в XIX веке. — 762 с.
14. *История СССР. Учебник для исторических факультетов университетов и педагогических институтов / под редакцией М. В. Нечкиной ; Ин-т истории АН СССР и кафедра истории СССР Ист. фак. МГУ.* — Изд. 2-е. — Москва : Госполитиздат, 1949. — Т. II. Россия в XIX веке. — 871 с.
15. *История СССР. Учебник для исторических факультетов университетов и педагогических институтов / под редакцией М. В. Нечкиной ; Ин-т истории АН СССР и кафедра истории СССР Ист. фак. МГУ.* — Изд. 3-е, испр. и доп. — Москва : Госполитиздат, 1954. — Т. II. Россия в XIX веке. — 848 с.
16. *История СССР. Учебник для исторических факультетов университетов и педагогических институтов / под редакцией Л. В. Черепнина.* — Москва : Госполитиздат, 1956. — Т. 1 : С древнейших времен до 1861 года. Первобытно-общинный и рабовладельческий строй. Период феодализма. — 896 с.
17. *История СССР. Учебник для неист. фак. / под редакцией В. И. Пичета, М. Н. Тихомирова, А. В. Шестакова ; Институт истории АН СССР.* — Москва : ОГИЗ, Госполитиздат, 1941. — Т. 1. — 440 с.
18. *История СССР. Учебник для пед. ин-тов Ч. 1—2 / под редакцией П. И. Кабанова.* — Москва : Упедгиз, 1961—1964. — Ч. 1. / под редакцией П. И. Кабанова, А. И. Козаченко. — Москва : Упедгиз, 1961. — 600 с.
19. *Кабанов П. И.* Курс лекций по истории СССР (1800—1917) / П. И. Кабанов. — Москва : Высшая школа, 1963. — 384 с.
20. *Кункль А. А.* Аракчеевщина / А. А. Кункль. — Москва : Издательство Всесоюзного о-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, 1929. — 64 с.

21. Ленин В. И. Гонители земства и аннибалы либерализма / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Москва : Политиздат., 1967. — Т. 5. — С. 21—72.
22. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. / С. В. Мироненко. — Москва : Наука, 1989. — 240 с.
23. Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия : Политическая история России первой половины XIX столетия / С. В. Мироненко. — Москва : Мысль, 1990. — 235 с.
24. Окунь С. Б. История СССР : лекции / С. Б. Окунь. — Ленинград : ЛГУ, 1974—1978. — Ч. 1 : Конец XVIII — начало XIX века. — 222 с.
25. Окунь С. Б. История СССР : лекции / С. Б. Окунь. — Ленинград : ЛГУ, 1974—1978. — Ч. 2 : 1812—1825. — 231 с.
26. Окунь С. Б. История СССР. 1796—1825. Курс лекций / С. Б. Окунь. — Ленинград : ЛГУ, 1948. — 492 с.
27. Окунь С. Б. История СССР. Годы 1796—1856. Курс лекций / С. Б. Окунь. — Ленинград : ЛГУ, 1939. — Выпуск 1. (1796—1815). — 204 с.
28. Окунь С. Б. К вопросу о сущности русского абсолютизма (втор. пол. XVIII — нач. XIX в.) / С. Б. Окунь // Проблемы отечественной и всеобщей истории. — Ленинград : ЛГУ, 1973. — Выпуск 2. — С. 110—117.
29. Окунь С. Б. Очерки истории СССР. Конец XVIII — первая четверть XIX века / С. Б. Окунь. — Ленинград : Учпедгиз, 1956. — 416 с.
30. Парусов А. И. Административные реформы в России I четверти XIX века в связи с экономической и социально-политической обстановкой : автореферат диссертации ... доктора исторических наук / А. И. Парусов. — Ленинград, 1967. — 60 с.
31. Покровский М. Н. Александр I / М. Н. Покровский // Большая Советская Энциклопедия. — Москва : Советская энциклопедия, 1926. — Изд. 1. — Т. II. — С. 154—155.
32. Покровский М. Н. Александр I / М. Н. Покровский // Энциклопедический словарь братьев Гранат. — Москва : Изд-во братьев Гранат, 1910 — 7-е изд. — Т. 2. — Стлб. 118—134.
33. Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. / А. В. Предтеченский. — Москва, Ленинград : Изд-во АН СССР, 1957. — 456 с.
34. Пресняков А. Е. Российские самодержцы / А. Е. Пресняков ; сост. А. Ф. Смирнов — Москва : Книга, 1990. — С. 145—257.
35. Рожков Н. А. Русская история в сравнительно историческом освещении / Н. А. Рожков. — Ленинград, Москва : Книга, 1923. — Т. 7. — 273 с.
36. Рожков Н. А. Русская история в сравнительно историческом освещении / Н. А. Рожков. — Ленинград, Москва : Книга, 1924. — Т. 10. — 383 с.
37. Тихомиров М. Н. История СССР : учебник для неисторических факультетов взов / М. Н. Тихомиров, С. С. Дмитриев. — Москва : Политиздат, 1948. — Т. 1. С древнейших времен до 1861 года. — 410 с.
38. Фадеев А. В. Дореформенная Россия (1800—1861 гг.). Лекции из курса истории СССР, прочитанные на ист. фак. МГУ / А. В. Фадеев. — Москва : МГУ, 1960. — 184 с.
39. Федоров В. А. Александр I / В. А. Федоров // Вопросы истории. — 1990. — № 1. — С. 50—72.
40. Федосов И. А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма / И. А. Федосов // Вопросы истории. — 1971. — № 7. — С. 62.
41. Шелбуни А. Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX века / А. Н. Шелбуни. — Ленинград : Сеятель, 1925. — 232 с.
42. Шелина Е. А. Проблема «деления» «исторического времени» в современной историографии Франции (Аналитический обзор) / Е. А. Шелина // Периодизация истории и «переходные периоды» в современной зарубежной историографии. — Москва : ИНИОН РАН, 2012. — С. 8—33.

43. Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России / Н. Я. Эйдельман. — Москва : Книга, 1989. — 171 с.

44. *Périodes*. La construction du temps historique / Organisation et édition O. Dumoulin, R. Valéry. — Paris : Histoire au Présent, 1991. — 208 p.

PERIODIZATION OF THE REIGN OF ALEXANDER I IN SOVIET HISTORIOGRAPHY¹

© Alexander V. Chernov (2020), orcid.org/0000-0001-7276-8180, ResearcherID:D-9143-2018, PhD in History, Senior Lecturer, Department of History and Socio-Economic Disciplines, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia), chernov-av@rudn.ru.

© Vladimir V. Blokhin (2020), orcid.org/0000-0002-4901-2534, ResearcherID A-6163-2017, Doctor of History, Head of the Department of History and Socio-Economic Disciplines, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia), blokhin-vv@rudn.ru.

The problem of the periodization of the reign of Emperor Alexander I in the works of Soviet historians is considered. The relevance of the study is due to the fact that even now the question of the periodization of this period causes controversy among scientists. Understanding that any periodization is conditional, which has emerged among modern historians, requires a revision of various approaches to the periodization of history. As part of the study, a review of a wide range of historiographic sources was carried out, which included special studies devoted to the reign of Alexander I, as well as generalizing works and textbooks that characterize this period of Russian history. The novelty of the research is seen in the fact that for the first time in Russian historiography, it is analyzed how researchers solved the issue of the periodization of the Alexander I reign throughout the Soviet period. Various approaches to the periodization of Russian history in the first quarter of the 19th century are revealed. Their development has been traced throughout the entire existence of the Soviet state. Particular attention is paid to the contradictions that take place in the approaches to the periodization of the reign of Alexander I, proposed by Soviet historians.

Key words: periodization; Alexander I; Soviet historiography; arakcheevshchina.

REFERENCES

- Burdzhalov, E. N. (1946). *Istoriya SSSR (Pervaya chetvert' XIX v.)* [History of the USSR (the First quarter of the XIX century)]. Moskva: [b. i]. 192 p. (In Russ.).
- Burdzhalov, E. N. (1941). *Kurs istorii SSSR. Lektsii 30—36. (Stenogramma lektsiy, pročitannykh v VPSH pri TsK VKP(b) v 1940—1941 uchebnom godu)* [The course of history of the USSR. Lectures 30—36. (Transcript of lectures delivered at the higher school of Economics under the Central Committee of the CPSU(b) in the 1940—1941 academic year)]. Moskva: Tipogr. VPSH. 183 p. (In Russ.).
- Druzhinin, N. M. (1946). *Gosudarstvennyye krestyane i reforma P. D. Kiseleva* [State peasants and reform of P. D. Kiselev]. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1 : 635 p. (In Russ.).
- Druzhinin, N. M. (1933). *Dekabrist Nikita Muravev* [Decembrist Nikita Muravyov]. Moskva: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i slylno-poselentsev. 402 p. (In Russ.).
- Druzhinin, N. M. (1964). Prosveshchennyi absolyutizm v Rossii [Enlightened absolutism in Russia]. In: *Absolyutizm v Rossii (XVII—XVIII vv.)* [Absolutism in Russia (XVII—XVIII centuries)]. Moskva: Nauka. 428—459. (In Russ.).
- Eroshkin, N. P. (2006). Krepostnicheskoye samodержavie i yego instituty [Serfdom autocracy and its institutions]. In: *Rossiyskoye samodержavie* [Russian autocracy]. Moskva: RGGU. 43—282. (In Russ.).

¹ The publication was prepared with the support of the RUDN University “5-100” Program.

- Eydelman, N. Ya. (1989). «*Revolutsiya sverkh*» v Rossii [“Revolution from above” in Russia]. Moskva: Kniga. 171 p. (In Russ.).
- Fadeyev, A. V. (1960). *Doreformennaya Rossiya (1800—1861 gg.). Lektsii iz kursa istorii SSSR, pročitannyye na ist. fak. MGU* [Pre-Reform Russia (1800—1861). Lectures from the course of the history of the USSR, read at the ist. fac. Moscow state University]. Moskva: MGU. 184 p. (In Russ.).
- Fedorov, V. A. (1990). Aleksandr I [Alexander I]. *Voprosy istorii* [Question of history], 1: 50—72. (In Russ.).
- Fedosov, I. A. (1971). Sotsialnaya sushchnost' i evolyutsiya rossiyskogo absolyutizma [Social essence and evolution of Russian absolutism]. *Voprosy istorii* [Question of history], 7: 62. (In Russ.).
- Gurevich, A. Ya. (1998). Vstupitelnoye slovo [Introduction]. In: *Odyssey. Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in history]. 251—255. (In Russ.).
- Gurevich, A. Ya., Braginskaya, N. V., Danilevskiy, I. N., Gordon, A. V., Mukhina, E. M. (1998). Iz materialov Kruglogo stola, provedennogo v Institute Vseobshchey Istorii RAN [From the materials of the Round table held at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences]. In: *Odyssey. Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in history]. 251—281. (In Russ.).
- Istoriya SSSR (XIX — nachala KhKh v.): uchebnik* [History of the USSR (XIX-early XX century): Textbook]. (1981). Moskva: Vysshaya shkola. 462 p. (In Russ.).
- Istoriya SSSR s drevneyshikh vremen do 1861 goda: uchebnik dlya studentov ped. in-tov* [History of the USSR from ancient times to 1861: Textbook. for students of pedagogical institutes]. (1989). Moskva: Prosveshcheniye. 559 p. (In Russ.).
- Istoriya SSSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney. V 2-kh seriakh. V 12-ti tt.* [The history of the USSR from ancient times to the present day. In 2 episodes. In 12 tt.], 1 (IV). (1967). Moskva: Nauka. 744 p. (In Russ.).
- Istoriya SSSR. Uchebnik dlya istoricheskikh fakultetov universitetov i pedagogicheskikh institutov* [History of the USSR. Textbook for historical faculties of universities and pedagogical institutes], II. *Rossiya v XIX veke.* (1940). Moskva: Sotsekgiz. 762 p. (In Russ.).
- Istoriya SSSR. Uchebnik dlya istoricheskikh fakultetov universitetov i pedagogicheskikh institutov* [Textbook for historical faculties of universities and pedagogical institutes], II. *Rossiya v XIX veke.* (1949). Moskva: Gospolitizdat. 871 p. (In Russ.).
- Istoriya SSSR. Uchebnik dlya istoricheskikh fakultetov universitetov i pedagogicheskikh institutov* [Textbook for historical faculties of universities and pedagogical institutes], II. *Rossiya v XIX veke.* (1954). Moskva: Gospolitizdat,— T.. Pod redaktsiyey M. V. Nechkinoy. — 848 s. (In Russ.).
- Istoriya SSSR. Uchebnik dlya istoricheskikh fakultetov universitetov i pedagogicheskikh institutov* [History of the USSR. Textbook for historical faculties of universities and pedagogical institutes], I : *S drevneyshikh vremen do 1861 goda. Pervobytno-obshchinnyy i rabovladelcheskiy stroy. Period feodalizma.* (1956). Moskva: Gospolitizdat, 896 p. (In Russ.).
- Istoriya SSSR. Uchebnik dlya neist. fak.* [History of the USSR. Textbook for the furious], 1. (1941). Moskva: OGIZ, Gospolitizdat. 440 p. (In Russ.).
- Istoriya SSSR. Uchebnik dlya ped. in-tov* [History of the USSR. Textbook for PED], 1—2 (1). (1961—1964, 1961). Moskva: Upedgiz; Moskva: Upedgiz. 600 p. (In Russ.).
- Kabanov, P. I. (1963). *Kurs lektsiy po istorii SSSR (1800—1917)* [Course of lectures on the history of the USSR (1800—1917)]. Moskva: Vysshaya shkola. 384 p. (In Russ.).
- Kunkl', A. A. (1929). *Arakcheyevshchina* [Arakcheyev]. Moskva: Izdatelstvo Vsesoyuznogo o-va politkatorzhan i ss.-poselentsev. 64 p. (In Russ.).

- Lenin, V. I. (1967). Goniteli zemstva i annibaly liberalizma [The Persecutors of the Zemstvo and the annibals of liberalism]. In: *Polnoye sobranie sochineniy* [Complete works], 5. Moskva: Politizdat. 21—72. (In Russ.).
- Mironenko, S. V. (1989). *Samoderzhaviye i reformy. Politicheskaya borba v Rossii v nachale XIX v* [Autocracy and reforms. Political struggle in Russia at the beginning of the XIX century]. Moskva: Nauka. 240 p. (In Russ.).
- Mironenko, S. V. (1990). *Stranitsy taynoy istorii samoderzhaviya: Polit. istoriya Rossii pervoy poloviny XIX st* [Pages of the secret history of autocracy: Polit. history of Russia in the first half of the XIX century]. Moskva: Mysl'. 235 p. (In Russ.).
- Okun', S. B. (1974—1978). *Istoriya SSSR: leksii* [History of the USSR: Lectures], 1: *Konets XVIII — nachalo XIX veka*. Leningrad: LGU. 222 p. (In Russ.).
- Okun', S. B. (1812—1825). *Istoriya SSSR: Leksii* [History of the USSR: Lectures], 2. Leningrad: LGU. 231 p. (In Russ.).
- Okun', S. B. (1948). *Istoriya SSSR. 1796—1825: kurs leksiy* [History of the USSR. 1796—1825. Course of lectures]. Leningrad: LGU. 492 p. (In Russ.).
- Okun', S. B. (1939). *Istoriya SSSR. Gody 1796—1856: kurs leksiy* [History of the USSR. The years 1796—1856. Course of lectures], 1. (1796—1815). Leningrad: LGU. 204 p. (In Russ.).
- Okun', S. B. (1973). K voprosu o sushchnosti russkogo absolyutizma (vtoraya polovina XVIII — nachalo XIX v.) [On the question of the essence of Russian absolutism (Deut. XIX century)]. In: *Problemy otechestvennoy i vseobshchey istorii* [Problems of national and universal history], 2. Leningrad: LGU. 110—117. (In Russ.).
- Okun', S. B. (1956). *Ocherki istorii SSSR. Konets XVIII — pervaya chetvert' XIX veka* [Essays on the history of the USSR. Late XVIII — first quarter of the XIX century]. Leningrad: Uchpedgiz. 416 p. (In Russ.).
- Parusov, A. I. (1967). *Administrativnyye reformy v Rossii I chetverti XIX veka v svyazi s ekonomicheskoy i sotsialno-politicheskoy obstanovkoy*. Author's abstract of PhD Diss. [Administrative reforms in Russia of the first quarter of the XIX century in connection with the economic and socio-political situation. Author's abstract of PhD Diss.]. Leningrad. 60 p. (In Russ.).
- Périodes. La construction du temps historique*. (1991). Paris: Histoire au Présent. 208 p. (In Frenc.).
- Pokrovskiy, M. N. (1926). Aleksandr I [Alexander I]. In: *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia], 1 (II). Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. 154—155. (In Russ.).
- Pokrovskiy, M. N. (1910). Aleksandr I [Alexander I]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' brat'ev Granat* [Encyclopedic dictionary of the Granat brothers], 2. Moskva: Izd-vo bratev Granat. Stlb. 118—134. (In Russ.).
- Predtechenskiy, A. V. (1957). *Ocherki obshchestvenno-politicheskoy istorii Rossii v pervoy chetverti XIX v* [Essays on the socio-political history of Russia in the first quarter of the XIX century]. Moskva, Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 456 p. (In Russ.).
- Presnyakov, A. E. (1990). *Rossiyskie samoderzhtsy* [Russian autocrats]. Moskva: Kniga. 145—257. (In Russ.).
- Rozhkov, N. A. (1923). *Russkaya istoriya v sravnitelno istoricheskom osveshchenii* [Russian history in comparative historical coverage], 7. Leningrad, Moskva: Kniga. 273 p. (In Russ.).
- Rozhkov, N. A. (1924). *Russkaya istoriya v sravnitelno istoricheskom osveshchenii* [Russian history in comparative historical coverage], 10. Leningrad, Moskva: Kniga. 383 p. (In Russ.).
- Shebunin, A. N. (1925). *Evropeyskaya kontrevolyutsiya v pervoy polovine XIX veka* [European counterrevolution in the first half of the XIX century]. Leningrad: Seyatel'. 232 p. (In Russ.).

- Shelina, E. A. (2012). Problema «deleniya» «istoricheskogo vremeni» v sovremennoy istoriografii Frantsii (Analiticheskiy obzor) [The Problem of “division” of “historical time” in the modern historiography of France (Analytical review)]. In: *Periodizatsiya istorii i «perekhodnyye periody» v sovremennoy zarubezhnoy istoriografii* [Periodization of history and “transition periods” in modern foreign historiography]. Moskva: INION RAN. 8—33. (In Russ.).
- Tikhomirov, M. N., Dmitriyev, S. S. (1948). *Istoriya SSSR: ucheb. dlya neist. fak. vuzov* [History of the USSR: textbook. for nonist. fac. universities], 1 : *S drevneyshikh vremen do 1861 goda*. Moskva: Politizdat,— 410 p. (In Russ.).
- Voznesenskiy, S. V. (1932). *Razlozheniye krepostnogo khozyaystva i klassovaya borba v Rossii v 1800—1860 gg* [Decomposition of serfdom and class struggle in Russia in 1800—1860]. Moskva: Izd-vo obshchestva politkatorzhan i ssylno-poselentsev. 267 p. (In Russ.).

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
 Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
 Индексируется в WoS <Emerging Sources Citation Index>
 Индексируется в Google Академия
 Индексируется в Index Copernicus ICV 2018 = 100.00
 Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
 Импакт-фактор РИНЦ (пятилетний) 2018 = 0,362
 Десятилетний индекс Хирша 2018 = 18
 Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
 Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
 Включен в Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web
 Размещается на платформах EBSCO, НЭБ-РИНЦ (eLibrary), на сайте журнала и др.
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
 Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
 Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
 Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
 Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК	Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК
10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) 10.01.08 Теория литературы. Текстология 10.01.09 Фольклористика 10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык 10.02.03 Славянские языки 10.02.04 Германские языки 10.02.19 Теория языка 10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода) 07.00.07 Этнография, этнология и антропология 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля. Издаётся с 2012 года.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащённость научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **60** дней. Издательство берет на себя обязательство опубликовать статью не позднее четырех месяцев с момента получения положительной рецензии на статью. Сроки публикации 2—4 месяца.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Шрифт Times New Roman, 14 pt (при использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в электронном виде). Межстрочный интервал — полуторный. Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25.

В начале статьи слева без отступа указывается УДК (для получения обращаться к сотрудникам библиотек).

Ниже (через строку) с выравниванием по левому краю без отступа полужирным шрифтом приводится название статьи.

Далее — сведения об авторе / авторах (шрифт — 11 pt) по образцу:

© **Иванова Анна Ивановна** (2020), orcid.org/0000-0001-3815-8615, доктор филологических наук, доцент кафедры славистики филологического факультета, Белградский государственный университет (Белград, Сербия), ivanova@mail.ru.

Аннотация – шрифт 12 pt (не менее 150 слов), выравнивание «по ширине», абзацный отступ 1,25 (с использованием клише: *Рассматривается вопрос... Уделяется внимание... Представлены результаты сопоставительного анализа... Поднимается вопрос о... Особое внимание уделяется... Новизна исследования видится в том, что... Актуальность исследования обусловлена... Приводятся определения... Автор останавливается на... Доказано, что... Предлагается классификация... Выполнен обзор... Представлена авторская разработка... Описан опыт многолетней работы автора ... и под.*)

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–9 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Основной текст – выравнивание «по ширине», абзацный отступ автоматический — 1,25. Структурирование статьи подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001b]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Список литературы приводится после текста статьи, составляется по алфавиту, нумеруется, предваряется словом «Литература», выполняется шрифтом 12 pt. Сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке (кириллица), затем, также по алфавиту, работ на иностранных языках (латиница). Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 15 позиций, в том числе желательно, если позволяет область исследования, представлять библиографические описания зарубежных публикаций по данной теме. Если статья написана с использованием лексикографических источников (словарей), архивных материалов, картотек, то они подаются отдельным списком перед списком литературы под заголовком «Источники и принятые сокращения».

Библиографические описания выполняются по ГОСТ Р 7.0.9-2009 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическое обеспечение издательских и книготорговых процессов. Общие требования» (<http://www.gosthelp.ru/gost/gost48640.html>). Фамилия автора книги или (при его отсутствии) первое слово названия книги выделяется курсивом. При наличии у книги

двух или трех авторов первым элементом библиографической записи указывают только имя первого автора. Имена всех авторов приводят за косой линией. Если авторов четыре и более, описание книги начинают с заголовка, а за косой линией приводят имя первого автора с пометкой «[и др.]». Необходимо указывать издательство, в котором выпущена книга. Обязательно указывается общее количество страниц в книге либо диапазон страниц, на которых размещена, например, статья в журнале.

ПРИМЕРЫ:

Источники и принятые сокращения

1. Женщина — председатель колхоза // За Родину : газета. — 1946. — № 10. — С. 1.
2. КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).
3. Николаев А. Председатель во хмелю / А. Николаев // Сталинский призыв : газета. — 1953. — № 126 (990). — С. 4.
4. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967—2008. — Вып. 1—20.
5. СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.
6. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.
7. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. (Обком КПСС). Оп.53. Д.187. Лл. 2, 6.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва : Искусство, 1986. — 329 с.
2. Вьюговская Е. Схемы выдвижения в стандартизированном интервью / Е. Вьюговская, А. Ипатова, Д. Рогозин // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2012. — № 4. — С. 40—45.
3. Карасик В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 5—19.
4. Матвеева А. С. Служебное деловое письмо : теория, история, трансформация в условиях информатизации общества : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук : 05.25.02 / А. С. Матвеева. — Краснодар, 2012. — 22 с.
5. Мунье Э. Персонализм : краткое введение к вопросу [Электронный ресурс] / Э. Мунье. — Режим доступа : http://anthropology.rchgi.spb.ru/munie/munie_s1.html.
6. Некоторые перспективы исследования смысловых образований личности / А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Б. В. Зейгарник, В. А. Петровский, Е. В. Субботский, А. У. Хараш, Л. С. Цветкова // Вопросы психологии. — 1979. — № 4. — С. 118—127.

7. Собкин В. С. Психологический анализ уровней литературного развития старшеклассников : диссертация .... кандидата психологических наук / В. С. Собкин. — Москва, 1982. — 169 с.
8. Garibaldi L. Mussolini e il Professore : Vita e diari di Carlo Alberto Biggini / L. Garibaldi (ed.). — Milano : Mursia, 1983. — 362 p.
9. Giglio C. Dodecaneso / C. Giglio // Oriente moderno. — 1929. — № 8. — P. 347.
10. Rosselli A. Come l'Italia conquista il Dodecanneso [Electronic resource] / A. Rosselli. — Access mode : <http://www.anpi.it/militari/rodi.html>.

Англоязычные сведения о статье и ее авторах готовятся редакцией после принятия статьи к публикации (авторские переводы не принимаются) и размещаются в конце статьи.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. **(343)3458984, 89120458984**.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

Contents

LINGUISTICS

<i>Andreeva V. A., Kopchuk L. B.</i> Scientific Communication 2.0: Features of Presenting Scientific Content on German Popular Science YouTube Channels.....	9
<i>Afanasyeva N. A., Afanasyeva L. P.</i> Formation of the Cultural Code of a Generation: Keywords of Poetic Texts in Elementary School (Russian Empire — USSR)	26
<i>Ivanova E. E., Lan Ling.</i> Verbalization of Bacchic Actions in the Artistic World of Fyodor Abramov	39
Hodonymy of Chengdu and Yekaterinburg: a Comparative Aspect.....	54
<i>Lartseva E. V., Gafurova Yu. R.</i> Translation of Complex Occasionalisms in Modern English Novels.....	74
<i>Latu M. N.</i> Frequently Represented Sense Components in Memes and Demotivators Dedicated to Lockdown	85
<i>Murzina O. V.</i> Implication Techniques for Constructing Texts of Modern Youth Media through the Prism of Rhetorical Tradition	99
<i>Terskikh M. V.</i> Packaging Information as a Polycode Advertising Text: Impact Tools	111

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

<i>Borunov A. B.</i> Cross-Cutting Images as Cyclo-Forming Foundations of the “Fandorin Corps”: Concept of a Ruler.....	123
<i>Ivanyan E. P., Ayrayan Z. G. G.</i> Alishan’s poem “Hrazdan”: Polyvariety of Meanings, Interpretations, Translations.....	133
<i>Kudryashov I. V., Pyatkin S. N.</i> Why Did the Canary Die? (Sergei Yesenin about Nikolai Klyuev)	151
<i>Lebedeva V. Yu.</i> Phenomenon of Suicide in Russian Stories by V. Nabokov	163
<i>Markova E. A.</i> Creative Works of S. Beckett in the Context of “Notes from the Underground” by F. M. Dostoevsky	174
<i>Merkel E. V., Tulusheva E. S.</i> Character Taxonomy in Dina Rubina’s Trilogies of the 2000s— 2010s	185
<i>Safron E. A.</i> The Legacy of German Romanticism in Russian Urban Fantasy	196

HISTORICAL SCIENCES

<i>Aktanov I. G., Banzarakzaev B. Z., Dagbaeva N. Zh.</i> Implementation of the Principles of Sustainable Development in the Baikal Region: Historical, Cultural and Educational Aspects ...	209
<i>Valitov A. A., Fedotova D. Yu.</i> Political Events of February 1917 in the Diocesan Periodicals of Western Siberia	227

<i>Kantimirova R. I., Pavlova O. S.</i> Activities of the Ufa Local Branch of the Russian Red Cross Society during the First World War	239
<i>Kondratiev S. V.</i> Entry of the Russian Embassy to Isfahan and Diplomatic Receptions in the Safavid State (according to the Memoirs of John Bell)	252
<i>Levin Ya. A.</i> Proclamation of the PRC: Reaction of the American Press	262
<i>Metel O. V.</i> Evolution of “Academic Sector” of Soviet Historical Science in 1920s—1960s.....	271
<i>Popov I. D.</i> Conferences of Minister Presidents of the German States in 1945—1947 as a Prerequisite for the Formation of the Federal Republic of Germany	290
<i>Skipina I V., Dubnitskaya E. I.</i> Correspondence of Front-Line Soldiers with Tyumen Residents as a Source on the History of Everyday Life during the Great Patriotic War (1941—1945)	308
<i>Sorokin A. A.</i> Reform of the Zemstvo Representation: Development and Adjustment of P. A. Stolypin Project in 1906—1907	322
<i>Tropov I. A., Fedkin A. V., Konkin A. A.</i> Women Workers of St. Petersburg in the Late 19 th — early 20 th Centuries.....	335
<i>Tychinskikh Z. A.</i> Institute of Tatar Heads in Western Siberia in the 17 th —19th Centuries: Formation and Evolution	349
<i>Chemakin A. A.</i> P. B. Struve’s Activities as Minister of Foreign Affairs of the Government of the South of Russia (1920)	362
<i>Chernov A. V., Blokhin V. V.</i> Periodization of the Reign of Alexander I in Soviet Historiography	378
TO AUTHORS.....	394
CONTENTS.....	399

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»
Подписано в печать 23.12.2020. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 23,44. Тираж 500 экз. Заказ 23/12-1.
Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2020
Свободная цена